Владимир Тарасов

История одного семейства за последние 200 лет

Семейный архив

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ

письма, дневники, воспоминания, документы, фотографии

Владимир Тарасов

ИСТОРИЯ ОДНОГО СЕМЕЙСТВА ЗА ПОСЛЕДНИЕ 200 ЛЕТ

ОПЫТ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ РАЗЫСКАНИЙ

2-е издание, переработанное и дополненное

Ульяновск
«Издатель Владимир Тарасов»
2023

УДК 929.52
ББК 63.2
Т19

Тарасов, Владимир Иванович.

Т19 История одного семейства за последние 200 лет : опыт генеалогических разысканий / В. И. Тарасов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Ульяновск : Издатель Владимир Тарасов, 2023. — 488 с. : ил.

ISBN 978-5-600-03345-0

В книге изложена 200-летняя история одного российского семейства, носящего в настоящее время фамилию Тарасовы. Работа написана по материалам семейных архивов и по результатам многолетнего поиска автором сведений о своих предках в российских и зарубежных архивах. Повествование включает 10 биографических очерков — историю 5 семей в 7 поколениях, охватывающих период с начала XIX по начало XXI века.

Для историков, архивистов, культурологов, краеведов и широкого круга читателей, интересующихся генеалогией.

Первое издание вышло в 2005 году.

УДК 929.52
ББК 63.2

ISBN 978-5-600-03345-0

© Тарасов В. И., 2023

Выражаю огромную благодарность
Владимиру Фёдоровичу Шевченко
за помощь в создании книги

Светлой памяти
Ивана Фёдоровича Кривойкина

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Всё началось с любопытства. «Библия» и «Жизнеописания» Плутарха, прочитанные мною в 1989 году, во время службы в Кременчуге, послужили толчком к размышлениям. Видимо, дожив до определённого возраста, люди начинают задумываться о своём происхождении. Вот и я к тридцати пяти годам ощутил потребность заглянуть в семейную историю поглубже, хотя с детства кое-что знал о своих предках. По рассказам бабушки, её дед — Леопольд Фрейбург — был немцем, да ещё и царским генералом. Вот я и подумал, что должны о нём сохраниться сведения в военных архивах. И действительно, работники Российского государственного военно-исторического архива сообщили, что в фондах находится послужной список Леопольда Густавовича Фрейбурга, только по списку он не генерал, а статский советник. Так в 1993 году начался наш генеалогический поиск.

Очень быстро пришло понимание того, что надо искать всех прямых предков подряд, вне зависимости от их социального происхождения. И в первую очередь надо работать не в архивах, они никуда не уйдут, а быстрее ехать и записывать воспоминания стариков, ибо без них не узнаешь, кто откуда родом и чем занимался, а без этих знаний в дальнейшем будет непонятно кого в каком архиве искать.

А поиск всё расширялся, охватывая десятки людей и множество архивов, временами казалось, что ему не будет конца. Но через 7 лет все направления были отработаны. К этому времени была обработана и большая часть семейного архива, включающая дневники и письма. Возник вопрос, как оформить полученный материал. Решено было перевести его в электронный вид и создать внутрисемейный альбом. Для этого был освоен компьютер с программой вёрстки. Работа постепенно приобрела законченность книги. Затем появилось желание эту книгу издать, включив в неё материал о процессе генеалогического поиска, так как он сам по себе оказался довольно интересен.

При написании текста я придерживался принципа использовать только достоверные факты. Все семейные предания тщательно перепроверялись, ибо быстро выяснилось, что сквозь столетия почти все они передаются в искажённом виде, порой с точностью до наоборот. Цитируемые документы выделены серым фоном. Наличие большого количества старых писем и дневников даёт нам возможность узнавать о жизни предыдущих поколений непосредственно из первоисточников. В них по возможности сохранена орфография оригинала.

***

Многолетняя работа завершена. Она посвящается светлой памяти деда — Ивана Фёдоровича Кривойкина и адресована дочерям Ольге и Наталье, чтобы они знали историю своих предков и могли бы по ней выстраивать свою жизнь. Может быть, потом, когда они вырастут, и появятся уже их дети, они ощутят потребность продолжить это повествование, написав что-то и про нас.

Как известно, без прошлого нет будущего. Это прошлое мы и попытались разыскать, записать и оставить нашему будущему. Таким образом, получилась 200-летняя история одного семейства, носящего сейчас фамилию Тарасовы.

ТАРАСОВЫ

Происходят из села Верхняя Якушка (прежнее название села — Авралей) Новомалыклинского района Ульяновской области.

К середине XVIII века село Верхняя Якушка уже существовало и было населено калмыками. Примерно в 1780 году по Высочайшему повелению для обучения кочевых племён земледелию село стало заполняться русскими. Сплошные леса, подступающие к поселению, стали вырубаться под пашню.

По статистическим сведениям на 1858 год Верхнее Якушкино Ставропольского уезда (Ставрополь на Волге — нынешний г. Тольятти) Самарской губернии значится как «село Калмыцкая Сахча при реке Большой Авраль». От уездного города 80 вёрст, число дворов 156, число жителей 1250. Имеется православная церковь и сельское училище. На 1889 год в Верхней Якушке значится 299 дворов и 1922 человека. Имеется церковь и ветряная мельница. Все жители села были удельными крестьянами, великороссами и чувашами по национальности.

По данным местных краеведов, чуваши пришли в В. Якушку на поселение раньше русских. Калмыки, основавшие село, до прихода сюда чуваш и русских жили по обоим берегам реки Авраль, но с приходом других народов ушли на левый берег и начали враждовать с пришлыми поселенцами.

Так возникла дурная традиция в дни праздничных попоек делать поджоги домов, сквернословить, резать и убивать. Когда калмыки ушли из В. Якушки, никто не помнит, но название «Калмыцкая Сахча» сохраняется в народе за этим населённым пунктом и по сей день.

Заметки о ходе поиска. Все ревизские сказки на крестьян с. Авралей находятся в Самарском государственном архиве, так как село из Симбирской, вошло в состав вновь сформированной в 1855 году Самарской губернии. В этот архив для работы мне пришлось выезжать два раза. В материалах 8 и 9 переписей села, проведённых в 1834 и 1854 годах, фамилий наших предков — Тарасовых, Якуновых, Флегонтовых, ещё нет. Как нет их и в переписях ближайших сёл. Метрические же книги до 1875 года сгорели, поэтому сказать определённо, что все они были коренными жителями В. Якушки, мы не можем. Скорее всего, они были крепостными крестьянами и появились в этом селе после реформы 1861 года. Возможно, переселение связано с поисками более богатых земель. Место их первоначального проживания неизвестно. А вот метрические книги с. Авралей с 1875 по 1911 годы сохранились и находятся в Ульяновском областном архиве. Уже в 1875 году все наши фамилии встречаются в этих книгах довольно часто. К началу XX века все потомки этих 3-х фамилий — крестьяне-бедняки.

Надо отметить, что метрические книги велись в 3-х частях и включали в себя следующие данные: о родившихся — у кого родился, когда, дата крещения и кто восприемники; о бракосочетающихся — кто венчан, день венчания, кто поручители; об умерших — кто умер, когда, от какой болезни, где погребён. Очень важно для достоверности поиска было найти в книгах сведения о рождении или браке того предка, которого мы знали. Тогда, например, узнав в части о бракосочетающихся возраст супругов и девичью фамилию невесты, можно узнать в части о родившихся сведения о родителях жениха и невесты. Далее можно найти запись о браке этих родителей, затем их рождение и так до тех пор, пока это позволяют делать метрические книги. А потом, узнав фамилии, имена и отчества всех предков, просматривается часть об умерших, в которой можно узнать возраст предка. Причём, внимательное изучение метрических записей заставило сделать ряд выводов:

— проживавшие в с. Авралей русские и чуваши никогда не вступали в перекрёстные браки, про инородцев в метрической записи обязательно отмечалось, что крестьянин такой-то — «из чуваш»;

— каждый словесный оборот метрической записи нёс определённый смысл. Если человек венчался в первый раз, то он писался по родителям. Если отца не было, то писался по матери, если её тоже не было, то писался — «после умершего крестьянина такого-то сын». Если венчание происходило во второй раз, то человек выступал уже от своего имени;

— причина смерти тоже писалась просто: «от оспы», «поносом», и весьма часто встречающаяся формулировка мужской смерти — «опился».

ГРИГОРИЙ БОРИСОВИЧ ТАРАСОВ

Крестьянин, родился в 1819 году. Имя жены установить не удалось. Имел сына Ефрема Григорьевича. Умер от старости в с. Авралей 18 мая 1896 года в возрасте 76 лет.

ЕФРЕМ ГРИГОРЬЕВИЧ ТАРАСОВ и жена его ЕВДОКИЯ ИВАНОВНА

Место и время рождения обоих неизвестно. Крестьяне села Авралей. У них дети: Александр — 1876 года рождения, наш предок; Павел — 1882 года рождения, умер в 1883 году от оспы; Мария — 1883 года рождения; Василий — 1884 года рождения, умер в 1884 году от оспы; Семён — 1885 года рождения; Феодосия — 1888 года рождения. Умерли Ефрем Григорьевич и Евдокия Ивановна после 1911 года.

АЛЕКСАНДР ЕФРЕМОВИЧ ТАРАСОВ

Родился в 1876 году у Ефрема Григорьевича и Евдокии Ивановны Тарасовых. Точное место рождения установить не удалось. Согласно записи в метрической книге, 13 января 1895 года состоялось венчание: «села Авралей у крестьянина Ефрема Григорьевича Борисова (дьячок ошибочно записал Тарасова на фамилию Борисов) сына Александра, православного, 1 браком, 19 лет и невесты — после умершего крестьянина Дмитрия Тихоновича Баданова дочери Дарьи, девицы, православной, 20 лет». 22 декабря 1897 года у них рождается сын Фёдор, который 29 декабря 1898 года умирает «от слабости». Затем, по-видимому, умирает и сама Дарья. В метрических книгах с. Авралей и книгах всех ближайших сёл записей о её смерти нет, об этом можно только догадаться, так как иначе церковь не дала бы разрешения Александру на вступление во второй брак. Он снова женится 2 июня 1899 года

и опять на круглой сироте, «после умершего 5 апреля 1897 года крестьянина Степана Флегонтова дочери Ефимии, православной, 1 браком, 19 лет». Всю жизнь Александр Ефремович прожил с семьёй в В. Якушке, занимался крестьянским трудом, был бедняком и умер перед Великой Отечественной войной.

Заметки о ходе поиска. Очень долго не удавалось обнаружить его первый брак. Раз пять приходилось приходить в архив, пока не додумался поискать его не по фамилии, а по имени. И тогда обнаружилась запись о браке Александра Григорьевича Борисова с Дарьей Бадановой. Стало понятно, что дьячок ошибочно записал Тарасова на фамилию «Борисов». Что это действительно описка подтверждает следующая история.

В 1895 году в селе Авралей родился Василий Михайлович Баданов, впоследствии крупный советский военачальник, генерал-лейтенант танковых войск, во время Великой Отечественной войны, до 1944 года, командовавший 4 танковой армией. В семье всегда считалось, что мы с ним являемся родственниками, но степени родства никто не знал. И вот только сейчас выяснилось, что первая жена Александра Ефремовича была из рода Бадановых.

СТЕПАН ФИЛИМОНОВИЧ ФЛЕГОНТОВ и жена его ТАТЬЯНА ФЁДОРОВНА

Родители Ефимии Степановны, второй жены Александра Ефремовича Тарасова. Крестьянин Степан Филимонович Флегонтов родился в 1845 году. Умер в селе Авралей 5 апреля 1897 года от разрыва сердца в возрасте 52 лет.

О погребении по христианскому обряду имеется предписание от 7 апреля 1897 года за № 600 пристава 2-го стана на Ставропольском уезде Самарской губернии. По-видимому, подозревали самоубийство, но полиция выдала заключение, что смерть произошла естественным путём — от разрыва сердца, и можно хоронить по христианскому обряду. Ведь самоубийц хоронили не на кладбище, а за его оградой, и церковь их не отпевала. Степан, наверное, сильно убивался по умершей год назад жене.

Татьяна Фёдоровна родилась в 1848 году, а умерла в с. Авралей 7 марта 1896 года от водянки в возрасте 48 лет.

ЕФИМИЯ СТЕПАНОВНА ФЛЕГОНТОВА (ТАРАСОВА)

Родилась 15 июля 1879 года в с. Авралей у крестьянина Степана Филимоновича Флегонтова и его жены Татьяны Фёдоровны. В 18 лет остаётся круглой сиротой. В 19 лет выходит замуж за Александра Ефремовича Тарасова. У них дети:

Пётр — родился 28 июня, умер «от поноса» 15 июля 1900 года;

Николай — родился в 1909 году, погиб на фронте в 1943 году, наш предок;

Василий — когда родился неизвестно, погиб пьяный под колёсами пассажирского поезда Москва — Уфа в 1944 году в г. Мелекессе, у него осталось двое детей.

О жизни Ефимии почти ничего не известно. Её внук Иван вспоминал, что бабушка перед Великой Отечественной войной собрала много копеечных монет, сдала их и была за это премирована велосипедом. К концу жизни была очень верующая. Умерла сразу после войны, когда точно — неизвестно.

Заметки о ходе поиска. Два раза мне приходилось выезжать в село В. Якушка с целью разыскать хоть одного человека, кто мог бы помнить о ней. Но старожилы помнили людей, живших в селе значительно раньше Ефимии, а её — нет. У одной старушки промелькнула мысль: не та ли это Ефимия, которая передвигалась

по деревне исключительно с чекушкой водки за пазухой, но полной уверенности в этом у неё не было. Внуки «Офимии» — так её все звали — Иван и Владимир, которым в конце войны было 14 и 6 лет соответственно, вспомнили только, что она была на похоронах своего сына Василия в 1944 году в г. Мелекессе.

В Ульяновском областном архиве ЗАГС, где дублируется вся информация из районных архивов, были просмотрены все записи о смертях с 1930 по 1949 год, но имён Ефимии Степановны и Александра Ефремовича здесь найти не удалось. В похозяйственных книгах В. Якушкинского сельсовета, где вёлся учёт крестьянских дворов для взимания местного налога, на них сведений нет. Колхозные же документы того времени вообще не сохранились.

К концу жизни она осталась совершенно одна, погибли сыновья, с невестками и внуками контакта не было, по-видимому, хоронили её соседи, которые могли и не знать её точного имени. Может быть, поэтому мы не смогли найти в архивах запись о её смерти.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТАРАСОВ

Родился 25 апреля 1909 года в селе Верхняя Якушка Новомалыклинского района Самарской губернии, ныне Ульяновской области, у Александра Ефремовича и Ефимии Степановны Тарасовых. Образования не имел. Женился в 1929 году в Верхней Якушке на Евдокии Васильевне Якуновой, у них было трое детей, в том числе и Иван, наш предок.

В начале 30-х годов по какой-то причине Николай повздорил с братом Василием и перебрался жить к родственникам жены в том же селе, а затем переехал с женой и детьми в Мелекесс. Сначала они жили на квартире, а потом взяли из В. Якушки часть дома своих родителей, раскатали его по брёвнам, перевезли в Мелекесс и собрали его на улице Уральской, где он стоит до настоящего времени.

Когда ломали дом, то ломали и печь, в которой обнаружили спрятанные бумажные деньги — «керенки», свёрнутые в рулон. Их отдали ребятам, и они носились с развёрнутыми рулонами денег по селу.

Николай 10 июня 1935 года устроился работать на Мелекесский льнокомбинат золовозом и до войны вывозил золу из котельной. Заработок за предвоенный год:

06.1940 - 419,61 руб.	10.1940 - 510,65 руб.	02.1941 - 454,58 руб.
07.1940 - 154,36 руб.	11.1940 - 444,65 руб.	03.1941 - 501,65 руб.
08.1940 - 611,97 руб.	12.1940 - 590,16 руб.	04.1941 - 254,00 руб.
09.1940 - 099,29 руб.	01.1941 - 518,46 руб.	05.1941 - 171,65 руб.

25 июня 1941 года Мелекесским райвоенкоматом призван в Красную Армию по мобилизации. Попадает служить в 52 стрелковый полк 37 стрелковой дивизии на Карельский фронт. 7 ноября 1941 года 52 стрелковый полк вёл боевые действия в районе лесопункта Падун, в 9,5 километрах северо-западнее г. Медвежьегорска, прикрывал шоссе из города на запад от наступавших финнов. В 11 часов дня стрелок рядовой Тарасов Н. А. получил сквозное пулевое ранение мягких тканей левого бедра. Сидя в окопе, такое ранение не получишь. Можно предположить, что праздник 24-ой годовщины Октябрьской революции командование решило отметить нашим наступлением. Эвакуирован с поля боя в полковой медицинский пункт, 9 ноября переправлен в эвакогоспиталь № 1440 в г. Медвежьегорск, 29 ноября перевезён в 1601 госпиталь в г. Архангельск. Рентген показал, что финская пуля кость не задела, раненый жалуется на общую слабость. В Архангельском госпита-

Евдокия Васильевна Якунова (Тарасова) и Николай Александрович Тарасов с детьми Клавдией и Иваном. г. Мелекесс, 1939 год

ле он провёл 68 дней, выписан в батальон выздоравливающих. Рана зарубцевалась в большой мышечный рубец. Возвращается в свою 37 стрелковую дивизию на Карельский перешеек, но в новый, 20 стрелковый полк.

В 1943 году, после победы советских войск под Сталинградом, финны активные действия на Карельском перешейке не ведут. Это дало возможность советскому командованию снимать оттуда части и перебрасывать их на более важные участки. В конце марта 37 стрелковая дивизия в спешном порядке перебрасывается под Старую Руссу. По донесениям начальника штаба 20 стрелкового полка, 31 марта

полк выгружается на железнодорожной станции и 1 и 2 апреля выдвигается в район сосредоточения, где занимает оборонительные позиции. Солдаты делают шалаши, чинят обмундирование. Воздействия авиации противника нет. Артиллерия и все средства усиления полка застряли на марше из-за распутицы на дорогах.

3 апреля 2-й и 3-й батальоны полка передаются находящемуся справа соседнему полку для участия в наступательном бою на узел сопротивления немцев в совхозе Пенно. Бой длится 2 дня — 3 и 4 апреля, связь батальонов со штабом своего полка отсутствует. Как организовал разведку боевых порядков противника соседний полк, какими средствами огневой поддержки он обладал, сейчас можно только догадываться. Но, по-видимому, бой был организован не на должном уровне. Никаких оперативно-стратегических наступательных действий Командованием в этом районе не проводилось. Типичный «бой местного значения». По донесениям, батальоны были встречены шквальным артиллерийско-пулеметным огнём противника из ДЗОТов и огневых точек, понесли большие потери, остановились и закрепились на достигнутом рубеже, вперёд продвинулись всего на 400 метров.

В начале боя, 3 апреля, ефрейтор Тарасов Н. А., связной 3 стрелкового батальона 20 стрелкового полка, беспартийный, 33-х лет, был убит. Ранение в голову, взрывом снесло половину черепа. Можно предположить, что он бежал на самый важный участок, как раз туда, где больше всего и стреляли, передавать распоряжение комбата. Какой силы огонь обрушил на них противник, видно из написанного после боя донесения. Командир 3 батальона пишет, что всех своих убитых захоронил, за исключением 12 человек, от которых ничего не осталось в результате прямых попаданий снарядов. Всего за бой оба батальона потеряли 18 офицеров и 147 солдат убитыми, 189 человек ранеными (ЦАМО ф.1126, оп.1, д. 45, л. 171; ф.1126, оп 1, д. 24, л. 22; ф.1622, оп.1, д. 50, л. 3; оп. 20793с, д. 4, л. 30).

Ожесточённый характер боёв в течение 1941–1944 годов в районе Старой Руссы и наши большие потери связаны, главным образом, с большим превосходством противника в артиллерии и, особенно, в авиации. Последняя не давала нашим бойцам головы оторвать от земли. Также катастрофически не хватало боеприпасов и продовольствия. Порой солдаты получали по 200–300 и даже 100 граммов хлеба, да и то не каждый день. Артиллеристам разрешалось расходовать в день только 5 снарядов на орудие. И это в то время, когда гитлеровцы превратили город в укреплённый район с круговой обороной. Главная позиция немецкой обороны проходила в 2–3 километрах восточнее города и представляла собой сильно разветвлённую систему траншей и ходов сообщения, часто насыпных и перекрытых брёвнами, основу которых составляли сооружения долговременного типа (железобетонные колпаки и др.). Количество рядов проволочного заграждения перед передним краем и в глубине обороны доходило до 7–11. Была весьма высока и плотность минирования. Ровная открытая местность восточнее города позволяла врагу просматривать боевые порядки наших войск на большую глубину и поражать их плотным огнём артиллерии, миномётов, пулемётов. В систему обороны города входили также опорные пункты и узлы сопротивления в Бряшной Горе, Медникове, Липовцах, а также в районе Пенно. В феврале 1944 года, после нанесения нашими войсками мощных ударов по врагу из районов Ленинграда и Новгорода и с развитием наступления в направлении Нарвы и Пскова, гитлеровские войска, опасаясь окружения, сами вынуждены были отступить на запад из г. Старая Русса.

Похоронен Николай Александрович в братской могиле 3 батальона, в 2,5 километрах восточнее совхоза Пенно Старорусского района Новгородской области. После войны все такие могилы были перезахоронены на Марфинском военном

Николай Александрович Тарасов (слева), перед отправкой на Карельский фронт. г. Мелекесс, лето 1941 года

кладбище. Оно расположено в 10 километрах от города Старая Русса по правую сторону шоссе Старая Русса — Холм. Буквально напротив него, по левую сторону, в полукилометре от шоссе расположена деревня Пенно. Она существует и сегодня. Извещение о смерти, «похоронка», вручена 4 июня 1943 года жене, Евдокии Васильевне Тарасовой, по адресу: Ульяновская область, г. Мелекесс, ул. Уральская, дом 34. Память Николая была увековечена в феврале 1995 года. На мраморной доске, находящейся на Марфинском кладбище, выбито:

Тарасов Н. А.
25.04.1909–3.04.1943

Занесён в «Книгу Памяти» по г. Димитровграду Ульяновской области. Эту книгу можно найти в любой крупной библиотеке или в любом военном комиссариате Ульяновской области.

По воспоминаниям знавших его людей, Николай Александрович был непьющим, некурящим и физически очень сильным. Любил коней. На побывку с фронта не приезжал. Согласно справке собеса г. Мелекесса, среднемесячный заработок его за предвоенный год составил почти 400 рублей. И если учесть, что семья перед войной содержала ещё 2 дойные коровы и 6 овец, то можно смело сказать, что семья была среднего достатка, а Николая можно назвать рачительным хозяином.

Был он довольно деятельным человеком. Ездил в Ульяновск на «полуторке», машине своего родственника, на рыбный базар, который располагался в то время выше старого Волжского моста. Покупал обычно визигу, кусок осетрины, воблу. На обратном пути в с. Чердаклы останавливался и покупал мешок семян подсолнечника, так как очень любил семечки. Зимой плёл сети, летом ходил или ездил на рыбалку. После его ухода на фронт осталось множество рыболовных снастей. Сам обеспечивал семью дровами для топки печей. Для этого была огромная тележ-

ка и набор колунов и рычагов. Лес располагался в двух шагах. Там Николай выкорчёвывал пеньки и корни, на тележке привозил их домой, где раскалывал на части.

Из еды любил щи из самой старой говядины с жёлтым жиром, сваренные в русской печи. Свинину не любил и свиней никогда не держал. В церковно-приходской школе не учился, но перед войной пытался учиться читать по библиотечной книге Л. Н. Толстого «Хаджи Мурат» с крупным шрифтом. После его ухода на фронт этот «фолиант» его сын Иван отвозил зимой на санках сдавать в библиотеку.

На их участке у дома росло несколько дубов. Когда их в конце 30-х годов начали выкорчёвывать, то под одним корнем нашли церковный клад. Рядом находилась когда-то действующая церковь и, по-видимому, церковнослужители спрятали свою утварь от советской власти. Клад сдали и на причитающиеся деньги купили одежду.

Николая за смуглую кожу называли «Грачом».

Заметки о ходе поиска. До начала поиска нам было известно, что Николай Александрович в 1941 году был ранен в голову и лежал на излечении в Архангельском госпитале, и что он убит под г. Старая Русса в 1943 году. Больше ничего не знали, не знали даже где его могила.

Начали поиски с Димитровградского горвоенкомата, где ознакомились почти со всеми основными сведениями о месте его гибели. Затем написали запрос в Архив военно-медицинских документов г. Петербурга, где хранятся истории болезни на всех раненых и умерших от ран военнослужащих, начиная с царских времён и до настоящего времени. Ответ, как водится, полгода не приходил, и вот, в наш очередной приезд в Петербург, пришлось идти в архив договариваться об ускорении работы. Переговорили с начальником, он вызвал сотрудницу и спросил: «Какие нейрохирургические госпитали были в Архангельске в 1942 году? Вот боец был ранен в голову, и осталась одна маленькая фотография, где на обратной стороне написано, что снято в Архангельске, в госпитале». Та ответила: «Там было три таких госпиталя. Приходите завтра, я посмотрю». На следующий день выяснилось, что ранение у Тарасова Николая было не в голову, а в ногу, и что историю болезни можно посмотреть. В ней на первой странице была подшита окровавленная бумажка с контуром человека и перечёркнутой ногой, видно её выдал санинструктор, перевязывавший раненого на поле боя. Там же мы узнали о месте и времени ранения, как проходило лечение, куда выписан по выздоровлении.

Затем через Старо-Русский военкомат выяснили, что о гибели Тарасова Н. А. у них никаких сведений нет, следовательно, и память его не увековечена. Отправили туда соответствующие документы, и работники 123 авиационного ремонтного завода, шефствующие над воинским захоронением у деревни Марфино, выбили в 1995 году фамилию Тарасова на мраморной плите и прислали нам фотографию братской могилы.

Потом мы связались с Советом ветеранов 37 стрелковой дивизии в г. Москве, но там не нашлось ни одного человека из состава 20 стрелкового полка, кто бы поддерживал переписку с Советом и приезжал бы на встречи. Поэтому разыскать непосредственных участников того боя под Старой Руссой не удалось. Оставался один путь для получения информации — Центральный архив Министерства обороны в г. Подольске. На запрос они ответили, но кратко, а хотелось бы побольше деталей, и пришлось ехать в Подольск самому.

Как это ни странно, но журнал ведения боевых действий 37 дивизии за апрель 1943 года отсутствовал. Зато, на счастье, сохранился блокнот с написанными карандашом донесениями начальника штаба 20 стрелкового полка. Оттуда мы узнали, что дивизию перебрасывали с Карельского перешейка под Старую Руссу в таком

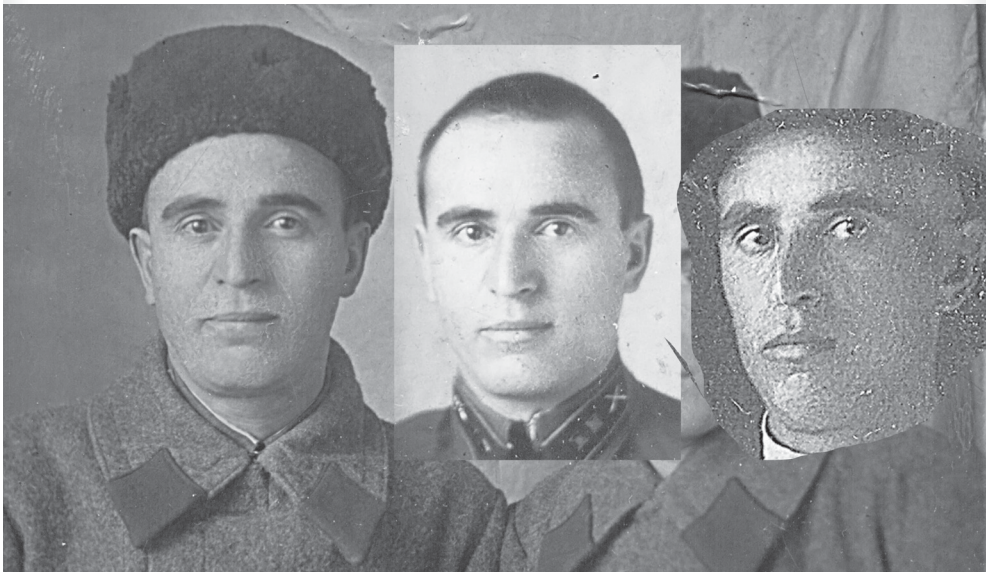
спешном порядке, что не стали забирать 300 бойцов, рубивших дрова в лесу. Этих счастливцев просто исключили из списков воинской части. Двое суток по колено в грязи солдаты шли от станции выгрузки в район сосредоточения. Им не дали даже суток передохнуть, и сразу бросили в бой два батальона, в одном из которых и был Николай. Причём, бросили людей на подготовленную оборону противника и совершенно без всяких средств усиления, даже без своей полковой артиллерии, которая застряла в грязи по дороге. Два батальона гибнут, а в это время основная часть полка строит шалаши и проводит политзанятия!? Оставшийся с основными силами полка начальник штаба сообщает в штаб дивизии, что связь с атакующими батальонами отсутствует, и что, по слухам!, там имеются очень большие потери. За первый день боя батальоны фактически продвинулись вперёд на 8 метров! И, в конце концов, батальоны вынуждены были отступить.

Такая глупость и такие неоправданные потери! Как видно из донесений, примерно через 1,5 месяца был такой же бой, и потери также были исключительно велики, за два этих боя от полка практически ничего не осталось.

На месте гибели Николая Александровича родственникам побывать не довелось. Вроде собиралась его вдова с сыном Владимиром съездить туда в 60-х годах, да так и не поехали. Сейчас мы до десятков метров знаем, где проходил этот бой, а, главное, в архиве сохранилась карта захоронения павших в бою, где командир батальона собственноручно обозначил место захоронения своих бойцов. Мы и раньше знали, что это 2,5 километрах восточнее Пенно, но, думалось, что, как всегда, кто-нибудь да что-нибудь напутал. Но на этот раз все сведения подтвердились.

Осталась неразгаданной одна загадка.

Когда увеличили маленькое фото Тарасова Николая Александровича, присланное в 1942 году из Архангельского военного госпиталя, то увидели, что на нём гимнастёрка с офицерскими знаками различия. Хорошо видны два «кубаря» на петлице, значит лейтенант, и эмблема артиллериста — два перекрещённых орудия. А ведь он был рядовой пехотинец. Может быть это сфотографирован не он, а какой-нибудь другой родственник? Но при сравнении 3-х фотографий видно, что на них одно и то же лицо. Маловероятно, что снялся в чужой гимнастёрке, фото не бытовое, а явно на документы. Объяснения пока нет.

По поводу смертельного ранения Николая Александровича мои догадки таковы. 37 стрелковая дивизия полностью формировалась в г. Мелекессе. Точно известно, что после войны кто-то из выживших сослуживцев, вернувшись домой, зашёл и рассказал о том, как погиб Николай. Будто ему осколком снесло полчерепа. Но со временем эти сведения забылись, и родственники стали считать, что именно от ранения в голову Николай и лечился в Архангельске. Даже его сын Иван Николаевич, показывая на архангельскую фотографию, всегда говорил, что видит у отца на голове громадный шрам. И только тогда, когда получили сведения о ранении в ногу, всё встало на свои места.

В последнее моё посещение дома Николая Александровича в г. Димитровграде там уже жила только жена его внука Алексея со своими детьми. Мне вспомнилось, что обычно сельчане держат фотографии своих предков в рамках на стенах. И, действительно, Алешкина жена припомнила, что была такая рамка, и что сейчас она валяется в сарае. Так мы стали обладателями последней предвоенной фотографии Николая с женой и детьми.

Николай Александрович Тарасов, единственный из наших предков, кто погиб в бою с оружием в руках.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ЯКУНОВ

Родился в 1832 году. Крестьянин, имел сына Василия, нашего предка. Умер от простуды 30 декабря 1890 года в селе Аврале Ставропольского уезда Самарской губернии в возрасте 58 лет.

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ЯКУНОВ и жена его ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА

Крестьянин Василий Иванович Якунов родился в 1871 году.

«17 января 1890 года с. Авралей крестьянина Ивана Васильевича Якунова сын Василий, православный, 1 браком, 19 лет венчался на села Новая Майна крестьянина Степана Ивановича Щербакова приводной дочери Елизавете Ивановне, девице, православной, 17 лет». Умер Василий 10 мая 1927 года в Нижней Якушке в возрасте 56 лет. Привёз из села Елховый Куст воз рыбы, отнялись ноги, на них стали лить горячую воду, но он ничего не чувствовал и вскоре умер. И, хотя все родственники утверждают, что причина смерти — заболевание холерой, мне кажется это сомнительным. Ну откуда возьмётся холера в Поволжье в начале мая?

Елизавета Ивановна родилась в 1873 году. Её мать, по преданию, была замужем за богатым, он умер. Осталась дочь Елизавета. Мать опять выходит замуж, но уже за бедного, за Щербакова Степана Ивановича.

В 1890 году Елизавета выходит замуж за Василия Ивановича Якунова. У них рождается 12 детей. И, что удивительно, все до одного выжили. Дочь Евдокия, наш предок, будущая баба Дуня — последняя из родившихся. Умерла Елизавета 26 января 1951 года от порока сердца в возрасте 78 лет. Была очень толстая, всегда ходила с палкой, строгая, все от старых до малых боялись её. Верующая. Трудолюбивая, ежедневно пекла свежий хлеб. Отлично готовила в русской печи пшённую кашу.

Жили бедно, а подверглись раскулачиванию, вернее грабежу. Во время компании по раскулачиванию, в конце 20-х годов, представители комитета бедноты пришли к ним в дом и отобрали бараньи тулупы, на которых спали на полу взрослые и дети, больше брать было нечего. В старости любила пить пиво или солод. В автобусе из-за своей толщины занимала всегда два места.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА ЯКУНОВА (ТАРАСОВА)

Родилась 28 июля 1908 года в селе Верхняя Якушка у Василия Ивановича и Елизаветы Ивановны Якуновых. Образование — 4 класса церковно-приходской школы.

До замужества встречалась с гармонистом, но мать категорически воспротивилась её союзу с разбитным гармонистом и подобрала ей в мужья со всех сторон положительного Николая Тарасова.

В 1929 году они поженились. От этого брака родилось трое детей:

Клавдия — 1930 года рождения, окончила Ульяновский сельскохозяйственный институт и работала главным агрономом совхоза им. Крупской. Умерла в 1963 году от инфекции, занесённой при кесаревом сечении, сделанном в роддоме. Осталось двое детей;

Иван — 1931 года рождения, наш предок;

Владимир — 1938 года рождения, работал в г. Мелекессе на нефтехиммашзаводе и в Институте атомных реакторов, имеет двоих сыновей.

С переездом семьи в г. Мелекесс и до войны Евдокия не работает, растит детей, ухаживает за коровами и другой живностью, с мужем ладит. С началом войны идёт работать на хлебозавод. В ночной смене уснула, положив голову на горячий свежевыпеченный хлеб, это увидел начальник цеха и уволил её, могли по тем временам и под суд отдать. Затем устраивается подавальщицей в госпиталь № 1701, помогает повару, подаёт еду и убирает посуду. Уходит на работу очень рано, а возвращается

Евдокия Васильевна Якунова (Тарасова) с детьми Клавдией, Владимиром, Иваном. г. Мелекесс, 1942 год

поздно. Но такая работа давала возможность хоть немного подкормить детей. Иногда дети втроём приходили к ней на работу, и она, к их великой радости, передавала им через забор буханку хлеба. Бывало, что приносила домой огромные осетровые головы, которые оставались от приготовления пищи раненным, и вся семья питалась ими несколько дней. После ухода мужа на фронт какое-то время доедали старые запасы, но к 1943 г. мука и зерно закончились, овец тоже всех съели. Пришлось продать из-за недостаточности кормов одну корову, а другую — Зойку — оставили. Она давала 10 литров молока в день и была моложе. Для получения покоса подрабатывали в лесхозе посадкой деревьев, тем более, что среди посадочных борозд можно было сажать картошку. Сажали картошку и просто на лесных делянках. У дома не было воды, поэтому ограничивались посадкой одной картошки, других овощей не сажали. Евдокия ходила на мукомольный комбинат за отходами, запаривала их, отстаивала, сцеживала и из оставшейся массы пекла лепёшки. Всем семейством ходили в лес за валежником, а так как в войну развелось много волков, то обязательно брали с собой трут для их отпугивания.

После гибели мужа сошлась с фронтовиком, с которым познакомилась в госпитале, родила от него мальчика. В годовалом возрасте ребёнок опрокинул на себя с печи горшок с кипятком и, обварившись, умер. С этим фронтовиком не поладил сын Евдокии Иван, да и у фронтовика была своя семья, и он в 1945 году уехал.

После войны Евдокия до самой пенсии работала уборщицей в училище для инвалидов, давала звонки. В конце 50-х годов в дом провели радио и свет. Дочь Клавдия организовала посадку яблонь на участке. Евдокия шила на швейной машинке круглые половики, на пяльцах стегала на заказ одеяла. Всё делалось ночью, окна затемнялись, так как могли за это заставить платить налог. За стёжку одного одеяла из материала заказчика давали 3 рубля, работа продолжалась обычно 3 дня.

Еду готовили в русской печи и на керосинке. Евдокия любила есть рыбники, курники, мяса ела мало. Курники в русской печи готовила непревзойдённого вкуса. Умела немного писать, а читала только Евангелие. В старости по слогам читала сказки внукам, и сама придумывала разные истории. До конца жизни жила в своём доме, сначала с младшим сыном Владимиром, потом с внуком Алёшкой, держала и квартирантов. Вязала носки, варежки, иногда ходила на базар продавать грибы или яблоки. Получала пенсию 22 рубля. Воспитанием детей особенно не занималась, только поколачивала ремнём младшего сына, если её вызывали в школу. В 1947–1950 годах часто приезжала в г. Ульяновск к учащемуся в Автомеханическом техникуме сыну Ивану, привозила продукты. Соседям сына по общежитию она запомнилась как женщина очень твёрдого характера, энергичная, грамотно рассуждавшая. Требовала, чтобы сын серьёзно учился, именно она заставила его поступать в техникум, а то, говорила, он бы стал вором. Приезжала на свадьбу сына Ивана в г. Горький в 1956 году. Верующая. В доме были иконы, молилась, ходила в церковь, соблюдала обряды. Любила слушать и петь старинные русские песни. Вся Уральская улица осталась без мужиков, вдовы собирались, пили бражку и пели. Ещё при муже Евдокия любила по праздникам выпить красного вина. В старости могла выпить и 100 грамм водки зараз, для этого у неё была маленькая стопка. Считала выпивку правилом хорошего тона, мол, все пьют, но выпивала только тогда, когда её угощали.

Доминирующей чертой её характера являлась скупость и прижимистость. Обновы, что ей дарили дети, не носила, а складывала в сундук. Негостеприимная. Соседи жаловались, что яблоком из своего сада никогда не угостит. Гордая и себялюбивая, никто ей не нравился, обо всех она всегда отзывалась плохо.

Евдокия Васильевна Якунова (Тарасова).
г. Мелекесс, 1957 год

Смуглокожая, в старости грузная, ходила в длинной кофте со множеством юбок. Удивление и восторг выражала междометиями: «А-ба, А-ба» или «А-ба, гля, во-о». Имела она привычку, войдя в дом, сразу у порога сесть на пол, мол, устала, и оттуда вести беседу. Иногда некоторые её действия вызывали, мягко говоря, недоумение. Так, она до 3 лет давала сосать свою старческую грудь внуку Алексею, и он спал с ней в одной постели почти до 10 лет. Люди её побаивались, считали колдуньей и старались держаться от неё подальше.

К старости страдала радикулитом, камнями в почках, болела рожистым воспалением лица, отчего её вылечили знахарки. Врачи заподозрили рак шейки матки, облучили, а оказался громадный камень в мочевом пузыре. После облучения у неё отнялась нога, и остаток жизни она ходила с палкой.

Перед смертью страдала от очень высокого давления. Умерла в 1981 году от разрыва сердца в возрасте 72 лет. Была уже ночь, она легла спать, а тут на улице, возле дома, разгорелась драка. Она переволновалась, вот сердце и не выдержало. Похоронена на Димитровградском городском кладбище.

Е. В. Якунова (Тарасова) г. Димитровград, 1978 год

Мне Евдокия Васильевна — баба Дуня, запомнилась как никогда не улыбающаяся деревенская женщина с волевым характером. Вспоминается один эпизод. Отец на октябрьские праздники 1968 года решил съездить на родину в Мелекесс и позвал в поездку нас с матерью. Мать категорически отказалась, видно, не захотела отправляться на очередную пьянку, а я согласился поехать, мне было интересно посмотреть как живёт бабушка в сельском доме. Поехали на ГАЗ-69А, битком набитом заводчанами-мелекессцами, которые тоже решили посетить родные края. Баба Дуня нас встретила, проговорила нам своё приветственное «А-ба», а дальше посчитала, что на этом её миссия закончена, а гости должны себя угощать сами. Так и просидели мы полчаса глядя друг на друга, она в своём углу, рядом с постелью, а мы все за столом. Потом отец не выдержал и пошёл в магазин. Купил две курицы, муки, закуски, водки. Мужская часть села выпивать, а бабушка тогда поднялась, растопила русскую печь и стала делать курник с рисом. Сохранилось в памяти, что курицу она предварительно не отваривала, а рубила и помещала под покрышку пирога в сыром виде. Когда после приготовления эту покрышку срезали, дух стоял такой, что я его помню полвека спустя, очень вкусный получился у неё пирог.

В доме бабушки Дуни я чувствовал себя скованно, всё было непривычно. В углу комнаты висела икона, под ней горела лампадка. Еду готовили в печи. В туалет ходили на улицу, а ночью в общее ведро, что стояло за печкой. Когда один раз приезжали всей семьёй, то спали на деревянном полу без матрасов, не было лишних кроватей, очень непривычно и жёстко. Маленький допотопный телевизор показывал передачи только местного телецентра, что передавались вечером. Книг не было. Отец, вроде, должен помогать родной матери по хозяйству, раз приехал в гости, и мне было бы интересно в этом поучаствовать. Но он ничего этого не делал, занимаясь, в основном, хождением по гостям и выпивкой. Баба Дуня мной не интересовалась, у неё был другой любимый внук, что от младшего сына, Алёшка. Приходилось мне слоняться по несколько дней, как неприкаянному. Кончились эти поездки тем, что мы с матерью в Мелекесс ездить отказались.

КРИВОЙКИНЫ

Происходят из крепостных крестьян села Большое Болдино Нижегородской губернии. До воцарения Ивана Грозного это «деревня Забортники под большим мордовским чёрным лесом». В ней живут бортники, занимающиеся сбором мёда, и охотники. С 1585 года Болдино числится за воеводой и окольничим Евстафием Михайловичем Пушкиным, участником многих походов и дипломатом царя Ивана Грозного, попавшим в опалу при Борисе Годунове. С 1621 года Болдино принадлежит Фёдору Фёдоровичу Пушкину, оно было пожаловано ему за «Московское осадное сиденье в 1618 году». По переписи 1621 года в селе числится 20 крестьянских и 24 бобыльских (холостяцких) дворов. Крестьяне выращивали хлеб, бобыли занимались ремеслом и охотой. Это было далёкое, оторванное от мира село. Сохранилась пофамильная перепись людей в селе за 1621 год, фамилий наших предков — Кривойкиных, Дворниковых, Мухановых, Бердяновых в переписи нет.

Во время крестьянской войны Пугачёва восставшие проходили через Болдино. Жители, встречая их хлебом-солью, подали челобитную с просьбой повесить приказчика, но его оставили в живых.

Александр Сергеевич Пушкин получает часть Болдинского имения в наследство перед самой женитьбой. Об образе жизни поэта в селе в этот период сохранились краткие сведения: «В управление имением не входил, занимался чтением, ездил к соседям, ходил с книгами в соседнюю рощу». Когда в следующий приезд поэт вынужден был вникать в дела управления расстроенным имением, он не смог уже столь плодотворно творить, как в ту «Болдинскую осень» 1831 года.

Затем имение переходит к брату поэта Льву Сергеевичу Пушкину. После его смерти в 1852 году в качестве опекунши оставшихся малолетних детей имением управляет его вдова. И Лев Сергеевич, и его жена Елизавета Алексеевна, урождённая Загряжская, оба не отличались семейными добродетелями и вели скандальный образ жизни. На 1857 год в Пушкинской части села располагалось 120 крестьянских домов и числилось 455 крестьян. Всего же в селе проживало до 1000 человек. Крестьяне, кроме хлебопашества, занимались извозом, изготавливали полозья для

саней и телеги на продажу, варили поташ. В 1863 году на сельском сходе было принято обязательство отработать выкупные деньги за землю в течение пяти лет, о чем был заключён выкупной договор между крестьянами и Пушкиной. Фактически имением управлял любовник Пушкиной, лукояновский исправник Травницкий, от которого она имела сына. Имение было расстроено вконец этими двумя «хозяйственниками», и Е. А. Пушкина закончила жизнь в Петербурге в полной нищете.

С 1865 года в имении постоянно живёт Анатолий Львович Пушкин. В 1897 году, оставив военную службу, там селится Лев Анатольевич Пушкин. В 1911 году усадьба отходит к государству, как памятное место. Короленко, побывавший в Болдине во время знаменитого поволжского голода 1896 года, отмечает крайнее обнищание сельчан и увеличение богатства кулаков. По улицам ходили голодные крестьяне.

В ревизской сказке села за 1850 год, хранящейся в Нижегородском областном архиве, крестьяне с фамилиями: Кривойкины, Дворниковы, Мухановы, Бердяновы встречаются довольно часто. Кривойкины и Дворниковы являются крепостными и живут в той части села, которая является вотчиной «Господина покойного чиновника 5 класса и кавалера Сергея Львовича Пушкина». Мухановы проживают в деревне Логиновка, рядом с Болдиным и являются крепостными в вотчине «Отставного полковника и кавалера Сергея Васильевича Зыбина». Бердяновы из деревни Кистенёво. На протяжении столетий славилось сельцо Кистенёво неизбывной нищетой, грабежами и поголовным пьянством.

Заметки о ходе поиска. Поиски Кривойкиных были самыми простыми. В феврале 1994 года мне пришлось на попутках добираться до села Болдина, чтобы несколько часов поработать в его архиве ЗАГСа. Но метрические книги до 1880 года в этом архиве сохранились совсем плохо, и многого из них почерпнуть не удалось. Не было у меня ещё опыта в поиске, а то бы знал, что лучше искать в областном архиве, где, кроме второго, так называемого «консисторского» экземпляра метрических книг со всех церквей, хранятся ещё и ревизские сказки.

В 1996 году эта работа была проделана. И метрические книги, и ревизские сказки села Большое Болдино в Нижегородском областном архиве хорошо сохранились. Причём, надо отметить, что ревизские сказки писались на натуральной бумаге и настоящими растительными чернилами, поэтому двухсотлетний документ выглядел так, как будто его написали только вчера.

Первая ревизия была проведена в Российской империи при Петре Великом по указу от 26 ноября 1718 года и была закончена не ранее 1727 года. Далее ревизии проводились: вторая — 1743; третья — 1761; четвёртая — 1781; пятая — 1794; шестая — 1811; седьмая — 1815; восьмая — 1833; девятая — 1850; десятая — 1857 год.

В ревизские сказки вносились сведения о семьях по данной и по предшествующей ревизиям. На одной стороне листа бумаги был поимённый список лиц мужского пола каждой семьи, с отметкой о возрасте и количеству таких лиц на время проведения предшествующей ревизии, сколько лиц выбыло и когда именно, сколько состоит налицо; на другой стороне листа вписывались лица женского пола с указанием возраста. Кроме этого, отмечались находившиеся во временной отлучке.

АНДРЕЙ МАКСИМОВИЧ КРИВОЙКИН

Родился в 1784 году. По ревизской сказке на 1850 год он вдовец в возрасте 66 лет. По предыдущей ревизии, которая проходила в 1840 году, он также числится вдовцом, значит, его жена умирает ранее этой даты. У него два сына. Фёдор — 1804 года рождения, наш предок, и Яков — 1806 года рождения.

ФЁДОР АНДРЕЕВИЧ КРИВОЙКИН и жена его ДАРЬЯ СЕМЁНОВНА

Родился в 1804 году у Андрея Максимовича Кривойкина. Первая жена у Фёдора умирает около 1830 года, оставив ему дочь Марину 1826 года рождения и сына Алексея 1828 года рождения. На 1850 год Марина — незамужняя девица 24 лет. У 22 летнего Алексея имеется жена, Анна Андреевна, 20 лет. В 1831 году, в возрасте 27 лет, Фёдор женится во второй раз на Дарье Семёновне, тоже 27 лет. От этого брака родилось трое сыновей: Никифор в 1832 году; Никанор в 1835 году (в возрасте 15 лет он был забран к помещикам и стал их дворовым человеком); Григорий в 1837 году, наш предок.

В 1840 году в возрасте 36 лет Фёдор Андреевич Кривойкин умирает.

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ КРИВОЙКИН

Родился в 1837 году у крестьянина села Болдина Фёдора Андреевича Кривойкина и его жены Дарьи Семёновны. Каких-либо сведений о его жизни и жизни его жены выяснить не удалось. Известно только, что в 1861 году у них рождается сын Василий.

ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ КРИВОЙКИН и жена его ГЛИКЕРИЯ ДАНИЛОВНА МУХАНОВА

Оба родились в 1861 году. Венчались 9 ноября 1879 года «села Болдина крестьянина Григория Кривойкина сын Василий, 18 лет, 1-м браком и деревни Логиновки солдатки Марии Матвеевны Мухановой дочь, девица Гликерия Даниловна, православная, 1-м браком, 18 лет». У них было 8 детей и все мальчики. Первенцем был наш предок Фёдор, родившийся 3 февраля 1881 года.

Семья жила крестьянским трудом. Гликерия простудилась, долго болела ревматизмом, умерла в 1918 году в возрасте 57 лет. Василий, кроме хлебопашества, работал в собственной кузне, пил, озоровал с чужими бабами, издевался над больной женой и детьми. Заставлял внучат ходить по ночам за вином, гонять мух от лица, когда он спал. Когда он пьяный входил в дом, внучки выпрыгивали от него в окна, а какую ловил, то таскал её за волосы.

Слёг и умер за один день, в 1919 году в возрасте 58 лет.

Похоронены оба на Болдинском кладбище.

КОРНИЛО ФЁДОРОВИЧ МУХАНОВ и жена его ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА

Родился в 1802 году. Родители неизвестны. Женат на Татьяне Алексеевне, 1803 года рождения. В его семье была дочь и 3 сына, один из которых, Данило, наш предок. В 1838 году помещик Зыбин переселяет их из Болдина во вновь заселяемую деревню Логиновку. На 1850 год все члены семейства живы.

ДАНИЛО КОРНИЛОВИЧ МУХАНОВ и жена его МАРИЯ МАТВЕЕВНА

Родился в 1835 году у крестьянина деревни Логиновки Корнилы Фёдоровича Муханова и его жены Татьяны Алексеевны. Данило женится на Марии Матвеевне, и у них в 1861 году рождается дочь Гликерия, наш предок. На момент выхода Гликерии замуж Данило проходит службу в солдатах.

ФЁДОР ВАСИЛЬЕВИЧ КРИВОЙКИН

Родился 3 февраля 1881 года у крестьян села Болдина Василия Григорьевича и Гликерии Даниловны Кривойкиных. Женился 9 ноября 1898 года 1-м браком, в 17 лет, на Пелагее Дворниковой, 18 лет. На брак пришлось хлопотать разрешение, так как жених не достиг ещё 18 лет. У них рождается 12 детей, в живых остаётся 6 человек. Фёдор пел на клиросе, был грамотным. Заболел чахоткой, его возили в тогдашний райцентр с. Ветошкино, но там помочь ничем не смогли.

Рассказывали, что отец не очень-то жаловал Фёдора за его телесную хлипкость и слабое здоровье. В день его смерти было жарко, и Фёдор лёг в стоявшую в теньке телегу отдохнуть, все же семейные ушли работать в поле. От жары ему стало плохо, почувствовал, что умирает, велел позвать детей, благословил их словами «Все счастливы бу́дьте!» и умер на 32-м году жизни. Это произошло 22 августа 1912 года. Похоронен на Болдинском кладбище.

ИГНАТИЙ СЕРГЕЕВИЧ ДВОРНИКОВ

Родился в 1781 году. На 1850 год он вдовец 69 лет. Кроме сына Сергея, нашего предка, в его семье жила великовозрастная дочь Пелагея, 1804 года рождения, на 1850 год незамужняя.

СЕРГЕЙ ИГНАТЬЕВИЧ ДВОРНИКОВ
и жена его ЕЛЕНА ЕФИМОВНА

Родился в 1802 году у Игнатия Сергеевича Дворникова. Женат на Елене Ефимовне, 1802 года рождения. У них дети: Татьяна, 1835 года рождения; Анисья, 1836 года рождения; Аксинья, 1838 года рождения; Пётр, 1840 года рождения, наш предок; Фёдор, 1844 года рождения. На 1850 год все члены семейства живы.

ПЁТР СЕРГЕЕВИЧ ДВОРНИКОВ

Родился в 1840 году у Сергея Игнатьевича и Елены Ефимовны Дворниковых. О жене Петра сведений найти не удалось, но известно, что в 1860 году у них родился сын Павел, наш предок.

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ ДВОРНИКОВ
и жена его МАРИЯ ГАВРИЛОВНА БЕРДЯНОВА

Павел родился в 1860 году у крестьянина села Болдино Петра Сергеевича Дворникова. 10 ноября 1878 года Павел Петрович Дворников женился «1-м браком на Сергачёвского уезда деревни Кистенёвой, приходской к селу Болдину, крестьянина умершего Гаврилы Степановича Бердянова (зимой замёрз) девице Марии, 18 лет». Через год у них рождается дочь Пелагея, наш предок.

ПЕЛАГЕЯ ПАВЛОВНА ДВОРНИКОВА (КРИВОЙКИНА)

Родилась 24 сентября 1879 года у крестьян села Болдина Павла Петровича и Марии Гавриловны Дворниковых. В 18 лет выходит замуж за Фёдора Васильевича Кривойкина. У них рождается 12 детей, в живых остаётся 6 человек:

Мария, 1900 года рождения, колхозница в с. Болдино, муж — сельский учитель, двое детей.

Иван, 1902 года рождения, наш предок.

Евдокия, 1906 года рождения, колхозница в с. Болдино, муж — тракторист, единственного сына убили в милиции; была горбатая.

Александра, 1908 года рождения, работала нянечкой в детском саду, уборщицей в райвоенкомате, у неё — сын и дочь, дожила до 90 лет; в семье её называли «Санькой».

Анна, 1911 года рождения, выучилась на медсестру, работала на Горьковском автозаводе, единственный её ребёнок умер в раннем возрасте, скончалась в 1998 году; в семье называли её «Нюрой»;

Василий, умер в 13 лет, застудил почки, когда в осенние холода и слякоть в одних лаптях пас овец.

Пелагея Павловна была худенькая, небольшого роста, говорила тихо, «цокая»: «доцка», «семецки», «почай пить» (чай пить). Монашка выучила её читать по-старославянски, и она читала по ночам Евангелие. Писать не умела. Очень добрая, «за всю жизнь мухи не обидела». Всё делала быстро, шустрая, на всю огромную семью свёкра пекла хлебы и готовила обед каждый день.

Никогда не ходила на посиделки к соседям, так как не любила сплетничать и обсуждать других. Была верующая, часто молилась. Если кто-то её сильно допечёт, уйдёт в уголок, поплачет и опять примется за работу. Всегда приветливая и открытая, рассудительная. Спиртного не употребляла. Люди отмечали её чрезвычайную стеснительность, даже по улицам она старалась не ходить, а всё больше задворками. Ласковая, любящая, бесконфликтная, только скажет: «Ну, Бог с ним». Просила прощения у собственного внука за то, что в сердцах назвала его «Холера». В семье считалась почти святой, была очень уважаема и любима.

После смерти мужа в 1912 году Пелагея осталась с 6 детьми и фактически попала в рабство к свёкру Василию Григорьевичу и его семье, так как жили все одним домом. Готовила и стирала на всех, а в семье свёкра было 8 мужиков. Свёкор задирал её и детей. Когда выросли братья мужа и стали, во время гражданской войны, обзаводится собственными семьями, то отеческий дом они весь растащили. Позабирали все надворные постройки, пристрой, крыльцо. И Пелагее практически негде стало жить.

У неё было три брата. Они, да сын Иван, помогли ей мало-мальски наладить быт и подлатать дом. Дом Кривойкиных располагался в с. Болдино на месте теперешнего сельсовета, в 50 метрах от здания Администрации района.

Всю жизнь Пелагея жила в невероятной бедности, во всём доме была одна дорогая вещь — подушка. Когда в годы революции по дворам ходили продотряды и отбирали у крестьян всё подчистую, Пелагея хватала самое ценное — крынку с маслом и бежала прятаться в рожь. Несколько раз её сажали под арест вместе с другими крестьянками за неотдачу продуктов, хотя никаких излишков у неё, естественно, не было. Спали на печке и на кровати с соломенным матрасом. В 30-е годы держали кур и козу. Пекли хлеб, по 6 буханок зараз, пироги с начинкой из каш. Варёная картошка и горячий самовар — вся крестьянская радость.

Носила юбку в сборку и кофту. Из личных вещей самой ценной была рубашка. Имели яблоневый сад, сажали просо и картошку. До революции 1917 года все дети с матерью летом жали и молотили в чужих людях, а зимой пряли пряжу за мизерную плату, чтобы заработать на лапти и кое-какую одежду. В колхоз Пелагея не вступала, да, видно, её туда по бедности и возрасту никто и не звал.

Пелагея Павловна Дворникова (Кривойкина).
Село Болдино Горьковской области, 1945 год

От такой непосильной работы у неё было опущение всех внутренних органов, но до 82 лет была крепка и самостоятельно носила вёдра с водой на коромысле. Весной 1963 года Пелагея Павловна сажала с внучкой в поле лук, хотя на улице был ветер и страшный холод, обе простыли и заболели.

Пелагея в больницу не попала и скончалась от отёка лёгких в возрасте 83 лет в 1963 году в Болдино. Похоронена на кладбище села Большое Болдино.

ИВАН ФЁДОРОВИЧ КРИВОЙКИН

Родился 30 марта 1902 года в селе Болдино Лукояновского уезда Нижегородской губернии, в крестьянской семье. В 1912 году его отец Фёдор Васильевич умирает, оставив на воспитание жене Пелагее Павловне шесть человек детей в возрасте от года до двенадцати лет. Жизнь их проходит в самых тяжёлых условиях в семье дедушки (Василия Григорьевича Кривойкина) — владельца сельской кузницы, который пил, гулял и издевался над ними.

Окончив сельскую пятиклассную школу, Иван осенью 1915 года поступает на подготовительное отделение Обуховского сельскохозяйственного училища на полный пансион и учится там до весны 1917 года, пока крестьяне Шутиловской волости Лукояновского уезда в борьбе с помещиками (события Февральской революции) не сожгли здание училища. Иван вынужден вернуться домой в Болдино.

После Октябрьской революции, в 1918 году, когда Советская власть конфискует в Болдино у прежних хозяев сельский трактир и организует в нём клуб, Иван создаёт в этом клубе драматический кружок и сам играет на сцене. Осенью 1919 года поступает в Мореновскую школу садоводства и огородничества села Ветошкино Сергачёвского уезда Нижегородской губернии. Здесь учащихся кормили, обували и одевали, а они, в свою очередь, все 4 года работали бесплатно в садах и огородах школы. Там 29 марта 1921 года он вступает в комсомол и ведёт культурно-просветительскую работу, главным образом, по организации в сёлах и деревнях спектаклей.

Сохранился интереснейший дневник, который Иван Фёдорович вёл с 1922 по 1924 год, учась в Мореновской школе.

Задним числом и на сколько ведь на целых 10 дней. Откровенно говоря, что-то жутко начинать. Вдруг открываешь дневник и живёшь опять чем-то давно прошедшим: хорошим, но придётся всё более плохим, и плохим, пока не народится хорошее. Начинаю!!!

Среда 28 июня 1922 г.

Встал очень рано и не могу заснуть. В полдень, как обычно после болезни возвратного тифа, я всегда засыпал на час или $1^1/_2$. Страшно, что-то тревожит. А тревожит то, что хочется скорей уехать из этого проклятого Б. Болдина. Душа ждёт простора, хочется что-то сделать важное, но не хватает сил. Ходил на базар и спрашивал не поедут ли на станцию. Ответ был не ясный. К вечеру пришёл дядя Никанор Васильевич и сказал экспромтом собирайся! У меня всё было готово, но благодаря своей горячке и сильному желанию ехать я даже согласился бы ехать до школы расстояние в 1000 вёрст с одним караваем хлеба. Я стал винить во всём мать и теперь страшно жалею, что так поступил с ней, (что такое даже слеза чуть не упала на дневник). Вот подъехала телега и я поклал все свои вещи на поездку. Простил-

ся с матерью не смотря ей в лицо и на крыльце стоящими Катей, Дуней и Алей, направился своим путём. Что-то непонятное на душе и весело и жутко. До Перемоева ехал с Николаем Александровичем Бубновым, который и проводил меня до ст. Ужовка М<осковско->Р<язанской>Ж<елезной>Д<ороги>. На дорогу деньги взял 13700000 рублей.

Четверг 29 июня.

Утро встретил в дороге красивое, пахучее утро, тем более в лесу. Вскоре проводили извозчиков и остались вдвоём с Николаем Александровичем. Расположились около леса. Его я оставил караулить вещи, а сам пошёл в лес за ягодами. Сначала говорили и научным разговором, но потом улеглись спать, зная что поезд придёт завтра в 1 час утра. Совсем вечером перебрались в вогзал и сдесь пробыли до самого утра.

Пятница 30 июня.

Ночь провёл безпокоясь о вещах но больше всего о деньгах, потому что билет до Рязани стоил 12600000 рублей. А мне ехать нужно дальше. Пришёл поезд с опозданием на час, это хорошо. Подхожу к кассе и жду выдачи билета. Билеты не выдают, по какой причине не знаю. Кто говорит как будто тут своя политика. Не дождавши билета сел на поезд, прощаясь с Бубновым только успели пожелать друг другу всех наилучших успехов, как тронулся поезд. Теперь прощай все родные на время. На Оброчном взял билет заплатил 900000 рублей за один пролёт до Тимирязева; сдесь же встретил Алексея Михайловича Кузовенкова, который когда-то служил у нас в Б. Болдине. Благодаря ему хоть и с некоторыми мучениями я доехал до Тимирязева без билета. В Тимирязеве нужна пересадка на Рязань. Я остался на вогзале ночевать а он пошёл к брату. Поезд должен отправиться в 12 ч. 30 м. дня на Рязань и я лёг спать.

Суббота 1 июля.

Поезд пришёл оккуратно и выдавать стали билеты. Заплатил за билет 11000000 р. в классный поезд сидеть. Скверно то что пришлось ехать с жидами и туркестанскими жителями. Весь день только и было слышно как в вагоне спорили о Боге, какая-то женщина защищала христианскую веру с её обрядами, а коммунист провергал всё это. Я всё время сидел и молчал затоя в себе злобу на жидов и других которые ели, пили что только им хотелось, а тут жуй один несчастный зачерствелый хлеб, не имея даже возможности купить стакан молока. Решил с горя спать и действительно улёгся на голой скамейке подложа под голову свою грязную ладонь.

Воскресенье 2 июля.

Меня нисколько не радует, хотя утро превосходное. Злят жиды, они от избытка чувств целуются, особенно старый жид свою старую жену. Это мне противно слушать и смотреть и я ушёл в другой вагон, где люди были русские. Меня тревожит и денежный мой запас. Ну как я поеду от Рязани? Ведь зайцем, на что я неспособен и не возможно в этом поезде, потому что снуёт безпрестанно летучка и таскает всех без билетных. И как никак подъезжаю к Рязани. Народ снуёт, везде жизнь, а я как убитый, словно рыба выброшенная на берег.

Мне тоже так пришлось трепетать от недостатка финансов. Я и выходил и занимался разговором, потом открыл свою тайну женщине одной, что я хочу ехать без билета, и всё-таки решил ехать благодаря тому, что поезд стоял не более 15 минут. Ехать без билета это для меня походило на то, что как будто я делаю страшное преступление. Вижу как точно таких же преступников, которые имеют в кармане гроши ведут по вагонам с конвоем и сажают в отделение преступников. Но самое главное меня беспокоило, что я не знал пределов моих мучений по железной

Иван Фёдорович Кривойкин (сидит в центре)
с учениками Мореновской школы садоводства и огородничества.
Село Ветошкино Сергачёвского уезда Нижегородской губернии, 1922 год

дороге. До станции доехал и гроза Чеки меня миновала. Здесь я мигом спрыгнул и спросил кассира сколько стоит билет до Серебренных прудов. Он мне ответил что 9000000 рублей. Я прямо очумел, побежал в вагон и сбросил свои вещи даже уже на ходу. Всем говоря, что проехал свою станцию в оправдание того, что ехал без билета. Противная, грязная станция Рыбное. Почти нет ни души. Некого даже спросить далеко ли Михайлов. Познакомился с одним провожатым на Москву груз и имел надежду с ним ехать на Москву. Он во мне видимо нашёл хорошего товарища. Даже доверился мне с корзинкой и пошёл пить чай со своим товарищем. Против меня сидит какая-то старушка и кушает. По моей просьбе она ответила мне сколько до Михайлова и до Коровина (около 50 вёрст). Я стал напряжённо думать что делать. Ехать на машине без продажи последнего, что у меня в сумке я никак не мог и решил идти пешком. Старуха была моим первым 8-вёрстным путеводителем. Из-за того что она решила не дожидаться чаёвников, мне пришлось бросить ихнюю корзину в вогзале и идти с ней.

Я так и сделал. Дорогой были толки об имениях разграбленных крестьянами, она страшно жалковала и я дудел в её дудку, ради того, чтобы только не разругаться с ней. Оказалось, что она была жена дьякона и ходила к Рязанской Божьей матери служить молебен по обещанию, когда она была больна. Дошли почти до села она мне сказала, что у них рядом живёт псаломщик, который учился в Коровине. Я этому был очень рад и зашёл первым долгом не к бабушке, а к нему. Оказалось, что он учился не у нас, а в Пелченском сельхозе. Ему я продал 12 лука за 3 лимона, потому что невозможно было нести. Пообедал у него и тронулся в путь по маршруту сказанным молодым человеком, бывшим дезертиром и что всего не более 30 вёрст до Коровина. Безусловно не могло это меня не обрадовать и тронул во всю. Пришлось в каждом селе и деревне разпрашивать дорогу, но к вечеру дошёл до деревни Свистово Михайловского уезда и сдесь ночевал. Добрая бабуся вылила мне остатки щей, хоть не мудрых, и несколько молока. Поевши хоть не досыта, я преспокойно улёгся спать. Ноч не мог спать, хоть так и устал, потому что кусали клопы. Утром с ней расплатился дав 100000 р. и пошёл дальше.

Понедельник 3 июля.

Начинается вкрадываться разочарование, а если там плохо, то что я предприниму? Ну что будет. На пути уж к Коровину, какой то отрекомендовал очень хорошей школой. И вот я уже в верстах 3-х от Коровина. Какая то старуха мне не правильно показала дорогу и я ушёл в лес, да не туда, куда нужно. Долго бродил напрасно. Потом встретил ещё одну женщину, которая мне показала овраг и велела по нему идти и дойдёшь ты до самого Казённого. И ведь дошёл до места. Сначала мне показалась в овраге трущеба с блестящей водой. Немного погодя сидит утка с утятами. Я думал что дикая и хотел её похитить палкой. Пугнул, она не летит, потом решил, что она не дикая, а со школы. Иду дальше и эта трущеба превращается в широкий пруд. Ах какой красивый пруд весь в лесу и тянется чуть глаз видит край. Смотрю питомник огороженный проволочной сеткой и навстречу гонят коров, видимо после жара. Мне показался бык сердитым, конечно струсил и скрылся за решотку. Пастушка спросил сколько у них учеников и всех людей и пошёл дальше. В питомнике работал ученик и рабочий, окучивали картошку. Я не останавливаясь с ними прошёл дальше. Пройдя громадную плотину встретил ученика и спросил где общежитие. Радостно меня встретил и повёл. Дом с наружи очень привлекательный, но когда вошёл в него, увидел сплошной хаос. В коридоре в дверях стёкла побиты и в углах сору с 3-ри Чёрта и на сору лежит, точно умирающая, собака, видимо очень голодная. В спальне был вид ужасный. Койки растрёпаны, сундуки

вместо шкавчиков и какие-то в виде этажерок стоят на каждых 2-х учеников одна. Одним словом беспорядок. «Сдесь говорит у нас по просту-то» сказал мне ученик, мной встречный. Хорошо, думая себе, я уже вижу как у вас по просту. По немногу стали стекаться в корпус, видимо узнали что я пришёл и хотят посмотреть. Некоторые здравствуются, а некоторые и нет. «С волками жить по-волчьи выть» есть пословица и я стал вести себя смело и по простому с ними. Немного погодя сходил к заведующему, доложить что я пришёл, но ему было некогда и велел придти через час вечерком. Вечером я сходил к нему. На вид он очень простой мужчина весь бритый и добрый. Пояснил я почему просрочил не много приезд, поговорили и я ушёл спать.

Вторник 4 июля.

Спалось великолепно. День этот я отдыхал и ходил где мне было угодно. Всё почти новое. Немного меня завлекло. В обед ходил к заведующему, показал документ, который и пришлось оставить в конторе. На следующий день решил идти на практику. Познакомился с одним, который мне понравился лучше всех на первое время, отдал ему деньги на сбережение, которые у меня оказались около 5 лимонов и некоторые вещи.

Среда 5 июля.

Встал утром в 6 часов и отправился на наряд. Назначили опрыскивать сад из опрыскивателя «Помона». Сначала составили инсектисид. Вылили в кирпичное водоместилище 70 вёдер воды; разтолкли купороса железного сначала и распустили его в воде этой, потом такое же количество извести гашёной. Потом парижскую зелень стали разводить одним словом приходится на 20 вёдер 3 фунта купороса 3 фунта извести и $^3/_4$ фунта парижской зелени. После обеда был на теоретических. Русском яз. и арифметике.

Четверг 6 июля.

Тоже опрыскивал сад и ходил на демонстративные занятия по энтомологии и почвоведению. Рассматривали личинки и куколки яблоневой моли, медянку, яблоневую тлю, паршу. Лекция была очень хорошая.

Пятница 7 июля.

До обеда опрыскивал сад, после обеда ходил на демонстрационные занятия по технической переработке плодов и овощей. Много получил полезного. Сдесь школа богата сушилками и прессами для отжимания сока из фруктов. После всех работ ходил подставлять подпоры под яблони (все ученики).

Суббота 8 июля.

До обеда ходил работать в питомник. После обеда несчитаясь с отдыхом пришлось убирать сено а потом выкупавшись и отдохнувши, пошёл с 3 кл. на демонстративные по садоводству в питомник. Лекция была о работе в питомнике до окулировки, окулировка и последующие работы до обрезки на шип. После лекции работал немного в саду, поставил подпор 15. Сдесь у нас ведутся сверх урочные работы потому что не хватает рабочих сил. Да написал заявление в совет чтобы приняли учеником, что будет не знаю. Сегодня начал свой дневник.

Воскресение 9 июля.

Сегодня хотя и день отдыха, но отдохнуть совсем не пришлось. С утра дописывал дневник после обеда собирал сено. Чёрт знает что за практические работы, надоело это сено ужасно. На душе что-то тяжело и всё от того что нескем поговорить по душе нет товарища, который бы был понимающим меня. Просто ужас! Из корпуса хоть бы убежал... Да между прочим я долго гулял один. Собирал ягоды, а так-как их было так много, что пришлось забыться. Пришёл в корпус и опять тянет кудато

от этих деревенских замашек. Вот выяснится моё положение насчёт моего прибывания сдесь. Если буду практикантом, то уйду из общей спальни к сторожу в старую контору. Там действительно я буду спокоен и безопасней насчёт дневника.

Что же это значит? Пишу и как будто говорю своему любимому другу Пане. Милый Паня. Что-же я тебе так долго не пишу ведь оказывается только мы друг друга понимаем. Давно давно я тебе не писал. Если тебе так тяжело как и мне то чтоже я делаю, не пишу тебе. Нет, я может быть и написал тебе давно и ещё другим но всё ожидаю когда устроюсь положительно. Предусматривается сделать много и если меня устроит, то получу многое.

Да, еслибы кто нибудь из вас мои друзья взглянул на меня несчастного, когда я смотрю открытыми глазами на недостатки учеников!.. но я боюсь даже их писать. Как у меня, я знаю, изменяется физиономия от волнения души. Я болею, а им это удовольствие. Ладно, не стану тревожить больные струны, оборвутся будет хуже. Вспоминаю слова Пани «Человек подлец ко всему привыкает!»

Понедельник 10 июля.

До обеда ставил подпорки и ужасно не хотелось, но приходится мириться потому что некому работать. В обед работал на пасеке: осматривал магазины. После обеда тоже ставил подпорки.

Вторник 11 июля.

Пошёл на наряд и думал, что опять назначат в сад, но не назначили. Работал весь день в питомнике подготовлял дички к окулировке: подчищал штыблики и сработал 5 рядов. Работа всетаки практичная. Начинаю привыкать к школе и становится всё помилее. Что будет дальше?

Среда 12 июля.

Утром себя чувствовал очень плохо. Что-то бил кашель и было неловко в нутри. Думал что захворал, но ничего прошло. Несмотря на то что сегодня праздник, Петров день, мы работали до обеда, после обеда гуляли. Работал на дичках, сработал 10 рядов в длину 40 с<аженей>. Праздник — скука. Нескем поговорить, приходится развлекаться только с книгой и их пока нет. Вечером вот только пришёл с рыбной ловли, до этого ходил с сачком за бабочками и всё чтобы убить время. Даже писать не мог в корпусе, а ушёл в цветник, где глаз человека не может увидеть. Вспоминал сегодня множество раз Ветошкино. Как там мило было. Товарищи мои могут мыслить кое очем. А сдесь приходится быть птицей...

Четверг 13 июля.

Сегодня встал в 5 часов и читал книгу о вредителях плодового сада. До обеда работал в саду подставлял подпоры и ещё некоторые работы. После обеда был на демонстративных занятиях по огородничеству 1 час и о вредителях 1 час и 1 час по древоводству. Потом сверхурочные на 1 час раставил подпоры.

Сегодня у меня вышло всё продовольствие и начинаю голодать, наваливаться приходится на яблоки. Ужинать даже хлеба нет и завтра весь день приходится быть без хлеба. Чувствуется скверно.

Хоть и голодно, но верю в будущее и это мне помогает привыкнуть к голоду. Многое теперь написал бы, но боже, мой дневник находится не заперт и нет замка и так оставляю чтобы никто не заметил. Я ведь с ним скрываюсь и нельзя не скрываться «публика»...

Пятница 14 июля.

Сегодня день выдающийся. Страшно голодно, хлеба съел $^1/_2$ фунта за $1^1/_2$ суток, но несмотря на это чувствуется хорошо. До обеда работал в питомнике, выводил полуштамбовые (из кустарников) манжурские клёны. Работа ужасно интересная,

а потому не чувствовал голода. После обеда был на зачётах по земледелию у 3 класса. Затем пошёл на пасеку осматривать ульи и вместе с тем была прочитана лекция по пчеловодству. За пчеловодством читали лекцию по технической переработке плодов (о приготовлении вина из смородины, что будем делать наверное через два дня, готово уже всё). Одним словом сегодня день хоть и голодный но так мил. Притом я уже стал учеником 3 класса что давно хотелось, потому что из этой школы в училища даётся больше прав чем с нашей Ветошкинской.

В свободное время так хочется читать, это ужасно мне себе представить, но дома не могу, потому что нет энергии, да и с чего? Что кушаю?! Терпи же очень многое пока, может быть дальше улучшится положение моё и в этом я уверен. С педагогами почти ознакомился со всеми близко. Проделал бы много научных работ по энтомологии, но нет приспособлений пока, потом как-нибудь авось налажу.

С сегодняшнего дня я стал чувствовать себя много свободнее перед учениками, потому что я сам ученик. О доме приходится часто вспоминать потому что во всём недостаток. Теперь я только понял, что я решился на серьёзное дело и много рискованное, приходится теперь приспосабливаться и в иных местах лавировать. Хочется дикламировать, но за неимением книги пою песни.

Суббота 15 июля.

Славное настроение весь день, а почему? потому что работаешь по душе и так быстро и хорошо. До обеда я работал в питомнике и сработал много что нужно бы сработать за весь день, вырезал кустарники и из них же выводил полуштамбовые клёны. До обеда кончил и обстриг несколько живой изгороди из жимолости. После обеда читал ботанику и читавши в парке уснул. Потом начались занятия практические; была окулировка. Наставляли ряды искуственных дичков из ивняка и их прививали. Это подготовка к действительной окулировке.

Время течёт хорошо и ни одной минутки стараешься не потерять даром. Удивительно то, как скоро я мог заинтересовать собой почти каждого педагога своим любопытством ко всему. Теперь я освоился со всеми. Написать хочется больше Петьке Хохлову, Штатнову и другим, но нет бумаги. Ходил занимать в контору, но там её нет. Ещё схожу к педагогам и тогда уж напишу, да если будет хорошее настроение! Опишу всё до одного мгновения моей жизни с отъезда из дома. Плохо тем, что я в дневник не могу писать постоянно, а это потому, что негде его хранить. Пишу только вечером. В Ветошкине не мог описать свои чувства и сдесь не приходится. Мне не хочется чтобы знали что у меня ведётся дневник. Если узнают ученики и держать его так как я (не запертым) не возможно.

Воскресенье 16 июля.

Встал утром в 6 часов и прочитал до 2-х часов, потом пошёл от скуки ловить рыбу. В школе так скучно было, просто ужас! Хотел письма писать, но до того увлёкся книгой, что не мог оторваться.

Понедельник 17 июля.

До обеда работал на пасеке, снимать пришлось один рой. Что же это такое всё бьёт меня кашель то по ночам к утру, то днём. Хотя, когда ехал сюда очень вероятно простудился. И всё проклятые жиды!

После обеда занятия классные. На последнем уроке какая-то сволочь унёс кодовый ножек и пропал, спрашивал всех тем более из 3 кл. Вечером качал мёд и объелся чуть-было мёдом. Жалко ножек, теперь я без него как без рук.

Вторник 18 июля.

Весь день работал в питомнике, пропалывал дички вишни. Готовлюсь к зачётам. Всё-таки каждый день немного, да нового узнаёшь. Всетаки трудно освоится вдруг.

Среда 19 июля.

Противный день! С самого утра ходил приготовлять дички к окулировке, но это всё ничего, самое главное, это полка. Всех, в том числе и педагоги, просо полоть нарядили. Такая скверная работа ужас. Утром и до обеда меня мучил вопрос об обыске учеников, делать обыск или нет? И решил сделать. Это меня побудило ещё то, что завтра отпуск 2-х недельный 1 и 2 классам. Пришли все обедать и пообедав председатель объявил обыск. Обыскивал сам, потому что не доверял никому. Обыскав всех не нашёл. Так было неудобно обыскивать, просто ужас, но очень хотелось найти вора.

Воскресенье 23 июля.

За последнее время мне даже не хватает время записать в дневник того, что происходило со мной в тот день. Те все дни после обеда полол просо, а до обеда работал в питомнике на огороде и в цветнике. Просо пололи всем населением, потому что нет сезонных рабочих. Работа — полка ужастно не нравится, но ничего не поделаешь в виду недостатка рабочей силы. Сегодня с утра сгребал рой и очень боялся как-бы не изкусали, потому что не удобно выходить на сцену с искажённой физиономией. Скверно выходит. Да, действительно я переменился при голодовке. Когда я голодный, то способен идти куда угодно и не страшусь ничего, потому что сдесь жульничество привилось. Вчера было направился подрывать казённую картошку, нужда заставила, нечего ужинать, но подрыл курня два и нашёл картошку с горох, бросил и ушёл. Удивляюсь, как это я не заболею столько яблоков съедаю это ужас! Зарекался сырые есть, но голод заставляет. Частенько приходится вспоминать дом. Там не приходится рисковать чем-то, но сдесь при таких условиях на каждом шагу. Если не попался в саду, то рискуешь, какбы не получить болезнь с этой зелени. Несмотря на все эти трудные условия, всетаки с какой жаждой хочется учится. Жалко минуты упускать напрасно и не упустил бы кажется, но не хватает силы. Иногда соглашаешся на то, что кто-нибудь бы тебя по эксплуатировал, но дал что-нибудь поесть. Больше беру терпением. Я слишком горд чтобы позволять каждому себя эксплуатировать.

За последнее время я стал говорить правду в глаза и без всякого страху что меня как бы за правду не поймали, что сдесь и наблюдается. Здесь чистая монархия. Возьмём пример такой. Пасека находится в руках зав<едующего> и никто в его дела не вмешивается. Полку нельзя бросать до тех пор пока не бросит зав<едующий>. Все его боятся. Старый режим благодаря темноте рабочих, неразвитых учеников и трусов педагогов.

Как мне не нравится общество! Ведь это гнилой угол больше ничего. И утешаться приходится только тем, что окончишь училище или техникум, лучше бы последнее, получишь бумажку и отправляйся. Знания я получу потому что ещё никогда не хотелось так учится, как теперь. Побуду до осени, вопрос выяснится.

Воскресенье 30 июля.

Воскресенье — всем день отдыха, а мне нет видно его. Мне пришлось, или вернее сказать я уж привык, встать не позднее 6 часов. Встав, сходил на парники стянул луку, что-бы обеспечить себя на неделю, отнёс сторожу овощи, которые причитаются ему на неделю, приготовил себе на завтрак свёклы, иначе пришлось бы быть без завтрака. Хлеба уже нет 2 сутки. Кушаем кое-что из зелени. Всё это сделал, начал готовиться по русскому языку к зачёту. Забыл что-то теорию словесности. Сегодня должен был прийти Лисс и меня проэкзаменовать по русскому языку и арифметике. Пождал до обеда и выйдя уже из терпения, пошёл к нему домой. Дома получил самый скверный результат, держать только по устному, а письменное всё вместе.

Я чуть не послал его к «Чёрту»... Этим он меня хотел провалить. После некоторого усилия с моей стороны, он согласился сделать сегодня зачёт полный по арифметике, но с условием прийти через $1^1/_2$ часа. С этим я согласился. Пошёл от него в спальню. Готовиться не хочется да и настроение пало. Вдруг мелькнула в голове такая мысль: Дай пойду к Журкину, преподавателю по огородничеству и испытаю своё счастье на зачёте по огородничеству. Взяв зачётную книгу быстро и уверенно помчался. Встреча была хорошая, видно в весёлом настроении был, несмотря на то что сутки не ел хлеба. Сел на стул я и он передо мной.

Первым вопросом была обработка почвы в огороде потом полные и неполные удобрения, севооборот на огороде. Частная культура капусты, лука, картофеля, моркови, свёклы, сколько семян на десятину для чего требуется, калий и фосфор растений; на всё я ему ответил кроме как на вопрос сколько семян требуется на десятину (моркови). Стал вычислять по грядкам, она равна 5 кв. саж<еней>, а на неё 2 лота, но он видя, что я всё равно узнаю сказал мне сдал на (3) удовлетворительно по теорет<ическим> и на 3 по практич<еским>.

Не успел прийти с зачёта как Лисс пришёл. Этот сам ни Чёрта не знает, а меня по книге прогонял целых $1^1/_2$ часа только по устной арифметике, потом решил 2 задачи на простые дроби и десятичные. Этому на все вопросы ответил. Русский отложил до завтрашнего дня. И так я сегодня сдал зачёт по двум предметам. Сколько время работал и день ещё не шлёт за горы светило. Хоть ночь бы успокоила. Предмет учиться на первом плане в голове, но без пищи как учиться?..

Этот вопрос спокоя не даёт: то тянет в сад коричных хоть с пола подобрать, которые поела плодожерка, то в огород помчишься к парникам, сквозь рамы рыщеш по плетям, надеясь тут-уж есть, немного подросли и вырвав с плетями пару другую, опять бежишь толпиться в спальну. И так молишь чтобы день скорее пробежал. В школе скука, нету никого весь день. Куда они все запропали? Да что они? Мне всё равно скучать и с ними. В них нет мне друга по душе, какие были в школе нашей. Ведь что дал бы, чтобы снова возвратить мне светлые те дни. Как хорошо ведь было по сравнению с текущею жизнью. Там и веселье и работа всегда спорится всякая, а сдесь работы масса и работаем, но всё ты чем-то обижен до глубины души. Теперь живу лишь только я мечтами. Мечты они и более ничто. И так вся жизнь моя мечты. Мечтал я много там в Б. Болдинском глухом ущелье всё рвался на просторы, но нет, не суждено мне быть в просторе как другие. А может быть блеснёт заря и луч свой солнце золотой пошлёт в глухой мой уголок!.. Какая страсть желанья увидеть Паню, друга моего, или с Петькой хоть словом перекинуться. Жду письма из дома и отовсюду с нетерпеньем. Нет лучше бросить всё к Чертям и быть всегда в надежде на будущее светлое. Трудно учиться и трудно хондрить! Но лучше пусть трудно, чем в Б. Болдине хондрить!

Понедельник 31 июля.

Вчера ночью совершенно не спалось. Обещание дал себе сходить за картошкой, но не сходил потому что тов. Маковский не согласился идти, боясь что ночью её караулят. Сегодня уже три дня как я крошки хлеба не видел. Хотя и голодно, но я себя чувствую бодро, работаю охотно и занимаюсь в свободное время от работ школьных. Утром до завтрака сдал дежурство по огороду и несколько пополол земляники. Потом до обеда был на окулировке, подвязал два ряда за Соколовым. Подвязывать всетаки наспецилизировался. После обеда я стал окулировать, а Соколов подвязывать. Окулировал ряд 63 дичка. Я замечаю, что я худею и страшную ненормальность в себе. У меня кашель не перестаёт, так думаю что у меня запущеный. Это меня страшит настроение под вечер скверное. Чтото об доме соскучился.

Вторник 1 августа.

Сегодня весь день окулировал и сработал 2 ряда (180 ш.) в том числе сорта: Чёрное дерево, Штрейфлинг, Скрижапель, а вчера полный ряд Аниса. Окулировать в полном смысле научился. Теперь и живётся ничего, хлеб есть и больше ничего не надо. Практические работы подвигаются. Главное то, что хороший руководитель по окулировке.

Среда 2 августа.

Сегодня тоже окулировал до обеда, а после обеда подвязывал за Симоновым. Окулировал 105 штук. Погода 3 день стоит превосходная. Крестьяне уже убрали все ржаные с поля даже косят яровые.

Четверг 3 августа.

Сегодня видно придётся остаться без пальцев. Нарядили прореживать морковь, а она совершенно засорена и посажена на суглинистой почве. Хорошая погода.

Пятница 4 августа.

Утро беспокойства. Под впечатлением раннего прохладно-шумного утра, все в корпусе так сладко спали, что трудно стоило бы разбудить еслибы случился даже какой-нибудь несчастный случай. В природе, мне так казалось, всё твердило за то, чтобы все кто имеет какую нибудь силу в управительственном деле совхоза, вставали. Но оказывается не пришлось природе пробудить таковых и она тщетно затрачивала шелест листвы, хлопанье дверми спален и наружных дверей, не исключая и створок рам. Не спалось одному только мне. Я очевидно первым в совхозе отозвался на призыв природы. Я встал в 3 часа ночи и не мог заснуть.

Причиной этому был призыв меня на картошку, которая находится в 100 саженях от спальни, начинание дежурного по хозяйству; тоесть нужно пораньше встать и идти за молоком ученикам к завтраку, и моё личное самовнушение ещё с вечера, чтобы пораньше встать. Проснулся и посмотрел на улицу, где уже совсем было светло, мне мелькнула мысль сходить за картошкой. Это время, думаю будет самое удобное. Попробовал побудить товарища по спальне но тот отказался, сказав, что у него болит голова. Я не долго думая накинув на плечо тужурку пошёл за картошкой. Не без страха прошёл мимо окон преподавателя, которых никак нельзя миновать и пошёл дальше. Осмотрел предварительно всё, потом начал подкапывать. Земля твёрдая а ничего острого с собой не взял и пришлось поломать ногти. Проклял всю картошку, Чёрт её возми, когда обломил один ноготь до крови почти. Ну это ладно подживет или привыкнет, а я с картошкой (солянум у нас все зовут).

Утром приготовил превосходный суп. В это же утро сходил в сад за яблоками, потом за водой в колодец и всё благодаря такому утру. Теперь начался дождь.

Вторник 8 августа.

Я совершенно забыл свой дневник. Много работаю, а не пишу. Это объясняется тем, что иногда прямо некогда, а иногда нет возможности. Сегодня встал в 4 часа утра и не мог заснуть. Ночь не спалось и день чувствую себя отвратительно: вяло, какой то безсильный. Работа на ум нейдёт. Вчера и сегодня окулировал. Сегодня особенно я растроился. Несмотря на всё это сдал один зачёт Гайдуку по почвоведению. Пошёл сдавать, а голова ничего не варит. Знал сравнительно хорошо, а пошёл и чувствовал себя не знающим. Ответил всетаки, спрашивал очень мало. Потом написал в школьный совет заявление, чтобы он хлопотал мне командировку в Москву в Петровско — Разумовскую Академию. Страшно подумать, хочу ехать в высшее учебное заведение, а не знаю математики. Это меня волнует до глубины души. Вдруг 20 лет и я не могу поступить в Агрономический факультет. Ах с кем нибудь хоть бы скуку разогнать. Думаю и то если не поступлю в Москве, то окончив тех-

никум свой буду служить и дальше учиться не стану. Ведь я измучился только одними мечтами. Нет! моя душа желает что-то особенное. Не могу я спокойно жить. Всё меня волнует, всё мне хочется знать, но ум не постигает, а по этому приходится душой страдать. Нет товарища — самое скверное дело. Я иногда не рад своей жизни, когда у меня является стремление учиться дальше, но нет возможности. Хотябы одной минутой воспользоваться поговорить с Паней. Он ведь тоже так страдает как и я. Эх жизнь. Когда эти мучения кончатся. Видно и самому придётся окончить жизнь вместе с мучениями. А ну что будет. Буду бороться с жизнью хоть так тяжело. Я обезсилил ещё от жизненных условий. Горячего не кушаю уже кажется другую неделю, в спальне у нас грязь, так уж привык. Человек подлец ко всему привыкает. Да, в субботу 5 августа ходили в экскурсию к Ярцеву на пасеку. Хорошая образцовая пасека; есть наблюдательный улей, контрольный и другие приспособления. Потом Ярцев участвует в сотрудничестве журнала «Пчеловодная Жизнь». Ещё что? Да загрызли было нас его собаки и всё. Правда, поели много орехов.

Августа 26 суббота.

Эта суббота была днём первым моей халатности к дневнику. И продолжалась вот до сих пор пока я не перешёл в новую обстановку жизни.

Воскресенье 1 октября.

Теперь вот я почувствовал свободу к своему дневнику и в дневнике. Мне никто не мешает и я в безопасном положении во всех отношениях. Мой Родионыч старик хороший и читать не умеет. Я сдесь устроюсь как мне надо. Публика к которой я до некоторой степени уже привык, меня не потревожит своим вечным пустым смехом. Сдесь мне возможно скоро опять войти в свою прежнюю колею, колею постоянного «дела». Верно, та публика на меня повлияла только на почве голода. Я потдался своему желудку, что было необходимо, и сделал связь с некоторыми учениками, которые живут идеалом «поесть». Мне тоже пришлось с ними делать разные проделки и вместе бездельничать. В настоящее время я в состоянии делать то, что мне нужно телесно и духовно и на всё хватит время. В нашем общежитии невыносимо стало жить; холодно, что не возможно спать под 3-мя одеялами. Позавчера я решил так, если меня не переведут из общежития к Родионычу в бывшую старую контору, то я уезжаю домой. Иначе нельзя было поступить. Два выхода: или сдесь заболеть от холода, или ехать домой. И вот разрешили перейти к Родионычу где и живём в двоем.

28 числа сентября приехал с губернской с/х выставки, которая продолжалась целую неделю. Уехали в Рязань с экспонатами 18 сентября в понедельник и приехали 19 числа утром. Двадцатого числа встретил в Рязани Гаврилова Василия, скитающегося по школам и узнал что Хохлов сгорел, что меня до невероятности встревожило. 22-го открылась выставка. На выставке было много интересного и полезного. Вечером ходил по Рязани гулять, а иногда и в «Кино» «Сквер» на Гришку Распутина; на «Певицу Руф» и «Тёмный Петроград». Потом в «Цирк» где происходила борьба, предварительно была декламация и пение романсов. Время проводил хорошо но только погода была страшно плохая, всё время шли дожди. В конце выставки объявили награды. Нашей школе дали диплом первой степени: по пчеловодству, семеноводству, декоративному садоводству, плодоводству и диплом 2-й степени по огородничеству.

Понедельник 2-го октября.

Неожиданно попал дежурным по огороду. Вот Чёрт возьми так сюрприз. Следить за рабочими, как они каждую минуту дуют себе в руки и жмутся, на них кричать, это ужас! Притом самому приходится ссорится с преподавателем «Иисусом».

Выбирать картошку типичную, ранний цвикхаутский. Руки мёрзнут право так немило. Всё бы ладно, но злит меня этот слишком мелочный Журкин. Вечером получил письмо от Петьки Хохлова, в нём же письмо Дуни Кокаревой. Теперь я удостоверился в несчастьи Петьки и узнал кое что о домашнем. Успокоился немного о доме, но страстно жалею Петя тебя.

Сижу один и жалко горят два ночника, которые видно тоже хотят спать. Вчера ходил в Малышево и оказалась Н... больная. Вечер пропал и мне в душу запал!!!

Вторник 3-го октября.

Верно в дождик не спится. Встал утром рано и всё время так беспокойно ходил то по комнате, то от сушилки до корпуса. Хотел заняться работой, но нет возможности. Писать надо бы кое что, но нет стола. Дождь льёт во всю, ветер с ног сшибает, работать пришлось на чердаке, очищать семена свёклы и лука. Настроение подавленное временем плохим и всем окружающим видом.

Уже вечер; стонет ветер под окном, листья жалобно прощаются со своим летним черенком и насиженой почкой. Всюду льётся жалоба на природу. У меня в сердце тоже «ауканье» жалобного стона. Мне хочется излить всё что я чувствую, но меня стесняет одно: нет света; не могу я располагать светом. Горит газик, но он не издаёт столько света, сколько плачет, мигая точно умирает лебедь над водой. Как жалко время этого золотого, когда каждая минута стоит года...

Нет я больше писать не могу, всё тревожит. Тяжело становится минутами, точно расстаёшься с чем-то, без чего жизнь ничто...

Среда 4-го октября.

Когда это отмучаешся от этого мелочного человека, он мне все нервы изорвал. Так как-будто человек ничего, а на работе с ним сам ангел и то необойдется по хорошему. Люди как-то к нему относятся безучастно, а я не могу. Сегодня он меня вывел из рамок приличия ученика и за этоже хотел жаловаться заведующему. Удивительно, картошка вся не только сырая, а грязная и её ссыпают в сусек. Это ж идиотство. За то что я ему посоветовал её просушить сначала, а потом ссыпать, он возмущался и пошла нашим и вашим.

Я тоже спускать не умею никому. День убил на ссыпанье картофеля до обеда, и после обеда на добывание семян огурцов. Дед Гриша у меня захворал и мне приходится исполнять некоторую работу за него. Я её хорошо исполняю, потому что он хороший «малый».

Да, одно выдающее и очень роковое не записал и не стану, но припомню число и самый сюжет. Хорошо не помню числа, но помню день в пятницу около или 14 сентября я был освобождён, потому что целые сутки работал в сушилке. В этот день все ученики были пьяные в «доску» в том числе и я. Все вели себя буйно, некоторые валялись там где им было не место. Я вёл себя говорят всех отчаяннее. Будто просил кинжал и хотел резать Ущучиных и т.п. Но только к вечеру опомнился немного, когда стали собирать собрание. На собрание меня не пустили ученики. Утром узнал, что собрание занималось критикой моего поведения. Критика со стороны воспитателя была невыносима в отрицательную сторону. В суботу вечером было ещё собрание на котором участвовал и я. Сдесь была жара. Я с похмелья, а воспитатель пьяный. Мало того пришли другие педагоги и сам заведующий. Что было то и описать трудно. Но только на утро следующего дня хотели решить судьбу 5-х учеников самых проказников и виновных во всех проступках.

Дрожало сердце буйно ум работал и толки шли среди учеников. На утро с нарядом приходят и снова сдравствуй коллекция семян, а в понедельник сдравствуй Рязань и вся вина прошла.

Четверг 5-го октября.

Что ни день, то хуже и хуже становится дежурить по огороду. Сегодня до обеда пришлось обрезать свёклу грязную мелкую. После обеда просаботажничал. Вечером так сделалось скучно ужас. Лежал на койке и не помнил себя. Я никогда в жизни так себя не чувствовал разтроено.

О, родина мать! Я мыслей к тебе улетаю. Идти к заведующему долго не решался, потому что я уже ему говорил на эту тему несколько раз и получал отказ. Наконец под сильным желанием домой я пошёл к нему.

У него сидел гость, ему со мной неудобно было разсуждать и он отложил мне до завтра. Что будет завтра незнаю. Утро вечера мудрёнее. Жду с нетерпением письма от Пани Штатного. Как хотелось бы с ним поговорить!

Среда 18 октября.

В настоящее время я уже дома. Кончились все мои душевные муки, причиной которых была администрация и их лож, неправильные действия. Сдесь я чувствую себя гораздо спокойнее. Беспокоят только семейные обстоятельства, но с ними я скоро примиряюсь. Сегодня будет спектакль у нас в котором участвую и я. Ставим «Место судьбы» и «Вова приспособился» комедия. Только с двух репетиций при режиссёрстве Кузовенкова.

Открываюсь перед своим дневником, что у меня нет желания в него заглядывать, а почему? Потому что без него есть с кем поделится мнениями. Я заканчиваю и скоро ли к тебе мой дорогой возвращусь не знаю.

Суббота 4 ноября.

Хотя я и открыл дневник, но как-то не попризванию. Просто от нечего делать. Я не найду себе никакого дела. Ужасная разсеяность на почве катара желудка и катара крупных бронх. Я часто задаюсь таким вопросом что у меня есть чахотка природная, но в скрытой форме, тогда я ещё больше разочаруюсь и хочется скорее покончить жизнь до чуствительных страданий. Вопрос об самоубийстве меня не оставляет почти никогда. Я недаволен собой и думаю, что не могу жить в этом обществе, где только думают как поесть и всё. Меня это неудовлетворяет и когда я думаю, что не хватит моих сил достигнуть хорошей жизни, тогда встаёт вопрос самоубийства. Всему мешает пока моё положение. Условия при которых я живу — самые наихутшие. Мне нет возможности заниматься тем чем я хочу. Это повседневные события. Потом я не имею возможности заработать ничего, а поэтому не могу купить себе необходимое для занятий. Своей инициативы я ни в чём положительно не имею, что мне плохо переносить. К Чёрной работе я плохо способен по своему здоровью. Не могу быть кузнецом исключая земледельца. Я согласился быть бы и земледельцем ради того чтобы иметь свою инициативу, но этого тоже вдруг сделать нельзя.

В жизни у меня нет ничего выдающегося кроме стачки. Тем более в настоящее время у меня ко всему апатия. Не знаю что делать!

Вторник 24 апреля 1923 года, с. Ветошкино.

Когда-то был ты друг мой повседневный, теперь почти не нужным стал ты мне. В стране далёкой безприветной для меня тебя я с страхом и боязнью, но ежедневно открывал. Теперь не только мысль с пера к тебе слетает, но думы нет и мысль к тебе не рвётся. Что это значит, скажи, мой друг ты жизни? Может быть тебе не нужны мои мечты и грёзы? Или ты написан одними муками? Но, нет те муки жизни в уединенье, когда я жил среди леса у пруда, поросшего камышами. Я не писал тебе измученной душою. Всё то, чем жил, что делал, как терпел. Теперь мне всё в тебе так мило, хорошо. Как будто б жил действительно тобой. Прости мой друг за первые

слова, в которых правда чиста и отраженье жизни. Слово «Дневник» открыто, чисто без лжи. Но это слово мной невольно искажено. Прости, прости мой бывший задушевный друг.

Среда 25 Апреля.

Удивительно я чувствую себя хорошо, Почему это? На это можно ответить только одним самым основным, мне дали свободу действия, потом вижу в свою очередь сегодня в хорошем настроении семейную публику и в третьих я неравнодушно ожидаю вечера, который должен меня осчастливить духовно. Мне бывает так легко хорошо, когда мои мечты находят себе убежище и отклик. Теперь я понял вполне, что умственный труд меня сильно изнуряет и что мне необходимо заниматься физическим трудом. Умственный труд с физическим гораздо приятнее одного первого. Но однако нужно сказать, что за пасху я ничего порядочного не сделал, всё только хочу, но не соберусь, по своей лености, оттого ли что всё мешает. Определённо не могу сказать, но допускаю себе думать, что я не могу приняться от себя, т.е. за неимением свой воли. За пасху приходилось только разочаровываться и негодовать на свои условия жизни, а поэтому не мог сконцентрировать своё внимание ни на чём. Правда я занимался и стремился к этому с первых дней, не смотря ни на что, но мне не давали то гости, то свои пьяные, и частое посещение своих товарищей. Я до некоторой степени боролся с своим настроением и сумел бы работать, если-бы не празничные люди. Пьяные донимали комсомольской пасхой, в которой я участвовал, как докладчик «Наука и религия» и в декламации. Со всяким приходится вести споры, но бестолковые и безрезультатные, потому что пьяному, как говориться, хоть кол на голове тёши. Но я далеко пустился; это совсем не относится к сегоднешнему дню. Удивительно, хорошо мне теперь при всём моём неудовлетворении. Я совсем забыл, что надо ехать в Ветошкино и что меня ждёт строгое порицание и одиночные зачёты.

Но это всё чепуха: с зачётами думаю я так легко управлюсь, а выговора избегу уважительными причинами. Что это со мной?

Ведь когда-то я так не хотел оставаться в Ветошкине, а теперь, т.е. за последнее время, я туда стремлюсь и хочу серьёзно заняться аграномией. Да, тогда я мечтал о высоком, о недостижимом так скоро для меня. Я забывал своё материальное положение, которое меня опутало как муху в паутину. Теперь я прозрел и учёл вполне своё положение.

Пятница 27 апреля.

Только что встал с постели и то благодаря неустанному крику матери «пора вставать». Время 8 часов, но я ещё хочу спать. Ночь я не мог хорошо спать. Мне мешает призрак моей славной Л... Этот призрак всегда передо мной, особенно по ночам, иногда я даже в состоянии на яву бредить, представляя себе, что мы с ней вдвоём у заветного крыльца. Сегодня я хотел ей написать пару слов о своём самочуствии, но не мог встать раньше в виду того что психически и физически расстроен. Правдо у меня хотя не сильно, но голова болит. По случаю того, что я спал до 8 часов, это встревожило мою мать и заставило со мной поругаться. Она жалеет, что я не ушёл раньше в Ветошкино и тем не избавился от долгой сдешней спячки по утрам. Я сознаю себя виновным в этом, что долго сплю по утрам.

Я мог бы вставать раньше и заниматься своим делом, но когда спать? Повседневно прихожу не ранее 12 часов ночи с улицы; два часа не могу уснуть, потом начинаю бредить в полусне, почти до утра, утром положительно не спится и так проходят все ночи, пока я сдесь на каникулах, особенно после пасхальной недели. Днём мне работать не мешает ничего, но зачастую некогда заниматься семейной работой.

Да, нужно подразумевать под моей работой больше не физическую, а умственную. Рвусь скорей бы в Ветошкино, там мне представится возможность заниматься всем, чем я пожелаю. День сегодня думаю пройдёт так пусто, что нечем будет вспомянуть. Это предсказало утро сегодняшнего дня. Ну, а надо заняться делом. Хочу сегодня прочитать теорию словестности.

Суббота 28 апреля.

Кажется сегодня первый день так сильно веет весной. Надоела эта зима не только Человеку, но и всем животным, беспощадно ревущим и, непонимая никаких преград, рвущихся на волю. Мне пришлось столкнуться эти дни со скотом, а потому я не могу так равнодушно отнестись к нему, не записав этого впечатления в дневник. Как-будто ничего не делаешь особенного но почти всё время убиваешь в хозяйстве: то лошадь корми, на что требуется сравнительно много времени. Тем более я свою лошадь очень люблю за её красоту, быстроту и сметливость, лошадь чудо хороша. Нужно её ежедневно чистить и около неё чистить, убирать около двора за тем, да за этим и больше полудня убираешь. И так не приходится серьёзно заняться ничем. Вчера не был на улице вечером, занимался переписыванием книг. Конечно, меня трудно было удержать, если бы не уважительная причина. Но нужно сказать, что я сдесь никогда ничем не займусь. Меня волнует отчасти и все домашние, притом ум отвлечён в ту сторону где живёт славная О...

Просто ум колется и во всём находишь беспорядок. Надо поскорее от сюда убираться подальше, чтоб хоть немножко забыться и заняться серьёзным делом.

Не нравится мне эта жизнь, когда после каждого дня нечего подытожить у себя в уме. Дни текут за днями и все одинаковы, конечно для ума, но не для сердца!..

Воскресенье 13 мая, «Ветошкино».

Сегодня день прошёл и нет от него никакого следа. Утром проснулся в 9 часов и едва мог встать с койки в 10 часов. Со Штатновым вчера ещё уговорился сегодня идти в фото сниматься. Не смотря на то, что несколько раз раздумывали приходим к заключению не идти по причине дождя, всеже к вечеру сходили, но напрасно. Отложено до четверга. Уже 7 часов вечера. Я устал: но для приятности взял в руки книгу и совсем безсознательно её перелистываю. Погода чудная в корпусе ни единой души кроме нас двоих с Федей. Феде видно также тяжело как и мне. Я устал физически, а он нравственно погряз в дебрях любви. Читая Виктора Гофмана он живёт пришлым блаженством, которое как-будто отлетело навсегда.

Я долго смотрел в окно немым взором в ту даль, где когда-то был обвеян ласками, тихим шёпотом и жгучими поцелуями. Вот она передо мной... Вот её крыльцо и она славная Лелечка с ожидающей миной на лице. Я скоро прогнал этот кошмар, чтобы не так ярко это бросилось в глаза Феде и ушёл от окна. О сколько нужно энергии на то, чтоб перенести столько таких картин и будучи не замеченным никем. Сердце рвётся с неимоверной быстротой туда, где его понимают и ласкают, где такое же пламенное сердце как и моё жаждет любви, восторга и счастья. Нет сил больше мечтать. Только мечты и больше ничто!

Вторник 15 мая.

Мне почему-то хочется в дневник писать только об Л... Может быть это потому, что я в дневник пишу всегда вечером, когда думы летят только к ней? Удивляюсь собой, я стал очень непостоянный, думаю одно, а делаю другое. Днём в голове сконструируется один план и уже решу его провести в жизнь, но нет, что-то не позволяет. Что со мной, я не могу определить. Не смотря на свою непостоянность, может-быть слабую силу воли я всеже неимоверно верю в свои планы и предполагаю что они все исполнятся, только придётся немного взять себя в руки. Я только

чего-то жду необыкновенного, но чего? Почему я ни за что не могу взяться? Иногда начинаю что-нибудь делать, но мигом бросаю всё к Чёрту. Неужели я не привык работать сильно? Нет, я себе этого не допускаю думать! Ведь чувствуешь порывы к работе как никогда! Что же со мной творится? Правда сдесь теперь сфера и обстановка немного неподходящая; я не могу один заниматься а другие будут петь песни около меня. Пожалуй и это не оправдание! Теперь весна, тепло, сухо, можно куда угодно уйти и заниматься. Значит заниматься нет желанья. Это последнее следствие и оно должно быть правильно. Нужно взять себя в руки. Довольно заниматься пустяками. Первое время придётся немного понасиловать себя, но человек подлец ко всему привыкает. Это нужно в конце концов сделать! Чувствуется, что я сильно горячусь, но всё же это не останется мечтами а делом. Несмотря на тёплый ласкающий вечер все гуляют на улице по чудному парку а я дал себе слово не идти никуда, а занятся делом. Сказал и сделал. Теперь я обещал использовать каждую свободную минуту. Я хочу быть действительно Человеком ума, т.е. знающим сельское хозяйство.

Да здравствует труд и полезные весёлые и приятные для сердца антракты труда!

Среда 16 мая.

Утро — чудо. Пробило пять часов и я готов уже заниматься. Мне становится немного странным, когда я надумал не случайно ли я встал так рано и стал заниматься. Но нет, так рано просыпался и в прошлые ночи, но почему то не мог заниматься. Это подействовало на меня вчерашнее решение. Я мог подействовать на волю и во всяком случае её подчинить. Может-быть мне сегодня утром не придётся заниматься так серьёзно но я сделаю почин. Читаю Мистерии Кнута Гамсуна. Рано ложится и рано вставать мой лозунг.

Четверг 17 мая. (Вознесенье).

Сегодня с утра никуда не выхожу из своей спальни. С утра сильно болела голова, а потому не мог рано заниматься. С 7 часов утра начал читать роман Мистерии Кнута Гамсуна. Нужно отдать справедливость, что только этот роман поддерживал во мне весёлое настроение до 3 часов пополудне. Это настроение потом сменилось и то благодаря того, что не удалось сняться на фотографическую карточку с Паней Штатновым, конечно виновником оказался денежный недостаток. Он также отказался сниматься с своим классом по причине той, что не имеет с ним ничего общего. Мы теперь с ним в натянутых отношениях. Это видно из того, что он ко мне ни зачем не обращается и смотрит как-то подавленно. Я тоже ему отвечаю тем, надеюсь это к вечеру всё уладим. Теперь мне нужно кое что у него спросить, но я не могу, почему это? Но я уверен не потому, что этот неприятный сегодняшний день так действует на меня. Вообще настроение отвратительное, работать не хочется по причине натянутости нерв с Паней. Я к этому не могу относится хладнокровно. С ним часто идут вспышки по пустяку из-за того, что мы оба самолюбивы.

Эти вспышки у меня долго не сглаживаются с сердца. Нет, нужно сходить гулять или взяться за алгебру, одним словом ум занять чем нибудь противозлобным. До вечера ещё долго. Что-то покажет ещё он хорошего?

Вечер 17 мая.

Настроение вполне сменилось в противоположную сторону. У главного дома сегодня были даны танцы. Я танцевал до безумия и пожалуй никогда так не чувствовал восторжено. Я забыл про всё, для меня в эти часы ничто не существовало и ничто не затрагивало. Почему я забылся? Ведь я никем сдесь ни заинтересован и ничего меня не привлекало. Я как будто был во сне и проснулся только теперь, когда всё кончилось. Теперь я уношусь мечтами в другие края и это для меня состав-

ляет громадное удовольствие. Вижу как на яву, что в Болдине около церкви народ и среди народа «она» как облако на синелазурном небе, освещённым бледным сиянием луны. С каким-бы удовольствием побывал теперь в Болдине! И прислушался к ласкающему крыльцу, как вот только что прокричавшая сова прислушивается к отзывающей в далеко затаённой лесной глуши. Она кричит всё ближе и ближе... так и я уношусь всё ближе и ближе к тому заветному крыльцу.

19 мая. Суббота. В 1 час пополудня.

Читаю другой раз поэму «Мёртвые души» Гоголя. В коридоре заиграла торжественная музыка. Меня эта музыка привлекла, но я читаю. Читаю ли я? Нет, я не читаю, а просто пробегаю глазами по строчкам и машинально не передумывая перечитываемого слово за словом. Музыка ударила мне по больным струнам и заставила мечтать о средствах к излечению таковых. Представилась вторая ступень, много народа — учеников и учениц. Этот вальс над волнами сопровождается вихрем вальсирующих в том числе и Леля.

Леля такая хорошенькая, со смеющими глазами и полуоткрытым ртом, из которого обнаруживается несколько белых зубов. Она шаловливо потрагивает меня за правое плечо и тихо мне шепчет какие-то невнятные слова. Музыка прерывается и я прихожу в себя. Вошёл Паня, повернулся и пошёл было из комнаты, но вот воротился, видно заметил что-то за мной. Долго не мог оставаться и ушёл.

О да, скоро буду в Болдине ещё несколько дней. Всё жду от неё письма с горячим ожиданием меня в Болдино. Жду и сомневаюсь, думая сделает так, как раньше. Нет, этого она не может сделать. Она меня не заставит терзаться. Паня, Паня! Вчера ты меня пацеловал в шею при отдыхе на кровати, а сегодня опять неприятность. Мы оба с ним ненормальные: он от стихов и от растройства нервов а я от любви. И это нужно сознать, что она на меня сильно действует.

Да, теперь я раскаиваюсь в одном поступке сделанным мной во время встречи Феди из дома, но теперь поздно. Это будет уроком раз на всегда.

21 мая. Понедельник.

Вчера вечером на терасе я видел Горину. И чтоже? Поздоровался с холодным видом и стал разговаривать на Вы, чего не наблюдалось до вчерашнего вечера. Она осунулась, такая несимпатичная ужасно, похожа скоре не на барышню, а на женщину. Мне не хотелось с ней разговаривать, но для приличия я стал. Как скоро всё изменилось! Из её слов «Я хочу сейчас домой» мне было понятно, что она хочет моего внимания, но я его не оказал и скоро ушёл от неё прочь. Что она потом чувствовала, это известно только одному Всевышнему. Мне гораздо было приятнее стоять одному и не замечать её. У ней даже и походка изменилась. Со мной она себя вела ненормально. На мой вопрос, почему она похудела, мне ответила «Влюблена», чувствовала себя со мой очень развязно. Взглянув на моё выражение лица, она не могла не понять моего отношения к ней и тот-час закончила разговор на любовную тему. Я даже не позволил посмотреть ей пристально в лицо, но устремил свой взгляд в догорающий горизонт. Я понял, что всё отлетело безследно и безвозвратно. Чтобы долго не задумываться над этим стал танцевать с Бухарками не обходя и деревенских девочек. В конце вечера получился маленький инцидент, но всё прошло благополучно.

5 июня. Вторник.

Только-что пришёл с гулянья и время 12 ночи. Случайно через одну девицу получаю записку от Гориной, что она сегодня может гулять со мной несколько минут. Не задумываясь долго, я собрался и пошёл. Идя к ней я чувствовал некоторое удовольствие, но когда увидал её сменилось всё на хладнокровность. Мне не хо-

чется заводить с ней разговор на любовную тему. Говорили о посторонних и очень случайных вопросах, но дорогой к её дому она мне высказала свою любовь ко мне, хотя уже это повторение того, что было сказано в воскресение. Как в воскресенье, так и сегодня она мне говорила, что я её не люблю, но всё это скорее старалась замять. Думаю, что не трудно этого и не заметить. Я с ней особенно почему то холоден, оффициален и учтив. Совершенно нет желания шутить и заниматься всякими амурами. Ну, спрашивается, зачем же я гуляю?.. Это от части остатки прежней любви и часть из-за жалости к ней. А зачем я ей говорю что люблю? Я трушу ей отказать. Она на меня смотрит жалкими просящими глазами, это почему? Ну всеже она не могла выпросить у меня любви к ней. Мне кажется, я делаю очень глупо, что её и себя обманываю. Впрочем я ей говорил, что не так люблю, как прежде, но ставил виной этому какие-то причины, разлуки и тому подобные вещи. Нужно-бы и я хотел до этого сказать, что я люблю другую. Напрасно тогда не сказал, это не приведёт к хорошему. Идя домой, в наш корпус, я хотел писать ей письмо, что гулять с ней больше не могу, потому что полюбил другую и больше чем её, а потому ей не могу отдавать должного внимания. Ну, как я стану теперь ей говорить, когда я ей сказал, что не люблю ещё никого? Чёрт возьми, совсем запутался, и всё из-за жалости какой-то. Какой найти выход? Ладно она говорит, что ей нравится терзать того кто её любит, а она не может ему ответить взаимностью, я хотя этого от неё не ожидал. Так вот пусть испытает как наш брат всё это переносит у себя на больном сердце. Оказывается я могу любить только одну. Мои мечты несутся только к одной Л..., с Л... так хорошо как ни с кем...

Но вдруг она приедет сюда и увидит такую картину? Что тогда Л... скажет? Нет, она не поверит ничему. Я сам постараюсь ей всё разсказать и убедить её. Если не поверит, то пусть справится вот сдесь в дневнике, в котором я говорю правду. Надо окончить с Настей в отрицательную сторону. Завтра же напишу ей роковое письмо, как она мне когда-то написала. Значит я обманываю себя. Если бы она мне уже нравилась, тогда другое дело. Можно бы и время провести не без интереса. Да, гуляя сегодня с ней, со мной случилось приключение хорошее, что около пруда ха, ха, ха... Вот где неудобно, ладно хоть я был один, но и она...

7 июня. Четверг.

Жду с нетерпением в Ветошкино Л... Утром видел как пришли мужчина и женщина в голубом платье с катомками за плечами к лесничеству, и что же, весь день я был уверен, что это Л... с дядей. Только вот вечером разбиты мои приметы и теперь я жду их в воскресенье. Я перегружен работой до безконечности, но работать основательно не пробовал. Опять порывы в ВУЗ. Хотя уже это я признал тщетным, но тем не мене попробую готовится по математике и физике. Это я решил исходя из следующих соображений: скоро возьмут на военную службу и эти знания мне очень пригодятся. Мечты в ВУЗ с ума не сходят. В СОМОЛЕ я опять стал на хорошем счету. Теперь выделен в детдом по работе среди детей.

Пятница 8-го июня.

Разрешились сомнения любви. Пелена с моих глаз спала и я мог дальше творить подлость перед своей жертвой. Чуткое сердце женщин заранее предсказывает, что на него обрушится. Сегодня я совсем не был намерен гулять, или вернее встречаться с Н..., но она оказывается была намерена меня встретить как я пойду с репетиции. Ей удалось сделать всё, что требуется влюблённой барышне. После долгой беседы на злобную тему я ей открыл, что к великому, может быть или к ничтожному несчастию для неё, не знаю как на неё подействует, открыл свою любовь к другой. Оказалось это на неё подействовало слишком нервично и она чуть-чуть ни пустилась

в слёзы. Масса была пыток на меня, но я был непоколебим. Не смотря на все сделанное мною, она изъявляет желание и даже просит меня, чтобы я с ней мог быть почаще. Она страдает теперь, а мне делается легче. Так хорошо у меня на душе, как никогда. Теперь она может со мной не гулять зная, что она для меня ни есть «всё», как это представлялось ей раньше.

Всё же сегодня у меня какое-то особенное удовольствие было посидеть с ней. Это видно перед последним концом. Теперь я свободен. Одна только чистая светлая Л... у меня в сердце. Я жду её.

10 июня. Воскресенье.

Вчера получил записку от Н.Г., в которой она меня просит проведать её утром. Слова «нужно поговорить с тобой» меня заставили согласится на её просьбу и написать на записке «Да».

Сегодня утром встал в 6 часов и вышел встречать в 7, как было сказано в записке. Целый час ходил около совхоза во ржи и безпокойно оглядывался по сторонам, иская глазами её. Всё было напрасно. Она не пришла. Мне запало в сердце сомненье, что она хочет меня подвести и тем до некоторой степени мне отомстить. Я ушёл домой с досадой затаённой в сердце. Несмотря ни на что, я продолжал ожидать и следить по направлению где она должна прийти. Наконец успокоился и ушёл домой. В интернате мне сообщают, что меня зовут в совхоз в контору и это сказала Н. Г. Тут я понял всё. Вышел туда и она была от меня в 20 шагах. Объяснился с ней и оказалось, что она ворачивалась один раз обратно только затем чтобы спросить по поводу меня. Конфликт по отношению времени вытек от меня и я это принял своей виной. Всю дорогу до самого леса который был 2 версты, проговорили про жизнь Н.Г. и её маленькие приключения.

Впрочем особенного ничего не было, да и не могло быть, при её жизни уединённой и несмелой. Уже только в лесу разговор пришёл в нужные рамки. Опять мольбы и просьбы с примесью слёз. Это меня сначало не трогало, но потом постепенно начало вкрадываться в мою душу. Она меня просила забыть Л... и отдаться всецело ей, но я на это не мог согласится и мотивировался тем, что я должен обманывать свои чувства, Л... и её. Она с этим невольно согласилась, но продолжала мольбы и слёзы. Не раз вырывались из её уст и уступки, т.е. пусть я буду счастлив с другой. Это продолжалось целый час. Пройдя вёрст 7 мы сели на луг. Я не удивляюсь над тем, что далеко её проводил. Это я сделал весьма охотно хотя она из-за боязни, что я потом буду ругаться, предлагала мне раньше воротиться назад. Мы сели и вдались в игру молчанки. Потом опять просьбы моления и страдания её стороны. Ради прежнего отношения к ней, или уже из-за сострадания, ей удалось немного завоевать и расположить меня к ней. Нежно прижал её талию к себе, я начал ласкать её голову и шептать ласковые слова, которые заставили её ближе прильнуть ко мне. Все эти таинственные слова ласкающие движения и слияния частей той и другой груди вылились в продолжительный, упоительный и сомнительный поцелуй и за ним повторился другой точно такой же. Этим всё кончилось. Она мне твердила, что это прощальные поцелуи, но я против этого выставил только тот аргумент, что я в данный момент под её властью, а поэтому в полне она мной овладела. При этих словах добавил «За будущее ничего не скажу». Появившийся вдали человек прервал нить нашего разговора и мы согласились оба идти дальше до тех пор, как видно будет село Н.

Миг полного счастья, какое только бывает у меня с Л..., но потом всё сменилось и перешло в искусственное. И так пора прощаться. Она на меня глядела как на своего, но мои слова её убили взгляд. Я обещал ей сказать полное решение по отношению

себя к Л... через несколько дней. Эти слова опять её напитали полным сомнением ко мне. На память ей дал свою палку с вензелями, которые вырезал во время ожидания её во ржи у совхоза. Простился и пошёл домой, махая платком ей во след.

Теперь если я отношусь к себе критически, то выясняется что-то совсем другое, нечто новое, что оказывалось на фактах с ней. К настоящему сожалению или к будущему полезному, но я делал многое с умыслом, т.е. с тем чтобы испытать женские натуры, я её целовал не потому, что это обязательно требовало обстоятельство, а просто-напросто посмотреть и поинтересоваться над её физиономией и вообще состоянием как физическим и психическим вцелом. Правда я был тронут, но ни до такой степени чтобы отдаться ей на то мгновение. Нужно сказать правду, что Л... всегда как светлый призрак меня стережёт и не допускает этого сделать над собой. Я не могу от неё отказаться и заменить хотябы Н. Г. Второй день она меня донимает чтоб я ей сказал имя Л..., но я это храню в тайне, а особенно от Н.

11 часов. Сию минуту только пришёл из театра, ставили комедию в 1 действии «Настоящие парни». Сошло по моему сравнительно ничего, только пришлось уйти со сцены не закрывая занавес, потому что не годилось. Сейчас хочу идти в главный дом на танцы. Настроение хотя и скверное, но схожу, авось понравится, забуду немного прошедшее и наберусь новых светлых впечатлений. Ходил сегодня к Б.И. и занимался алгеброй. Дело идёт пока хорошо. Буду усиленно трудиться и что-нибудь до осени получится.

13 июня. Среда.

Для меня сегодняшний день точно для тюремщика первая прогулка после многолетнего заключения. Утром у меня было прекрасное настроение. Я написал статью «Идейный паук», затем работал по математике и к вечеру принял горячее участие в параде в честь организации мной союза юных пионеров при нашем детдоме. Парад прошёл очень живо и хорошо. После всего я задумал прогуляться и нужно сказать, что хотел встретить Н. Г. Да, я её встретил, но что со мной случилось? Меня охватила мысль, зачем это я делаю. Ведь там где-то другое сердце бьётся и также страдает как я. С болью в сердце я решил уйти домой не поздоровавшись с ней. Этому чувству примешалось какое-то другое и составилось теперь самое отвратительное настроение.

Я теперь решил покончить с Н.Г. окончательно все связи. Мне трудно обманывать себя и их обеих. Я теперь же напишу, что я не могу свои чувства расточать на ветер. Пусть мои чувства будут направлены к одной только Лелечке. Я только её одну люблю и могу отдаться ей безвозвратно и беззаветно. Остальное всё только лож и обман. Теперь же начинаю писать письмо Н.Г.

14 июня. Четверг.

Уважаемая Н... Ты не удивляйся тому, что вчера я к тебе не подошёл. Нужно сознаться, что всё это сделано исходя из следующих соображений: я не мог побороть в себе другого человека. Его следы во мне так свежи, хороши, так их много, что ты не в силах их сгладить своим присутствием со мной. Думать о ней и жить прошлым идеально чистым я не могу в тоже время быть с тобой.

Ты меня стала бы спрашивать «почему ты такой молчаливый и так презрительно смотришь на меня», но я этого не хотел, жалея тебя и себя. Я не хотел этого сделать по тому, ты помнишь что было со мной? Там, на дороге у ржи? Я не хочу этого больше делать. Решение я сделал, но не в твою сторону. Вчера я шёл к тебе, т.е. увидел тебя, но голос далёкий мне не позволил к тебе подойти. Оказывается я больше люблю её, не тебя. Остаётся однако, оставить тебе меня в покое раз и на всегда. Про будущие отношения говорить не стану. Ты меня знаешь.

Воскресение 17 июня.

Разнообразие сегодняшнего дня меня приводит в восторг. С утра я занимался алгеброй до 12 часов, а к вечеру с детьми из детдома сделал экскурсию по парку. С ними целых 3 часа пролетели невидимкой. Сначала посыпались вопросы по ботанике это названия цветов; любопытство к цветам в них особенно развито. Затем я им поговорил про вред бабочек, которые у меня были под руками, даже и вывел под собственным наблюдением. Побеседовав пошёл купаться. Дети особенно интересуются природой, и нужно отметить, что некоторые из них много знают, хотя редким больше классной. Руководительница со мной была прекрасная пышечка Е.Л. Шилова, симпатичной наружности с ласковым тоном в разговоре и неравнодушная ко всякому более или менее красивому мужчине. Работа эта для меня очень интересная, хотя по этой отросли уверен не придётся работать. Я теперь неотрывно занимаюсь алгеброй каждую свободную минуту.

Воскресение 24 июня.

В нашей местности вот уже неделя как появилась яркая комета — Клавдия Иванова. Год тому назад она для меня была не просто девица, а чудо-дева. Хотя и теперь чувствуется старое что-то, но не так.

Вторник 3 июля.

Вчера вечером пришёл из отпуска Б. Болдина. Брал отпуск только на четыре дня. Отпуск мой, вернее сказать цели отпуска, не увенчались должным успехом.

С Л... не мог видеться, что главное моего отпуска. Дома проделал некоторую работу по пчеловодству, оставил себе единственный рой. Благополучие семьи скверное. Дела идут плохо. Настроение домашних поправилось с первым осадком дождя. У меня настроение непонятное. Какая-то апатия.

12 часов ночи. Больной вопрос не оставляет меня. Стоило только растравить эту рану, как оно опять продолжает ныть. Вечером услышал, что Киселёв получил командировку в ВУЗ, меня взволновало и в голове стали роиться всевозможные мысли. Наконец решил идти в Уком РКСМ и просить там командировку, если нет таковых, то отношение в губком РКСМ, чтобы последний дал на Рабфак.

Уже отпросился у зав. техникума и завтра в ночь пойдём с Гришиным в Сергач. Что будет, попытка не шутка?

Пятница 6 июля.

Ура!.. Получена командировка в ВУЗ; в Институт народного образования Н. Новгорода. Теперь остаётся решить на какой факультет поступать. Знания у меня не надёжные, чтобы поступить на первый курс. Придётся поступить на приготовительный. Об степендии думать теперь не приходится, Уком РКСМ обещал всё сделать. Ну, пришлось повоевать с Укомом. Выставил все мотивы и выслушав их наверное дали бы командировку на Рабфак, но нет мест, всего 13 мест на Губерню, а на уезд 2. Я очень доволен теперь своим положением, не смотря на то, что теперь сижу с разбитыми ногами. Ради учения я готов в Н. Новгород пешком сходить, вот до какой степени хочу учиться. Пока судьба решена, что будет дальше неизвестно.

9 июля. Понедельник.

Ярмарка в Ветошкине в полном разгаре. Народ, как мужчины, так и женщины снуют по всем уголкам Ветошкина, не исключая и наш парк. В этот день у нас состоялась объединённая конференция ячеек комсомола. Повестка дня: 1. Международное положение. 2. Юношеские движения на Западе и в Америке. 3. Доклады секретарей и план работ на летний и осенний период. Я выступал за секретаря своей ячейки, как член бюро комитета. На конференции участвовали и девицы. Вечером были танцы. О, ужас! Что я делал на вечеру! Нюрка Бушуева и я были героями

вечера. Мы танцевали безума. Смех, звонки, громкий разговор наполняли зал, смущали всех, кавалеры и модамы зорко наблюдали за нами. Кажется на другой день займутся разговором о нашем поведении на вечере. Я никогда не вёл себя так, как на этом вечере. Настя Г. зорко наблюдала за мной. Несколько раз хотела со мной заговорить, но я безнадёжно избегал этого.

Мне кажется, сколько мучений мы предоставили двум чувствительным личностям. За ней сквозь слёзы следил Ваня Гавришев, а за мной Н. Мы злобно с наслаждением издевались над ними. В конце вечера мне Н. публично подарила розу красную со своей груди. Чтобы не было резко, я приколол её к своей груди, но через 15 минут по небрежности её потерял. В эту ярмарку я познакомился с массой барышень, и из числа всех две-три порядочной красоты.

Пятница 3 августа.

Пришёл во вторник из дома, Б. Болдина. Получил из Укома командировку в Н.П.И., но не надеюсь поступить. Знания поразительно плохие. Надо много готовиться, но уже поздно. В понедельник думаю ехать в Н. Новгород и выяснить дело о поступлении. Я уже решил не быть больше в Бухаринском с/х техникуме. Куда угодно, но не сдесь. Разочарование полнейшее в с/хозяйстве и особенно в нашем техникуме. Впереди всё как-то туманно.

Краткие воспоминания жизни. 25 сентября.

Получив командировку из Сергачского Укома РКСМ, я немедля ни дня стал решать свою судьбу. Знаний в институт недостаточно. Это меня заставило сильно беспокоится. Наконец решил сходить в Нижний и переменить командировку в Промышленно экономический техникум. С большим трудом это всё было сделано. Денег на дорогу достал благодаря распродаже кое-каких своих собственных вещей, избегая всяких треб у домашних. По приезде обратно домой в Болдино пришлось заниматься некоторыми домашними с/х работами. Пришло время ехать на зачёты. Опять моя беда. Нет денег. Надо просить у домашних. Кое-как дали 300 рублей и я отправился в Нижний. Отправляясь говорил не до свидания, а прощай, так не хотел приезжать скоро обратно. По сложившимся обстоятельствам я опять был вынужден поехать домой. Так было и сделано. Нужно было захватить вещи из Ветошкина и сняться там с учёта. Обделал всё, вернулся в Н. Новгород для ученья. О деньгах на дорогу и не приходится говорить. Билет стоил 470 рублей, а мне из дома дали 100 рублей. Проехал благополучно только благодаря скидки 50%, которую достала некая студентка из пед. Института. И вот теперь я в Н. Новгороде, без копейки денег, в плохом общежитии. Хотел поступить на должность, но не удаётся, потому что не попадёшь на биржу труда. Везде встречаются затруднения и мучения. Иной раз так разочаруешься, что бежал бы из техникума.

Суббота 13 октября.

Вот только что пришёл с работы. Усталый, измученный работой и безсонными ночами. Я каждую минуту своей работы проанализировал на своих чувствах. Эти несчастные 6 часов с $^1/_2$ восьмого и до $^1/_2$ второго мне казались годами. Ведь хорошо понимаешь что работать ужасно некогда, но существование требует работы. Возмущает больше то: обязательно нужно работать 8 часов, а не сдельно. Я мог бы сэкономить время два часа и они мне дороги. На работе только портишь нервы. Праздновать, как это делалось в Ветошкино совсем не приходится. Пять часов спать, а 19 работать. Утешаешься только будущим.

Удивительно то, как приходится дорожить временем, когда от тебя жизнь что-то требует. Вот теперь надо готовится по политике, ведь через 4 дня зачёты, а времени так мало. Измученный работой идёшь на лекции и то едва перевариваешь сло-

ва лектора. Сейчас у нас в Пром.Эконном.Институте торжественный вечер, а мне идти ужасно некогда. Зарвался совсем... Так хочется отдохнуть, побывать в родном краю и чуть ли там и не остаться. Вот «она» — слеза, упала и растворила чернила дневника. Да, слишком тяжело жить без посторонней помощи, придётся бросить всё и лечь на кровать.

Это были для меня самые мучительные минуты. Знакомых мало, жизнь не по плечу. Я цеплялся как утопленник за каждую соломинку и терял жизнь на каждом шагу. В одну тяжёлую минуту я в слезах оставил в дневнике отпечаток такой жизни.

Пятница 4 января 1924 года.

Да здравствует новый 24 год, год учёбы и борьбы!!!! Побывал дома и снова в Н. Новгород. Приехал раньше времени в Нижний с отпуска и уехал домой раньше времени. Это есть ненормальность и корень таится в плохой экономической подковке. Дома как-будто бы положение улучшается, но мой взгляд не прельщается всем этим. Я нашёл утешение только в свиданье с милой Лелечкой. Вот только что осталось так ярко в памяти. С начала я к ней чувствовал просто жалость, но затем жалость сменилась любовью. Надо не скрывать, что любовь такая периодическая, временем я пожалуй Лелю и сменил бы на другую, как это было в вагоне 2-го января. Я совсем очаровался этой Валей Агафоновой. Настоящая испанка. Гордой осанкой стана, жгучей красотою лица. Затем на меня подействовало её отважность взглядов на жизнь, несмотря на то, что ей скоро исполнится 15 лет. Я был от неё что называется безума. Лелю совсем забыл.

Вале обещал письмо и она взаимно. Что будет не знаю. Ну об этом кончу, этот вопрос пожалуй не так важен как нижеследующий.

На долго или нет, но я очутился вместе со всеми студентами во Вдовьем доме в 38 комнате. Хотя такой комфорт для меня временный, но думаю останусь в этой комнате на долгое время. Теперь у меня чудное настроение. Всем доволен и жизнь есть наслаждение. Спрашивается, от чего же так? Да стыдно сказать. Эко счастье! Я почувствовал себя в тепле, при хорошем освещенье, в хорошей среде и обещают скоро устроить на должность. Ведь это так ничтожны человеческие потребности по сравнению с потребностью человека, живущего человеческой жизнью. Для меня это ужасный переход от плохой к хорошей жизни. Здесь я думаю представится возможность и побольше позаниматься и кое чему научится. Вообще на первое время мне это очень понравилось. Что будет дальше не известно. Но обещаю своему дневнику его не забывать, так на долго, как это было в 23 году.

Понедельник 7 января.

Первый день рождения Христова (по старому стилю). Вчера получил случайно известие, что меня уже назначили на работу сборщиком на трамвай и сегодня с утра приступил на работу. Незаметно совершенно, что это первый торжественный день, как это было раньше. Магазины открыты, служащие и рабочие работают. В клубе РКСМ состоялся превосходный антирелигиозный вечер. Особенностей совершенно нет. Моё настроение по случаю материального удовлетворения самое превосходное.

Затем Иван Фёдорович учится на счётно-финансовом отделении Нижегородского промышленно-экономического техникума. Одновременно, с осени 1923 года, работает сначала у частного подрядчика, затем кондуктором трамвая в Губернском коммунхозе, продавцом табачного киоска Донской табачной фабрики.

Активно участвует в общественной жизни техникума — избирается в состав исполнительного бюро профсоюза, а также председателем студенческой организации «Доброхим». В 1924 году, в Ленинский призыв, принимается партийной ячейкой

техникума кандидатом в члены ВКП(б) с 2-х годичным стажем. С 1923 года получает стипендию — всего 1 рубль 93 копейки в месяц, и только в 1925 году ему удаётся добиться хозяйственной стипендии в 28 рублей. В техникуме знакомится с учащейся там Ольгой Идзковской. Сохранилось письмо к ней, написанное Иваном во время каникул.

24 июня 1925 года. Село Болдино.

К моему и твоему удивлению я всё ещё здесь, в этом глухом углу. Когда я уезжал из дома в зимние каникулы, моя постройка имела вид вполне приличный. Приезжаю и смотрю: у меня полдома сломали. Всё это проделал один из дядьёв. После дороги, которая потрясла меня наподобие революционной волны, потрясшей могучую Россию, я не мог сразу сообразить, что делать. Печь сломана, всё разбросано, домашние живут кто-где. Меня разобрал нервный бессознательный смех и желание сфотографировать остатки моей осёдлости. Виновник стал столь несмел и робок, что не мог открыто смотреть мне в глаза. Обдумав за сутки своё положение, я начал приниматься за дело. Легче Чичерину предъявить ноту Англии, чем делить имущество в русском хозяйстве между двумя братьями их племяннику. Они и ругаются и чуть не дерутся. В конце концов, сошлись. Акт раздела заверен сельсоветом, остались мне должны около 200 рублей. Конечно, в погашение выделено совместное имущество. Потом, благодаря моей опытности в счетоведении, особенно в примитивном сельском, я открыл ошибки и надувательства, и вот теперь это затянуло меня ещё на неделю.

Почти целую неделю я работал круглые сутки. Рыл в подполе, устраивал коридор, крыл тёс, к тому же своими руками посеял более десятины ярового хлеба. Спал и в поле, и в саду, и, где придётся, за неделю некогда было умыться. Теперь всё устроено, хозяйство матери налажено, можно возвращаться в Нижний Новгород.

Почти к этому же времени относится запись в дневнике о поисках работы и о чувствах к Ольге Идзковской.

30 июля 1925 года, четверг.

Сегодняшнее не оправдало вчерашнего. В Губсовнархозе всё неопределённо, в Горкоме также вакансий нет. Посылают чернорабочим, плотником, милиционером, а других требований нет. Мысль устроиться на работу встаёт во весь рост. От неё зависит моё благополучие на всех фронтах. Я раньше не думал, что так встанет этот вопрос. Мне казалось всё в розовом цвете. Да, надо сказать, что я особенно не прикладывал сил и требований в разной форме. Я не люблю просить, выпрашивать. Надо достигнуть того, чтобы мне предлагали или вернее назначали. Этот вопрос более всего заостряется моим отношением к Леле.

Надо сказать, по-марксистки, что благополучие наше и в целом и по отдельности зависит от экономической мощи. Предположим, что я на ней женился. Я угнетён всевозможными недочётами с материальной стороны. Я её безумно люблю. Любовь — лишение, всё это за собой имеет некоторые последствия. Я хочу этот год упорно и всерьёз работать, чтобы оправдать звание настоящего борца за социализм (коммунизм).

Не знаю, как Лёлик на это будет реагировать. С каждым днём моя любовь к ней возрастает в геометрической прогрессии, но и состояние моего самочувствия подтачивается с такой же быстротой.

Из всего этого можно заключить, что меня ожидает стихия временного неблагополучия. Мне сейчас делается ужасно, как смотреть будет на всё это моя Лёля. Мне не верится, что мой Лёлик смирится с лишениями, какие нас могут постигнуть. Вдруг она или я (я на всё готов) не выдержим, и наше взлелеянное обоюд-

ное счастье совсем рухнет. Мы не представляем нашего будущего, оно за ширмой. В том и жизнь, что она есть борьба. Лёлик, славная, всегда сумеет разогнать туман в моих мозгах. Я тебе посылаю тысячи воздушных поцелуев сейчас только что выброшенных из вулканического моего организма, они должны заменить тебе мою любовь. Пусть Лёлик знает, чем я живу. Я не хочу от неё скрывать ничего.

1 сентября 1925 года молодые регистрируют свои отношения. В это время Иван Фёдорович проживает в студенческом доме им. Лядова по Арзамасскому шоссе. Он продолжает совмещать учёбу с работой. С 1926 по 1929 год в торговом предприятии по заготовке и продаже металла «Загметалл» работал счетоводом, помощником бухгалтера, бухгалтером железно-скобяного магазина и склада № 2. В 1928 году парторганизацией «Загметалла» был переведён из кандидатов в члены ВКП(б). Затем переходит на работу в Совнархоз в качестве инспектора, занимается кооперированием кустарей-одиночек в промысловые артели.

В 1928 году рождается их первый ребёнок — Ирочка. Сохранилось письмо его тёщи Полины Леопольдовны, написанное ею в роддом: «Ваня дочкой очень доволен, он, вообще, так рад, что мне даже смешно на него смотреть. Он говорит, что очень рад именно, что родилась дочка, она непременно будет пианисткой, вы будете сидеть и слушать её, вообще, он в радостном настроении».

В 1929 году Иван Фёдорович отзывается для работы в промышленный отдел краевой Рабоче-Крестьянской Инспекции на должность старшего инспектора. Инспектировали строительство новых промышленных предприятий — Автозавода, Станкозавода, Стеклозавода, следили за выполнением государственных планов первого года пятилетки.

В этом же году его избирают членом Нижегородского горсовета, где он работает по секции быта. 11 ноября 1930 года получает:

«Свидетельство в том, что Кривойкин Иван Фёдорович в сентябре 1923 года поступил в Нижегородский Промышленно-Экономический техникум и 20 июня 1927 года окончил курс на счётно-финансовом отделении, прослушав:

1. Историю классовой борьбы.
2. Введение в кооперацию.
3. Экономическую географию.
4. Статистику общую.
5. Политическую экономию.
6. Общее счетоводство.
7. Коммерческое вычисление.
8. Каллиграфию.
9. Товароведение общее.
10. Химию.
11. Естествознание.
12. Математику.
13. Физику.
14. Русский язык.
15. Немецкий язык.
16. Физическое воспитание и профгигиену.
17. Торговое и кооперативное счетоводство.
18. Сметное счетоводство.
19. Кредитное счетоводство.
20. Фабрично-заводское счетоводство.
21. Финансовые вычисления.

22. Калькуляцию.
23. Корреспонденцию и делопроизводство.
24. Системы и формы счетоводства.
25. Семинар по счетоводству и финансовым вычислениям.
26. Балансоведение, ревизию и контроль.
27. Организацию предприятий и учреждений.
28. Сметно-бюджетное дело.
29. Налоговое дело.
30. Основы права и Советскую Конституцию.
31. Хозяйственное право.
32. Торгово-промышленную статистику.
33. Экономическую политику.
34. Исторический материализм.

Выполнил установленные учебным планом практические работы в лабораториях техникума и отбыл установленную производственную практику и годичный стаж и пользуется всеми правами, предоставленными окончившим техникум».

Из Рабоче-Крестьянской Инспекции направляется Краевым комитетом партии на работу в Нижегородский Краевой отдел снабжения, в управление пищевкусовой промышленности. Сначала работает ответственным исполнителем по планированию, а с 1931 года назначается заместителем начальника управления краевой пищевкусовой промышленности. Участвует в организации строительства Канавинской кондитерской фабрики, Молитовского холодильника, хлебозаводов, в формировании всевозможных трестов: мукомольного, спиртового, пивоваренного, кондитерского, мясного.

Осенью 1931 года выезжал в качестве уполномоченного по хлебозаготовкам в Кикнурский район Кировской области. Участвовал в изъятии хлеба у кулаков. Тех, кто добровольно не сдавал хлеб, сажал в подполье. Ночью, при возвращении через лес на железнодорожную станцию, кулаки стреляли в него. Спас рысак, вынес. Спасло и то, что он был вооружён и сумел отстреляться из револьвера.

В 1932 году с мандатом, выданным секретарём крайкома ВКП(б) А. А. Ждановым, Иван Фёдорович едет на Украину для ускорения отгрузки сахара городу Горькому, который в то время остался без сахара. «Красный эшелон» с 1400 тоннами сахара прибыл вовремя, к Октябрьским праздникам, и Иван Фёдорович премируется месячным окладом, а горожане отоваривают карточки на сахар.

В августе 1933 года назначается Управляющим краевым Бродильным трестом. Занимается расширением пивоваренных заводов, увеличением ассортимента пива и лимонада, постройкой углекислотного завода. В 1934 году горком ВКП(б) объявляет ему строгий выговор «за необеспечение выпуска безалкогольных напитков». В том же году, после исправления положения, выговор сняли. Тогда же на всевозможных дегустациях в Бродильном тресте Иван Фёдорович начал привыкать к алкоголю. В 1934–1935 годах неоднократно премировался Московским главком месячными окладами за хорошую заготовку ячменя и хмеля. В 1935 году Бродтрест ликвидируют, и Иван Фёдорович переводится управляющим Рыбтрестом областного комитета местной промышленности. Трест был убыточным. Карповые в рыбхозах были заражены болезнями, многие плотины разрушены. Денег для реконструкции плотин не отпускали. Пришлось организовать вылов в Оке и продажу в Горьком раков и свежей рыбы. Также была налажена добыча речных ракушек и снабжение ими казанской фабрики по изготовлению перламутровых пуговиц. Таким образом, было поправлено финансовое положение треста.

Иван Фёдорович Кривойкин и Ольга Юлиановна Идзковская
с дочерью Ирочкой.
г. Нижний Новгород, 7 февраля 1932 года

Двухэтажный дом по ул.Ошарская № 58, где на первом этаже (два правых окна) жила семья Ивана Фёдоровича Кривойкина с 1928 по 1940 год

В 1935 году, 25 апреля, у Ивана Фёдоровича и Ольги Юлиановны родилась вторая дочь — Наталия, наш предок. В конце этого же года Иван Фёдорович устроил для дочери Ирочки, Вали Кривойкиной и соседских детей новогоднюю ёлку, до этого советская власть ёлки запрещала. Сохранилась фотография детей у той ёлки, на её обратной стороне Иван Фёдорович написал: «Прочитав в газете „Правда“ статью товарища Постышева об устройстве ёлок для детворы, группа ребятишек: Ира и другие дети, начали готовиться к ёлке и 31 декабря 1935 года устроили ёлку. „Морозом“ был дядя Слава. Всем понравилось. Немножко Ирушка покапризничала из-за обмена костюмом с Валей Кривойкиной».

В 1936 году поступил на работу заместителем директора промтоварной конторы «Главторга» РСФСР, в 1937 году контору ликвидировали. В 1937 году Союзлеспродторгом Народного комиссариата путей сообщений он был назначен начальником треста «Трансторгпит» при Горьковтранслесе. В функции треста входило обеспечение лесорубов, сплавщиков, рабочих лесокомбинатов, расположенных на территории 7 областей, хлебопечением, общественным питанием, торговлей промышленными и продовольственными товарами.

Сохранилась написанная в это время автобиография.

АВТОБИОГРАФИЯ

КРИВОЙКИНА Ивана Фёдоровича, члена ВКП(б) с 1928 года января месяца № партийного билета 0318791.

Родился я в 1902 году в с. Большое Болдино Горьковской области. Родители мои занимались крестьянством. В 1914 году у меня умер отец, оставив после себя 6 человек детей, самой старшей сестре 10 лет и мне 9 лет. Жизнь шла в самых тяжёлых условиях, жили в семье дедушки. Дедушка, помимо хлебопашества, работал в сво-

Управляющий Горьковским краевым Бродильным трестом Иван Фёдорович Кривойкин читает газету «Известия».
г. Горький, 1933 год

ей кузнице, ежедневно был пьян и издевался над нами. В 1919 году дедушка умер. Помимо своего полевого хозяйства, мои сёстры систематически работали на другие хозяйства: молотили, жали, пряли, и этим мы жили. Я также до поступления в школу помогал в своём хозяйстве.

Революцию я встретил в селе Болдине на родине, без практического участия в виду малолетнего возраста. В 1919 году я поступил в Мореновскую школу садоводства, где проучился четыре года, причём нас кормили, обували и одевали, а мы, в свою очередь, работали все четыре года бесплатно.

Мать в настоящее время больная живёт дома в Б. Болдине с дочерью, в хозяйстве ничего, кроме изношенного домишка, не имеет. Помогаю я. Брат умер в 1916 году от простуды во время пастьбы скота. Сёстры все живы: две работают в колхозе, другие две служат, одна — медсестрою в больнице, другая — в районных яслях. Все живут на родине, мужья их: сельский учитель, тракторист-колхозник, Зав. отделом социального обеспечения района — коммунист, и четвёртая, разведённая сестра с двумя детьми живёт с матерью.

Я имею жену и двоих детей в возрасте 2 и 9 лет. Из родственников ни сёстры, ни мать, ни жена, да и я никогда не судились. В Красной Армии я не служил, признан врачебной комиссией ограниченно годным в военное время в вневойсковых частях. Заграницей никаких родственников нет. В 1921 году я вступил в Комсомол и вёл практическую работу по воспитанию ребят в детдоме и по культурно-просветительной работе, главным образом, по организации в сёлах и деревнях спектаклей. Одновременно под руководством партийных организаций вёл борьбу с варением самогона и выполнял различные поручения.

В 1923 году по окончании школы садоводства и огородничества Сергачский Уком комсомола командировал меня учиться в Горький, где я и поступил с путёвкой Губкома Комсомола в Промышленно-Экономический техникум и каковой окончил в 1927 году. Во время учёбы я вёл активную работу в Комсомоле и других общественных организациях (профком, доброхим и пр.). В Ленинские дни меня Комсомол передал в Партию, как самого активного комсомольца, принят был партийной ячейкой Промышленно-Экономического института с 2-х годичным стажем, как студент. С момента поступления в техникум, т.е. с 1923 года я вынужден был работать на разных работах в качестве чернорабочего, кондуктора трамвая, продавца, так как стипендией в 1 руб. 93 коп. в месяц не мог прожить. Только в 1925 году получил хозяйственную стипендию в размере 28 руб. в месяц.

В 1926 году поступил практикантом в Загметалл и проработал там до 1929 года, начиная со счетовода и кончая бухгалтером на самостоятельной работе. Из Загметалла, по требованию Совнархоза, перешёл на работу в Совнархоз в качестве инспектора, где проработал до ноября 1929 года. После этого, по требованию, отозван на работу в Краевую рабоче-крестьянскую инспекцию на должность старшего Инспектора, где проработал до октября 1930 года, ушёл по личному желанию.

После Край РКИ райкомом был направлен для работы в Край Снаб, где проработал до августа месяца 1933 года, там же в 1932 году был премирован за выполнение задания Крайкома ВКП(б) за отгрузку сахара Горькому, месячным окладом зарплаты. В августе 1933 г. Крайснабом был назначен управляющим Краевым Бродтрестом, в целях усиления руководства. Бродтрест в 1935 году в связи с разделением края на Кировскую область и отделении Удмуртии ликвидировался. Работая Управляющим Бродтрестом премирован в 1934 году Продснабсбытом Наркомместпрома РСФСР за хорошую заготовку сырья: ячменя, хмеля и др. месячном окладом зарплаты и премирован Горьковским Местпромом за хорошие показате-

ли работы промышленности Бродтреста за 1934 год месячном окладом зарплаты. В 1934 году Горкомом был дан строгий выговор за необеспечение выпуска безалкогольных напитков Горьковским заводом, но быстро сняли в связи с исправлением положения. После ликвидации Бродтреста был переведён работать Управляющим Рыбтрестом (по обслуживанию местных водоёмов), где проработал с марта 1935 г. по август 1936 г. Освобождён Местпромом.

С октября 1936 года поступил Зам. Директора Горьковской конторы Главторга, где проработал до декабря 1937 года, освобождён в виду сокращения объёма работы, вернее ликвидации конторы. Был избран членом Горсовета X созыва 1929 года, принимал участие в Пленумах Краевого Союза пищевой и мясоконсервной Промышленности, был избран делегатом на районную партконференцию в 1937 г. Был выдвинут парторганизацией и утверждён Куйбышевским Райсоветом председателем Избиркома по выборам в Верховный Совет СССР. В Февральской и Октябрьской революциях, а также и в гражданской войне участия не принимал.

Вступил кандидатом в партию в ячейке ВКП(б) Промышленно-экономического института в Ленинские дни (передан Комсомолом) 1924 года. Рекомендовали в партию: Райком комсомола РОЗИН (бывший Управляющий трамваем), КОРАБЛЕВ Н., РАКОВ В., АБРАМОВ.

В других партиях не состоял. Из рядов ВКП(б) не исключался. В оппозициях и антипартийных группировках не участвовал. В партийной жизни, с момента вступления, принимаю активное участие, состою агитатором. Целый ряд лет состоял членом Парткомов и в настоящее время состою. 28/X-37 г.

В 1939 году Кривойкины купили патефон, и к ним стали часто приходить гости. Музыка в квартире была постоянно, Иван Фёдорович очень любил пританцовывать, двигаясь по комнате. Помогал он дочке Ирочке готовить уроки, а иногда любил полежать на её детской кровати, задравши ноги на горячую печку. Часто рассказывал сказки, водил детей на прогулки.

В 1939 году подчинённые Ивана Фёдоровича по тресту, заместитель и бухгалтер, украли казённые деньги. Всех отдали под суд. На Ивана Фёдоровича в Управлении Министерства государственной безопасности по Горьковской области, в отделе «А» было заведено дело № 1619, прекращённое в 1941 году и сданное в архив, за отсутствием состава преступления. Виновных посадили, а ему здорово попортили нервы, ведь были годы сплошных репрессий. В 1937, 1939, 1941 годах был председателем участковой избирательной комиссии по выборам депутатов в местные Советы и в Верховный Совет СССР.

С началом войны трест ликвидировали, поэтому с 23 июня по 15 августа 1941 года Иван Фёдорович находился без работы. Именно в этот период он написал письмо в Москву, в Наркомат обороны, с просьбой призвать его добровольцем в Красную Армию. Удивительно, что в такой напряжённый период Управление по укомплектованию войск Генерального штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии нашло время и 31 июля 1941 года ответило: «На Ваше письмо, поступившее в Наркомат обороны СССР, сообщаю, что заявление о добровольном поступлении в ряды Красной Армии Вам надлежит подать райвоенкому по месту жительства, который при наличии наряда удовлетворит Вашу просьбу. Старший помощник начальника отдела интендант 3 ранга Сергеев».

С 15 августа 1941 года назначен начальником рыбхоза в Отделе рабочего снабжения Горьковской железной дороги. Ему дали бронь, и осенью они всей семьёй переехали сначала в Работки, а потом в Борок, где находились подчинённые ему рыболовецкие бригады. Это в сорока километрах ниже г. Горького по течению реки

Управляющий Горьковским краевым Бродильным трестом
И. Ф. Кривойкин (в центре) с сотрудниками. г. Горький, 1934 год

Волги. В начале 1942 года бронь с Ивана Фёдоровича сняли, ночью вызвали из Борка и должны были призвать и направить на бронепоезд. Но знакомый по дому, капитан, служивший в военкомате, перенаправил его в батальон водников, располагавшийся на другом берегу Волги в г. Бор. А бронепоезд вскоре немцы разбомбили, и все находившиеся в нём погибли. Судьба?

8 марта 1942 года Ждановским РВК г. Горького призван на службу в Красную Армию и назначен начальником финансовой службы отдельного батальона водников. Батальон предназначался для действий по берегам реки Волги при выходе немцев на этот рубеж. Но, так как главный удар немцы нанесли в 1942 году на юге, то оставшийся не у дел батальон перебросили в ноябре 1942 года в район г. Ржева.

По прибытии на новое место Ивана Фёдоровича откомандировывают для учёбы на финансовые курсы Московского военного округа в г. Бабушкин Московской области. В марте 1943 года, не окончив полного курса обучения, после досрочного присвоения звания младшего лейтенанта, назначен начальником финансовой службы 58 гаубичного полка 18 Артиллерийской дивизии. Эта часть формировалась под Горьким в Гороховецких лагерях, и с ней Иван Фёдорович убыл летом 1943 года на оборону Ленинграда. В дороге их эшелон сильно бомбили.

Уже в Ленинграде Иван Фёдорович переводится в соседний 568 миномётный полк начальником продовольственной службы полка. Это было ему ближе, так как он на гражданке всю жизнь занимался продовольственным снабжением. К тому же его замучили постоянные денежные перерасчёты военнослужащим и денежные начёты на него за ошибочные переплаты денег. Так, в августе 1943 года он получил начёт на 800 рублей за то, что оплатил, как потом оказалось, неположенный же-

«Прочитав в газете "Правда" статью товарища Постышева об устройстве ёлок для детворы, группа ребятишек: Ира и другие дети, начали готовиться к ёлке и 31 декабря 1935 года устроили ёлку».
Ира стоит третья слева. г. Горький, 1935 год

лезнодорожный билет одному лейтенанту, да закупил для хозяйства необходимые, но опять-таки неположенные весы. Плюс к этому он сам потерял дорогой талоны из своей расчётной книжки на 450 руб.

Надо отметить, что Иван Фёдорович несколько раз обращался к первым лицам государства с просьбой перевести его с передовой на другую фронтовую работу, но по его довоенному профилю. Писал письмо члену ЦК, Наркому путей сообщений Кагановичу; члену Президиума ЦК, 1-му секретарю Ленинградского обкома ВКП(б) А. А. Жданову, с которым был знаком в бытность работы его 1 секретарём Горьковского крайкома. С фронта его не перевели, письма возвращались из высоких канцелярий к командиру дивизии, и тот решил просто перевести Ивана Фёдоровича в соседний полк, и тем самым, наверное, сохранил ему жизнь. Подоплёка состояла в том, что у Ивана Фёдоровича был серьёзный конфликт с командиром гаубичного полка, которого он считал дураком-самодуром, да к тому же нечистым на руку, и который всех их своей дурью может погубить. Жизнь подтвердила его правоту. Этот командир-тупица, отдав непродуманный приказ во время переправы через р. Нарву, погубил нескольких друзей Ивана Фёдоровича, в том числе и его преемника на должности начфина полка. Его гаубичный полк располагался на окраине Ленинграда в посёлке Шушары, а миномётный полк в Красном Бору. Часто бывал в самом центре блокадного города под обстрелами. В сентябре 1943 года поехал в Горький в командировку, но из-за неправильно оформленных документов был вынужден вернуться с «Дороги Жизни» через Ладожское озеро назад. Так за всю войну он ни разу и не смог побывать дома.

Прошёл боевой путь от Ленинграда через Красный Бор, Пулково, Красное Село, Ропшу, Гатчину, Кингисепп, Нарву, Пярну, Тарту, Варшаву, Гдыню, Данциг, Родшток, до Берлина. Воевал на Северо-Западном, 1 и 2 Белорусских фронтах. Награждён медалями «За оборону Ленинграда», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», орденом «Красной Звезды». Одну медаль ему так и не вручили, в личном деле имеется справка 568 миномётного полка: «Дана лейтенанту Кривойкину И. Ф., что он участвовал в боях за освобождение г. Варшавы с 14 января 1945 года по 17 января 1945 года. На основании Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 9 июня 1945 года имеет право на получение медали „За освобождение Варшавы“. Медаль не вручена за отсутствием знака. Командир полка Вышков. Начальник штаба Гойхберг». На справке резолюция военного комиссара Советского района г. Горького от 25.07.1948 года: «Кривойкина И. Ф. не нашли в списках участвующих в боях за Варшаву, медаль не вручать». Закончил войну в Берлине лейтенантом интендантской службы.

Несколько раз смерть обходила его. Однажды в Ленинграде он вышел из землянки, куда заходил к товарищам поиграть в карты, отошёл на десяток метров, и в землянку попал снаряд, все погибли. В другой раз у него почти под ногами взорвалась мина, осколки ушли в сторону, а его с головой засыпало землёй. Повезло, что кто-то видел, как его засыпало, быстро откопали, не дали задохнуться. Но он получил контузию, три дня ничего не слышал, из ушей текла кровь, в санчасть не лёг. В следующий раз, двигаясь в колонне машин на Гатчину, они попали на заминированный участок дороги, впереди идущий танк и сзади идущий «Студебекер» разом взорвались. Их Бог миловал. Во время боёв за реку Нарву его потребовал к себе на захваченный плацдарм командир полка. Под страшным обстрелом, ночью, они стали переправляться на лодке. Почти все сидящие в ней погибли, а он не получил даже царапины. Потрясённый смертью друзей он вошёл в блиндаж и доложил командиру части о прибытии, а тот, пьяный, ему говорит: «Ты водки принёс?»

Иван Фёдорович высказал ему всё, что он о нём думает. В результате за переправу все получили ордена, а он — ничего. Во время боёв в Прибалтике из-за неразберихи заезжал он и в тыл к немцам, но те почему-то принимали его за своего, и всё обходилось. Один раз его свои же приняли за немецкого шпиона, особенно подозрительной показалась иконка с неразборчивой надписью на обратной стороне. Подумали, что это какой-то шифр. А это был «мамин молитв», иконка с написанной ею от руки молитвой «Живые помощи», которую Пелагея Павловна дала сыну при уходе на фронт и которую он, не веря в Бога, всё же носил на себе, и в письмах отмечал, что «мамин молитв» пока помогает. Посадили его сначала на гауптвахту, но, разобравшись, отпустили. Часто вспоминал, как в блокадном Ленинграде, чтобы вырвать себе больной зуб, две недели своим пайком откармливал голодающего дантиста, чтобы тот смог только наставить и держать на зубе щипцы, а уж тянули зуб они вместе. Во время боёв в Эстонии нашёл том Сергея Есенина и вслух читал его сослуживцам. В Берлине после окончания войны читает Сергея Ценского, Герберта Уэльса, по возвращении на родину увлёкся Львом Толстым, его стали интересовать философские вопросы.

Сохранилось более сотни фронтовых писем и открыток Ивана Фёдоровича.

10 ноября 1942 года.

Дорогая Люся и Наточка. Я уже в Москве на северном вокзале, через 15 минут на электричке поеду на курсы. Как устроюсь сразу напишу. Весьма доволен тем, что был у т. Дубровина, а Пашева не нашёл. Ваш Ваня.

14 ноября 1942 года.

Здравствуй дорогая Люся и дочурочка Наточка! Начались занятия на курсах, рассчитываю что кончим в январе, точно не знаю. Но вчера приходим из бани, мне известие, что командируют 4-х курсантов в лес на 17 дн<ей> по заготовке дров, в том числе и меня. Следовательно окончание оттянется и видимо попадём в другую группу, но тут беды Люся нет. Наша обязанность организовать быстрейшую доставку дров на курсы. Пришлю письмо после завтра, как там освоимся. Жизнь идёт. Письма пиши по старому адресу на курсы. Приезжать будем по очереди с дровами. Опиши всё подробно как ты живёшь, только не пиши одно письмо, а несколько. Хотел бы я бузить, чтоб выпускали скорее лейтенантом, но товарищи не советуют; успеем без горячки. Хотелось получать бы уж зарплату побольше, но и то сказать, что тебе я помощь пока окажу небольшую. Люся, лучше бы ты с Завитовым договорилась на счёт помещения, он вероятно освободил. Подумай как лучше. Настроение у меня хорошее. Вчера с винтовкой стоял на часах у проходной будки. Вообще из меня оказался боец не плохой. Хорошо бы мать прислала что нибудь покушать в посылке. Ты сможешь ей послать денег для покупки хлеба или нет, 5 кил<ограммов> сухарей достаточно на целый месяц. Может быть тебе самой прислать удобнее не пять так три, а тебе пришлют они, ведь посылки разрешены. Напишу я матери с Нюркой, и то подумать, что там сами не знай как живут. Хотя на деньги купят. Пиши мне побыстрее. Привет Феде, Марусе. Как тебя устроили, с капустой или нет.

Адрес: г. Бабушкин Моск. обл. 3 п/о, часть 88 мне. Целую крепко Ваня — папа.

19 ноября 1942 года.

Дорогая Люся и дочка Натуся. Живу в деревне, грузим и караулим дрова. Скоро опять попадём на курсы, заготовив тёплых сухих дров будем бесперебойно учиться. От тебя писем не получал, но сегодня-завтра получу. Напиши, что ты делаешь, как здоровье твоё, Натусино. Я здоров. Себя хорошо кормим, сами варим, 4 человека. Жду писем. Целую Ваня — папа.

9 декабря 1942 года.

Дорогая Люся и дочурка Натуся! Мне так сегодня посчастливилось, что я готов считать себя среди Вас. С утра я получил отметку отлично по основной дисциплине, в 11 часов ходил строем в баню, прилично намылись и представь себе, после длительной дороги угостились этой славной живицей. Просто прелесть, на миг что называется герой. Валентине Николаевне большое спасибо, а тебя Люся по приезду отблагодарю особо. Ты спрашиваешь как нас кормят? Я тебе опишу по граммам: хлеба 750, рыбы 120, мяса 75, овощей 900, а если их нет то крупы 300 гр. в день. Чай 2 раза в день утром и вечером, сахару 25 гр., и даже мыла в месяц 200 грамм. Нас закормили сёмгой, давали и на обед и на ужин. Теперь мясо. Вообще кормят посредственно, можно жить и учится, а если ты что-нибудь можешь прислать, то вреда от этого не будет. Надо Таню брать за бока, чтоб прислала свинины, да копчёной. Я как-то стал меньше есть и к моему счастью наедаться.

Получил Борькин адрес, сегодня ему напишу письмо.

Люся, я хочу написать письмо Валентине Николаевне, чтоб ещё получить шнапс, а ты пришлёшь посылочкой, расскажу ей, что я прибыл на курсы и т.д., а ты к ней сходишь. Люся, у меня набралось много тряпиц, они мне не нужны, я думаю маленькую посылку отправить тебе. К Новому году хорошо бы прислали подарок, подговори там Федю, Марусю. Я ведь и за них служу. Пришли мне адрес Каменцева. Жду писем от тебя чаще. Крепко любящий Вас Ваня и папа.

11 декабря 1942 года.

Дорогая моя Люся и Наточка. Вчера получил от Вас письмо и Натусино произведение т.е. девочку в садике. Люся, ты напрасно захандрила. В этом нет никакого утешения, наоборот надо больше терпения и надежд на будущее. Я уже начинаю от тебя получать письма нормально. Это хорошо. Желательно получать ещё чаще. Мне интересно знать когда ты поступишь на работу и что эта работа даст материального. Какой паёк, режим работы и сможешь ли ты хоть Наточке уделять внимание. К тому как будешь управляться с хозяйством. Занимаемся мы с 8:20 до 12 часов, перерыв на обед 2 часа. После обеда также 4 часа академические по 45 минут и ужин в 7 часов до 8. После свободное время для учёбы. Ложимся спать в 11 часов, встаём в 6 часов. Кормят нас 3 раза, во всех случаях что-нибудь да горячее дадут. Кормёжка не по сезону. Мало жиров. В холод жиров надо больше. В классе холодно, хотя и топят. Холод мешает нормально учиться. Хорошо хоть взял с собой телогрейку.

Люся, надо списаться с Работками, чтоб понемногу Курбаков возил имущество. Правда опасно, когда сама не сопровождаешь. Или так, сразу привези все в один раз предварительно договорившись с конторой о лошади.

Часто ли бываешь у Маруськи Кривойкиной. Как они живут и чем помогают ребятам. Пока будь здорова. Крепко любящий тебя Ваня.

12 декабря 1942 года.

Дорогая моя Люсенька и Натусенька! Вчера я получил извещение что мне есть посылка на почте от сестры Нюры и обещает выслать ещё. Это не плохо. Я только боюсь, чтоб это было не в ущерб здоровья матери. Получил я от Вас тоже 3 письма будучи в г. Бабушкине.

Меня очень интересует как ты ладишь с Натулькой. Она я полагаю утром хоть немножко, но кушает без капризов, перед тем как идти ей на площадку. Чего они там делают днём? Пусть она мне покажет как они там рисуют. Как готовятся к новогодней ёлке, будет ли она у них. Люся, у меня самочувствие не плохое. Я как-то овеян ближайшими успехами и на фронтах и своими в целом, хотя без практиче-

Военно-финансовые курсы, курсант И. Кривойкин. г. Бабушкин, 18 декабря 1942 года

ского моего участия в общем боевом деле. Окончу курсы, выйду лейтенантом, там пойду, возможно, в гвардейскую часть, да ещё в танковую. Ну это ещё далеко. Время решает за нас пока. Наше дело учится по стахановски. Сегодня хотя и выходной, но целый день учимся строевой подготовке. Надо её знать. Люся! Чем ты сможешь помочь Дуне из барахла? В помещении где спим у нас очень тепло. Надо сказать, что отдых хороший. Обо мне пока не беспокойся, организовывай свою жизнь лучше, что тебе не под силу разрешить одной, сообщи мне. Люся, постарайся Натусю питать получше. Напиши как она выглядит. Я скоро снимусь и вышлю фотокарточку. Целую крепко. Твой Ваня.

9 февраля 1943 года.

Москва 24, часть 370, Боровкову Николаю. Здравствуй уважаемый Коля. Сегодня 10 февраля мы кончаем досрочно курсы и завтра видимо уезжаем в распоряжение Наркомата обороны. Будешь писать домой, черкни, что я кончил и получаю звание лейтенанта. Как только получу назначение черкну тебе. Будь здоров, желаю тебе успеха. Уважающий тебя И. Ф. Кривойкин.

12 июня 1943 года.

г. Горький, ул. Оперная. Незабвенной Люсе. С каждым днём я тебя люблю крепче и крепче, пусть это дети наши читают и удивляются, но факт. Меня никогда так не влекло к тебе, к семье, как теперь. Люсенька!? Ты сама понимаешь, что это изложение моих мыслей вызвано тем, что нам некогда поговорить. Наточку жду с площадки. Сижу один. Думаю как тебя оповестить, чтоб ты не беспокоилась на счёт ключа. Всё для тебя сделал. Посмотри и взвесь сама, что к чему и как организовать детали. Ты мой инженер и техник жизни. Наше дело малое, к бою готовиться. Я готов! Жду Наточку, хочу с ней увидится. Меня жди, но когда, я сам не знаю. Торчит приказ, отряд уезжает. Прощание будет — только платформа, а ты и Натуся в моей памяти и мыслях силуэтами в вечерней или утренней заре. Твой исключительно любящий тебя и Наточку Ваня.

16 июля 1943 года.

Я жив здоров. Вчера был у Фрейбургов, они все живы и здоровы и я бы сказал выглядят хорошо. Им помогает И. Ф. Трофимов. У них маленькое несчастье, украли вещи на несколько тысяч. Меня очень интересует как чувствует Наточка, не болеет ли она? Как ты сама управляешься со службой и хозяйством. Пиши мне обо всём и чаще. К нам письма идут нормально. Зубы начинаю лечить. По работе (службе) всё в порядке. Успехи наши как ты видишь хорошие. Всё за то чтоб ближе конец войны. Целую крепко твой Ваня и Наточкин папа.

17 июля 1943 года.

Дорогие Люся и милая Наточка! Я жив здоров. Только что вышел из поликлиники, лечил зубы, один залечил и три вытащил. Я никогда не думал что у меня так окрепли нервы, подумай? Один зуб тащили 2 часа по частям с применением молот-

ка. Осталось ещё один вытащить или залечить, и я спокоен. Хоть без зубов, но и без боли. О себе много писать нечего. Боевые дни идут и идут. Немного на нашем фронте фашиста калечим, убиваем и отгоняем. Радуемся успехам на других фронтах. Я больше занят оперативной работой, сидеть некогда. Частенько бываю в опасности, снаряды рвутся по соседству, и в пути, и на стоянке. Только вчера метрах в 20 от меня разорвался снаряд, всё в порядке. Привет всем. Целую крепко. Ваня.

28 июля 1943 года.

Дорогая моя Люся и маленькая золотая птичка Натуся! Сегодня получил от Вас весточку датированную 17.07.43. Я очень рад что хоть получили часть моих писем. Доехал я и все мы до фронта с большими приключениями боевого характера, немец нас бомбил, но неудачно и мы вышли без людских потерь, понемногу долбим его. В настоящее время я лежу в сосновом лесу на солнышке и пишу эти строки Вам мои дорогие. Второй или третий день солнце. Канонады ежедневны, как правило. Здоровье у меня хорошее. Я стал даже заметно поправляться. Занялся изготовлением денежных ведомостей для бойцов. Целую крепко. Твой Ваня.

16 августа 1943 года.

Дорогая Люся и малютка Наточка! Мне как-то не доводится ночью времени написать Вам закрытое письмо. Пишу на открытках.

Люся опиши мне подробнее что делается с твоим хозяйством. Как ты справляешься с огородами, купили ли необходимое для зимы, как с дровами, с постройкой, напиши милая. Всё ж иногда подумаю, а как она там одна решает это всё. Ты ведь не привыкла без меня делать всё это, хотя теперь у тебя Натуся член Совета. Кстати слушается ли она тебя. Заменяет ли она хоть сколько нибудь меня. Пиши мне чаще. Погода начинает меняться на зимний лад, сыро, ветрено и холодно. Сплю хорошо, тепло. Я одно время спал на детской кровати и она мне напомнила Ирушкину кроватку, и как-то просыпаюсь ранним утром, протянул ноги между спицами, взглянул на одеяло и почувствовал что я дома. Улыбнулся и уснул.

Люся, я тебе не писал, мне была ревизия и получил начёт 800 рублей за то, что оплатил ж.д. билет лейтенанту, закупил весы для хозяйства и потерял дорогой талоны из расчётной книжки на 450 рублей. Остальное всё в порядке. Денег мне не надо. Дела пойдут наши лучше, скорее вернёмся домой и заживём красивой счастливой жизнью. Целую крепко. Твой Ваня и Наточкин папуля.

25 августа 1943 года.

Дорогая моя Люся и крошка Натуся. Только что получил от тебя письмо в котором ты сообщаешь что не смотря на хорошую пищу страшно худеешь. Это меня больше всего беспокоит. Люся ты очень много переживаешь помимо того, что по 12 часов работаешь в сутки. Я тебе скажу, что за меня ты не беспокойся и не думай, тогда когда надо отдыхать или спать. Надо взять себя в руки и помимо этого сходи на консультацию к хорошему врачу. Питайся ещё лучше и к моему возвращению, чтоб на твоей стороне матраца было нежное розовое тело. Вот так каждый раз пиши мне о твоём здоровье и правду, и в частности о результатах консультации.

Скоро снимусь и вышлю фотокарточку. Как ни странно, в противоположность тебе я значительно поправился и как будто достигаю такого положения, когда вместе отдыхали в Козьмодемьянске. Работаю я много, больше в движении, но я спокоен, что с меня как по прежней работе никто ничего не начтёт, и я не связан этими мелочными финансовыми перерасчётами. Сплю я нормально по 8 часов в тепле. С работой вполне справляюсь. Бываю часто на огневой линии. Кормимся теперь 2 раза в день, в 9 завтрак и обед в 6 часов дня. Овощи я кушаю, но не такие какими ты меня угощала дома. Помидор в частности почти не пробовал.

Люся корми Наточку яблоками, хоть понемножку и сама кушай. Жалей своё здоровье, остальное всё пустяки. Я уверен, что вернусь домой, всё будет восстановлено. Всё ли в порядке у тебя на службе? Я чувствую себя хорошо. Были маленькие инциденты, теперь всё уладилось. На службе не без этого. Люся, чтоб ты была спокойна, продай на стройке кирпич, перевези брёвна на дрова в квартиру. Пол также перевези. Заплати за это деньги или дай дровами, сообрази сама. Зимой перетаскают оттуда всё. Вот так и сделай это, как тебе будет посвободнее.

Я тебе письма не пишу ввиду того, что открытки я пишу на автомашине во время остановок при получении продуктов и как мне позволяет время. Решил теперь писать письма. Ты мне также пиши письма. Да, забыл. С зубами всё в порядке, одна сторона пока работает, другая без зубов отдыхает. Скоро и она заработает, как вставлю зубы. Привет и самые горячие поцелуи моей любимой дочке. Твой Ваня.

7 сентября 1943 года.

Дорогая Люся и дочка Натуся. Так сегодня ждал письма, но почтальон скомандовал «отказать». Я уже несколько дней не имею от Вас весточки. Самое главное не описала ты, как Наточку встретила из пионерского лагеря. Люся, школьное дело рассматривай как нагрузку ей для нервной системы и физического состояния. Надо усилить ей внимание, организм у неё слабенький. Давай больше витамина Ц. Как пьёт она молоко? Давай ей в школу пирожок и давай хоть стакан молока, чтоб была сыта. Пиши мне о Натульке всё до подробностей, а также о себе.

Люся написать, прости меня, в каком я чине и где я, этого не могу. Запрещено. Очень некогда писать, всё время в работе. Вот случай пришёл хороший для письма. Едем с огневой и недостаток бензина, шофёр побежал за бензином, я пишу письмо. Идёт стрельба из орудий — редкая перестрелка. Это у нас здесь не считается за дело.

Какие настроения в Горьком. Поди ждут скорого окончания войны? Любящий тебя и Наточку Ваня.

29 сентября 1943 года.

Дорогая Люся и Наточка! Я совсем вас забыл, давным-давно уже не писал ни одного письма. Люся, ты пишешь как быть с хозяйственными делами? Я с тобой вполне согласен, продай чтоб не растащили, когда надо будет, добудем. Деньги побереги, на деньги можно всё купить. Люся, я не писал тебе потому что собирался ехать в командировку и заехать в Горький. Она сорвалась из-за неоформл<енных> документов. Теперь как будто опять начали оформлять. Может быть буду дома. Это впереди. Люся, я из этой части должен уйти. Когда не знаю, напишу. Пока ничего не известно. Новый адрес пришлю сразу после назначения. Здоровье хорошее. Изверги начали активизировать обстрел. Наши держат ответный. У Трофимовых давно не был. Целую крепко твой Ваня.

1 октября 1943 года.

Дорогая моя дочка Натусенька! Из полученного письма от Мамы я понял, что ты, деточка, ещё не стала настоящей школьницей и не живёшь во время отсутствия мамы на службе самостоятельно, т.е. если одна, не можешь взять себе даже покушать. Вот этого я не ожидал от тебя. Надо научится быть совсем самостоятельной, и учиться тому, чего ты не умеешь делать. Даю тебе для этого срок 20 дней, и через этот срок пришли мне письмо, как и чему научилась. Мама мне сообщила, что ты учишься на хорошо, и я очень доволен и радуюсь твоим успехам. Очень доволен, что мама тебя поправила, ты, оказывается, из Лагеря приехала совсем больная из-за твоих капризов и неумения быть самостоятельной в еде. Вот детка тебе урок, ещё раз напоминаю, чтоб ты кушала хорошо, и к моему приезду была румяная, полная и шустрая девочка. Тогда нам с мамой не стыдно будет пройти с тобой по городу.

Деточка, я о тебе уже очень соскучился. Как пойду по городу, так и ищу глазами среди маленьких девочек тебя. Думаю как ты бежишь в школу, раздеваешься и садишься за стол или парту. Сожмуря глазёнки смотришь на учительницу. Потом ты бежишь из школы домой, думаешь о том, что мамы нет, не пришла со службы, что тебе делать — уроки или шалить или идти за козами.

Малюточка! Война скоро кончится, будем живы, придём домой, и заживём так весело, как никогда и никто в мире не жил. Я сам буду тебе помогать учиться, как я помогал Ирушке. Будем с тобой и мамой кататься на лыжах зимой. Мы ещё в эту зиму покатаемся. Натуленька, у нас здесь и ночь и день идёт неукротимая беспрерывная война. Днём только и слышны орудийные и пулемётные выстрелы и порой раскаты «Катюш», а ночью эти же выстрелы да ещё такие светлые ракеты то пузырьками, то бисерные разноцветные. Словом, если прекратить стрелять, то покажется что это не война, а волшебная бесподобно красивая ночь. Всё это я тебе расскажу, как приеду домой. Рисуночки все твои берегу, жалко их бросать, ведь память. Нарисуй мне и напиши, что-нибудь, деточка, я жду. Крепко тебя обнимаю и целую. Любящий тебя Папа.

2 октября 1943 года.

Дорогая любимая Люся и дочка Натуся! Получил от тебя письмо, довольно подробное, в котором пишешь что Утехин приезжал домой. Люся, я тебе писал, что я также чуть было не приехал в Горький, но не правильно оформили командировку и я вернулся с Ладожского озера, с пути. Не знаю, будут вторично оформлять по всем правилам, оформят поеду, а может быть и нет, это в итоге не важно.

У нас новый штат, и я оказался пока за штатом, видимо выйду в другую часть. Днями должно разрешиться. Живу хорошо. Вот 1–2 дня, так почти ничего не делаю, до определения. Сорокина не видел и не знаю как с ним повидаться. Трофимовы живут видимо сносно. Ты спрашиваешь как они приняли? По Ленинградски. Какой может быть приём. И.Ф. угостил чайком, посидели, поговорили и я его больше не видел. У меня нет время ходить к ним. Он работает директором одного завода. Посылку на них присылать не стоит, да и не надо. Зимнее должны скоро дать. Посылки, кстати, и не принимают.

Люся, я доволен что ты работаешь 8 часов и можешь Натусе уделить больше внимания. Видимо при твоём уходе ты её уже поправила. Сообщи Люся подробно о себе. Писать нечего. Ты знаешь, что работать много приходится и ночами не спать, на то и война. Она ни с чем и ни с кем не считается. Бывают и опасности. Я считаю, что кому умереть тот умрёт или вернее будет убит. Из нашей части есть и убитые и раненые, не известно где упадёт снаряд. Обстрелы бывают часто. В обстрелы стараемся укрываться как положено. Люся, с хозяйством поступай как тебе подсказывает рассудок. Всё будет хорошо, одно только, храни овощи сухими и в прохладном помещении, тогда они уцелеют до моего приезда, а нет так купим. Лишь бы вернуться с победой.

Написал письмо Натусе. За последнее время стал реже тебе писать, теперь буду почаще. Целую крепко. Твой Ваня.

4 октября 1943 года.

Милая Наточка. С добрым утром. У нас сегодня особо чудное утро. Небо голубое, нет на нём ни облачка. Оно как глазки голубые маленькой белокурой кудрявой девочки. Всё тихо, только где-то вдалеке, в высоте, один-два мотора соколов ястребков бьют своими моторами воздух, угрожая немецким стервятникам проникнуть на наши рубежи. Натуленька, я представляю как тебя мама поднимает с кроватки, ты лениво не хочешь вставать, т.к. не сразу приучилась к школьной обстановке. На-

точка, у нас здесь ребятишки каждое утро шумливо бегут в школы. Я всегда мысленно думаю, что и моя Натулька так бегает. Меня интересует, и я хочу знать, как ты деточка поправилась в лагере, загорела ли, прибавила ли в весе и чему научилась?

Натуля с первых дней учёбы подбери себе подружек девочек и товарищей из мальчишек с которыми подружитесь и организовывай с ними в свободное время игры. Наточка, чем детишки думают помочь Красной Армии в разгроме фашистов? Ты посоветуйся с учительницей и организуйте к октябрьским торжествам подарки нам. Наши советские воины воюют хорошо. Пиши мне понемножку, как ты учишься, чего у тебя в школе интересного. В школу ходи чистенькая и аккуратная, будь примером всем девочкам. Спроси у мамы, как вела себя в школе наша покойная Ирочка и будь как она, её все ребятишки любили, так как она была хорошим организатором и помощником отстающим ребятишкам.

Наточка скоро скоро мы разгромим Гитлера и папы многих девочек придут домой. Я тоже приду и будем учиться вместе, ты в школе, а я дома. Будем учить и маму, она с войной тоже многое забыла.

Пару слов в твоём письме напишу и маме. Мамочка, ты мне уже не пишешь несколько дней. Напиши ходила ли ты к врачу, как твоё здоровье. Дадут ли тебе со службы хоть несколько часов для устройства хлева для коз?

Я здоров. Крепко целую Натульку и маму. Любящий Вас папа и Ваня.

11 октября 1943 года.

Шлю Вам свой родной привет и лучшие пожелания. Здоров, живу хорошо. Жду откомандирования и назначения в другую часть. Как назначат вышлю немедленно адрес. Пока пиши на адрес Мойка дом 42 кв. 39 Трофимовым для меня. Тот же адрес и Марии Михайл<овны> Фрейбург. Вчера снялся на маленькое фото, через 12 дней будет готово, меня не будет, получит М.М. и пришлёт тебе и мне. Не знаю, куда то попаду? От Жданова ответа не получил, жду. Вчера выдавали значки за оборону Ленинграда. Я не получил значок, но получил справку на получение значка в другой части. В логове нашем несколько дней всё спокойно. Готовь лыжи, зимой будем кататься вместе и думаю гада зимой прикончим. Целую крепко Ваня.

16 октября 1943 года.

Дорогая моя дочурка Натуся! Два часа тому назад пришёл с работы, покушал и так сладко отдохнул в кровати уперевшись пятками в горячую печку. Ты знаешь, как папа любил полежать в Ирушкиной, а затем она стала твоей, кроватке задравши ноги на печку. Тёмная ноябрьская ночь. Ветер пронзительно дует с моря, моросит дождь. Я в комнате один; горит маленькая лампочка без стекла, за стеной хорошо слышно передачу по радио музыки Штрауса. Нет ни вражеской ни нашей канонады и не слышно разрывов снарядов. Прочитал мамино письмо и узнал что ты больна, но не смотря на болезнь, тебе врачи делают всякие прививки не положенные во время болезни. Я написал маме да и ты ей передай детка, что я буду жив, приеду домой и отчитаю и врачей и учителей за тебя, за бездушное отношение к моей единственной дочке.

Я много работаю, на мою долю выпало обслужить бойца, командира переднего края, которые каждый день много-много уничтожают немцев и финнов, их дзоты, пушки, пулемёты. В моём подчинении много бойцов и сержантов. Я часто с ними работаю ночами, показываю как надо выполнять боевое задание. Есть старики, молодые. Все они слушаются, я их жалею и забочусь о них, как о тебе.

Вчера мы проводили одну работу, не ладилась она. Мне пришлось самому стать у машины не взирая на то, что я начальник. Правда пожертвовал было ногтями у рук, но ничего, всё прошло, сделал себе горячие ванны, смазал вазелином и те-

перь всё в порядке, а работу выполнили. Мне мама пишет что ты не хочешь написать мне весточки. Я очень расстроен. Я догадываюсь, что ты стесняешься меня как первогодница ученица. Ничего детка, если напишешь и плохо, для меня будет всегда приятно.

Целую тебя крепко, поцелуй за меня много раз любимую нашу мамусю.

22 ноября 1943 года.

Дорогая Люся и милая Натуленька. Шлю Вам боевой привет, желаю успехов и здоровья. Я жив и здоров. Как уже сообщал у нас началось оживление. На нашем участке позавчера 250 гитлеровцев истребили и часть в плен взяли. Люся, из-за боязни наших солдат гитлеровцы свой передний край держат ночью как днём, беспрерывно освещают ракетами. Наши по их свету бьют из миномётов. Ты бы поглядела на гадов пленных, они уже замёрзли, идут по городу как шакалы (их ведут) кто в чём, даже завязаны разным тряпьём. Я себе в комнату сегодня провёл радио (наушники) и электричество, нет только лампочки, надо сходить в город, там достану.

Сегодня послал тебе 800 рублей специально для поправки Натульки. Ты пишешь чтоб я не посылал тебе денег, а купил водочки. Я забыл как её пьют. Скоро должны выдавать, очень я об ней и не думаю. Но порой верно, хочется вспомнить былое. Берегу впечатление до дома. Надо как-то выбраться в город за учебниками, племянник Виктор тоже прислал письмо и просил ему прислать учебники. Эта задача для меня трудней боевого задания, ну не чего, постараюсь.

Люся, надо Виктору помочь одеждой, брюками. Если есть мои какие-нибудь, то надо дать, так же и дать пиджак. Прошу тебя это сделать. Он стал большой, может получиться, что из-за отсутствия одежды не будет ходить в школу или простудится, будет болеть. Излишняя возня и хлопоты для Сани и мамы. Подумай. Она мне прислала письмо на 6 страницах. Доволен, что мама здорова. Люсенька, посылаю тебе денег специально для покупки пищи Наточке. Поправляй нашу любимую дочку. С кем она остаётся вечерами когда ты на работе?

Ты мне пишешь что железнодорожники все из армии откомандировываются. Может быть это и так, но я служу на важном фронте и не считаю себя правым просить об откомандировании. Вернусь, займу так же ответственный пост на ж/д, а если не там, так в другом хозяйстве. В нашей родине все виды работ почётны. Быть бы живым, вернуться с победой.

Был вчера у Трофимовых. Живут они хорошо. На них письма не пиши. Твой любящий Ваня и Натулькин папуся.

23 ноября 1943 года.

Дорогие мои друзья любимые Люся и дочка Наточка. Горячий боевой мой привет Вам с фронта! Сегодня мне посчастливилось получить от Вас сразу 4 письма, в том числе одно сама Натулечка нарисовала и одно написала за неё мама ввиду болезни у дочурки пальчика и зубика. В четырёх письмах у Вас столько нового, что я не смог освоиться с одного разу, лёг на кровать и снова сейчас прочёл всё. Письма от вас теперь получаю регулярно и в курсе дела Вашей жизни. Люся одобряю что сменила козочек, вернее оставляешь одну. Хозяйственные дела у тебя идут не плохо и ты не думай, что я приеду и буду недоволен тем или иным твоим маленьким или большим промахом.

Роднушка, до этого ли нам будет. От счастья всё забудется и станем жить по новому. Вернуться с фронта живым и невредимым это вообще редкое счастье. По домашним делам считаю ты меня скоро за пояс заткнёшь. Одним словом молодец, но не такой, о коем говорил Сталин. Ты настоящий русский молодец! Одно у нас с тобой горе, дочь плохо поправляется и здоровьишко худое. Чем ты её поправляешь?

«Дорогой Марусе от Вани с фронту отеч. войны». 31 октября 1943 года

Ты бы поговорила с соседкой, чтоб пока ты на работе они её покормили или сварили. Как-то надо устраиваться, раз она сама не умеет. Люся только прошу никаких верёвок «пугал» к ней не применять. Потерпи милая. Я больше терплю и главное в моём терпении это Вы. Почему у Вас холодно в квартире? Дрова есть, пусть топит Наточка или топи большую печь.

Люся, если сумеешь то перевези домой из материалов то что опасно там хранить. Если надёжно, то лучше заплати за охрану там. Где наши соседи воюют? Золотов, Анин муж и Барышев. Рад за Колю, молодец, дважды орденоносец. Будем живы с него причитается в два раза более при встрече, а вообще я уже видимо и выпивать не буду, отвыкну за войну. Разве за зиму приучат. Скоро давать будут регулярно 100 грамм в день. Живу я в комнате один, у меня тепло. Кормят регулярно если когда не выхожу на передний край. Часто командование дивизии даёт непосредственно мне задание связанное с работой на переднем крае наших частей. Всё время как говорится «Бог бережёт».

Люся, на фронте нужна большая смекалка помимо смелости. С сегодняшнего дня война кажется на нашем участке вступила в иную фазу. Нашими артиллеристами с утра началась обработка немецких позиций. Весь день сплошной гул, даже теперь, в тёмную ночь нет-нет и прорвётся повторение пройденного.

Люся, ты пишешь что соскучилась обо мне, милая, кто о ком не соскучился! Каждый из бойцов думает о семье о детях, о жёнах, но без победы нет возвращения, стало быть надо ковать прежде всего победу. Однако скоро будет и победа, враг не выдержит зимы, наших натисков, тем более если они будут двойными + Запад. Жди не отчаивайся мой друг. Твой навсегда крепко любящий Ваня.

23 ноября 1943 года.

Действующая армия. Здравствуй славная любимая моя голубка Наточка!

Получил твоё письмецо сегодня и очень обрадовался, как распечатал и увидел, что ты писала. Пишешь ты деточка пока что не так уж хорошо, но скоро научишься. Самое главное что у тебя болел пальчик и зубик. Всё это пройдёт, если будешь больше кушать. Поздравляю тебя с новой покупкой, козочкой «Зорькой», желаю тебе с её молочка скорей поправиться и быть здоровенькой. Ведь я хотел в эту зиму с тобой и мамой кататься на лыжах. Дела пойдут может и приеду.

Воюем мы Наточка хорошо. Каждый день убиваем много-много немцев. У нас тоже начал выпадать снежок, но как подует ветер с моря, так он и пропадёт, и опять детишки ждут снежка. Я сегодня видел мальчика и девочек с тебя и меньше, бегают по замершим лужам с палочками. Хохочут, один другого в бок толкают, падают ножками к верху. Стало и мне весело и забавно глядеть на них. Там вдалеке стреляют из пушек, а им хоть бы что.

Малютка! Мама пишет, что ты её волнуешь и сердишь, и она с тобой ругается. Я этим очень не доволен. Ты не только маму не должна сердить, ей надо помогать. Ведь ей тяжело без меня. Ходишь ли в кино, в детский театр, с кем? Детка, я часто о тебе думаю, вспоминаю как мы с тобой и Ирушкой шалили. Помню, как я всех вас на диван посажу, потом ты взберёшься на шею, Ирушку на ручки, и бе-

гаем по комнате, а то возьмём и маму на ручки. Жаль что нет Ирушки! Приедем домой, опять будем шалить. Тогда втроём и мама, а теперь втроём с мамой, а может быть и опять вчетвером, мы с тобой упросим маму, чтоб вчетвером.

Ты детка одевайся потеплее, больше гуляй, как выучишь уроки. Ухаживай за Зорькой. Есть ли у тебя котёнок? Деточка, уже 12 часов ночи, а по вашему 1 час ночи другого дня. Папа хочет спать. Крепко тебя и мамусю целую. Папа.

26 ноября 1943 года.

Дорогая моя Люся и золотая птичка Наточка. Я здоров. Чувствую себя хорошо. Настроение хорошее. Первую ночь ночую на новом месте. Теперь уже в другой части, правда входящей в туже бригаду. С моим назначением кончено. Послало высшее начальство на прежнее место снова, но прежнее начальство не захотело принимать, и видимо договорилось с Высшим перевести в другой полк, но в этой бригаде. Не успел придти, как послали работать в высшее звено, и вот первую ночь ночую здесь, завтра буду работать.

Ольга Юлиановна Идзковская с дочерью Наталией. г. Горький, 1943 год

Работа можно сказать прежняя, но в большем объёме. Поживём увидим. Я весьма доволен, что ушёл из прежнего места службы. Неминуемо была бы неприятность. Дальше нельзя было работать. Знаешь в «Горе от Ума» Чадский как сказал: «Служить бы рад, прислуживаться тошно». Вот так у меня. Подхалимничать я не воспитан и не терплю. Нечестно так же служить не могу, а тут говорят с волками жить, по-волчьи выть. В общем, всё ушло в область предания. Я начал новую жизнь, вернее туже самую, но в новых условиях и с новыми людьми. У меня линия одна, честно и добросовестно отдать свою энергию, жизнь на защиту родины. Люся, адрес я тебе пока не дам в сегодняшнем письме, пиши на Трофимова, я заеду возьму. Погода хорошая, готовимся к наступательным боям. Думаем не отстать от соседей Северо-Западников. Будем в Лепеле, зайду к тебе на родину. Целую крепко твой Ваня и Наточкин папа.

28 ноября 1943 года.

Дорогая Люся и малышка Натуся. С радостью спешу Вам сообщить, что я жив и здоров, крайне недоволен собой, что заставил Вас быть в неведении обо мне продолжительное время. Был занят выполнением целого ряда заданий командования, приезжал домой, вернее к себе в казармы ночью, уходил рано утром, тоже ночью. А если приходилось иметь время днём, то в сильные обстрелы нельзя было написать письма.

Наш фронт очень тяжёлый, в нём нет ни тыла, как мы его понимали дома, ни спокоя. Все на фронте и работаем на фронт. Не редко жестокие обстрелы оставляют следы больших жертв и на улицах и в домах и в заводах. Нет гарантии ни у гражданских ни у военных за завтрашний день. Здесь есть только одна гарантия, «мы победим в обязательном порядке».

Дорогая моя, я как тебе известно, работаю на новой работе. Вчера была команда и представитель армии у меня на работе. Состоянием остались довольны. Были указания по работе. Считаю, что дела пока идут не плохо. Работа у меня самосто-

ятельная. Чувствую я себя хорошо. Люся, знаю что ты очень, очень устала, порой у тебя даже и меланхолия. Трудно тебе, не легко и нам. Победа даром не даётся и без жертв не достаётся. Как видишь, наши дела не плохи. Наш фронт вот-вот должен сделать свои славные дела. Я себе представляю картину этого боя. Мы часто видим, слышим канонады тяжёлых орудий, Катюш, пулемётов, но то что будет, этого нет возможности представить. Этого мы все ждём с нетерпением, каждому хочется быстрейшего разгрома лютого врага и мщения за жертвы невинных детей, матерей, стариков.

У меня много различных эпизодов, ты помнишь Серёжа прислал письмо, что он выдавал зарплату и снаряд разорвался около него. Мы с тобой так это переживали. Теперь это я не считаю за серьёзное дело. Боишься только прямых попаданий в землянку. Часто бывает, что сидишь в здании, и в него несколько снарядов попадает. Сидишь в нижних этажах, в подвале, а чувствуешь себя, точно ты качаешься в люльке. Земля точно стонет и дышит. На днях я шёл с переднего края, пришёл к городу, начался сильнейший обстрел. Шли с дури под обстрелом 4 лейтенанта, пока нас вооружённые патрули не посадили в подвальные укрытия. Сидеть некогда и надоело. Вышли в самый сектор обстрела. Быстро побегли, рядом на панели разорвался тяжёлый снаряд, никого не ранило, упали в яму. Чуть успели упасть, упал второй снаряд, обсыпало землёй. С трудом, вдоль заборов и разных укрытий ушли обратно в подвал. В этот день было что то ужасное.

Люся, новая моя работа временного характера, да на фронте очень постоянного и нет. Надо сказать, что эта работа более спокойная. Реже бываю в городе, у родни давно не был. Люся, я что-то уверен, что скоро война кончится. Теперь так хочется конца увидеть, жизнь будет особо интересная и главное — много в ней нового. Ведь мы с тобой самую лучшую жизнь прожили в таких условиях, как подготовка к войне, в напряжённых условиях с основными капит<алистическими> странами, а теперь мы друзья с Англией и Америкой, не будет больше опасности войны. Как хочется пожить в такую пору! Живы будем поживём, не поживём, так наши дети и жёны поживут.

Соскучился о Вас порядком, теперь буду писать почаще. Любящий Вас крепко Ваня и папа.

29 ноября 1943 года.

Дорогая Люсечка! Получил два твои письма, очень был рад. Письма идут очень быстро, 6 дней. Люсечка, меня очень интересует как с твоей болезнью, подлечила или осталось по-прежнему. Ну это всё пройдёт. В крайнем случае сделаем после войны маленькую операцию. Люся, ты очень за меня беспокоишься. Даже больше чем я сам о себе. Родная, теперь не до нас разным врачам, едва хватает время и сил лечить тех, кто остро нуждается в неотложной помощи.

Я только что вчера пришёл с передовой, а сегодня опять туда на 5 дней. Работаю у самого носа немцев. Стреляют, бешеные собаки. Не смотря на жёсткие обстрелы, всё же остаюсь невредим. Где ползком, где как. Надо как-то маскироваться, но делать своё дело.

Скоро Люсечка пойдём вперёд, вот тогда будет интересно. Мы ещё не воюем, а обороняемся. Перейдём в наступление, тогда горе будет немчуре. Скоро, скоро пробьёт час. Люся, ты иногда хочешь со мной кое о чём посоветоваться. Я тебя понимаю, но ты учти, что воин может думать только об одном. Победить. Я порой забываю, что у меня там дома есть хозяйство и все вы. Думы одни, выйти живым и сделать своё дело. Это ведь война, а не игра. Тебя ловят сотни снайперов, стрелков, артиллеристов. Мы и они стремимся как можно больше истребить жи-

вой силы, отсюда вся логика боя и сноровки. Писем от дядьёв не получаю. Кроме тебя часто никто не пишет. Будь здорова. Целую крепко тебя и Натульку. Черкну сегодня-завтра. Твой Ваня.

30 ноября 1943 года.

Дорогая моя Люсенька и милая птичка Наточка! Шлю Вам мои родные свой боевой привет и лучшие пожелания в Вашей скромной трудовой жизни. Живу я хорошо, и по настоящему Люся хорошо, не думай, что скрываю или успокаиваю тебя. Верно, когда нужно, я должен успокоить тебя и обнадёжить, это мой отцовский долг. Ты меня знаешь, я не пессимист в жизни, а реальный оптимист. После того, что я испытал в рядах РККА будучи рядовым бойцом, я безусловно теперь живу хорошо. Буду жить хуже, честно скажу, но с другой стороны лучше наступать — это значит испытывать счастье, это значит ковать победу, приближать конец войны и вместе с тем свидания с Вами, мои дорогие друзья. Немчура уже несколько дней даже не стреляет, видимо не опомнятся, наши одним ударом изуродовали 400 немцев только в одном месте, а если начнём так по всему фронту, только подсчитывай. Ну, об этом как говорят когда рожь, тогда и мера.

Роднушка моя, сегодня я решил написать кое-кому из родных письма. Уже написал Афанасию в Болдино, Коле Идзковскому, пишу тебе и хочу написать Пирогову. Затем Никанору Васильевичу. Время у меня теперь есть. Третий день сижу у себя на работе и не хожу на огневые. Видимо командование забыло про меня.

Любимая моя крошка, сижу в уединении, в спокойном состоянии за чтением одной книжечки. Называется она «Поездка в Иерусалим» одного петроградского бездельника в 1881 году, даже нет автора. Неуклюже написано, но ценны отдельные картины Африки и тех мест, кои называют «святыми» и куда стремятся грешники поцеловать хоть землю для избавления от грехов. Этот тип ездил забыть неудачный свой роман, так я его понял ещё в начале книги.

Мне эта книга дала возможность вспомнить о наших с тобой светлых днях жизни, счастливых минутах молодости. Я даже старался припомнить наши студенческие радости, купание нашей ещё не оформленной Ирушки в ванночке. Какая ты была счастливая, как мы заботливо её после пеленали в простынки и клали на подушечку в тёплую комнату у печки. Как были дороги наши мечты, походы в Луга. Как мы однажды с тобой блаженствовали возле Марьиной рощи в Лугах, как в ковре цветов. С нами неизменно была Ирушка, она гуляла, и срывала, какой ей нравился цветочек. Как далеки и невозвратимы те золотые деньки!! Мы не могли, по ряду обстоятельств, лелеять нашу любимую птичку Наточку. Это не наша с тобой вина. Она росла хорошо, когда была Ирушка, и мы с тобой были кажется счастливей всех и не думали о теперешнем. Мы будем безусловно счастливы и Натулькина молодость будет красива, мы обязательно это сделаем.

Наточке надо действительно немного разнообразить детство. Детство бывает в жизни раз, и оно должно быть красивым. От него зависит дальнейшая человеческая жизнь, склад ума, энергия и способности. Люся, ты расстраиваешься, что не провели тебя секретарём трибунала, ну наплевать, живи так, чтобы меньше было забот, а больше времени на воспитание дочки. Это ведь так же общественная необходимость и даже революционная обязанность воспитания её в духе коммунизма, а не одиночества. Ну, я кажется развёз, а бумага кончается. Твой Ваня.

1 декабря 1943 года.

Дорогая моя птичка Наточка! Шлю тебе самый горячий отцовский боевой привет с далёкого фронта отечественной войны. Дочуронька моя, как я уже о тебе соскучился, так хочется подержать тебя на ручках, пошалить, рассказать тебе ска-

зочку, как бывало. Сначала я тебе, потом ты мне, а затем как помнишь на диванчике начнём вместе читать сказки Гримм. Так нам станет весело, а там смотришь, и мама откуда-нибудь придёт, и у нас полное счастье. Тем более что-нибудь купит для тебя, меня и всех нас. Так хочется снова так жить.

Я ежедневно детка работаю для обеспечения наших бойцов и командиров необходимой продукцией для боя. Наши бойцы метко стреляют и уничтожают фашистов, ты наверное теперь знаешь кто такие немцы-фашисты. Это самые злые, хуже бешеных собак и кошек люди, да их нельзя назвать людьми. Вот их то мы и уничтожаем. Как уничтожим всех, так и приедем все папы к своим ребятишкам и мамам. У всех будет большой, большой праздник, все будут гулять много-много дней, а маму обязательно отпустят с работы.

Натуленька, папа доволен что учишься хорошо. Желаю тебе учиться ещё лучше и быть отличницей, отличницей также и по кушанью. Только что по радио кончили передавать «Пулемётчика». Мне вспомнилось так ясно и отчётливо, как будто это ты поёшь. Помнишь, ты мне вечером, когда я приходил ночевать, пела «Пулемётчика». Так мне понравилось, что не могу забыть твой приятный робкий голос до сих пор. Как запоют «Пулемётчика» так я и вспоминаю тебя, моя голубка.

Мне мама пишет что ты рисуешь очень хорошо и что у тебя видимо имеется наклонность быть художником. Что ж детка, попроси маму купить красок и рисуй себе. Что-нибудь мне пришли. Одно горе вечером горит плохо свет, так мне мама пишет. Это плохо. Купить надо побольше лампочку. Деточка, напиши мне как ты чувствуешь себя, что ты для себя делаешь самостоятельно. Когда и как делаешь уроки, помогает ли тебе мама в работе и помогаешь ли ты ей. Я живу хорошо, задания кои мне дают, выполняю тоже хорошо. Скоро дочурка война кончится и с победой вернёмся домой. Учись хорошо, чтоб было чем похвастаться папе и встретить.

Целую крепко тебя. Любящий папа. Крепко поцелуй от меня маму, обними обеими ручонками.

7 декабря 1943 года.

Прилежная моя Люся! Судя по твоим письмам ты дюже скучаешь обо мне, так же как и я по тебе, Наточке. Как же не скучать, не беспокоиться? Бывает уеду в командировку на 5 дней и то кажется долго-долго. А тут годы в разлуке, это не шутка. Это наша общая навязанная врагом разлука.

Родная моя! Скоро всё же кончатся мировые муки. Всё наготове раздавить врага. Меня часто мучает мысль — неужели среди немецкой общественности, солдат, нет разумных людей стоящих у власти. Как можно не понимать их гибельного положения и безнадёжность их относительно крепкой дисциплины. Ты посмотришь как будут крушиться стены их обороны, их армии, когда приведут в исполнение договор в Иране. Неужели и тогда немецкий воин не поймёт второй мировой свой проигрыш? Поймут, я в этом убеждён. Не поймут, заставят понять наши пушки, самолёты, надёжный штык русского солдата. Первого мая будем вместе. Сколько радости будет у нас с тобой и у всех кто ждёт отцов, матерей!

Ты огорчена, что тебя не переводят секретарём, я ещё раз прошу тебя бросить эту затею. Ты больше внимания уделяй Натусе.

Будь побольше дома и займись с ней, с нашей единственной крошкой. Ну не уже-ли ты не проживёшь несколько месяцев так как живёшь. Безусловно проживёшь. Не за горами конец этой чехарде в работе. Будут совершенно иные условия, ты береги силы, энергию, ещё вся жизнь впереди. Вернусь домой, обязательно тебе дадим с Натулькой отпуск и путёвку на курорт. Ты разве заказала очки? Это правильно. Надо поберечь глазёнки, они у тебя стали усталые.

Люся, я живу один, так как офицеров у меня нет, есть только сержанты и солдаты. Ты пишешь, что Федька обижен что ему никто не пишет. Да я бы на его месте поискал причину, почему ему не пишут. Ему стыдно, он человек руководящей партии, а на своём посту только кулачится вместе с женой. Он думает это не понимают его товарищи, находящиеся на фронте. Понимают. А какую он помощь оказал Вам, жёнам фронтовиков? Он считает законным, что я должен быть на передовой, а они в тылу. Приедем разберёмся. Думаю что кое-кому будет неудобно. Писать я ему не буду. Я не пишу и Никифору Васильевичу из этих соображений. Что они помогают моей матери? А ну их к чёрту всех. Проживём мы и без них. Я защищаю честных тружеников нашей страны, несущих бремя войны, а не наживающихся на войне. Ты беспокоишься что я мало сплю. Когда можно сплю. Но ты знаешь, что я на сон не мастер.

Я удивляюсь на Илью Васильевича. Как ты пишешь, это нечестно. Что ты богаче их. Да у нас с тобой всю жизнь так выходит, всех кормили, всех жалели, всем помогали, а коснись с нашей нуждой, все отворачиваются. Об этом детка не жалей. Живём один раз и добродетель должна быть основой жизни, и не отступай от этого ни при каких обстоятельствах. Как мне нравился этот характер у нашей Полины Леопольдовны. И у Ирушки! Такой же был нрав. Это хорошо.

Водку мы получаем редко. Зима у нас началась, но очень не постоянная. Обувь у меня крепкая. Хотя хожу порой по 20–30 километров пешком. Почему? На фронте передовом нельзя ездить на машине. Во-первых, туда, где стоят орудия на машине не проедешь, во-вторых, нельзя выявлять объектов.

Вот Люсечка немножко я и написал о себе. С кем Натулька спит? Одна или с тобой. Отрадно, что ты её поправляешь. Ну до скорого счастливого свидания. Да, читаю книжки, есть время и свет. Читаю Сергеева-Ценского, кончу начну Герберта Уэльса. Целую тебя и Натульку. Ваня.

8 декабря 1943 года.

Дорогая моя Люся и дочка Наточка! Сегодня у меня необычайно оживлённый и счастливый день. Получил от тебя 3 письма в которых я нашёл успокоение и счастье. Выше Вашего здоровья для меня ничего нет. Счастлив тот, кто здоров. Роднушка!

Ты беспокоишься как мои пальцы. Всё зажило и нет следа. Я вполне здоров и если бы в таком виде и силах вернуться с Победой, я бы начал жить второй молодой жизнью со всеми её прелестями. Ты спрашиваешь, почему я офицер интендантской службы часто бываю на передовой? Верно, не все интенданты бывают часто на передовой. Есть так всю жизнь военную сидят в штабах, канцеляриях. Я тебе скажу, что мне это даже не нравится. Что это за воин, который не видел переднего края, где вершится судьба войны?

Люсенька, наш фронт особый фронт. Город-фронт. Когда я бываю в городе, я чувствую себя хуже, чем на переднем крае. Вот к примеру 2–3 недели наш город бешеным огнём обстреливает враг.

Я часто бываю в Городе в обстрел его, 5 декабря мне пришлось выехать в город. В этот торжественный день враг особо жестоко подверг его обстрелу. На наших глазах рвались снаряды, отбивали углы каменных домов, осколки камня, пыль, крики бедных женщин, всё висело в воздухе. Враг неистует, он ищет мщения за неудачи, перенеся бессильную злобу на наш город. Развороченные углы домов завтра приведут в порядок. Я никогда не думал, что женщины этого города, избавленные удобствами жизни, могут так стойко, терпеливо переносить ужасы войны. Служба моя идёт на прежнем месте. 1 и 2 был на передовой, выполнял одно задание. Угодил под миномётный огонь, 31 мина прожужжала и разорвалась невдалеке. Нем-

цы стреляют плохо. Ты просишь подробно написать. Что я тебе могу написать. Чем питаюсь? Это можно. Ем щи, кашу (мало, не люблю) заменяю картофелем, варёную свежую капусту. Недавно я парил брюкву, есть клюква, брусника, мясо, рыба. Всё что дают, то и ем. Сыт бываю всегда.

Люся, зубы ещё не вставил, собираюсь. Тёплое бельё имею. По хозяйству действуй, как тебе подскажет рассудок. Пиши об Натульке, что то ты о ней забыла. Целую тебя и Натульку несчётно. Твой Ваня и Наточкин папа.

10 декабря 1943 года.

Дорогие мои друзья Люся и Наточка. Сегодня мы празднуем, все бойцы и командиры, юбилей нашей части. Несмотря на праздник мы работали и только закончили. Жизнь идёт своим чередом. На фоне всех решений (Конференция в Иране и др.) бойцы и командиры не чают, когда настанет решающий рубеж войны. Все рвутся в бой. Люсенька, читаешь ли ты мои письма Натуленьке. Пиши как она реагирует на них. Что бывает на её милом личике? Бедняжка! Она только ждёт папу; поди выросла немножко без меня и переросла все отметки на дверном косяке.

Там где я теперь живу, под нашим домом, лежат три снаряда большой взрывной мощности, но они пусты, их видимо антигитлеровцы начинили простым песком. Они не разорвались и лежат как мертвецы, которых никто не оплакивает и не жалеет. Родная, ты напрасно обо мне так беспокоишься. Я не такой уж хрупкий, как раньше, что от всякой перемены погоды простужался. Военная обстановка туберкулёзников и то вылечивает, они не плохие вояки. Я здоров и могу гордиться своим здоровьем. С моим здоровьем можно и должно дойти до Берлина. Я себе мыслю, что оттуда я и приду к тебе моя дорогая. Где-где, а в Берлине буду, я уже для себя наметил, где мы пойдём победоносно туда.

Жду от тебя фото. Покажи, как ты поправилась. Ну, до скорого свидания. Любящий тебя и Наточку Ваш Ваня.

13 декабря 1943 года.

Дорогие мои любимые друзья Люсенька и дочка Наточка! Сегодня получил Ваше письмо от 5.12. с/г т.е. праздничное, очень рад. Люсечка, не грусти милок, не расстраивай нервы. За меня ты не грусти. Я немножко погрустил о Ирочке, не надо грустить о живых. Живым надо радоваться.

Дела у тебя не плохие, по хозяйству всё в порядке. После продажи деньги у тебя есть, подкрепи Наточку и сама подкрепись, вот и не будут литься ненужные слёзки.

Наточке режим надо, а может быть и полечить кишечник. Что оставила Серку это хорошо, с твоими доводами я вполне согласен. Одну прокормишь, а молочка Наточке будет достаточно. Пережить главное трудности войны, а там может быть совсем не надо и козу. Кто знает.

Люсенька, ты говоришь гадалка предвещает конец войны на 3-й день пасхи, а я могу сказать раньше. Кто прав, будем разбирать после войны. События идут ускоренным темпом. Всё поставлено на карту у немцев, чтоб удержаться фашистам у власти, а катастрофа как смерть близится и хватает за фашистскую глотку.

Люся, ты очень расстраиваешься на работе о своём месте, прошу тебя не беспокоиться. Живи как живёшь, что тебе, вечно что ль будет ваш трибунал? Кончится война и кому он будет нужен, пусть даже он будет. Найдётся для тебя работа всюду. Тепло ли у тебя в квартире, как дела со светом и водой? Хорошо бы тебе из Б. Болдина привезли круп. Ведь они могут там купить, а Илья привезёт, попроси его. Очень доволен, что ты получила мои гроши. Люсечка, я живу лучше в несколько раз тебя, поэтому ты меня не жалей, что я отрываю от себя. Эти дни я отдыхаю, почти ничего не делаю. Слушаю радио, читаю понемногу и пишу письма. Свою непосредст-

венную работу я не считаю за дело, за трудности. Трудно когда ходишь по особым заданиям. У нас опять стало тепло, снег растаял. Стало темно, туманно и ветрено. Как похожи эти молочные ночи на те, что были 4 года назад. В такие же ночи мы были с тобой озабочены судьбой нашей дорогой дочки Ирушки. Как выстрел грянул, когда мы узнали о её болезни. Вся наша тихая жизнь кончилась и превратилась в бушующий океан страдания и горя. Завтра последняя ночь, как мы имели дочку в квартире, а там госпиталь, бесконечные её муки и предсмертные страдания. Как тяжело я каждый год переживаю декабрь месяц. Это ужасно.

Сплю не важно, как и в гражданке. Питаемся три раза в день по первой норме, так как положено на передовой. Жалею что Натульке не могу послать учебников. Покупка их связана с большими хлопотами. Постараюсь прислать.

Как-то она моя птичка выглядит. Очень плохо если у неё болит кишечник. Никак она у нас не поправится.

Да, Люсечка, скоро будем ночевать под открытым небом. Пойдём и пойдём вперёд, а там пусто-пусто, один пепел и разрушенные печные трубы. Где пригреешься и когда? Надо обеспечить быстрое продвижение армии всем необходимым. Чтобы боец ни в чём не нуждался. Задача будет весьма трудная, но почётная и выполнимая. Как ты получаешь мои письма, полные или с поправками?

Я твои без всяких помарок. Ты у меня умница. Пока живу на этой работе, что будет дальше не знаю. Уже $1^1/_2$ месяца работаю. Кажется теперь и без меня могут обойтись, всё сделано, трудное пережито, теперь можно заменить другим. Я молчу, дело командования, они больше знают.

Деточка, пока никаких коридоров не делай, подожди немножко, не затрачивай средства. Пока живи и расходуй на еду. Помогли тебе с моей службы или нет? Передай привет соседям и Каменцевым.

Целую тебя крепко, твой любящий Ваня. Крепко целую Натуленьку, свою маленькую деточку.

17 декабря 1943 года.

Дорогая моя Люсечка. Получил сегодня твои два письма в которых выражаешь беспокойство за меня, за хозяйство, за Саню и всех-всех. Это с одной стороны не плохая черта, но с другой стороны будь немножко равнодушнее к вещам и событиям. Немножко терпения и выдержки. За меня не беспокойся. До сих пор брожу по нашей священной земле. Цел и невредим, никаких последствий от вражеских снарядов нет, совершенно здоров. Этот испуг твой и беспокойство таким образом ликвидированы. Себя берегу, помогает видимо мамин «молитв».

Люсеночек я тебе посоветую у Барышевой оставить весь строительный материал, дай ей угол в своём огороде и заплати ей. Ничего от неё не вози. Ведь она должна понять моё и твоё положение, поговори или я ей напишу письмо. Должно быть ликвидировано второе неразреш<енное> дело.

Я тебе мог бы посоветовать оставить козу Майку, но поскольку она не суягна, надо было бы её обменять. Или оставь Серку, я не знаю насколько она будет полезна. Для памяти обо мне можно не оставлять. Если она не доится и не суягна лучше её продать и весною, если удастся, купить новую, не удастся не надо. Подумай сколько стоит кормить её зиму, ты пишешь о баснословной цене сена. А что она даст тебе за это? Учти, что она скинула рога и она по сути уже не коза. Как с картошкой? Достаточно будет для козы?

Люся как помогла Сане? В суворовскую школу его не примут, надо отдавать в ФЗУ, пусть потерпит немножко. Приеду домой помогу устроить, отсюда трудно что-либо сделать. Кончится война всё будет гораздо легче. Ты чем можешь матери-

ально помоги ему. Дай мою телогрейку и какие-нибудь брюки, ботинки. Надо же помогать. Наш с тобой такой удел. Всю жизнь всем помогать. Не зато ли я сохраняюсь на войне? (шутка) Любящий тебя Ваня.

19 декабря 1943 года.

Дорогие Люся и Натуся. Шлю Вам свой горячий родной боевой привет. Я же в полном здоровье и невредим. Был сегодня в городе, у букинистов купил Натульке две сказочки, которые хочу переслать бандеролью к Новому году и несколько тетрадей. Попытаюсь завтра послать. Враг держит город под жестоким обстрелом. Страдают мирные граждане, разрушает памятники, постройки и т.п. Ночью и днём нет покоя. Наша артиллерия, миномёты, Катюши несчадно уничтожают вражескую технику и живую силу. Враг будучи бессилен что-либо сделать мстит на мирном населении. Сегодня заморозки, может быть установится желанная для нас погода. Ночи темнее и становится холодно. В общем, близится час расплаты. Наши войска прекрасно могут воевать и днём и ночью. Ты видишь, теперь как будто установилась тишина, но это лишь видимость тишины. На всех фронтах идёт подготовка к решающим боям. Перед бурей всегда бывает затишье. Этот закон естественен и для ведения войны. Помнишь перед Орлом и Курском была такая как бы спокойная обстановка на фронтах. Надо было так. Люсенька, я что-то давно не получал писем от Коли Идзковского, от Никанора ни одного письма не получил. Как они там живы ли? Как дела с раненным Виктором, тебе наверное известно. Напиши.

Скоро Новый год, ёлка, опять воспоминания.

Я решил на Новый год тоже немного встряхнуться. Достану $^1/_4$ водочки, выпью и помечтаю. Лиха будет дожить. Не знаю где будешь. Наше дело солдатское. Может до Нового года уйдём куда-нибудь к Латвии?

Люсечка. Козу одну держи обязательно, скучно, да и необходимо молоко для Натульки. Учти, что Наточка подросла и поможет тебе ухаживать за нею. Мореву Сане ещё не ответил. Сегодня напишу. Люся я тебе сегодня послал 600 р. денег для Натульки, поправляй её, малютку, чтоб была к моему приезду толстая как была и румяная. Вот тебе боевая задача.

Люся, так я болею после нервного расстройства, что о нашем горе, о Иринке я стараюсь не думать, отвлекаю мысль, так лучше. Будьте счастливы. Готовьтесь к Новому году. Целую Вас крепко. Любящий Вас Ваня.

22 декабря 1943 года.

Дорогая любимая Люся! Я не понял от кого ты получила ордер на дрова, от райконторы или треста ТТП. Хотел написать письмо и отблагодарить. Но кого не знаю. Я не знаю, у Вас затемняют окна или нет?

На Новый год к Трофимовым не пойду, уж очень холодного расчёта люди, я поражаюсь им. В каких тайниках они нашли подобную алчность и расчётливость. Видимо раньше их в них вселилась. Давно не был у них, не разбомбило ли их. Были очень жёсткие обстрелы из орудий. Много пострадало населения.

Люся, я уже давно сижу на одном месте и не хожу по передовым линиям. Даже уже соскучился. Обо мне не беспокойся, я уже немного стал известен командованию. Всё теперь зависит от меня. Высоко не зайду, а что поручат, выполню с честью.

На Новый год куплю водочки, да хотя должны офицерам выдать по пол-литру, закуски у меня всякой — капуст, огурца, брусники и клюквы достаточно. Свежее есть масло, консервы на доппаёк. Так что за закуской дело не встанет. Придётся за будущее счастливое совместное житьё, за победу, благополучное возвращение выпить. Выпить и вспомнить нашу любимую Ирушечку, так уж у нас каждый год повелось и будет на сей раз. Любящий тебя твой Ваня.

1 января 1944 года.

Родная Люся! Получил сегодня в Новый год от тебя письмо. Благодарю за поздравление и пожелание в 44 году быть мне здоровым и вернуться домой. Дела у тебя как видно не плохие, за исключением по службе (обижаешься что тебя не переводят на секретарскую работу). Очень я доволен за Натульку, что с 1.1. каникулы. Значит завтра она уже царица своего дня, разумеется с ёлкой.

Люся, ты пишешь, что в Днепропетровске жить хорошо, что у тебя там знакомая и что тебя подмывает туда ехать из Горького, и что делать не знаешь?

Мне подобная постановка совсем непонятная. С одной стороны страстно ждёшь меня, с другой тебе хочется уехать из Горького, и не можешь разрешить этого вопроса. Может быть это праздная мечта? А может быть подкреплена какими-либо обстоятельствами. Я не в курсе дела. Как надумала, так и доведи до конца. Я буду жив, туда и вообще никуда не поеду. Даже об этом и не думаю. Я славен тем, что дожил до 1.1.44.

Вступил в Новый год в благополучном состоянии. Целый день работал по заданию. Да Люся, декабрь прошёл, унёс с собой все тяжести наших воспоминаний. Что касается твоих 37 лет, то ты для меня в моём воображении 25 лет, и моложе. Прошу прислать мне фото твою и Натульки, а то мне скучно не видеть Вас.

Люб<ящий> тебя Ваня.

1 января 1944 года.

Дорогая дочурка Наточка. Как я доволен детка, что завтра будешь отдыхать от учёбы. Миленькая, когда же я смогу с тобой в каникулы погулять, так хочется детка покататься по снежку с горок на лыжах, поглядеть, как ты кувырком будешь летать с горы. Я так же летал, как баранка с горы. Деточка, пришли мне письмо и опиши как ты отдыхаешь. Первым делом кушай больше и сама, когда мамы нет дома. Мне мама написала, что ты письма свои хранишь отдельно, правильно дорогая. Сохрани их. После войны мы их с тобой почитаем. Я тебе буду писать отдельно и вместе с мамой, как надумается и как будет время.

Я Новый год встретил хорошо. Немножко выпили и легли спать. Много деточка радости у нас успехам Красной армии. До свидания, целую тебя крепко. Твой папа.

10 января 1944 года.

Дорогая Люся! Получил вчера твоё письмо. Доволен, что проводили 1.1. хорошо. Я уже дней 7 тебе не могу написать письма, нет время.

У нас зима. Снегу много. Пуржит. Холодно. Я имею шубу, валенки, сапоги, тёплые брюки, так что мне мороз не страшен. Шубу ещё совсем не носил.

Люсечка, теперь я буду больше бывать на переднем крае. Ты пишешь насчёт вставки зубов. Нет уж, буду беречь последние, если уж вставят, то после войны. Одно не болели бы. Вообще я здоров. Почки немного пошаливают, имею иногда отёк лица. Это бывает когда простужусь. А вообще нет никакой боли. Значит Вы обе переболели гриппом.

Дорогая Люся ты пишешь, что не переводят секретарём потому что ведёшь себя с начальством не так как другие вертихвостки. Это я понимаю. Чёрт с ними со стервецами. Если они используют должностное положение с целью использования женщин, так грош цена такому «Судье». Это не судья а гад, присосавшийся к телу нашей родины. И смотри на него как на гада. Напиши мне адрес, я попрошу начальника политотдела написать вашему политотделу. Получил от Коли письмо. Живёт он не плохо, насчёт ордена ничего не пишет. От матери тоже давно не получал писем. Люся, вторые деньги получила или нет. Я получил от Феди Дворникова письмо, живут они видимо плоховато. Одиноки и стары.

Люся на счёт службы своей ты не особенно расстраивайся. На всё наплевать. Живы будем излечим всё. Натульке завтра напишу отдельное письмо. Целую крепко твой Ваня.

12 января 1944 года.

Дорогая моя дочка Наточка. Шлю тебе свой боевой отцовский привет и самые лучшие пожелания в твоей ученической жизни. Желаю чтоб ты по новой пятибалльной системе в школе получала только отлично, т.е. 5. Я учился мало на 5 когда был как ты, а ты папу перещеголяй. Зато я позднее учился только на 5 и редко на 4. Деточка, вчера я был на самой передовой линии, 300 метров от немца, они в нас дерзко стреляли но не попали. Я остался жив и невредим. Целую тебя крепко. Передай мой поцелуй Мамусе.

15 января 1944 года.

Дорогая Люсечка и милая Наточка. Привет мой самый большущий. С 9 утра началась грандиозная подготовка к генеральному наступлению, $1^1/_2$ часа несмолкаемый гул и визг орудий, земля стонет, всё содрогается. На время как бы жизнь замерла, что покажет исход трудно сказать. Я жив здоров, нахожусь на выполнении задания в передних рядах. Ваня.

22 января 1944 года.

Дорогая Люся и дочка Натуся! Шлю Вам свой родной горячий фронтовой привет. У нас радостный день. После многодневных упорных боёв освободили от врага Кр<асное>Село, Петергоф и другие селения. Люся, нам пришлось проявить много энергии и отваги, чтоб разрушить оборону врага. Трое суток упорная непрекращающаяся борьба из всех видов оружия обеспечила нам победу. Эти дни я был под Кр<асным>Селом. Видел, наблюдал весь ход боя на переднем крае. Моя задача была иная. Я обязан был обеспечить хорошее обеспечение бойцов во время боя. С этой задачей мы справились хорошо.

Милая Люся, жив останусь расскажу, как наши орлы солдаты брали штурмом одно за другим препятствия, как наши миномётчики из грозных миномётов выкорчёвывали врага из землянок и траншей. Как наша славная, поистине бесстрашная авиация реяла порой так низко над вражеской пехотой и нещадно уничтожала врага. Более всего мне нравится наша авиация. Несмотря на жестокий заградительный огонь, тяжёлые бомбовозы, не обращая внимания, с отвагой пролетают сквозь огонь и пускают в ход пушки, пулемёты и затем тяжеловесные бомбы. Вода, из которой мы готовили пищу, пахла порохом и копотью. За эти дни я списал было себя, но остался жив и невредим. Всяко приходилось и полусогнувшись и быстро на всех парах перебегать на то или иное место.

Сдвиги начались, очевидно нам придётся идти так же в поход, мы готовы. Адрес старый. Ты пишешь, почему я бываю часто на огневых позициях. Я нахожусь при высшем хозяйстве и являюсь их глазом. Мне приходится быть во всех уголках. Натульке никак не могу послать сказочки, нет времени, а главное клею, заклеить пакет, пусть она меня извинит. Пока всё. Любящий Вас Ваня.

25 января 1944 года.

Родная милая Люсечка и дочка Наточка! Самый горячий боевой Вам привет! Уже целый ряд дней куём победу над врагом.

Враг как безумный мечется, стонет, гибнет, сдаётся в плен. Там где задерживается, идут кровопролитные бои. Наши войска безудержно давят врага, освобождая высоту за высотой, местечко за местечком. Доходим до городов. Все дороги, траншеи завалены трофеями, патронами, пушками, танками. Зачастую наши пушки, танки идут по телам фрицев. Деревни и города горят. Жителей я не встречал, за исключе-

нием двух-трёх женщин. Эти дни враг яростно сопротивлялся и обстреливал из орудий наши тылы и колонны, сегодня нет, уничтожен или отошёл на Запад. Дороги заминированы и нет возможности свернуть безопасно в сторону. Немало нашей техники взорвалось на минах. Наши сапёры с миноискателями, собаками очищают от мин дороги, посёлки. Мне не раз приходилось проходить и проезжать по заминированным дорогам. Видел впереди и сзади рвущихся на минах. Мины зарыты глубоко, в особенности на центральных магистралях, предназначены для наших танков. Люсечка, наш фронт теперь стал основным и решающим. Скоро немцу отрежем все пути ж/д отхода и он будет как в клетке собака. Сегодня-завтра Гатчина будет наша. Поедем с боем в Нарву, а там в братские республики. Да, Люся, счастливцы вернуться из этого кошмара, порасскажут своим жёнам и детишкам много непревзойдённого, ужасного. Люди умирают, знают за что, а зная умирать легче. Не будем о смерти! Будем думать о победе и жизни.

Чувствую себя хорошо, пищу принимаю два раза в день обязательно. Бойцы сыты и порой попивают трофейного винца вдоволь. Наша авиация господствует в воздухе, за все дни я не видел ни одного немецкого самолёта. Видимо слабо.

Да, великий город теперь будет свободен от обстрелов. Мы уже далеко от него, но на дороге стоят немецкие пушки, из которых он обстреливал нас. У нас я таких не видел, длина ствола около 8 метров. Меня наверно переведут на другую работу, я пользуюсь хорошим авторитетом в соединении. Сказочки Натусе выслал.

Целую крепко Ваня и папа.

27 января 1944 года.

Дорогая Люсечка и милая Наточка. Сегодня 26.01 я получил от Вас пару писем, в том числе от Наточки две записочки и поросёнка. Поросёнку очень рад. Натулька просто молодцом рисует. Рисуешь ты детка хорошо, а пишешь пока плоховато. Надо подтянуться. Люсечка, посылаю тебе письма часто, несмотря на наши походы и жестокую войну. Дорогая моя, я читаю С. Есенина, при занятии города Н. нашёл 3 том и его прочитал вслух ребятам. Хорошо подлец пишет, правда не выдержанно. Люся, получила ли ты 600 рублей. Я тебе вчера послал 300 рублей, мне ведь теперь денег совсем не надо. У нас всё есть. Трофеев много, я лично даже близко не подхожу к ним. С одной стороны брезгую немецким, с другой сами мы каждый временный воин. Сегодня я взял, а завтра с меня сымут. Вообще все трофеи должны идти в фонд государства. Бои идут и день и ночь. Наша штурмовая авиация ни днём ни ночью не даёт покоя врагу. Враг под нашим жарким натиском отступает каждый день. Жуткие бои, чем кончится январь? Где мы будем в феврале. Чувствуется, что силы немцев надломлены. Дело за союзниками, т.е. 2 фронтом.

Где наш советский народ? Освобождаем города деревни сёла, а народа в них нет никого. Есть и сёла целые, а народа нет. Люся, получил письмо от матери и сестры, они удивляются, почему ты им не пишешь, считают что обижаться тебе не на что. Пусть хоть Натуля им напишет пару слов. Надо Люся не забывать мать старушку, обязательно пиши. Она ведь бабушка Натулькина и причём единственная, у неё нет ни дедушек, только одна бабушка. Нехорошо.

Я уже писал тебе, что командование ко мне относится хорошо. Я здоров, правда болел гриппом, но за работой не заметил. У нас весна, зимы приличной нет, а она нам нужна, так как на пути реки озёра, нужен лёд, иначе тормоз. Позавчера я чуть-чуть не стал жертвой одной неосторожности бойца. Топили печь, я пришёл и сел против самой топки. Боец набрал дров и мусор и бросил в печь. В мусоре оказались боевые патроны, они начали рваться. Посчастливилось, ни одна пуля не попала в меня. Я получил письмо от тебя, прильнул к огню и читал его. Всё обошлось

хорошо. Мне пока везёт, как бы не сглазить себя. 12 день наступаем, я второй день можно сказать отдыхаю. Завтра опять поеду по частям передовой линии. Дорогая моя, очень то не расстраивайся, от судьбы никуда не уйдёшь. Я верю, что буду видеть тебя после победы. Вчера ночью почти не спал. Самолёты так низко над нами летают, что нет возможности заснуть.

До скорого свидания, говоря Наточкиными словами. Целую крепко. Ваш Ваня.

28 января 1944 года.

Дорогая дочурка Натуся! Обещанные сказочки я тебе послал, как скоро ты их получишь не знаю. Малюточка я очень доволен тобой. Ты стала поумнее и видимо поправилась, даже маме помогаешь пилить дрова. Учишься на хорошо и отлично. Мы ведь с тобой помнишь заключили договор, ты будешь хорошо учиться, а я бить немцев. Я своё обязательство выполняю, наш фронт гремит на весь СССР. Мы приказ Сталина об очищении нашей области скоро выполним. А противные немцы. Все почти рыжие и волосатые. Ходят в холодных шинелях и кое-каких ботинках или галошах. Вообще одеты они плохо. Столько их гадюк валяется по дорогам, что ужаснёшься. Деточка, мы двигаемся и двигаемся вперёд, полны стремления победить всех немцев и закончить войну.

Часто думаю о тебе, маме. Всё представляю Вас такими хорошими, ласковыми, весёлыми. Пиши мне малютка, если у тебя найдётся время. Мы через час тронемся дальше. Любящий тебя крепко папа. Поцелуй горячо от меня маму. Ваня.

5 февраля 1944 года.

Дорогая Люся и милая дочка Наточка! Уже третий день как находимся в отвоёванном у немцев городе. Задерживает главным образом взорванная переправа через реку. Река сажен 75 шириной и не замёрзшая. Наши части передовые уже на землях противника. В городе копошатся возвращённые из немецкого плена люди. Кое кто сумел спрятаться и остался не выгнан. Город в основном разрушен в результате наступлений и отступлений, половина проживающих в нём эстонцы. Жители рассказывают кошмарные вещи. Одно только: с 3-х часов дня в городе ходить никому не разрешалось. Имеется концлагерь, где сидели военнопленные и эвакуированные. Население рабочее получало хлеба 350 гр. в день и больше ничего. Деньги были и русские и немецкие, причём немецкие из такого материала, что я уж какой человечишка по силе, и то их согну (хлам ничего не стоящий). Налог с курицы 35 яиц, с коровы 700 л. молока, с кошек и собак налог. Оттого видимо и собак много убитых, что им невмоготу жить. При въезде в город стаи ворон кружатся над городом терзая останки стервятников. Дорога вся взломана. В оврагах, кюветах машины, сани, сожжённые тигры и проч. техника.

На переднем крае не был давно и когда поеду не знаю. Живу в тылу в полной безопасности. Так что вот Люся не всё быть на передовой. Немножко похудел, чувствую себя хорошо. Скоро весна, может быть весной будем праздновать победу. У меня какая-то особая уверенность, что враг зиму если продержится, то весной дрогнет и капитулирует. Как он у нас воюет, так воевать долго нельзя. Чувствуется провал за провалом в его тактике и вообще стратегии. Ближайшее покажет.

Люсечка, за меня не беспокойтесь, чаще пишите. Желаю Вам счастья. Любящий Вас Ваня и папа.

11 февраля 1944 года.

Моя любимая Люсечка и ненаглядная Натуся. Я жив и невредим. Нахожусь в глубоком лесу близ границы. Работаю день и ночь на полосу обороны. Охрана меня бережёт крепко. Беспокоят немецкие самолёты. Замаскировались надёжно. Многих друзей недосчитываюсь. Через один день, по-моему после хорошего удара,

овладеем важным городом и я буду снова со своими. Я живу хорошо, настроение бодрое. Навещают меня ежедневно большие и малые начальники. Всё в порядке. Как не трудно, но победа за нами. Любящий Вас Ваня.

19 февраля 1944 года.

Дорогая моя дочка Натулечка. Шлю тебе срочно отцовский пламенный поцелуй и полное выражение нежной своей любви. Деточка! Папа ежедневно много-много раз с любовью и трепетом вспоминает о своей птичке. Особое желание встаёт в воображении, сходить утром в выходной погулять по прекрасному нашему откосу. Купить тебе что-нибудь вкусное, чтоб личико твоё сияло от удовольствия. Разумеется, деточка, мои думы и сладкие мечты ни на йоту не отрываются от красивого совместного пребывания с нами нашей милой мамуси. Мы её так любим, что не можем допустить мысли забыть о ней. Живу я теперь жизнью суровой боевой. У меня большая забота о нашей Красной армии. Поручение моё серьёзное, опасное для жизни. Нахожусь я на боевой линии. Часто нас враг обстреливает из пушек и готов разгромить с самолётов. Я крепко замаскировался и моё хозяйство с высоты не заметно. Всё укрыто ёлочками.

Жизнь я берегу для Вас и родины, но если нужно и потребуется, охотно отдам её ради Вас и родины. Пленён не буду никогда т.к. ты детка знаешь, что я коммунист, а коммунисты не будут в плену. Письмо твоё деточка получил. Денежки, которые я послал маме, трать с мамой совместно и пусть тебе она покупает для баловства гостинцы. Любящий тебя твой папа.

29 февраля 1944 года.

Дорогая Люся! Я стал часто скучать о тебе, твой образ милый, ещё студенческий, всё чаще и чаще встаёт в моём воображении. Ты всегда молода, твои пленительные, чудные открытые карие глаза как всегда искрятся, и я ими не налюбуюсь. Я слушаю твои, как всегда робкие речи и понимаю, что ты многое не досказала и мне приходится долго, долго задумываться над недосказанными речами. Как хорошо думать о тебе, о твоей юной весёлой молодости. Она была чрезмерно красочна для тебя и меня. Вспоминаю нашу уютную очажную жизнь. Как мы были студентами, как твоя мама за нами ухаживала. Сколько заботы и любви она вкладывала в нашу с тобой жизнь. Какая она чуткая была к нам, несмотря на всю нашу в ту пору бедную, убогую жизнь. Как она умела ни из чего сделать красиво, весело, и все мы были довольны. Мы ей отвечали любовью и вниманием. Наша любовь была безгранична с нарождением Ируньки. Она для всех была счастьем. Мы были с тобой счастливей всех.

Люся, помнишь ли ты, когда я был у тебя прекрасным поваром. Ты придёшь из института, а я уже всё изготовил, любимые наши сосиски с маслом, макароны и кофе. Да. Прекрасны студенческие годы, но прекрасны они и теперь. Я помню, как любила слушать про нашу молодость Ирунька. Услышит ли нас Натулька! Когда? Мы ей расскажем гораздо больше чем Ирушке.

Твой навсегда любящий тебя Ваня. Целую Нату.

29 февраля 1944 года.

Милая родная Люсечка и птичка Наточка. Я уже много-много писем получил от Вас за что дорогие мои тепло от души благодарю. Ваши письма смягчают мою напряжённую суровую фронтовую жизнь и сеют в душе радость и бодрость духа, что в армии является самым ценным и необходимым. Родная Люсечка! Эти несколько дней шли местные бои. Враг неистует в своих нападениях с воздуха. Эскадрильи по вечерам и ночам с включёнными фонарями пытались разгромить наши боевые порядки и переправы. Безусловно имеются жертвы. Сегодня чудесный, как бы ве-

сенний, солнечный день. Даже птички у нас в лесу ожили и нет-нет, да навестят нас своим робким звоном. Редкая перестрелка и налёты всё же есть. На днях, безусловно, должен быть решающий бой и штурм города. Время дальше не позволяет здесь быть. Начинается уже потепление, а мы находимся в болотистой местности.

Люсечка, я часто вижу Каротынского, он ко мне приезжает почти что каждый день. Передай жене, что он здоров и чувствует себя хорошо. Я нахожусь от передовой 6–7 километров. Из твоих писем видно дорогая, что ты меня обвиняешь в некоторой скрытности. Милая, многое писать нельзя, а иногда и напишешь на скорую руку. Вот сегодня у меня свободнее день и я пишу. Феде я больше не писал, а написал коротко, что ему таких ужасов не видать и что дела у нас идут не плохо. Пожелал им работать в тылах ещё лучше.

Я чувствую себя не плохо, что касается опасности — родная, война есть война. Я многих друзей недосчитываюсь. У всех судьба разная, нельзя сказать, что мы все будем живы. Всё до случая и счастья. Буду крепко надеяться что скоро увидимся.

Не завидуй никому. Это черта испорченного человека. Это по отношению к Степану мы жили с тобой в прежнем составе и нам завидовали, и мы считали себя счастливыми, а потом горе за горем, нет Ируньки и т.д. Всё это даётся жизнью и берётся от нас ею же.

Родная, я кушаю хорошо, когда надо без ограничения, во всяком случае то что положено нам достаточно. Сплю тепло, но беспокойно. Я тебе написал что послал 300 рубл., оказывается начфин ещё не перевёл, перевёл вчера не 300 а 400 рублей, получишь известишь. Ты все мои деньги получила, это хорошо. Балуй по немножко нашу маленькую птичку. Да скоро весна, придётся немножко тебе потрудиться, похлопотать. Это ничего, зато зимой спокойно. Люся! Не продавай пока ничего. Продать, то что нажито мной и тобой можно всегда и быстро, меня не будет, сделаешь то, что тебе будет нужно для устройства пожизненно себя и Натульки.

Люсечка, странные и страшные вещи рождает война. Я видел многократно воздушный бой самолётов. Красиво, но жутко, как камни падают подбитые на землю. В наших болотах всё гибнет, если сойдёшь с дороги. Нередко чтоб спасти технику под колёса машин и гусеницы танков подкладываем груды немецких бандитов и машина с окровавленными гусеницами мчится дальше. Люся, дорогая моя крошка, жди меня. Я буду с тобой обязательно. У меня есть предчувствие, что мы скоро встретимся. Всё. Целую крепко тебя и мою маленькую Наточку. Ваш Ваня.

7 марта 1944 года.

Дорогая Люся! Поздравляю тебя милая с днём 8 марта и желаю хорошего здоровья и счастья на 44 год. Получил вчера твоё письмо, где ты описываешь встречу 23 февраля и присутствие у Кривойкиных на вечере в день рожд<ения>. Понял всю твою тоску обо мне и досаду, то есть зависть ко всем имеющим в тылу целёхоньких и жирненьких мужей, с довольной улыбкой на расплывшихся мордах.

Дорогая Люся, я тебе писал уже не один раз, что зависть вредна и никчёмна ни у нас на фронте ни в тылу. Для человечества зависть вообще социальный порок, порождённый системой капитализма. Зависть — сестра жадности, и мы все люди, но участие в общественной жизни всех не одинаково. Мне выпала почётная доля защищать не только нашу родину, но всех трудящихся от немецкой тирании. Я своей участью доволен. Ты обязана мной гордится, и тебе должны быть оказаны почёт и уважение от общества. Поэтому мой совет. Гордо, терпеливо пережить трудности, не сетуя и не завидуя никому. Приду я домой, ты будешь счастлива и забудешь все трудности. Люся! Война разгорается и будет усиливаться, мы вступили в самую решающую фазу. Враг крепко сопротивляется. За время Ленин-

градского наступления прошло больше месяца, мы очистили большую территорию, находимся на Эстонской земле. За это время потеряно много друзей. Враг за последнее время активизировал свою авиацию. Ночью участвует много авиации и вместе с ней обстреливает артиллерия. Следовательно можно думать как спать. Только заснёшь, начинается падёж бомб и земля содрогается вместе с нашей кабинкой. Пока мы счастливы, всё благополучно. Но если будет прямое попадание останется от всех нас мокрое пятно.

Люся, всем своя судьба, от неё не уйдёшь. Суждено прийти к тебе, приду. Нет, видимо так должно быть. Люся, я неоднократно просил тебя выслать мне фотокарточки, но ты видимо не можешь сняться. Сходи к Каротынской она тебе поможет сняться. Разумеется сфотографируй и Натусю. Я её очень хочу видеть. Хозяйственные дела твои пока хороши. Ты сыта, в тепле. Это самое главное. Козу держи, осталось немного до весны. По-прежнему посадишь картошки и прочих овощей и потихоньку проживёшь. Я считаю, что в весну сев будешь проводить одна. Надеяться надо на летнюю встречу. Зиму, остаток будем врага вышибать оттуда, где трудно и невозможно воевать весной. Если финны выйдут из войны, нам будет гораздо легче докончить с немцами.

Маме написал, чтобы приехала к тебе. Люся, у Вас изумительная дороговизна. Чем это объяснить, не привозят на базар или не выдают на карточки ничего. Продай кое-что из барахла и живите приличнее, т.е. лучше кушайте. Если даже мама приедет не надолго, пусть едет, навестит Вас. Люся, решил написать письмо Дубровину с просьбой перевести меня в другие войска на службу. Что будет. Мне здесь служить не нравится т.к. по своей специальности я могу дать больше пользы родине. Фрейбургам в Ленинград не писал, как живут не знаю. Забыл сохранить адрес Пирогова. Писем от них давно не получал, и от Никанора и Виктора совсем не получал.

Санитарные условия соблюдаю, недавно мылся в бане; бельё чистое, умываюсь ежедневно. Кормимся что сварим, ем мало, но зато чай пью вечером и ночью сколько душе угодно.

Да забыл тебе сообщить, на днях у нас рёв.трибунал приговорил к повешению 4-х и 12 изменников родины Власовцев. Приговор приведён в исполнение.

Каротынского вижу часто, он ездит ко мне по хозяйству. Где Шаболин? Всё.

Целую тебя любимая крепко твой Ваня.

9 марта 1944 года.

Фронт Нарва. Дорогая Люсенька! Поздравляю Вас с праздником 8 марта. Слышал песни где-то в далеке вчера вечером, это значит, при самых скромных боевых условиях девушки, женщины справляют и отмечают свой праздник. Этому предшествовала ужасная бомбёжка с наших самолётов вражеских позиций; такую бомбёжку я видел впервые, с вечера и до поздней ночи. Как только терпела мать родная Земля. Под эту бомбёжку где-то невдалеке на переднем крае вдруг раздались аккорды музыки, играли в точности тот вальс и марш, какие мы слышали с тобой на Грузинском катке. Утро и день шла массированная бомбёжка и уничтожение врага на важном рубеже и городе. Больше здесь оставаться нам нельзя. Надо во чтобы-то ни стало двигаться вперёд.

Я многих друзей недосчитываюсь, у всех судьба разная, нельзя сказать, что мы все будем живы, всё до случая и счастья. Роднуля, 8 марта погиб наш знакомый, начпрод бывшего моего полка Колтун. Так жаль его. Помнишь, мы его встречали у Колотилова, когда ездили в Борок. Нет больше его. Попадание снаряда погубило несколько человек, он ранен смертельно в голову и через несколько минут умер. Вот такая судьба нас многих. У нас почти весна в лесу, щебечут птички, появились

ручейки на дорожках. Я стал больше бывать на солнце. Даже сегодня спал без одеяла. Это первый раз, верно в ватных шароварах и тёплой рубашке. Дело идёт к весне. Где то мы будем по суше? Трудно придумать, но догадка моя подсказывает, что немного южнее и на другом направлении, поживём увидим.

Послал тебе несколько писем. От тебя получаю часто, спасибо. Ты всё грустишь — не стоит, ты у меня герой, дорогая, потерпи, война по моему безусловно скоро должна кончится. Так складывается международная ситуация и наши интересы. Деточка, накопи немножко силёнок и весну справляй одна. Одно прошу, береги себя, через силу ничего не делай. Продай из обуви кое-что, резиновые сапоги одни — не нужны. Сегодня над нами были классические бои самолётов. Наши разом подбили 3 штуки и те как камни рухнули с лётчиками на землю.

Дорогая детка, поцелуй за меня Нату. Любящий крепко твой навсегда Ваня.

13 марта 1944 года.

Дорогая Люся. Сегодня и вчера получил письмо от тебя и Натуси. Твоё письмо привезли в 1 час ночи, а Наточкино утром.

Признаться я твоим письмом очень расстроен. Чем именно? Положением Натуси. Ты пишешь, что она неважно себя чувствует и получает от тебя частые упрёки. К тому же твоё стремление оставить её одну в интересах получения должности секретаря. Всё вместе взятое меня сильно расстроило и я тебе решил сделать следующий совет. Отправь её пожалуйста к Тане, она там будет гораздо спокойнее. Будешь ей высылать деньги на содержание. Сама тогда устраивайся на службе по своему усмотрению т.к. стеснять тебя никто не будет ни во времени, ни в обстоятельствах. Что касается материалов, раз у тебя имеется линия продавать — продай. Вырученные деньги побереги Натульке и пошли часть матери. Переговори с Санькой Моревым в части использования огорода и защиты усадьбы.

Наточка стала большая и умненькая, надо её беречь, ты её совсем потеряешь, если она будет без надзора. Учти, потеря её — потеря всей нашей разумной жизни. Война ещё длинна и ужасна, несмотря на наши успехи. Живу я сносно, в тепле и сыт. Колтун и Еркович убиты, Юриков тяжело ранен, за Троицкого не знаю, не у кого было справиться. Целую крепко тебя и Натусю. Любящий Ваш Ваня.

14 марта 1944 года.

Дорогая Люся! Вчера получил от тебя и Наточки по одному письму. Твоё письмо немного меня расстроило. Ты снова пытаешься перейти на должность секретаря, да к тому же с разъездами. Люсечка, мне страшно жалко Наточку, что она одна и день и ночь. Ты безусловно как мать и сама это сознаёшь. Я в письме посоветовал тебе её отправить к Тане, но когда это будет — весной, когда пойдут пароходы. Самое опасное время весна. Она без надзора может и промокнуть и простудится. Здоровье её слабое. Мне кажется, это секретарство принесёт нам только горе, а не благополучие. В свободное время лучше займись чем-нибудь по хозяйству, огородом. Это милая выгоднее будет потом. Я не знаю, что тебя прельщает на этом секретарстве. Паёк? так что-нибудь продавай и живи. Мой совет тебе вообще уйти с той работы и устроится где-нибудь поближе к дому, где посвободнее по времени. Из материалов продавай что можешь, главным образом кирпич, но так чтоб был смысл. Жив останусь, всё добудем. Мать надо агитировать чтоб приехала, и ты будешь свободная и Наточка на глазах.

Люся, мне обидно что ты Наточку часто поругиваешь, мы с тобой условились чтоб ты её не ругала. Верно деточка, можно и поругать, но знать за что и как ругать. Она уже стала большая её надо воспитывать без ругани. Хотя это трудно, но надо к этому стремится. Кроме вреда от ругани ничего нет. Люся, как ты живёшь с кол-

лективом на службе, какое к тебе отношение? Я бы на твоём месте жил таким образом, как ты жила в 43 году т.е. больше внимания обращала на огород. Ведь не думай, что Вам многое с неба упадёт. Война идёт, когда она кончится не известно, продуктов надо много. Поэтому каждый немного для себя должен заготовить. Вот ты этим и займись. Не делай ошибки подобной как с козой, меня нет, сама немножко придумывай.

Сообщу немного о себе. Мы живём по-прежнему в лесу, деревни раньше были, их теперь нет. Кое-кто из жителей сохранился, есть эстонцы, русские. Ждём со дня на день дальнейших приказаний. Ты не получишь этого письма, как уже совершится что-нибудь важное. Бои идут ежедневно, но подготовительные. Получил сообщение что Трощинский жив-здоров, а Юриков, который с нами выпивал в землянке в Гороховце умер незадолго как привезли его в госпиталь. Ему перешибло становой хребет и отшибло зад.

Живём мы не видим никакого развлечения, только одна работа, даже эрзац курим и девок не видим т.к. у нас их миновал бог, к нашему счастью. Сплю в приспособленной автомашине. Тепло. Варим сами себе. Едим хорошо, чай пьём сколько надо и курим. Спокойной жизни нет. Ни дома ни на фронте. Я чувствую себя хорошо. Люся, дорогая, я может быть тебе резко написал предыдущее письмо, прости милая, был немного нервный и не было время. От знакомых и родных писем пока не получаю, даже Коля забыл. Сообщи, как живут Кривойкины. Привет всем знакомым. Люся! Когда же фото будет? Сегодня хочу сходить в походную фронтовую баню, побриться-постричься путём самообслуживания. Ну родная до скорого свидания. Целую тебя и мою Натульку крепко-крепко. Твой Ваня.

16 марта 1944 года.

Дорогая Люсечка! Тёмная, тёмная ночь. А мы к ней уже привыкли. Раньше можно было бояться, что в этакую ночь могут напасть просочившиеся группы немецких автоматчиков, теперь уж нет. Впереди нас есть заслон и он охраняет нас. Теперь страшны только мортиры и самолёты, и те наш участок оставили в покое, иначе говоря я живу пока почти в безопасности. На днях вот-вот будет генеральная битва, такая же как была. Исход её ясен. Немцу будет здесь капут.

Я тебе уже писал, что убиты Колтун, Строкович и Юриков. Трощинский жив. Да, Люся, видимо, моя судьба пока счастлива. Если бы я у этого самодура Шейнина служил, давно был бы без головы. Этот самохвал плакал, когда лишился этих людей через свою дурь. Теперь не вернёшь. Виноват в их убийстве только он, так как не выполнил уставного положения и приказа вышестоящего батьки. Ну не знаю, какова дальнейшая моя судьба, пока я живу хорошо, работаю много, но не устаю.

Деточка моя, как я соскучился о Вас, ты мне расскажи, бываете Вы где или нет. Как у тебя с одеждой и обувью на весну. Я написал матери письмо чтоб приехала к тебе жить, но не знаю как она решится. Ты ведь знаешь её.

Люсечка, милая, у меня одна просьба. Любовно воспитывай Натульку, не ругай её и не балуй. Ждите меня с боя с Победой. Любящий тебя твой Ваня.

19 марта 1944 года.

Дорогая Люся! Получил твоё письмо позавчера, получил и Наточкино. Натулька молодец что к моему приезду научится танцевать. Пусть получше отработает наш русский танец. Мы с ней тогда вместе спляшем. Люся, пока находимся на прежнем месте, перемен особых нет. Маме послал письмо, а также в РИК, чтобы дали ей хлебный паёк. Лучше если переедет к тебе. Твоё последнее письмо самое интересное, этот обмен квартирами. Я думаю воздержись, эта Оперная от тебя не уйдёт. Что касается моей усталости после войны, за это не беспокойся. Быть бы живу. Это

самое главное. Люся, если у тебя очень большая нужда в деньгах, то продай кирпич. Я тебе систематически буду к аттестату высылать немного денег.

Получил от Феди открытку. Отвечу на неё письмом. Получил ли он моё письмо? И как на него реагировал. Живу пока хорошо. Идут наступательные бои. Результата ждём днями. Немец огрызается крепко. Люся, как у тебя на службе, сообщи поподробнее. Какая успеваемость у Наточки. Есть свежее молоко? Как вообще у тебя с деньгами. Целую крепко твой Ваня.

21 марта 1944 года.

Дорогая Люся! Получил твоё письмо на отдельных двух листах довольно подробное. Ты Люся пишешь, почему у меня новый адрес. Этот адрес у меня уже почти 6 месяцев, я работаю как прикомандированный, а числюсь в одном из полков. В том полку я совсем не служу, а только числюсь и получаю денежное содержание. Основная моя работа на удовл<етворение> наших частей продовольствием. Сам я никуда не езжу, теперь приезжают ко мне. Нахожусь на передовой, обстреливают из артиллерии и самолётов. Но, во всяком случае, гораздо спокойнее чем на самой огневой линии пехоты. Пока по-прежнему стоим в лесу в болотистой местности. Скоро будет разлив. Кругом нас реки и речушки, воды будет с избытком.

Люсечка, ты пишешь, что Щербаков умер, но от чего я не знаю. Если узнаешь адрес Колотилова, напиши срочно. Узнай также адрес ЦУЛЕСА в Москве у Гали или главбуха. Люся, я хочу попытаться перейти на военную службу в железную дорогу, как работал ранее. Написал письмо Дубровину, но получит ли он письмо? Адрес по моему написал неверно. По моему война скоро кончится и буду просить назначения в ж/д.

Люся, в части хозяйства я тебе написал. Займись пожалуйста снова огородом и будешь сыта. Натульку надо поправлять обязательно. Возможность будет, отправь к Тане или пусть мама приедет и живёт с ней летом. Хотя немного, да будет доить козу. Да, с козой ты крепко ошиблась. Ну это тоже поправимо. Мне хочется узнать, как ты живёшь последнее время с Кривойкиными. Лучше или по-прежнему, ведь с него спесь немного сбили. Хватит ли тебе картофеля на семена и есть ли у тебя ещё какие семена? Насчёт обмена с соседкой я бы воздержался, так как это можно сделать всегда. Сделка эта для нас вообще то не подходящая, в том виде как ты описываешь, Люся. Письма твои получаю аккуратно. Пишу последнее время только тебе. Даже Коле Идзковскому редко, Пирогова адрес потерял.

Позавидовал Кабазову, что он часто может ездить домой, но не хорошо, что отсиживается в тылу. Я здоров. Любящий тебя Ваня.

29 марта 1944 года.

Здравствуй дорогая Люсечка и милая дочка Натусечка. Шлю Вам друзья свой родной боевой привет. Живу я по-старому без изменений. Стоим на одном месте и когда двинемся не известно. Так не хотелось бы встречать весну в этом расположении. Слишком бездорожно и водянисто. Как только здесь жили граждане, я удивляюсь. Получил письмо от Коли Идзковского, он находится в командировке в Баку по приёмке частей. Люся, идут каждый день бои с жертвами, как с той, так и с другой стороны. Активно бьётся авиация. Нет той минуты, чтоб наши звенья не гнали немчуру или не летали по коммуникациям врага. До 10 бывает воздушных боёв над нами и дальше к передовой. Летят самолёты, в них парашютисты. Нет покоя и ночью. Всю ночь сплошной гул.

О потерях наших знакомых я писал, они умножаются с каждым днём. На нашем участке враг особо силён в силу преимуществ занятых им позиций. Несмотря на его преимущества, он будет измотан и разбит. Люся, милая как надоело жить

на одном месте. Жизнь только тогда хороша, когда имеется движение вперёд. Лужи крови требуются, чтоб разбить проклятого Гитлера. Я служу на одном месте, никуда не ездию, только руковожу обеспечением частей. Живу в машине. Сегодня печь не топили, ночью замёрз, пришлось надевать валянные сапоги. По службе пока всё в порядке, что будет дальше не знаю.

Пропиши, как ты намереваешься поступить с весенней компанией. Послал письмо матери ехать домой к тебе. Люся, в силу закона немножко сумма аттестата уменьшится, но буду переводить деньги почтой. Получение 500 руб. подтверди. Ответа из Москвы не получил. Немец долбит наши тылы. Завтра день рождения, придётся немного отметить. Ваня.

4 апреля 1944 года.

Дорогая детка Наточка! Сегодня получил от тебя и от мамы по два письма. От тебя открыточку и письмо с образцом твоей письменной работы. Я должен тебя похвалить за хорошее письмо по косым линейкам. Жаль, что не написала, по каким предметам получила отлично с плюсом. Очень рад, что ты ходила на выступление в госпиталь к бойцам. Скажи руководительнице, что это хороший подарок для бойцов. Желаю тебе в дальнейшем чаще выступать на олимпиадах.

Нас деточка здесь никто не веселит, детишек нет, и не может быть, так как кругом стреляют, а музыканты и артисты приезжают очень редко. Иногда приезжает кино, так и то смотреть его опасно. Увидят свет с самолёта, и может быть много жертв. Мы уже только и ждём когда война кончится, и вволю походим по кино театрам со своими ребятишками.

Натуся, у нас тоже днём тает, а ночью морозит, почти и снегу нет на полях. Ездим ещё по льду и на машинах и на лошадях. Ты мне сообщаешь, что мама ходит работать в ночную, но без перерыва, а приходит в полвосьмого. Я деточка тебя понял, что мама уходит работать на ночь и приходит в 7 часов 30 минут, а когда утром или вечером не понял. Деточка милая, мне мама написала, что она поступила секретарём трибунала и тем самым устроила свои материальные дела лучше. Что ж! Мне приходится только радоваться, а ты деточка будучи одна дома, веди себя как взрослая. Самостоятельно кушай и всё делай. Пошлю бабушке письмо, чтоб она обязательно быстрее ехала к тебе. Ты на маму не обижайся, что она долго не приходит с работы. Кушай и ложись спать спокойно. Деточка, я жив и в тепле. Ни ты ни мама обо мне не тужите. До свиданья, целую тебя крепко-крепко. Твой папа.

5 апреля 1944 года.

Дорогая Люсечка! Вчера получил твои два письма и от Наточки. Все они написаны 24–25. Вчера мне вручили правительственную медаль за оборону Ленинграда, я должен был получить её давно, но всё некогда было съездить. Твои письма подробно осветили положение бытия и сознания. Решение твоё по поводу принятия новой службы считаю правильным. Пусть будет так, как решено судьбой, наперекор судьбы не пойдём. Сегодня же напишу маме, чтоб ехала быстрее к Вам с Натусей. Устраивайся как тебе лучше. Учитывая, что некоторое время будет жить тяжело, а поэтому не оставляй мысль использовать огород.

По поводу Натуси я тебя понял, и считаю этот вопрос исчерпанным.

Ты слишком переоцениваешь мои трудности службы и тем самым надрываешь свои нервы. Это ни к чему, не так страшен чёрт, как его малюют. Пока я живу нормально. Если бы так дальше было, это счастье. Может быть гораздо хуже, я скажу честно, когда будет хуже. Понемножку и к плохому можно привыкнуть. Война есть испытание, кто её не выдержит, погибает. Насчёт возвращения больным или здоровым я ещё не задумывался, думаем пока о разгроме, а какими возвратимся — это

судьба каждого. В части материальной жизни я за Вас был спокоен, а теперь при этой ситуации тем более. Зато другая, не менее маловажная тревога для меня возникла, вернее развилась. Ты мне как-то писала, какими судьбами получают ваши фрейлины хорошую работу и почему тебя держат на плохой работе. Ну вот, и ты получила работу. Я не имею права даже предполагать, что ты поступаешь как те, но однако я человек, и эгоистические чувства у меня есть.

Эта тревога моей души не угасла, а наоборот, разгорается в пламя, памятуя, что ты будешь ездить по командировкам, и для этого имеются все условия.

Дорогая Люся! Ты мне можешь на это ответить, что это терзание твоей души и помеха в работе. Я тебе искренно скажу, что я этого не желаю тебе, как своему верному вечному другу. Не скрывая перед тобой своего сомнения, я тебе пишу об этом. Я вижу жизнь наших секретарей трибуналов, и мне кажется, для всех она аналогична в военное время. Итак, подводя итоги наших диспутов, я подтверждаю правильность твоих действий и взглядов. Не сердись на меня. Сохрани прежнюю скромность и верность ко мне. Пиши мне чистую правду, чтобы я был спокойнее в бою. Постарайся рассеять все мои сомнения. Любящий тебя твой Ваня.

6 апреля 1944 года.

Дорогая Люся! Шлю тебе и моей маленькой Наточке горячий фронтовой привет. Вчера тебе и крошке начертил по письму. Сегодня с 6 часов утра враг яростно нас атакует. От обоюдного огня наша машина, в которой мы находились, от содрогания точно на морских волнах. Отдельные товарищи как в люльке спали. Из машины не выходили до воздушных боёв, которые мы всегда наблюдаем. Вот уже полшестого, а бой не прекращается. Враг пытается нас оттеснить за речку, но не удастся. Дороги окончательно на краю краха, грязь непролазная. Жутко думать, как будем дальше ездить и ходить. Кругом мосты и настилы созданные нами. Враг пытается это уничтожить.

Я живу пока хорошо, на днях переехали и теперь рядом с нами наша санчасть. Видимо через день два мы из этой трясины уедем в другое место, подальше от передовой. Желаю тебе, милая, успехов и бодрости. Горячо любящий тебя твой Ваня.

11 апреля 1944 года.

Дорогая Люся! Сегодня с утра чудный, солнечный, спокойный день. Лишь изредка ясное голубое небо пронизывали ястребки, оставляя после себя серебристые ленточки. Лежащая близ от нашей опушки грунтовая дорога превратилась в густую зыбь. Эту зыбь с шипеньем и брызгами переезжают идущие тракторы и ЗИСы. Пешие по колено в грязи с улыбками на лицах подняв шинели двигаются туда и сюда по назначению. Особо забавно наблюдать за девушками, проходящими со звонким смехом, задрав шинели и юбчонки. По дороге ещё можно двигаться, так как грязь не достигает живота и выше. Если скоро не уедем, то будем плавать как в цирке. Нет уже несколько дней почты и я ни получаю писем, ни отослать их не могу.

12 апреля 1944 года.

Милая Люся! Только что получил от тебя два письма, причём одно насчёт матери и её неприятности, другое поздравительное, вернее нравоучительное. Моя славная! Делай как тебе лучше. Если ты считаешь лучше работать секретарём из-за материальных условий, то поступай разумнее. Деточка, не сердись на меня, я порой так же немножко невыдержан, памятуя через 2 часа о своей безграничной любви к тебе, я готов расплакаться о всякой написанной тебе глупости. Люся, я сейчас уезжаю, вернусь ночью. Не могу написать подробнее. Спасибо за фото. Натуся пусть мне пишет маленькие письма, я люблю от неё получать весточки. Люся, прости меня за неумелое вмешательство в твою жизнь. Любящий тебя твой Ваня.

17 апреля 1944 года.

2 часа. Любимая, дорогая моя вечная Люся! Пользуясь глубоким ночным свободным временем, при освещении нашей знаменитой спутницы, бензиновой лампочки из 45 милл<иметрового> патрона, я спешу тебе кое-что сообщить о нашей фронтовой жизни.

Я как-то тебе описывал наше дорожное весеннее затруднение и попутно черкнул, что я отъехал в командировку по службе. Командировка не то, что я ездил, будучи провожаем тобой, моя дорогая, с заботливым твоим нежным провожанием, чарующим взглядом, горячим напутственным поцелуем. Нет, эта командировка боевая, провожал меня автомат и 140 патронов, любовно уложенных мной в диски его. Мы любим автоматы так же, как любим своих дорогих жён, детей и свою родину. Вот так как я любил тебя и маленькую, немножко капризную Наточку. В ней наша сила, слава и надежда. Автомат и ты моя радость — повседневные мои неразлучные друзья. Кстати, отпадёт автомат, вся моя удвоенная любовь будет вечно твоя. Люся, милая моя, мне безумно хочется прожить остаток наших расцветших дней красиво, полезно и с известной яркостью. Мы будем жить только так. Война научила жизни. Я безмолвно, с поднятой головой, невзирая на целый ряд личных недооценок меня, пройду её до последнего победоносного конца и вернусь к Вам, мои друзья, если это будет суждено. Люся! Я всегда бодр, нет у меня ни уныния, ни сомнения, ни упадка сил. Я уверен в себе, в нашем великом деле, и не падаю духом при частичных неудачах. Мне силу даёт верное наше партийное знамя и ты, верная моя спутница жизни. Я легко переношу трудные эпизоды суровой отечественной войны. Так например, двое суток не спавши, утопая по колено в грязи и торфяной леденящей трясине, я провёл в лесистой фронтовой полосе, двигаясь черепашьим шагом, помогая рычащим моторам своими плечами двигать наполненные кузова машин. Ты бы видела эту картину — сказала, что это несбыточный случай. Без всяких осложнений мы выполняем порученные нам задания. Безусловно, всё это происходит при артиллерийских обстрелах и авиационных налётах.

Вот и теперь 2 часа ночи, тёмная не видно не зги ночь, то там, то здесь немцы методически, с ночных бомбардировщиков спускают на нас смертоносные тяжёлые бомбы. Правда ночные слепые полёты не так опасны, они без тех осветительных ракет, что ты наблюдала над автозаводом. Пройдя ночью по лесу, я принёс в машину полные через край сапоги воды. Брюки и сапоги висят над печкой, а я сижу в одном белье и пишу тебе это письмо. Дополнительно греется чай. Только что вернулся мой друг, отправленный нами с машинами и тракторами на боевые порядки. Застрял в грязи и не может дальше ехать.

Сегодня по-дружески скромно, после большой работы, справляли Пасху, немного выпили. Вспомнили своих милых жён, как бы они угостили нас пирогами и крашеным яичком, а, главное, расцеловались бы с ликованием. Хотя мы с тобой и не верим, но всё же так или иначе, в порядке общего человеческого, это праздник.

Желаю тебе и моей птичке Натулечке хорошего настроения, бодрости и сил в борьбе за наше светлое будущее. Твой вечно любящий Ваня.

19 апреля 1944 года.

Дорогая любимая Люся! Позавчера получил от тебя письмо и 2 фотокарточки Натульки. Письму и фото безгранично рад. Натуленька выглядит хорошо. Открыв конверт я нечаянно выронил фото и считал, что они затеряны на почте. Мой коллега случайно обнаружил их на полу возле моей постели. Люся, удивительное сходство с Ирушкой покойницей. Я сначала в оторопях не узнал что это моя Натуленька, как она выросла. Напрасно милая порезала себя из фото карточки. Доро-

гая моя, я тебя люблю во всех видах и нечего было стеснятся и опасаться что могу разлюбить. Хорошо, буду терпеливо ждать лучшего фото. Люся, сфотографироваться следует не только потому что мне послать, что безусловно не маловажный факт, но более для истории наших дней. Дорого будет потом поглядеть какая была ты в одиночестве в эту войну. Дорогая моя, я очень рад, что ты бодра и отважна, это меня весьма обнадёживает на весну. Огорчён, что не едет к тебе моя мама. Писал ей дважды. Ну что ж с ней поделаешь, мы её знаем давно и не надо на неё обижаться. Хвалю тебя за обеспечение её пайком. Милая моя я считаю, что Натулька вполне весной может оставаться одна и никакой беды в этом не будет. Она уже большая. Ты пишешь что тебя хотят оформить ст<аршим> лейтенантом юстиции. Это хорошо, но я боюсь, что с таким званием ты так высоко поднимешь голову и не заметишь меня, младшего по званию? Всё это конечно шутка!

Люсечка, возле дома посади раннюю картошку, чтоб в случае к моему приезду была свежеотварная. Хочу тебе сообщить, что сегодня утром в 5 часов немец открыл ужасающую артподготовку, продолжавшуюся около 3 часов. Едва ли хоть один вершок на переднем крае остался не тронутым. Такой подготовки я не ощущал с начала войны. Успехи его не велики. Люся письма очень трудно отправлять, распутица. Аттестат будет с мая 44 г. Может быть на полную сумму — 400 р.

Люся я хочу тебе послать одну книгу, английский роман «Все люди враги», у меня её если не пошлю, то зачитают, красивы герои. Всё родная. Целую крепко тебя и Натульку. Ваш Ваня.

22 апреля 1944 года.

Родная Люся! Вчера ночь и сегодня день сплошной ад, неприятель сосредоточил ужасающий огонь на наших боевых порядках. Нет ни единой секунды тишины. Рёв в воздухе уподобился рёву сумасшедших ишаков. Бои идут третий день, несколько контратак наши славные воины отбили, с потерей живой силы и техники врага. Враг не продвинулся ни на метр.

Люся, я немножко заболел (грипп и расстройство живота) и вчера не выходил вечером на чудовищное зрелище, метание бомб с самолёта. Наши и вражеские смешались вместе, можно определить только по ракетам и местометанию. Первый раз ещё воздушные бои и метание бомб такой силы было над нами. Я полежав немножко уснул в кузове и проспал до утра. Сегодня чувствую себя неважно, даже появилась слизь с кровью. Что такое не придумаю, не появился ли открытый гастрит на нервной почве. Это будет худо. Не хочется только ложиться в санчасть, я всегда обходился без этого. Санчасть благо рядом, врачи все друзья, может помогут быстро прогнать недомогание. Я через час должен покинуть прежнее место и переехать на новое. Жду тягачей и прицепов, нет и нет, видимо из-за огня. Надо иметь лошадиные нервы и натуру, чтоб вести войну в адских условиях. Люди как муравьи терпеливы и выносливы. С этого места это последнее письмо. Я перееду на новую дорогу, письма буду получать регулярно и чаще, так же и тебе отвечать. Новое место художественнее, но безопаснее. Сосновый лес и березняк, как в Горюшкине под Болдиным, где мы собирали грибы в долине. Пешком можно, а на машине нельзя.

Стало как-то холодно. Вчера прошёл 12 кил<ометров> по фронту. Устал от грязи. Реки все в берегах, даже Нарва не вышла из берегов к моему удивлению. Ребята ходят с намётами по речкам. Кое какой улов есть. Самый лучший улов это от тяжёлых снарядов и мин. Если попадёт вдоль берега, то насобирают оглушённой рыбы сколько угодно. Нет жизни ни на земле, ни под землёй, ни под водой. За два дня боёв мы уничтожили до 4000 немцев и большую технику. Вот только первые пять минут смолкла канонада. Я не могу двигаться к цели так как путь наш обстре-

ливается. Дорогая Люсечка, я не поздравил тебя с 1 мая и мою ласковую Натульку. Поздравляю Вас обеих и желаю светлых успехов на лето. Деточка, я ни Федьке ни Чолитову писем не писал, какая-то лень безысходная им писать. Как за ручку возьмёшься, всё в голове делается пусто, так же как их работа на оборону. И решил не отвечать. Карточки твои получил. Спасибо. Твой любящий Ваня.

23 апреля 1944 года.

Дорогая Люсечка и дочка Натулечка! Крепко вас обнимаю и горячо целую. Несколько дней ведём наступательные бои. Наша Красная армия прорвав оборону противника стальной монолитной лавиной ринулась в центр Эстонской республики. Враг не выносит натиска, бежит и старается так бежать, чтоб нигде его не окружили. После себя жжёт только мосты и взрывает переправы. Жилые дома почти все невредимы. Мы проводим день и ночь в походах. В Эстонии мы целые ночи то ездим, то ночью ночуешь под машиной на соломе или где-нибудь в сене. Сплю по 4–5 часов в сутки. Спать хотя и холодно, но я не простыл. Интересные походы... Дороги блестящие, широкие, гладкие, ровные, идут полями. Кругом хат цветы, в полях скошен богатый урожай. Войны они не почувствовали. Я сравниваю с ними нашу Россию. Как нещадно её сжёг немец, сколько там слёз и страданий кладётся возле каждого населённого пункта, чтоб хоть мало-мало наладить семейный очаг. Нет, здесь не война, а шутка. Видимо этой шутке приходит конец.

Работа очень беспокоит, всё и везде один, помощник мой ни черта не работает. На днях был такой казус, повёз на огневые продукты и заехал к немцу. Проехал 3 населённых пункта после переднего края и вернулся лишь от 4-го пункта, понял, что его занимают немцы и там Красной армии нет. Обошлось к счастью благополучно, никто не стрелял. Видимо немцы нас посчитали за своих. И только когда возвращались обратно, нам попалась разведка на Виллисе во главе с майором. Нас приняли за немцев, но убедившись что мы русские удивились как мы туда пробрались. Расспросили нас какое положение в тех деревнях и дали команду пехоте немедленно занять деревни, в которых мы побывали. Вот такие дела. Теперь я действую осторожнее.

Люся, скоро, скоро вся Прибалтика будет освобождена и Красная армия всей железной мощной силой двинется на штурм сердцевины Германии. Врёт немец, дрожит, не выдержит нашего кулака. Эстонцы только удивляются, откуда у нас столько живой силы и техники. Люсечка, от тебя давно не получал писем, как вы там живёте. Я теперь больше и больше верю в скорую победу и счастливое свидание с Вами. Только бы кончить войну до холода. Я стал боятся холода. Погода стоит у нас чудесная, сухо. Жду твоих писем. Пиши как Натулька учится, есть ли у тебя дрова, как с уборкой, ходила ли в Трансторгпит и прочие бытовые вопросы.

Целую Вас крепко любящий Вас Ваня.

30 апреля 1944 года.

Милая Люсечка и дочка Наточка. Шлю свой горячий поцелуй и хоть запоздалое, но поздравление с днём твоего рождения. Люсечка, миленькая, если ты забыла о нём, то мне здесь простительно. Ежедневно идут жестокие бои. Вчера был в самом пекле. С боевым передком шёл полотном ж/д Нарва — Таллин. Что с ней немец сделал? Каждые 5 метров рельс порвал, шпалы вывернуты, мосты взорваны. Одни кузнечики мирно и монотонно поют в траве, окаймляющей полотно и людские тропинки. Мы стоим в землянках, нас тоже обстреливают ежедневно, налетает вражеская авиация, крепко бомбит. Сопки до нас были красивые, лесистые, а теперь превращены в глыбы белой глины и виден на ней каждый человек из далека. Сопки были преградой к продвижению. День и ночь идёт стрельба. Дым, пыль,

всё смешалось вместе. Бойцы привыкли и под угрожающим обстрелом движутся по назначению. Я жив-здоров. Чувствую себя хорошо, хотя спать по-человечески не приходится. Я очень рад и спокоен за Вас, мои любимые друзья, что ни в чём особо не нуждаетесь. Люсечка, хоть и трудновато, но служи на этом месте. Дорогая ты спрашиваешь скоро ли кончится война? Да скоро, но враг ещё очень силён и противодействует. На очищенной нами территории ни одного эстонца. Все ушли к немцу, оставили огороды, сады, посевы картошки. Мы теперь выбрались на сухие пути к Финскому заливу. А немец наоборот находится кое-где в болотах. Думаю и уверен, что днями вышибем. Люсечка, Сериков по существу говоря не воевал и не воюет. Он от фронта как ты до Москвы. Люся, если мама не приедет, то разумеется козу осенью продай. Я надеюсь, что она приедет, послал ей на дорогу 200 р. У меня немного денег есть, подкоплю и вышлю тебе, не сердись.

Дела у меня в порядке я спокоен, через час еду в тыл на несколько часов по службе. До скорого свидания. Твой любящий тебя Ваня.

3 мая 1944 года.

Дорогая Люсечка! Прости что долго не мог тебе писать. Не было условий. Вот и теперь пишу на руле в машине. Погода отвратительная, да к тому же необычайная грязь. Иду пешком, ехать нельзя. Извиняюсь, что не поздравил Натульку с днём рождения. Эти два дня и сегодня почти нет боёв, все празднуют. В моей службе намечается перемена, какая я сам не знаю. Писем ни от кого не получал давно. Много работы и всё в ходьбе. Целую тебя и Натульку твой Ваня.

6 мая 1944 года.

Дорогая Люсечка и малютка Натуленька! Шлю Вам родные свой горячий привет и поцелуй! Не получаю от Вас давненько весточек, да признаться и самому не приходится писать часто. Немножко изменились условия работы. Теперь снова больше в ходьбе, в проверках боевых порядков.

Немец временно притих, ограничивается отдельными нападками и обстрелами. По-прежнему сыро, грязно, утопаем в торфяных болотах. Езда только по деревянным настилам, а ходьба по лесным просекам и тропинкам. Все как черти грязные и мокрые. Сушиться скоро будем на солнышке. Верно, в землянках топится и бойцы обсушиваются, когда возможно. Временная передышка, предвестница больших сражений.

Люсечка, всё же несмотря на временное затишье война должна скоро кончиться. Немец не выдержит двух фронтов. Это факт, так как его войска весьма низкого морального состояния. Люся, как ты справляешься с хозяйством. Я часто думаю как тебе трудно, терпи голубка. Будь здорова и добра.

Целую Вас обоих крепко. Ваш Ваня.

10 мая 1944 года.

Дорогая Люсечка! Так давно уже не получал от тебя писем что забеспокоился за тебя и Наточку. Здоровы ли вы. Сегодня я отдыхаю. Задания все выполнил. Долго и трудно пришлось ходить по грязи и болотам. Так всё в порядке. Два дня прошлых погода была солнечная, вчера дождь. Третьего дня отправил тебе сумму по аттестату в 400 рублей, я тебе писал, что уменьшение произошло ввиду перехода на другую работу. Я был начальником службы фин<ансов>, а теперь на другой работе. Написал письмо Потапову в Москву и просил, чтобы помог по переводу на железную дорогу снова. Использован я здесь не полностью по специальности и бывшему хозопыту. Поживём увидим. Сделал набросок письма Кагановичу с просьбой о переводе на восстановительные работы, но не послал, подумал удобно ли? У меня нет здесь знакомых работников из руководящего состава, и поэтому

я выполняю ту работу, какая есть. Судят не по знаниям, а по знакомству. В армии бюрократии больше чем на гражданке. Люся, как тебе милая будет трудно весной. Я так часто думаю, как бы мы вдвоём всё сделали в удовольствие. Но увы! Я чувствую себя хорошо, верно устаю. Ничего, придёт время отдохнём. Напиши мне поподробнее как ты с хозяйством, как Наточка себя чувствует и как с твоей работой. Твой горячо любящий Ваня.

11 мая 1944 года.

Дорогая, милая дочка Натуся! Идёт уже весна, в мае или июне у тебя детка начнутся школьные каникулы. Мне мамуля сообщила, что ты учишься отлично по всем предметам. Как жаль, что я не имею возможности на табеле твоём расписаться, как это я делал на Ирунькиных успехах. Что-то ты малютка давненько мне и весточки не шлёшь, поди тоже нет время. Ты у нас стала хозяйка, мама приходит поздно, оставляя на тебя все домашние хлопоты. Натуленька, весной видимо будешь жить дома. У тебя работы будет много и разнообразной. Посадите с мамой в огороде побольше цветов маку. Вечером будешь козу встречать с тёплым молочком. Натуленька, дорогая, как я о тебе соскучился. Жду с нетерпением свидания с тобой и мамой. В этом году война кончится обязательно. Теперь нам полегче т.к. теплее стало. Можно всюду и везде отдохнуть. Наточка, поздравляю тебя с успехами и горжусь тобой. Я тебе посылаю облигаций на 300 р. остальные сдал в фонд обороны. Целую крепко-крепко тебя малютку и нашу любимую маму. Папа.

20 мая 1944 года.

Дорогая Люсечка! Сегодня получил второе твоё письмо от 9.05.44. Немного что называется отлегло от души, беспокойство моё закончилось. Люся, я давно здоров. Верно, проболел около 10 дней на ногах, был такой период ужасный, что некогда и сходить в санчасть. К тому же мне и не требовалось, все лекарства дал зав. аптекой и я самостоятельно лечился. Теперь я бодр и здоров, верно немного похудел.

Люся, в тоже время спокоен за тебя, ты живёшь сносно. Очень хорошо что перешла на эту работу, что касается одиночества Натульки, это правда неприятно и тревожно, но ничего иного не придумаешь, придётся и ей почувствовать трудности войны и запомнить лишения войны. Я думаю как-нибудь устроитесь, чтоб в доме больше было любви ей и ласки. Люсечка, в свободное время Наточка будет дома, пусть занимается играми, дети во дворе есть, есть же кому присмотреть за ними. Иного выхода тоже нет. Ты предлагаешь мне опять ж/д, я уже решил и предпринял некоторые шаги. Что из этого получится я не знаю. Мне бы вырваться на дорогу и тогда мои способности были развёрнуты во всей широте и страстности к делу, поживём увидим. Люся, у нас теперь хорошая погода. Бои каждый день продолжаются, но не слишком активные. Я пока не выехал в свой полк, завтра выеду. А возможно ещё начальники пересмотрят своё решение, на войне нет ничего твёрдо определённого. Всё движется, всё меняется.

Люся, я напишу Натульке письмо в котором дам ей указания как вести себя с тобой. Я не знаю, как ты с ней не можешь поладить. Она уже большая и становится умней. Верно тебе нет время. Я от мамы тоже давно не получаю писем. Как она там поправилась или нет. Ты пиши ей. Я написал несколько писем, видимо мои письма идут долго. Твои доходят на 11 день.

Дорогая Люся, ты пишешь, что очень порой скучаешь и мечтаешь видеть меня хоть на миг; это законно и естественно. В тоже время подозреваешь, не ласкаю ли я какую-нибудь. Нет голубка, не ласкаю и не думаю даже. Ты знаешь мой характер. Я хороший сортировщик женщин и по мне найти, тем более в армии, очень трудно и скажу что невозможно. Я увлечён одной мыслью о тебе и любая меркнет перед

тобой, ты у меня одна любовь и я с ней должен жить до конца наших дней. Прошу об этом никогда не беспокоится. Я терпелив и вынослив, тем более в военное время есть куда девать энергию. Вот так милая. Я полон уверенности в тебе, что ты так же поступаешь как я, об этом больше не будем вести переписки т.к. ясно до конца.

Люся. У меня осталась для тебя прежняя просьба, сфотографируйся и пришли мне фото. Дай мне возможность не только тебя чувствовать воображением в пространстве, но и на фото. Я тебе начал так часто писать, надеясь, что долг платежом красен. Люся, будем надеяться, что война в этом году кончится и живы будем, придём домой, испытания впереди тяжёлые. Духом падать не будем, победа ведь непременно за нами. Жаль Каменцева, видно добьётся перевода в Горький. Я стал ждать перемену своей службы, через месяц, если буду жив, мне будет ответ из Москвы. Послал минуя нашего начальства, но поставил его в известность. Возражений не будет. Целую тебя несчётно раз, а также маленькую нашу золотую птичку Натусю. Любящий тебя Ваня.

8 июня 1944 года.

Дорогая Люсечка и милая дочка Натуся! Шлю Вам свой родной горячий привет. Простите что целых 9 дней не мог черкнуть весточки. Не представлялось возможным. Люся, я нахожусь в глубоком тылу с рыбаками на ловле рыбы. Ловим в озёрах, где немец протоптал нашу Ленинградскую землю своим поганым кровавым сапогом. Деревни многие превращены в пепел. Крестьяне-колхозники живут где попало. Жители есть большинство старые и кое-где малые. Живу я хорошо, отдыхаю, правда много хожу. Тяну порой невод, но это всё полезно. Рыбы кушаю всякой. Пью молоко достаточно, 5 руб. литр. Денег у населения нет, но и у меня немного. Поправился, загорел и чувствую бодрее. Проловлю видимо долго, до наступления.

От тебя письмо получил тоже давненько, дней 5. За тебя дорогая рад.

Сегодня узнал о наступлении Анг<лийских> и Амер<иканских> войск. Думаю что за 2–3 месяца война кончится, т.к. мои предположения сбылись. Так хочется теперь остаться до конца в живых. Поглядеть что будет? Буду писать теперь почаще. Я нахожусь от фронта до 60 километров и даже более. Пиши как у тебя на службе. Горячо целую, твой любящий тебя Ваня.

12 августа 1944 года.

Дорогая моя Люсечка и милая Наточка! Целую Вас крепко. Я жив здоров. Бой вчера кончился, продолжается только лёгкая перестрелка. Наши части своё задание выполнили, отвоевали у врага остров и прогнали от берегов. Кажется предполагается отсидеться дней 5–8 в обороне. В самый разгар боя я оказался опять на переднем крае. Обошёл свои участки и с большим риском вышел из лавы огня. Раза два поползал, но на этот раз не по грязи, а по красивому лугу. Получил вчера письмо от Коли Идзковского, он работает в совхозе на ремонтных работах. Словом отдыхает. Мне было когда-то немножко такого счастья на рыбалке, теперь отошла коту масленица. Ну, посты тоже необходимы. Приехала к тебе Саня или нет? Я писал, чтоб ехала. Пиши как у тебя дела. В Трансторгпит ещё не написал, напишу в самые ближ<айшие> часы. У нас пока тепло, сухо. Что будет и где нас застанет осень трудно сказать. Двигаемся вперёд неважно, наш фронт вообще отстал. Пиши понемножечку но почаще. Любящий Вас Ваня.

16 августа 1944 года.

Дорогая Люсечка и крошка Натуленька. Шлю Вам милые свой родной горячий поцелуй и крепко обнимаю. Уже вечереет, мы несколько часов выбирались из сырого лесистого массива на более сухой, причём редкий сосняк и чувствуется как бы на даче. От переднего края килом<етров> 6, а были 1–2. На прежнем ме-

сте нас очень обстреливал немец, и была полная угроза погубить технику и людей. Здесь и там сегодня часов с 11 не обстреливает. Люсечка, странная немецкая война. Днём стреляет мало, но зато ночью, не взирая на погоду, изо всех сил и средств поливает огнём, да каким плотным.

Две или три ночи лил дождь. Наша землянка, вернее конюшня, проливалась ручьём. Мы спали почти в воде. Вернее не спали, так как немец беспощадно из 6 и 10 ствольных миномётов нас обстреливал. Всё обошлось благополучно. Три дня тому назад я переправился на отвоёванный у немцев остров и осмотрел его. Прежде чем переправляться через реку на маленький островок, а с него на большой, надо повести жестокую битву с бурно несущейся водой р. Нарвы. Прежде всего, немец видит подходы к воде и обстреливает прицельным огнём. Мы сели на лодку в 4-м. Я, подполковник и ещё 2 бойца, сопровождающих нас. Я в полной уверенности что они могут грести и управлять лодкой спокойно взял весло и гребу. Лодка плохая, не успели и 10 метров отплыть, как быстрым течением лодку повернуло и понесло по течению прямо на быстряк... <Окончание письма отсутствует>.

2 сентября 1944 года.

Дорогая Люся и Натуся. Получил от Вас вчера письмо. Значит твоя командировка кончилась, Натуля и ты здоровы. Этому я безгранично рад. Мать, вернее Нюра, сообщила, что Саня и Роза едут к Вам. Я считаю это облегчит тебя и снимет излишнюю заботу о хозяйстве. Люсечка, с Саней я уверен будете жить хорошо. Она тебе помогает, а ты ей и Розе поможешь прожить трудные времена. Виктора возможно также устроите на производство, чтобы он не остался за бортом и беспризорным. Я жив и здоров. Пишу тороплюсь, нет время, так по пути. Жду твоих писем всегда с нетерпением. Целую крепко твой Ваня.

11 сентября 1944 года.

Дорогая Люсечка и дочка Наточка. Шлю Вам милые свой горячий привет, крепко Вас обнимаю и целую. Прибыли на новое место благополучно, живём уже третью ночь. Местность на удивление красивая, поля, леса, всё это богато хлебом, овощами. Поля почти не убраны, деревни в 1–2 дома, их на каждом шагу. Хорошие усадьбы, дома в зелени и цветах. Народ — Эстонцы — почти все на своих гнёздах, кое-где сгорели домики. Скот — лошади, коровы, овцы, пасутся на привязях. Хозяева не чувствуют войны, по-русски почти никто не говорит, умышленно или нет, трудно сказать. Отношение их к нам инертное. Сегодня был в Тарту — город немного разрушен, красивый, в зелени, газонах, цветах. Народу в Тарту не много. Немец по городу совсем не стреляет, почему, трудно сказать. Дороги все без исключения хорошие, сухие. Совсем, совсем не похоже на ту Эстонию, где мы были ранее. Будем двигаться в центральные районы, к морю.

Да, Люсечка, воевать на истинно русских землях гораздо лучше, можешь спросить, тебе радушно ответят, расскажут и ты чувствуешь себя как с родными. Здесь приходится опасаться, быть весьма осторожным и вести себя крайне натянуто. Перед нами враг, среди врагов много эстонцев, завербованных немцами в бытность её в оккупации. С одной стороны эти войска могут под нашим ударом сразу рассыпаться, как чувствующие себя временно подданными немецкого изверга, я лично убеждён в последнем. Стало холодновато. Я чувствую себя лучше, хотя понемножку покашливаю. Берегу горло. Старая болезнь, понемногу першит в горле. Систематически на холоде или на дожде. Бывало на передовой запыхаясь бежишь, вспотеешь, а потом садишься на машину и ветром продувает. Писем писать друзьям почти нет время. Как у тебя и Наты здоровье. Пиши. Целую крепко тебя и Натульку. Твой любящий Ваня.

13 сентября 1944 года.

Дорогая дочка Натуля! Поздравляю тебя милая со вторым годом учёбы. Надеюсь что этот год так же как и прошедший будет успешным. Надеюсь, что в этом году в твоей учёбе помогу и я своим участием в нашей счастливой семейной жизни.

Дорогая Наточка, я в настоящее время нахожусь в центральной Эстонии. Здесь живут хорошо. Много лесов, полей, огороды. Везде всего достаточно. Под окнами в огородах цветники, изобилие георгин, флоксов, астр. Живут культурно.

Я полагаю, что ты отдохнула, поздоровела и набрала сил для очередной учёбы. Мы пока не воюем, готовимся к решающим боям. Ты дорогая что-то совсем не пишешь папе писем. Значит не особенно соскучилась. Я о тебе очень скучаю и много-много раз в день вспоминаю. Жду от тебя хороших писем. Я живу хорошо. По службе всё в порядке. Поправился от кашля.

Целую крепко тебя крошка и дорогую мамусю. Любящий Вас крепко Папа.

19 октября 1944 года.

Дорогая Люсечка и милая дочка Наточка! Шлю Вам родные свой горячий привет и светлые пожелания в одинокой жизни. Хотя я так давно не получал от Вас весточки, но жизнь моя с Вами, мои мысли издали находят Вас. Я так же не мог часто писать ввиду частых маршей, переходов мелких и больших. Мы так много прошли, так много всего видели и пережили, что трудно сразу всё описать. Мной Эстония почти вся изъезжена и изучена. Приеду домой, жив останусь, всё передам в тех красках, как она есть. Теперь ведём битву в Польской земле под Варшавой, на самом трудном плацдарме. Этот плацдарм треугольник между Вислой и Наревом напоминает битву Сталинграда. Враг днями переходит в атаку по 2–3 раза. Наши славные воины его не только сдерживают, но и продвигаются неумолимо вперёд, расширяя плацдарм. Убиты тысячи немцев, подбиты сотни танков. Наш плацдарм есть пистолет, направленный в сердце Германии.

Дорогая Люся! Ночь, идёт проливной дождь. Тьма, хоть глаз выколи. В землянки неумолимо рвётся вода, мокрые, зябнущие бойцы жмутся один к другому, стараясь хоть немного прикрыться от дождя и подогреться телом боевого друга. Такая ночь всегда как-то особенно длинна, однообразно скучна и навевает много тревоги и неуверенности. Толь дело Солнце, ярко лучистая синева. Всех ты видишь. Главное видишь своих вдохновителей — воздушных героев лётчиков и восхищаешься, как они сокрушают врага. И в это время все как один горды, веселы, предприимчивы и каждый готов рваться вперёд на врага.

Несмотря на тьму, дождь, бой идёт с той же силой. Артиллерийские залпы не умолкают. Катюши ревут и режут тьму своими пламенными снарядами. Порой сливается всё в один гул.

Сегодня с утра был сильный бой. Наши потеснили врага. Враг ночью видимо не раз попробует вернуть утраченные позиции. Так ежедневно. Предстоит большая борьба впереди. Люсечка, милая, как хочется кончить быстрей и хоть немножко отвыкнуть от ужасных потрясений дней войны. Кажется трудно себе представить, что мы сможем жить в мирной обстановке. Враг ещё силён. Удивляюсь только, как можно вести войну почти кольцевую и так держаться. Ведь чтоб прорвать его линии надо много сил, техники и времени. Мы рвём, идём вперёд и безусловно конец недалёк. Люся, я чувствую себя хорошо, немножко поправился, рука совсем зажила. И видишь, могу писать. Вчера даже мылся в бане. После месячного похода и боевых дел. Пешком в последнее время не хожу, езжу на машине. В Польше торгуют в магазинах на наши деньги и злоты. Всё очень дорого. Я ничего не покупал. Всё у меня есть т.е. пайка и обмундирования достаточно. В походах ничего

не надо кроме жизни и победы. Жду с особым нетерпением от тебя писем. Никто пока их мне не присылает. Вижу я только босых поляков и их детей. Всё то, что ты о них рассказывала, всё соответствует действительности. Только богатых уже нет. Немец повывез много доброго, в том числе и молодых мужчин.

Против нас стоят одни фрицы и СС. Мне эстонцы нравятся больше чем поляки, первые умнее и предприимчивее. Люсечка, за последнее время я как-то меньше думаю за тебя, мне кажется, что ты должна быть спокойнее, как приехала к тебе Саня. Но очень часто беспокоюсь тем, что ты от меня подолгу не получаешь писем и бываешь расстроена за мою жизнь. Друг мой, при переброске с одного фронта на другой иначе и не может быть.

Много гибнут. Наших солдат многих ранят. Да, на то война, без этого не обойтись. Опиши, как ты подготовилась к зимнему периоду. Что у тебя есть и чего не хватает. Думает ли мама к тебе приехать. Черкни ей письмо и от меня, я напишу особо. Постараюсь завтра сфотографироваться и пришлю фото. Твоей фото видимо мне не дождаться до окончания войны. Целую и обнимаю всех крепко. Ваня.

1 ноября 1944 года.

Крепко обоих Вас обнимаю и целую. Я жив здоров. Получил на днях от тебя много писем, правда давность их велика, однако с большой радостью их прочёл. Получил и от Наточки письмо с ласточкой на конверте, посмотрел её правописание, решение задач. Исполнено хорошо.

Люсечка, я на твои все сны даю следующую отгадку. Ты вообразила, что стою в боевом охранении. Нет родная, я в боевом охранении никогда не стоял. Мне это не положено. Я за последнее время мало ездил на передний край. Без толку там мне нечего делать, а рисковать без дела собой нет никому никакого смысла.

Наступает твоя зима. Я считал, что около Варшавы тепло, но к моему удивлению стоит холодная ветреная погода, а поляки сеют озимые. Видимо надеются на тепло. Живут весьма грязно, сами мало культурны и какие-то худые и сердитые. Молодёжь видимо угнали в Германию. Эстонцы культурнее, богаче и симпатичнее. Ты ставишь вопрос на счёт девушек? Нет родная, не до девушек. Видимо придётся по возвращению тебе заменить мне всех девушек и возместить за всё прошедшее. Люсечка, за меня очень не беспокойся, я всегда сыт и сплю теперь нормально. Что касается приезда Сани то не жалей, это дело временное. Пиши чаще. Всё. Целую крепко твой любящий тебя и Наточку Ваня.

16 ноября 1944 года.

Дорогая Люсечка и славная моя Натуся! Крепко Вас обнимаю и целую! Давно по-польски 1 час ночи, а по московскому времени 3 часа ночи, мне вторую ночь не приходится спать. Или в дороге на автомашине или вот как теперь в работе на мельнице. Кругом такая тьма, бежит по узким лоткам ледяная вода и падает на лопасти большого деревянного колеса. Днём, а в особенности весной, это чудесное место. Озеро окаймлено высокими деревьями и белой акацией. На исполинских деревьях ютятся гнёзда аистов. Передо мной сидят хозяин этого предприятия, главный мельник и техник. Горячо обсуждают политику Гитлера и Сталина, меньше дебатируют о политике польского правительства. Я попал сюда по случаю того, что наша армия широко пользуется самозаготовками для своих нужд.

Люся, я сегодня послал тебе маленькую открыточку, написал исключительно в неблагополучных условиях, только чтоб ты знала, что я жив и здоров и была спокойна. Мы пока на отдыхе, правда отдых мне лично не важный. Много беспокойства т.к. централизованно получаем недостаточно, кое с чём приходится похлопотать. Наше дело такое. Стало здесь холодновато, выпал снег. Я считал что

под боком Варшавы теплее, да и ты рассказывала, что зима не холодная. Всё видно меняется. Ты пишешь, как я живу с командованием. Бывает и есть разное командование, хотя задачи у всех одни. Наш командир молодой, а у меня постоянный принцип. Служить бы рад, прислуживаться тошно. Меня за работу прямую почти ни единого разу не ругали, как ни трудно было. Но и ласкового слова никогда не говорили. Вот так и живём, служим Советскому Союзу. Никаких особо задушевных товарищей не имею. Да по характеру работы я их иметь не могу. Для меня должны быть все одинаковы и забота о всех равная. В общем, по работе всё в порядке.

Люсечка, с Саней живи мирно. Маме послал 200 рублей. Торговля в Польше как у нас в 1927 году, но всё дорого, т.к. всё частное. Глаза мои окончательно закрываются, и я сваливаюсь на стол носом в рукавицы.

Спокойной ночи. Любящий Ваня.

19 декабря 1944 года.

Дорогая Люсечка и милая Натуля! Крепко Вас обнимаю и целую горячо. Давненько не получаю от Вас никаких весточек, письма почему-то идут до меня так долго. Верно, Люсечка, я сам в большом долгу перед тобой за последнее время ввиду систематических разъездов я не мог писать регулярно. Признаться сказать её, этой регулярной жизни и не будет до конца войны. Моя работа подвижная, уже 2 месяца стоим на отдыхе, мне и многим другим отдых плохой. Видно скоро тронемся на окончательный штурм врага. Обнадёживать себя и тебя что мы это расстояние пробежим бегом будет вредно. Кое-где придётся поползать и на брюшке.

Писем от домашних (матери) не получаю, а также не получаю от других. Пиши-ка ты мне почаще и этим я буду доволен. Целую любящий крепко Ваня.

28 декабря 1944 года.

Дорогая дочка Наточка! Сегодня получил твоё письмо от 3.12.44. Я так был рад и счастлив ему, что ты себе и представить не можешь. Так давно я не получал от тебя и мамы писем. Наточка! Ты у меня совсем стала без меня большая. Письма мне пишешь складные и хорошие, учишься только на отлично. Это мне и мамуле очень лестно. Натуленька, не могу не поделиться с тобой нашим прошлым горем, ведь завтра день смерти нашей любимой незабвенной Ируньки. Прошло с тех пор 4 года, а светлая память о ней неизгладима.

Желаю тебе в каникулы лучше отдохнуть, повеселиться на ёлках. Побольше гуляй и кушай, подольше спи. Передай мою просьбу мамуле, чтоб с тобой сходила в театр и кино. На службе у меня всё хорошо, живём в землянках. Мы живём втроём. Днём и ночью у нас топится печка, тепло. Так будем жить ещё недолго, днями пойдём в наступление. Наточка, по возвращении моём домой, отдохнём и поедем вместе с мамой и тобой гулять по тем местам, где были бои. Пусть мама и ты знают, где папа и многие папы били немцев и защищали нашу родную землю. Натуленька, ты с Розой живи ладно, помогай ей в учёбе и не ссорься.

Поцелуй от меня крепко мамулю, желаю тебе детка здоровья. Папа.

1 января 1945 года.

Дорогая Люся и милая дочка Наточка! Наступил Новый год, уже один день его утёк безвозвратно и оставил некоторые тёмные пятна. Новый год я не встречал, провёл в работе, настроение неважное. Видимо весь год придётся ссорится, т.к. с наступлением Нового года резко поссорился со своим непосредственным начальником по работе. Возможно, что я круто повернул, но посмотрим, что будет в дальнейшем. Люся и Натуся, вы очевидно имеете хоть маленькую, но уютную ёлочку, я же здесь имею перед собой грустные, заиндевевшие столетние сосны, землянки опустевшие и звук моторов на переднем крае. Верно, выпивка имеется, но толь-

ко она меня не устраивает. Нет родных, милых друзей, дающих источник радости и веселья. Вчера и сегодня ложился в 5 часов утра. Работаю по составлению главного отчёта по своей службе. Завтра из леса двинемся дальше к фронту.

19 декабря я был ночью в 1–2 часа, т.е. в тот момент как ты мне звонила из больницы в траншее на переднем крае. Свист разноцветных трассирующих пуль, разрывы мелких и крупных снарядов. Пользуясь дымкой и бледным освещением луны наши бойцы подвозят потихоньку снаряды и крепёж на передний край. Я пытался бродить по чистым холмам и долинам искать свой штаб, но натыкался на землянки, орудийные расчёты, причём люди меня опознавали, так как ещё в Гороховце с ними вместе жили. После тягостного блуждания сел на Студебекер и уехал к себе. Да, Люся, я в тот вечер, как обычно, был безразличен к смерти, памятуя, что Натулька дольше страдала, а у нас здесь один миг. Люся, когда я от тебя долго не получаю писем, я становлюсь безразличен и нервозен. Я счастлив, что у меня так много работы, что забываю порой про всё. Но это, с другой стороны, вызывает беспокойство со стороны тебя. Суровая, бесконечная военная обстановка накладывает свои отпечатки: грубость, резкость, я пожалуй в известной степени несмотря на свой мягкий характер, приобрёл и то и другое. Я рассчитываю, что по возвращении к тебе, моя дорогая, ты поможешь мне всё это стереть.

Люся, я хочу от тебя знать, как обстоят наши с тобой домашние дела в быту, черкни пару строк. Как живут ряд наших друзей и знакомых. Какую помощь оказывает Федька чтоб Виктор поступил в ФЗУ.

Желаю Вам всем успехов в Новом году, Ваш Ваня.

7 января 1945 года.

Дорогая Люся и малютка Наточка! Шлю Вам свой горячий привет, крепко обнимаю и целую. Милая Люся! Будучи на переднем крае я получил от тебя два письма, одно из командировки из колхозного дома или гостиницы, другое из дома от 16.12.44. В последнем ты сообщаешь о болезни Наточки брюшным тифом. Это меня как кипятком обварило. Я теперь только и думаю, как моя малютка, жива или нет и потому с нетерпением жду письма с результатами. Жалею, что она без твоего надзора и медицинской помощи. Мне кажется ты ошиблась, что не отправила в больницу, с другой стороны учтя уроки Ирочки, решение твоё считаю верным. Теперь надеюсь на судьбу.

Видимо от судьбы никому не уйти. Что будет. В целом нам с тобой пока нет счастья, есть только испытания. Ну ничего дорогая, а может и блеснёт счастье, всё впереди, после тернистых троп, будут же цветущие просторы жизни. Я верю. И тогда особо будет приятно по ним дойти свою жизнь до конца. Долгая разлука не отучила и не отучит меня жить тобой, Натулей, жить мечтой о встрече.

Жаль, что у Феди и Маруси не локализуются ссоры. Ты точно сказала «порознь скучно, вместе тошно». Их надо так разлучить, как мы с тобой и они научатся поневоле друг друга любить. Будут знать, что прежний муж лучше десяти новых. Ну, бог им судья. Люся, на переднем крае сегодня было спокойно, я совершенно открыто ходил от землянки к землянке, от орудия к орудию. Правда был туман и враг не мог видеть за 500 метров от себя. Люся, поправляй пожалуйста Наточку, я тебе завтра вышлю 700 рублей, у тебя будет немного денег. В январе пришлю посылочку. Живу я по-прежнему сносно, с начальством пока в хороших отношениях. Послали материал на очередную аттестацию.

Кстати, что ты аттестована или нет? Черкни как провели Новый год? Привет Сане и Розе. Хочу бросить курить, но тошно бывает порой, ты меня за это не ругай. Доброй ночи, время 2 часа. Крепко любящий твой Ваня.

12 января 1945 года.

Дорогая Люсечка и милая Натуля! Получил Ваше поздравительное письмо с Новым годом от 29.12.44. Сердечно благодарен. Люсечка, безгранично рад, что Натулька поправилась. Словно с меня сняли тяжёлый груз. Мы по-прежнему ждём наступления, оно будет очень тяжёлым. Польская зима хоть и не холодная, но земля очень крепко промёрзла, это значит трудно бойцу укрыться и жертвы неминуемо будут большие. Живём мы теперь на берегу маленького ручейка под боком у большой реки. В нашем шалаше (Ленинском) пока тепло, топится железная печка, спим на нарах втроём. Домашним инвентарём мы не обременены, у нас имеется один котелок и одна чайная чашечка, которой мы успеваем раздавать водку, когда она бывает, и пить чай. Читаем мы газеты глубокой ночью.

Люся, получаешь ли ты от меня все письма, поправляет ли их цензура? Мне очевидно скоро прикуют ещё одну звёздочку, в которой я сказать откровенно и не нуждаюсь. Покупай Наточке обязательно масло и поправляй её. Скоро видно будет своё молоко от дорогостоящей козы. Хорошо бы Наточку устроить учится с 12 часов дня, она высыпалась бы и была здоровее. Подумай.

Крепко тебя и Натусю целую. Твой Ваня.

22 января 1945 года.

Дорогая Люсечка и Натулька! Крепко Вас обнимаю и целую. Сегодня мне вручили на боевых порядках 4 письма от тебя, Наточки и Коли Идзковского. Очень рад, что Ваша семейная жизнь налаживается, особенно рад за здоровье Наточки. Я жив, здоров. Крепко продвигаемся вперёд и через самое короткое время вступим на немецкую землю. Коля где-то рядом, но не понял, т.к. зачёркнуто цензурой где. Мы в походах и в движении. Горе в том, что почту от нас отправлять далеко. Нет времени пока писать Наточке отдельное письмецо. На Наточкином одеяльце я сплю, а на подушечке её спит товарищ, так как у меня есть другая, побольше. Денег 650 рублей послал давно. Прошу Натульке от меня дать 50 рублей вместо утерянных ею 30. Ваня.

24 января 1945 года.

Дорогая Люся и малютка Наточка! Вчера сумел отправить тебе и маме по маленькой записочке, извини что мало черкнул. Позавчера у нас несколько человек выбыло из строя, на переправе при большом скоплении войск появились 3 Мессера и забросали бомбами. Командир части тяжело ранен и несколько других.

Идём большими темпами. В настоящее время во 2-м эшелоне, первые порядки давно на немецкой земле. По ночам и вообще на остановках помещаемся в хуторских отдельных панских домиках. В больших имениях жили только немцы, а все хозяева бывшие или посажены в тюрьмы, или работали на немцев. Достаются крупные трофеи скота, птицы. Солдаты едят то, чего им хочется и сколько можно. Из Германии бегут к нам все, кто в прошлом угнан, чуя конец гитлеризму. Одет хорошо, в валенки, рукавицы, имею фуфайку, шубу не ношу, изорвалась. Кушаю что могу, голодный не бываю никогда. Часы мои домашние изломались, одеяло Натулькино цело, на нём сплю. Вот так мы живём. Целую крепко, твой Ваня.

7 февраля 1945 года.

Дорогая Люся и Натуся! За последнее время я часто от Вас получаю весточки, за что сердечно благодарен. Письма твои идут не более 8–9 дней. Вчера я послал тебе посылку вложив туда одеяло, простынь, платье и кофточку, рукавицы, часы мои сломанные и ещё одни тоже сломанные, сахару и 2 банки консервов. Одеяло прогладь горячим утюгом, так как я им укрывался в походах. Часы почини и продай на твои расходы. Если буду жив следующую посылку вышлю только хорошую.

лейтенант интендантской службы

Кривойконе, Иван Федорович.

Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от „23" апреля 1945 г. № 339

за прорыв обороны немцев и наступление на Берлин

всему личному составу нашего соединения, в том числе и Вам, принимавшему участие в боях, ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.

КОМАНДИР ЧАСТИ _____ [подпись]

Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе отчизну свою поведем!

Ты пишешь что я делаю на передовой — проверяю состояние питания бойцов, так как я как начальник службы за это несу ответственность. Вчера переходил Вислу по льду. Бои идут очень крепкие, враг на нашем участке ещё силён. Я написал секретарю обкома, чтоб тебе помогли дровами со старой службы. Пишешь ты матери или нет? Люся, прости что не поздравил тебя с днём рождения. Война выбила из головы всё, чем жили. Кругом идут беженцы, убитые лошади, подбитая техника. Вот такие пейзажи. Крепко целую твой Ваня.

26 февраля 1945 года.

Дорогая Люся и милая Наточка! Крепко обнимаю Вас, дорогие друзья! Пишу эту весточку с немецкой земли. 24 числа наши войска с Польской территории с боями перешли старую границу и неудержимо двигаемся вперёд. Немцы оставили свои дома, вещи и скот. Редко можно видеть не успевшего уйти немца. Войдёшь в любой дом и видишь полный погром. Всюду солома, из которой вьют гнёзда бойцы, чтоб хоть немного соснуть. Жили они подлые весьма зажиточно. Этой жизни им теперь долго не видать. Пусть гады знают и на себе испытают страданье русских матерей и детей от их нашествия. Сутки целые идёт дождь, дороги развезло, несмотря на их доброту. Машины с рёвом рассекают жижу и мчатся на северо-запад. Бои далеко впереди, даже пушечные выстрелы редко можно услышать. Я вчера ночью должен был поехать на передок, но начальник оставил меня в тылу.

Я сижу в немецком дому, стены все в картинах, преимущественно видовых, самых мещанских. Множество икон и рисунков с ангелами. Деревянные кровати с перинами и над ними всякие безделушки. Электричество, в кухнях плиты со множеством разнообразной посуды. Цветов мало. Навозу вокруг дома больше чем достаточно. Каждый имеет по 2 коровы, кур до 60, кроликов, непременно собаку. Всё на своём месте. Обуви, одежды достаточно. Печи у всех изразцовые, на чердаках у каждого коптилка для продуктов. Всё едят в копчёном виде. В квартирах много велосипедов, а фотокарточек хоть пруд пруди. Всматриваешься в них и думаешь, какие они некрасивые и претендовали на владычество миром, как арийская кровь. У немца мало горючего, в один голос заявляют пленные, мало авиации, мало машин на дорогах. Снарядов видимо тоже мало, так как отступая под нашим нажимом снарядов не оставляет. Наши солдаты кушают всё, что душа желает. Кроликов, кур, свинину, баранину, (мёд, варенье немцы делают очень хорошо и главное в мелкой расфасовке). Я только вчера сдал 29 коров дойных для отправки в СССР. Молока, сахару сколько хочешь. Полякам сахар немцы не давали. А сами имели. Теперь их сахар — наш сахар.

Люсечка, я рассчитываю, что война скоро должна кончится. Верно, на возвращение домой не рассчитываю так быстро, ввиду того, что армия в Германии будет частично оставлена для оккупации и наведения порядка среди фашистских элементов. Возможно я не попаду, ну до этого ещё надо дожить.

От тебя писем теперь долго не дождусь. Так как переехали на другой участок, в другую армию. Батька наш старший генерал-майор Кознов. Целую твой Ваня.

8 марта 1945 года.

Дорогая Люся и Наточка! Шлю Вам родные свой горячий привет. Мы двигаемся вперёд под руководством Рокоссовского, идём ходко. Сегодня собрал посылку, разного барахла, туфлей 4 пары из них 2 лакированные, фотоаппарат Лейку, сахару около 2 кил<ограмм>, отрез чёрного материала, скатерть на стол, покрывало на подушку, чулки и прочую дребедень. Если она дойдёт, то ты будешь обута, большие замшевые если хочешь отдай Сане. Что тебе не надо продай, а деньги трать на нужды. Фотоаппарат будет Наточкин, пусть она учиться снимать.

Люся, не знаю размер и рост Наточки, купил ей платья, пальто и ботинки. Мы ходим по этому барахлу и пинаем ногами, вот сколько его много. Стоим в немецком городе, он весь в пламени, немцы убежали после уличных боёв, жителей в городе нет. Всё. Будь здорова. Ваня.

13 марта 1945 года.

Дорогая Люся и милая Наточка! Стоим на берегу моря, бои идут за полное уничтожение немецких орд, прижатых к морю. Прошли много немецкой территории. Немецкие жители, в большинстве удрали, но наши их настигают и они идут обратно. Все дороги забиты освобождёнными поляками, русскими, французами, англичанами, итальянцами и даже появились евреи. В одном только лагере, вот он передо мной, освободили десятки тысяч. Военнопленные худы, многие лежат больные, а в частности евреи не могут двигаться. Настало справедливое мщение, будет его помнить не одну сотню лет. Города горят, в домах всё дыбом, одинокий скот бродит и ревёт. Дорога протяжённостью 30–40 километров покрыта лошадиной кровью и растерзанным мясом, наши танки настигали и месили лошадей и фургоны с имуществом. Ближе к морю по дороге сотни немецких автомашин и транспортёры, кругом имущество, чемоданы, чего только нет. Никому ничего не надо.

Дорогая Люся, я вторую посылку приготовил и лежит на отправке. Всё время двигаемся и нет возможности почте справиться. Едим чего только хотим и без нормы. Нашу армию можно прокормить только одними курицами, вот настолько их здесь много. Чувствую себя не особенно здорово, часто мучит грипп и болит горло, как-нибудь довоюю, хотели отправить в госпиталь, но я не согласился. Пройдёт так, тем более я почти теперь ничего не делаю. Прости что не мог поздравить с 8 марта.

Крепко тебя целую и Натуленьку. Твой Ваня.

31 марта 1945 года.

Дорогая Люся! Сегодня получил письмо от Коли Пирогова и от тебя от 22 февраля. Коля мне сообщил, что между мной и им оборвались родственные связи, в связи с выходом Тани замуж за какого-то 45 летнего мужчину.

Я очень был удивлён твоим письмом и Колиным. Ты мне в письме пишешь, что благословляешь Таню брать от жизни всё, что можно, тем самым содействуешь её распутной жизни. Мне это показалось странным и в тоже время, подумал-подумал, и нашёл это вполне закономерным для двух твоих сестёр. Я не могу правильно определить их взаимоотношения, но могу одно сказать. Коля с первых дней находится в армии, выполняет почётную работу по спасению раненных бойцов и офицеров. Таня в глубоком тылу не испытывает ни ужасов войны, ни страданий. К тому же весьма пассивно отнеслась к почётной задаче мужа. Поскольку с крыши не капает и от скуки занялась блядовать. Дело этим не ограничилось и перешагнула последнюю ступень супружеской жизни.

Коля пишет, что бросила старуху и ребёнка на произвол судьбы. Если это так, то Таня заслуживает самого сурового осуждения. Мне правда неприятно тебя обидеть, но я готов и это сделаю, порву также с Таней всякую родственную связь и объявлю ей оппозицию. Я не поощряю монахинь, но в тоже время осуждаю тех, кто ради животных страстей легкомысленно бросает семью, как кукушка. Её поступок некрасив, антиморален. Неужели нельзя это было сделать по возвращении Коли. Война скоро кончится, человек лишённый семейной опоры, любви и привета неполноценный на войне. Он погружён в раздумья, не несёт выполнение боевых задач как положено. Я могу сказать, что это единичные случаи, их мало. Наша советская печать их осуждает. Я также не могу сказать какую ты роль играла в этой драме. Коля мне сообщил, что у него имеется документ, в котором ты благослов-

ляешь Таню на распутную жизнь, граничащую разрывом с Колей. Это для тебя как старшей по возрасту совсем не похвально. Если это так, то ты мне скажи честно. Весьма сожалею и обижен на тебя за игру в чужое счастье.

Я здоров, вчера немножко справлял день рождение с друзьями. Письма твои получаю аккуратно. Люсечка, прошу на меня не обижаться за мои взгляды. Твой Ваня.

8 апреля 1945 года.

Дорогая Люся! Я проделал большой марш по Германии, теперь у ворот Берлина. Ждём приказа на последний штурм. Писем от тебя не получал 10 дней. Привет Сане и Розе. Целую крепко тебя и Наточку, твой Ваня.

25 апреля 1945 года.

Дорогая Люсечка и Наточка! Шлю Вам горячий привет. Хочу сообщить, что письма от Вас получаю, правда довольно прошлой давности, последнее от 30.03.45. Очень доволен, что хоть одна посылочка дошла. Ждите скоро придёт вторая, более лучшая. Можно было бы послать и третью, но пока не разрешают. Ты ничего не написала как здоровье Наточки, есть ли у Вас молоко, что с огородом.

Здоровье моё хорошее, воюем в Берлине, скоро будем ставить знамя победы. Видимо после взятия Берлина война скоро кончится. Как я усмотрел из письма, мой день рождения вы отметили скромно. Я много лучше. Горло у меня не болит, видно большое влияние оказывает морской климат. Здесь чудесная погода, пригороды Берлина весьма красивы, большинство домов остались целы, так как немец не сопротивлялся ожесточённо. Не удаётся увидеть Колю Идзковского. От Пирогова писем ещё не получал. Крепко Вас целую. Твой Ваня.

27 апреля 1945 года.

Дорогая Люсечка! Шлю тебе милая свой горячий боевой привет и лучшие пожелания. Получил твою открыточку от 14.04.45. где ты пишешь, что была освобождена для ухода за Наточкой, сколько тебе с ней заботы? Спасибо за поздравление к 1 мая, он не за горами. Где мы будем его встречать, в Берлине или куда уедем из него, даже трудно сказать.

Берлин до основания разрушен. Жители голодают, скрываются в подвалах. На дорогах подбирают убитых лошадей и кушают, в общем ужас. На днях узнал, что наш командир Мухин горьковчанин, живёт на Звездинке, отец его работает Управляющим Лесоснабом — Мухин Григорий Васильевич, ты его знаешь. Это весьма хорошо, поедем может быть домой вместе. Прошу тебя подкармливать Наточку получше, пусть к моему приезду поправиться. Ко дню её рождения возможно получите вторую посылку. Посылки пока запрещены. Люся, я тебя прошу Виктору дать ботинки, он мне прислал письмо что ему не в чем ходить. Крепко целую твой Ваня.

24 мая 1945 года.

Дорогая Люся и Наточка! В Берлине я был во время боёв и уехал, когда гарнизон капитулировал. Стоим возле Берлина в лесу. Только сегодня закончил постройку для своей службы. Одновременно с этим веду руководящую политмассовую работу с коммунистами. Я также с нетерпением рвусь к тебе, но надо потерпеть. Мы находимся в самой критической обстановке, война окончена, но продолжение её, это дипломатия, она далеко не увенчалась нужными нам успехами. В этот исторический промежуток наша партия должна на основе научного марксизма-ленинизма разрешить политические и экономические задачи на много лет вперёд и с полным выигрышем для нас в мировом масштабе. Вот почему мы вынуждены некоторое время задержаться на этих рубежах. Я не хочу и не могу тебе сказать, что будет продолжение войны. Надеюсь что нет. Великий учитель эти подводные камни обойдёт, не поломая нашего великого корабля, но если потребуется в интересах нашего

правого дела ещё раз поднять оружие, то мы его поднимем со славою и защитим нашу родину так, как мы её защищали. Вот такие дела. Люся, вообще считаю, что к ранней картошке и луку буду дома. Для оккупационной армии найдутся и помоложе люди. Ссуду плати посильно. Любящий тебя Ваня.

10 июня 1945 года.

Дорогая Люсечка и дочка Наточка! Сообщаю Вам мои друзья, что у меня сегодня праздник. Пришёл приказ о награждении меня орденом Красной Звезды за мою скромную работу в действующей Красной армии. Моя награда — и Ваша награда. По этому случаю я не знаю куда мне деться, каждый приходит и заявляет что с меня причитается. Я решил просто сбежать в лес за своё хозяйство. Боюсь, как бы не застрять в армии надолго, мы ещё стариков не распустили. Придётся возможно даже тебя выписывать с Натулькой к себе. Поживём увидим. Сегодня обнаружил большую неприятность, послал тебе в посылке три пары разных туфель, жаль до ужаса.

Люсечка, как же ты додумалась крестить Наточку? Кто это тебя вразумил? Неужели ты уже совсем поддалась отсталым мыслям или влиянию бабушек? Может быть мама настаивает? Ты прекрасно знаешь, что я этого не сторонник и не разрешу. Если ты крестишь и я узнаю, то очередная будет неприятность для меня. Надо Наточке разъяснить, что вера и крещение это выдумка.

Может быть ты сама уже ходишь в церковь и молишься? Если это так, то конечно мне перед тобой не устоять и тебя от этого не удержать. Дело свободы совести для взрослых, а для детей — повиновение родителям. Люся, я очень огорчён что у Наточки в моче кровь, надо её держать на диете. Целую крепко Ваш Ваня.

28 июля 1945 года.

Дорогая Люсечка! Сегодня приехал из дальней командировки, ездил на новое место дислокации, туда и обратно 600 километров. За два дня приехал обратно. Неизмеримо рад, что получили посылку, но огорчён, что не прописали что получили и что туфли малы. Я езжу по городам и сёлам в командировки за продуктами и скотом, 30–40–100 километров. В общем, скоро буду или совсем или в отпуск.

У нас идут дожди, в такую погоду лишь собирать грибы. Кстати, следует сказать Германия и её леса бедны грибами, почему сам не могу понять. Мы едим пока старую картошку. Странно! Почему в Германии она так долго сохраняется. У нас в России давно бы погнила, а здесь лежит в буртах и мало гниёт. Видимо специальные сорта. Режим питания у немцев тот же, что у поляков. Едят много картошки. Первое и второе без хлеба, а хлеб после обеда с маслом. Русским это кажется чудным и странным. Вот и всё. Твой Ваня.

23 ноября 1945 года.

Дорогая моя Люсечка! Поздравляю всех нас с благополучным выздоровлением Натуси от скарлатины. Теперь дело за правильным маминым уходом. Сообщаю, что уже есть первые признаки демобилизации меня домой. Вчера службу свою сдал другому начальнику, если в дивизии не задержат, то поеду в Группу оккупационных войск. Я что-то уверен что демобилизуют. Вещей у меня не много, раздумываю взять или не взять велосипед. Неудобно везти, тяжело садится. Днями моя судьба решится. Любящий тебя Ваня.

24 декабря 1945 года.

Дорогая Люся и Наточка! Нахожусь в резерве, возможно в январе отпустят домой. Писем мне пока не пиши. Если оставят в советской администрации на хозяйственной работе, то немедленно тебя извещу. О краже Серки не тужи, не большое несчастье. Живы будем наживём. Рад что Наточка поправляется. Денег я несколько тысяч привезу, хватит скромно тебе и мне отдохнуть. Любящий тебя Ваня.

«Мои боевые друзья - завскладом и его помощник, с кем начал и закончил боевой путь».
Начальник продовольственной службы 568 миномётного полка
лейтенант интендантской службы Иван Фёдорович Кривойкин (в центре).
Германия, 22 июня 1945 года

29 января 1946 года.

Дорогая Люсечка и любимая Наточка! Вот только теперь меня можно поздравить с освобождением из Красной армии. Вчера был в Группе войск и решён вопрос с демобилизацией меня в запас в Ждановский райвоенкомат г. Горького, то есть домой. Пока до оформления всех документов буду находится в Запасном офицерском полку. Отсюда будет погрузка на поезд. Вещей у меня 5 мест, немножко трудновато ехать, но как-нибудь доберусь. Возможно задержат в связи с выборами, но едва ли.

И так любимая Люся, скоро-скоро буду дома, возможно, раньше этого письма. Крепко целую. Твой Ваня.

Письма читаются, как своеобразный роман о войне и любви. Завершением военной темы можно считать краткие дневниковые записи.

Из записной книжки И. Ф. Кривойкина:

25 января 1946 года. В 1 час дня выехал из своей части в штаб дивизии, в г. Варен, 45 км. Беседа с подполковником и его решение об увольнении меня в запас.

26 января 1946 года. В 10 часов от подполковника получил документы.

27 января 1946 года. В 10 часов выехал в группу войск в Потсдам.

28 января 1946 года. В 1 час дня был в группе у майора. Отпущен домой по возрасту, с примечанием, что работал в последнее время лениво.

29 января 1946 года. Сел в поезд «Берлин — Москва».

Этим и закончилась моя служба в Германии.

Иван Фёдорович Кривойкин вернулся домой в звании лейтенанта и надеялся, если не на счастливую жизнь, то хотя бы на облегчение жизни существующей. Писал домой из Германии летом 1945 года: «Если я остался жив в такую ужасную войну и даже невредим, то будем надеяться в будущем на счастье». Приехав в Горький, он понял — облегчения не будет. Надо было искать работу, достраивать дом, растить маленького ребёнка. Вещей с фронта он привёз немного: одеяло, скатерть, маленькую шкатулку с пластмассовыми драгоценностями, серебряное колечко с рубином, несколько часов, 3-х цветный фонарик, печатную машинку «Ундервуд», которая сохранилась до наших дней. Часть вещей украли в поездах при следовании из Германии, в том числе и аккордеон. В это время жена была без работы. Ивану Фёдоровичу шёл сорок пятый год.

В апреле 1946 года поступает на службу в органы МВД. Видимо, сыграло свою роль то, что там платили больше, да и полученное офицерское звание позволяло получше устроиться. Сначала был начальником организационно-инструкторского отдела, затем заместителем начальника отдела общего снабжения, начальником торгового отдела Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний УВД Горьковской области (система печально-известного ГУЛага — Главного управления лагерей). В 1947 г. переходит служить начальником отдела технических материалов Горьковской конторы Управления материально-технического снабжения МВД СССР. С 1950 по 1953 год — военный представитель Главного управления снабжения МВД. С 1953 по 1955 год — старший инспектор Главного управления лагерей МВД СССР, начальник отдела технических материалов УМТС МВД.

С 1955 по 1957 год — начальник спецчасти и кадров Горьковской конторы ОМТС МВД СССР. В 1957 году уходит на пенсию в звании старшего лейтенанта по 3 группе инвалидности, у него болело горло — ларингит. Пенсия — 550 рублей.

Нельзя сказать, что служба в МВД у Ивана Фёдоровича особенно удалась. За 10 лет ему присвоили только одно воинское звание — старшего лейтенанта, постоянно обходили с должностями. Отчасти, это объясняется отсутствием высшего образования и его неперспективностью для службы по возрасту — за 50 лет. Отча-

сти, его нежеланием лебезить перед начальством, а также неуживчивым характером. Вечно он со всеми ссорился, боролся за справедливость, выступал постоянно с критикой начальства на партийных собраниях и считал такие выступления своим долгом. Ругался, что все безграмотные, ничего не умеют, служебную записку написать не могут, подготовить доклад и выступить на собрании не могут. Хитрости не было, наивный как ребёнок, свято верил в «партию». Два года, с 1950 по 1952 год, учился на вечернем отделении Института марксизма-ленинизма, причём относился к этой учёбе серьёзно.

Да и сама служба в МВД, при звучности должностей, была рядовая. Военпредом в колонии производил контроль качества колючей проволоки, гвоздей; проверял, как пришиты у телогреек пуговицы и воротники и т.д. К этому времени относится сохранившаяся в его личном деле жалоба, которая начинается со второй страницы, первая страница отсутствует.

...Приехав в Горький 7 мая 1954 года, я обратился к Начальнику конторы УМТС майору т. Поварову с тем, чтоб он позвонил или написал в УМТС МВД о своём согласии зачислить меня на службу, однако т. Поваров заявил сухо мне, что у него нет штатного расписания и что оно будет не раньше 2-х недель, подкрепив это пословицей «когда рожь, тогда и мера», иначе говоря, отказался принять меня на службу. 11 мая сего года из Горького я позвонил по телефону в Москву в УМТС МВД т. Сорокиной и доложил, что Начальник Горьковской конторы УМТС МВД т. Поваров согласия на приём меня к нему на службу не даёт, и просил её характеристику по моей последней службе передать в отдел кадров Московского Округа ГУВС для приобщения к личному делу. Одновременно т. Сорокина сообщила мне, что она почти уже оформила меня на службу в Горьковскую контору УМТС.

Вечером этого же дня я узнал от т. Поварова, что характеристика моя будет передана в отдел кадров Московского Округа ГУВС и, следовательно, оформлен на службу к нему не буду. Попытки мои вернуться на прежнюю службу остались безрезультатными. Учитывая нежелание т. Поварова предоставить мне службу, 8-го мая я получил согласие Начальника Отдела спецперевозок УМВД по Горьковской области подполковника т. Копытова принять меня на службу. Я подал рапорт и жду оформления. Обо всех моих действиях по переводу по службе я по телефону 11 мая поставил в известность Начальника отдела кадров Московского Округа ГУВС т. Штокалова. Пользуясь случаем, я считаю необходимым сообщить Вам об отношении ко мне работников Отдела кадров ГУВС МВД СССР.

С апреля 1950 г. приказом ГУВС МВД № 52 я был назначен Военпредом по Горьковской области и работал до апреля 1953 года, т.е. до разделения Министерства на МВД и Минюст. За этот период сменилось 3 старших Военпреда: майор Галушкин, подполковник Рожков, подполковник Шуб. В связи с тем, что последнего, т.е. подполковника Шуб ГУВС отзывает из Горького обратно в Москву, 5 мая с.г. я обратился в отдел кадров к полковнику т. Туманову с просьбой оставить меня Военпредом в Горьком вместо т. Шуб. Тов. Туманов ответил, что в Горький направляется вместо т. Шуб другой военпред, теперь уже поздно.

Неужели нельзя было подумать раньше о моём использовании в качестве Военпреда в Горьком, не командируя нового товарища.

Это говорит за то, что Отдел кадров ГУВС МВД СССР не проявил заботы в деле подыскания мне работы. Забывчивость ОК ГУВС МВД по отношению ко мне привела к увольнению меня из военпредов в Горьком. Старшие Военпреды, получив подъёмные в оба конца, переехали на другие места службы. Я же, прослужив 8 лет в органах, один раз аттестовался на присвоение звания, и в настоящее время имею

звание лишь старшего лейтенанта из-за частой смены моих непосредственных начальников и перехода по службе. Тов. Круглов, из всего сказанного я невольно делаю вывод, что в итоге за свою честную добросовестную службу в органах МВД СССР я смог легко получить из Московского Округа ГУВС МВД только путёвку в гарнизонную врачебную комиссию на предмет демобилизации из органов МВД, т.е. самое лёгкое, над чем и думать много не требуется.

Тов. Круглов, я Вам описал только отдельные моменты. Меня огорчает не только то, что мне не удалось вернуться на прежние должности в органах МВД, но и то, что у нас в системе МВД руководители ещё не по партийному подходят к подбору кадров, их воспитанию, не берегут кадры. Что мне остаётся делать.

Просить Вас предоставить мне возможность служить в органах МВД в г. Горьком, где я проживаю с 1923 года. Если это возможно, то буду по партийному Вам благодарен и по партийному обещаю быть примером и образцом несения службы на любом посильном мне служебном месте. Член КПСС Кривойкин.

г. Горький. 13 мая 1954 г.

Надо отметить, что во время службы военпредом Ивана Фёдоровича стали понемногу спаивать на подконтрольных заводах, а однажды он явился домой с пакетом пряников. Ольга Юлиановна посчитала пакет пряников за взятку и стала настаивать на его немедленном увольнении со службы.

Огромный пласт их жизни — это строительство дома на Печёрских выселках, по адресу: Кудьминский проезд, дом 2. Всё, что сделали до войны, было растащено — полы, рамы, остался один сруб. Во время войны в недостроенном доме даже какое-то время квартировали солдаты, удивительно, как они его не спалили. В 1946 году приступили к достройке дома. Денег было мало, к тому же они ещё до войны взяли на строительство ссуду в размере 1400 рублей, примерно 4-х месячную зарплату того времени, и всю войну платили проценты по ссуде. Поэтому пришлось брать новую ссуду, тут грянула денежная реформа 1946 года с непропорциональным обменом денег. Правительство потребовало возвращать ссуды уже новыми деньгами. В общем, на этом они здорово погорели и смогли рассчитаться со ссудой лишь в 1957 году. Четверть зарплаты приходилось добровольно-принудительно отдавать государству за облигации очередного займа на восстановление разрушенного народного хозяйства. Они продали почти все вещи, привезённые с фронта, даже те же самые облигации и то были проданы почти даром. Да и потом, до конца жизни, дом достраивали или ремонтировали либо они сами, либо наёмные рабочие.

С 1959 года и до конца жизни Иван Фёдорович на общественных началах работал в 13 домоуправлении Советского района секретарём партийной организации пенсионеров. Ему, как фронтовику, провели в дом телефон. Иван Фёдорович писал доклады, выступал в школах с воспоминаниями комсомольца 20-х годов, помогал просителям написать жалобу или заявление, занимался организацией похорон, «выбивал» установку телефонов, заботился о ремонте дорог на Печёрских выселках, об открытии магазинов, собирал собрания. Для решения этих общественных вопросов постоянно ходил по различным райкомам и исполкомам.

Пенсия была небольшая, 96 рублей в 1962 году, с заработка 175 рублей, поэтому он почти 10 лет занимался хлопотами о назначении себе пенсии республиканского значения — 120 рублей, как старому большевику. Писал ходатайства в различные инстанции. В 1960 году написал письмо в Совет Министров СССР Анастасу Микояну, которого знал лично, с просьбой оказать содействие в назначении пенсии. Управление делами Совета Министров ответило, что документы будут рассматриваться только по ходатайству обкома КПСС или облисполкома.

Документы о вступлении Ивана Фёдоровича в 1921 году кандидатом в члены РКП(б) не сохранились. В Горьковском областном партийном архиве отложились документы Большеболдинского волостного комитета партии начиная только с 1922 года, а все свидетели его приёма в партию к тому времени уже умерли, так что доказать что-либо было невозможно. По возрасту же республиканские пенсии в 1968 году давали старым большевикам, членам партии с 1921 года, а он был с 1928 года. И, тем не менее, документально установлено, что, в нарушение всех действующих инструкций, бюро Советского райкома КПСС г. Горького (Протокол № 14 от 26 июня 1968 г.), а вслед за ним и бюро Горьковского обкома КПСС (Протокол № 31 от 23 мая 1969 г.) приняли постановления о ходатайстве перед Комиссией по установлению персональных пенсий при Совете Министров РСФСР о назначении тов. Кривойкину Ивану Фёдоровичу персональной пенсии республиканского значения. За несколько дней до его смерти Ольгу Юлиановну вызвали в обком и зачитали очередной ответ из Москвы — «ограничиться получением пенсии по старости», правда, обещали к 100-летию со дня рождения Ленина опять поддержать перед Москвой ходатайство Кривойкина об установлении ему персональной пенсии.

Свято верил, что партия его не забудет, и пенсию ему дадут. Но партии было не до него, да, видно, и заслуг было маловато. По большому счёту, он так старался получить эту пенсию только ради Ольги Юлиановны, как мог, пытался обеспечить её благополучие в будущем.

К этому времени относится ещё одна его автобиография, написанная специально для пенсионного дела.

В партийную организацию домоуправления № 13 Советского района г. Горького. От чл. КПСС Кривойкина Ивана Фёдоровича, 1902 года рождения, члена КПСС с 1.01. 1928 года, партбилет № 04172057, проживающего по адресу: г. Горький, Кудьминский проезд, дом № 2.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу рассмотреть и обсудить прилагаемые к заявлению документы и возбудить ходатайство перед партийными органами о назначении мне пенсии республиканского значения. Сообщаю кратко о своей практической общественной, хозяйственной и партийной деятельности за 50 лет своей жизни. Вся она подтверждена в прилагаемых мной документах...

Я, Кривойкин Иван Фёдорович, родился в 1902 году 30 марта месяца в с. Большом Болдине, Большеболдинского района Горьковской области. Родители мои были крестьяне. Отец умер в 1912 году, оставив на воспитание матери 6 человек детей в возрасте от одного года до 12 лет. Оставшись без отца, с раннего детства мне и сёстрам пришлось непосильно работать: жать, молотить в чужих людях, чтоб заработать на лапти и кое-какую одежду.

Окончив сельскую пятиклассную школу, осенью 1915 года я поступил в подготовительное отделение Обуховского сельскохозяйственного училища на полный пансион. Проучился в нём до Февральской буржуазной революции. Весной 1917 года, когда учащихся распустили на каникулы, крестьяне Шутиловской волости Лукояновского уезда во время борьбы с помещиками сожгли здание училища, и оно перестало существовать. Присутствуя на демонстрациях, митингах, проводимых в училище учащимися в дни Февральской революции, я впервые узнал о наличии в России партий, их борьбе. Программа партии большевиков мне больше всего запомнилась, так как она отражала в себе интересы рабочего класса и беднейшего крестьянства. С тех пор я стал интересоваться политикой.

Вернувшись на родину, я стал посещать сельские сходки и на них узнавать, как решаются общественные дела. Вскоре я вышел из рамок молчаливого наблюдателя и стал сам выступать на сходах. На первых порах меня интересовали вопросы передела земли не по душам, а едокам, так как женщины землёй не наделялись и за душу не считались, раздела поповских и кулацких земель, переложения непосильных повинностей с бедняков на богачей и имущих и другие. На сельских сходках я узнал, как богачи и кулаки организованно давят бедняков, унижают их, подчиняют экономически и политически.

В тоже время, на сельских сходах я воочию уяснил классовую борьбу между кулаками и бедняками и необходимость организации бедняков против кулаков, поднятия политического сознания и культурного уровня бедняцкой и середняцкой части населения для борьбы с кулачеством.

Осенью в 1917 году в Большеболдинской волости Лукояновского уезда проходили выборы депутатов в учредительное собрание. В волостном управлении я ознакомился с пятью бюллетенями разных цветов различных партий и изъявил желание выступить с речью перед крестьянами волости, по разъяснению политической платформы каждой партии. Возле трактира на базарной площади, стоя на столе, я произнёс речь, в которой разъяснил в первую очередь программу большевиков, затем меньшевиков, эсеров, кадетов. В этом выступлении я обрисовал политику эсеров, кадетов, как врагов рабочего класса и беднейшего крестьянства, как защитников помещиков, стремящихся продолжить империалистическую войну. При этом на глазах народа я разорвал их бюллетени и пустил по ветру. В руках у меня остался один большевистский красный бюллетень.

Рассказал, что рабочая партия большевиков ведёт борьбу за прекращение войны, за ликвидацию помещичьих земель и передачу их в пользование крестьян, что это единственная партия, которая до конца защищает интересы рабочих и беднейшего крестьянства. С призывом отдать свои голоса за кандидатов-большевиков я окончил своё выступление. В сильном волнении я прыгнул со стола, намереваясь уйти, но меня задержал сельский учитель Пётр Иванович Покровский, который пожал мне руку, похвалил за смелое и правдивое выступление. Кто после меня выступал, я не помню, так как убежал с базара домой. Помню, что меня мать и родственники за это выступление не хвалили, а стращали.

После свершения Октябрьской социалистической революции на том месте, где я выступал со стола, была поставлена трибуна. С этой трибуны по поручению волкома партии, начиная с начала 1918 по 1919 год, я часто выступал с докладами перед крестьянами волости по всем политическим и хозяйственным вопросам того времени.

Октябрьская революция открыла сельской молодёжи возможность проявить максимум инициативы. В тесном контакте с малочисленной волостной партийной организацией в начале 1918 года группой передовой молодёжи был конфискован у Метёлкина и Валова трактир, в нём организован клуб и сцена. По моей инициативе и участии создан драматический кружок, струнный оркестр. Молодёжь и взрослое население впервые увидели ростки культурной жизни на селе, посещая клуб.

Крестьяне в базарные дни заходили уже не в трактир для пьянства, а смотрели постановки, читали газеты, слушали доклады.

В этом клубе я играл на сцене, а перед спектаклем со сцены выступал с докладами по разъяснению постановлений Совнаркома и декретов молодого Советского государства. Таким образом, первый наш клуб, созданный молодёжью из руин трактира, явился центром всей культурно-массовой и политической работы на селе

при создании и укреплении Советской власти. Наступила гражданская война. Не прекращая культурно-массовой работы, вместе с коммунистами волости я переключился на борьбу за хлеб для рабочих и Красной Армии, за разгром кулацкого саботажа во время военного коммунизма. Вместе с коммунистами Кудашевым, Сорокиным, Советкиным и другими ездил по деревням волости и отбирал спрятанный хлеб у кулаков, вёл борьбу со спекулянтами самогоном.

Вместе с членами Комитета бедноты Дыренковой, Андросовым, Кривойкиной Людмилой в помощь Красной Армии собирали от населения тёплое бельё, одежду, обувь, продовольствие.

Осенью 1919 года я выбыл из села Б. Болдино на учёбу. Будучи учащимся в Мореновской, а затем в Ветошкинской школе, я с такой же энергией вёл общественную работу как среди учащейся молодёжи, так и населения. По заданию волкома партии часто выступал с политическими докладами среди рабочих совхоза, крестьян села Ветошкино. В Ветошкине я в 1921 году вступил в комсомол и работал в качестве члена бюро комсомольской организации. Моя агитация среди крестьян и рабочих совхоза была разнообразной по содержанию: разъяснял выгоду продналога перед продразвёрсткой, призывал крестьян к всемерной запашке заброшенных пахотных площадей, к повышению урожайности, оказывал непосредственную помощь волостным организациям в сборе продналога. Будучи членом бюро комсомольской организации техникума проводил работу среди сельской молодёжи по вовлечению её в комсомол. По окончании Ветошкинской школы садоводства и огородничества, в 1923 году, Нижегородским Губкомом Комсомола я был командирован учиться в Н. Новгород, в Промышленно-экономический техникум. В нём я, как и прежде, в первую очередь включился в общественную работу. Студентами комсомольцами был избран в члены бюро комсомольской организации техникума. Состоял пропагандистом в Свердловском Райкоме Комсомола, вёл школу политграмоты городской рабочей молодёжи.

Студентами Промышленно-экономического института и техникума был избран в состав Исполнительного бюро Профсоюза. Состоял Председателем студенческой организации «Доброхим», от парторганизации института был членом шефской комиссии при Губернском отделе Профсоюза работников земли и леса. Во всех перечисленных организациях я принимал активное участие; перед студентами выступал с докладами и лекциями по разъяснению постановлений партии и правительства по конкретным вопросам строительства социализма в нашей стране, борьбе с уклонами и оппозициями в партии, по воспитанию молодёжи в духе преданности нашей родине.

По приездах в деревню, как член шефской комиссии, разъяснял крестьянам проводимую политику партии и правительства, необходимость поднятия сельского хозяйства, укрепления союза бедняков с середняком в общей борьбе против кулачества, саботирующего сдачу хлеба государству по продналогу.

В 1924 году в Ленинский приём комсомольская организация Промэка и райком Комсомола рекомендовали меня в кандидаты партии.

Работа по найму

Моя работа по найму началась с осени 1923 года в качестве чернорабочего у частного подрядчика, затем кондуктора трамвая, продавца в табачном киоске, счетовода и бухгалтера в предприятии Нижегородского Совнархоза «Загметалл». В январе 1928 года парторганизацией «Загметалл» был переведён из кандидатов в члены партии. Более ответственная работа началась с марта месяца 1929 года в аппарате Нижегородского Совнархоза по кооперированию кустарей-одиночек в промысловые

артели и контролю за выполнением государственных планов промкооперацией. В сентябре месяце 1929 года я был отозван для работы в промышленный отдел Нижегородской Краевой Р. К.И. на должность старшего инспектора.

Выполняя ответственные государственные поручения по обследованию работы краевой промышленности, нового строительства промышленных предприятий — Автозавода, Станкозавода, стеклозавода и других строек, мной при активном участии рабочей общественности, на месте устранялись недостатки, вскрывались дополнительные резервы к выполнению и перевыполнению планов первого года пятилетки. На основе развёртывания социалистического соревнования рабочих и инженерно-технического персонала принимались более повышенные встречные планы, обеспечивающие выполнение первой пятилетки в 4 года. В процессе проводимых мероприятий нередко приходилось встречаться с сопротивлением руководителей предприятий — любителей лёгких заданий и противников загрузки предприятий до полной мощности. Названных руководителей исправляла Коллегия Край КК РКИ на своих заседаниях по материалам обследования. Одновременно с работой в РКИ я выполнял ответственные партийные поручения Крайкома партии по проверке работы парторганизаций отдельных предприятий и оказанию им помощи в работе.

В 1930 году Сормовский завод оказался в большом прорыве по выполнению государственных планов. В помощь представителям из ЦК партии в организационную группу Крайкома партии был утверждён и я. За месяц работы орггруппы непосредственно в заводе положение с программой было выправлено, поднята активность рабочих масс, перестроена партийная и профессиональная работа, поднято знамя социалистического соревнования, улучшилось техническое руководство производством и материальное снабжение завода.

В октябре 1930 года Крайкомом партии я был направлен на работу в Крайснаботдел в Управление пищевкусовой промышленности. Сначала работал ответственным исполнителем по планированию предприятий промышленности, а с 1931 года был назначен Заместителем Начальника Управления Краевой Пищевкусовой промышленности. В этот период пищевая промышленность края была крайне слабая. Крахмалопаточная промышленность пришла в полный упадок, а некоторые предприятия её законсервированы за ветхостью; в Горьком была одна полукустарная кондитерская фабрика, мельничные заводы из-за износа работали с малой производительностью, хлеб выпекали в кустарных пекарнях. Рост численности рабочего класса в городах требовал резкой перестройки работы пищевых предприятий и создания новых предприятий для удовлетворения потребностей в питании растущего рабочего класса в Горьком. Кроме этого пищевая промышленность должна была дать дополнительные денежные средства на индустриализацию страны.

За период моей работы в Крайснабсбыте пищевая промышленность была организована в тресты: созданы мукомольный, спиртоводочный, пивоваренный, крахмалопаточный, кондитерский, маслобойный, мясной тресты и техжиркорм. Управление пищевой промышленности, выполняя решения партии и правительства, организовало работу подведомственных трестов таким образом, что в короткие сроки добилось реконструкции пищевых предприятий, расширения их производственных мощностей, что дало возможность перевыполнения плановых заданий по выпуску пищевых продуктов по первому году пятилетки.

Кроме существующих предприятий было осуществлено строительство Канавинской кондитерской фабрики, Молитовского холодильника, хлебозаводов и ряда других предприятий. За время работы в Управлении промышленности я как член

партии активно участвовал в общественной и политической жизни Крайснаботдела. Коммунистами избирался членом партийного Комитета и заместителем секретаря. Наряду с этим выполнял важнейшие поручения Крайкома партии, которые теперь даже трудно перечислить за давностью времени и несохранением документов. Для характеристики возьмём хотя бы некоторые поручения:

1. Осенью 1931 года я был назначен Крайкомом партии в качестве уполномоченного по хлебозаготовкам в Кикнурский район теперь Кировской области. Несмотря на кулацкий саботаж и террор, задание Крайкома было выполнено в срок, о чём свидетельствует рапорт в адрес Краевой партийной конференции.

2. В 1932 году к праздникам Великой Октябрьской социалистической революции г. Горький и промышленные районы остались без сахара, нечем было отоварить продовольственные карточки. Секретарь Крайкома т. Жданов вызвал меня и вручил мандат о поездке на Украину по форсированию отгрузки сахара. Задание было с честью выполнено. Организован был «красный эшелон» с 1400 тонн сахара и доставлен в срок в Горький, о чём свидетельствует постановление Коллегии Крайснаботдела от 10.11.1932 года.

3. В 1931 году в июне месяце я участвовал как член Комиссии Крайкома партии в работе по проверке выполнения постановления ЦК и СНК о перестройке работы потребкооперации.

В августе месяце 1933 года, по постановлению Крайкома партии, Крайснаботдел назначил меня Управляющим Краевым Бродтрестом. За время моего руководства Трестом пивоваренные заводы значительно расширили ассортимент пива и безалкогольных напитков. За счёт сверхприбылей выстроен и пущен в эксплуатацию углекислотный завод в Горьком, обеспечивающий углекислотой выпуск неограниченного количества безалкогольных газированных напитков для горячих цехов и для городского населения. Комплекс мероприятий, проведённых по заводоуправлениям, позволил в 1934 году достичь выпуска продукции ежедневно на сумму до миллиона рублей.

В целях дальнейшего увеличения выпуска пивоваренной продукции и расширения её ассортимента Нарком снабжения т. Микоян в 1934 г. уполномочил меня своим мандатом на заготовку ячменя. Это государственное поручение мной выполнено. Пивоваренная промышленность Края была обеспечена сырьём на весь 1935 год. Я и коллектив получили от Главка премии. Об этом ярко свидетельствует поощрительные документы Бродснабсбыта, Крайместпрома и отзывы Гл. инженера треста и гл. пивовара Горьковского пивзавода коммунистов т.т. Жесткова и Ирака.

В феврале 1935 года Бродтрест ликвидировался, и я был назначен Управляющим Краевым Рыбтрестом. Этот трест из года в год давал государству одни только убытки. Карповые рыбхозы были заражены болезнями, рыбацкие колхозы ослабили лов рыбы из-за плохого оснащения орудиями лова. Кроме того, мой предшественник т. Сафронов при спуске воды из Велетьменского водоёма длиной в 7 км. разрушил почти километровую плотину, а поток воды нанёс ущерб рабочим села Велетьмы на сумму более 50000 рублей. Пришлось жить и работать по старинной пословице «Голь на выдумку хитра». Произведя тщательную разведку реки Оки и местных рек, установил наличие большого количества раков в местных реках и ракушек в Оке. Развернули в широких масштабах их добычу и сбыт, раков охотно поедали в Горьком, а ракушки отправляли в Казань на фабрику для изготовления перламутровых пуговиц. Эти мероприятия позволили выправить финансовое положение, провести оздоровительные мероприятия в рыбхозах, обеспечить лучше рыболовными средствами рыбаков и даже организовать бесперебойную продажу живой

рыбы в г. Горьком из Волжского садка и через магазин «Главрыба» на ул. Свердлова. К осени 1935 г. восстановлена была и плотина Велетьменского пруда между Выксой и Кулебаками, где организован впоследствии рыбхоз. За два навигационных периода хозяйство треста окрепло и стало рентабельным.

В октябре 1936 г. я перешёл на работу в Горьковское отделение Главторга РСФСР на должность Заместителя Директора, но проработал до декабря 1937 г., т.к. часть функций из Главторга была передана другим Торгам, а должность Заместителя ликвидирована. За этот период я как член партии принимал активное участие в агитационно-массовой работе.

В апреле 1937 г. я принимал активное участие в работе 2-й Куйбышевской райпартконференции как делегат с правом решающего голоса. В августе этого же года Райкомом партии был утверждён Уполномоченным Райсовета по избирательному участку по выборам в Верховный Совет СССР. Мной была возглавлена вся подготовительная агитационная работа, а во время выборов являлся Председателем участковой комиссии по выборам депутатов в Верховный Совет.

В декабре месяце 1937 года Союзлеспродторгом НКПС я был назначен Начальником треста Трансторгпит при Горьктранслесе. В функции треста входило обеспечение лесорубов, сплавщиков и рабочих лесокомбинатов, расположенных на территории 7 областей, хлебопечением, общественным питанием, торговлей промышленными и продовольственными товарами. Кроме этого, обеспечение фуражом конепоголовья, занятого на вывозке леса. В подчинении треста имелись 10 районных контор и 3 совхоза. Работа треста оценивалась, главным образом, по таким признакам: дать добротные обеды лесорубам в лесу и своевременно обеспечить хорошую выпечку хлеба и доставку его в лес, обеспечить лесорубов и их семьи промтоварами и продуктами питания. Всё это стимулировало рабочих на хороший труд и повышение производительности труда.

Трест Трансторгпит под моим руководством с 1938 г. по 1941 г. ежегодно выполнял и перевыполнял государственные планы и способствовал своей работой тресту Горьктранслес перевыполнять планы по заготовке леса, крепежа, шпал и другой продукции для железнодорожного транспорта и угольной промышленности, рабочих которого обслуживал трест Трансторгпит. За такую работу сотрудники получали материальные поощрения. В этом тресте проработал я более 3-х лет, т.е. до его ликвидации и передачи функций обеспечения лесорубов НКПС тресту Леспродторг, куда я переведён Наркомлесом на должность Управляющего Леспродторгом.

В этой должности я проработал с февраля 1941 года по июль 1941 года, после чего вновь вернулся в систему НКПС.

Руководя обеспечением лесорубов, одновременно я как член партии выполнял поручения Райкома и Обкома партии. Ездил от Обкома по массово-политическим кампаниям в районы области. В 1939 и 1941 г.г. являлся руководителем агитмассовой работы среди избирателей по выборам в местные советы и Верховный Совет РСФСР, а в дни выборов Председателем участковых комиссий по выборам.

С июля 1941 г. я работал в Управлении Горьковской железной дороги в ОРСе Начальником Рыбхоза. В марте 1942 года был мобилизован в Советскую армию.

Служба в Советской Армии и МВД

8 марта 1942 года Ждановским Райвоенкоматом я призван на службу в Советскую Армию и зачислен в батальон водников, с которым в ноябре 1942 г. отбыл с Моховых гор под Ржев. По прибытии на место, Московским военным округом отозван из батальона и отправлен курсантом на Центральные военные финансовые курсы в Москву. В марте 1943 года, с курсов, назначен Начальником финансовой

части 58 Гаубичного полка 13 артдивизии, с которой из Гороховца выбыл в Ленинград для обороны. По прибытии в Ленинград, с разрешения командира дивизии, перешёл на службу Начальником продовольственного снабжения 568 миномётного полка, т.к. считал продовольственный вопрос для бойца на фронте важнее денежного. В этом полку проходила моя боевая служба от Ленинграда до взятия Берлина, а путь с боями был велик и труден. Схематически он таков: Ленинград, Красный Бор, Пулково, Красное село, Ропша, Гатчина, Кенгисепп, Нарва, Пярну, Тарту, прорыв обороны немцев на реке Нарев и взятие Варшавы, Сероцк, Серп, Бродницы, Грауденец, Буххольц, Штольн, Н. Штадт, Гдыня, Данциг, прорыв обороны перед Берлином на реке Одер, взятие крепости Родшток и бои под Берлином и в Берлине — последнем логовище фашистов. За период боевых действий имею ряд благодарностей командования, орден Красной Звезды и медали. В феврале 1946 года демобилизовался из Советской армии по возрасту.

В апреле 1946 г. поступил на службу в органы МВД, в которых на разных начальствующих должностях прослужил до 1957 года, января месяца. Демобилизован с назначением пенсии по 3 группе инвалидности.

Как в Советской армии, так и в органах МВД я честно, добросовестно, не щадя сил и здоровья нёс службу. За реализацию фондов и доведение их до важнейших государственных строек, приказом № 160 от 9.03.1950 года по МВД СССР мне была объявлена благодарность и выдана денежная премия. Ряд благодарностей по службе были вынесены непосредственным начальником.

Находясь на службе в органах МВД, я принимал активное участие в политической жизни страны, выполнял различные поручения Обкома Партии по политическим и хозяйственным кампаниям. Избирался Секретарём парторганизации, членом бюро и заместителем секретаря, делегатом на районную партконференцию, в период службы в УМТС МВД СССР.

Будучи на пенсии, принимал активное участие в партийной и общественной работе по месту жительства. Шесть лет подряд избираюсь в члены бюро парторганизации 13 домоуправления Советского района, из коих 3 года являюсь секретарём парторганизации. В связи с 50-летием Советской власти, за активное участие в общественной жизни района, парторганизацией Советского Райкома КПСС награждён почётной грамотой. К сему член КПСС И. Кривойкин

г. Горький 3 ноября 1968 года.

Дочь Наталия в 1956 году выходит замуж. После окончания в 1958 году Горьковского университета она переезжает жить в Ульяновск, по месту работы мужа. По несколько раз в год в Ульяновск приезжали погостить и оказать помощь либо Иван Фёдорович, либо Ольга Юлиановна. Поэтому между Горьким и Ульяновском велась интенсивная переписка. Письма старались сохранять, поэтому общее их количество превышает 3 сотни. Возможно, в будущем мы подготовим к публикации и эту часть семейного архива. Здесь же в качестве иллюстрации приводятся лишь фрагменты этой переписки.

20 января 1957 года. Горький.

Здравствуйте дорогие Ната и Ваня! Шлём Вам, нашим дорогим и родным самый горячий привет и желаем счастливого жизненного пути. Вот уже 6 дней исполняется, как мы живём вдалеке друг от друга, отдельными гнёздами. Непривычно и скучновато. Каждую минуту чувствуется, что кого-то не хватает, никто не шумит, никто не зовёт, и дверь в комнату Наты не издаёт лёгкого скрипа. Живём вдвоём с мамой и думаем, неужели это начало одиночества? Размышляем и приходим к убеждению, что это только временное испытание наших чувств. Жалеем, что Ваня не смог

найти более пригодное для столь немногих дней проживания жилое помещение. Ну и это не беда. Мы одним довольны, что Ната, когда Ваня уходит на работу, может развлечься с детишками квартирантов, помогая, чем может хозяйке в домашних делах. И кроме этого, найти время для чтения хорошей литературы.

Ваня, мы с тобой говорили по телефону насчёт Натулькиного пальто. Ната, видимо, немного стесняется у тебя попросить денег на демисезонное пальто, а оно ей крайне необходимо, так как носить светлое пальто (выходное) на каждый день нецелесообразно. Зимнее пальто будем шить ближе к зиме. Первостепенная задача мужа — одеть жену, чтоб она чувствовала его заботу и любовь. Тогда должна быть и жена счастлива. Это стихия, которую я пережил сам. Не тужи, скоро будете работать оба, и тогда будет ещё веселее, т.к. средств будет побольше. Своего хозяйства у вас пока нет, и из телефонного разговора можно заключить, что живёте вы и скучаете. Совместной жизни у вас несколько часов после рабочего времени и ночь. Этого, безусловно, мало. Но иного выхода нет, Ната это должна понять. С другой стороны один, два часа жизни дают море удовольствия. Всё зависит от Вас обоих. Ваня, хотелось бы узнать поподробнее о твоих производственных успехах, твоих мыслях на дальнейшее. Можно не удивляться, почему мы об этом спрашиваем. Наша заветная мечта была, что наша дочь будет жить с нами или, в крайнем случае, в одном городе. Чтобы мы могли свою старость смягчить, видя родных, внучат и проводить время вместе. Эта мысль нас не может оставить никогда, пока мы живы. Я пока бросил работу, но ещё не отдыхаю, т.к. кончаю ликвидационные дела. Видимо, много отдыхать не придётся, так как сбережений никаких нет. < ... >

2 августа 1958 года. Горький.

< ... > В огороде делаю полную перестройку. Надо обязательно провести настоящий водопровод. Это повысит значительно урожайность и избавит меня от носки воды и засухи. Стоить это будет примерно 2 тысячи максимально. В хозяйстве дел не переделать, куда не повернись — один. Мама не может оказывать мне помощь, да ей и трудно. Но дрова с ней мы распилили, я расколол и уложил в поленницу, теперь они сохнут. На днях приступаю к ремонту крыши. Куры перестали нестись, видимо, хотят пройти линьку. Несут штук 4-5 в день. Цыплята выросли и стали длинноногими, как цапли. Петухи дерутся и дружатся с большими курами. Петух старший их не обижает, считает, видимо, своими. Тузик цыплят не трогает, и даже один петух с ним спал вместе. Кошка по-прежнему просит свежей рыбы, молока не любит, предпочитает лучше съесть кусок хлеба с маслом. Котёнок по печи бродит, такой толстый, мать его на печку уже не может взметнуть, как раньше, пищит и просит меня, чтоб я его подсадил на печку. Пробовал поить молоком, не пьёт, стервец, неголодный. Да, кстати, кто-то подкинул нам ещё одного рыжего котёнка. Живёт с цыплятами и курами уже неделю. Я его выпровожу, а он опять через час тут-как-тут. Что с ним делать, остаётся унести очень далеко.< ... >

23 августа 1958 года. Горький.

< ... > Дорогая Наточка, ты напрасно беспокоишься за моё поведение. Я ведь не маленький и не буян какой-нибудь, не первый годок живём с мамой. Маму я берегу, как драгоценный камень, как стекольщик алмаз. Живём мы ладно и мирно. Я её выручаю во всём. Можешь об этом не беспокоиться.

Наточка, я своё обещание выполнил. Посадил гвоздик около 1000 штук, сегодня посадил тюльпаны 150 штук. Антоновка и Штрефлинг висят на яблонях крепко. Через недельку будем снимать и положим в ящик, чтобы сберечь до вас. Здоровье у нас сносное, питаемся хорошо. Денег у нас не бывает, но и без денег не живём: придут — уйдут. Хорошо бы Наточка приехала пароходом, а не самолётом.

Срок приезда в сентябре, видимо. Уточните. Сообщи Ваня, как у тебя жизнь на производстве. Как действует новое оборудование, как выполняется программа. Как вы укладываетесь в зарплату, мама всё мне говорит, что вам тяжело на одну зарплату и что надо вам послать хоть 100 рублей. Наточка так любит иметь хоть немного своих денег. Напишите для успокоения мамы. Я не думаю, чтобы Ната была стеснена в необходимых расходах, она ведь хозяйка. И, мне кажется, посылать ей деньги нет смысла, мы лучше купим кое-что будущему малышу, да и Наточке. < ... >

16 октября 1958 года. Горький.

Здравствуй дорогой Ваня! Давно тебе хочу написать пару слов, но всё никак не соберусь. Вчера, пользуясь тем, что чистил уборную, удобрил яблони. Посадил возле забора ещё 3 вишни и там же ранее рассадил 4 куста сортового крыжовника. Купил 2 Антоновки и Красный налив. Больше яблонь садить не будем — достаточно. Сорта у нас теперь хорошие, в целом в огороде всё есть, дело только за уходом, а урожай всяко будет. Работаю я, в основном, в одиночестве. Мама и Наточка и днём и ночью хлопочут и пошивают кое-что на ребёнка, хотят, чтоб он был нарядный. Беда, куры не несутся, много с ними пока расходов, но днями должны всё же дать яйца.

Ваня. Узнал из писем, как идут у тебя дела на заводе. Маловат процент выполнения плана. Надо нажимать, чтобы к октябрьским выйти с положительными результатами. Я хочу, чтобы ты к нам приехал в гости без всяких производственных хвостов, даже по номенклатуре. Вот тогда на празднике можно позволить себе выпить лишнюю рюмочку и закусить грибками и твоим любимым хреном. Ну вот, пока на этом заканчиваю, ухожу на базар за кормом и Натульке за творогом.< ... >

24 октября 1958 года. Горький.

Здравствуй дорогой Ваня! Ура! Ура! Ура! Родился сын и наш внучонок. Натулька умница и герой. Герой, что родила такого молодца.

Вчера мы с мамой клеили обоями кухню. Наточка лежала на нашей кровати целый день, и с утра всё её беспокоило. К вечеру начались схватки. Начала мама её собирать. Всё готово, идёт дождь, и в 9-30 вечера повели её по слякоти. Дорогой много отдыхали, но Ната герой, сдвинет брови, вздохнёт раза два, отдохнёт секунды две и снова идёт, пока нет больших схваток. Так благополучно дошли до трамвая. Думали положить её в роддом на Варварке, но его закрыли на ремонт, и пришлось на скорой помощи переезжать в Сормово, меня не взяли в машину, места не было.

Мама возвратилась обратно в полпервого ночи, я её до этого вышел встречать на Сенную площадь, но был сильный дождь и я её проглядел. Смотрю, она идёт за мной уже со стороны дома.

Утром рано мама закупила всё необходимое для Наточки и пошла с передачей. Жду известий. 14 часов нет, 15 нет, 16 нет, 17 нет, 18 нет. Включил радио. Музыка Чайковского — «Лебединое озеро». Меня пробрало до костей, и выступили слёзы — за судьбу Наточки. Переоделся и пошёл звонить. Ответ! Родился сын весом 3,5 кг., мамочка здорова, её мать недавно уехала домой. Не чувствуя под собой ног от радости побежал домой и первым делом, чтобы поправить свою истерзанную душу, выпил за благополучие роженицы 100 грамм и вторые 50 грамм за страдания отца, в надежде, что остальные выпьем вместе, как приедешь к сыну и жене. < ... >

12 февраля 1961 года. Ульяновск.

< ... > Дорогая Люсенька, мы отбыли с тобой с Ульяновского аэродрома вместе. Я сел в автобус, а ты поднялась в самолёте от Земли. С Володей вчера гуляли вечером целый час, и сегодня после обеда час. Вспоминает — где баба, хотя знает, что ты уехала в Горький. Володя как будто уснул, Наточка тоже, а мы с Ваней сидим на кухне. Я пью чай и пишу письмо, а он читает книгу. Сегодня утром купил молока,

потом ходил в сберкассу платить за коммунальные услуги, простоял 1,5 часа, уплатил за электричество. За радио квитанцию не нашёл. Сказала Ната, что в приёмнике, а там нет, опять придётся идти и стоять в очереди.

16 февраля 1961 года. Ульяновск.

< ... > Что погибла одна курочка, не тужи. Ведь они уже старые, и можно от них ожидать всяких случайностей. У нас в Ульяновске с мясом туго. В гастрономе даже закрыли мясной отдел и установили одни рыбные консервы. Я думаю — это временно. Буду варить рисовый суп с грибами.

Володю хотят устраивать на недельные ясли, спорят, кому идти просить. С квартирой пока неясно. Что касается того, что выпал из печи кирпич, я думаю, что страшного для топки не будет. Так и так нам свод у неё переделывать. Скоро сам приеду и посмотрю. Должен выпасть не один, а два кирпича. Зажги фонарик и посмотри на чём держится другой.

2 марта 1961 года. Ульяновск.

< ... > Вчера с утра начал стирать бельё. В бачок положил простыни и всё белое, прокипятил и выстирал. Потом пошёл добывать продукты. С молоком стало лучше, в очередях уже не стою, с мясом плохо. Сегодня будут пельмени. Купил вчера постную свинину, Ваня перекрутил. Никто из них не умеет делать тесто. Вернее им не хочется. Вчера вечером Наточка шила кофточку. Ваня, как правило, приходит, пообедает и с газетой на кровать. Жалуется, что у него болит голова или печень, но лечится не хочет. Его не поймёшь, или он лодырничает, или, действительно, болит. С Наточкой пререкаются меньше. Наточка сегодня просила меня выгладить то, что я настирал. Купил я им кровать-раскладушку и сплю на ней, удобнее, чем на полу. Вечером Володя из неё делает домик.

Сегодня уже 2 марта, а я никак не отплыву к родным берегам. Купил я им 2 вешалки на 6 крючков и Володе на 2, всего на 43 рубля. В пятницу мы с Наточкой делали генеральную уборку. Завтра буду топить ванну и все вымоемся. < ... >

18 августа 1961 года. Горький.

< ... > Второй день живу как пустынник в одиночестве. Простору много, но душу заполнить нечем. Вечером сходил в парикмахерскую постричься. Поужинал, послушал радио и лёг спать. У меня теперь чисто всюду. Завтра утром пойду продавать цветы, и, видимо, немного возьму с собой крыжовника. Надо как-нибудь реализовать труды.

Всё идёт нормально. Кошек, куриц кормлю. Сплю хорошо. Нет слов, не могу забыть Володеньку, своего друга. Как он там привыкает к новому месту жительства?

Варенье до тебя не буду варить. Думаю, что ты много думаешь насчёт того, что я в одночасье, пользуясь свободой, о которой писали классики и поэты, запью. Буду откровенен, немножко выпиваю, и знаешь, без тебя как-то нет особой рвачки в этом деле. За бутылку никто не хватает, и не тянет на многое. А отсюда логика — «не такой уж, видно, я пропойца, что не видя Люсю умереть». < ... >

20 ноября 1962 года. Ульяновск.

< ... > Сваха (Тарасова Евдокия), видимо, в субботу уедет, за эти дни она здорово помогла Наточке в стирке белья и глажении. Ваня приходит в 8 часов вечера и позже, заканчивается год. Вчера получил от тебя деньги — 6 рублей, был очень рад, поехал в город, купил пол литру и выпил её на одну треть. Собираюсь уезжать, Володя ещё этого не чувствует, но приближается день с ним разлуки. Как он будет переживать, я не ведаю, придётся прибегать к обману, что баба приедет. Сегодня отвёл Володю в садик и бегом домой. Дома денег нет, я взял 25 бутылок и сдал их, купил 2 кг мяса и печени 1 кг. < ... >

Иван Фёдорович Кривойкин с женой Ольгой Юлиановной, дочерью Наталией и внуком Владимиром. г. Горький, 1959 год

23 ноября 1962 года. Ульяновск.

< ... > Задолжал я тебе письмом, дорогая Люсенька. Получили аванс, кое-что из продуктов закупаю, готовлю пищу, так время и идёт. Наточка устаёт, хочет вечно спать, хотя и выглядит хорошо. Готовить не любит и считает это второстепенным делом. Как выйдет, так и хорошо. Я, хотя и учу её, но памяти у неё на это нет. Взялась читать и пилит Ваню, что он меньше неё читает литературы. Этот справляется только с газетой, так как ему некогда.

Вчера купил 2 кг баранины и сделал борщ, но никто почему-то не ел. Сегодня купил селёдку, разделал её с зелёным лучком, сварил картошки, принёс квашеной капусты, так наелись, что опять не заметили первого. Вожу Володю в садик к 9 часам, пусть, пока я здесь, подольше поспит. Сегодня куплю полгуся или утку и будем в воскресенье кушать. В деньгах я каждый день отчитываюсь, все расходы записываю.

Надеюсь в воскресенье купить билет, уже надоело, хочу домой, соскучился по тебе, о свободе. Вот пока и всё, бегу за продуктами и отдам в ремонт Наточкины очки. <...>

28 ноября 1962 года. Ульяновск.

< ... > Сегодня со своим письмом отправляю и письмо Натульки. Я его перечитал вчера вечером и говорю ей, что ты могла бы и лучше написать маме. Не всё и не так ты пишешь. Наконец, я понял, что она иного и не может писать. Как-то нет у неё сосредоточенности, хорошего настроения и многого другого. Её разбросанность, усталость и забота, и неорганизованный плюс её характер не позволяют ей войти в нормальную колею и жить так, как живут многие тысячи и миллионы женщин. Она «особенная» и ищет в жизни «особенности». Дело это — в простом труде, заботе, порядке. Если она, не дожидаясь никакой помощи, сделает хоть три

четверти этого, то будет всё в порядке. Правда, она всё делает, и делает быстро. Володя всегда чистый, в выглаженном белье. Ваня тоже, а на себя порой у неё не хватает времени. В общем, человек настроения. Да и Ваня не всегда к ней с лаской и в настроении — характер такой, дум и забот о производстве много, а, вообще-то, культуры маловато. Много напрасно тратят денег, выбрасывают продукты в ведро, в том числе и мясо. Вот, к примеру, вчера выкинули тушёную картошку с бараниной, о ней забыли. С литр рассольника сунули в холодильник и тоже забыли, причём мяса всегда кладут лишку, так что не съедят. Эта экономия и то даст в месяц 10–15 рублей.

Наточка безалаберно ведёт хозяйство, и это объясняется ленью, рассеянностью, вечным недовольством и капризом. У неё никогда нет светлого настроения, и, если оно как осеннее солнышко взойдёт, то ненадолго, какая-нибудь малость, и она его потеряет, и вновь сядет на своего конька. Много споров кому что делать, а Володя из-за этого бывает забыт. Ваня во многом прав и разумнее. Она кричит на Володю, он не слушается, а Ваня говорит, ты криком его не исправишь, он мальчик упрямый и, правда сказать, есть в кого! Вчера они ушли в гости, и Ваня взял бутылку, а одна бутылка осталась. Я сидел с Володей, гулял и эту пол-литру почти всю выпил, осталось грамм сто. Они пришли из гостей часов в пять, Ната на меня набросилась, зачем я её выпил. Ваня ни словечка. Я обиделся, пошёл купил ещё пол-литра и Нарзану. Вечером больше не пил. А та бутылка, сказал, им пусть будет за мой счёт. < ... >

30 ноября 1962 года. Ульяновск.

< ... > С Володей закончил 10 сеансов прогревания ушей, врач отмечает улучшение. Вечером греем уши электрической лампочкой. В новый садик решили Володю не переводить, там всего не хватает — одеял, коек, игрушек. Да и будет холодно, так как кладку и отделку только закончили. Правда, зимой придётся водить Володю на санках, Ване вставать надо раньше, чтобы водить Володю. Вообще, трудно им без посторонней помощи. Придётся, видимо, помогать им, пожить здесь тебе, а потом на смену мне. Брать Володю к нам нет смысла, пусть привыкает к коллективной жизни, ему это полезно. Весит Володя 18,5 кг, рост 100 см.

Галоши, носки я Володе купил, Наточка подшила подкладку к его новому пальто, получилось тёплое и хорошее. Мою капусту едят все безумно, очень вкусная. Хочу заквасить им ещё 15 кг. в эмалированном ведре.

Не знаю, как они будут успевать всё делать без меня. Ваня, как и прежде, великий лентяй и беззаботный. Этим Нату выводит из себя. Пишу письмо в очереди за молоком, с ним плохо, а Володя просит.

15 декабря 1962 года. Ульяновск.

< ... > Теперь у нас в семье прибыло, ну с этим прибытком и работы мне. Бабушка Дуня чувствует себя не помощницей, а отдыхающей. Притом крайне неповоротливая. Сидит или лежит и глядит, о чём-то думает, попросишь что-либо — сделает. Стряпаю я сам, подаю к столу тоже. Вообще, ленью наградила Ваню мать, я к такому убеждению прихожу.

Вчера ходил в парную баню, ванна меня не удовлетворяет. Володю я отвожу, а второй день пойдёт за ним бабушка. В Ульяновске детских калош нет, видно, придётся покупать в Горьком. За квартиру и свет за ноябрь я заплатил, задолженностей нет. Собрался идти на почту, отнести посылочный ящик муки, но сваха куда-то тихонько ушла. Я думал, сидит в уборной, посмотрел — одежда дома, дверь приоткрыта, куда ушла раздетая, не знаю. С кем-нибудь, наверное, зубы точит. Это она любит. Вот уже полчаса, как ушла. Заставлю сегодня её варить, пусть покажет своё

Иван Фёдорович Кривойкин с внуком Владимиром. г. Горький, 1963 год

искусство. А сегодня утром я проснулся и лежу, и сваха проснулась. Зажёг свет у Володи, он проснулся. Думал, что она встанет и оденет его, но не тут-то было, лежит и ждёт, когда я буду одевать. Вот это бабушка — одно только название.

Не дай бог таким воспитывать детей. Только сторож. Правда, вчера мыла полы и то часа четыре, потихоньку да полегоньку. < ... >

20 января 1965 года. Ульяновск.

Дорогая Люся! Через три дня будет месяц, как я коротаю в Ульяновске. Вчера мы не стирали и сегодня не будем. В обед Наточка пришла и объявила, что сегодня Крещение — вода два дня святая, и в ней стирать нельзя. Я говорю, кто сказал? Она: «Работницы». Весь мой план пошёл насмарку. Воды накипятил целый бак, и надо бы замачивать бельё. Я думаю, раз нельзя работать, так можно гулять. В этой воде вымыл принесённые из сарая пол-литровые банки, сдал их и купил пол-литра портвейну. В остальной воде замочил Ванины брюки. Веду хозяйство так, что денег нам от получки до получки хватает.

Третьего дня Наточка в Городе после конца занятий на курсах купила 2 московские шоколадки. Дома дала Володе полную, а вторую мы с ним разделили. Мы с Володей играли в игры, вдруг он вскочил и побежал в уборную пописать. Шоколадку почему-то тоже со стола прихватил, видимо, не надеялся на маму. Сунул её за рубашку, а у штанишек резинки не было, она у него и упала в унитаз, он не видел. С ног сбились, искали её, и только когда проволокой помешали в унитазе, бумажка из-под шоколадки всплыла. Так он горевал, и с горя ушёл спать. < ... >

3 февраля 1965 года. Ульяновск.

< ... > Ваня прислал с Кубы два письма. Срок возвращения неизвестен, но ясно, что машина у него в кармане. Наточка очень довольна. Володя что-то не особенно реагирует, ему давай рассказы и кино про войну и, вдобавок, собаку Крона. Я начал уже тосковать по дому, ведь живу уже 40 дней. Думаю, что числа 10-го обязатель-

Дом Кривойкиных на Печёрских выселках по адресу Кудьминский проезд дом № 2.
«На наш век хватит», — говорил про дом Иван Фёдорович.
г. Горький, 1968 год

но приеду, поживём недельку с тобой, а потом ты поедешь. В воскресенье Володю мама учила писать палочки. Много с ним труда, но не бесполезно. Вчера закончил читать букварь — читает он успешно, затем учился писать буквы. Маме одной эта затея тяжела, так как у неё времени не хватает.< ... >

7 февраля 1965 года. Ульяновск.

< ... > Вышли мне немедленно 15 рублей денег, 10 на билет и 5 на дорогу, с тем, чтобы я уплатил Нате 3 рубля за водку. Я соскучился о доме, я всё же мужчина и хочу заниматься мужицкими делами, а не женскими. Это одно, а самое главное, я не дома и абсолютно не могу на старости лет иметь своих денег, которые мне государство платит. Всё время быть в зависимости я не могу. Это меня гнетёт, и я вышел из всякого терпения. Шли скорее денег на дорогу! < ... >

5 января 1966 года. Горький.

< ... > Сегодня рождество, а не похоже, как бывало раньше. Видимо, празднуют одни лишь старики и старухи, а, может быть, на Новый год деньги все пропили, а сейчас живут воспоминаниями о прошлом. Я так хочу прочесть ещё раз «Евангелие для верующих и не верующих», что у Вас есть. В нашем книжном магазине много антирелигиозных книг, но такой нет. Наткнулся на одну книжку со странным названием — «Тьфу, тьфу», автора не знаю, насчёт всяких примет. Увидишь, так купи. < ... >

10 февраля 1966 года. Горький.

< ... > Утром рано проснулся, озяб, так как спал один, а второй раз печку в кухне не топил. Молоком накормил кошку и собаку, немного почитал. Чистоту берегу. За меня не беспокойся. Твой наказ я записал на численнике, и его каждый день буду соблюдать. Передайте Володеньке, что скоро мы с ним увидимся, и я буду ему рассказывать про свою военную жизнь. Его так это интересует.

Вчера пошёл в город, зашёл в «Рыбак», там купил для себя и кота наваги, кильки и 2 скумбрии. После этого зашёл в парикмахерскую и потом поехал к Вере Петровне (Вера Петровна — сестра Николая Петровича Токаревского). По пути зашёл к Вале Семилет. Спрашиваю, ты ел что-нибудь. Оказывается, этот лентяй ещё не приготовил себе еды. Тогда я предложил сварить уху из моей рыбы, и через 30 минут всё было готово. Прекрасно поели и выпили красного вина. Он меня 1000 раз благодарил за инициативу. Да, когда подходил к дому Вали, из-за угла вылетела Катя Идзковская — чёрт бы её побрал. Первый её вопрос был: «А ведь зеркало завещала тётя Маня моей Татке?» «Кто сказал?» «Какие-то бабушки». Я не стал спрашивать их фамилии. Говорю ей, иди ты лучше куда шла, кормить голубей. Вера Петровна тоже была не в настроении. Но потом прекрасно приняла мою самую большую рыбу, из которой я хотел сварить себе уху. Я нисколько не жалею и был очень рад ей угодить. Сегодня у нас потеплело, но лучше были бы морозцы, но ты — со мной.

Ты думаешь — он, наверное, пьян!? Нет!!! < ... >

16 января 1967 года. Горький.

Шлю Вам свой тёплый родительский привет и пожелания веселья и счастливого отдыха! Скучать мне не приходится, каждый день работа и забота, а на свободе о Вас помечтаю и картинно представляю обстановку и даже кто какое занимает в квартире место. Больше всего представляю Володю, как он бегает от папы к маме и бабушке и щебечет как скворец. Затем побежит к своему любимому щеглу. Я как-то не представляю, как он учит уроки. Вертится или сидит сосредоточенно. Кстати, об этом мне никто не написал.

Сегодня на Совете детской комнаты обсуждали одну гражданку Кузьмину, у неё дочь во втором классе 22 школы. Сама пьянствует с мужиками и молодым 18-и

летним парикмахером. Было у неё 2 мужа, с одним 8 лет жила, с другим 6. Последний, незаконный, осенью ушёл, и она стала распутничать. Обсуждали её человек 20. С 22 школы, с завода им. Петровского, с милиции и другие. Решающее было моё последнее слово, хотя я не судья, а просто присутствующий. Опишу Вам её вид. Людмила Сергеевна, 37 лет от рождения. Сидит в центре комнаты на скамейке. На одном валенке носок рваный, видна нога и рваный чулок. Пальто ветхое и измятое. Согнулась и глядит в одну точку. Один глаз облит кровью. Губы плоские, крепко сжатые. Рост нормальный. Дали ей слово — истерика. Затем успокоилась, отрицала всё. Говорила, что это на неё наговаривают. Призналась, что к ней ходит брат знакомой женщины. А в соседние квартиры ходят молодые парни, так шумят, а входная дверь одна, и все соседи думают, что это ходят от неё. Многие высказались. Председатель детской комнаты, женщина, внесла предложение дочь устроить в интернат, она категорически отказалась. Буду воспитывать и растить сама. На дочку получает 22 рубля, сама работает дворником — 40 руб. Учительница 22 школы девочку хвалила, способная.

Высказывались многие, и всё вокруг, да около. Досконально никто не проверил её жизнь подвальную. Председатель мне предоставила слово, как секретарю, видимо. Даже сама не высказалась (милиционер).

Я внёс предложение. Никаких наказаний Кузьминой не выносить, оказать ей товарищескую помощь и установить товарищеский контроль за её поведением в течение 2-х месяцев, как со стороны служебного начальства, так и 22 школы, а также общественности и милиции. Поскольку она получает 40 рублей, дать ей возможность совмещать свою работу с другой работой в конторе. Чтобы она заработала ещё рублей 40-50. Все с этим согласились, и как будто она воспрянула. Других решений не могло быть, так как много неверного и вздорного идёт от соседей.

Вот и вся канитель.

Вчера случайно попал на фильм «Зимнее утро». Я не знал его содержания, гляжу — это оборона Ленинграда! Многое было у меня на глазах в ту пору, и бомбёжки, и голод, и мёртвые. Прошло с тех пор 25 лет, и вот мне напомнили. Я не знал, как вынести по времени это кино. Так разволновался, что целый день ходил как чумной. Знал бы, не пошёл.< ... >

23 января 1967 года. Горький.

< ... > Сегодня заходил в райком по своему персональному делу, но инструктор был занят вызовом секретарей и прочей нашей братии на завтрашний районный актив. Получил у него 3 билета и штук 20 программ по семинару для лиц пожилого возраста. По возможности надо его посетить для пользы дела. Теперь пришёл домой, предварительно зашёл в домоуправление. Вручил билет Серковой, выслушал её все жалобы на того и другого, что они плохо ведут себя. Сказал, что нет у неё твёрдости, требовательности к недисциплинированным. Это вчера было зафиксировано и на партсобрании, где я обстоятельно и по-партийному довёл до сведения всех коммунистов о её промахах. А до этого мы её прожучили на бюро. Решил учинить доску почёта или мемориальную доску старых коммунистов в детском клубе, чтоб дети знали о старых большевиках и об их делах. В 4-ом часу принесла, наконец, пенсию наша «Малышка». Счёту, бедная, не знает. Я сосчитал, проверил, всё ладно. Копейки и рубли она проверила на бумажке и говорит: «Вот, Вы верно сказали, сколько Вам надо». Чудо!!! Дал ей 40 копеек, была очень довольна. Пошёл внёс в сберкассу на свою книжку 75 рублей, на твою 5. Новостей у меня особых нет. Несколько дней почти не выхожу, сильные морозы. Лень и бестолковость. К тому же не хочу морозить горло. Газ ещё есть, цветы поливаю.

27 января 1967 года. Горький.

< ... > Сегодня посетил семинар по геронтологии для пенсионеров в больнице им. Семашко. Были вопросы от назойливых стариков, которые, видимо, не могут отвыкнуть от посещения врачей. Кое-что записал — не по болезням, а справочные данные. Люся! Если бы ты знала, как состарились люди, ты бы была здесь самая молодая из всех. Стариков собралось на семинар столько, что некоторым и сидеть не пришлось. Увидел тех, которые настолько постарели, что чуть двигаются, однако, хотят знать, как продолжить жизнь. Во время второго доклада пришла партия стариков, кто с палкой, кого ведут под руки, а сидеть им негде. Поднялся такой смех: «Ну, эти проживут до 120 лет». Едва их усадили. Есть среди старух и крашеные (волосы). Завтра пойду снова и, видимо, прослушаю весь семинар. Одно только, что после него я дольше, чем мне положено, не проживу! < ... >

30 января 1967 года. Горький.

< ... > Да! Друзья мои. Я такую потерпел неудачу, что вовек себе не прощу! Не поздравил маму с Днём рождения. Уже по телефону просил прощения, крепко её целовал и извинялся, и не мог привести в оправдание сколько-нибудь убедительного доказательства. Может быть, вы меня простите?

У Тани и Лёши дети понавезли внуков, настоящий детсад. Я бы охотно согласился в прошлом, чтобы мне и тебе подбросили таких рыцарей наши дети. Но, увы! одного только Володеньку. Я счастлив, что за ним, маленьким, ухаживал, любил его и до сих пор люблю несказанно. Думаю, что он так же, как и я, любит меня.

Ваня, насчёт твоих производственных дел держись до конца, но в пользу дела завода. Возможно, что случится неприятное, тебя понизят в должности, не огорчайся. Лермонтов, когда писал «Белеет парус одинокий», тоже был примерно (условно) в таком же положении. Учти, что в бурях есть покой! И если их нет, то получаются тихие затхлые карасиные озёра, где ил и тина, живут одни только лягушки, питающиеся грязью и своей же икрой. Считаю, что ты правильно повёл себя.

Как-то у Вас поживает любимая жёнушка! Весела ли? Или озабочена, как я живу в одиночестве? Успокойте маму, чтоб обо мне не думала грустно. Режим у меня определён так: ложусь в 11 часов, предварительно гуляю полчаса. Встаю в 6-30 или в 7 часов. С утра гляжу в тёмное окно когда пойдут школьники в школу. В это время кипит чай. Выпью стакан чая, затем кипячу молоко и с кашей его ем. Кормлю Крона. Думаю! Что делать дальше, топить с утра плиту или подождать. Решаю топить. Потом иду за водой по морозцу. И так весь день что-то делаю. В доме относительно чисто, так как сегодня вытряхнул все половики и вымел пол со снежком. Сейчас вечер. Занимаюсь уже более часа разбором партийных бумаг и наведением порядка на письменном столе.

Жена Трофимова встретилась в хлебном магазине и меня поблагодарила. Из Министерства им прислали 100 рублей. Она, в первую очередь, купила мужу матрац, чтоб легче ему было. Я видел, что он лежал на кровати на одном одеяле. Теперь, говорит, ему хватит на 3 месяца и на лекарство и на яблоки. Я был очень доволен, что мои письма в Москву не были впустую.< ... >

17 февраля 1967 года. Горький.

Дорогой мой Володенька! Посылаю тебе кобуру от моего фронтового пистолета, с этой кобурой дедушка прошёл от прорыва обороны фашистов под Ленинградом и до самого Берлина. Дарю тебе её на память. Посылаю 2 фуражки, звёздочек у меня нет, и купить в военторге некогда, может у ребят Ваших найдутся. К празднику Советской армии приехать не могу. Сам буду делать доклад на общем собрании. Тебе желаю хорошего выступления на вечере. < ... >

1 сентября 1967 года. Горький.

< ... > Мы с мамой очень довольны, что хоть посылкам нашим вы рады, а мы от посылок, как будто, делаемся моложе и ближе к вам. До сих пор хочется чем-то вас побаловать. На днях пошлём ещё одну посылку.< ... >

22 ноября 1967 года. Горький.

< ... > Сообщаем Вам, что вчера получили от Вас посылку. Посылка дошла исправная. Всё содержание в целости. Попробовали варенье — чудесное, мёд чудесный. Удивляемся, как Наточка смогла так хорошо сварить викторию. Мы собираемся тоже послать Вам варенья, но боимся, как бы банка не разбилась в пути. Туфли домашние мне впору и, кстати, очень тёплые. У нас в магазинах таких хороших не продают. Купила ли ты, Наточка, такие Ване? Платок маме понравился, очень тёплый и вид ещё неплохой, несмотря на некоторые дефекты. Спасибо Вам родительское за проявленную заботу. В долгу мы не останемся, очень хочется угостить Вас нашими груздями, но не знаем, как их переправить. Вчера пекли пироги в «русской» печи, с грибами, повидлом и ватрушки, получились вкусные, и вот теперь наслаждаемся ими, вспоминаем Вас, хотя, судя по письмам, Наточка пирогами кормит часто — это хорошо. Купили линолеум на кухню по 7 руб. 14 коп. метр и 3 банки по 3 рубля каждая белой меловой краски для покраски печей и стен. Позавчера были в кино на фильме «Журналист», нам очень понравилась постановка и артисты. Собираемся и на вторую часть. Мама мечтает сходить на «Зелёную карету», но никак со временем не укладываемся. Погода неподходящая, гололёд. Ночью до 7 градусов мороза, днём теплее и снежок. Дети вечером табунами возле наших окон катаются с горы на санках, на коньках, а некоторые прямо на задницах.

Мы здоровы, настроение хорошее. Ещё раз спасибо за посылку. < ... >

4 декабря 1967 года. Горький.

Дорогой наш любимый Володенька! Как мы рады с бабулей, что получили от тебя письмецо, да такое радостное, мы с бабушкой несколько раз его прочитали и вечером и днём всё думали и радовались за тебя, Володенька! Какой ты у нас молодец. За такие отметки ведь надо работать, трудиться. Мы пожелаем тебе и в дальнейшем таких успехов. «Без труда не выудишь и рыбку из пруда». Самое главное в детстве это система, порядок в труде, отдыхе, а также и в питании. Если всё это соблюдать, то само по себе всё в дальнейшем будет хорошо. Мы не сомневаемся, что твои успехи радуют и маму с папой. Они помогают тебе советом в учёбе и в поведении в семейном и школьном быту. Вырастишь большой, будешь папу и маму благодарить и ещё больше любить их.

Ты спрашиваешь, как живёт твой любимый Крон? Наш Крон скучает о тебе. Когда ты был у нас, Крон знал, что ты к нему придёшь побаловаться, покормишь его белым хлебцем, он повиляет хвостиком, прыгнет на тебя, облапит и испачкает твои штанишки и рубашонку. Теперь у него весёлые денёчки прошли. Порой он унылый, и даже не замечает кричащих школьников, проходящих весело вдоль забора. Мы переселили его на другую квартиру, привязали за сараем. Вчера я ему устроил новую конуру, настелил много стружек, осталось мне ему приделать занавеску из брезента на конуру, чтобы в случае пурги не дуло на него снегом. На новом месте Крону очень нравится. Получили сегодня от вас телеграмму, что нашу посылку получили, ждём письма. Как Ванино самочувствие, будет ли ходить к Новому году на обеих ногах без костылей? Мы здоровы, ходим в кино, кушаем хорошо, отдыхаем, только частенько думаем и разговариваем о Вас, беспокоимся. Может быть, это от старости? Напишите нам, приедет ли Володя на каникулы. Если да, то какие купить ему лыжи по росту.

Иван Фёдорович Кривойкин с внуком Владимиром.
г. Ульяновск, 1968 год

Иван Фёдорович Кривойкин (в центре) с родственниками у отчего дома. Село Большое Болдино, 1963 год

24 декабря 1967 года. Горький.

< ... > В эти дни я был занят партийными обязанностями. Мне звонят от 7 утра и так целый день, как Феликсу Дзержинскому. Я уже не могу по своим силам и возрасту, как раньше, отдавать себя полностью общественной работе. Будь он проклят телефон, принадлежащий секретарю. Вчера собрал целый кворум по улучшению детской работы в нашем клубе «Юность». Пришли из школ, 22 и 30, с завода им. Петровского, с райкома. Сидели 2 часа, с 5 до 7 вечера. Спрашивается, клуб домоуправления, он создан для детей, однако, хоть одна мать ребёнка, посещающего его, пришла в него и поинтересовалась, чем тут занимаются их дети? Получается, как будто я управляю клубом. Я заранее приготовил план работы, и он был одобрен. Но мне 65 лет и, выходит, что я должен быть молодым и знать детскую работу!? Хорошо, что мы с мамой слушаем с удовольствием передачу в 10 часов утра для детей и, вообще, не пропускаем лекций для родителей. Нас это интересует, потому что мы имеем Наточку, Ваню и Володеньку. Это я вам описал канитель, которая ещё не окончена, завтра, видимо, представительница райкома будет звонить, и просить свидания со мной по этим делам.

Как и прежде, мы с мамой переживаем за Ванин перелом. Несчастье очень большое, какого у нас ещё не было в семье. Бывает хуже, но, я уверен, что со временем кости ноги найдут себя, и будут приводить механизм ноги в прежнее состояние, а, может быть, и лучше прежнего. Это я утверждаю на опыте слома своей ноги. Она у меня лучше, чем не сломанная. Мама интересуется, сколько я выпиваю?

Отвечаю, не больше чем при тебе. Ну, учитывая мороз 28 градусов, может быть, чуть побольше. Пьяным не бываю, и никто этого не скажет. Как я питаюсь? С утра, как правило, пью чай, съедая 3 куска сахара. Позже разогреваю суп, кашу с гусем, в эти дни ем кролика, он мне нравится больше, чем гусь.< ... >

30 января 1968 года. Горький.

< ... > Большое спасибо за поздравление мамы с днём рождения. Праздновали мы вдвоём и довольно скромно, без пирогов на сладкое. Очень жалеем, что в субботу 26 не состоялся наш разговор по телефону. Я уже писал, что валенок для Володи в магазинах нет, ходим каждый день. Нет и шариковой авторучки для Володи, есть по 2-20, но с открытыми перьями. У нас стало значительно теплее, поэтому мы стали выбираться в кино. Смотрели «Фараон», «Цыган», завтра пойдём на «Фантомас» в кино Маяковского. Ходим преимущественно с утра по 25 копеек билет. Два вечера перебирали гладиолусы, осталось перебрать 2 ящика. Мама днями и вечерами шьёт Володе летнюю куртку из своего пальто. То порола, теперь шьёт, что выйдет, не знаем. Я не советовал, но ничего не смог поделать. Бабушка хочет угодить внуку. Крон морозы перенёс, теперь ему всё нипочём. Купили ему половину свиной головы и варим. Я пока никуда не хожу по своей работе, и мне не звонят, видимо думают, что я ещё в Ульяновске. Очень хотелось бы знать, какое решение вынесла экспертная комиссия по Ваниной болезни. Сняли гипс или ещё нет. Перевели ли его на инвалидность и как с зарплатой? Как дело с Володиной учёбой, музыкой и дисциплиной дома. Держит ли он Слово, данное мне при отъезде? < ... >

4 июля 1968 года. Горький.

Дорогие наши Наточка, Ваня и Володенька! Давненько я не писал Вам, видимо, примкнул к Вашей тенденции не писать письма! Это не укор, а так, родительское напоминание о самом простом нашем долге. Мы здоровы. Мама мной теперь довольна чаще. Я веду жизнь почти пополам для дома и народа. На днях у нас будет перерыв в торговле цветами. Но через 5–6 дней расцветут гладиолусы, флоксы и георгины. В саду очень хорошо. За эти дни хочу совместно с мамой заняться окраской полов. Сообщаю вам новость. Площадку агитационную при самом моём активном участии открыли. Она находится возле 30-й школы, в центре больших кооперативных домов. Вчера было открытие, пришло более 300 человек, была художественная часть и доклад. Длилось это около 3 часов. Открывал её и вёл собрание я. Дальше будет развёртывать всю работу другой член бюро, я хочу заняться своими делами. Как мне это удастся, трудно предвидеть.

Сообщаю Вам приятную новость. Вчера меня вызывали на бюро райкома по моему делу, т.е. персональной пенсии республиканского значения. Пригласили. Я вошёл. 30 человек членов бюро сидят и все взоры на меня. Секретарь с улыбкой на лице приветливо попросил меня присесть на другом конце длинного стола. Я присел. Раз он с улыбкой, я ответил ему улыбкой и поблагодарил. Налево от меня встал инструктор райкома и начал докладывать, вернее, зачитывать справку о моей трудовой и общественной жизни. Надо отдать ему честь, что он всё описал добросовестно. Минута молчания. Я внимательно слушал, всё взвесил прочитанное, спокоен. Встаёт секретарь с кресла, улыбнулся опять мне, я думаю, что эта улыбка — доброжелательности или коварства.

Первое его слово. Иван Фёдорович! Указание ЦК таково, что пенсия, мной просимая, даётся членам КПСС со стажем по 1921 год. По этим обстоятельствам мы Вам не поможем. Мы ценим Вашу большую работу и т.д., знаем, что Вы много лет секретарём и выполняете свой партийный долг хорошо. Это вроде должен каждый член КПСС. Мы сами вызываем членов партии с 20–21 года и ходатайствуем

Иван Фёдорович Кривойкин (в центре) с родственниками,
справа от него сёстры Саня и Нюра.
Село Большое Болдино, 1963 год

о них. Маленькая пауза. Я улыбнулся, пристально смотрю ему в глаза, немножко голубоватые. Все устремились взглядами на меня, как я буду реагировать на это сообщение. Совершенно спокойно, с добродушным взглядом осмотрел всех присутствовавших. Как бы проделал анализ их настроений. Заметил мельком симпатию ко мне в их глазах. Секретарь также с прежней улыбкой предоставляет мне слово, спрашивая как бы, что Вы можете сказать? Я всё время стою. Отвечаю: по форме Вы правы и ходатайства ваши отвечают директивам ЦК. Одновременно задаю всем членам бюро вопрос, за что им присваивается эта честь? Привожу фамилии мне подчинённых в прошлом со стажем коммунистов, говорю, что они ничего для советской власти и коммунизма не сделали, а Вы их рекомендуете. Пауза. Верно, говорит секретарь. Раз так, обращаюсь к членам бюро, послушайте мой вклад в строительство социализма. Подробно по памяти обрисовал, что я сделал, и каков я был в молодые годы и в годы первых пятилеток. Присутствовавшие внимательно слушали. Я был настолько спокоен, что мне это помогло. Затем я обратился к членам бюро, осмотрев их всех взглядом, и спросил, как можно руководствоваться одними только формальностями, отбрасывая реальные заслуги перед Родиной. При этом сказал, что я так же был принят Болдинским волкомом партии в 20 году в кандидаты партии, но, с переездом на учёбу, моя мечта — быть в партии, не осуществилась. Обстановка после моего выступления сменилась. Опять улыбка секретаря. Смотрит на меня. Спрашивает членов бюро — ну как? Один, другой, говорят — надо поддержать. Я с улыбкой обращаюсь ко всем и говорю — товарищи, я несколько лет тому назад писал письмо члену политбюро Микояну, под руководством которого работал в первые годы пятилеток и получил ответ от Совета Министров РСФСР, что моё заявление будет рассматриваться комиссией по установлению персональных пенсий при ходатайстве Горьковского Обкома.

Секретарь спрашивает, где это письмо? Оно у меня дома, завтра принесу. Тогда секретарь опять обращается к членам бюро с вопросом, ну, как вы думаете, и сам первым произносит одобрительно — попробуем отступить от формы? Бюро согласно? Все согласны. Решили. Мне — можете быть свободным. Я поблагодарил, сказал всем «до свидания» и вышел из кабинета. Вот так создалась моя первая, и, я бы сказал, основная победа. Теперь будем ждать ещё двух ступеней победы, в обкоме и в Москве. Буду кое-что предпринимать, чтобы свершилось то, что нас всех порадует. Крепко всех Вас целуем, позвоните, что будем делать с Володей. Я очень хочу, также и мама, чтобы он приехал к нам на лето. Папа и мама.

26 ноября 1968 года. Горький.

< ... > Ждём извещения о получении нашей посылки, считаем, что вчера Вы уже её должны были получить. Сегодня я занимался побелкой печей, печи стали белые и очень приятные. Мама весьма довольна, предполагаю, что если выпадет настроение, побелим и потолки в кухне и в моей спальне. Правда, эта операция весьма трудная для меня, но при хорошей настройке я, пожалуй, и сумею.

После работы в 4 часа пошёл в магазин, купил за 1-07 бутылку и хотел с устатку выпить. Бутылку стал разогревать над пламенем горелки газовой плиты. Думал, что всё в порядке. Но раздался треск, я ахнул, дно бутылки отвалилось, и вся моя радость вылилась на плиту. И смех и грех. Рубля как не бывало. Пришлось совершить повторный тур. Ну, это пустяки. Ваня! Хотим купить телевизор, но не придумаем какой. Говорят, что самый выносливый и неломкий — «Рекорд». Какое Ваше мнение. Когда-то ты говорил, что купите себе цветной, а нам продадите за малую стоимость свой. Стоит ли нам ждать этого события. Нам его не наладить, Володи у нас нет, а мы не знаем, как и куда крутить и как ставить антенну? < ... >

6 января 1969 года. Ульяновск.

< ... > Вчера был выходной день, Наточка отдыхала, а Ваня в субботу работал. Наточка понемногу стирала, кипятила, стиральная машинка испортилась. Мы с Володей ходили в дом-музей Ульянова, так как Володе, видимо, предстоит писать сочинение на эту тему. Потом пошли в сад им. Свердлова. Там была чудесная ледяная горка длинной 250 метров, вся заполненная детьми, катавшимися на фанерках. В разломанном доме, неподалёку, под грудой мусора нашли мы фанерку, и Володя прекрасно катался. Проехал раза четыре. Затем зашли в кафе, выпили по стаканчику чая и съели по пирожку с рисом и мясом. Поехали домой, предварительно зашли в промтоварный магазин, купить 2 пары гольф для Володи и Ване 2 пары шнурков, так как у него на шнурках одни узлы, а у Володи на носках худые пятки. День прошёл очень хорошо. Потом ещё фотографировались в разных позах. < ... >

22 марта 1969 года. Горький.

< ... > У Володи первый день каникул, что-то он принёс родителям в дневнике? Дедушка очень интересуется и не только этим, хочу знать способность своего внука к постижению познаний. Надеюсь, он мне ко дню рождения преподнесёт хороший подарок, ознаменуя его хорошими отметками в дневнике. Как, Володя, ты спланировал свой отдых в каникулы? Может ли тебе бабушка помочь его провести повеселей и здоровья поднакопить на решающую последнюю четверть учёбы?

У меня всё в порядке. Крон здоров, здоров и я. Утром встал в 7 часов и пошёл к 8 за картошкой и морковкой в магазин, всё купил. Картошку для Крона, морковь нам. Немного прошёлся, пришёл домой, разогрел суп, поел, выпил 2 стакана молока и съел 3 печенья. Покурил и взялся за работу. Устроил стеллажи в своей комнате для цветов в 4 яруса. Сегодня, видимо, подниму георгины из подполья и выложу их в корыто с опилками. Для этого надо много времени, но я справлюсь.

Люся, за меня не беспокойся. Всё у меня в порядке. Ведь ты оставила мне денег по одному рублю в день! Мне надо кормить Крона, Ваську, папиросы, хлеб, молоко и т.д. Можно сказать, посадила в вытрезвитель! Ничего, родная, успокойся, будет всё хорошо. Без твоих священных ручек всё остаётся мёртвым, любую банку консервов возьму, и без тебя не хочется есть. Отдыхай в семье на их радость, ведь долго не увидишь наших дорогих детей. Лето — наше с тобой!

После обеда отбросил снег от больших акаций, чтоб машина подошла поближе к сараю и можно было сбросить доски прямо в огород. Вчера случайно узнал у Урядника что его жена умерла ещё в январе. Стоит бедный среди улицы понурый. Живёт один, и так каждый день, говорит, выхожу на улицу и стою сам не свой. Продаёт свой дом, но ждёт 6 месяцев, так как дом на его жену. Сам собирается уйти или к сыну или к дочери. Я посоветовал туда, где невестка подобрее. Предложил он мне дрова, которые он покупал вместе с нами. Они высохли, расколотые. Обещал никому не продавать, кроме меня. Приедешь, купим, чисто берёзовые, кубометров 8.

В понедельник пойду в обком насчёт пенсии. Звонил Быкову, бюро райкома в марте не будет, но в апреле, сказал, обязательно проведут через обком. Жаль, что многим Москва отказывает. Хочу написать письмо Микояну, чтобы помог. < ... >

28 марта 1969 года. Горький.

Дорогие, любимые Люся, Наточка, Ваня и Володенька! Уже полчетвёртого дня. Встал ровно в 7 часов, оделся. Накануне наметил план работ на пятницу, то есть: побелить все деревья яблони и сливы, обрезать липу большую, малую и клён. Всё сделал до трёх с половиной часов, устал. Всё время в напряжении, особенно с лестницы обрезать деревья. Работал и с ножницами и с пилой. Обкорнал всё так, как ты хотела. Яблони выглядят весёлыми. Почему сегодня, а не после белил? Солнце

днём пригревает, а ночью мороз до 14 градусов. Дома у меня всё в порядке. За цветами приглядываю и за молодыми и за старыми. Переставляю каждый день, чтоб были больше на солнце. Появляются листочки у астр.

План у меня на дальнейшее такой. Кое-что откинуть от фундамента, правда, снега немного. Затем хочу накрыть парник рамами, чтоб прогревалась земля. Корм мой кончается, мяса хватит ещё дня на три. Денег у меня полтора рубля. Тяну. С голоду не подохну и Крона накормлю, кстати, костей хватит ему до твоего приезда. Придётся сходить к соседке и занять немного денег. До пенсии остаётся немного времени. Подмывало 30 марта съездить к Нюре, но раздумал. Буду встречать своё День рождение один, как придётся. Остатки блинов испеку, кажется, квашня плесенью ещё не подёрнулась. Масло есть, а на бутылку «хрущёвки» как-нибудь выкрою. Отвлекаюсь физической работой. К твоему приезду вымою полы, вытрясу половики, и, как будто есть надежда встретить с цветами, лилия начинает краснеть и к твоему приезду должна расцвести. Я её держу в тепле и на солнышке. Ну, вот и все новости. Всех вас крепко целую и обнимаю. Папа и дедушка.

Последнее письмо Ивана Фёдоровича!

15 мая 1969 года. Горький.

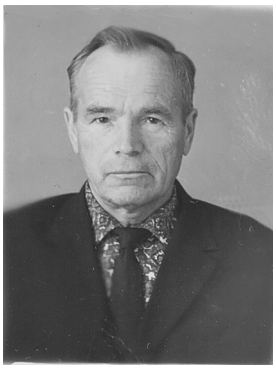
Здравствуйте дорогие Наточка, Ваня и Володенька! Позавчера получили от Вас письмо, и очень интересное. Судя по письму новостей у Вас много. Первая новость, это, видимо, решение бесповоротно остаться Ване в Ульяновске и не работать в Тольятти. Может быть, это временно, но, на наш взгляд, решение правильное, так как Володя привык к этой школе и учителям, а также к товарищам. Надо думать, что в Тольятти первый период строительства будет очень труден, и надо много сил напрягать, чтобы осуществить строительство в срок. Мы считаем, что Ваня устал от всяких дрязг по заводу, и, из этих соображений, лучше войти в нормальную рабочую колею в заводе, а там будет видно.

Вторая хорошая новость, что Натулька стремится к продолжению потомства. Мы очень рады, что у нас будет не один внук. Исходя из этой дилеммы, встал вопрос обмена квартиры на большую и приглашение нас совместно жить и помогать. С этим мы согласны. Так или иначе, врозь жить надоело, и не видеться долго тоже скучно. Исходя из перспектив слома нашего дома под застройку, переезд должен быть ускорен, так как пока что дом можно продать. Лучше продавать весь, чем делить напополам. При получении коммунальной квартиры где-то, тоже радости будет мало. В ней надо жить вдалеке от Вас и скучать ещё больше, т.к. огорода не будет, и заняться летом будет нечем. Исходя из этого, мы будем тоже искать покупателя, но продажа будет только ближе к осени. Хотим немного заработать денег с огорода. С моей пенсией обком тянет, и не только с моей. Но в мае должны рассмотреть. Как будете поступать с Володей после учёбы? Отправлять к нам? Мы охотно его примем. Вам будет спокойнее за него, чем ему дома сидеть одному. Нам, разумеется, тяжелее, но на то мы и дедушка с бабушкой. < ... >

И в письмах, и в жизни Иван Фёдорович всегда пытался угодить Ольге Юлиановне, сделать так, чтобы ей было приятно. Он всех любил несобственнической любовью, всем хотел сделать хорошо, без всякой задней мысли и корысти для себя.

В конце мая 1969 года Иван Фёдорович приезжал в Ульяновск для того, чтобы забрать меня на каникулы в Горький. Его сильная худоба ещё не бросалась в глаза, ведь он всегда был очень сух. Это сейчас, рассматривая фотографии того времени, понимаешь, что он был нездоров. Дедушка ни на что не жаловался, только больше обычного покашливал. В июне у него уже стала сильно болеть спина и, особенно, нога. Эту, совсем тоненькую, ногу он просил ему растирать змеиной мазью, и нога

была такая мягкая-мягкая, одна кожа. При ходьбе он стал пользоваться палкой, а ходить приходилось по различным медицинским учреждениям много. И нигде ничего не хотели говорить, отфутболивали на различные анализы и рентгены. Почему-то подозревали туберкулёз, заставляли сдавать мокроту. Он постоянно ходил со стеклянной баночкой, куда отхаркивал мокроты, и потом ехал в туберкулёзный диспансер её сдавать. Там выдавали новую банку, и всё повторялось сначала. Дедушка по-прежнему работал в саду и со всем справлялся, только один раз попросил меня помочь ему накрыть стеклянными рамами парник. К этому времени Ольга Юлиановна, наверное, что-то подозревала. Так как она, отвезя меня 1 июля назад в Ульяновск, уже на следующий день вернулась в Горький. Родители отдыхали на юге, и мне пришлось два дня жить у знакомых, до отлёта в Сочинский детский санаторий. Когда мы уезжали в аэропорт, Иван Фёдорович не смог подняться с кровати и пойти нас провожать. Мы вышли с бабушкой из калитки, она с чемоданом впереди, я за ней. Что-то заставило обернуться. В окне стоял и смотрел нам вслед дедушка. Таким моя память запечатлела его на всю жизнь.

И. Ф. Кривойкин. г. Горький, 1969 год

Уже 20 июля врачи сказали, что он безнадёжен, 25 июля Ольге Юлиановне удалось положить Ивана Фёдоровича в обычную больницу. Чтобы он не догадался об истинном диагнозе, она дала врачу 200 рублей и больного не стали переводить в онкологический диспансер, и не выписали домой умирать.

Прилетела из Ульяновска дочь. Худой как мальчишка, он хотел показать дочери, что может ходить. Но, когда он пошёл, на это страшно было смотреть. А он жил только ожиданием ответа из Москвы о пенсии, постоянно об этом спрашивал. Отрицательный ответ пришёл за 3 дня до смерти, и о нём не стали говорить. Начались страшные боли, и стали колоть наркотики. «В меня как будто впились тысячи змей, скажите, пусть мне сделают укол». От укола становилось легче, и он двигался как пьяный. Ольга Юлиановна потом говорила, что сама бы дала ему верёвку, чтобы он повесился и не мучился бы так. За несколько дней до смерти в Горький прилетел зять, он сменил жену, которой пришлось вернуться в Ульяновск, так как начальство требовало, чтобы она немедленно вышла на работу. Иван Фёдорович попросил — «хочу дыню» и зять ходил на рынок за дыней. Возле него постоянно кто-то дежурил: жена, сестра Нюра или зять Иван. Уже умирая, он всё просил Ольгу Юлиановну — «Люся, посмотри на меня».

Ко дню смерти живот распух, он уже никого не узнавал, всё звал — «Ната». Умер в 10 часов вечера 6 августа 1969 года в возрасте 67 лет. В это время дежурила Ольга Юлиановна. Причина смерти — рак левого лёгкого 4 степени с метастазами в позвоночник. На похороны пришло много народу, его любили. Похоронен на Горьковском кладбище «Марьина роща». Если встать в воротах центрального входа (в 40 метрах впереди и левее будет сторожка из белого кирпича), то справа находится 3-й новый участок. От забора 2-й ряд могил, по проходу пройти 60 метров или 38 могил. Его могила № 24080.

Наш дом пошёл под слом в 1975 году, он был крайним по улице и мешал расширению дороги. Остальные деревянные дома сломали значительно позже. Теперь на нашем месте стоит девятиэтажка с адресом: улица Донецкая, дом № 6.

Верю, что со смертью дедушки рай и благодать с участка нашего дома бесследно не исчезли, а только перешли куда-то, осчастливив собой новых людей...

ИДЗКОВСКИЕ

Происходят из Польских дворян.

В книгах двух польских историков (Boniecki Adam. Herbars polski.— T.8 — Warszawa: Gebethner i Wolff, 1905.— S. 27; Uruski S. Rodzina Herbarz szlachty polskie.— T.5 — Warszawa, 1908.— S. 245), хранящихся в Варшавской Национальной библиотеке, приводятся практически одинаковые сведения о происхождении дворян Идзковских.

IDŹKOWSKI h. JASTRZĘBIEC. Na Podlasiu, szlachta po większej części zagrodowa. Bartłomiej i Maciej, synowie Andrzeja, Piotr i Marcin, synowie Stefana, Jan i Wincenty, synowie Augusta, dziedzice na Idźkach-Wyknie, w ziemi bielskiej 1585 r.

Adam, syn Jana, komornik ziemski bielski 1685 r., miał syna Franciszka, vicesgerenta grodzkiego brańskiego. Po Mateuszu, subdelegacie grodzkim brańskim 1721 r., dziedzicu wsi Idźki i Truskolasy, pochodzący: Stefan, syn Józefa i Józefaty z Czajkowskich, Grzegorz, syn Jana, Maciej i Piotr, synowie Sylwestra, Franciszek i Jan, synowie Andrzeja, Michał, syn Pawła, Maciej, syn Andrzeja i Ewy z Kobylińskich, Andrzej, syn Walentego i Joanny z Paszkowskich, Antoni, syn Józefa, Józet, Augustyn i Adam, synowie Pawła, wylegitymowani w Królestwie 1839–1856 r., a nadto Adam, syn Pawła, jeden ze zdolniejszych budowniczych ostutnich czasów, restaurował kościół św. Jana katedralny w Warszawie, i otrzymał w 1851 r. prawa nowego szlachectwa; jego syn Jan.

Po Adamie, w 1721 r. właścicielu osady Idźki-Młynowięta, w pow. brańskim, pochodzący: Wawrzyniec, syn Wawrzyńca i Rozalii z Gladissów (Gladiss), urzędnik Prokuratoryi, i Michał, syn Jakóba, wylegitymowani w Królestwie 1843–1851 r.

Po Adamie, właścicielu w pow. brańskim 1685 r., ożenionym z Zofią Piotrowską, pochodzący: Ignacy, burmistrz w mieście Kozienicach, Szymon i Feliks, synowie Franciszka i Konstancyi z Kalinowskich, Maciej z synem Błażejem, Jakób i Grzegorz, komornik Trybunału augustowskiego, synowie Macieja, oraz Paweł, syn Andrzeja i Apolonii z Perowskich, wylegitymowani w Królestwie 1839–1856 r.

ИДЗКОВСКИЕ, герб ЯСТРЕБЕЦ. На Подлясии, дворянство по большей части мелкопоместное. Бартоломей и Мацей, сыновья Анджея; Пётр и Марцин, сыновья Стефана; Ян и Винцент, сыновья Августа; помещики на Идзках-Выкно, в Землях Бельских в 1585 году.

Адам, сын Яна, коморник Земли Бельской в 1685 году, имел сына Францишка, городского вицеуправляющего. После Матеуша, субделегата городского собрания в 1721 году, из всех поместьев Идзки и Трусколясы происходили: Стефан, сын Джозефа и Джозефаты из Чайковских; Гжегош, сын Яна; Мацей и Пётр, сыновья Сильвестра; Франциск и Ян, сыновья Анджея; Михаль, сын Павла; Мацей, сын Анджея и Евы из Кобылинских; Анджей, сын Валенцы и Иоанны из Пашковских; Антоний, сын Иосифа; Иозет, Августин и Адам, сыновья Павла подтвердившие свои права в Королевстве в 1839–1856 годах, а кроме того Адам, сын Павла, один из способнейших архитекторов последнего времени, реставрировал кафедральный костёл св. Яна в Варшаве и получил в 1851 году права нового дворянства, у него сын Ян.

После Адама, в 1721 году владельца поместья Идзки-Млыновские, в повете Браньском, остались: Вавжинец, сын Вавжинца и Розалии из Гладиссов, чиновник прокуратуры; Михаль, сын Якова, подтвердившие свои права в Королевстве в 1843–1851 г.

После Адама, владельца в повете Браньском в 1685 году, обручённом с Софией Пиотровской остались: Игнатий — бургомистр в г. Козеницах, Симон и Феликс, сыновья Франциска и Констанции из Калиновских; Мацей с сыном Блажеем; Якоб и Гжегош, коморник Августейшего суда, сыновья Мацея; также Павел, сын Анджея и Аполлонии из Перовских, подтвердившие свои права в Королевстве в 1839–1856 годах.

Из текста видно, что существовало 3 ветви дворян Идзковских, расположенных друг за другом в порядке родовой значимости.

Ветвь «Игнатия — бургомистра в г. Козеницах», нашего предка, наименее родовитая, она стоит в конце повествования, третьей по значению, и названия имений уже не упоминаются, сказано просто, что они «владельцы в повете Браньском в 1685 году». В Российской Национальной библиотеке (бывшая библиотека имени Салтыкова-Щедрина) в Санкт-Петербурге хранится изданный в 1854 году «Гербовник Дворянских родов Царства Польского, Высочайше утверждённый». В разделе «Гербы родов приобретших дворянство прежде 16 (28) августа 1836 года» имеется описание герба «Ястршембец»:

В голубом поле золотая подкова шипами вверх; в середине ея золотой кавалерский крест. В навершье шлема ястреб на взлёте, вправо, со звонком на левой ноге, державший в когтях правой ноги подобную как в щите подкову с крестом.

Употребляют его: ...Идзковские, в прежней Бельской Земле. Адам сын Ивана, Коморник Земли Бельской, владел до 1685 года имением Идзки-Выкно. Матвей, субделегат Гродский Брянский, уступил в 1721 году имение Идзки-Млыновента и Трусколясы-Ольшина во владение Адаму Станиславу сыну Идзковскому...

Помимо Идзковских употребляли этот герб и другие дворянские фамилии.

Согласно польскому «Географическому справочнику», изданному в Варшаве в 1882 году, упомянутые выше Идзки (Млыновские, Выкно, Средние) и Трусколясы (Старые, Вола, Ольшина, Ляхи) располагались в повете Мазовецком, гмине Соколы. В старинных документах Земли Бельской Трусколясы-Старые, Трусколясы-Вола, Трусколясы-Ольшина впервые упоминаются в 1345 году.

ИГНАТИЙ ФРАНЦЕВИЧ ИДЗКОВСКИЙ

Родился в Польше в 1803 году у «Франтишка и Констанции из Калиновских», наш предок. В 1828 году женится на Каролине Леховской — девице 19 лет, то есть она 1809 года рождения. У Игнатия и Каролины дети: Карл-Мацеей 1829 года ро-

ждения; Иосиф-Войцих 1833 года рождения; Феофил-Михаил 1836 года рождения, наш предок; Фёкла; Юлияна-Павлина; Каролина-Франциска.

В 1829 году канцелярист Игнатий Идзковский проживает с семьёй в г. Опатове, Радомской губернии. В 1831 году он эконом и архивист городского магистрата в г. Козеницах Сандомирской губернии. С 1833 года — бургомистр города Козеницы. В 1839 году признан потомственным дворянином. С 1845 года — бургомистр г. Лукова. Умирает 7 студня (января) 1859 года в г. Лукове в возрасте 55 лет.

Заметки о ходе поиска. До начала поиска нам было известно, что Идзковские были поляками и потомственными дворянами, так как Юлиан Идзковский, при регистрации родившейся дочери Татьяны в 1917 году, сам указал своё потомственное дворянство в метрической записи. Также известно было, что родители Юлиана жили в польском городе Ломжа.

Все дела на дворян Российской империи хранятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), расположенном в Петербурге на Сенатской площади, возле Исаакиевского собора и «Медного всадника». В этом архиве мне приходилось работать в каждый свой приезд в город, начиная с 1994 года, как по Идзковским, так и по Фрейбургам — всегда возникали какие-то новые детали, которые необходимо было проверить.

В архивном фонде «Департамент Герольдии Правительствующего Сената» хранится дело «О дворянстве Мечислава Идзковского», внука Игнатия Идзковского. Предыстория этого дела такова. Мечислав-Матвей Идзковский, проживавший в г. Одессе, решил подтвердить своё потомственное дворянство. Он в течение нескольких лет собирал для этого документы и в 1892 году представил их в Департамент Герольдии Сената. Но получил отказ, так как комплект документов был собран им не полностью. Так как для сбора документов необходимо было ездить по различным польским городам, то он нанял для этого специального поверенного, коллежского асессора Романа Доляновского, который и выполнил эту работу в надлежащем виде. Требуемые бумаги были представлены, и в июне 1895 года Правительствующий Сенат причислил просителя к роду отца и деда, выдав ему свидетельство на потомственное дворянство.

В 1867 году, после двух польских восстаний, Российский император Александр II упразднил Царство Польское, и все архивы Царства были перевезены из Варшавы в Петербург. Так в Архиве Департамента Герольдии Сената оказались дворянские дела бывшей Герольдии Царства Польского, и среди них дело о дворянстве Игнатия Идзковского.

По мирному договору между Россией и Польшей 1921 года, последовавшему после разгрома войск Советской России под Варшавой в 1920 году, и подписанному в Риге, Россия должна была возвратить Польше все документы бывшего Царства Польского. Что и было сделано в 1925 году, и в числе прочих документов были переданы 25 дворянских дел на фамилию «Идзковский».

Дело же Мечислава, единственного из рода Идзковских, было оставлено в нашем архиве, так как оно оформлялось в 1892 году российской, а не польской Герольдией. И, хотя все дворянские дела родоначальников различных ветвей фамилии Идзковских были уничтожены фашистами в Варшаве во время второй мировой войны, содержание их нам известно. Ведь в разделе об Идзковских своих книг о польских дворянских гербах Boniecki Adam и Uruski S. приводят данные именно из этих, впоследствии сгоревших, дворянских дел.

Ниже приводятся копии 7 документов из дела «О дворянстве Мечислава Идзковского» (РГИА ф.1343, оп.38, д. 811, лл. 1–32).

ГЕРБЫ

РОДОВЪ ПРІОБРѢВШИХЪ ДВОРЯНСТВО

прежде 16 (28) Августа 1836 года.

ГЕРБОВНИКЪ

ДВОРЯНСКИХЪ РОДОВЪ

ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО,

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденный.

ГЕРБЪ

ЯСТРШЕМБЕЦЪ.

HERB

JASTRZĘBIEC.

Въ голубомъ полѣ золотая подкова шипами вверхъ; въ срединѣ ея золотой кавалерскій крестъ. Въ навершьѣ шлема ястребъ на взлетѣ, вправо, со звонкомъ на лѣвой ногѣ, держащій въ когтяхъ правой ноги подобную какъ въ щитѣ подкову съ крестомъ.

W polu niebieskiém podkowa złota ocelami w górę; w środku podkowy krzyż kawalerski złoty. W szczycie hełmu jastrząb wzlatujący wprawo, z dzwonkiem na lewéj nodze; w szponach prawéj nogi podobną podkowę z krzyżem jak w tarczy trzymający.

Употребляютъ его:

Идзковскіе, въ прежней Бѣльской Землѣ. Адамъ сынъ Ивана, Коморникъ Земли Бѣльской, владѣлъ до 1685 года имѣніемъ Идзки-Выкно. Матвей, Субделегатъ Гродскій Брянскій, уступилъ въ 1721 году имѣніе Идзки-Млыновента и Трускольсы-Ольшина во владѣніе Адаму Станиславову сыну Идзковскому.

Używają go:

Idźkowscy, w dawnéj Ziemi Bielskiéj. Adam syn Jana, Komornik Ziemski Bielski, do roku 1685 był dziedzicem dóbr Idźki-Wykno. Mateusz, Subdelegat Grodzki Brański, w roku 1721 dobra Idźki-Młynowięta i Truskolasy-Olszyna, Adamowi po Stanisławie Idźkowskiemu, na własność ustąpił.

Герб «ЯСТРШЕМБЕЦ» дворянского рода Идзковских

Определение Правительствующего Сената о признании Мечислава Идзковского в потомственном дворянстве.

1895 г. апреля 21 дня.

По указу Его Имп. Вёл, Прав. Сен. слушали: записку из дела по рапорту Радомского Губернского правления от 6 апреля 1894 г. за № 962 и Варшавского Генерал-Губернатора от 17 ноября 1894 г. за № 12545 о дворянстве Мечислава-Матвея Идзковского.

Приказали: Рассмотрев настоящее дело, Правительствующий Сенат находит, что Игнатий Идзковский решением бывшей Герольдии Царства Польского, утверждённым по постановлению бывшего Государственного Совета Царства 23 сентября 1839 г., признан в потомственном дворянстве по праву, приобретённому до издания Положения 1836 г. о дворянстве в Царстве Польском, а согласно определению той же Герольдии 10 октября 1842 г. названный Идзковский, с семейством и в том числе с сыном Карлом-Матвеем, внесён в родословные книги дворян бывшей Сандомирской, ныне Радомской губернии;

законное происхождение от Карла-Матвея Игнатьева Идзковского сына Мечислава-Матвея доказывается надлежащими метрическими выписями, а о не лишении этих лиц прав состояния и несудимости их удостоверяют подлежащие Губернские Начальства.

Посему и на основании ст. 12, 26, 60 и 71 Высочайше утверждённого 25 июня 1836 г. Положения о дворянстве Царства Польского и 3 приложения к ст. 73 Учр. Сен., изд. 1892 г., Правительствующий Сенат определяет:

1) признать Мечислава-Матвея, сына Карла-Матвея Игнатьева Идзковского в потомственном дворянстве и причислить его к роду отца, признанному в этом достоинстве определением бывшим Государственным Советом Царства Польского 23 сентября 1839 г., по праву, приобретённому до издания Положения 1836 г. о дворянстве в Царстве Польском;

2) включить его в список потомственных дворян Царства Польского, заведённый в Департаменте Герольдии Правительствующего Сената, и

3) на представленный к делу, установленный законом сбор, изготовить для Мечислава-Матвея Идзковского одно свидетельство на дворянство, которое, вместе с подлинными документами, препроводить в Радомское Губернское Правление, для выдачи таковых поверенному Идзковского Роману Антонову Доляновскому по жительству его в городе Одессе, на углу Елисаветинской и Торговой ул. в доме Росести № 2. Предписав Правлению сделать распоряжение о внесении Мечислава-Матвея Идзковского в родословные книги потомственных дворян Радомской губернии.

Подлинное за подписанием Прав. Сената пропущено к исполнению 25 апр. 1895 г. Исполнено 28 июня 1895 г. № 2641.

В Правительствующий Сенат.

Варшавского Генерал-Губернатора

рапорт.

В исполнение Указа Правительствующего Сената, от 19 числа минувшаго октября за № 5550, представляя при сём дело бывшей Герольдии Царства Польского за № 2570 о дворянстве рода Идзковских, имею честь донести, что Игнатий Идзковский был первым в этом роде, которому признано потомственное дворянство, определением бывшей Герольдии Царства Польского от 18 августа 1839 года, утверждённым бывшим Государственным Советом Царства 23 сентября того же

811.

НАСТОЛЬНАГО РЕЕСТРА. № 482/1892 г. 1490

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

ДЕПАРТАМЕНТА ГЕРОЛЬДІИ

ДѢЛО 1178

о

дворянстве Идзковского

Сдано 12 ноября 1893 г.

22 Сентября 1894 г.

1895 г.

ЦГИА
Фонд № 1343 Опись 38
Ед. хр. № 811
Начато 189 года.
Кончено 189 года.

Дело о дворянстве Идзковского

года и который, по определению Герольдии от 10 октября 1842 года, внесён, вместе с семейством, в родословныя книги дворян бывшей Сандомирской, ныне Радомской губернии.

Генерал-Адъютант Подпись

№ 12545

7 ноября 1894 года.

Варшава.

С препровождением дела о

Дворянстве рода Идзковских.

Определение Геродьдии Царства Польского о внесении в родословные книги дворян Игнатия Идзковского.

484-е заседание Герольдии Царства Польского, состоявшееся октября 10 дня 1842 г. в Варшаве во дворце Наместников. Присутствующие:

Председатель Герольдии Член Административного Совета Королевства Действительный тайный Советник и Сенатор Александр граф Валевский.

Члены: Статский Советник граф Коморовский. Статский Советник Собеский. Директор Канцелярии Матушевский. В отпуску — Статский Советник Камергер Немоевский.

По утверждении протокола прошлого заседания доложены были для признания Герольдиею следующие дела доказывающие права состояния: Родословные книги. Вследствие представлений нижепоименованных Дворянских Депутаций, по рассмотрении доказательств и убедившись, что таковые вполне соответствуют действующим законам о дворянстве, поручено записать в родословные книги № 65445 Дворянской Депутации Сандомирской Губернии Господина Игнатия Идзковского вместе с женой Каролиною из Леховских и потомством: Карлом, Иосифом, Феофилом, Фёклою и Юлианою. На этом окончилось заседание Герольдии; следующее же заседание Председатель назначил на 14 число текущего месяца и года.

Подписали:

Александр Граф Валевский, Игнатий Граф Коморовский, Собеский, Викентий Матушевский.

В Депутацию Дворянскую Сандомирской губернии.

Вследствие рапорта, от 25 сентября с.г. за № 103, сим разрешаем депутации записать в генеалогическия родословныя книги Господина Игнатья Идзковского вместе с женою Каролиною, урождённою Леховская, сыновьями: Карлом-Мацеем (2-х имён), Иосифом-Войцехом (2-х имён), Феофилом-Михаилом (2-х имён) и дочерьми: Фёклою, а также Юлиянною-Павлиною (2-х имён).

Возвращая-же прошение Господина Игнатья Идзковского, а равно восемь приложений, предписывает, что бы, после выполнения всех граф в книге, которая ведётся на сию цель, Депутация возвращаемые документы хранила в своём Архиве, как доказательства, в силу коих воспоследовала записка в генеалогическия книги, как равно, чтобы со своей стороны заинтересованное лицо о таковой записке поставила в известность.

Состоялось на заседании Герольдии в Варшаве 10 октября 1842 года.

Председатель Герольдии, Действительный Тайный советник и Сенатор Александр, Граф, Валевский.

Советник Герольдии — Директор Канцелярии Викентий Матушевский.

Секретарь — Делопроизводитель И. Садовский.

Акт № 86 гражданского состояния прихода Опатов за 1829 год.

Состоялось в Опатове двадцатого сентября тысяча восемьсот двадцать девятого года, в семь часов вечера. Явился Игнатий Идзковский, обводивый канцелярист двадцати шести лет от роду в Опатове жительствующий, в присутствии Карла Водецкого Полицейского Инспектора тридцати лет и Людовика Гусинского Гминного Войта тридцати восьми лет от роду в Опатове жительствующих и предъявили нам младенца мужеского пола родившегося в Опатове семнадцатого месяца и года текущего в пять часов утра в доме под нумером девятнадцатым от законной его жены Каролины урождённой Леховской, двадцати лет от роду. Младенцу этому при святом крещении совершённом сего числа дано имена Кароль-Мацеей, а восприемниками его были, вышепоименованный Карл Водецкий и Конигунда Гендрунская.

Акт сей объявляющему и свидетелям прочитан, ими и нами подписан.

Кс. Мартин Фридрихович.

Акт гражданского состояния Острогского прихода за 1861 год.

Тысяча восемьсот шестьдесят первого года июня первого дня, в Острогском приходском Римско-Католическом Костёле преподобный Фёдор Кленовский Настоятель того же костёла по троекратном оглашении из коих первое двадцать первого, второе двадцать восьмого мая и третье первого июня перед народом собравшимся на литургию сделаны; Дворян: Карла-Матвея Идзковского юношу тридцати двух лет и Ванду Никлевич девицу двадцати трёх лет обоих сего костёла прихожан по сделанному предварительно строгого исследования с обоих сторон на письме изложенного о препятствиях к бракосочетанию и по неоткрытии никаких, равно по изъявленному от обоих лиц взаимному согласию внешними знаками обнаруженному; Дворян Игнатия и Каролины урождённой Леховской Идзковских законных супругов сына с Дворян Витольда и Гелены урождённой Янигиевской Никлевич законных супругов дочерью браком сочетал и в лице церкви торжественно благословил в присутствии веры достойных свидетелей Дворян Теофила Идзковского и Брунона Мишкевича.

Акт гражданского состояния Шаргородского прихода за 1867 год.

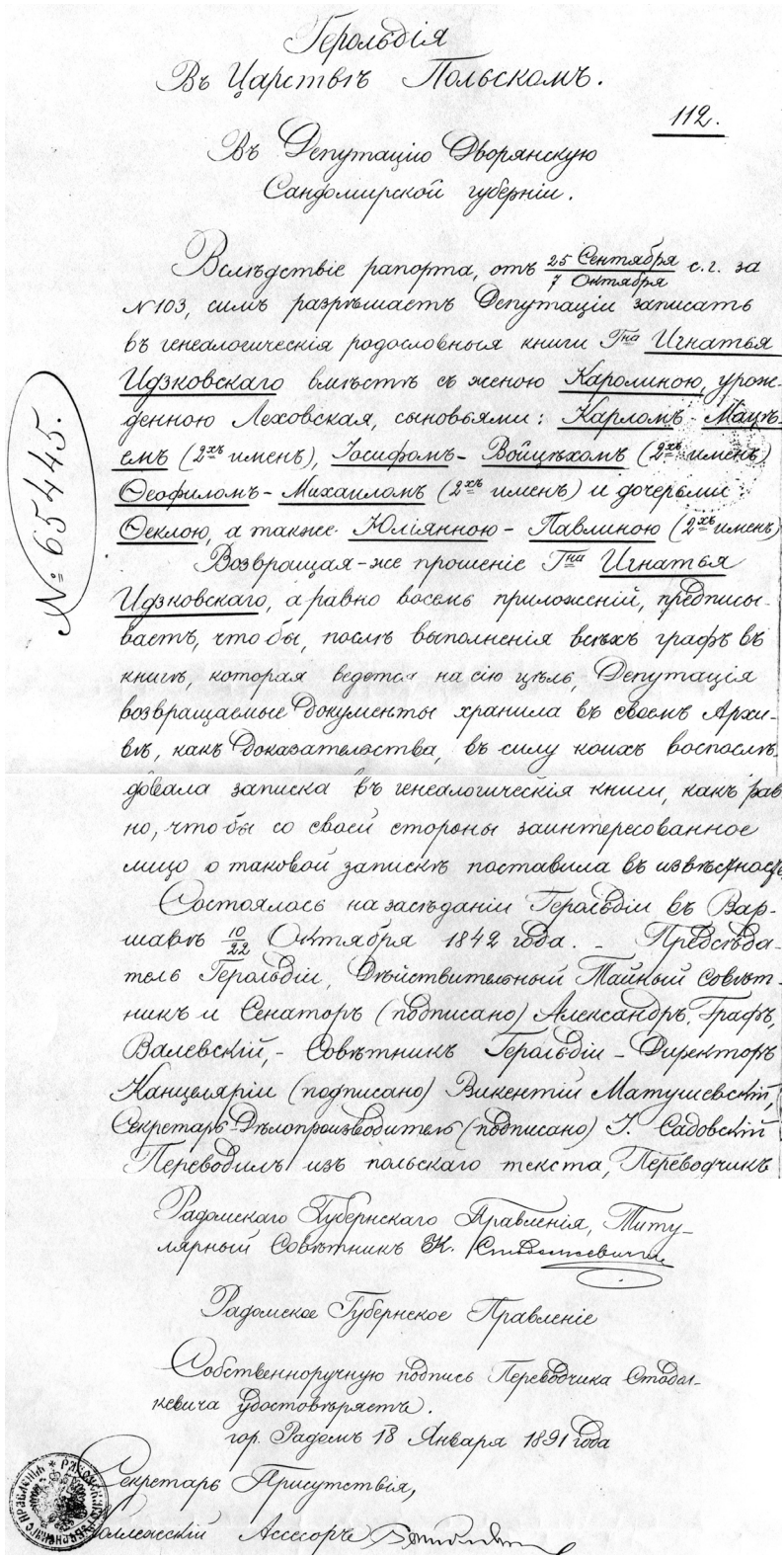
Тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года марта второго дня в Шаргородском Римско-Католическом приходском костёле окрещён младенец двух имён Мечислав-Матвей ксёндзом Юлианом Витушинским, Викарным оного Шаргородского костёла, с совершением всех обрядов таинства дворян: Карла-Матвея двух имён и Ванды урождённой Никлевич Идзковских законных супругов сын родившийся двенадцатого дня месяца февраля сего года того же прихода на хуторе Посуррогатском. Восприемниками были:

Дворянин Николай Раковский с дворянкою Марией Идзковской девицею.

Царство Польское было образовано в составе Российской империи в 1815 году после разгрома Наполеона, когда северная часть Речи Посполитой отошла к Пруссии, южная часть к Австрии, а центральная к России. С 1867 года, после польских восстаний, упраздняются все государственные учреждения Царства Польского, и страна непосредственно управляется Российской Империей. Бургомистр стоял во главе всех городских учреждений (магистрата). Дела административные или полицейские решал лично бургомистр, по делам о пользе или нужде города он советовался с выборными представителями — в те времена они назывались «радными» или «лавниками». Занимал он свою должность по назначению правительства.

Рапорт в Сенат Варшавского Генерал-Губернатора от 7 ноября 1894 года, с препровождением дела о дворянстве рода Идзковских

Распоряжение Герольдии в Царстве Польском от 10 октября 1842 года о записи в родословные книги Сандомирской губернии Игнатия Идзковского с семейством

Геральдія
Въ Царствѣ Польскомъ.

112.

Въ Депутацію Дворянскую
Сандомирской губерніи.

№ 65445.

Вслѣдствіе рапорта, отъ 25 Сентября / 7 Октября с.г. за №103, симъ разрѣшаетъ Депутаціи записать въ генеалогическія родословныя книги Гна Игнатья Идзковскаго вмѣстѣ съ женою Каролиною, урожденною Леховская, сыновьями: Карломъ, Маріанномъ (2хъ именъ), Іосифомъ - Войцѣхомъ (2хъ именъ) Теофиломъ - Михаиломъ (2хъ именъ) и дочерьми: Еленою, а также Юліянною - Павлиною (2хъ именъ).

Возвращая-же прошеніе Гна Игнатья Идзковскаго, а равно восемь приложеній, предписываетъ, что бы, послѣ выполненія всѣхъ графъ въ книгѣ, которая ведется на сію цѣль, Депутація возвращаемые документы хранила въ своемъ Архивѣ, какъ доказательства, въ силу коихъ воспослѣдовала записка въ генеалогическія книги, какъ равно, что бы со своей стороны заинтересованное лицо о таковой записки поставила въ извѣстность.

Состоялось на засѣданіи Геральдіи въ Варшавѣ 10/22 Октября 1842 года. - Предсѣдатель Геральдіи, Дѣйствительной Тайный Совѣтникъ и Сенаторъ (подписано) Александръ, Графъ, Валевскій, - Совѣтникъ Геральдіи - Директоръ Канцеляріи (подписано) Викентій Матушевскій, Секретарь Дѣлопроизводитель (подписано) Т. Садовскій.

Переводилъ изъ польскаго текста, Переводчикъ Радомскаго Губернскаго Правленія, Титулярной Совѣтникъ К. Войтковичъ.

Радомское Губернское Правленіе

Собственноручную подпись Переводчика Стобалковича удостовѣряетъ.

гор. Радомъ 13 Января 1891 года

Секретарь Присутствія,
Коллежскій Ассессоръ

Право на получение потомственного дворянства в Российской империи давало:

— получение чина Действительного статского советника для гражданского лица;

— получение воинского звания «полковник» для военного лица;

— награждение 1 степенью всех орденов империи, равно орденами Святого Владимира или Святого Георгия любой степени. Лица купеческого звания в случае пожалования их орденом причислялись к почётному гражданству;

— когда дед и отец состояли в чинах, приносящих личное дворянство не менее 20 лет каждый, то сыну, по достижении 17 лет, по вступлении в службу, дозволялось просить потомственное дворянство.

Право на получение личного дворянства давало:

— получение военным лицом чина обер-офицера;

— получение гражданским лицом чина 9 класса;

— получение любого ордена, кроме тех, что дают потомственное дворянство.

Дети личных дворян причислялись к потомственным почётным гражданам.

В 1836 году Российский император Николай I издаёт Положение о Дворянстве в Царстве Польском. Доказательствами для приобретения дворянства в нём являются следующие документы:

1. Грамоты государей и сеймов.

2. Свидетельства княжеского, графского или баронского достоинства предков просителя.

3. Свидетельства о том, что отец или дед просителя были до 1795 года коронными сановниками. К званию их прибавлялось слово «коронный». Земский чин, сообщающий дворянство — «межевой коморник» (современный судебный исполнитель).

4. Свидетельства о том, что лицо, доказывающее дворянство или его дед или отец были украшены орденом Белого Орла до 1795 года.

5. Свидетельства о том, что проситель или его отец, дед, прадед до 1795 года владели целыми деревнями, с полным правом собственности.

6. Свидетельства о том, что до 1815 года проситель имел польский офицерский чин, начиная с капитана.

Игнатий Идзковский давно, наверное, считался польским шляхтичем, но после выхода императорского указа у него появилась возможность всё это узаконить по Российским законам. Он подходит под 5-й пункт Положения, и, по всей видимости, находит и представляет купчие стапятидесятилетней давности на имения, которыми владели его предки.

В находящемся в Российской Национальной библиотеке «Списке дворян Царства Польского с приобщением кратких сведений о доказательствах дворянства», изданном в Варшаве в 1851 году, на странице 79 имеется следующая запись:

«Идзковские, герб Яструшембец, Игнатий, сын Франтишка № 194».

Номер говорит о том, что в Дворянской Книге Сандомирской губернии, в разделе, куда записывались все фамилии, начинавшиеся на букву «И», фамилия Игнатия записана 194 по порядку.

В «Адрес-календаре или списке Главных Властей Империи и всех Властей и Чиновников Царства Польского на 1850 год», изданном в Варшаве в Казённой типографии при Правительственной комиссии юстиции, на странице 768 под номером 6 значатся чиновники Луковского уезда. Среди них бургомистр города Лукова: Игнатий Францевич Идзьковский. И бургомистром он продолжает числиться по всем ежегодно изданным Адрес-календарям вплоть до 1859 года. В 1860 году бургомистр новый, а в 1861 году сменяется и этот вновь назначенный. Всё это говорит о том, что Игнатий Идзьковский умер в 1859 году, и смерть его была столь неожидан-

на, что 2 года не могли найти ему достойную замену. Эту вычисленную нами дату смерти подтвердил спустя много лет Люблинский архив Польши, сообщив, что Игнатий Идзковский умер 7 студня 1859 года в городе Лукове, и что в акте причина смерти не указана.

По сообщению Радомского архива, в хранящихся там документах города Радома имеются ведомости на получение Игнатием Идзковским зарплаты в 1830–1831 годах и письмо от 1831 года с информацией о номинации И. Идзковского на должность городского эконома и архивиста. А в метрических книгах Козеницкого католического прихода хранятся акты о рождении детей Игнатия: Войцеха, Фёклы, Юлианы-Паулины, Каролины-Франтишки. По нашей просьбе сотрудники Варшавской Народной Библиотеки просмотрели хранящиеся в фондах библиотеки книги и работы по истории городов Лукова и Сандомира, но не нашли в них никаких сведений об Игнатии Францевиче Идзковском.

Из всего семейства Игнатия, о дате смерти только одного члена можно сказать точно, его первый сын Карл-Мацаей умер в возрасте 42 лет в 1871 году, так как свидетельство о его смерти было приложено к делу о дворянстве Мечислава Идзковского. Среди лиц, репрессированных в 1863 году за Польское Восстание, Идзковских нет. Мною была просмотрена картотека на репрессированных, находящаяся в Российском государственном историческом архиве.

Описание городов, в которых служил и жил Игнатий можно найти в Энциклопедии Брокгауза и Эфрона:

Опатов — уездный город, по-польски «повет», 7 тыс. жителей, костёл, богадельня.

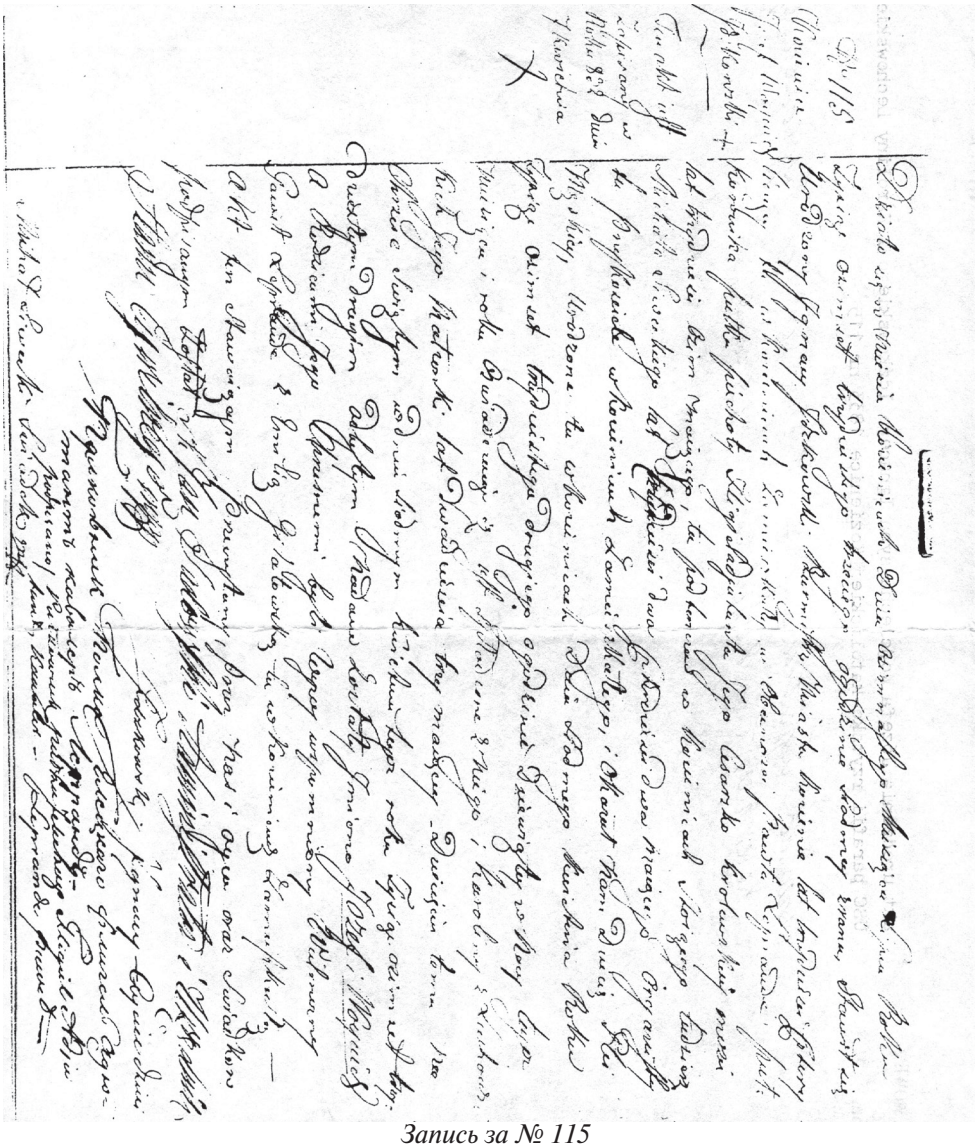
Козеницы — уездный город на реке Козельничке, притоке Вислы. Жителей 4,5 тыс., 508 дворов, костёл, богадельня, мужское и женское училище, паровая мельница. В 1809 году под городом происходила битва с австрийцами. Город многократно был за свою историю разрушен и сожжён.

Луков — уездный город на реке Кржне, время основания его неизвестно, в 1403 г. ему даровано магдебургское право. Жителей 9,5 тыс. Свечная фабрика, маслобойня, кожевенный завод.

Долгое время мне не удавалось докопаться до местонахождения «Бельской Земли» и родового имения «Идзки». Потом додумался в отделе картографии Российской Национальной библиотеки взять старинные военные карты района г. Белостока. Показалось, что название этого города созвучно искомой «Бельской Земле», и этот город территориально находится в Подлясии. Разбил карты на квадраты и стал смотреть все названия населённых пунктов подряд. Так, под Соколами были найдены Идзки и Трусколясы. Город Соколы располагается между двумя крупными польскими городами, Ломжей и Белостоком. Ранее город принадлежал князьям Огинским. В десяти километрах севернее Соколов расположены населённые пункты Идзки и Трусколясы.

За православным Подлясьем в Польше закрепилось название «Несчастный русский угол», оно не сразу подчинилось и Брестской унии 1596 года. Действительно, когда татаро-монголы напали на Русь, многочисленные русские беженцы обосновались именно в этом болотистом районе Польши. Поэтому их потомков можно считать настоящими русскими, хотя и числящимися поляками.

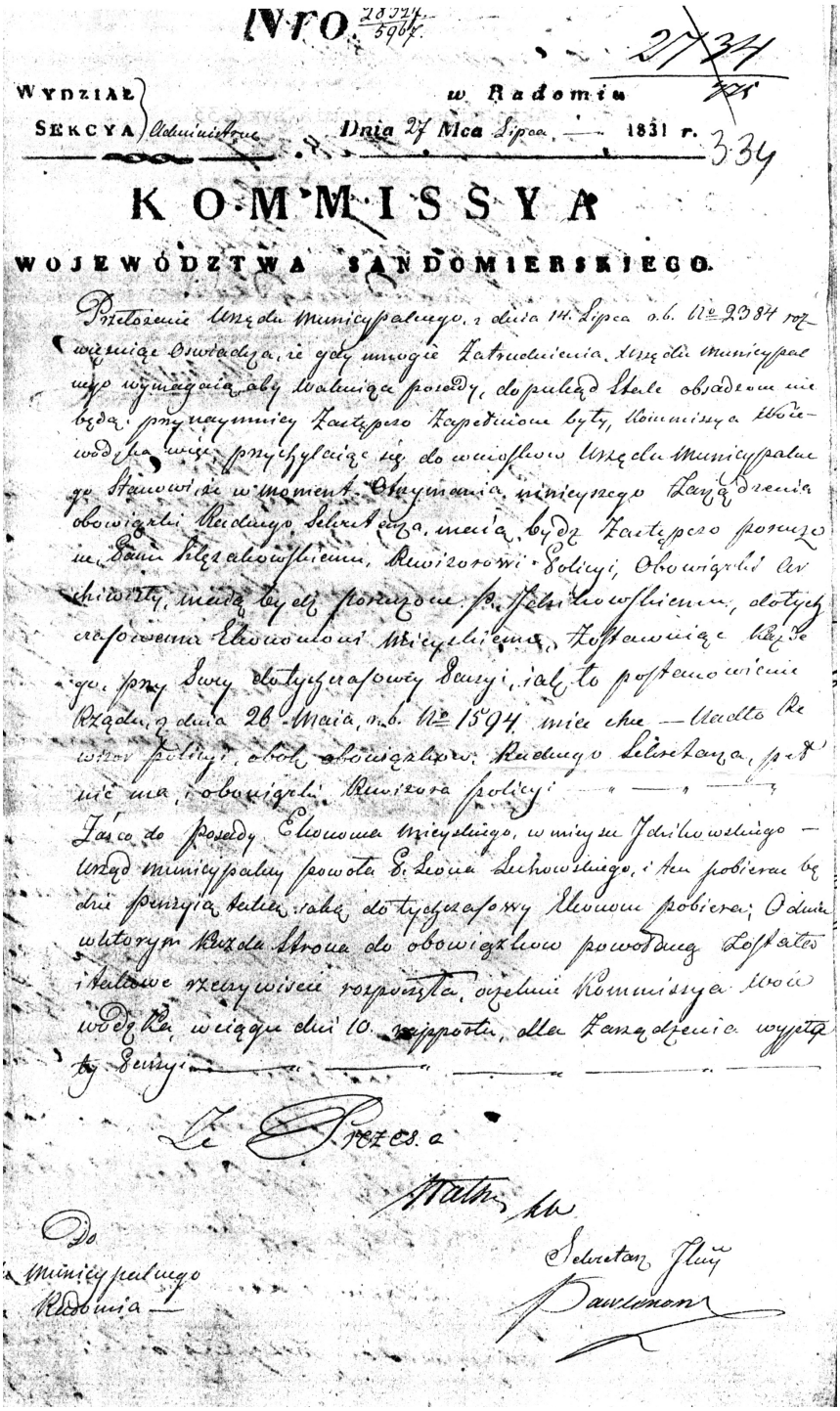
Необходимо отметить, что из более значимой ветви фамилии Идзковских произошёл выдающийся польский архитектор Адам Идзковский. Он получил блестящее архитектурное образование и долгое время стажировался в Италии и Англии. Затем на родине дослужился до архитектора варшавского Королевского замка и Наместникова дворца, что соответствовало генеральскому чину, и дало ему са-

Запись за № 115
в метрической книге римско-католического прихода г. Козеницы от 1833 года
о рождении Ёзефа-Войцеха, второго сына
Игнатия Идзковского и Каролины Леховской

мому в 1851 году право уже не старого (по отцу), а нового потомственного дворянства. В 1902 году внук Адама Идзковского точно таким же путём, как и наш Мечислав-Матвей, подтвердил по российским законам своё дворянское происхождение. Но материалы его дворянского дела не имеют сведений, могущих пролить свет на нашу ветвь Идзковских. Тем не менее, привожу две сохранившиеся выписки из этого дела:

«1828 года августа 20 в г. Варшава строительный асессор Адам Идзковский проживал по улице Длугой № 590. Родился в деревне Трусколясы-Ольшины от благородных Павла обывателя и Марианны урождённой Залевской, там же жительствующих, 29 лет от роду».

Письмо комиссии воеводства Сандомирского о номинации Игнатия Идзковского на должность эконома и архивиста г. Козеницы.
г. Радом, 1831 год

«Адам Идзковский — архитектор бывшего Варшавского Королевского Замка и Наместникова Дворца имеет дом около Стероневцев под названием „Дача Александрия“ с 61 десятиной земли». Прежняя десятина соответствует современному гектару.

ФЕОФИЛ ИГНАТЬЕВИЧ ИДЗКОВСКИЙ

Родился 3 сентября 1836 года в г. Козеницах у Игнатия и Каролины Идзковских, наш предок. О его рождении имеется запись за № 37 в метрической книге римско-католического прихода г. Козеницы от 1838 года.

Это происходило в Козеницах тринадцатого дня февраля тысяча восемьсот тридцать восьмого года в три часа дня. Вельможный пан Игнацы Идзковски, бурмистр г. Козеницы, тридцати шести лет, в присутствии Кшиштофа Зайдлича, Козеницкого Повята, 45 лет, и Игнацы Пшённого, 40 лет, Секретаря Муниципального Управления в Козеницах, представили нам ребёнка мужеского пола, рождённого в Козеницах третьего дня сентября тысяча восемьсот тридцать шестого года в четыре часа дня его супругой пани Каролиной, урождённой Леховской, двадцати семи лет.

Этому ребёнку при святом крещении, совершённом сегодня, даны имена Теофил-Михаил, а его крёстными родителями были упомянутый Кшиштоф Зайдлич и Каролина Зайдлич.

Этот акт прочитан, нами, отцом и свидетелями подписан.

В конце акта стоит подпись Игнатия Идзковского.

Мы не располагаем никакими семейными преданиями о Феофиле. Только благодаря педантичности его сына Юлиана, который после окончания учёбы в Варшавском университете изъял из своего учебного дела копию аттестата о службе отца, и при поступлении на службу в Управление акцизными сборами Витебской губернии вложил его в свой формулярный список. Мы впоследствии нашли эти документы в Национальном архиве Белоруссии.

АТТЕСТАТ

По указу Его Императорского Величества выдан сей аттестат из Ломжинской Контрольной Палаты, служившему в оной Помощником Ревизора, Надворному Советнику Феофилу Игнатьевичу Идзьковскому, в том, что он, как видно из формулярного списка о службе его, имеет от роду 51 год, вероисповедания православного, имеет тёмно-бронзовую медаль на Андреевской ленте в память войны 1853–1856 г.г., получал в год: жалованья 500 руб., столовых 400 руб., а всего 900 рублей; происходит из дворян Царства Польского, имения у него и жены его ни родового, ни благоприобретённого, нет.

По окончании курса наук в Александровском Брестском Кадетском Корпусе, в службу вступил Артиллерийской бригады в лёгкую № 8 батарею прапорщиком 1854 г. июня 17 дня. Прикомандирован к резервной батарейной № 3 батарее 3-й Артиллерийской бригады 1855 г. августа 20, переведён в 1-ю Артиллерийскую бригаду 1855 г. декабря 13,— зачислен в резервную батарейную № 3 батарею 1 Артиллерийской дивизии 1855 г. декабря 17,— прикомандирован к лёгкой № 7 батарее 6 Артиллерийской бригады 1856 г. сентября 17,— произведён в подпоручики 1856 г. сентября 23-го; — переведён в 6 Артиллерийскую бригаду 1856 г. декабря 21, Высочайшим приказом, последовавшим в 26 день декабря 1856 г., по прошению, за болезнью, уволен от службы для определения к статским делам, с переименованием в Губернские Секретари.

АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ

ИЛИ

СПИСОКЪ ГЛАВНЫХЪ ВЛАСТЕЙ

ИМПЕРІИ

и всѣхъ Властей и Чиновниковъ

ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО

на **1850** годъ.

ВАРШАВА,

Въ Казенной Типографіи при Прав. Коммисіи Юстиціи.

ROCZNIK URZĘDOWY

OBEJMUJĄCY

SPIS NACZELNYCH WŁADZ

CESARSTWA

oraz wszystkich Władz i Urzędników

KROLESTWA POLSKIEGO

na rok **1850.**

WARSZAWA,

w Drukarni Rządowéj przy Kommissyi Rząd. Sprawiedliwości.

Сѣдлецкій Городовой Магистратъ.

Президентъ, Осипъ *Блащинскій*. — *Ратманъ-Казначей*, Павелъ Осип. *Буяльскій*. — *Ратманъ-Секретарь*, Константинъ Леон. *Трентовскій*. — *Инспекторъ Полиціи*, Августинъ Фабіян. *Клечинскій*. — *Секретарь Квартирмистръ*, Антонъ Антон. *Бржискій*.

6. Луковскій Уѣздъ.

Начальникъ Уѣзда, Тит. С. Антонъ Павл. *Ржевускій*.— *Помощникъ его*, К. Рег. Александръ Мих. *Куницкій*. — *Лекарь*, Осипъ *Мацѣовскій*. — *Архитекторъ*, Орнано Иван. *Хіарателли*. — *Секретари:* Адамъ Войц. *Высоцкій;* Францъ Мартин. *Буяльскій*.—*Рахмистры:* Осипъ Лук. *Буковскій;* Осипъ Ив. *Слешинскій;* Николай Иги. *Владзинскій*.—*Переводчикъ*, КарлъАлександр. *Малевичъ*.—*Журналистъ-Архиваріусъ*, Антонъ Франц. *Пучковскій*.

Уѣздное Казначейство. Казначей, Иванъ Лавр. *Оржелъ*. — *Контролеръ*, Александръ Ив. *Бочковскій*.—*Ассистентъ*, Феликсъ Семен. *Джимальскій*.

Бургомистры Городовъ.

Адамова,	Мартинъ Лаврен. *Гроидзкій*.
Гарволина,	Мартинъ Ант. *Борейша*.
Ласкаржева,	Г. Секр. Иванъ Григ. *Топчіевскій*.
Лукова,	Игнатій Франц. *Идзьковскій*.
Мацѣевицъ,	Константинъ Ант. *Зухмантовичъ*.
Осецка,	Францъ Игн. *Козловскій*.
Парисова,	Феликсъ Михайл. *Хросцицкій*.

Magistrat Miasta Siedlec.

Prezydent, *Błaszczyński* Józef. — *Kassyer Radny*, *Bujalski* Paweł s. Józ. — *Sekretarz Radny*, *Trętowski* Konstanty s. Leona. — *Inspektor Policyi*, *Kleczyński* Augustyn s. Fab.— *Sekretarz Kwatermis.*, *Brzyski* Antoni s. Antoniego.

6. Powiat Łukowski.

Naczelnik Powiatu, R. H. *Rzewuski* Antoni s. Pawła. *Pomocnik jego*, R. K. *Kunicki* Alexander s. Mich. — *Lekarz Powiatu*, *Maciejowski* Józef.—*Budowniczy*, *Chiaratelli* Ornano s. Jana. — *Sekretarze: Wysocki* Adam s. Wojc.; *Bujalski* Franciszek s. Marc. — *Rachmistrze: Bukowski* Józef s. Łuk.; *Sleszyński* Józef s. Jana.; *Władziński* Mikołaj s. Ign.—*Tłomacz Języka Rossyjskiego*, *Malewicz* Karol s. Alexan*Dziennikarz Archiwista*, *Puczkowski* Antoni s. Franciszka.

Kassa Powiatowa, *Poborca*, *Orzeł* Jan s. Wawr. — *Kontroler*, *Boczkowski* Alexander s. Jana. — *Assystent*, *Drzymalski* Felix s. Szymona.

Burmistrze Miast.

Adamowa,	*Grądzki* Marcin s. Wawrzeńca.
Garwolina,	*Borejsza* Marcin s. Antoniego.
Łaskarzewa,	Sekr. G. *Topczyjewski* Jan s. Grzeg.
Łukowa,	*Idźkowski* Ignacy s. Franciszka.
Maciejowic,	*Zuchmantowicz* Konstanty s. Anton.
Osiecka,	*Kozłowski* Franciszek s. Ignacego.
Parysowa,	*Chróścicki* Felix s. Michała.

Игнатий Идзковский — Бургомистр города Лукова

Согласно прошению, по постановлению Волынской Палаты Государственных Имуществ определён в оную помощником столоначальника 1858 г. июля 6, перемещён помощником бухгалтера 1858 г. июля 8,— определён столоначальником 2-го распорядительного стола хозяйственного отделения 1858 г. октября 20, перемещён помощником Острогского Окружного Начальника Государственных Имуществ 1859 г. февраля 3.

Был под следствием с 14 июля 1861 г. по делу о допущении евреев к продаже питей по Острогскому Округу, с удалением от должности, но действия его признаны удовлетворительными и не дающими повода сомневаться в благонамеренности по службе, то по постановлению Палаты 5 сентября 1862 г., утверждённому Г. Начальником губернии, отставлен от дела свободным с зачислением ему времени нахождения под следствием в действительную службу.

На основании предписания 2-го Департамента Государственных Имуществ, от 17 октября 1862 г. за № 153 определён Помощником Ровенского Окружного Начальника 1862 г. октября 27, на основании Высочайшего повеления, изъясненного в предписании 2 Департамента Государственных Имуществ, от 9 августа 1862 г. за № 298, об упразднении Окружных Управлений, в числе прочих чиновников, оставлен за штатом 1863 г. января 1-го; определён исправляющим должность Столоначальника Судебного Отделения Палаты 1863 г. октября 4-го, произведён в Коллежские Секретари, со старшинством с 1861 г. июля 6, согласно прошения уволен вовсе от службы 1865 г. марта 24.

Назначен Секретарём Радинского Уездного Управления 1865 г. октября 12, произведён в Титулярные Советники, со старшинством с 1864 г. июля 6, перемещён во вновь сформированный Влодавский уезд Делопроизводителем Военно-полицейского Отделения Влодавского Уездного Управления Седлецкой губернии 1867 г. января 1-го.

Согласно собственному желанию, будучи исповедания Римско-католического, принял в Бельской Свято-Троицкой церкви православие 1868 г. августа 22, и, как видно, из Метрической выписи прихода Козенице, Сандомирской Епархии от 1 декабря 1840 г. за № 107, он родился 3 сентября 1836 г. и при крещении в Римско-католичество наречён был двумя именами Теофилом-Михаилом, при присоединении же к Православию назван именем «Феофил».

Согласно прошению уволен вовсе от службы, по болезни, постановлением Седлецкого Губернского Правления 24 марта 1869 г. с правом на получение при отставке пенсии по уставу Империи.

Назначен Письмоводителем и Бухгалтером 1 Округа Акцизного Управления Ломжинской, Плоцкой и Сувалкской губерний 1870 г. июня 1-го; назначен Старшим Помощником Надзирателя 2 Округа сего же Управления 1871 г. января 1-го; произведён в Коллежские Асессоры со старшинством с 1871 г. декабря 22-го; перемещён на такую же должность в 5 Округ сего же Управления 1872 г. июля 1-го; перемещён на таковую же должность в 3 Округ 1973 г. октября 15; перемещён на таковую же должность в 1 Округ сего же Управления.

Согласно прошению уволен вовсе от службы, по разстроенному здоровью 1882 г. декабря 13.

Согласно прошению, по постановлению Управляющего Ломжинской Контрольною Палатой от 1 декабря 1883г за № 7080, определён на службу Счётным Чиновником в ту же Палату 1 декабря 1883 г.; по постановлению того же Управляющего, от 1 мая 1885 г. за № 9512, назначен Помощником Ревизора в ту же Палату 1 мая 1885 г.

СПИСОКЪ

ДВОРЯНАМЪ

ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО,

СЪ ПРІОБЩЕНІЕМЪ

КРАТКИХЪ СВѢДѢНІЙ

О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХЪ ДВОРЯНСТВА.

SPIS

SZLACHTY

KRÓLESTWA POLSKIEGO,

Z DODANIEM

KRÓTKIÉJ INFORMACYI

O DOWODACH SZLACHECTWA.

WARSZAWA.

W DRUKARNI STANISŁAWA STRĄBSKIEGO.

1851.

I.

Ichnatowski h. ACHINGER.
Damazy Adam, syn Łukasza 58

Idziński h. ŚLEPOWRON.
Franciszek Jan (Chryzostom) Karol, syn Jakóba 4

Idziński. *
Hiacynt 5

Idźkowski h. JASTRZĘBIEC.
Antoni, syn Józefa 216
Adam, s. Pawła 157
Ignacy, s. Franciszka 194
Maciéj Marcelli, s. Jakóba 493
Szymon, s. Franciszka 508
Felix, s. tegoż 509
Józef, s. Pawła 510
Andrzéj, s. Walentego 458
Augustyn, s. Pawła 323
Wawrzyniec, s. Wawrzyńca 345
Grzegórz, s. Macieja 395
Maciéj Jan, s. Macieja 393
Jakób Wincenty, s. tegoż 394
Stefan, s. Józefa 512

Idźkowski h. LUBICZ.
Benedykt, syn Wojciecha 351

Idźkowski h. ŚLEPOWRON.
Tomasz, syn Walentego 233
Franciszek Paweł, s. tegoż 234
Benedykt Alexander, s. Pawła 421

Ignatowski h. NOWINA.
Julian Walenty Jan (Ewangel.), syn Jana (Kantego) 314

Ike h. DUNINOWSKI *
Karol Albrecht Wilhelm 6

Illustrowski.
Stanisław Wincenty, syn Karola 385

Iłowiecki h. OSTOJA.
Józef Jan Benon, syn Stanisława 104
Józef Alexander Benedykt, s. Wojciecha 105

Ines de Leon.
Nikodem 173

Irzykowicz *Mondwid* h. LELIWA.
Tomasz Aloizy Józef, syn Antoniego 77

Isajski. *
Konstanty Piotr Leopold, syn Andrzeja Leopolda 28

Iskrzycki h. TRĄBY.
Andrzéj Franciszek, syn Walentego 115

Iwanicki h. SKARBNIK. *
Józef, syn Andrzeja 18

Iwanowski h. ŁODZIA.
Andrzéj, syn Stefana 160
Władysław Józef, s. Andrzeja 433

Iwanowski h. ROGALA.
Michał Dyonizy Teodor, syn Szczepana 490

Izbiński h. PRAWDZIC.
Wincenty Piotr Celestyn, syn Kazimierza 82
Adam, s. Placyda 83

Izdebski h. POMIAN.
Michał Maurycy Mikołaj, 71
Hilary, syn Ignacego 75
Gracyan Wiktoryn, s. Antoniego 200
Alexander Franciszek Marcelli, s. Józefa 201
Karol, s. Wojciecha 227
Jan Grzegórz, s. tegoż 228
Piotr, s. Jana 229

Указом Правительствующего Сената, по Департаменту Герольдии от 24 октября 1885 г. за № 105, произведён за выслугу лет в чин Надворного Советника, со старшинством с 1-го мая 1885 года.

Согласно прошению, по постановлению Г. Управляющего Ломженской Контрольной Палатою, от 28 января 1888 г. за № 2675, уволен от службы, по совершенно разстроенному здоровью с 28 января 1888 г.

В походах против неприятеля и в самих сражениях не был.

Наказаниям или взысканиям, соединённым с ограничениями в преимуществах по службе,— не подвергался. В подозрениях по преступлениям влекущим за собой ограничения в преимуществах по службе оставляем не был. В отпусках был: в 1860 г. с 15 марта на 28 дней; в 1874 г. с 20 мая на 27 дней; в 1877 г. на 28 дней и этим последним отпуском пользовался лишь в течении 6 дней; в 1882 г. с 25 июня по 20 августа и в 1887 г. с 23 мая на 6 недель, для пользования от болезни Бусскими минеральными водами, Клёцкой губернии, и в сроки к службе являлся.

Женат вторым браком на Юлии Осиповне Лимпицкой, имеет детей: от первого брака — сына Венедикта, родившегося 21 марта 1863 г., и от второго брака: сыновей — Романа родившегося 12 июля 1879 г.; Юлиана, родившегося 20 июня 1880 г.; и дочерей: Марию, родившуюся 23 января 1882 г., и Эмилию, родившуюся 8 августа 1884 г. Жена вероисповедания Римско-католического, а дети православного и находятся при нём.

Город Ломжа января 29 дня 1888 года.

Подлинник подписали: Управляющий Ломженской Контрольною Палатою, действительный Статский Советник и Кавалер Шуринов и Секретарь Палаты, надворный Советник Заславский.

Настоящая копия с аттестата выдаётся из Ломженской Контрольной Палаты окончившему полный курс наук в Ломженской мужской гимназии Юлиану Идзьковскому, на предмет представления им этой копии в числе других документов в Варшавский Императорский Университет.

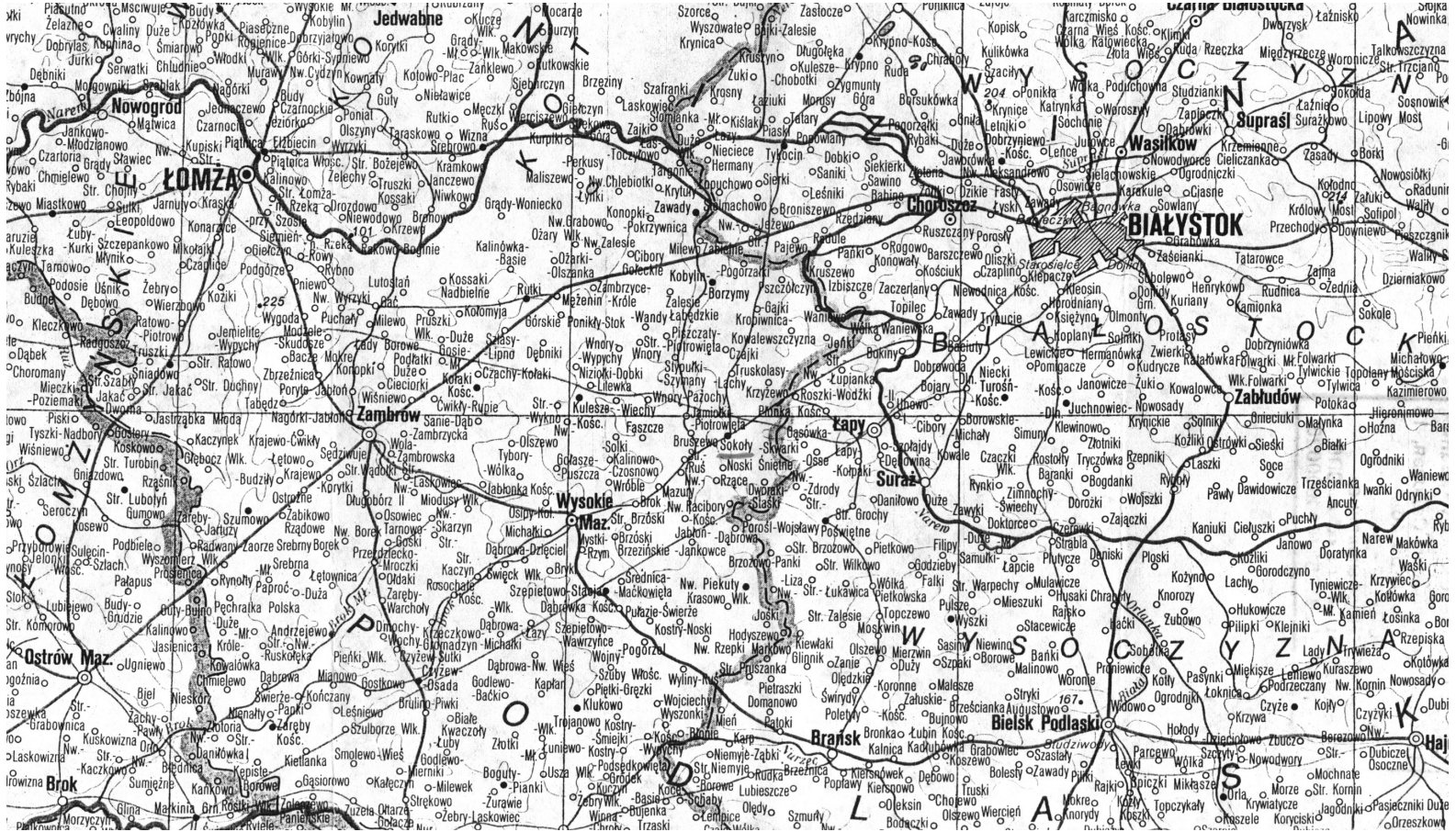
Город Ломжа июня 19 дня 1899 г.

Заметки о ходе поиска. Из анализа аттестата о службе Феофила можно сделать несколько выводов. Можно предположить, что он умер в промежутке с 1889 по 1899 год, примерно в возрасте 60 лет, и похоронен в г. Ломжа.

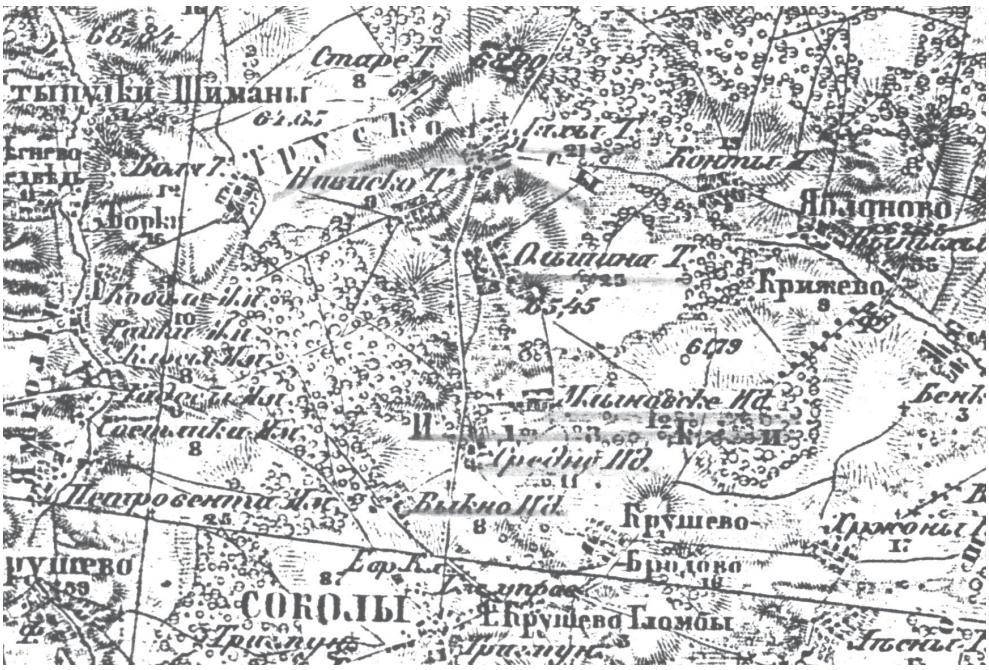
Скорее всего, он был мужчина болезненный, находясь с 8 лет в казарме на казённых харчах много здоровья не приобретёшь. Отсюда и все его отставки со ссылками на состояние здоровья. Можно также предположить, что в переходе с военной службы на гражданскую сыграло свою роль накопившееся раздражение казарменной жизнью. Был он настоящим поляком — натура мечущаяся, непостоянная, не склонная к упорному систематическому труду. Кажется, он поменял всё, что было возможно поменять. Военную службу на гражданскую, католичество на православие, один род службы на множество других. А если нечего было в данный момент менять, то он просто менял один город на другой. Просматривается неуживчивость характера. Конечно, в такой круговерти добиться какого-то ощутимого результата в служебной деятельности было невозможно.

Мы видим, что Феофил не имеет пристрастия к определённому роду чиновничьей службы. Начинает в палате государственных имуществ, затем служит в уездном управлении, в акцизном управлении, в контрольной палате. Дослуживается до чина, соответствующего подполковнику в армии.

В Российском государственном военно-историческом архиве (Москва) документов 1 Артиллерийской дивизии, в которой служил Теофил, мною найдено не было.

Город Соколы, рядом с которым находились поместья рода Идзкоских,
расположен по дороге идущей на юго-запад от крупного польского города Белосток

К северу от г. Соколы находилась местность под названием «Идзки» с родовыми поместьями Идзковских - деревнями Идзки(Выкно, Средне, Млыновские). Карта Российского Генерального Штаба середины 19 века

Зато сохранилось несколько документов Брестского кадетского корпуса. Это алфавитный список кадетов, и в нём на странице соответствующей букве «И» записано, что «Теофил Идзковский — зачислен на учёбу с июля 1845 г., направленец Царства Польского, сын бургомистра г. Лукова», именно из этой записи мы впервые узнали, что Игнатия из г. Козеницы перевели к новому месту службы в г. Луков. Другой, найденный в архиве документ, это стопка листов бумаги с доносами кадетов друг на друга. Фамилия Идзковского в доносах не встречается.

Жалко маленького Теофила, он попадает в казарму в 8 лет. Возникает крамольная мысль, что родители не очень его любили, если отдали так рано в армию, а, может быть, в те времена так было принято?

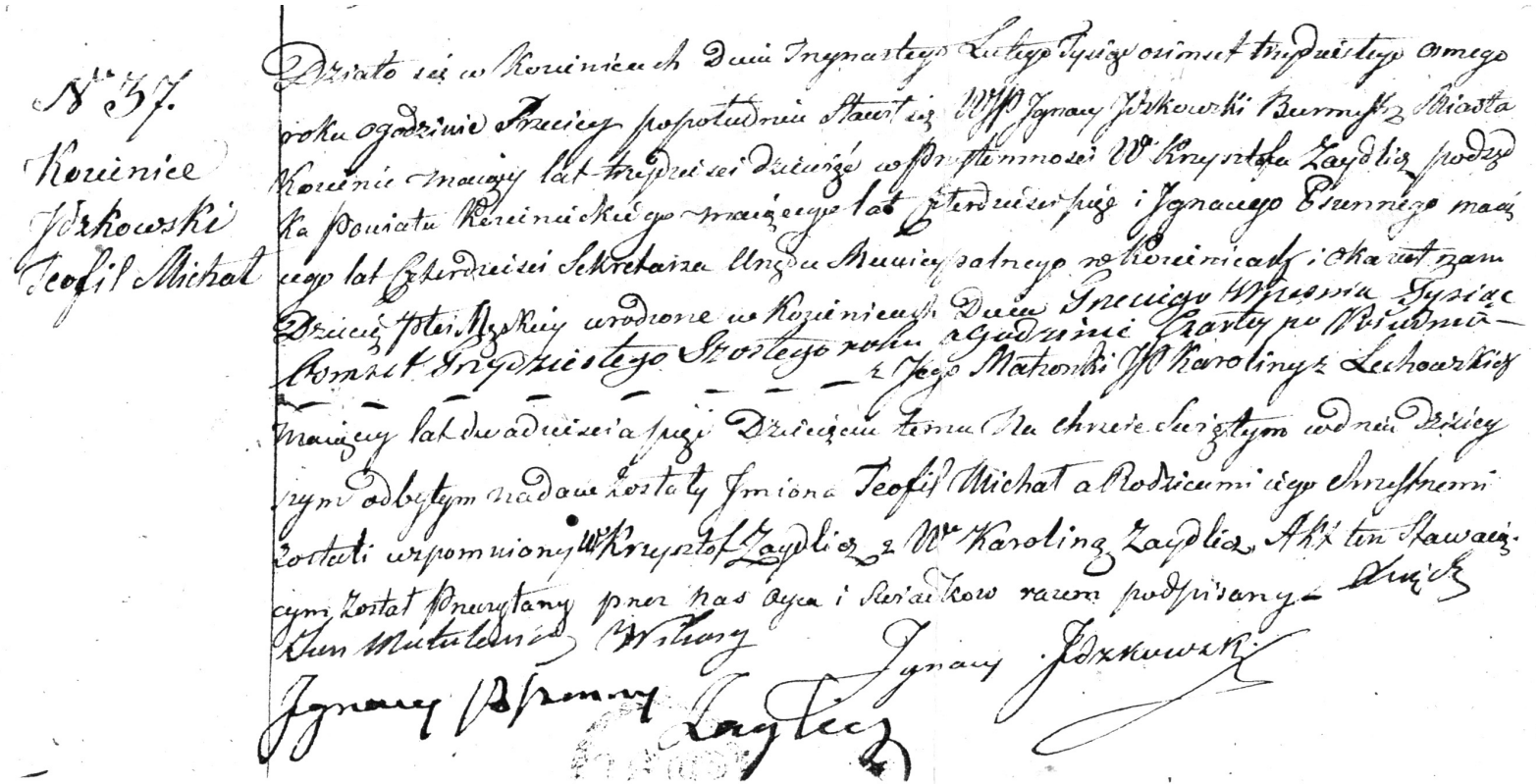
По нашему запросу консульский отдел посольства Польши в Москве прислал нам копию свидетельства о рождении Феофила в 1836 году, приведённого выше.

ЮЛИЯ ОСИПОВНА ЛИМПИЦКАЯ (ИДЗКОВСКАЯ)

Родилась в Польше в 1855 году, римско-католической веры. Среди потомственных дворян Царства Польского фамилия Лимпицких отсутствует, но, маловероятно, что происходила из мещан. Предположительно, была дочерью чиновника. Около 1878 года, в возрасте 25 лет, выходит замуж за 42-х летнего Феофила Игнатьевича Идзковского. От этого брака родилось 4 детей: Роман; Юлиан, наш предок; Мария и Эмилия.

Роман — спился и пропал.

Мария — тётя «Маня», была замужем за капитаном Николаем Токаревским, начальником оркестра 38-го Тобольского пехотного полка, участником первой

Запись за № 37
в метрической книге римско-католического прихода г. Козениц от 1838 года
о рождении 3 сентября 1836 года Теофила-Михаила, сына Игнатия Идзковского и Каролины Леховской

мировой войны. Он происходил из старинного польского рода. Своих детей у них не было, просили они жену Юлиана Полину Леопольдовну отдать им на воспитание Тасю, а потом Таню, но та оба раза отказала. В 1937 году «Чёрный Ворон» забрал дядю Колю в НКВД, и он погиб в сталинских лагерях.

После ареста мужа тётю Маню сразу переселили со 2-го этажа в подвал, поменяли с теми, кто жил в подвале, людьми сугубо партийными. Они запугали тётю Маню арестом, отобрали пианино и массу безделушек, привезённых дядей Колей из Японии, и стали жить в их квартире. Позже выяснилось, что это именно они написали донос и погубили дядю Колю.

Умерла тётя Маня в г. Горьком в 1966 году в возрасте 86 лет. После неё осталось множество старинных вещей. Иконы в золотых окладах такой цены, что родственники постеснялись их даже взять. А, главное,— старинные семейные фотографии в альбомах и документы. Фактически это был архив рода Идзковских. Ольга Юлиановна к этим документам интереса не проявила, и их забрала тётя Катя, вдова Николая Идзковского, сына Юлиана, которая сразу все документы сожгла из-за страха перед Советской властью. Хотя ей самой было за 50 лет, она уже была вдова, и был 1966, а не 1937 год. Всё было безвозвратно утеряно. Когда в конце 60-х годов сносили дом, в котором жила тётя Маня, то в печи её старой квартиры нашли две замурованные винтовки. Видно, дядя Коля на всякий случай припрятал.

Эмилия — тётя «Мися», была замужем за капитаном 14-го Олонецкого пехотного полка Эразмом Семилетом, погибшем в первую мировую войну, у них было двое детей. Эмилия, как и её незамужняя дочь Галя, обе умерли от инсульта.

Семья Идзковских жила в конце XIX века в польском губернском городе Ломжа. Все дети получили гимназическое образование, хотя после смерти Феофила Игнатьевича семья очень нуждалась. Сохранилось предание, что для того, чтобы сын Юлиан смог окончить Варшавский университет, Юлия Осиповна даже стирала бельё на богатых. С началом первой мировой войны она переезжает в Нижний Новгород, где уже проживали две её дочери с мужьями, и куда к 1917 году приезжает в эвакуацию семья Юлиана Идзковского.

Жила Юлия Осиповна с дочерьми Маней и Мисей, у которых было по две комнаты и общая кухня — резиденция Юлии Осиповны, где она готовила на всех еду, мыла и стирала. И Маня и Мися держались по-барски, а их мать вела себя очень скромно, даже стеснялась есть у дочерей и часто ела то, что уже портится.

В голодный 1921 год устроила свой день рождения. Гостям дала по фунту хлеба и пачке папирос. Те были ужасно довольны.

Юлия Осиповна была носатая, худенькая, всегда чем-то озабоченная. Говорила по-русски с сильным польским акцентом и перемежала русскую речь польскими словами. Очень верующая, еженедельно посещала костёл, а после ареста и расстрела польских ксёндзов даже заболела.

Умерла в Нижнем Новгороде в 1926 году в возрасте 70 лет и похоронена на немецком кладбище, рядом с Кулибинским парком. В архиве Нижегородского областного отдела ЗАГС была найдена запись за № 202 о смерти Идзьковской Юлии Осиповны в 1926 году, гражданки Польши, 1855 года рождения.

ЮЛИАН ФЕОФИЛОВИЧ ИДЗКОВСКИЙ

Родился 20 июня 1880 года у Феофила Игнатьевича и Юлии Осиповны Идзковских в городе Кольно Ломженской губернии, наш предок. По словарю Брокгауза и Эфрона: Кольно — польский уездный город, дворов 712, жителей 6 тысяч чело-

Юлия Осиповна Лимпицкая (Идзковская).
г. Плоцк, 1878 год

Юлия Осиповна Идзковская сидит в центре. Дети - Валентин и Галина Семилет. Стоят: штабс-капитан 14-го Олонецкого пехотного полка Эразм Дмитриевич Семилет с женой Эмилией и Мария Токаревская (обе дочери Юлии Осиповны). г. Ломжа, 1911 год

век. На запад от города на многие километры тянутся огромные болота. Ломжа — губернский город, в 145 верстах от Варшавы, 20 тысяч жителей. Хорошо обустроен, 2 рынка, общественный сад, театр, библиотека, мужская и женская гимназии.

Юлиан окончил полный курс наук в Ломженской мужской гимназии. В июле 1899 года обратился в Ломженскую Контрольную палату за копией аттестата о службе отца, который необходимо было представить для поступления в университет. В 1903 году окончил юридический факультет Варшавского университета. Из Формулярного списка о службе мы знаем, что Юлиан Идзковский в 1903 году вступил в должность младшего штатного контролёра Витебского акцизного управления; в 1903 году произведён в губернские секретари; в 1905 году произведён в коллежские секретари; в 1909 году назначен старшим контролёром; в 1913 году назначен младшим помощником акцизного надзирателя; в 1914 году произведён в титулярные советники; в 1917 году произведён в коллежские асессоры (чин соответствует армейскому майору).

19 октября 1904 года Юлиан обратился к вышестоящему начальнику с просьбой о выдаче разрешения на право вступления в законный брак с дочерью статского советника Полиной Леопольдовной Фрейбург. Разрешение было получено и венчание состоялось 10 января 1905 года. У них дети: Ольга — 13 января 1906 года рождения, наш предок; Наталья — 20 мая 1907 года рождения; Николай — 19 октября 1908 года рождения; Татьяна — 30 декабря 1917 года рождения.

По службе своим непосредственным начальником Юлиан характеризуется как порядочный человек, аккуратный, трудолюбивый и полезный работник, весьма серьёзно относящийся к своим служебным обязанностям. Идзковскому поручается в 1906–1907 годах заведовать несколькими винокуренными заводами. С наступлением немецких войск в 1914 году вся семья Юлиана из г. Лепеля бежит в г. Нижний Новгород. Там проживали его сёстры — Маня и Мися, которые их принять отказались, сказав, что они им «не собес». И всё семейство Юлиана вынуждено было жить сначала в какой-то землянке, и только потом, когда освободилась квартира в доме сестёр, они перебрались туда. Затем, когда положение на фронтах стабилизируется, они возвращаются обратно в г. Лепель. В конце 1916 года вторично бегут от наступающих немцев в г. Нижний Новгород, где жена с детьми остаётся, а Юлиан один возвращается назад, на службу. В начале 1918 года он приезжает из Лепеля в Нижний Новгород за семьёй и остаётся здесь уже навсегда. В этом же году Идзковский является уже сотрудником отдела химической промышленности Нижегородского губсовнархоза.

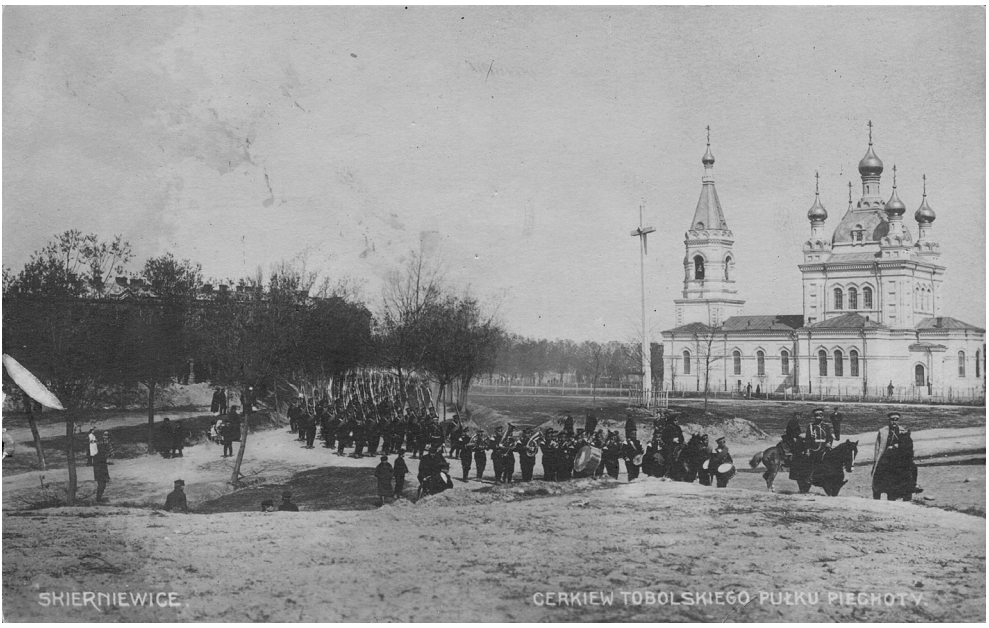
Умер Юлиан Феофилович 8 декабря 1919 года в Н. Новгороде в возрасте 39 лет от туберкулёза. Похоронен на немецком кладбище, недалеко от могилы бабушки писателя Горького, сейчас на этом месте находится Кулибинский парк.

По преданию, Юлиан был человеком гордым, семью держал в строгости. Требовал, чтобы его кормили отдельно от детей. Был хорошим математиком. Страдал геморроем, отчего, по стойкому убеждению Ольги Юлиановны, и умер. У него текла кровь, а условий для лечения не было никаких, не было даже отдельного туалета, и все ходили в одно общее ведро. Он, конечно же, при своей гордости, очень стеснялся такой болезни.

Был верующим. При бегстве в Н. Новгород из всего имущества взял для себя только икону, которой их с Паулиной венчали, да две тетрадки: одну с собственноручно переписанными туда молитвами, другую с любимыми анекдотами. Всё остальное семейное имущество было брошено. Служба Юлиана складывалась не особенно удачно, возможно, проявлял мало инициативы. Имея юридическое

Мария Феофиловна Идзковская (Токаревская) с мужем, начальником оркестра 38-го Тобольского пехотного полка капитаном Николаем Петровичем Токаревским. г. Нижний Новгород, 1914 год

Тобольский пехотный полк проходит торжественным маршем мимо своей церкви. За командованием идёт полковой оркестр во главе с Н.П.Токаревским. Польша, г. Шкиерниевиц, 1909 год

«Манечка! Хоть бы съесть крошечку, которую ты сметаешь со своего стола...» Портрет Н.П.Токаревского, выполненный карандашом.

образование, в акцизные чиновники пошёл, видно, по стопам отца, который одно время служил по этому ведомству. Как получилось, что поляк, коренной житель г. Ломжи, имеющий университетское юридическое образование, оказался за 3 губернии от родного дома, да ещё и на службе не по специальности?

Главная причина, наверное, в желании жениться на Паулине, которая с матерью к тому времени переезжает из Варшавы в Лепель. Вот за ней-то вслед и едет Юлиан. А так как для женитьбы нужны средства, то он, не особенно разбирая, берёт первое попавшееся свободное место в Лепеле и становится акцизным чиновником.

И ещё один факт, высвечивающий характер Юлиана. 2 января 1918 года в Нижегородской церкви при роддоме происходит крещение последней родившейся у Юлиана и Полины дочери Татьяны. В графе о звании родителей Юлиан настоял на записи — «потомственный дворянин», видно, он так хотел выразить свой протест против Октябрьской революции. Это ещё можно как-то понять, будь Юлиан формально, по закону, потомственным дворянином. Да, его дед был потомственным дворянином, это подтверждается документально, но уже отец его это звание не подтверждал. И точно известно, что Юлиан в Департамент Герольдии Сената за подтверждением не обращался. Из-за этой записи восьмилетнюю Татьяну, его дочь, не приняли в 1925 году в школу по социальному происхождению. И пришлось Паулине с великим трудом покупать ей новую метрику.

Заметки о ходе поиска. Повезло нам, что Юлиан оказался человеком предусмотрительным и вложил Аттестат о службе своего отца в своё личное дело. А также, что Минский архив, в который впоследствии попали эти документы, сумели эвакуировать летом 1941 года. В архивном фонде «Витебское губернское акцизное управление» Национального архива Республики Беларусь (г. Минск) были найдены следующие материалы об Идзковском Юлиане Феофиловиче, которые мы полностью или частично цитируем:

1. Аттестат о службе надворного советника Феофила Игнатьевича Идзьковского за 1888 год (ф.2504, оп.1, д. 1478, лл. 15–18).

2. Удостоверение № 3893, выданное 9 июня 1903 года Императорским Варшавским университетом Ю. Идзьковскому в том, что он окончил курс юридических наук и «в бытность свою студентом Университета не принимал участия в противозаконных проявлениях» (ф.2504, оп.1, д. 1478, л. 19).

3. Свидетельство № 293, выданное 23 июня 1904 года Советом Императорского Варшавского университета об окончании в 1903 году курса наук на юридическом факультете студентом Ю. Ф. Идзьковским, который «Выслушал преподаваемый на означенном факультете, согласно распоряжению Г. Министра Народного Просвещения от 6 марта 1897 года за № 5999, особый специальный курс местного остзейского гражданского права и знания его по этому предмету оценены на окончательных испытаниях баллом 4 (хорошо)» (ф.2504, оп.1, д. 1478, л. 28).

4. Прошение Ю. Ф. Идзьковского, проживавшего в г. Ломже, управляющему акцизными сборами Витебской губернии от 5 июля 1903 года о предоставлении ему должности штатного контролёра в одном из округов акцизного управления (ф.2504, оп.1, д. 1478, л. 4).

Его Превосходительству Господину Управляющему
Акцизными сборами Витебской губернии
от Окончившего курс юридических наук
в Императорском Варшавском Университете
Юлиана Феофиловича Идзьковского,
проживающего в г. Ломже.

Юлиан Идзковский - ученик Ломженской мужской гимназии.
г. Ломжа, 1879 год

Друзья - студенты.
Юлиан Идзковский (стоит слева) с братьями своей будущей жены — Ричардом (стоит справа) и Артуром (сидит справа) Фрейбургами.
г. Варшава, 1900 год

ПРОШЕНИЕ

Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о предоставлении мне должности штатного контролёра в одном из округов вверенного Вам Акцизного Управления. К сему считаю нужным доложить, что личные мои документы я представлю по первому требованию.

Юлиан Идзьковский

г. Витебск июля 5 дня 1903 г.

5. Формулярный список о службе младшего помощника надзирателя 2-го округа Витебского акцизного управления, коллежского секретаря Ю. Ф. Идзьковского за 1903 год (ф.2504, оп.1, д. 1478, лл. 1–3).

6. Прошение младшего штатного контролёра 6-го округа Витебского акцизного управления Ю. Ф. Идзьковского, проживавшего в г. Лепеле, управляющему акцизными сборами Витебской губернии от 19 октября 1904 года о разрешении ему вступить в брак с Полиной Леопольдовной Фрейбург (ф.2504, оп.1, д. 1478, л. 30).

Его Превосходительству Господину Управляющему Акцизными
сборами Витебской губернии от Младшего Штатного Контролёра
6 округа Витебского Акцизного Управления
Юлиана Феофиловича Идзьковского

ПРОШЕНИЕ

Покорнейше прошу Ваше Превосходительство выдать мне разрешение на право вступления в законный брак с дочерью Статского Советника Полиной Леопольдовной Фрейбург.

Юлиан Идзьковский

г. Лепель октября 19 дня 1904 г.

7. Прошение младшего штатного контролёра Ю. Ф. Идзьковского управляющему акцизными сборами Витебской губернии от 23 августа 1906 года о выдаче его жене П. Л. Фрейбург паспорта, где говорилось: «Прилагая при сём удостоверение местной полиции о сделанном мною заявлении об утере женою моею Полиною Леопольдовною бессрочной паспортной книжки покорнейше прошу Ваше Превосходительство выдать взамен утерянной книжки ея дубликат со внесением туда и дочери моей Ольги» (ф.2504, оп.1, д. 1478, л. 39).

8. Донесения надзирателя 6-го округа Витебского акцизного управления управляющему акцизными сборами Витебской губернии от 6 ноября 1906 года и 5 февраля 1907 года о поручении Ю. Ф. Идзьковскому заведовать винокуренными заводами в 1-м участке (ф.2504, оп.1, д. 1478, лл. 45–46).

9. Письмо П. Л. Фрейбург управляющему акцизными сборами Витебской губернии от 17 ноября 1908 года с просьбой назначить её мужа Ю. Ф. Идзьковского на должность старшего контролёра (ф.2504, оп.1, д. 1478, лл. 53–54).

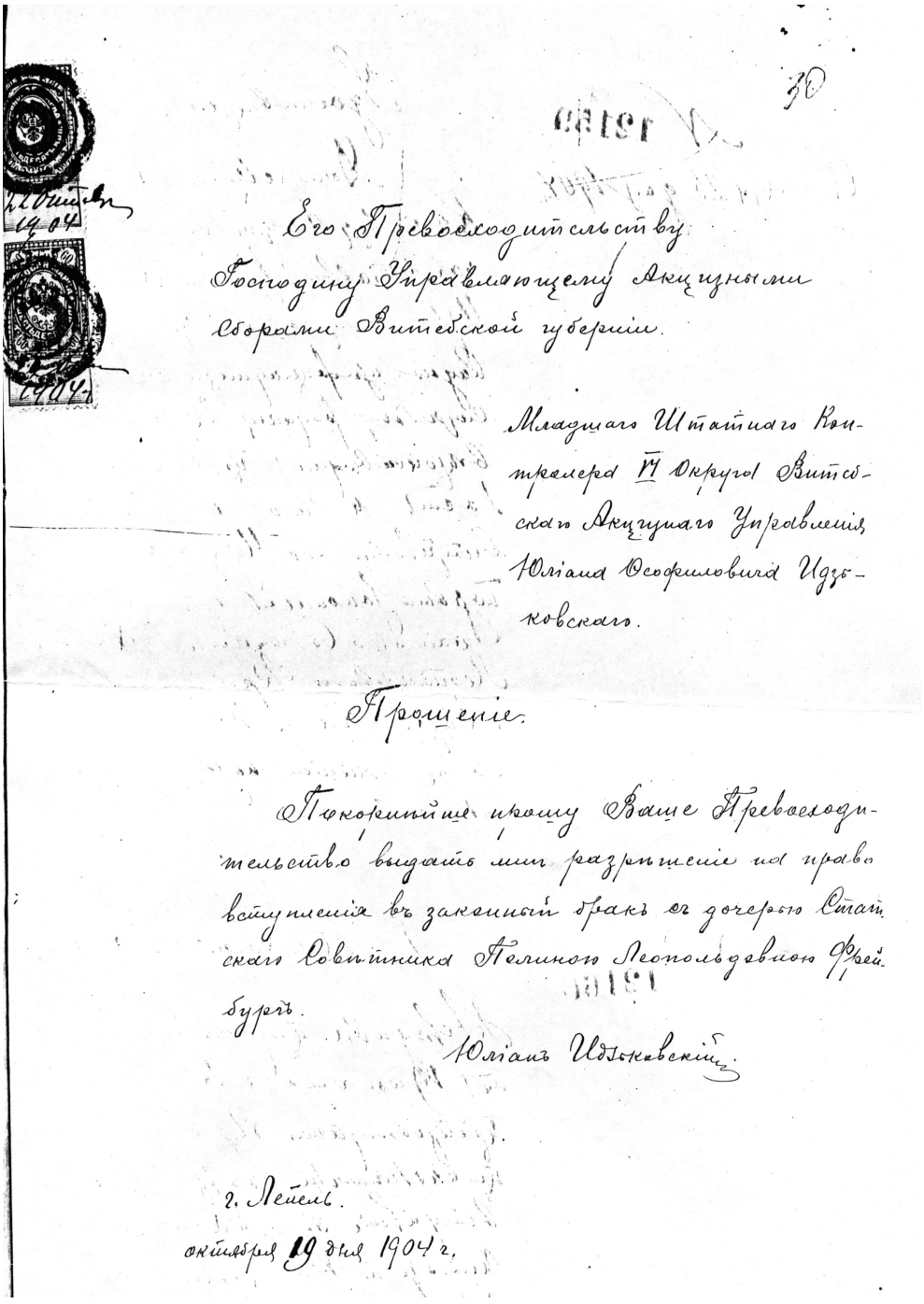
10. Ходатайство надзирателя акцизных сборов 2-го округа Витебской губернии управляющему акцизными сборами Витебской губернии от 5 февраля 1913 года о зачислении контролёра Идзьковского кандидатом на должность помощника надзирателя (ф.2504, оп.1, д. 1478, л. 62).

Господину Управляющему
Акцизными сборами
Витебской губернии

Старший контролёр вверенного мне округа Идзьковский, состоящий на службе по акцизному ведомству в течение 10-ти лет, зарекомендовал себя аккуратным, трудолюбивым и полезным работником, весьма серьёзно относящимся к своим служебным обязанностям.

Юлиан Феофилович Идзковский с женой Паулиной Леопольдовной Фрейбург. г. Варшава, 1904 год

Его Превосходительству
Господину Управляющему Акцизными
сборами Витебской губернии.

Младшаго Штатнаго Контролера IV Округа Витебскаго Акцизнаго Управленія, Юліана Ософиловича Идзъковскаго.

Прошеніе.

Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство выдать мнѣ разрѣшеніе на право вступленія въ законный бракъ съ дочерью Статскаго Совѣтника Полиной Леопольдовной Фрейбургъ.

Юліанъ Идзъковскій.

г. Лепель.
октября 19 дня 1904 г.

Прошение Юлиана Феофиловича Идзковского от 19 октября 1904 года о выдаче ему разрешения на вступление в брак с дочерью Статского Советника Полиной Леопольдовной Фрейбург

Эти качества г. Идзьковского в связи с его безусловной порядочностью как человека побуждает меня ходатайствовать перед Вашим Превосходительством о зачислении его в число кандидатов на должность Помощника Надзирателя.

5 февраля 1913 г. Окружной Надзиратель Ходниев.

Резолюция: «Прошу справку о формуляре Идзьковского».

Резолюция: «Оставить открытым по освободившейся вакансии».

11. Прошение надзирателя акцизных сборов 2-го округа Витебской губернии управляющему акцизными сборами Витебской губернии от 21 июня 1913 года о внесении в паспортную книжку Ю. Ф. Идзьковского изменений, происшедших в его служебном положении, а именно: «с 1 июня 1913 г. старший штатный контролёр Идзьковский назначен младшим помощником надзирателя 2-го округа Витебской губ.» (ф.2504, оп.1, д. 1478, л. 65).

12. Удостоверение № 327, выданное 24 сентября 1916 года Лепельским Мариинским женским училищем Идзьковской Ольге в том, что «она обучается во 2 классе Лепельского Мариинского 4-х классного женского училища за счёт своих родителей» (ф.2504, оп.1, д. 1478, л. 84).

13. Прошение Ю. Ф. Идзьковского управляющему акцизными сборами Витебской губернии от 22 марта и 10 апреля 1918 года о возможности его возвращения с семьёй из Нижнего Новгорода в г. Лепель (ф.2504, оп.1, д. 1478, лл. 90–91).

Господину Управляющему

Акцизными сборами Витебской губернии

24 / 11 февраля я выехал из Лепеля в Нижний Новгород за семьёй, о чём донёс Надзирателю Округа, причём в своём донесении сообщил, что в Нижнем пробуду 2 недели. Выезд мой совпал как раз с наступлением немцев; как далеко прошли они в своём наступлении, я не знал, но Витебскую губернию считал занятой, так как телеграммы туда от меня не приняли. В виду этого я обратился к Управляющему акцизными сборами Нижегородской губернии с просьбой содействовать мне в выяснении вопроса, могу ли я возвращаться в Лепель, а временно просил прикомандировать меня к Нижегородскому Акцизному управлению. По этому поводу здешний Управляющий вступил в переписку с Главным Управлением налоговых сборов.

Вдруг вчера получаю письмо из Лепеля от Помощника Надзирателя Евстафьева. Витебск, по-видимому, свободен.

В скорейшем возвращении в Лепель я очень заинтересован, т.к. жизнь тут невероятно дорога, а жалования ниоткуда не получаю, поэтому прошу Вас не отказывать мне в сообщении по телеграфу, могу ли сейчас выезжать вместе с семьёй к месту своего служения, или выезд туда пока невозможен.

Так как все деньги, рассчитанные на обратный путь в Лепель, уже прожиты, то нельзя ли выслать мне экстренный отзыв на провоз по железной дороге меня, жены, четверых детей, прислуги и 10 пудов багажа.

Помощник Надзирателя 2 Округа в Витебском Акцизном Управлении

Ю. Идзьковский.

Нижний Новгород Преображенский переулок д. № 3, кв. 6

марта 22 / 9 дня 1918 года.

14. Удостоверение № 208, выданное 26 декабря 1918 года отделом химической промышленности Губсовнархоза Нижнего Новгорода Ю. Ф. Идзьковскому в том, что «он состоит сотрудником Отдела химической промышленности с 27 июня 1918 года и до 1 сентября получал оклад 540 рублей в месяц, а с 1 сентября 740 рублей» (ф.2504, оп.1, д. 1478, лл. 103).

ФРЕЙБУРГИ

Происходят из прибалтийских немцев.

ХАНС-ГУСТАВ ФРЕЙБУРГ

Наш предок. Родился около 1800 года. Место рождения и родители неизвестны. По сведениям из Тартуского архива (EESTI AJALOOARHIIV) в 1832 году Густав Фрейбург проживал в имении Старый Юргенс, современное название Юри, церковь и церковное поселение в Харьюском уезде, волость Раэ. Существует и поныне в 20 километрах южнее Таллина, в 1970 году там насчитывалось 183 жителя (EAA, ф.864, оп.1, дд. 3,4).

В 1834 году Густав женится на Марии Хеймбергер, брак заключался в церкви «Святого Юргенса». В том же 1834 году мы встречаем Густава в списке граждан города Дерпта, он числится арендатором (EAA, ф.995, оп.1, д. 27846).

Современное название Дерпта — г. Тарту, республика Эстония.

В архивном фонде «Дерптская Большая Старой Марии Гильдия» (EAA, ф.1818, оп.1, 35, л. 20–20 об.; д. 52, л. 16) имеется протокол от 18 декабря 1834 года о причислении арендатора Густава Фрейбурга к Большой гильдии и выдаче ему аттестата для поездки в Россию.

Господину Норману, Главе гильдии.

Как доложил господин начальник отдела гильдии купцов Кранк, Густав Фрейбург просил его о том, чтобы его записали в здешнюю гильдию купцов. Г. Фрейбург добавил к своему ходатайству декларацию о том, что он никогда в здешнем месте не подавал прошение по этому вопросу. Кроме того, Фрейбург убедительно просил о скорейшей резолюции по данному делу, т.к. должен посетить Россию.

Резолюция: Принять и подготовить документ господину Фрейбургу как члену здешнего общества купцов.

В конце прошения мы можем видеть собственноручную подпись Густава на немецком языке — «арендатор Г. Фрейбург». В списках купцов данной гильдии Густав числится с 1834 по 1839 год. Тот факт, что Густав, проживая ближе к г. Таллину, был приписан к Дерптской гильдии, удивления не вызывает, если учесть, что коммерческие сделки он вёл с Россией, а торговая дорога на Россию как раз проходила через Дерпт, да и конкуренция здесь была меньше. Купцов первой гильдии (с уставным капиталом 50.000 рублей) по Указу 1807 года и Постановлению об устройстве гильдии от 14 декабря 1824 года в Дерпте не было.

Ко второй гильдии относились купцы с капиталом 20.000 рублей и к третьей гильдии — с капиталом 8.000 рублей. Лица, не принадлежащие к купечеству, могли брать гильдейские свидетельства с сохранением настоящего их звания. Так поступил и Густав, оставив себе звание арендатора.

Надо отметить, что в Большую гильдию записывали купцов, производивших большие торговые обороты, а в Малую гильдию — всех городских ремесленников. Запись в гильдию давала сословные права: освобождение от телесных наказаний, право просить почётное гражданство и получить орден. По Указу Екатерины Великой, всё население Российской империи делилось на 4 сословия — дворян, духовенство, городских и сельских обывателей. Городские обыватели в свою очередь делились на: почётных граждан (личных и потомственных), купечество, мещан или посадских, ремесленников и рабочих. Для причисления к потомственным гражданам в Департамент Герольдии Сената представлялось прошение. При положительном решении такие граждане вписывались в городскую обывательскую книгу.

В архивном фонде «Коллекция ревизских сказок Лифляндской губернии» (ЕАА, ф.1865, оп.2, д. 108/1), по 9 ревизии, в 3 части ревизских сказок города Дерпта — «простые горожане» (бюргеры), под номером 89 имеется запись:

Ревизская сказка 1850 года октября 31-го дня город Дерпт Лифляндской губернии. Купцы 3 гильдии. Густав Ханс Фрейбург, по последней ревизии 36 лет. (т.е. на момент проведения 8 ревизии в 1835 году ему 36 лет).

По 8 ревизии, проведённой в приходе Старый Юргенс в 1835 году, за № 810, значится жена Густава — Мария Фрейбург, урождённая Хеймбергер. Брак между ними заключён в церкви Св. Юргенса в 1834 году под № 1459.

В том же фонде (ЕАА, ф.1865, оп.2, д. 109/2) по 10 ревизии, под номерами 998 и 1106 имеется запись:

Ревизская сказка 1858 года июня 2-го дня город Дерпт Лифляндской губернии.

Бюргерский оклад. Ханс Густав Фрейбург, управляющий, по последней ревизии 50 лет (т.е. на момент проведения 9 ревизии в 1850 году ему 50 лет), прибыл в Дерпт из имения Старый Юргенс, округ Гарриен в 1832 году.

жена Мария Фрейбург, урождённая Хеймбергер.

сын 1. Адольф Август по последней ревизии 14 лет.

сын 2. Леопольд Хейнрих Фрейбург, по последней ревизии 7 лет.

дочь 1. Наталие.

дочь 2. Паулине.

дочь 3. Эмилие.

В графе «возраст по 10 ревизии» у всех членов семьи Фрейбург поставлена отметка «не произведено», что даёт основание думать, что в тот момент (2 июня 1858 года) семья в городе отсутствовала.

Когда и где Густав умер, установить не удалось.

Заметки о ходе поиска. О существовании Густава Фрейбурга не знала даже Ольга Юлиановна, имя своего деда — Леопольда, произносилось ею всегда без отчества.

Узнав из послужного списка Леопольда, что его отец — гражданин города Дерпта, мы отправили в архивы Тарту, Таллина и Риги запросы с просьбой о поиске. Как потом выяснилось, самостоятельно работать в архивах Прибалтики с документами того времени неподготовленному человеку невозможно. Практически вся документация в XIX веке велась на старонемецком языке. С того периода миновало две реформы этого языка, и сейчас не все немцы могут прочитать свои древние готические письмена. Когда в Ульяновске мне необходимо было перевести отрывок текста о поваре Фрейбурге, главный редактор местной немецкой газеты Мюллер,

сам немец, выросший в Германии, не смог этого сделать. Только на кафедре немецкого языка Ульяновского педагогического института сумели перевести каждое слово текста, но не поручились за смысл документа в целом.

Слава Богу, что в Тартуском архиве Эстонии взялась за поиски документов по Фрейбургам Татьяна Шор, знавшая старонемецкий язык. И согласилась она делать это за мизерную плату, два раза ей высылали в письмах по 15 долларов. Работа по поиску Густава была проделана огромная. Многое удалось узнать о его жене и детях, а вот о родителях так ничего узнать и не удалось. Но, как говорится, в науке и отрицательный результат порой не менее ценен, чем положительный.

Вот какие документы оказались просмотренными.

В фонде Матрикулярной комиссии немецкого генеалогического общества имеется «Некрополь», составленный в 1930 году. Это список немцев, похороненных с XVIII по XX век на эстонских кладбищах. Он содержит массу фамилий, но, к сожалению, в нём нет ни одной фамилии «Фрейбург».

В метрических книгах прихода Старый Юргенс с 1854 по 1891 год, в части об умерших, Густава нет. В Дерптских церквях Старый Мариен и Экси, которые учитывали прихожан из окружавших г. Дерпт имений, его имя не обнаружено. В алфавитных именных регистрах к документам канцелярии Эстляндского губернатора его имени нет (ЕАА, ф.1674, оп.2, дд. 333–339; ф.1213, оп.1, дд. 58–59б; ф.3148, оп.1, дд. 10–28).

Фонд «Тартуский магистрат», по Указателю приватных юридических дел, подлежащих рассмотрению при Благородном Совете города Дерпта за 1830–1836 годы, сведений о Густаве не содержит. Проверены также были арендаторы казённых имений Дерпта за 1832–1857 годы, сведений нет. В алфавитной картотеке о гражданских и криминальных делах с 1819 по 1858 год фамилии «Фрейбург» нет (ЕАА, ф.995, оп.1, дд. 7062, 28210, 27845).

Следуя указаниям ревизских сказок от 1850 года, обратились к метрическим книгам прихода Старый Юргенс, однако систематические метрики этого прихода начинаются только в 1854 году, поэтому не удалось проверить точные даты рождения детей и дату заключения брака Густава и Марии Фрейбург (ЕАА, ф.1253, оп.2, дд. 51–58).

О прибытии в 1832 году Густава в Дерпт и о возможной покупке собственности проверено по фондам «1 публичная нотариальная контора г. Дерпта» за 1832–1848 годы, «2 публичная нотариальная контора г. Дерпта» за 1832–1833 годы, в коих записей на фамилию Фрейбург не обнаружено. В наследных делах Тартуской адвокатской конторы Вульфиус за 1839–1889 годы записей о нём нет (ЕАА, ф.3560, оп.2, дд. 48–60; ф.1165, оп.1, д. 1–26; 34–62).

В метрической книге Лютеранско-евангелической Иоанниской церкви немецкого прихода г. Дерпта, в части о родившихся за 1843 год, сведений о Фрейбурге не обнаружено (ЕАА, ф.1253, оп.1, д. 42). В гражданских делах 1 и 2 Тартуского (Юрьевский) Верхнего крестьянских судов за 1889–1900 годы, Дерптского Ландгерихта за 1832–1889 годы, фамилия Густава также не обнаружена. В переписке с «Лифляндским гражданским губернатором, судами и другими о паспортах для жителей за 1832 год» необходимых нам сведений нет (ЕАА, ф.442, оп.1, дд. 324–912; ф.443, оп.1, дд. 304–1124). В списке лиц, прошедших легитимацию в городе Дерпте за 1844–1850 годы, Фрейбурга нет, как нет его и в алфавитных списках лиц, принадлежащих к городской общине с 1844 по 1850 год.

В фонде «Приход Старый Иоганнис в Тарту» и «Приход Старый Мариен в Тарту» в метриках за 1836–1885 годы сведений о семье Фрейбурга не обнаружено,

по-видимому, все умерли не в Дерпте (ЕАА, ф.3148, оп.1, дд. 1–59). В списках домовладельцев города Юрьева за 1849–1893 годы его имя опять-таки не обнаружено. Таким образом, недвижимости в Тарту семья не имела и, по-видимому, снимала квартиру во 2-м участке города в период с 1832 по 1862 год, так как в домовых книгах 1-го и 3-го участков Тарту их имён нет. Книги же 2-го участка не сохранились (ЕАА, ф.995, оп.1, дд. 1497, 1424–1426).

Осуществлялся поиск Фрейбургов и в Таллине, в отделе редких книг Национальной библиотеки Эстонии. Но в адресных книгах жителей Ревельского округа на 1787, на 1790 и на 1796 год их фамилии нет. Нет её и в книгах таллинских граждан более раннего периода: 1409–1624, 1624–1690, 1691–1710 годов.

Самое ранее упоминание фамилии «Фрейбург» нашли в коллекции генеалога Тёрне, где цитируется выписка из работы Еугена Ноттбека о поваре бюргермейстера Карла Николауса Гетлинга родом из Кайнсберга Христофоре Фридрихе Фрейбурге, умершем в Таллине 21 февраля 1744 года (ЕАА, ф.4918, оп.1, д. 557). Когда в Ульяновске перевели со старонемецкого языка присланный из Тарту текст, то прочитали:

«Фрейбург информирует бургомистра Гетлинга, что некоторые люди, не являющиеся поварами и не имеющие на это прав, содержат столовые и даже рассылают блюда через улицу, чем наносят ущерб законным производителям. Прошу господина бургомистра такую незаконную деятельность запретить».

В книге «Родословие старинных фамилий города Ревеля» (Ревель. 1925) также содержится упоминание о городском поваре Кристофе Фридрихе Фрейбурге и его дочери — Магдалене Софии Фрейбург, бывшей замужем за поваром генерал-майора фон Шиллинга Карлом Иоганном фон Зайдлицем; венчание состоялось в церкви св. Николая 11 декабря 1774 года. Причём, работники архива особо отметили, что в другой родословной книге эти же самые сведения о городском поваре и его дочери приводятся под фамилией «Фрейберг». Таким образом, неустойчивость написания фамилии осложняет поиск сведений.

Следующее упоминание фамилии «Фрейбург» содержится в ревизской сказке имения Войденгоф, Перновского уезда Эстляндии, где на хуторе Анни проживала семья Ханса Фрейбурга 57 лет (по состоянию на 24 марта 1834 г.) с женой Тио и сыновьями: Юрри 39 лет и Хансом 5 лет. Старший сын Юрри был женат на Анне и имел детей Якоба 11 лет, Юхана 8 лет и Анса 5 лет. Юрри Фрейбург в декабре 1833 года получил разрешение на переезд с семьёй в Вольмарский уезд, Залийский приход Лифляндии, и далее его следы теряются. Скорее всего, это типичная эстонская крестьянская семья (ЕАА, ф.1865, оп.3, д. 169:4; ф.1865, оп.2, д. 168:14).

Ещё одно упоминание фамилии «Фрейбург» встречается в ревизской сказке о свободных людях 5 ревизии города Ревеля от сентября 1795 года (ЕАА, ф. 1864, оп.2, д. У:8, л. 128): Берендт Иоганн Фрейбург, по предыдущей ревизии 1782 года — 26 лет, выехал. Жена Лена 29 лет, дети: Катарина — 3-х лет и Грета — 1-го года. Брат Матиас Фрейбург — 20 лет, выехал из Ревеля. Имеют ли все эти Фрейбурги какое-то отношение к нашему Густаву, трудно сказать. По мнению Татьяны Шор, кандидата филологических наук, научного сотрудника Института Истории Эстонии, которая осуществляла поиск в Тартуском архиве, фамилия «Фрейбург» для Эстонии совершенно уникальная фамилия. Есть много Фрейбергов, а вот Фрейбурги практически не встречаются.

У неё сложилось впечатление, что, возможно, Густав был приглашён мызным помещиком откуда-то со стороны в качестве управляющего, может быть, даже из внутренней России, так как он владел русским языком. Вспомним его коммерческие связи с Россией, что для местных крестьян совершенно не характерно, те едва вла-

дели немецким языком, да и то единицы. Татьяна Шор также связывала попадание Густава Фрейбурга в Россию с призывом немцев и австрийцев Екатериной на Русскую службу в XVIII веке или с войной 1812 года, когда большое количество иностранцев из частей Наполеона в качестве пленных осело в России.

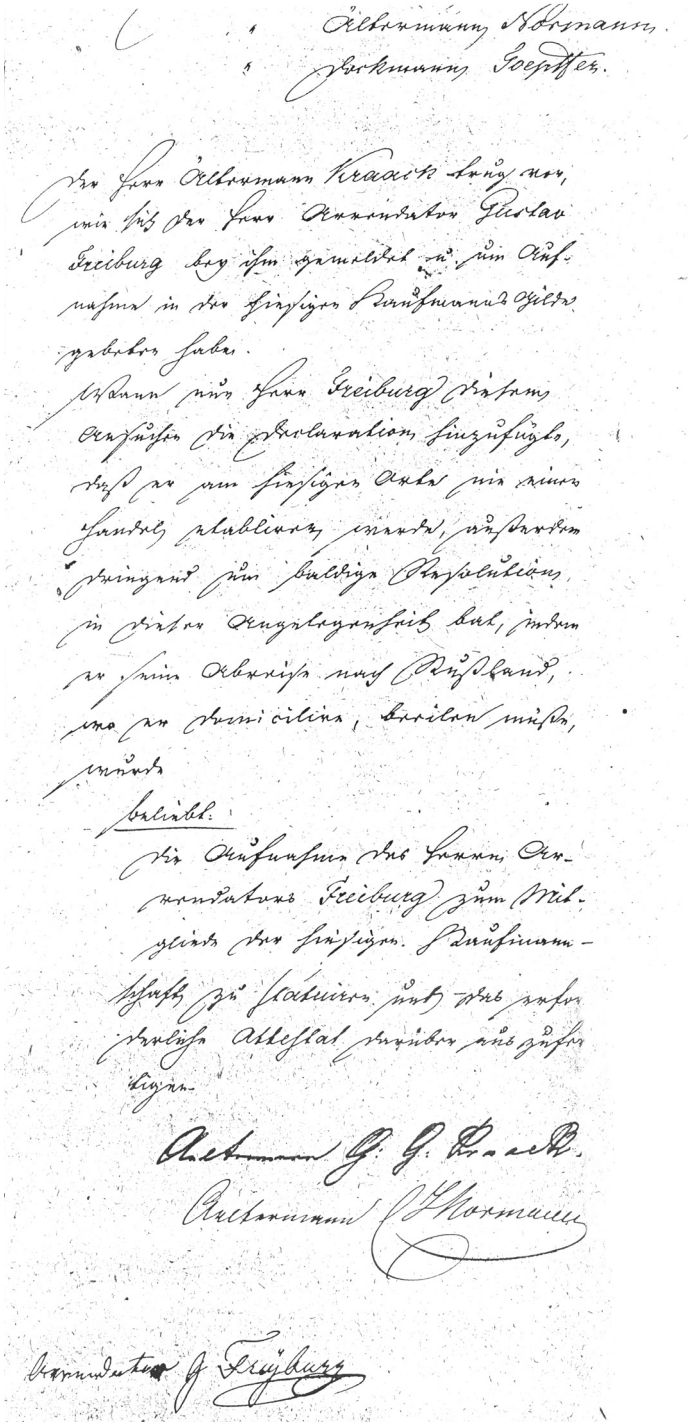
Татьяна Евгеньевна Фрейбург, жившая в Санкт-Петербурге на Мойке у Невского проспекта (умерла в 1999 году), правнучка Густава, считала, что Фрейбурги имели французские корни. В подтверждение она ссылалась на переписку своего отца — Евгения с двоюродным братом Владимиром Адольфовичем Фрейбургом, на, так называемое, третье, не сохранившееся письмо, содержание которого она помнила (два сохранившихся письма будут приведены далее). Якобы, Евгений написал, что он страшный весельчак, а Владимир ответил, что есть в кого, так как их предки были французами. Ветвь Адольфа была старше, и они могли знать больше. Причём, Татьяне Евгеньевне почему-то запомнилось, что в письме речь шла о французских предках, носивших фамилию Рамхгаузен. Хотя, если разобраться, это чистой воды немецкая фамилия (Беллинсгаузен, Тизельгаузен, даже Мюнхгаузен). Вообще, француз — протестант, вещь маловероятная. Могла фамилия «Фрейбург» иметь и шведские корни. «Фрей» — «Господин» в скандинавской мифологии. Мудрый, добрый бог, властитель моря, воздуха и солнца, к которому обращались с мольбами о даровании мира и плодородия. Чтился, главным образом, в Швеции. Надо учесть и то, что прибалтийские территории до XVIII века контролировались Швецией.

И всё же собранные факты говорят, скорее всего, о том, что Фрейбург — коренной прибалтийский немец, тут подвергать сомнению нечего, всё на своём месте: и вера, и время, и место. Фамилия «Фрейбург» с немецкого — «Свободный замок».

Мы документально знаем, что Густав и его тесть Аугуст Хеймбергер были арендаторами. В 3-х прибалтийских губерниях — Эстляндской, Лифляндской и Курляндской, император Александр I в 1816 году отменил крепостное право и предоставил крестьянам личную свободу, но без земли. И они вынуждены были арендовать землю у помещиков. Наиболее состоятельные выкупали землю и становились помещиками, этот случай к Фрейбургу не подходит. Нам известно и то, что, когда старший сын Густава Адольф в 1893 году оформлял документы на своё потомственное дворянство, то указал, что его отец — мещанин города Дерпта.

Скорее всего, предки Густава были людьми свободными, но малозначительными. Ведь он сам женился только в 34 года, а до этого вынужден был чего-то добиваться в жизни, да и то добился лишь статуса арендатора, и женится он на дочери такого же арендатора. Сколько мы ни искали, не могли найти в архивах никаких сведений о «родовом гнезде» Густава Фрейбурга. Нет записей ни о родившихся, ни о конфирмующихся, ни о венчающихся, ни об умерших родственниках Густава. Кто были его родители, братья и сёстры мы можем только гадать.

В то же время Густав был явно не из бывших крепостных крестьян. По всей видимости, он знал 3 языка. Русский — он вёл торговлю с Россией, а без знания языка это было невозможно. К тому же оба его сына знали русский, так как в 20 лет оба смогли учиться на этом языке в России, вряд ли это было возможным без разговоров на русском в семье. Немецкий — по подписи в прошении видно, что хорошо писал на нём. И, наверное, эстонский, ведь без его знания Густаву невозможно было управлять имениями или покупать продукцию у эстонских крестьян для торговли с Россией. Как сумел он отправить двух своих сыновей на учёбу, и не в соседний городок, а в столицу империи — Петербург, и содержать их там по 5 лет? Без связей в столице это было затруднительно. На каких лошадях он готовил Адольфа

Протокол от 18 декабря 1834 года
о причислении арендатора Густава Фрейбурга
к Дерптской Большой Старой Марии Гильдии
и выдаче ему аттестата для поездки в Россию

к поступлению в 19 лет, в 1855 году, в единственную в стране конную Гвардейскую Берейторскую школу? На крестьянском мерине много не наскачешь, остаётся предположить, что в управлении у Густава было крупное имение с достаточным количеством скаковых лошадей.

Трое членов его семьи прослушали в Дерптском университете теоретический курс и успешно сдали экзамены на получение дипломов: жена — привилегированной акушерки, сын — аптекарского помощника, дочь — домашней учительницы.

Нами тщательно проверялась и версия о «почётном гражданстве». Ольга Юлиановна всегда говорила, что Леопольд Фрейбург был «почётным гражданином города Фрейбурга». Но, когда появились послужные списки детей Густава, в которых было записано: «Густав Фрейбург — гражданин города Дерпта», пришло понимание того, что, передаваясь из поколения в поколение, информация исказилась. Не Леопольд, а Густав мог быть почётным гражданином города. И речь должна идти не о городе Фрейбурге, которого не существует (а единственный город с созвучным названием Фрайбург расположен в Германии у границ Франции и Швейцарии), а о городе Дерпте, где Густав прожил вторую половину жизни. (Интересно, что Татьяна Евгеньевна Фрейбург, знавшая о предках больше, в свою очередь уже считала, что не Леопольд, а именно Густав был почётным гражданином города Фрейбурга).

В сохранившихся книгах почётных граждан города Дерпта с 1824 по 1874 годы имени Фрейбурга не нашли (ЕАА, ф.995, оп.1, дд. 1419–1421). Тогда предположили, что, действительно, может быть город другой, не Дерпт. И в Петербургском Российском государственном историческом архиве, что на Сенатской площади, в фонде Департамента Герольдии Сената, мне пришлось просмотреть списки всех почётных граждан империи за XIX век, как личных, так и потомственных. Но фамилия «Фрейбург» среди них не обнаружилась.

И уж, чтобы окончательно закрыть эту тему, зная, что дела всех получающих в Российской империи ордена, звания, в том числе и почётное гражданство, дворянство и т.д., в обязательном порядке проходили через Департамент юстиции Сената, где визировались, мне пришлось просмотреть алфавитный регистр этого департамента с 1835 по 1880 год. А это сотни томов толщиной в два кирпича, помогло хоть то, что на букву «Ф» встречается мало фамилий. Регистр не выдают в читальный зал для работы, и пришлось просить руководство архива допустить меня внутрь к десятку шкафов с этими фолиантами. Но среди множества фамилий не нашлось ни одного Фрейбурга.

По моему мнению, это «почётное гражданство» возникло не на пустом месте, возможно на него (или на получение ордена) оформлялись документы, но процедура получения званий длительна, надо пройти утверждение в нескольких инстанциях — город, губерния, столица, всюду возможны проволочки, да и ошибки могут найтись в документах, тогда всё возвращалось назад. И оформлялись такие дела, наверное, нечасто, к каким-либо праздникам, поэтому приходилось делать, по-видимому, не одну попытку с направлением представлений. А наверху, возможно, считали, что заслуг маловато, короче до получения звания можно было просто не дожить.

МАРИЯ-КАРОЛИНА ХЕЙМБЕРГЕР (ФРЕЙБУРГ)

Жена Ханса-Густава Фрейбурга. В Тартуском архиве, в фонде «Тартуский университет за 1802–1917 годы», имеется личное дело Марии-Каролины Фрейбург (ЕАА, ф.402, оп.2, д. 6332), из которого видно, что она:

Родилась 21 марта 1815 года в имении Арраска (эстонское Араски, приход Вяйке Маарья в Вирумаа, Эстляндия). Родители: господин Христиан Фридрих Аугуст Хеймбергер и его законная жена Наталия, урождённая Франк. Крёстными у неё были: баронесса Мария Тизенгаузен, урождённая фон Бенкендор; госпожа Каролина Эйбе, урождённая Хеймбергер (тётка по отцу); господин лейтенант Карл фон Фитингоф из Ервайгги (приход Амбла, Ярвамма).

Что касается места рождения Марии Хеймбергер, мызы Арраски, то даже в справочнике «Мызы Эстонии» не указано, когда она впервые упоминается в источниках, в то время как автор справочника Велло Наабер был в своё время лучшим знатоком источников по истории эстонских имений. В фонде «Эстляндское дворянство» имеется одно дело относительно мызы Арраски за 1891–1917 годы. Мыза на 11 октября 1917 г. входила в имение Пыдранг (владельцы фон Харпе) и занимала 342 десятины 1520 квадратных сажени пахотной земли. Упоминаний о прежних владельцах нет. По вакенбухам имения Арраски (1778–1802) можно восстановить лишь имена деревенских крепостных, в то время как личный состав дворовых людей имения отсутствует (EAA, ф.3, оп.1, дд.466, 469, 473, 487). В Эстонской энциклопедии 1926 года указано: Араски — посёлок в Вируском уезде, волость Вао, приход Вяйке Маарья. Ближайшая железнодорожная станция — Тамсалу. Во все последующие издания энциклопедий, в том числе и советского периода, Араски не включён. По-видимому, разрушен во время Великой Отечественной войны (EAA, ф.864, оп.1, д.261). Тем не менее, мы располагаем копиями старинных карт Эстляндии, где можно найти как Араски, так и Юргенс.

В церковной книге прихода Вяйке Маарья в части о рождённых за 1828 год имеется следующая запись (EAA, ф.1232, оп.2, д.6):

Лаура Альвине

Отец: арендатор Луис Хеймбергер (брат Марии-Каролины).

Мать: Луизе Юлиана, ур. Леевштрем.

Крёстные родители: госпожа Вильгельмина Хоффман, ур. Ассмут; фрау пасторша Анетте Кнюпффер, ур. Вейсс; мадмуазель Розалие Клемтц; господа: лейтенант фон дер Борг, им<ение> Иннис; арендатор Фердинанд Клемтц из Боркгольма; Александер Клемтц; арендатор Штром из имения Рохт; Аугуст Хеймбергер (отец Луиса и Марии, наш предок).

В 1834 году Мария выходит замуж за Ханса-Густава Фрейбурга. У них дети: Адольф-Август — 3 апреля 1836 года рождения; Леопольд-Хейнрих — 23 февраля 1843 года рождения, наш предок; Наталие, Паулине, Эмилие-Генриетте.

В 1852 году Мария держала экзамен при медицинском факультете Дерптского университета на звание акушерки. В деле, кроме протокола о сдаче экзаменов, сохранился диплом от 28 марта 1853 года на звание привилегированной акушерки. В архивном фонде Тартуского университета кроме личных дел Марии и Леопольда Фрейбургов, сохранилось и дело мадемуазель Эмилии-Генриетте Фрейбург со сведениями о сдаче «названной девицей экзаменов при школьной комиссии Дерптского университета на звание домашней учительницы 14 декабря 1862 года» (EAA, ф.402, оп.2, д.6330). Других обстоятельств жизни и даты смерти Марии-Каролины установить не удалось.

А вот материалов о жизни её старшего сына Адольфа было найдено довольно много. В Центральном государственном архиве республики Татарстан, в фонде Казанского университета, хранится личное дело сына Адольфа студента юридического факультета Вольдемара Адольфовича Фрейбурга за 1893–1904 годы. В нём имеется формулярный список о службе его отца, помощника начальника Казанского

почтово-телеграфного округа статского советника Адольфа Густавовича Фрейбурга (ЦГА РТ ф.977, оп.л.д. 32521 лл. 1–36). Из него мы узнали, что Адольф Фрейбург получил воспитание в Гвардейской Берейторской школе в г. Санкт-Петербурге с 1855 по 1861 г. (Берейтор — наездник, занимающийся обучением и тренировкой лошадей для армии.) В 1861 году он увольняется по болезни от берейторской военной службы и, согласно прошению, определяется в Телеграфное ведомство на должность младшего телеграфиста. На первое время прикомандировывается к Главной телеграфной станции в Санкт-Петербурге. В 1862 году назначается на службу в Выборгскую телеграфную станцию, в 1864 году переводится начальником Цимлянской (около Царицына) телеграфной станции. В 1869 году производится в Губернские секретари, в 1871 году — в Коллежские секретари, а в 1872 году — в Титулярные советники. В 1872 году назначается начальником Царицынской телеграфной станции. В 1873 году пожалован орденом Св. Станислава 3 степени. В 1874 году назначен начальником Кронштадтской телеграфной станции. В 1877 году производится в Надворные советники, в 1878 году Всемилостивейше пожалован орденом Св. Анны 3 степени. За отличную усердную службу Всемилостивейше награждён орденом Св. Станислава 2 степени в 1882 году. Приказом по Министерству внутренних дел от 1 марта 1886 года назначен помощником начальника Казанского почтово-телеграфного округа, и в тот же год производится в Коллежские советники.

В 1888 году награждён орденом Св. Анны 2 степени, в 1890 году произведён в Статские советники. В 1893 году пожалован орденом Св. Владимира 4 степени. Согласно тогдашнему положению, награждение 1 степенью любого ордена или любой степенью ордена Святого Владимира автоматически давало право на потомственное дворянство.

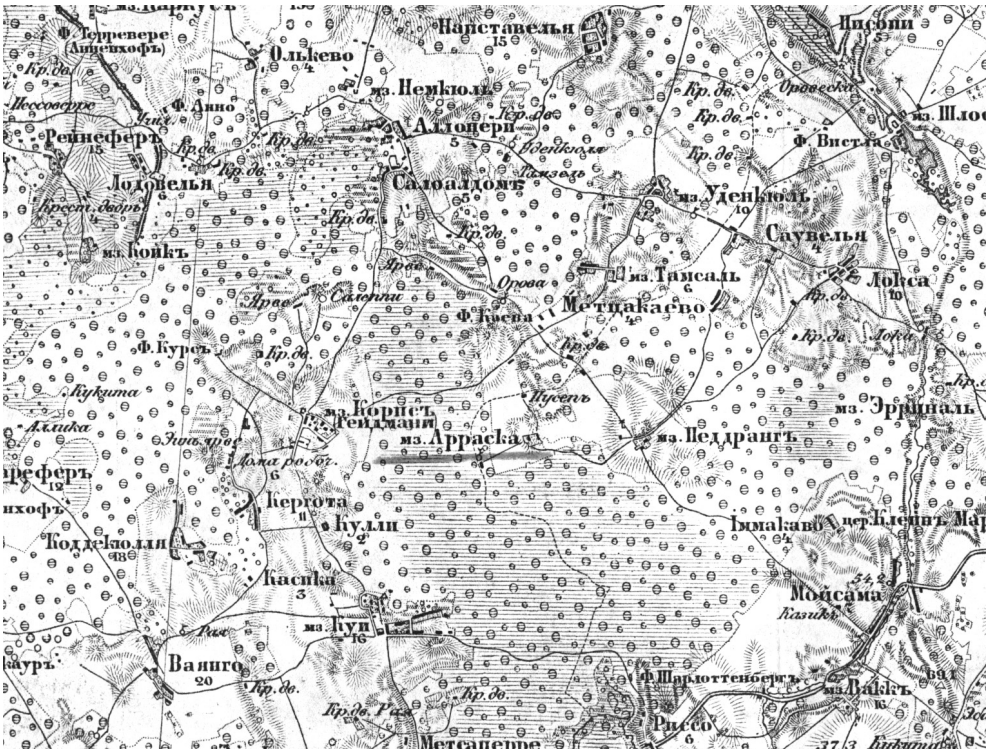
Женат Адольф на дочери аптекаря Мальденгауера, девице Марии Фёдоровне. Адольф и Мария в Петербурге числились прихожанами одного храма, там и состоялось их оглашение, а венчание происходило по месту службы мужа, в Выборге.

В 1864 году у них рождается двойня, но выживает только одна дочь Ольга, в 1866 г. рождается сын Александр, в 1869 году сын Вольдемар. Из всех детей Адольфа только у Ольги родился ребёнок, умерший в раннем возрасте. Сыновья детей не имели. Поэтому ветвь Адольфа пресеклась.

Можно охарактеризовать Адольфа как отличного службиста, ведь он получил орден Св. Владимира, дающий право на получение потомственного дворянства. Получил он также и генеральскую должность, которой соответствовал чин действительного статского советника, стал начальником Пермского почтово-телеграфного округа. Но получить сам этот чин не успел, умер в возрасте шестидесяти лет в 1896 году. Дети родных братьев Адольфа и Леопольда при жизни родителей не знали друг друга. Прошло много лет, и почти в сорокалетнем возрасте Евгений Леопольдович (в 1912 году) занялся изучением своей родословной и поиском семьи своего дяди. Как всё это происходило, мы узнали из двух чудом сохранившихся писем Вольдемара Адольфовича к Евгению Леопольдовичу. Эти письма нам предоставила дочь Евгения, Татьяна Евгеньевна, проживавшая до смерти в 1999 году в квартире своего отца на Мойке в Петербурге.

«Дорогой Евгений Леопольдович!

Прости меня, голубчик, что я в первом же письме своём к тебе, отбрасывая официальный тон, обращаюсь к тебе по родственному... для меня нет ни малейшего сомнения в том, что мы — братья, дети родных братьев, единственных в своё время Фрейбургов: Адольфа и Леопольда Густавовичей. Когда я читал и перечитывал твоё письмо от 30-го августа, мне казалось, что я слышу какую-то старую,

Мыза Арраска, где родилась Мария-Каролина Хеймбергер (Фрейбург). Карта Российского Генерального Штаба середины 19 века

чудную сказку, напоминавшую мне моё раннее детство... Мне было тогда всего лет девять, десять... находился я тогда в Ораниенбауме, в саду Великой Княгини Екатерины Михайловны, в кур-орте для детей, выздоравливающих после перенесённых ими тяжёлых болезней... я тоже принадлежал к числу выздоравливающих, так как только что перенёс операцию правой руки... родители мои тогда жили в Кронштадте и изредка навещали меня.

Однажды вот приехали они ко мне не одни, с ними был высокий, красивый, средних лет человек, которого я увидел впервые... Мне сказали, что это мой дядя Леопольд, брат папы, живущий со своей семьёй в Варшаве... я был тогда дикий зверёк, много вынесший уже страданий и всех опасавшийся. Однако дядя мой мне понравился: он был такой красивый, весёлый, милый, добрый и... подарил мне пенал со всеми необходимыми письменными принадлежностями. Часа два гости пробыли со мной... потом уехали... и дядю я более никогда не видал.

Прошло много лет после этого эпизода... и вот — уже не знаю откуда я узнал, что дядя умер, что он убит упавшей на него крышкой западни. Но это я помню уже смутно... Знал я, что у дяди есть семья, но из кого она состоит, где она, живы ли ещё её члены: всего этого не знал я, да и узнать от кого-либо не было никакой возможности... а главное — умер отец и для нас наступила тяжёлая пора борьбы за существование.

Отец умер 22-го августа 1896 года в Перми Начальником Пермского Почтово-телеграфного Округа. Мой старший и единственный брат Александр, или просто Саша, как мы его называем, служил тогда небольшим чиновником

Имение Арраска, где в 1815 году родилась Мария-Каролина Хеймбергер (Фрейбург), обозначено цифрой 1.
Имение Старый Юргенс, где в 1832 году проживал Густав Фрейбург, обозначено цифрой 2.

в Пермской Почтово-Телеграфной Конторе. Я тогда только что перешёл на второй курс юридического факультета в Казани, а сестра Ольга жила в Благовещенске и уже успела похоронить своего сына, единственного ребёнка. Мама наша осталась у нас на руках... больная... она умерла в Казани, спустя полтора года после смерти папы: 3-го ноября 1898 года. Распалась старая семья и молодому поколению приходилось уже вставать на ноги собственными трудами. Отец не оставил ни одного гроша долга, но в этом заключалось и всё наследство. До того ли было искать по свету родственников?.. и для чего?.. чтобы у них могла родится мысль: не на помощь ли их рассчитываешь?.. Снова проходили годы...

И семья Адольфа Густавовича Фрейбурга в настоящее время представляет из себя следующее: Александр, родившийся 14-го сентября 1866 года, состоит Старшим Чиновником при Вятской Почтово-Телеграфной Конторе, он женат на православ-

ной — Екатерине Михайловне, урождённой Грабовской. Женаты они лет 9–10, но детей не имели и не имеют. Человек он славный, хороший, имеет генеральскую наружность, которая мало соответствует его всё же скромному положению. Живёт он скромно по необходимости, так как его труд оплачивается грошами, но это его мало трогает: он и его жена мало требуют от жизни, да ему и некогда, так как он любитель-электротехник и все свои короткие досуги проводит в своей мастерской. В настоящее время он занят изобретением какого-то небывалого аккумулятора... брат возлагает на это изобретение громадные надежды, а я, зная брата за человека серьёзного и веря в его знания, не удивлюсь, если в один прекрасный день он сделается состоятельным человеком, приобретшем трудом всей своей жизни право на безбедную старость.

С Олей, родившейся 15-го декабря 1863 года, дела обстоят так: ещё девушкой, попав под влияние известного шарлатана Иоанна Кронштадского, она против воли родителей приняла православие... также против воли родителей и тайно от них она вышла за некоего Дунаева замуж... После жизни полной невзгод и всяческих несчастий она овдовела и получает пенсию, которой ей вполне хватает не только жить не нуждаясь, но и ездить по святым местам... она не ханжа и женщина даже неглупая, но у неё «мания религиозна» самой типичной формы. Проживает она в Вятке, куда приехала из Сибири потому, что я тогда там жил, и будет жить она в Вятке до тех пор, пока я не переведусь из своего медвежьего угла в какой-нибудь более культурный город. Отношения у меня с сестрой великолепные, так как я никогда не издеваюсь над её слабостью религиозного порядка, что иногда позволяет себе Саша, почему отношения у них не самые дружественные.

Осталось ещё о себе сказать несколько слов... Родился я 26-го декабря 1869 года. Женился на лютеранке Луизе Карловне, урождённой Бетхер. Женится было не легко, так как предварительно необходимо было развести её с первым мужем, неким Ротбергом, которого знал и твой отец, познакомившийся с тем в Кронштадте. Женаты мы одиннадцать лет и детей не имеем, да и не имели. Членом Суда в Сарапуле я уже четыре года, почему мечтаю в недалёком будущем куда-нибудь перевестись, причём стремлюсь ближе к Петербургу... Вот, голубчик мой, я и познакомил тебя с твоими новоявленными родственниками. Я жалею, что не получил твоего письма ранее месяца на три, так как тогда имел бы возможность представится тебе лично: в начале июля месяца я был в Москве.

Ты пишешь, что твой брат Артур состоит инженером на постройке железной дороги Казань-Екатеринбург, без сомнения ему придётся бывать в Сарапуле, приехал бы прямо к нам, как к себе домой, мы оба будем ему очень рады. Кстати, моя жена прекрасно помнит твоего отца. О себе же и своей семье напиши мне подробно: буду очень рад познакомится пока что с нею хотя бы таким образом.

Спасибо что узнал о моём существовании, отозвался... до первой встречи будем поддерживать переписку. Всего самого лучшего. Близкие меня зовут «Володей». Сообщи своему брату, что живу я в доме булочника Вольфа. Володя.

Сарапул Вятской губ. 11-го сентября 1913 года».

«Сарапул, 31-го мая 1915 года.

Дорогой Женя! Я не знаю, право, как это случилось, что в течении почти целого года я не писал тебе... А оснований писать было более, чем достаточно. Разве летом прошлого года я не нашёл в твоей семье тёплый, сердечный приём... я чужой человек, никогда ранее с вами не встречавшийся ... как член вашей семьи я был принят, но, уехав и возвратившись домой, я ни одной строчкой вас не отблагодарил, точно желая подтвердить своим поведением ходячую истину с глаз долой и из сердца

Евгений Леопольдович Фрейбург

вон... Разве не благодаря только твоим стараниям мы нашли друг друга... Пока мы ещё не были лично знакомы друг с другом, мы довольно оживлённо переписывались. Затем мне удалось побывать у вас, лично познакомится... и, когда следовало ожидать, что вот именно с этого момента переписка оживится, я совершенно перестал писать, представляя вам возможность думать, что личное знакомство меня в чём либо разочаровало... Но видит Бог, это не так...

Наша жизнь с женой — почти одинокая. Не создав своей семьи, мы в то же время принуждены были расстаться с теми немногими, что нам близки по крови. Отсюда нетрудно понять, как хорошо я себя чувствовал в вашей семье, которая в те немногие что я прожил в ней вечера, сделалась близкой, дорогой. Это так естественно и понятно, что не требует дальнейших убеждений... Расставшись с вами, я был весь полон Вами. Прибыв домой, я принуждён был сразу окунутся в служебные свои обязанности. Сейчас же по приезду мне следовало писать вам, но всё что то мешало, отвлекало... шло время, письмо осталось ненаписанным, затем грянула война, оттеснившая все прочие заботы на второй план. Я часто думал о вас, но этим дело и ограничивалось... Так наступила зима, рождество... Накануне Нового года я сел за письмо к тебе, почувствовал потребность поделится с тобой теми воспоминаниями, теми настроениями, которые в душу мою прокрались в эти тихие часы святочного вечера, но мне помешали... пришёл кто-то... пришлось закрыть машинку с досадой в душе, но с твёрдым намерением завтра закончить письмо. Однако «завтра» принесло свои заботы... опять текли дни... и «святочное» письмо оказалось запоздалым, не по сезону... В конце марта пришло твоё письмо, голубчик, от 21-го числа. Снова во мне заговорила совесть... но приближалось лето: к первому числу июня необходимо было закончить все работы, чтобы со спокойной совестью приступить к «закату», который, как и в прошлом году, пришёлся на первые шесть недель летнего сезона... Не суди меня, Женя, слишком строго: не было за мной сознательной вины, вся в том беда, что не могу я писать без настроения, по заказу, а минувший год был не таковым, чтобы часто могли появится минуты настроения, минуты, когда душа в состоянии бывает отрешится от повседневных забот, от того кошмара, который под тяжёлым гнётом держит весь мир, над которым творится суд истории.

Тебе уже известно, дорогой Женя, что, расставшись с вами, я поехал в Вятку, чтобы повидаться с Олей. Недолго я прожил там, всего дня два-три. Мы много говорили о вас, так как слишком свежи ещё были впечатления, да и событие не вполне обыденное в наш материальный, холодный век: разыскали друг друга близкие родственники, в течении многих десятков лет ничего не знавшие друг о друге.

Я рассказал ей, как ты напал на наш след, точно дети капитана Гранта отыскивавшие своего отца, как у нас завязалась переписка, как ты разыскивал следы наших родовых замков и поместий и как, наконец, мы встретились и познакомились. Оля очень заинтересовалась этим рассказом и попросила меня передать вам её искреннейшую радость по поводу возникновения связи между разрозненными дотоле членами одной семьи. Она говорила, что рада была бы познакомится со всеми вами, но так как это трудно осуществить, то она просила меня переслать вам её последнюю карточку, снятую, однако лет 5 тому назад. В этом году мы живём на даче под самым Сарапулом, она настолько близко расположена от города, хотя и в сосновом лесу, что я провёл в неё электрическое освещение. К несчастию лето пока очень неудачное: дождливое, холодное, ладно ещё, что дача отапливается. И в настоящем году жена никуда поехать не пожелала, что вполне понятно в военное время. Но мне нужно отдохнуть, а отдых найти я могу только в путешествии.

И решил нынче ознакомится с севером и предполагаю побывать в Архангельске и на Белом море. Возможно, что я оттуда поеду к брату в Екатеринбург, но это ещё не решено: в Вятке у сестры я во всяком случае буду, так как она здоровьем уже довольно слаба. Выйду я числа 9–10 июня, а возвращусь 3–4 июля. Ещё мне предстоит небольшая должностная поездка в двадцатых числах июля. Я пишу тебе так подробно даты не без задней мысли, я не теряю надежды, что вы в этом году, может быть, понаведаете нас. Если эта надежда не слишком утопична, то напишите мне о времени вашего приезда, причём письмо своё адресуй в Вятку, где я буду 22 и 23 июня, на моё имя, в номера Чучалова.

Не без интереса я прочёл твоё сообщение о твоей педагогической деятельности, начавшейся для тебя с осени прошлого года по милости войны. Труд это хороший, требующий однако много времени и душевных сил. Ты пишешь, что Артур в Екатеринбурге и что он познакомился с Сашей. Я был бы несказанно рад, если бы Ар и Саша теснее сошлись. Они в сущности оба одинокие: у Саши тоже детей ведь нет, а человек он славный, только по виду он какой-то надменный, но это одна видимость. Я писал Саше на пасху и просил его сообщить мне подробности о встрече его с Аром, однако он до сих пор мне не ответил и поэтому подробностей этой встречи я не знаю. Рад я и за Ричарда, что ему удалось устроиться недалеко от вас. Передай ему мой сердечный привет, когда будешь ему писать, а также Ару, с которым мне очень хотелось бы познакомится.

Ты сообщаешь мне о смерти Адольфа Рейснера... хороший был он человек... мир его праху... Долго, долго он прожил на свете — пора ему было и на покой. Это последний корифей предыдущего поколения... Впрочем ещё живёт один старик, по родству он столь же далёк нам, как Рейснер — даже и ещё дальше. У моей мамы была сестра — Амалия, вышедшая замуж за некоего Фердинанда Ивановича Тиля. Она давно уже померла, но сам Тиль ещё жив. Ему более 80 лет и он очень дряхл, если не телом, то мыслью и душой. Живёт он в Москве со своей дочерью, моей кузиной Еленой, барышней лет около сорока. Она — учительница: он получает умеренную пенсию от торгового дома «Викандр и Ларсон», представителем которого дядя был в Москве. С кузиной я иногда переписываюсь, она славная девушка и мало походит к типу старых дев.

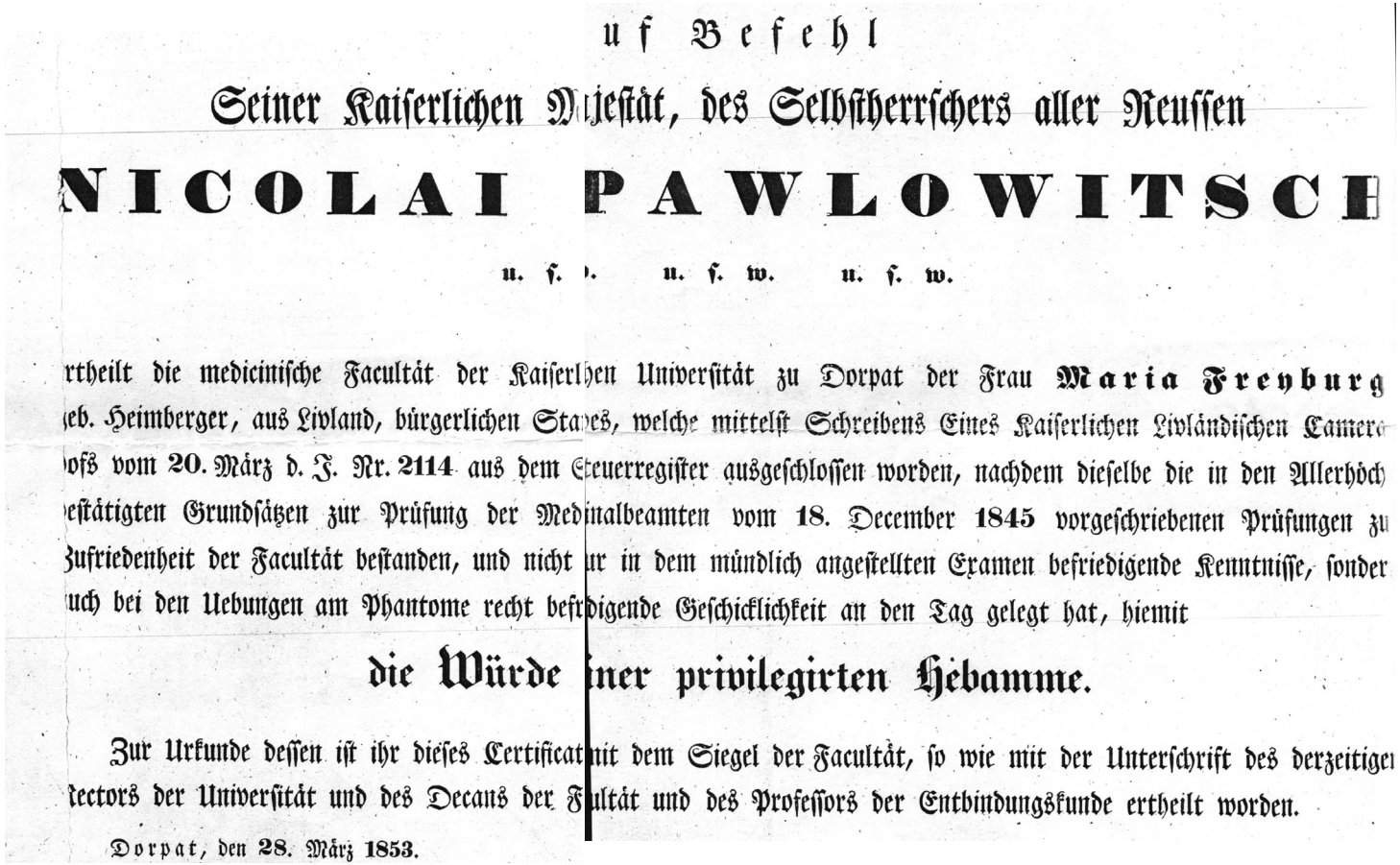
Ты пишешь, что дети ваши растут и развиваются... дай им Бог всего лучшего... они бессознательно переживают тяжёлое время, но плоды его для них готовятся. Таня едва ли меня помнит, но может быть Саша меня не забыл ещё совсем. Скажи ему, что я ему кланяюсь, что очень часто о нём вспоминаю. Передай и жене своей мой сердечный, искренний привет... мне так хотелось бы хорошо сойтись с ней. Моя жена вам также кланяется. Она очень просит передать вам, что была бы страшно рада видеть вас у себя в Сарапуле и познакомиться с вами.

Когда мы ещё ничего не знали друг о друге жена мне часто говорила, что следовало бы предпринять что-либо, чтобы отыскать детей дяди Леопольда, которого жена хорошо помнит, так как не раз его видела у наших в Кронштадте.

Однако пора и кончать... От всей души желаю вам всего, всего лучшего... Спасибо вам за ваше гостеприимство, что оказали мне прошлым летом, за всё хорошее, что я встретил у вас. Ваш Володя».

Заметки о ходе поиска. До конца так и не удалось понять, где и какие следы своих родовых замков и поместий разыскивал Евгений в начале XX века. Возможно, тех поместий возле Дерпта, где Густав, по-видимому, был управляющим?

В Российском государственном историческом архиве, в фонде «Департамент Герольдии Сената» находится дело о потомственном дворянстве Адольфа. Но самого

uf Befehl

Seiner Kaiserlichen Majestät, des Selbstherrschers aller Reussen

NICOLAI PAWLOWITSCH

u. s. w. u. s. w. u. s. w.

rtheilt die medicinische Facultät der Kaiserlichen Universität zu Dorpat der Frau **Maria Freyburg**
eb. Heimberger, aus Livland, bürgerlichen Standes, welche mittelst Schreibens Eines Kaiserlichen Livländischen Cameral-
ofs vom **20.** März d. J. Nr. **2114** aus dem Steuerregister ausgeschlossen worden, nachdem dieselbe die in den Allerhöchst
estätigten Grundsätzen zur Prüfung der Medicinalbeamten vom **18.** December **1845** vorgeschriebenen Prüfungen zur
Zufriedenheit der Facultät bestanden, und nicht nur in dem mündlich angestellten Examen befriedigende Kenntnisse, sondern
uch bei den Uebungen am Phantome recht befriedigende Geschicklichkeit an den Tag gelegt hat, hiemit

die Würde einer privilegirten Hebamme.

Zur Urkunde dessen ist ihr dieses Certificat mit dem Siegel der Facultät, so wie mit der Unterschrift des derzeitigen
Rectors der Universität und des Decans der Facultät und des Professors der Entbindungskunde ertheilt worden.

Dorpat, den **28.** März **1853.**

Диплом Дерптского Университета
о присвоении в 1853 году Марии Фрейбург квалификации привилегированной акушерки

необходимого для нас — сведений о его отце — там нет. Удивительно, что в деле нет даже свидетельства о рождении самого Адольфа, по которому ох как много можно было бы узнать.

В поисках дополнительных сведений о Густаве в Петербургском городском архиве мне пришлось просмотреть: личное дело студента Императорского института путей сообщений Евгения Фрейбурга, журнал общего присутствия Почтово-телеграфного ведомства за 1861 год с записью о приёме на службу Адольфа Фрейбурга, послужной список почтового служащего Александра Адольфовича Фрейбурга. Но в этих документах дополнительных сведений найдено не было.

Тогда предположил, что возможно кто-либо из Фрейбургов в XIX веке учился в университете. А каждый университет в те годы издавал списки своих выпускников с момента образования учебного заведения. Всего в империи было 6 университетов: Московский, Петербургский, Казанский, Киевский, Харьковский и Дерптский. В Московской библиотеке — «Ленинке», мной были просмотрены все до одного эти издания, включая и самое старинное — Дерптского университета. Наших фамилий нет. Таким образом, каких-либо зацепок для дальнейшего поиска Густава пока не найдено.

Также остаётся непонятным, почему Мария Фрейбург не забрала из университета свой диплом на звание привилегированной акушерки. Перестала работать по этой специальности или умерла?

ЛЕОПОЛЬД-МАКСИМИЛИАН-ХЕНРИК ФРЕЙБУРГ

Сын Густава и Марии Фрейбург, наш предок. В Москве, в Российском государственном военно-историческом архиве имеется послужной список Леопольда Фрейбурга от 1 января 1886 года, дополненный до 1887 года (РГВИА, ф.409, п/с 313–805, лл. 64–70). Из него следует:

Леопольд Густавович Фрейбург родился 23 февраля 1843 года, лютеранского вероисповедания, сын арендатора — гражданина г. Дерпта.

Выпущен из Петербургской медико-хирургической академии в звании провизора 19 июня 1865 года. Определён на службу в Варшавский военный округ фармацевтом для командировок 1 января 1867 года. Прибыл к месту службы 30 января 1867 года. По распоряжению Главного военно-медицинского управления, 30 января 1869 года, перемещён в Варшавский аптечный магазин младшим фармацевтом. По распоряжению Варшавского окружного военно-медицинского инспектора командирован в Варшавский Уяздовский военный госпиталь и вступил в должность управляющего аптекой 10 марта 1870 года, откомандирован 10 мая 1870 года обратно к месту службы. Награждён 28 марта 1871 года орденом Святого Станислава 3 степени. Высочайшим приказом о чинах гражданских от 27 июня 1871 года за № 28 произведён в Коллежские Секретари. Высочайшим приказом о чинах гражданских от 14 ноября 1871 года за № 52 произведён в Титулярные Советники.

По распоряжению Главного военно-медицинского управления от 3 марта 1872 года за № 2333 перемещён на службу секретарём из фармацевтов в Варшавском окружном военно-медицинском управлении. Высочайшим приказом о чинах гражданских от 11 марта 1873 года за № 11 произведён в Коллежские Асессоры. Высочайшим приказом о чинах гражданских от 6 марта 1877 года за № 11 произведён в Надворные Советники. По распоряжению Варшавского окружного военно-медицинского инспектора командирован для снаряжения в Варшаве аптечных платформ 7, 9, 10, и 11 резервных пехотных дивизий с 27 марта по 11 мая

1878 года. Награждён 30 августа 1879 года орденом Святой Анны 3 степени. Высочайшим приказом о чинах гражданских от 1 марта 1881 года за № 10 произведён в Коллежские Советники.

Военно-медицинским инспектором прикомандирован к Варшавскому Уяздовскому военному госпиталю для заведования госпитальной аптекой до возвращения из отпуска её управляющего 5 ноября 1886 года. Награждён 8 марта 1887 года орденом Святого Станислава 2 степени.

Приказом по военному ведомству 1887 года за № 126 должности секретаря из фармацевтов присвоено наименование делопроизводителя из фармацевтов 31 мая 1886 г. Главным военно-медицинским управлением назначен управляющим аптекой Варшавского Уяздовского военного госпиталя 3 июля 1887 года.

Женат на Оттилии Беккер. У них дети: дочь Люция-Мария, родившаяся 12 апреля 1875 года; сын Евгений-Густав-Адольф, родившийся 26 сентября 1876 года; сын Артур-Карл-Людовик, родившийся 14 сентября 1878 года; дочь Паулина-Мария-Фелиция, родившаяся 1 февраля 1880 года, наш предок; сын Ричард-Юлиуш, родившийся 8 сентября 1881 года.

Жена и дети вероисповедания лютеранского. Недвижимого имущества не имел.

В военных действиях участия не принимал.

В архивном фонде «Военно-медицинская академия» (Личные дела выпускников академии за 1801–1871 годы) личного дела Л. Фрейбурга не имеется. Однако в справочнике «Приложение к истории военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) академии: 1798–1898 годы» (СПб.— 1898 — с. 251) в «Списке лиц, окончивших курс в Императорской Медико-хирургической академии с 1801 по 1898 годы» значится провизор Фрейбург, 1865 года выпуска.

В архивных фондах «Конференция», «Личные дела академиков, профессоров, медицинского персонала, уволенных студентов за 1844–1915 годы», «Главное военно-санитарное управление» были найдены отдельные документы из личного дела выпускника академии Л. Фрейбурга, переписка о его зачислении в академию и поступлении на военную службу.

Таким образом, стало известно, что 5 сентября 1863 года аптекарский помощник Леопольд Фрейбург (проживавший в г. С.-Петербурге по адресу: Литейная часть Спасской улицы, в квартире № 11, в доме Спасского) подал прошение в конференцию академии. В нём говорилось: «Представляя при сём диплом на настоящее моё звание, имею честь покорнейше просить конференцию академии о допущении меня к слушанию лекций по части фармацевтической на получение звания провизора» (РГВИА, ф.316, оп.68, д. 2420, л. 1). Конференцией академии 28 сентября 1863 года это прошение о допуске к слушанию лекций по естественным предметам было удовлетворено. Причём, разрешение на слушание лекций было дано с обязательством по окончании курса представить в правление академии свидетельство о работе просителя в аптеках в течение трёх лет (РГВИА, ф.316, оп.46, д. 355, лл. 85–85 об).

В апреле 1865 года Л. Фрейбург был допущен к экзамену на звание провизора. По результатам словесных испытаний им были получены следующие баллы:

минералогия, ботаника, зоология, физика, фармакология — «удовлетворительно»;

химия — «весьма удовлетворительно»;

главнейшие способы подать пособие в болезненных случаях—«удовлетворительно».

Практические же испытания были оценены так: фармакология, приготовление припарок, судебно-химическое исследование с письменным изложением, фармацевтическая бухгалтерия — «удовлетворительно» (РГВИА, ф.316, оп.68, д. 2420, л. 2).

19 июня 1865 года конференция академии рассмотрела успехи аптекарских помощников, прослушавших полный курс лекций по фармации, постановила признать их достойными звания провизора, в их числе назван и Леопольд Фрейбург (РГВИА, ф.316, оп.69, д. 200, л. 232).

Из прошения вольнопрактикующего провизора Л. Фрейбурга от 24 ноября 1866 года следует, что при поступлении на военную службу он представил диплом на звание провизора за № 1784, метрическое свидетельство за № 141, свидетельство о конфирмации, свидетельство о поведении и свидетельство о нахождении в вольных аптеках. В январе 1867 года Леопольд проживал на Васильевском острове по Среднему проспекту, между третьей и четвёртой линиями в доме № 22 госпожи Борисовой (РГВИА, ф.879, оп.2, д. 1137, л. 2).

Из свидетельств, представленных Леопольдом Фрейбургом в Главное военно-санитарное управление, известно, что до и после окончания академии он работал:

— с 1 сентября 1862 года по 1 сентября 1863 года в вольной аптеке аптекаря Лёша в г. С.-Петербурге;

— с 24 января по 24 ноября 1864 года, с 15 августа по 24 января 1866 года в вольной аптеке провизора Карла Коха в г. С. Петербурге;

— с 19 июня по 20 октября 1865 года в вольной аптеке провизора и её содержателя А. Шнейдера, в имении графа Шувалова, деревне Заманиловке;

— с 24 января по 16 ноября 1866 года в вольной аптеке провизора Г. Шульца в г. С. Петербурге (РГВИА, ф.879, оп.2, д. 1137, лл. 6,7,11).

24 ноября 1866 года С.-Петербургским обер-полицмейстером генерал-лейтенантом (фамилия неразборчива) было выдано свидетельство, в котором говорилось, что «Фрейбург, проживая в г. С.-Петербурге с 20 октября 1865 года <...> поведения был хорошего, суду не подвергался и препятствий к определению его на службу со стороны полиции не встречается» (РГВИА, ф.879, оп.2, д. 1137, л. 3).

11 января 1867 года провизор Л. Фрейбург подал рапорт в Военно-медицинский департамент с приложением квитанции об оплате им в Петербургское губернское казначейство необходимой суммы за диплом на звание провизора.

11 января 1867 года провизор Л. Фрейбург был приведён к присяге пастором лютеранской церкви Христа Спасителя генерал-суперинтендантом Рихтером.

13 января 1867 года Л. Фрейбург дал подписку о непринадлежности к тайным обществам и масонским ложам.

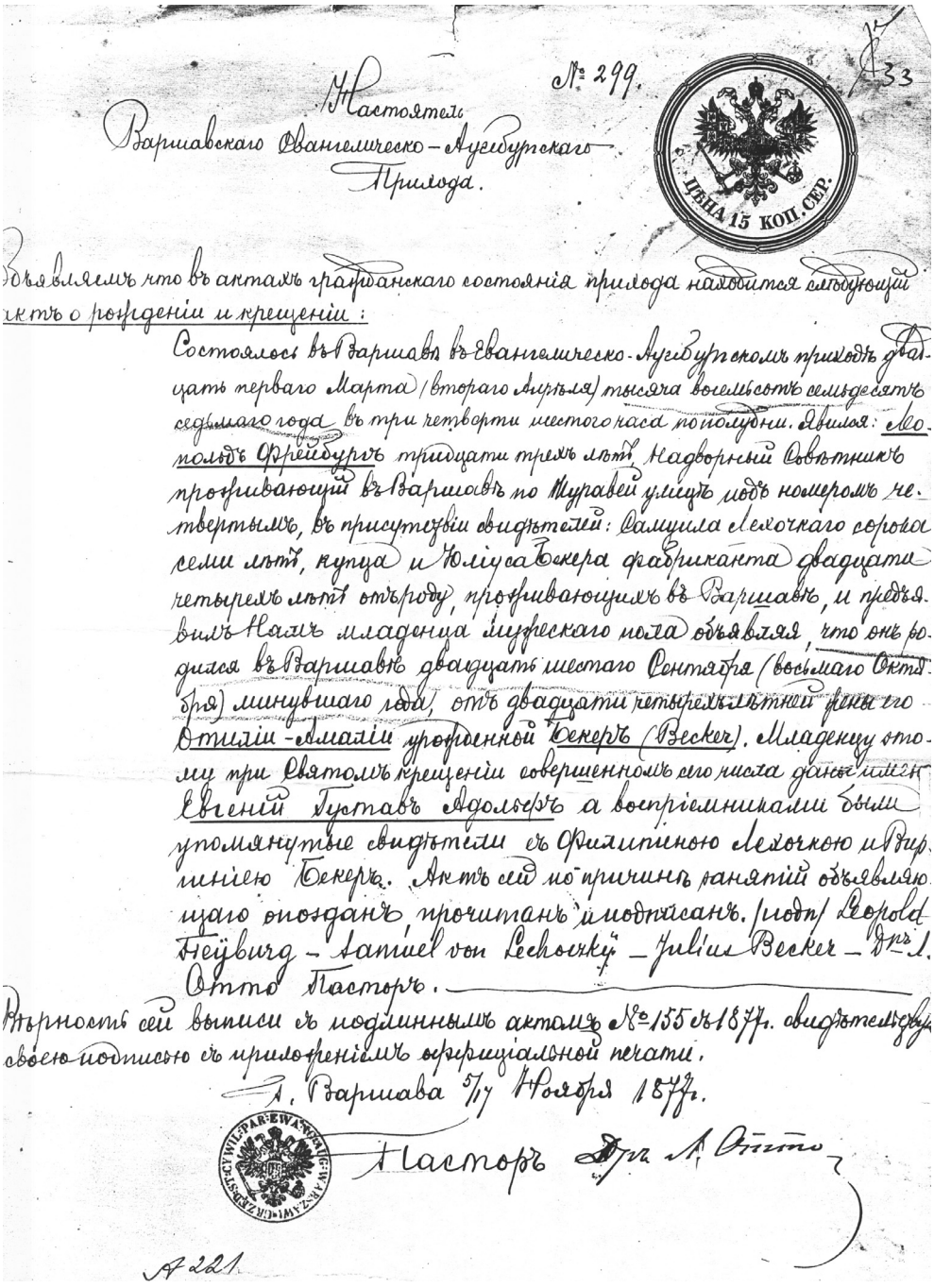
1 февраля 1867 года в военно-медицинский департамент министерства поступил рапорт тайного советника (фамилия неразборчива), в котором сообщалось о прибытии в Варшавский военный округ провизора Фрейбурга, окончившего академию 30 января 1867 года (РГВИА, ф.879, оп.2, д. 1137, лл 22–27).

Что касается поиска материалов о жизни и учёбе Леопольда Фрейбурга в г. Дерпте, то в Тартуском архиве удалось выяснить следующее. В списках учеников Тартуской Александровской гимназии (1831–1878) его имени нет. Хотя гимназический аттестат можно было получить и при наличии домашнего образования, а также сдаче необходимых испытаний при гимназии. В таком случае имя ученика не вносилось в гимназический матрикул, а сохранялось только в составе отдельного делопроизводства по выдаче аттестатов и устройстве испытаний.

В данном случае можно предположить, что Леопольд сдал необходимые экзамены в 1861–1862 годах. В архиве гимназии сохранились аттестаты только за более поздний период, так же, как и личные дела учеников. На этом поиск прервался. Возможно, гимназические экзамены были сданы в какой-либо гимназии другого го-

Леопольд Густавович Фрейбург с женой Оттилией-Амалией Беккер (Фрейбург), сыном Евгением и дочерью Люцией.
г. Варшава, 1877 год

№ 299.

Настоятель
Варшавскаго Евангелическо-Аугсбургскаго
Прихода.

ЦѢНА 15 КОП. СЕР.

Объявляемъ что въ актахъ гражданскаго состоянія прихода находится слѣдующій актъ о рожденіи и крещеніи:

Состоялось въ Варшавѣ въ евангелическо-Аугсбургскомъ приходѣ двадцать перваго Марта (втораго Апрѣля) тысяча восемьсотъ семьдесятъ седьмаго года въ три четверти шестого часа пополудни. Явился: Леопольдъ Фрейбургъ тридцати трехъ лѣтъ, надворный совѣтникъ проживающій въ Варшавѣ по Журавей улицѣ подъ номеромъ четвертымъ, въ присутствіи свидѣтелей: Самуила Лехочкаго сорока семи лѣтъ, купца и Юліуса Бекера фабриканта двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду, проживающихъ въ Варшавѣ, и предъявилъ Намъ младенца мужескаго пола объявляя, что онъ родился въ Варшавѣ двадцать шестаго Сентября (восьмаго Октября) минувшаго года, отъ двадцати четырехъ-лѣтней жены его Оттиліи-Амаліи урожденной Бекеръ (Вескеръ). Младенцу этому при Святомъ крещеніи совершенномъ его числа данъ имя Евгеній Густавъ Адольфъ а воспріемниками были упомянутые свидѣтели съ Филиппиною Лехочкою и Вильгельминою Бекеръ. Актъ сей по причинѣ занятій объявляющаго опозданъ прочитанъ и подписанъ. (подп) Леопольдъ Фрейбургъ – Samuel von Lechocky – Julius Becker – Пасторъ Отто Пасторъ.

Вѣрность сей выписи съ подлиннымъ актомъ №155 съ 1877г. свидѣтельствуетъ своею подписью съ приложеніемъ офиціальной печати.

г. Варшава 5/17 Ноября 1877г.

Пасторъ Отто

А 221

Запись за № 299
в метрической книге Евангелическо-Аугсбургского прихода г. Варшава от 1877 года
о рождении у Леопольда Фрейбурга и Оттилии-Амалии Беккер
сына Евгения-Густава-Адольфа

рода, как это довольно часто практиковалось, судя по делам студентов университета. В отношении обучения Леопольда аптекарским подмастерьем в Дерпте можно утверждать, что он жил в доме аптекаря Карла Фридриха Луде (1795–1863), бывшего до 1830 года инспектором химического кабинета при Дерптском университете. В августе 1830 года Луде купил у наследников старейшей тартуской аптеки Монкевичей аптеку на углу Александровской улицы и Нового рынка, которую впоследствии продал незадолго до смерти в 1862 году. В 1835 году Луде женился на Вельгельмине Фредерике Хеерваген (1815–1869), дочери арендатора Леонгарда Хеервагена из имения Арраски, откуда родом была и мать Леопольда — Мария, урождённая Хеймбергер. Предположительно, с 1858 года Леопольд жил в доме Луде, так как только туда мог иметь рекомендательные письма от своих родных из Арраски (ЕАА, ф.405, оп.1, дд. 2532,2533; ф.2351, оп.2, д. 10).

В фонде «Тартуский университет 1802–1917 годы» имеется личное дело Леопольда Фрейбурга, державшего 16 мая 1862 года экзамен на звание аптекарского ученика. Медицинским факультетом Дерптского университета 12 сентября 1862 года он был удостоен звания фармацевта. Тот факт, что в 1858 году он проживал в Дерпте отдельно от семьи, указывает на то, что в это время Леопольд проходил положенную по закону двухгодичную практику и готовился к сдаче практического экзамена в университете (ЕАА, ф.402, оп.2, д. 6331).

В находящемся на хранении в столичной Российской государственной библиотеке «Списке гражданских чинов военного ведомства первых 5-и классов», изданном по состоянию на 1891 год в С.-Петербурге, значится:

«Л. Г. Фрейбург, управляющий аптекой, статский советник с 5 июня 1887 года».

Как удалось понять из найденных документов, Л. Г. Фрейбург «умер на службе» в период с 1891 по 1895 год и похоронен, по всей видимости, в г. Варшаве.

Убит крышкой погреба, упавшей ему на голову — несчастный случай.

Заметки о ходе поиска. Ольга Юлиановна всегда говорила, что Леопольд был царским генералом, «нервным» доктором, то есть психиатром, что в Варшавском военном госпитале у него была своя клиника, и что сорвавшаяся крышка погреба сильно ударила его по голове и убила. Именно с Леопольда мы начали все наши поиски в 1993 году. Раз он был офицером, то в Российском государственном военно-историческом архиве в г. Москве должен хранится его послужной список, этот порядок существует и поныне, первый экземпляр личного дела офицера храниться в Центральном архиве Министерства обороны РФ в г. Подольске.

В ответ на наш запрос из архива прислали выписку из послужного списка Леопольда. Но этого показалось мало, и мы попросили провести более глубокий поиск, в результате работники архива, поработав с фондами, прислали дополнительно информацию об учёбе Леопольда.

Из послужного списка узнали главное, что отец Леопольда Густав — гражданин города Дерпта, это давало возможность вести поиски уже самого Густава в Прибалтике. Обидно, что за многие годы нам так и не удалось разыскать свидетельств о рождении и смерти самого Леопольда, и мы ничего не знаем о месте его рождения, времени смерти и месте захоронения. В последующем, для получения дополнительной информации как по Фрейбургам, так и по Идзковским, мне пришлось в различные годы 3 раза работать в Российском государственном военно-историческом архиве, расположенном в знаменитом Лефортовском дворце царя Петра I в Москве. Дело это продолжительное. Сначала надо, чтобы архив просто работал, а не находился долгие годы на ремонте. Потом необходимо получить разрешение на работу в читальном зале, затем по каталогу надо заказать описи, да не все тебя интересу-

ющие, а не более 7 штук, да подберут их только через 3 дня, да по описям заказать дела, и опять не более 5 штук и подберут их ещё через 3 дня. Короче, для ускорения этого процесса надо было постоянно ругаться, требовать, идти на конфликты. Мне хотелось бы найти в архиве:

— документы Варшавского окружного военно-медицинского управления. Там, наверняка, могла бы быть информация о Леопольде. Но их не оказалось;

— документы Варшавского Уяздовского военного госпиталя. Они имелись в наличии, но только начиная с 1907 года. С началом первой мировой войны госпиталь спешно эвакуировали из Варшавы в Москву, где и расформировали, и, по-видимому, в эвакуацию были взяты только документы самого последнего времени, которые затем и очутились в архиве;

— документы Петербургской Гвардейской берейторской школы. Там могла быть информация об Адольфе Фрейбурге, по которой потом можно было выйти на Густава Фрейбурга. Но их не оказалось;

— дело о назначении пенсии по случаю потери кормильца вдове и детям Леопольда. И, действительно, множество дел такого рода имелось, в основном, датированных позднее 1895 года, но дела, необходимого нам, не оказалось.

Пересмотрел материалы на Леопольда, уже использованные работниками архива для написания мне ответа на запрос, но ничего существенного ими пропущено не было. Узнал, правда, что Леопольд попадает служить в г. Варшава в 1867 году потому, что его предшественник увольняется по возрасту.

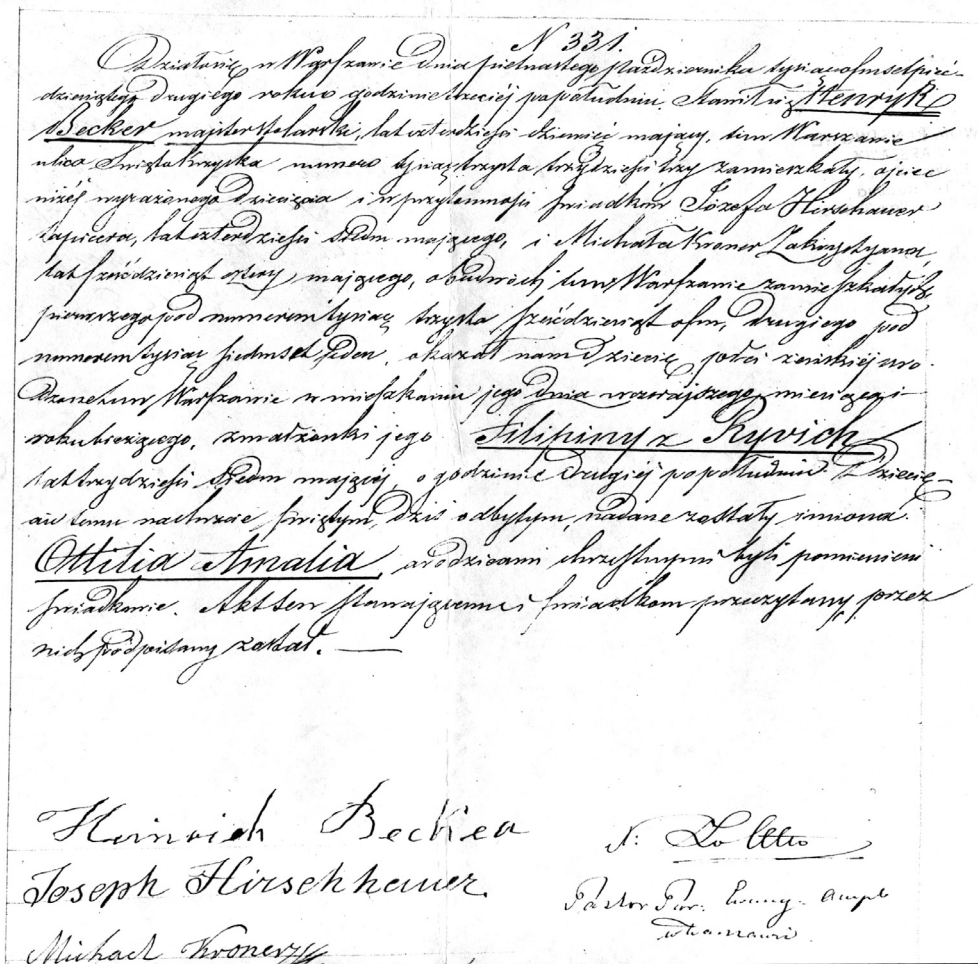
Был ещё один канал для поиска. В Петербургском городском историческом архиве попробовать отыскать документы о прописке или легитимации Леопольда в городе, а также документы, необходимые органам внутренних дел для выдачи «Свидетельства о поведении», то есть сообщения приставов, осуществлявших за Леопольдом какой-то надзор. Пришлось 4 года ждать открытия архива после ремонта, но ничего стоящего там найти не удалось.

Чин статского советника, который носил Леопольд Фрейбург, согласно «Табеля о рангах» был выше полковника, но ниже генерал-майора в армии. Уже следовавший за ним чин действительного статского советника соответствовал генерал-майору в армии и давал право на получение потомственного дворянства.

Женится Леопольд примерно в 1874 году, знакомство с Оттилией происходит, вероятно, в церкви, так как он становится прихожанином Варшавского Евангелическо-Аугсбургского прихода, а она состоит прихожанкой этого прихода с момента своего рождения. Их дочь Паулина вспоминала, что у отца был денщик, а в доме две прислуги. Считала его весельчаком. Если он приходил со службы и заставал в гостях у детей их друзей, то тут же посылал за пирожными и устраивал чаепитие, в котором сам принимал самое активное участие.

ОТТИЛИЯ-АМАЛИЯ БЕККЕР (ФРЕЙБУРГ)

Жена Леопольда Густавовича Фрейбурга, наш предок. Как видно из перевода свидетельства о рождении за № 331, присланного Варшавским архивом, Оттилия-Амалия Беккер родилась в 1852 году в г. Варшава. Лютеранка, крещение происходило в Евангелическо-Аугсбургском приходе города Варшава. Отец её — Генрих Беккер был столяром («мастером столяром» — так в документе). Грамотный, его собственноручная подпись стоит на свидетельстве. На момент рождения дочери ему было 49 лет, то есть он 1803 года рождения. Мать её — Филлипа Ривич, родила дочь в 37 лет, то есть она 1815 года рождения.

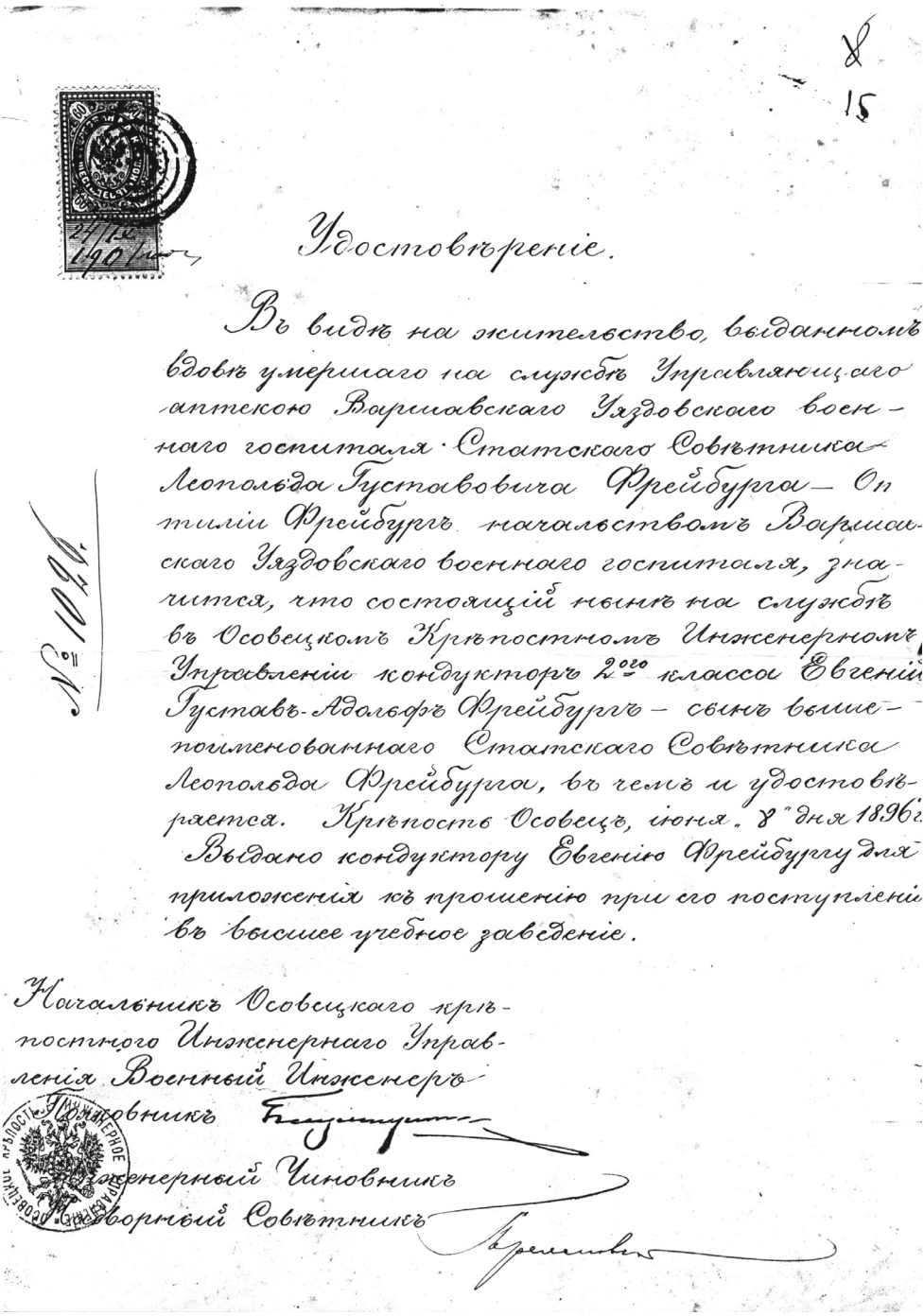

Запись № 331
в метрической книге Евангелическо-Аугсбургского прихода г.Варшава от 1852 года о рождении у Генриха Беккера и Филлипы Ривич дочери Оттилии-Амалии

Оба родителя являлись жителями г. Варшава. Поженились Оттилия-Амалия и Леопольд в 1874 году. У них рождается 5 детей:

Люция — в конце XIX века вышла замуж и уехала в Австро-Венгрию. Переписывалась с братом Евгением, прислала ему вскоре после начала первой мировой войны посылку. Затем связь прервалась. От Татьяны Евгеньевны Фрейбург мы узнали, что у Люции были дети — сын и дочь, и, что в детстве, во время игры, один из них другому выткнул карандашом глаз.

Евгений — окончил С.-Петербургский институт путей сообщения в 1901 году. Работал в Управлении водного транспорта в С.-Петербурге. Жил по адресу: Мойка, дом 42, квартира 39, в 50 метрах от последней квартиры Пушкина, умер 11 декабря 1938 г. и похоронен на лютеранском кладбище Ленинграда. У него было двое детей, в том числе ранее упоминавшаяся Татьяна Евгеньевна, которая сохранила акт о рождении отца и удостоверение, выданное начальством Евгению Фрейбургу для поступления в Высшее учебное заведение. Мы приводим эти документы.

Удостовѣреніе.

Въ видѣ на жительство, выданномъ вдовѣ умершаго на службѣ Управляющаго аптекою Варшавскаго Уяздовскаго военнаго госпиталя Статскаго Совѣтника Леопольда Густавовича Фрейбурга — Отиліи Фрейбургъ начальствомъ Варшавскаго Уяздовскаго военнаго госпиталя, значится, что состоящій нынѣ на службѣ въ Осовецкомъ Крѣпостномъ Инженерномъ Управленіи кондукторъ 2-го класса Евгеній Густавъ-Адольфъ Фрейбургъ — сынъ вышепоименованнаго Статскаго Совѣтника Леопольда Фрейбурга, въ семъ и удостовѣряется. Крѣпость Осовецъ, іюня 8 дня 1896 г.

№ 1096

Выдано кондуктору Евгенію Фрейбургу для приложенія къ прошенію при его поступленіи въ высшее учебное заведеніе.

Начальникъ Осовецкаго крѣпостного Инженернаго Управленія Военный Инженеръ Полковникъ

Инженерный Чиновникъ

Коллежскій Совѣтникъ

Удостоверение от 8 июня 1896 года, в котором имеется запись о смерти на службе Статского Советника Леопольда Густавовича Фрейбурга

Состоялось в Варшаве в Евангелическо-Аугсбургском приходе двадцать первого марта тысяча восемьсот семьдесят седьмого года в три четверти шестого часа пополудни явился: Леопольд Фрейбург тридцати трёх лет, Надворный Советник проживающий в Варшаве по Журавей улице под номером четвёртым, в присутствии свидетелей: Самуила Лехочкого сорока семи лет, купца и Юлиуса Беккера фабриканта двадцати четырёх лет от роду, проживающих в Варшаве, и предъявили нам младенца мужеского пола, объявляя, что он родился в Варшаве двадцать шестого сентября минувшего года, от двадцати четырехлетней жены его Отилии-Амалии, урождённой Беккер. Младенцу этому при Святом крещении совершённым сего числа даны имена Евгений Густав Адольф, а восприемниками были упомянутые свидетели с Филипиною Лехочкою и Виргинией Беккер. Акт сей прочитан и подписан. Подписи.

Пастор Отто.

Удостоверение № 1026

В виде на жительство, выданном вдове умершего на службе Управляющего аптекою Варшавского Уяздовского военного госпиталя Стацкого Советника Леопольда Густавовича Фрейбурга — Оттилии Фрейбург начальством Варшавского Уяздовского военного госпиталя, значится, что состоящий ныне на службе в Осовецком Крепостном Инженерном Управлении кондуктором 2-ого класса Евгений-Густав-Адольф Фрейбург — сын вышепоименованного Статского Советника Леопольда Фрейбурга, в чём и удостоверяется.

Крепость Осовец. Июня 8 дня 1896 года.

Выдано кондуктору Евгению Фрейбургу для приложения к прошению при его поступлении в высшее учебное заведение.

Начальник Осовецкого крепостного Инженерного Управления

Военный Инженер Полковник Подпись.

Осовец — это бывшая русская крепость на реке Бобр в Белостокском воеводстве Польши. Кондуктор — воинское звание, в русской армии его обычно присваивали чертёжникам в главных, окружных и полевых инженерных управлениях.

Паулина — наш предок.

Артур — окончил Киевский политехнический институт, инженер-путеец. Умер в 1922 году в г. С.-Петербурге. Женат не был.

Ричард — инженер-мелиоратор. Умер в 1938 году в Твери. Женат не был.

О родственниках Оттилии-Амалии Беккер мы знаем из свидетельств о рождении Евгения и Паулины:

— Юлиус Беккер, фабрикант 24 лет, значит, 1852 года рождения, с женой Виргиниею, оба проживали в Варшаве;

— Карл Беккер, 75 лет, значит, 1805 года рождения, варшавский обыватель, скорее всего, это брат Генриха, отца Оттилии;

— Людовик Беккер, 29 лет, значит, 1851 года рождения, варшавский обыватель, скорее всего, это брат Оттилии;

Умерла Оттилия в г. Лепеле Витебской губ. 2 июня 1908 года в возрасте 56 лет.

Заметки о ходе поиска. Свидетельство о рождении Оттилии-Амалии Беккер пришлось «выколачивать» из Варшавского архива в течение 2 лет, они требовали 15 долларов за поиски и 10 долларов за копирование документа, потом сдались.

О жизни детей Оттилии-Амалии мы знаем, в основном, по рассказам Ольги Юлиановны Кривойкиной и Татьяны Евгеньевны Фрейбург, а вот о ней самой никаких воспоминаний и свидетельств не осталось. Только Евгений Леопольдович говорил о ней своим детям: «Это был ангел».

ПАУЛИНА-МАРИЯ-ФЕЛИЦИЯ ФРЕЙБУРГ (ИДЗКОВСКАЯ)

Жена Юлиана Феофиловича Идзковского, наш предок. В метрической книге 1880 года за № 574 имеется следующая запись:

Состоялось в Варшаве, в Евангелическо-Аугсбургском приходе, сентября двадцать пятого дня, тысяча восемьсот восьмидесятого года, в пять часов по полудни. Явился Леопольд Фрейбург: тридцати семи лет, чиновник Военного Лечебного Управления, жительствующий в Варшаве, на улице Вспульной, номер одиннадцать, в присутствии свидетелей: Карла Беккер, семидести пяти лет, и Людовика Беккер, двадцати девяти лет, обоих обывателей, жительствующих в Варшаве, и предъявили нам младенца женского пола, объявляя, что он родился в Варшаве, февраля первого дня, текущего года, в одиннадцать часов ночью, от законной его жены Оттилии урождённой Беккер двадцати семи лет от роду. Младенцу этому при Святом Крещении совершённом сего числа, даны имена: Паулина, Мария, Фелиция, а восприемниками были: свидетели и Фелиция Беккер.

Под актом собственноручная подпись Леопольда Фрейбурга.

Паулина окончила в Варшаве гимназию, говорила на русском, польском и немецком языках, знала и французский. В юности совместно с братьями-студентами прятала революционные прокламации. В Варшаве она знакомится с будущим мужем — Юлианом Идзковским, студентом Варшавского университета. Поженившись в 1905 году, они живут в Лепеле, где Юлиан служит акцизным чиновником.

У них дети: Ольга, 13 января 1906 года рождения, наш предок; Наталья, 20 мая 1907 года рождения; Николай, 19 октября 1908 года рождения; Татьяна, 30 декабря 1917 года рождения.

Убедившись в отсутствии у мужа служебного рвения, видя, как обходят его положенными по выслуге лет должностями, Паулина обращается 17 ноября 1908 года к Управляющему акцизными сборами Витебской губернии с письмом:

Простите, Ваше Превосходительство, что смею Вас беспокоить своим письмом, но зная, как сочувственно Вы относитесь к нуждам своих подчинённых, я уверена, что и письмо моё примите во внимание.

4-е года тому назад, когда г. Трубковский из Помощников Секретаря Губерн. Акцизного Управления был назначен Помощником Надзирателя, муж мой, Контролёр Идзковский, назначен был Вами на его место; но одновременно с этим постановлением в 6-ой Округ получена была телеграмма об отмене сего назначения. После этого мы все ждали, что первая же вакансия будет числиться за моим мужем, но, увы!.. с тех пор прошло 6 вакансий, и ни на одну из них он не попал.

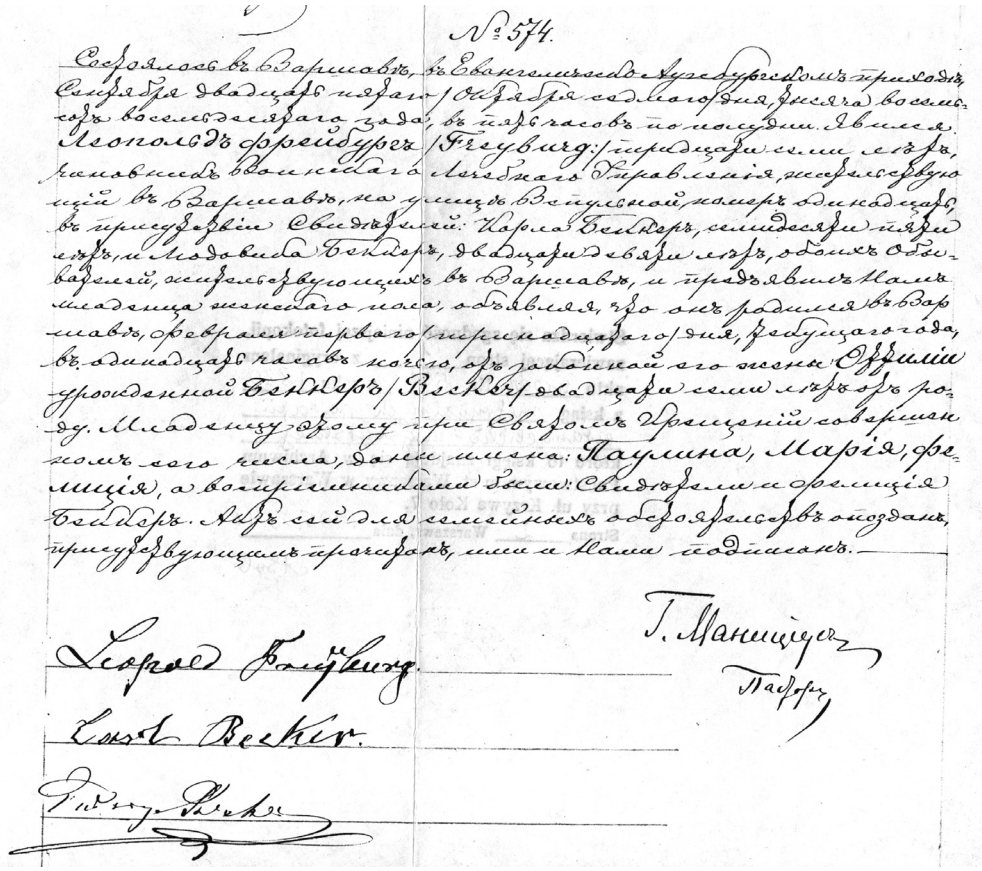
Боясь, что и теперь при освободившейся вакансии Старшего Контролёра, муж мой может не попасть на эту должность, я убедительно прошу Ваше Превосходительство помочь и назначить именно его. У нас уже трое детей, из которых один — 4-х недельный, так что жить на жалование Младшего Контролёра очень трудно, почти невозможно. Муж сидит на заводе, и я пишу без его ведома.

Ещё раз простите, Ваше Превосходительство, что Вас беспокою, но уверена, что Вы снисходительно отнесётесь ко мне и уважите мою просьбу.

Глубоко уважающая Вас Полина Идзковская.

Письмо, по-видимому, возымело действие, ибо почти сразу же просимая должность была получена.

При бегстве от наступавших немцев, в начале первой мировой войны, Паулина Фрейбург отдала своё обручальное кольцо, чтобы купить билеты до Нижнего Новгорода. Из всего оставляемого в Лепеле имущества взяла только 12 фражетовых ло-

№ 574.

Сего числа въ Варшавѣ, въ Евангелическо-Аугсбургскомъ приходѣ, Семнадцатое двадцать перваго / 17-го 21-го января / февраля тысяча восемьсотъ восьмидесятаго года, въ первомъ часовъ пополудни. Явился Леопольдъ Фрейбургъ / Freyburg: тридцати семи лѣтъ, римско-католическаго вѣроисповѣданія, жительствующій въ Варшавѣ, на улицѣ Вѣйскомской, комнатъ одиннадцать, въ присутствіи свидѣтелей: Карла Беккера, семидесяти пяти лѣтъ, и Людовика Беккера, двадцати двухъ лѣтъ, обоихъ обывателей, жительствующихъ въ Варшавѣ, и предъявилъ намъ младенца женскаго пола, объявляя, что онъ родился въ Варшавѣ, февраля перваго / первого дня, текущаго года, въ одиннадцать часовъ ночи, отъ законной его жены Оттиліи урожденной Беккеръ / Beckеръ, двадцати семи лѣтъ вѣроисповѣданія. Младенцу этому при совершеніи актовой его записи дано имя: Паулина, Марія, Фелиція, а воспріемниками были: свидѣтели и Фелиція Беккеръ. Актъ сей для законныхъ доказательствъ составленъ и прочитанъ присутствующимъ, мною и нами подписанъ.

Г. Маниціусъ

Карлъ Беккеръ.

Людвигъ Беккеръ.

Запись № 574
в метрической книге Евангелическо-Аугсбургского прихода г. Варшава
о рождении у Леопольда Фрейбурга и Оттилии-Амалии Беккер
дочери Паулины-Марии-Фелиции 1 февраля 1880 года

жек. В Нижнем Новгороде сестры мужа их не приняли, спас семью Татьянинский комитет — комитет помощи беженцам под патронажем великой княжны Татьяны, обеспечил какой-то едой и жильём. Одно время Полина Леопольдовна даже работала в нём сестрой милосердия. Затем она пыталась работать в школе преподавателем немецкого и французского языков, но из-за гонений на протестантскую веру вынуждена была быстро уйти. Не смогла она долго проработать и классной дамой, по мягкости характера не могла держать в классе дисциплину.

В начале 20-х годов работала в Нижегородском Ярмарочном комитете бухгалтером и машинисткой, и ходила на работу 4 километра, через Окский мост, на французских каблуках. Иногда на ярмарке так и жила по несколько дней, не было сил ежедневно ходить обратно домой. Во-первых, далеко, а во-вторых, требовалось подниматься высоко в гору. В связи с такой работой дети были предоставлены сами себе. Потом работала на Сенной площади в «Осоавиахиме» (Обществе содействия авиации). Отличалась исключительной грамотностью, помогала начальникам в составлении бумаг. Чтобы содержать семью, брала пишущую машинку домой, обучила дочь Олю печатать, и они обе печатали ночи напролёт, то одна, то другая. Оля хозяйством не занималась, это лежало на Тасе — приготовить, постирать, убрать.

Паулина Фрейбург с подругой, 1899 год

После смерти Юлиана Феофиловича в 1919 году отношения с сёстрами мужа несколько наладились. Но жили страшно бедно, без имущества и собственного жилья. По воспоминаниям Полина Леопольдовна, привыкшая в детстве к достатку, так и не выучилась мыть пол и стирать, мыла пол — только пачкала. Но была добра до бесконечности. Соседи могли прийти поплакаться, и она отдавала последний кусок. На детей никогда не кричала и ни разу не подняла руки. Умела душевно рассказать детям о последствиях их проступков. Больше всего любила и жалела своего единственного сына Колю. Обладала удивительно нежным и певучим голосом. Никогда не разговаривала громко, не смеялась, а только улыбалась. Картавила, и вместо «ложка» говорила «вошка». Была влюбчива, могла закрутить роман, и авантюристична, так как при этом иногда называлась чужим именем. У Полины были роскошные волосы, косу, пропустив между ног, она могла взять в рот. Носила бархатные шляпки фасона «таблетка». Обожала театр и вместе с младшей дочерью Татьяной не пропускала ни одного спектакля. Очень любила оперетту. Нравилось ей устраивать маленькие праздники: ходить в кафе, наслаждаться мороженным. Детей особенно учиться не заставляла. Всегда держала няньку детям, которых было четверо. В юности мечтала, чтобы у неё было много детей, и осуществила это.

Ольга — родилась в 1906 году, наш предок.

Наталья, «Тася» — человек трудной судьбы. Два раза сидела в тюрьме за недостачу. Была два раза замужем и имела сына. Умерла в г. Мелитополе в 1978 году. Ольга Юлиановна последние 30 лет жизни никаких отношений с ней принципиально не поддерживала.

Николай — согласно выписке из метрической книги Лепельского городского собора о родившихся за 1908 год:

Николай Идзковский родился 19 октября у Младшего штатного Контролёра Витебского Акцизного Управления коллежского секретаря Юлиана Феофиловича Идзковского, православного, и законной жены его Полины Леопольдовны протестантского вероисповедания. Восприемниками были сын Статского Советника, студент Киевского политехнического института Артур Леопольдович Фрейбург, протестантской веры; жена штабс-капитана 14 пехотного полка Еразма Дмитриевича Семилета Эмилия Феофиловна Семилет, православная; вдова Надворного Советника Феофила Идзковского Юлия Осиповна Идзковская, римско-католической веры.

Николай был человеком исключительно способным к любому мастерству. Отличный электрик — гордость завода, художник, писал стихи. Но любил выпить. В 1941 г. сидел три месяца в тюрьме за пятнадцатиминутное опоздание на завод, затем воевал сержантом в 257 танковом полку 63 Таманской танковой бригады, награждён двумя медалями «За боевые заслуги» и двумя орденами «Красной Звезды». На фронте был механиком. Когда подбивали немецкий танк, он подползал с инструментами, и ремонтировал его. В танк садились наши солдаты и вели оттуда прицельный огонь. Женат, имел двух дочерей. Завербовался в 50-х годах на заработки на Сахалин, там его за воровство бухты каната на какое-то время посадили в тюрьму. Умер в Горьком в 1960 году. Утром не опохмелился, не было денег, пришёл на работу, сел на стул, и сердце отказало.

Татьяна — согласно выписке из метрической книги Александро-Невской церкви при роддоме в г. Нижний Новгород:

«Татьяна Идзковская родилась 30 декабря 1917 года у потомственного дворянина, помощника Акцизного надзирателя Юлиана Феофиловича Идзковского, православного, и законной жены его Паулины Марии-Фелиции Леопольдовны, лютеранского вероисповедания».

Паулина Леопольдовна Фрейбург (Идзковская)
с детьми Тасей, Колей, Олей.
г. Лепель, 1910 год

Из-за того, что Юлиан из принципа записал себя потомственным дворянином, а ведь уже произошла Октябрьская революция, в середине 20-х годов Татьяну, как социально чуждую, с такими метриками не принимали в школу. Пришлось Полине за взятки выписывать новые метрики. Татьяна окончила медицинский институт, врач-гениколог высшей квалификации, с 1965 года Заслуженный врач РСФСР. Имеет 7 медалей. Была 2 раза замужем, имеет три дочери. Умерла в 2005 году.

Дети Полину обожали. Но она могла проявить и характер. Когда Коля влюбился в няньку и хотел на ней жениться, она категорически воспротивилась этой связи.

Сохранилось письмо Полины Леопольдовны от 8 июля 1928 года в роддом дочери Ольге Юлиановне.

«Милая моя Люсенька! Мы сегодня все благодаря тому, что у тебя так всё благополучно кончилось, в благодушном настроении. Ваня дочкой очень доволен, он вообще так рад, что мне даже смешно на него глядеть. Он говорит, что очень рад, что появилась дочка, и что она непременно будет пианисткой, а вы будете сидеть и слушать её, вообще, он в радостном настроении.

Как назвать никак ни к чему не приходим. Ваня думает, что хорошо бы назвать Лидой, кто Кирой, а кто-то ещё Леночкой. Ваня просит тебе сообщить, что всё, что только ты пожелаешь, будет, чтоб ты только сообщила. Искал тебе всюду апельсины и нигде не нашёл. Посылаем булку, сухари, молоко, сахар и ландрин. Можно ли тебе мармелад прислать, а то свежий в «Моссельпроме». Тётя Маня просила тебе сообщить, что, вероятно, никто так не доволен как она, что у тебя девочка, прислала она тебе мыла детского, чтоб дочку купать. Галя приходила к нам и спорила с Ваней, как назвать дочку и ничего не решили. Вероятно, хорошо назвать её Лидой. Ты мою внучку поцелуй от меня, передай ей бабушкино приветствие. Тася тоже тебя поздравляет. Ну, а как твоё самочувствие? Ты очень слаба? Что тебе завтра прислать. Я к 3–4 часам дня буду у тебя.

Ваня очень просит, чтобы ты не в чём себе не отказывала, всё, что только хочешь, принесём. Ваня хочет купить курицу и куриного бульона тебе сварить. Хочешь? Дочка твоя хорошо сосёт? В какой ты палате? Мне без тебя очень скучно, сегодня шла я домой и думала тебе рассказать всякую ерунду про службу, а тебя нет. Недостаёт мне тебя. Пусто без тебя. Часы бьют 10 часов вечера, мы, кроме Коли, все дома и сейчас все ляжем. Присылаю тебе молоко в чистой пивной бутылке. Ну, пока всё тебя целуем и внучку, племянницу. Любящая тебя Мама».

Последние годы жизни прожила вместе с дочерью Таней и семьёй сына Коли. Сидела с внуками, читала им книги. В конце жизни рассказывала дочерям, что любила богатого, но её соперница пришла к ней и сказала, что беременна от него. Полина не стала им мешать и, не любя, вышла замуж за Идзковского, в 24 года. Вроде как не с первого раза дала ему согласие на брак. Что тут правда, а что нет, сейчас сказать трудно. Зато точно известно, что Полина Леопольдовна имела к рано умершему мужу претензию, часто повторяла: «Как он мог оставить меня с 4-мя детьми».

В день смерти Полины Леопольдовны, 7 мая 1938 года, от дочери Таси пришла посылка. Трамваи не ходили, и пришлось Полине Леопольдовне идти на центральную почту пешком. В их доме была лестница в 24 ступеньки, так Полина 6 раз отдыхала, пока поднималась, болело сердце и была гипертония. Принеся посылку, пообедав, она стала мыть посуду и упала в обморок. Прибежал сын Коля, перенёс её на кровать. Сбегали за Олей и Ваней. Вызвали «скорую», та приехала, сделала укол и уехала. А у Полины сильно распухла шея — «стала шире головы», началась страшная одышка. Пока Ваня бегал за кислородной подушкой, она уже умерла. Диагноз: сердечная недостаточность. Возраст 57 лет. Похоронена в г. Горьком на немецком

Паулина Лепольдовна Фрейбург (в центре)
во время работы в «Татьянинском Комитете».
г. Нижний Новгород, 1915 год

кладбище. Место для могилы выхлопотал её зять Иван Фёдорович. В конце 1960-х годов кладбище снесли, а на его месте разбили парк с танцплощадкой.

Заметки о ходе поиска. Метрическую запись о рождении Полины мы вытребовали через Министерство иностранных дел России из Варшавского архива.

Существует какой-то международный договор, по которому свои метрики и метрики родителей можно получить из другого государства бесплатно. Но работники архива, по-видимому, осатанели от нашей наглости, что мы, который уж документ различными путями получаем бесплатно, и больше на наши запросы ничего не выслали. А в сохранившихся метрических книгах Варшавского Евангелическо-Аугсбургского прихода можно было бы ещё поискать запись о смерти Леопольда Фрейбурга в начале 1890-х годов и записи о рождении и смерти многих Беккеров и Ривич ранее 1850 года.

Письмо Полины к Управляющему акцизными сборами Витебской губернии находилось в личном деле Юлиана Идзковского, которое оказалось на хранении в Национальном архиве Белоруссии.

По воспоминаниям Татьяны Юлиановны, мать иногда рассказывала о своём отце, враче-психиатре Леопольде Фрейбурге. И даже, когда Татьяна поступила в медицинский институт, Полина Леопольдовна взяла с неё клятву, что дочь никогда не будет врачом-психиатром. Получается, она не знала, что её отец был аптекарем?

ОЛЬГА ЮЛИАНОВНА ИДЗКОВСКАЯ (КРИВОЙКИНА)

Родилась 21 января 1906 года у Юлиана Феофиловича и Полины Леопольдовны Идзковских. У Полины это были первые роды. Поэтому, по совету матери, она поехала рожать к хорошим специалистам. «Я родилась в Варшаве, в клинике на улице Маршалковской, и роды принимал доктор Кнаппе»,— вспоминала Ольга Юлиановна. Родилась девочка весом 5 килограмм. Через 2 месяца мать с новорождённой дочерью возвращаются назад в Лепель Витебской губернии, где для помощи Полине по хозяйству нанимается прислуга.

Из Лепельского детства у Ольги Юлиановны остались воспоминания о страшных еврейских погромах 1912–1914 годов, во время которых рёв и плач убиваемых стояли за несколько кварталов, а кровь из растерзанных тел рекой лилась по мостовым. Уничтожались все евреи подряд, от мала до велика. Если погромщики обнаруживали, что русская семья спрятала еврея, её тоже всю убивали. Вспоминала Ольга Юлиановна и о родном доме, где в столовой огромные напольные часы отбивали каждый час мелодию, а груши в саду можно было срывать прямо из открытого окна.

С 1915 года Ольга обучается в Лепельском Мариинском 4-х классном женском училище, за счёт средств родителей. Там она проучилась 2 года, до эвакуации. В Нижнем Новгороде семья бедствует, и Ольга уже с 12 лет начинает помогать матери печатать заказы на печатной машинке. А с 13 лет, в 1919 году, устраивается на постоянную работу в Нижегородский губернский совнархоз курьером по зданию. «Мальчик на побегушках» — так она характеризовала эту свою работу потом.

С 1920 по 1922 годы регистратор отдела снабжения в Гублескоме, затем машинистка в Рабоче-Крестьянской Инспекции водного транспорта и в организации со странным названием «Центрокишпрод», а с 1923 по 1930 год счетовод в отделе благоустройства Нижкоммунхоза. Одновременно с работой учится. В 1923 году окончила вечернюю «Губернскую школу взрослых 1 и 2 ступени имени Якова Свердлова» в объёме полного курса рабфака, сдав зачёты по следующим предметам:

1. Арифметика.
2. Геометрия.
3. Алгебра.
4. Тригонометрия (Гонометрия).
5. Естествознание (Кроме Биологии).
6. Химия (Неорганическая).

7. Литература (Охвачена часть литературы последних дней).
8. Политэкономия.
9. Советское строительство.
10. История (Древняя, Русская, Нового Времени до 1860 г.).
11. История Революционного движения.
12. География.
13. Физика (Незакончен отдел механики).

Сохранился дневник Ольги, который она вела с 1922 по 1923 год.

3 декабря 1922 года.

Давным-давно хотела я начать вести дневник, но всё как-то не могла собраться, всё как-то было лень. Сегодня жду свою сестрицу, которая вечно поздно приходит домой, мама легла спать. Сидеть скучно и я решила писать.

Ходила нынче к Семилетам узнать который час и немного засиделась, но не долго, т.к. они пошли в церковь, потому что завтра большой праздник «Введение во храм пресвятой Богородицы». Начали говорить про театр. Я ходила с Ниной Жулиной на «Отца Сергия», но мне не очень понравилось, что-то вяло играли, и сам отец Сергий — Гетманов мне не понравился. Один только Горский играл замечательно «мужичка» какого-то. Декорация тоже хорошая. В первом действии дивный сад, в нём фасетки и такой голубоватый полусвет. В последнем тоже лес, солнышко светит, а как уж устроили не знаю, но пели соловьи; избушка Отца Сергия — он уже старенький старичок, здесь он и согрешил и её убил. Бедный, сам хотел повеситься. Встретили мы в театре Лёню Нефёдова — нашего ученика по гимназии. Во время антракта был всё время с нами. Жаль мне его. Бедняжка без ума от Лены Федосеевой, написал ей письмо. Благодарит за «милый разговор, когда они шли с вечера». Восхваляет её, говорит, что такой как она он ещё никогда не видал, что ничего в ней нет такого, как в теперешних барышнях, которые только и мечтают побольше видеть мальчишек, флиртовать с ними и выйти замуж. Спрашивает у Нины «какое было лицо у неё, когда она читала письмо». Нина ответила, что «она его читала очень рассеяно». Он ужасно огорчился, я Нине говорила, отчего она ему не наговорила чего-нибудь. Он похудел. Мне всех влюблённых ужасно жалко. Лена его не любит. Он герой не её романа. Она по моему очень гордая и из него искусно вьёт верёвки. Она очень богата, хорошо одевается, интересная, приданное себе пошила целые сундуки.

Я к ней отношусь безразлично. Особенно она мне не нравится. Она меня считает современной девочкой. Сама из себя корчит девочку, а на самом деле имеет поклонников. Я таких не люблю. Что тут особенного, что гуляешь с кем-нибудь, ведь это совсем обыкновенное дело.

От тёти Мани получила распечку, что ношу дома тоже платье, что и на службу, что у Тани такая масса платьев, что она могла бы ходить, как золото, а мы за ней не смотрим, не приучаем к порядку. Я на всё это мало обращаю внимания и сказала ей, что гораздо лучше, что она носит, а то мало толку, если оно будет лежать в сундуке пока она из него вырастет, и после будет носить. А что касается моего платья, то она конечно права, но я ей наврала, что у меня нечего носить и т.д.

Научилась танцевать вальс как следует и целый день танцую и всё хвастаюсь Гале. Ей очень хочется научиться, но она как-то всегда странно раскачивается, например, с ней нельзя танцевать в кругу. Я её зову, что буду учить с удовольствием. Она говорит, что её всё очень мало интересует, что на вечера она ходить не будет, что там одна толкучка. Но я тёте Мисе сказала, что на вечерах в университете, на которые ходит Галя такие же толкучки. Валя меня поддержал. Пришла Тася

и сказала, что во вторник начнут учиться. Я ужасно, ужасно рада. Во вторник получу деньги и непременно отбоярю у мамы денег на историю Виппера. Всё равно она после пригодится, а мне без неё учиться очень трудно. Больше сидеть не могу, очень хочу спать. Ровно 12 часов.

4 декабря 1922 года.

Ну что записывать? Разве вот что. Ходила я сегодня к Мане Пановой, размерила она мне материал. Надо купить ещё 3 аршина материи, так, что на платье всего двойной ширины пойдёт $8^1/_2$ аршин. Что-то уж она очень много хочет, да 10 аршин шёлковой тесьмы. Так что платье мне будет стоить очень дорого.

Слава Богу, сегодня объявили, что на декабрь м-ц 50% прибавка, а с Нового года мы переходим в какое-то акционерное общество и говорят, что жалование получать будем очень много. Дай-то Боже! На службе маленькая неприятность. Печатала глупую телеграммку и пропустила одно слово, мне вернули её перепечатать, когда её я написала и несла начальству в комнату, то ужасно покраснела, знаю, что заведующий был недоволен моим невниманием, но посмотрев на меня, верно пожалел, и, ничего не сказал. Ну и ладно.

Вечером приходила Галя. Мы с ней танцевали, я, как всегда ужасно увлекаюсь, а она ни капельки, даже злит. Точно её заставляют. Я её не понимаю, танцует она потому, что тётя Маня хочет, а сама нервничает и чуть не плачет, что плохо выходит. Мне её от души жаль. Такая она какая-то пришибленная.

Тёте Мане промыли все бока. Она ужасно любит читать нотации. Я рассказала об этом тёте Мисе и говорю, что мы с мамой решили ей быть за это только благодарны, а самой весело, тётя надо мной смеётся, а Галя завидует моему характеру. Уж что нашла, я понять не могу. Поссорились тёти недавно из-за того, что тётя Маня считает, что ей тесно. Тётя Мися рассердилась потому что квартира её, а она ничего не говорит, а уступила ей две комнаты, делится чем может, а тётя Маня всё ворчит, что ей уже кажется на нос садятся, а она всё молчит, когда кроме благодарности к тёте Мисе ничего чувствовать не должна. Правда тётя Маня очень часто говорит то, что ей совсем не надо. Вечно ворчит, всегда мешается не в своё дело, но она этого не понимает по глупости своей. А уж любит она если слушать её со вниманием, раскаиваться, что мы делаем всё плохо, а она всё делает чудесно. Но ей, Боже сохрани, ничего не говори, такая обидчивая, прямо ужас.

Румянцев уезжает в Москву, Клавдия Михайловна взяла, как машинистка, дополнительный недельный отпуск и верно поедет с ним.

Встретила идя со службы Ольгу Александровну Халтурину, люблю её ужасно, славная она такая. Видела она Фура — Заведующего в Гублескоме. Жалуется он на своё житьё-бытьё. После смерти жены к нему явился её побочный муж и требует своего сына, которого Фур любит больше себя. Не люблю я Исаака Ильича, но за это его можно пожалеть. Служит Ольга Александровна одна, Виктор Павлович всё не может найти себе места и находится на иждивении жены, что ему очень неприятно. Хотя всё-таки живут они ничего, едят прекрасно и даже изредка ходят в театр. Рассказала я ей про себя и говорю, что никогда не выйду замуж, что мне это совсем не нравится, а она говорит, что одной жить скучно. Не знаю, может быть так. Советует она брать от жизни всё, пока молода и весело.

Люблю я её, почаще бы мне её встречать. Зовёт она к себе, но я, конечно, не пойду, во первых нет времени, а во вторых я не умею себя красиво вести, я уж не знаю, чтобы я дала, чтобы мне всегда быть в высшей степени интеллигентной.

Тася опять пошла к евангелистам, сегодня малых детей будут учить евангелию — это очень интересно. Вот уже 11 часов её всё нет и что она там так долго делает.

Ольга Юлиановна (слева) и Наталья Юлиановна Идзковские.
г. Лепель, 1908 год

Уж она всю квартиру прибрала, чтобы только мама её отпустила. Коля всё рисует портреты писателей, но что-то неважно у него выходит. Я совсем ничего не делаю, даже не учусь, ужасная лентяйка стала и как мне это выбить из себя. Таня замечательно танцует и поёт.

22 декабря 1922 года.

Как давно я ничего не писала, но ведь я пишу только, когда жду поздно вечером кого-нибудь домой или когда все спят. У меня всё это время было какое-то странное настроение. Я сама понять этого не могу. В Институте Народного образования (ИНО) в литературном кружке Фёдоров Геннадий читает романы собственного произведения. Все его зовут «Геночка». Это довольно интересный мальчишка 18 лет, чёрный с коричневыми глазами, одевается просто но богато. Отец у него служит курьером, а он кажется счетоводом в Водном Транспорте. Подруга, которая служит вместе с ним говорила, что это мальчишка совсем не умеющий даже поговорить с барышнями, поздороваться как следует и т.д. Но я этому не верю потому, что слышала его рассказы. Девицы за ним ужасно бегают и многие даже влюблены, а я к нему отношусь совершенно безразлично. В своих романах он описывает разных женщин, по большей части проституток, и развратных, безнравственных мужчин. И всё бы это ничего, но Геннадий всё очень растягивает и описывает всё до такой степени подробно, что многие барышни спасаются от его рассказов бегством, в другой раз я последую их примеру.

Например он пишет, что некий мужчина пожелал бросить свою любовницу, а она сбросила с себя капот, распустила волосы и оставшись голая спросила: «можешь ли ты бросить меня, ведь посмотри, как я хороша» и когда он сказал: «могу», то она его выгнала. Или ещё о том, как он познакомившись с одной женщиной провёл с нею ночь в сарае обнимая её и целуя и т.д. и т.д. Он пишет, что солдаты подходя к бабам начинают с ними заигрывать и в конце концов всё равно бабы отдавались этим солдатам, так вот отчего эти солдаты не спросят прямо «сколько они за это хотят». Пишет про какую-то Марусю которая лёжа на разных кроватях спрашивает мужа: «ты не хочешь меня» и прочие подробности. Одним словом пишет такие вещи, которые совсем не следует слушать барышням, да ещё в присутствии молодых людей.

Прочла я «миллионы» Арцибашева. Очень уж обидно изображает женщину. Собрались известные во всём городе богачи с кафешантанными певицами и вот одна решила продать себя. И эти миллионеры решили продать несчастную с аукциона на ночь любви и наслаждений. Раздели её до пояса, велели поднять руки вверх и разрешали даже, так как товар продаётся лицом, трогать и ощупывать её руками. И после, когда какой-то богач уплатил четыреста тысяч мял и тискал в саду, делая ей больно и заставляя терпеть всяческие оскорбления. Всё это вызывает ужасное отвращение и мне, как женщине это было очень больно. Говорят, что мальчишкам читавшим такие книги очень хочется скорее жениться, а мне как раз наоборот, но всё таки такое чтение производит неприятное впечатление и мне из-за этого ничего не хотелось делать и я была в каком-то тупике. Много прыгала, скакала, даже пела, но всё это как-то не чувствуя себя свободно. Теперь, слава Богу, это прошло, я опять прочла несколько рассказов и очень интересных, а из одного даже почерпнула себе для жизни опыт, и теперь знаю, что если я когда выйду замуж, то всегда мой муж пусть знает, что хотя я его люблю, но всё таки каждую минуту могу разлюбить и это правда оттого, что всякий человек дорожит тем, чего не имеет. И ещё, если он начнёт ухаживать за кем-нибудь, то я с ней буду дружить, узнаю её вкусы, привычки и потихоньку между чаем буду её выставлять в смешном виде, вышучи-

вать, высмеивать, а сама увлекусь каким-нибудь артистом, буду преподносить ему букеты цветов и буду, как будто от него без ума и, таким образом добьюсь того, что муж бросит свой начатый роман и вернётся на путь истинный.

Прошлую субботу в ИНО было очень весело. Были все наши мальчишки, ужасно все дурачились и много смеялись. Нину Жулину, мою пока 3-х летнюю подругу, сосватали за Лёню Приказчикова. Я и Борис были сватами. Лёня ужасно потешный. Начал расспрашивать, каково приданное, устроил смотрины и всё таки невестой остался недоволен. После меня начали сватать за Шурку Шишова, тоже нашего мальчишку. Он довольно интересный, видно сразу, что много читал, всегда чисто одет, родители его в Сибири, а сам он живёт у своего дядюшки. Раньше где-то служил, а теперь их учреждение ликвидировали и он без места.

Но вся беда в том, что ему только 17 лет и он ниже среднего роста. Он за мной ухаживает, вот уже целый год без двух месяцев. Провожает домой, говорит, что в ИНО он ходит только для того, чтоб видеть меня и если долго меня не видит, то у него делается плохое настроение и ему бывает очень скучно.

Я, знаю, так всегда говорят всем, но он говорит правду, я это чувствую, хотя Бог его знает. Назначает мне свидания, но я на них, конечно не хожу. Меня сосватали за него. Лёня был сват и так замечательно исполнял роль, что мы поджимая животы хохотали до упаду. Хорошо что было темно. Мы забрались на сундук, в какой-то угол, а немного подальше показывали туманные картины. Борис говорит, что не советует ему жениться, а то жене много надо разных нарядов, а у него не хватит на это денег, и спрашивает меня: «Ведь Вы, Леля, не пудритесь?». Я ему говорю, что наоборот, даже очень много и неужели он думает, что я не буду ни одеваться, ни пудриться, ни завиваться, а только им любоваться. После я стала невестой Бориса Мурашкина, он последнюю субботу был в очень весёлом настроении и много шутил. Он ухаживает за Тосей Лобановой.

Раньше к нему все были не равнодушны, а теперь совсем наоборот. Мне он раньше не нравился, а теперь наоборот, но я поддерживаю мнение всех, что он очень противный. Домой шли с ним под руку. Пел он мне что женит, что «Оля и Коля бежали в поле. Коля бежит, а Оля кричит: Коля, Коля, дай мне тебя обнять и поцеловать» и т.д. И мне кажется, что нас видела Ольга Александровна Халтурина с мужем. Она мой друг. Мы с ней $1^1/_2$ года служили в Гублескоме, так что я даже сконфузилась. Девчонки говорят, что целоваться с мальчишками очень приятно, а если с тем, кто нравится, то даже очень. Мне Борис нравится, и я себе представила, как бы мы целовались и знаю, что мне было бы скорее неприятно, что в будущем будет не знаю. Целовалась я с Валей и ничего приятного нет и только смешно, а Нина говорит, что это потому, что с братом. Но только я целоваться никогда не буду. В воскресение придёт Юлия Альфредовна делать игрушки на ёлку. Я совсем ни хочу, чтоб она приходила.

На праздник буду ходить, на вечера и в театры, а мама говорит, что без знакомых скучно. Мы там познакомимся на один вечер, лишь бы не дальше.

Вторник 26 декабря 1922 года.

В воскресение ходила на вечер в ИНО памяти Короленко. Но было совсем неинтересно, я даже мало поняла из того, что говорили. Знаю только, что Короленко не из интеллигентной семьи, а из простых, здоровый человек, очень добрый и умный, прекрасно понимает детей — это можно видеть из его рассказа «Дети подземелья». Короленко человек с гармонической душой, социально воспринимающий всё. Он не принадлежал ни к какой партии и не мог даже принести царю присягу, и всегда стоял за людей, которые были правы, вообще он предпочитал маленькое

дело большому слову. Из того, что он зарабатывал, он только половину денег тратил на себя, а остальными помогал тем, кто к нему обращался за помощью.

В субботу ходила в ИНО. Особенного ничего не было. Мальчишки читали свои собственные произведения, другие их критиковали. Одного там мне даже жалко стало. Он прочёл свои стихи, а Юрка Павлов, интересный блондинчик, очень живой, всегда отличающийся быстрой критикой, говорит: «вот образец стихов, которые больше писать не следует». Геночка Фёдоров прочёл свой рассказ «Страшный суд». Это прямо замечательно. Он ведь не поэт, а так хорошо пишет. В своём произведении он проводит мысль, что Бог очень жесток и ничего особенного он из себя не представляет. Это рассказ, но прямо точно стихи какие, так легко читается, так картинно — мне он ужасно понравился.

И это он прочёл последний раз и уходит из нашего литературного кружка. Мне его жалко потому что он деятельный мальчишка.

Наш учитель русского языка Александр Николаевич, между прочим он мне нравится и как преподаватель и как человек, рыженький в очках, такой славный старикашка, говорил, что Геннадий человек положительный и на ветер никогда слов не бросает. Геннадий говорит, что он ищет, как ему наладить отношения с Богом. За это он мне начинает нравится. У меня сейчас тоже такое же положение. Я совсем перестала молится. Это меня очень мучает. И я знаю, что всё это временно и скоро я опять начну молиться и в церковь ходить и буду в этом находить утешение. Но не могу же я не думать о том, что твердят все, и я даже с бабушкой спорила, что все священные книги написали священники, чтобы затмить ум народа и заставить их терпеть всякие несправедливости во имя Господа.

Мамочку свою я ужасно люблю и я ужасно несчастна, что она говорит, что я страшная лентяйка, и зачем это оговаривают меня, когда это сущая неправда, разве я только иногда со службы ухожу или в пленозик, или в кинематограф, и я решила так: пускай себе говорят, что хотят, и что все такие маленькие люди бывают способны на подвиг, и что могу, всё делаю и не обижаюсь, если мне мама что-нибудь говорит, и слежу чтоб мамулька мной была довольна. Как я её люблю, и как бы хотела подарить ей что-нибудь к праздникам, да у меня совсем денег нет. Ох, чтобы я дала, чтобы её озолотить и сделать ей жизнь более лёгкой.

В субботу в ИНО приходил Шура с больным горлом и в 10 часов ему велено быть дома, а он не шёл, всё не мог со мной расстаться и в ИНО приходит только для того, чтобы видеть меня. Я не понимаю, неужели он меня любит, не думаю, а если мало нравлюсь, то зачем он больной приходит в ИНО и не слушает дядюшку, у которого живёт и приходит домой после 10 часов? Мне он не нравится оттого, что слишком маленький. Я знаю, он немного на меня обиделся потому, что думает, что когда звал нас домой мы не зашли оттого, что он не пошёл, когда я звала. Мы домой не пошли оттого, чтоб не знали, что мы с Ниной не равнодушны к Коганову. С Ниной мы сегодня шли, было так весело, что Нина даже вымочила штанишки. Она мне сказала, что раньше я ей не нравилась своей интеллигентностью, а теперь очень она меня любит. Мне это очень приятно.

Была у Нины на именинах. Мальчишек у неё не было. Была Вера Коробова, она мне очень понравилась, высокая, полная, интересная и симпатичная. Оля Перевезенцева из нашего класса, так что меня звали Леля № 1, а её Леля № 2.

Нюра с Павликом — который играл нам на гармошке, и Варя с Николаем Ильичом — Милиным мужем. Одеты были все попросту. Нина в вязаной кофте, что и каждый день, плохо причёсана и почти не завита — и потому была не интересная. Вера — в шотландском платье, Варя — в юбке и кофточке, прекрасно выглаженной.

Кофточка к ней очень шла, разве только немножко декольтэ откровенное. Оля — была совсем не интересная. В шёлковых чулках, старой юбке и кофте батистовой, но видно Оля из неё выросла. Я была в тёмно-синем платье и с 2-я нитками жемчуга на шее, которые мне в день моего рождения подарил дядя Коля. Николай Ильич — очень интересный мужчина. Чёрный, с маленькими усиками, выше среднего роста, в сером костюме с красным галстуком, который к нему очень шёл. Первым делом сели пить чай. Угощения и конфет было скромно, но довольно. Для барышень — красное вино, сладкое церковное, для мужчин — брага. Я не могла пить. Пила крошечными рюмочками, не так, как другие сразу всю рюмку. И у меня немножко шумело в голове. Нюра посоветовала выпить горячего чаю, и всё прошло. Когда я отказалась от 4-й рюмки, Николай Ильич сказал: «Если Вы, Лёля № 1, не выпьете этой последней рюмочки, я Вас заставлю выпить целых 13». Я, конечно, испугалась и выпила. После играли во флирт. Николай Ильич за мной ухаживал, но не так, что он, как единственный кавалер должен был за всеми, меня он заметно выделял. Мы с ним флиртовали. Он мне уже назначил свидание, но я ответила, что его не люблю и потому не приду. Тут пошла всякая ерунда, за что такая немилость, да смени гнев на милость и т.д., а после наговорил он мне, что я самолюбива, горда, постоянна и т.д. Всё это пустяки, но, наверно, доля правды в этом есть. Вскоре перешли к танцам. Николай Ильич не отпускал меня ни на минуту, и мне пришлось танцевать с ним.

Мне это было приятно, потому что меня считают за маленькую девочку, а тут вдруг женатый мужчина, имеющий детей, ухаживает за мной. Мы с ним во время танцев всё время разговаривали, было весело, я кокетничала, даже научилась как-то наивно весело смотреть, это верно называется строить глазки, хотя не знаю. Танцует он ничего, но как-то плохо держится и я начала путать. Он спросил: «Вы верно не твёрдо его танцуете», я говорю: «Да» и пошла танцевать с девицами, а он сел и ловил меня за руку и не давал танцевать. Это, говорит, Вы меня нарочно обманули, Вы прекрасно танцуете, с другими умеете, а со мной нет, ну ладно уж, говорит, погодите. Я улыбалась, и когда мы кружились возле него, то поглядывала. Во время перерыва он обносил яблоками, печениями и занимал всех. Ему поднесли стакан браги и он стал немного пьяным, но немного. Нам было жарко, и мы обмахивались носовыми платками. Николай Ильич отобрал их и никому не отдавал. Я рассердилась и сказала ему, что я не люблю, когда берут мои вещи, пока он его мне не отдаст, я с вами не буду разговаривать. Ничего не поделаешь, пришлось отдать. Оля и Вера начали тоже дурить, говорят: «Ох, нам ужасно жарко лучше умереть и т.д.».

Вдруг Николай Ильич вытащил револьвер и подставил Оле его к виску. Оля замахала на него руками, а я убежала в соседнюю комнату. Меня всегда охватывает ужас от одного вида оружия. Скоро опять начали танцевать польку, сначала все кругом, а после менялись парами. Во время перерыва, т.к. мне было жарко, он обмахивал меня громадным медным подносом из под самовара. После пели все хором, играли и не заметили, как наступило 5 часов утра, и начали расходиться. Н.И. меня проводил до дому. Была ужасная пурга и я была по колено в снегу. При прощании он говорил, как ему жалко со мной расстаться, скоро ли увидимся, когда можно придти ему за 1 рублём, на который он мне продал карточки от флирта. Я ему наврала, что служу в почтовой конторе № 1, в секретариате, и туда он пусть приходит. Я осталась довольна этой именинной вечеринкой, но всё таки сказали Нине, что напрасно не пригласила она мальчишек, было б ещё веселее. В гимназии начались занятия, нас 4 девицы и 12 мальчишек. Время проводим очень весело, дурим во всю, а я, наверно, больше всех. Шурка опять за мной незаметно ухаживает. Его

бедного совсем задразнили. Говорят, что надо скорее нашу свадьбу сыграть. Я его и злю всякой ерундой, и флиртую немножечко с ним. Как-то у нас зашёл разговор о польках. Он говорит, что каких он не знал, они все интересные. Как это услыхали наши мальчишки, так его бедняжку задразнили. Лёня Приказчиков говорит: «Смотрите, полякам он комплименты шлёт». Шура совсем смутился от злости, может мне показалась, побледнел и с испугом и точно виноватый говорит: «Я совсем не то подразумевал».

Глупый какой-то, но скоро я его утешила, уверяя, что ведь я не полька, и значит он мне никакого комплимента не сделал.

Когда я ходила на Анну Каренину, то (Нина мне рассказывала) он заскучал, хотел уйти с уроков, но его уверили, что я приду к концу занятий и он остался ждать. Меня он не раз спрашивал, когда я пойду в театр, но я ему не говорила, сказала только что пойду на Анну Каренину и он желая пойти со мной, не попал на неё вовсе. Нина сказала, что в театр будет ходить очень редко, только когда найдутся мальчишки и на хорошие места. Всё-таки мне Анна Каренина очень понравилась.

У меня в душе какой-то разлад. Маму я ужасно люблю, но как-то по своему. Если мне говорят, что я для неё мало делаю, или мало люблю, я начинаю делать ещё меньше и тем ужасно мучаюсь, и чувствую, что мамочка мной не довольна, но когда спрошу её, правда ли? То она говорит, что наоборот.

Тася стала такая хорошая, всё для мамы делает и много работает, мама, видно, её больше меня любит, и я ужасно этим мучаюсь и злюсь. Маму я люблю ужасно, ужасно, но может это не любовь, ведь я ничем её не доказала. И я очень несчастна, а мама ничего не подозревает, и как-то нет прежней дружбы.

15 августа 1923 года.

Моё учреждение «Центрокишпрод» ликвидировали. О ликвидации объявили только за одну неделю, так что надо найти место сразу, а то попадёшь на Биржу в число безработных, тогда оттуда и не выберешься. Уж ходила я ходила всюду, а мама меня всё упрекает, что я ничего не делаю и поэтому нигде себе места не получу. Мама хотела, чтоб я попросила у Мишки Григорьева, но так как я к нему не пошла просить, то мама сама поймала его на улице и с ним переговорила. Ну что ж, он, конечно, обещал устроить, не похлопотать, а устроить. Поболтали разной ерунды про прежнюю их машинистку, вспомнили даже о том, что мы его устраивали в Гублеском, а Симка в Водный транспорт. Но только я, слава Богу, через свою бывшую преподавательницу Римму Алексеевну и Галю Семилет попала в Губкоммунотдел. Попала я, конечно, через Римму Алексеевну, жену председателя месткома Докучаева, но Галя так себе много приписывает в том, что я получила службу, что я прямо не знаю, кто меня устроил. Она даже обиделась, что я её поблагодарила так мимоходом в разговоре, а не пришла к ним специально за этим. Не понимаю я, что за прелесть в том, что благодарят, а Семилеты такие хвастунишки и считают себя очень хорошими. Эх, не люблю я таких.

И так я служу на новом месте, работы ужасно много, так, что я на службу прихожу в $9^1/_2$, а ухожу в $4^1/_2$. Да, нет моего милого «Центрокишпрода», где я целые дни учила уроки, здесь об этом и не думай, только писать успевай.

18 сентября 1923 года.

Устроилась служить в Коммунальный отдел. Состав служащих очень симпатичный. Только б не уволили.

Сегодня первый день как у нас занятия в Промышленно-Экономическом институте начались. Был только один урок, немецкого языка. Преподавательница знакомая, ещё из Мариинской гимназии, преподаёт очень весело, но тот, кто ничего

не знает, тот мало поймёт. Например она начала с того, что объявила по-немецки как её зовут, потом обошла опросила всех по-немецки кого и как зовут.

После сказали, что будет физика, но её не было. Я решила учить и английский язык тоже. Валя Семилет со своей Танечкой из Института куда-то гулять пошли. Я из-за него поссорилась с Ниной Жулиной. Просто перестали мы друг к другу ходить. Я очень рада, освободилась от её влияния и, слава Богу, нашла себе новую подругу Лиду Маслову. Из Института я, Лида и Серёжа Борисоглебский пошли и прошлись 2 раза Покровской, но так как оказалось только 8 часов 40 минут, время совсем детское, то мы с Серёжей пошли ещё гулять, а Лида пошла домой.

Что поделаешь, когда она не может погулять, а последние хорошие денёчки, скоро осень начнётся, уроки серьёзные пойдут, до гуляний ли тогда будет. Надо пока пользоваться хорошим временем. Шли мы с Серёжей, болтали, вдруг нагоняет Шурка Шишов и просит Серёжу дать ему какой-то учебник по геометрии, так как он хочет готовится и сдавать экзамен из подготовительного Техникума прямо к нам. Серёжа, конечно, не соглашается, так как гуляет со мной, но обещает ему завтра в 6 часов утра дать эту книгу. Я прошу Серёжу идти домой и дать ему эту книгу, но он отказывается на отрез. Стояли мы против художественного кинематографа и разговаривали, но я позвала их домой. А они меня в киношку, но я не согласилась и Шура пошёл нас с Серёжей провожать, начал рассказывать, какое у него плохое настроение, что дядя не хочет его устроить в Институт, а говорит останься в техникуме, лучше поучиться, а на следующий год он поступит к нам в Институт без экзаменов. Но в техникуме учиться очень неинтересно, ни одной девчонки нет, ну а Шуре без них невозможно. К тому на 1 курс поступила Нина Рогожина, которая не училась в гимназии и только за один месяц кончила седьмой класс и по чьему-то протеже попала в Институт. После у них в Свердловской школе училась Вера Морозова, но т.к. она проститутка и с ней пошёл ужасный флирт, с улицы в окна бросали разные записки, то её из нашей гимназии вытурили. Она теперь попала к нам в Институт. Какими судьбами, не знаю. Но, вероятно, тоже кто-нибудь устроил её. Шурка сейчас за ней ухаживает, Нина Рогожина была даже у Шуры дома. Зачем не знаю. Шура каждый день имеет новые знакомства, за каждой новой девчонкой ухаживает, ну и за ней тоже, тем более, что она девочка умненькая, хвастунишка ужасная, ну и заинтересовала его. Но Шура правильно о ней судит. Он говорит, что Нина — артистка, хотя сама этого не сознаёт, хвастунишка, любит пофлиртовать, пустая в общем, но всё-таки он за ней немножечко ухаживает. И вот Шура объявил дяде, что в Техникуме учиться не будет, но и его дядя согласен теперь его устроить в Институт. Хорошо бы попал, а то он бедный мальчик совсем духом упал и говорит, что у него даже дело до слёз доходило. Всё рассказывает, что ищет себе девчонку, с которой бы он мог как следует поговорить, рассказать всё подробно, но найти не может. Всё это он рассказывает, а сам на меня посматривает и так смешно выходит. Он мне говорил раньше, что я как раз такая подходящая, но после у нас как-то плохо всё вышло.

Нина Жулина с Веркой Синович начали про меня распространять какие-то глупые сведения, что я в него влюблена, ну и я с ним совсем перестала почти разговаривать, чтобы не думали ерунды. Болтали мы долго, ходили так, что устали и решили сесть на крылечко и уселись себе втроём. Они по бокам, а я в середине и болтали. Они по очереди рассказывали, кто в кого был влюблён, ну а я сказала, когда до меня дошла очередь, что мне никто и никогда не нравился. Шура нашёл, что это странно. Рассказал, как он познакомился с Шурой Ильиной. Однажды дело было у фонарика. Он и она сидели рядом, так как было очень темно.

У неё на коленях лежали васильки и вот Шура решил один василёк стащить непременно и когда он попробовал это сделать, то она услыхала, а он с испугу отсел подальше. Но они всё время друг на друга поглядывали, и уходя, она оставила свои васильки у Шуры на книжках и лукаво улыбнувшись удалилась. Сделала она это всё очень спокойно, так что ни один мускул не дрогнул на лице, так что Шуре это очень понравилось. После он с Фридляндом послал ей букет цветов и она согласилась с ним познакомится.

Про меня говорили сегодня что-то много, и всё как-то загадками, да какого числа и в какой день что было, переменилась ли я теперь, и т.д. Как живу поживаю? Но я сказала, что хорошо. Всё прекрасно. Утешали мы его с Серёжей. На крыльце сидели до того, что я замёрзла и тогда пошли домой.

Шура побежал скорей домой, говорит что его дядя будет ругаться, ну а Серёжа проводил меня домой и мы разошлись.

Завтра 19-ое число. В Университете вывесят списки принятых студентов, непременно пойду посмотреть, принята ли Нина, очень интересно.

Иду спать, завтра, верно будет много уроков.

20 сентября 1923 года.

На службе всё по старому, работы много, а теперь ещё больше, а то Таня Рожкова захворала и не ходит.

После службы ходила в Институт. Был сегодня английский язык. Кажется очень трудный язык, а то я почти ничего не понимаю, и произношение тоже очень трудное. Преподаёт какая-то англичанка, которая еле что говорит по-русски. После ждали лекций, но ничего не было. Серёжа начал рассказывать анекдоты, а после мы и сами развеселились.

Скоро объявили, что лекций не будет. К нам подошла Нина Рогожина и мы пошли домой Покровкой. Серёжа по дороге от имени Шуры решил позлить Нину и говорит: «Ах, Леля, я чуть было не забыл передать Вам от Шуры привет; вот какая у меня плохая память, да я почти всегда такие вещи забываю передавать». Я, конечно, поблагодарила его. Ну а Нина немножко надулась, но после забывшись просила Серёжу завтра передать Шуре привет, но спохватилась и сказала, что не надо, так как он ей не прислал привета. Мы с Лидой сказали, что слово не воробей, вылетит назад не поймаешь и так как дело сделано при свидетелях, то пускай Серёжа передаст Шуре привет. Но она «самолюбия терять не захотела» и передавать ничего не велела.

Вчера Шура приходил в Институт, я имела яблоки и угостила его одним, сказав, что оставила специально для него.

После мы с Лидой пошли на лекцию какого-то московского профессора «о международном положении», пришли к концу, но всё-таки послушали, что в Германии теперь страшный голод, что люди стали пухнуть с голоду, деньги падают с неимоверной быстротой, начинается революция и видно им теперь придётся пережить то страшное время, которое мы уже давно прожили. Говорил он ужасно смешно: много кокетничал прекрасными глазами, всё тыкал мизинчиком, уж хоть бы указательным, было так смешно, что во время антракта мы сбежали.

Надо мне запомнить день 25 июля 1923 года. В этот день мы познакомились с Лидой Масловой, моей теперешней подругой. Странно мы с ней познакомились. Вместе получали командировки в Институт, она меня вытуряла из очереди, но однако это ей не удалось и я даже пролезла вне очереди, а за мной, конечно, и она. Пошли вместе домой, на экзамене в Институте встретились, писали вместе сочинение, а когда поступили, то сидим на одной парте. Она старше меня, ей лет двадцать.

21 сентября 1923 года.

Сегодня, когда я относила Шепелеву бумагу около него сидел Ленивцев Николай Николаевич, мой бывший начальник из Гублескома. Узнавши меня, он позвал: «Олечка». Меня все на службе зовут Ольгой Юльяновной, а тут вдруг кто-то зовёт Олечкой. Мне это было очень приятно и смешно, как-будто я маленькая девочка, ещё он как-то смешно делает ударение на букву «и», как-то ласково получается «Оличка». Поговорили мы с ним о прежней службе, сказал он, что он меня совсем не узнал и я стала такая большая, совсем барышня. Я сказала — что уже пора расти и быть большой. Он говорит, что если б Шепелев ему не сказал, кто я, то он бы меня не узнал, и спрашивает, узнала ли я его. Я говорю, что узнала сразу, а не поздоровалась сейчас потому, что не обратила внимания, кто сидит рядом с Шепелевым.

Эта встреча меня и обрадовала и взволновала, а то придя в комнату к себе я вся раскраснелась, щёчки стали гореть, глазёнки сверкать, и писать я совсем не смогла, а то переврала четыре раза один и тот же договор. Суслов сегодня на службу не пришёл, видно вчера после получки жалования здорово выпил. Воображаю, если б я была его жена, ведь он мне делал предложение. Какая я холодная, никто меня не интересует, я даже сама себе удивляюсь, по моему это даже что-то странное и ненормальное. Ухаживал он за мной со дня поступления, да и теперь ухаживает, но я внимания не обращаю, потому что он мне совсем не нравится. Не раз он мне руки целовал, иногда даже так незаметно, когда в комнате люди бывали. Например раз мы взялись с ним за руки, будто-бы танцевать, и попрыгивали, и после он мне обе руки поцеловал, я только покраснела и вырвала руки, ничего не сказав. Ещё как-то когда одевала шляпку и прихорашивалась перед окном, т.к. зеркала у нас в учреждении не имеется, да и вообще это у него случается нередко. Он поэт и пишет стихи. Одно даже мне посвятил под названием «Умру любя», а я такая невежа, что даже не попросила себе на память. Он как-то сказал, что не в Университет мне надо, а замуж и подыскивать женихов; что жених прекрасный — поэт, в нём страсти много и ещё что-то такое в этом роде, ерунду какую-то. Я только отшучивалась и как-то совсем внимания не обращала, я то думала, что он шутит.

Александру Гавриловну Портнову арендатор выселил из квартиры. Она, бедная, нашла себе квартиру, а заведующий Губкоммунотделом Зайцев взял да и отдал её своему знакомому, и они остались ни с чем, но теперь кажется дают на Митровской 2 маленькие клетушки, так что она даже свои вещи хочет поставить к нам на сохранение. Арендатор у них ужасный подлец — жулик. Ещё совсем молодой парень, несколько раз менял свою фамилию и из всех грязных дел умеет выпутываться так, что всё всегда кончается в его пользу. Он взял в аренду дом и, конечно, держать у себя сотрудников ему не выгодно, т.к. с них ничего не возьмёшь и вот он поселяет к себе всех буржуев, как-то: Башкировых, у которых раньше была мельница, Александровых и др. Свои дела он управляет прекрасно, например ему понадобилось выселить одну семейку, так он пошёл к какой-то старухе, достал ей ордер на маленькую квартирку, заплатил ей денег за то, что она согласилась съехать и просил, чтоб за эти деньги она никому ничего не говорила, что её квартира освобождается. Старуха — дура, на деньги жадная, согласилась. Он ей уплатил червонцами, записав себе на память их номера и пошёл в Губкоммунотдел и донёс, что старуха продала ему квартиру и что её необходимо за это арестовать. Когда к старухе пришли агенты Губкоммунхоза и попросили вернуть деньги, она им и денежки отдала и рассказала всё подробно, ну её и засадили. На всех всё арендатор врёт, всех обижает и всё ему удаётся! Ещё не было ни одного суда, который бы не решился в его пользу. Вот человек — так человек, первый раз я такого в живых вижу

и удивляюсь, как такое может быть. Было у нас в Институте собрание. Познакомились мы с профессором Задорновским — ректором нашего Института. Он интересный, чистенький такой с беленьким воротничком, говорит очень хорошо, слова совсем не повторялись. Пока он был в классе, царила тишина такая, что слышно было, как пролетит муха. Студенты ему все хлопают, услуживают, даже целый графин воды принесли и отдельную парту поставили. Но больше всего понравилось то, что в ладоши хлопают — это прямо очень интересно. Я думаю, когда человек 300 захлопают, так на улице слышно. Он нам рассказал о положении Института, что только в Москве, Петрограде и Нижнем, т.е. 3 во всей Республике осталось института и что этот год у нас экзаменационный, т.к. в Центре сказали, что за нашей работой будут следить и если признают её неудовлетворительной, то институт закроют на будущий год с таким же успехом, как и дали ему жить — наступила пауза. Поэтому он не только просит, но даже требует, чтобы все студенты посещали занятия аккуратно и принимали активное участие в жизни института. После делали доклады другие преподаватели.

Задорновский с собрания ушёл, сразу сделалось более шумно так, что даже пришлось призывать их к порядку. Между докладами студентов делал доклад Шуркин дядюшка, у которого он живёт и про которого Шурка рассказывал, что он очень умный и постоянный. Говорил он обыкновенно, красивого ничего нет. Наружностью он ничего не представляет, совершеннейший мальчишка, и больше ничего. Слышит он всё прекрасно, например когда голосовали различные резолюции принять за основу, три девицы со всего собрания воздержались. Я Серёжу спросила, а почему они воздерживаются. Шуркин дядюшка услышал и объявил собранию, что просят сообщить мотивы воздержания от принятия изначальной резолюции, но сзади начали кричать, чтоб не задерживали собрание пустяками и на этом дело кончилось. Зовут дядюшку Красильников Геннадий, учится он у нас на 2 курсе. Я бы хотела с ним познакомиться. Со мной вместе на первом курсе, кроме моего начальника Лукашевича, учится Шурки Шишова друг. Человек прехитрый, но весьма честный, странное совпадение, которое почти никогда не бывает.

Дело Шурки о поступлении к нам в Институт ещё не кончилось. После всех докладов выступил студент с последнего курса и предложил устроить вечеринку, дабы перезнакомиться старым и новым студентам. Его предложение приняли с радостью. Итак, в первых числах октября у нас будет «смычечная вечеринка». Ох хоть бы перестали болеть ноги и было весело.

25 сентября 1923 года.

Наконец то сегодня Александра Гавриловна получила ордер на квартиру, но ещё те жильцы не съехали. Квартирка у них будет очень маленькая, но зато у хозяев есть пианино, а Ал. Гавр. хорошо поёт и играет и это её очень радует, т.к. она надеется, что ей разрешат играть. Ей не везёт с её сынишкой Колей. Та старушка — мачеха её мужа с ними не переезжает, а куда-то к братьям уезжает, а Ал. Гавр. Колю негде оставлять. Мы с мамой предлагали ей приводить Колю к нам, ну да ведь не особенно приятно в ненастье и вьюгу таскать детей, да и в квартире лучше если кто-нибудь остаётся. Мой Управляющий Михаил Петрович дал мне уже в одно место рекомендательное письмо, только там очень мизерные ставки, ну да ладно посмотрим, там можно будет и перейти куда-нибудь в другое учреждение.

Ах, да что со мной сегодня случилось на службе. Прибежала я к себе в комнату что-то довольная, весёлая, перекрестилась 2 раза, села на место, потянулась и напевая начала работать. Если человек весёлый, к нему, конечно, все больше лезут, ну Суслов и полюбопытствовал и пожелал узнать, чего я радуюсь. Мне захоте-

лось подурачится, я и говорю: «Деньги получила, целых четыре миллиарда, как тут не радоваться». Ну и начали расспрашивать, как и что. Я давай врать, наговорила ему с 3 короба и довольна. Он конечно, назавидовал, загорелось, видно, ему выпить самогоночки и попросил он у меня взаймы 500 рублей. Я согласилась, но поставила ему условие, чтоб он мне заплатил курсовую разницу. «Ну я согласна, Вы напишите расписку в том, что вернёте из жалования за 1 половину месяца 1000 рублей, а я Вам дам 500 рублей». Думал он думал, писал и так и сяк, и наконец всё таки написал расписку. Я взяла её и спрашиваю сотрудниц: «Все видели, что я ему дала деньги?» Все отвечают, что все видели. Он начинает беспокоится, а я смеюсь, говорю, что потребую деньги при получке, благо расписка у меня. Он рассердился, да и говорит, что стыдно бедных людей, у которых ничего нет, обижать, да ещё последнее отнимать. Он уже обещал мне стихотворение посвятить, чтоб я только отдала расписку. Но я смеюсь и говорю: «Ишь какой хитрый, дорого берёшь за одну тысячу, только стихотвореньице посвятит, нет, брат, шалишь, этого не будет». Он от этого рассердился, что прям чуть не ревёт, глаза платком вытирал и сказал, что со мной больше связываться никогда не будет.

До начала лекций в Институте мы гуляли по Покровке. Пошли вчетвером Серёжа, Шура, Нина и я. Шли в ряд. Я разговаривала с Шуркой, а Серёжа с Ниной. Шурка говорит, а сам вперёд, и я за ним. Ну и ушли, так обо всём разговаривая, между прочим и о Нине Жулиной. Эта ему нравится, а мне нет. Я ему сказала, что она, дружась со мной, делала вид что этим делает мне какое-то одолжение, а со мной ей дружить совсем не интересно, т.к. со мной ни с кем не познакомишься. Я же на Покровке знакомств не признаю и не считаю за удовольствие с совершенно неизвестным человеком идти под руку домой. Он со мной не согласился, а говорит, что это очень забавно. Говорили и о Зинаиде Семёновне Строниной, она ему, кажется нравится. Я сказала, что не люблю мужчин, они нехорошие. Замуж выходить нет толку, а то после придётся сидеть и штопать мужу носки. Шурка говорит, что он уверен, что его дядюшка кается, что женился, несмотря на то, что женился по любви, прямо влюбившись, но не разобравшись в характере девушки, оказавшейся теперь очень легкомысленной бабёнкой.

Возможно, ведь его дядюшка такой серьёзный, а ещё совсем молодой, и куда столько серьёзности набрался, удивляюсь право.

Гуляя вчера по Покровке, мы все начали рассказывать про своих братьев, ну и я конечно, про своего рассказала и говорю, когда он посылает меня за водой, то говорит: «Иди скорей, а то в ухо дам». Все ужасно смеялись, а Шурка — строгий критик говорит, что он думал обо мне не час и не два, а очень много стараясь узнать, что я из себя представляю. На мой вопрос «До чего он додумался» он сказал, что я такая, как все, что Нинка Жулина никогда бы так не сказала, что её брат так говорит. Я говорю, что это ничего, что мне брат так говорит, но мы с ним очень дружно живём. После пришли в Институт. Нинка с Серёжей притащили себе парту и уселись вдвоём, а я с Лидой. Шурка спрашивает Нину: «Как, Нина, поживаете». Она сердитым голосом «Ничего». Он: «Желаю лучше». Она: «Спасибо». На том разговор кончился. Она ему так сердито отвечала, что я просто удивляюсь, ведь тут ничего такого обидного нет в том, что он со мной прошёлся по Покровке. Шурка мне сказал, что Серёжа собирается сегодня Нину домой провожать. Спасибо, что предупредил, а то я бы пошла с ним Покровкой. Надо будет узнать, о чём они разговаривали. Знаю, какие девчонки из нашего курса нравятся Серёже. Сегодня мы опять встретились с Шуркой и ходили по коридору. Разговаривая, Шурка сказал, что «Я Леле мог бы доверить какую угодно вещь, если мне было надо». Я улыбну-

лась, а Нина сказала, что она никогда никому ничего не могла бы доверить. Она, кажется, на меня после этого злится.

Я пока ещё не разгадала, сказал это Шурка 1) серьёзно, или 2) наполовину, или только 3) желая позлить Нину. Я думаю, что два последних предположения более верные, чем первое. Ну да всё равно. Мне бы хотелось, чтоб это была правда. Ещё мне Шура сказал, что я дикарка, и что он, верно, не ошибся в этом.

С Лидой мы очень подружились. Она мне нравится. На лекциях прилежно слушает и когда мы сегодня с Нинкой начали шалить, то сказала мне, чтоб я это бросила. Я послушалась. Разговаривать с ней очень приятно. Я ей рассказываю, что мне Шурка советует научиться кокетничать, хоть немного и чем скорее, тем лучше. Лида мне сказала, что теперь не в моде женщины-кокетки, думающие только о нарядах, теперь на женщину смотрят более серьёзно и потому надо стоять на высоте своего положения. И можно совсем не кокетничать. Говорит она красиво. Когда мы с ней вдвоём, нам почти всегда весело и обе мы чувствуем себя совершенно свободно, совсем не так как было с Ниной. Сегодня домой меня провожал Серёжа. Надо будет как-нибудь устроить, чтоб он опять пошёл провожать Нину.

28 сентября 1923 года.

На уроки в Институт пришли когда все места были заняты так что первую лекцию пришлось стоять. На вторую лекцию я вместе с Ниной Фирсовой уселась впереди на скамейку и записывала много. Читал Лурье, он читает медленно и записывать за ним можно. Мы с Шуркой условились сегодня идти в киношку на «Женщину, которая изобрела любовь», но её сняли с репертуара и мы не пошли. После уроков я, Нина и Лида пошли на Покровку. Лида пошла к своим знакомым, а мы с Ниной остались гулять.

Скоро встретили Шурку и Серёжку. Шурка ужасно всегда весёлый, вечно дурит. Люблю таких. Сразу начал что-то рассказывать, хохочет. Рассказал, как ходил провожать какую-то девицу за Спасскую церковь, а назад сам струсил и летел на всех парусах, по дороге на него напали собаки, но он на всякий случай с собой имеет камни и револьвер и, следовательно, его никто не тронет. Немного погодя Шурка предложил идти на Успенский откос. Мы согласились и пошли, Шурка с Серёжкой отстали, чтоб купить яблок, а мы с Ниной пошли вперёд. Она мне рассказывала, что у её сестры до сих пор нет месячных и поэтому у неё выше живота образовалась шишечка. Чтоб они вышли, надо сделать сложную операцию. Если делать операцию, то её сочтут испорченной женщиной и она бедная ничего не делает, а всё мучается. Я бы, конечно, сделала, если б у меня было так. Как мне её жалко, потому что девушка она славная, ей 20 лет, прекрасно вышивает на пяльцах и вдруг такая беда и отчего это только бывает.

У Кати Бутаковой была такая же история. Когда она вышла замуж, то муж ей сказал, что он с ней жить не будет, т.к. жизни без удовольствия он не признаёт. Она себе делала сложнейшую операцию т.е. ей вставляли новую матку, 6 месяцев она лежала и после этого опять живёт с супругом и живёт сносно. В это время подошли наши мальчишки и мы пошли дальше. Пришли мы на Успенский, там замечательно: вид на реку, кругом огоньки на той стороне в Канавине и на Ярмарке, на воде огоньки, пароходы, по мосту едет трамвай, а кругом темно, да ещё везде деревья — так хорошо, прелесть. Решила мечтать, но ничего не вышло. Хотели рассказывать анекдоты, тоже плохо пошло дело. Шурка начал говорить, что девчонки хуже мальчишек и куда глупее и развратнее. Я начала доказывать противоположное. С тем, что девчонки умнее мальчишек он согласился, но с тем, что мальчишки развратнее, как мы с Ниной не доказывали, он остался при своём мнении. Мы всё дура-

чились, а Серёжка всё такой степенный, я его спрашиваю: «отчего, Серёжа, Вы никогда так не дурите, как мы». Он говорит: «Когда Вы будете такая, как я то перестанете шалить». Мы конечно его осмеяли. Вот смешной разыгрывает из себя старшего. Идя назад Шурка меня спрашивает: «скажите, Леля, почему Вы дружитесь с Лидой — мадонной, меня эта дружба удивляет». Я спросила: «почему». Они с Серёжей начали мне доказывать, что мы совсем друг к другу не подходим ни в моральном, ни в физическом, ни в нравственном отношении, а Серёжа даже узнал, что ей 27 лет, попросив посмотреть студенческое удостоверение увидал, что год её рождения 1897. Вот какие хитрые мальчишки, всё всегда узнают. Но я довольна, что они мне сказали об этом.

Подругу мне придётся найти себе другую, но всё таки я с ней буду в самых хороших отношениях: Во-первых потому что она мне нравится и умней меня, во-вторых потому что мы близко живём и учиться будет хорошо с книгами, если я не достану, то она достанет. На вечер мы условились идти вместе с Ниной Рогожиной, а после идти ко мне ночевать. Мне с Ниной будет веселей. Идём дальше, вдруг Шурка начинает с нами разговаривать на ты. Ну что ж не беда, да только на ты мы не будем. Ведь и раньше пробовали, даже такие, как Борька Мурашкин, однако им этого не удавалось. После Шурка пошёл провожать Нину, а Серёжа меня.

Серёжка нахал, говорит, что он знал, что я буду дружиться только с ним, от кого смогу извлечь хоть какую нибудь пользу. Я его разбила, потому что это, конечно, ерунда. Какая мне от Лиды может быть особенная польза. Он обо мне, однако, прекрасного мнения. Эх-ма, стоит ли об этом думать. Вот на вечер мне совсем не в чем идти, кроме белого платья, а если будет плохая погода, что тогда, вот беда.

Сегодня первый раз в жизни сама себе вымыла волосы и вымыла очень хорошо, мягкие они какие — прелесть. Где-то у меня мама, найдёт ли место. Как хочется читать и нет ни одной интересной книжки.

3 октября 1923 года.

В воскресенье утром прибрала всё дома, топила печку и стряпала, мыла чугуны, и после нарвал палец и даже до сих пор ещё не прошёл. Ходили мы с мамой к Рябову Ал. Мих. Насчёт места. Он теперь служит секретарём в каком-то райотделе. Хотел маму устроить на место Клавдии Михайловны Белинской, а то её не пропускает Биржа. Но оказалось, что она устроилась, а маме придётся до 15 октября работать на Ярмарке. Мама пошла к Рябову на квартиру, а я с Танечкой ходила по улице и дожидалась её. Навстречу нам попалось 3-е мальчишек. Я себе думаю: «надо покривляться» и, т.к. на мне были белые туфли, вязаная кофта, две косички и панамка, да ещё если поломаться, можно произвести вид интересной барышни. Вот я и начала, иду, ни обращая на них внимания, немного покачиваясь. Они навстречу. Вдруг один стал в сторону и я прошла между ними. На обратном пути опять, и опять. Так было несколько раз, но мы не заговорили. После я струсила, думаю себе, ещё могут серьёзно задеть и сели мы с Таней на скамейку, и на наше счастье вышла мама. И мы пошли домой.

Были именины Надежды, Веры, Софьи, Любви. Меня Вера Волкова со службы приглашала к себе на именины, но я не пошла. У нас были Надя Кустова и Вера Симанова, мы танцевали, они подбрасывали кусочки хлеба вверх, его ловили. Вообще было весело, после Тася пошла к ним ночевать. В понедельник в 6 часов ходили в Мариинский Институт на Жуковской улице на химию. Добывали сероводород. Запах был ужасный. Девчонки хохотали. Назад шли с Нинкой под руку, Лида ушла вперёд. Во вторник на службе получила замечание от Вас. Вас. Новикова в том, что, т.к. он получил замечание, то он заметил, что я задерживаю его бумаги, а он полу-

чает выговоры. Я, конечно, обиделась и доказала ему, что он не прав, и это замечание я получила несправедливо, в благодарность за то, что часто на службу прихожу к 9 час утра, а сама расплакалась. Он говорит, что совсем не хотел меня обидеть, что я его не так поняла. После пришёл, даёт бумагу и спрашивает: «мы с Вами Ольга Юльяновна помиримся?» Я говорю: «хорошо». Теперь мы в мире.

В Институте Шурка всё время бегает за девчонками. Нина говорит: «Давай напишем ему записку». Я согласилась и написала она под мою диктовку записку следующего содержания: «Шурка и Серёжка! Неужели Вам не надоело бегать за каждой встречной барышней? Пора бы бросить эти привычки и взяться за дело! Студенты!!! Смотрите дойдёт до начальства или до дядюшки Шуры, что тогда...?! Разрешите узнать, как случилось то, что Серёжа стал подражать Шуре? Удивительно! Поразительно! Восхитительно! Доброжелатели Х и У». Прочитав записку, они ужасно рассердились. Мы гуляли по коридору, когда Шурка подошёл к Нине и говорит: «Нина (сам в это время записку разорвал), только мне в моих делах не мешайте», и ушёл. Мы не обратили внимания. Записку эту нам переписала Лида. Шурка говорит, что он потому подумал на Нину, что записка написана остроумно. Подумаешь какое остроумие, но если это так, то я принимаю это на свой счёт, т.к. записку сочинила я. Интересно, заговорит ли он когда-нибудь со мной про эту записку. Нина мне сказала, что Шурка такой нахал и такой испорченный мальчишка, каких мало встретишь в 20–30 лет. Я не знаю, верить ей или нет. Во всяком случае, если верить, то не до такой степени. Всё таки быть таким испорченным можно только без матери. Мне Шурку пожалуй жалко.

31 октября 1923 года.

Приходим в Институт. Должны начаться лекции как всегда. Но вдруг все как-то заговорили сразу, что институт наш постановлено ГУСом переименовать в техникум, все студенты заволновались, собираются кучками, болтают, даже лекций никаких не было. Исполбюро уехало в Москву хлопотать чтоб оставили Институт и выхлопотало, что его оставили до весны следующего года.

Куда мы после денемся, прогоревшие студенты? «Продавайте, Серёжа, свою форменную фуражку» — я ему говорю. На будущий год все хотят ехать в Москву, куда я денусь, куда поеду. Ну да что вперёд загадывать, посмотрим...

4 ноября 1923 года.

В воскресенье в 12 часов я была в зале музея, где должны собраться все ВУЗы для перевыборов в Горсовет и заслушания докладов о международном положении.

Говорил Богданов, говорил хорошо, коротко и ясно. После говорил представитель от немецкого пролетариата по-немецки, после его речь перевели. Он мне понравился. Затем ораторствовал представитель польского пролетариата по русски, но мне он не понравился. И не понравилось, как говорил. Затем представитель пролетариата Латвии. Он был очень комичный, как-то приседал, движения у него такие, что я даже посмеялась над ним.

26 ноября 1923 года.

Служба идёт, было сокращение, меня не сократили, слава Богу пока живём. В Институте только с зачётами плохо. Все зубрят, учат, а я ничего не успеваю сделать. Как придёт Нина Ж. так мы шалим, пьём, сидим, а делом не занимаемся никогда. Я всё таки думаю, что когда надо будет, то ночью буду учить, вот плохо, что Нина Жулина не учится.

Со своим заведующим я в хороших отношениях, он вместе со мной дурачится. Придёт посидит у меня за столом и уйдёт, а я после в ящике нахожу его табакерку. После вместе с бумагами отдаю ему, он говорит: «Это не моя», но т.к. я оставляю

её у него на столе и ухожу, то он меня зовёт и спрашивает: «Ол. Юл., не Вы ли забыли у меня в столе» и отдаёт мне стянутое им зеркальце.

Суслов чуть не каждый день в любви объясняется, а когда я первый раз на службу пришла в палантине, и т.к. было холодно, то сидела в нём, он подошёл ко мне, сначала гладил его, говорил «какой мягкий», и после поцеловал его, мне даже неловко сделалось. Как-то получили деньги, он подходит и говорит: «Я с Вами дружусь, можно Вас сегодня домой проводить», а я: «Иш Вы какой, как деньги, так домой провожу, а так, так не хочу». Он: «Неправда О. Ю., я всегда хочу с Вами идти и всё Вам говорю и даже прошу мне свидание назначить, только Вы на меня внимания не обращаете, вот я и бросил». Вообще он несколько странно себя ведёт. Чтоб влюблён он был, я этого не думаю, а прямо у него 9-го винтика не хватает.

С Серёжей Борисоглебским мы поругались немножко. Он мне сказал, что у меня не гордость, а только какая-то её поверхность. И я ему сказала, что у него где надо, там нет самолюбия, а где не надо, туда он его втиснет. Вообще у него глупое самолюбие. Он обиделся, но сказал, что любит, когда ему говорят такие вещи.

Были мы на вечере в ИНО, устраивала наша прежняя школа, 5 человек прошли зайцем. Шурка познакомил меня со своим товарищем Ваней, мы с ним и были все время и танцевали, а после он меня домой провожал.

Мальчишка он славный, очень простой. Просил как-то через Шурку напечатать ему анкеты. Я напечатала. Сегодня его на Б. Покровской встретила. Ходил меня домой провожать. Разговаривали довольно оживлённо и просто. Пожелал он мне спокойной ночи и видеть во сне любимые очи.

3 декабря 1923 года.

Мама у меня до сих пор работает на Ярмарке, а теперь Волга всё никак не замёрзнет, мост развели, переправы нет и следовательно мама там застряла. На завтра взяты билеты в театр, куда я его дену, ещё сама не знаю, плохо что мама не увидит, всё-таки бенефис Сарашевой — самой лучшей артистки в Н. Новгороде.

Скучно как без мамы, сама не сплю, точно я маленькая какая, ведь всё равно её почти не вижу, а как-то не по себе. На службе думаешь, как она там живёт, идёшь звонить по телефону и никогда ничего не добьёшься. Сегодня, например, несколько раз звонила, и толку нет. В Институте так немного лучше; домой придёшь опять везде чувствуется не то. Все как-то есть хотят, а то обедать никто не хочет, спать ложишься и думаешь, «а ведь мама возможно не спит, если не работает, то может ей холодно, да и без нас скучает».

На службе сегодня мне сказали, что я похудела.

Сказали это те, которые не знают, что мама уехала. На службе всё по старому, работаешь и работаешь, последнее время всё для месткома. Раев — секретарь месткома и ячейки К<оммунистического>С<оюза>М<олодежи> считает меня за деятельную девицу и всякие мелкие делишки мне поручает, только я не больно ему делаю что-нибудь, отговариваюсь работой, а так всё таки работаю, во-первых потому, что у меня работы мало, а во-вторых потому, что это может пригодится.

Рачинский какой противный, всё мы с ним спорим. Сегодня тоже, начал рассказывать мне, что Л. Н. Толстой ужасный прохвост, рассуждает на философские темы, когда у него для этого даже образование неподходящее. Все его произведения, говорит, надо сжечь за исключением двух вещей: «Анны Карениной» и «Война и мир». Остальные все его произведения гадость, хотя в «Воскресенье» очень красивое начало. Потом ещё, узнав, что я учусь, он возмутился и начал говорить, что я иду против законов природы, что моё здоровье не позволит мне совмещать ученье и службу, что как вошь не сможет везти 100 пудов, так и я не смогу так мно-

го работать. Да к тому прямое назначение женщины заниматься кухней, детьми, ухаживать за мужчиной.

Я ему доказывала противоположное. Ведь и раньше доказывали, что назначение женщины служить мужчине, раньше что с ней хотели, то и делали, хотели замуж выдать — выдавали, бить — били, взять времена домостроя и пр., а теперь совсем не то, теперь женщина самостоятельно живёт, имеет право сама рассуждать, распоряжаться собой, и делать то, что ей надо.

В наш спор вмешалась Ал. Гавриловна, начала доказывать, что девицы все глупы и в Университет поступают для того, чтобы поймать жениха. Рачинский стал, конечно на её сторону и говорит, что не женщины ума дело поступать в Университет, даже если она его кончит, то всё равно толку от этого не будет, т.к. получится перепроизводство интеллигенции, мест будет мало, а желающих поступить много, и потому женщинам придётся всё равно пойти в кухарки, выходить замуж, а так что ж, говорит, поступайте, потом, конечно, приятнее иметь горничную с университетским образованием.

Я возмущалась страшно, тут рядом сидело несколько просителей и вообще мужчин и женщин, а я никого не стеснялась, откуда только у меня красноречие взялось, сама не знаю. Привела различные факты, что женщина по душе своей куда красивее и тоньше мужчины и всё сможет понимать не хуже мужчины, ведь было же так, что женщина управляла всей страной, к примеру хоть Екатерина II. А что если есть такие женщины, которым прежде всего хочется выйти замуж и всех они мерят на свой аршин, то это совсем не значит, что все такие же.

С Шуркой мы всё так до сих пор в каких-то смешных отношениях. Он всегда вежливо здоровается, хотя было дело, что шли мы Покровкой целой кучей, все прощались за руки, а он повернулся и ушёл, но это было только один раз. Ну а я, если он болеет как будто, мне то чего же, держу себя совсем безразлично.

Стала я вежливее, несколько сдержаннее, с Серёжей мы стали в таких ровных отношениях. Шли мы с занятий, я ему рассказывала, как мама на лодке чуть не утонула, он мне про вечер, то сё, ни разу не было времени, чтоб приходилось выдумывать темы для разговора.

4 декабря 1923 года.

Мама застряла. Скучно. В 6 часов была на Покровке, Тася пошла к Евангелистам, я в Институт. В субботу вечер, думаю идти.

В 1923 году Ольга Юлиановна сдаёт экзамены и поступает в Нижегородский промышленно-экономический институт. Проучилась она в институте 1,5 года, затем его преобразуют в техникум, который Ольга оканчивает в 1926 году.

13 октября 1928 года ей выдаётся Свидетельство о том, что

согласно постановления Квалификационной Комиссии Нижегородского Промышленно-Экономического Техникума и на основании Положения о Техникумах гр. Идзьковская Ольга Юльяновна поступила в сентябре месяце 1924 года в техникум, окончила его в июне месяце 1926 года по Торгово-Кооперативному отделению, прослушав:

1. Историю классовой борьбы.
2. Введение в кооперацию.
3. Экономическую географию.
4. Статистику общую.
5. Политическую экономию.
6. Общее счетоводство.
7. Коммерческое вычисление.

8. Каллиграфию.
9. Товароведение общее.
10. Химию.
11. Естествознание.
12. Математику.
13. Физику.
14. Русский язык.
15. Немецкий язык.
16. Физическое воспитание и профгигиену.
17. Корреспонденцию и делопроизводство.
18. Основы права и Советскую Конституцию.
19. Хозяйственное право.
20. Экономическую политику.
21. Исторический материализм.
22. Специальный курс товароведения.
23. Транспорт и хранение товаров.
24. Теорию и историю кооперации.
25. Кредитную и сельско-хозяйственную кооперацию.
26. Промысловую кооперацию.
27. Потребительскую кооперацию, ревизию, контроль, организацию и практику.
28. Кооперативную статистику.
29. Торговое и кооперативное счетоводство.
30. Организацию торговли предприятий и учреждений.

Выполнив практические работы, как в лабораториях Техникума, так и в предприятиях и учреждениях, сдав все установленные зачёты, а также защитила квалификационную работу по теме «Учёт материальных ценностей на складе и в конторе производителя работ подотдела городского благоустройства Нижегородского коммунального хозяйства» в виду чего и признана вполне достойным квалификации ТЕХНИКА КООПЕРАТИВНОГО ДЕЛА.

Свидетельство о рождении Ольги Юлиановны затерялось при эвакуации, поэтому ей пришлось обращаться в суд. Решением от 3 октября 1923 года суд определил удостоверить, что истица «есть действительно гражданка г. Варшава Ольга Юлиановна Идзьковская, родившаяся 13 января 1906 г., девица, проживающая по Преображенскому переулку, д. № 3 в чём и выдать ей удостоверение». К 18 годам Ольга — миниатюрная девушка, среднего роста, с огромными глазами и вьющимися после перенесённого гриппа — «испанки», волосами. Характер независимый.

В 1924 году по путёвке комсомола в техникум приходит на учёбу Иван Кривойкин. Они знают друг друга и видятся, но встречаться начинают после того, как Иван написал Ольге несколько страстных любовных писем.

Прежде чем расписаться 1 сентября 1925 года, они ночевали две ночи в коридоре дома, где жила Полина Леопольдовна, и Ольга Юлиановна вспоминала, что после росписи «уже не было так интересно, как в коридоре».

Ольга сменила свою фамилию на фамилию мужа только в 1946 году, после возвращения его с фронта.

Молодая семья живёт какое-то время с Полиной Леопольдовной, а после рождения 7 июля 1928 года дочери Ирочки переезжает в две крошечные комнатки в коммунальной квартире жилищно-арендного кооперативного товарищества (ЖАКТ) «Страж революции» по ул. Ошарская, дом 58. Дом был деревянный, густонаселённый, с жилым подвалом. В прихожей, превращённой в тёмную без окон кухню,

Ольга Юлиановна Идзковская (внизу крайняя слева) - студентка Нижегородского промышленно-экономического техникума. г. Н.Новгород, 1925 год

стояли 4 стола, на которых гудели 4 примуса. Сюда же открывались двери 4-х маленьких квартир. Отопление печное, вода на улице.

Ольга продолжает работать. В 1930–1931 годах она помощник бухгалтера в тресте Севвостлес, в 1931–1932 годах бухгалтер в бакалейном объединении Горпотребсоюза, а затем продавец магазина № 45 партийного актива (специальный магазин-распределитель для руководящих работников партийных органов). О работе в магазине она рассказывала, что сначала она была на кассе, а потом продавцом. В магазин ежедневно привозили восхитительные пирожные, но зарплаты продавцов были маленькие и не позволяли их покупать. Находиться же рядом с этим искушением было совершенно невозможно. И все работники магазина понемногу обвешивали и обсчитывали покупателей, чтобы в обед купить у себя этих марципанов и попить с ними чаю.

В 1935 году рождается 2-я дочь Наталия, наш предок. Ольга Юлиановна продолжает работать, в 1936–1937 годах на рыбокоптильном заводе Союзрыбсбыта — бухгалтером производства, затем в Садвинсбыте бухгалтером.

В 1938 году заболела Ирочка. Это был одарённый, жизнерадостный ребёнок. Хорошо училась, рисовала, играла на пианино, участвовала в спектаклях драматического театра. В то время ходило множество детских инфекций, никаких прививок не было, она болела корью, коклюшем, в лёгкой форме детским параличом. Однажды после бани простудилась и заболела менингитом. Приходили доктора, им платили деньги, но сделать они ничего не смогли. Ирочка ослепла, за минуту до смерти проговорила строчку из песни: «Ох, Коля, грудь больно, любила — довольно».

Ирочку похоронили на старинном Немецком кладбище, красивейшем, закрытом кладбище города Горького, рядом с могилой бабушки, Полины Леопольдовны. Кладбище было платное, его окружала высокая стена из красного кирпича, и каждый родственник имел свой ключ от входной калитки. На кладбище были прекрасные мраморные скульптуры, дорожки выметены, могилки ухожены. Оно располагалось в центре города, между улицами Студёной и Короленко. В 70-х годах его снесли и на этом месте построили танцплощадку, которую, за ненадобностью, люди не посещали.

В этот тяжёлый период жизни Ольга Юлиановна, дома за работой, часто пела грустные песни: «Не брани меня, родная, что я так его люблю...» или «Тень высокого старого дуба голосистая птичка любила, на ветвях, переломанных бурей, она кров и покой находила...», за окном же, по булыжной мостовой улицы Ошары, маршировали красноармейцы со своей песней: «Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов...».

Ольга Юлиановна всю жизнь хранила в сундуке подаренные ей Ирочкой духи «Северная Пальмира» и её рисунки. Тяжело корила себя, что когда-то пошла на поводу у мужа, и они забрали у Ирочки только что купленную красивую куклу и отдали пришедшей в гости требовательной, раскапризничавшейся Вале Кривойкиной (дочери Фёдора Кривойкина — троюродного брата Ивана Фёдоровича), обещая купить другую такую же. А другую так и не купили. Тоже случилось и с красивым новогодним костюмом на ёлке 1935 года, его также отдали этой капризуле. Ирочка в сердцах на обратной стороне новогодней фотографии написала карандашом: «Валя, ведьма злая!» После смерти Ирочки Ольга Юлиановна не захотела жить на старой квартире, и они переезжают во вновь построенный деревянный двухэтажный дом по Оперной улице, 31 «б», квартира 2. Там, в отличие от предыдущей коммуналки, с ними в одной квартире жила только одна семья. Занимали две комнатки, в них же готовили еду, в основном, манную кашу и мусс из клюквы.

Ещё в середине 30-х годов, когда было двое детей, и семья немного встала на ноги, Ольга Юлиановна, всю жизнь мучавшаяся отсутствием собственного жилья, выступила инициатором строительства собственного деревянного дома. К тому же она боялась, что, если с Иваном Фёдоровичем что-либо случится, её с детьми могут выкинуть из государственной коммуналки, ведь уже вовсю шли сталинские репрессии. На Печёрских выселках им выделили 5 соток земли, Иван Фёдорович приобрёл сруб-пятистенок, примерно, 10 на 6 метров. К началу войны, лету 1941 года, сруб установили на фундамент, успели доделать крышу, окна, полы и потолки. Но до окончания строительства было ещё далеко.

Надо отметить, что воспитанием детей Ольга Юлиановна занималась по возможности. «Пока я работала, с 2-я дочурками оставалась мама, но работу в начале 1938 года пришлось оставить, заболела мама. 7 мая 1938 года она умерла, а 29 декабря 1939 года умерла Ирочка».

Осталась одна Наталия. Ей систематически выписывали детский журнал «Мурзилка», и очень много читали. Уроков не проверяли, иногда за провинности поругивали. В войну, когда Иван Фёдорович находился в армии, и на него не тратилось столько внимания, Ольга Юлиановна особенно сблизилась с дочерью, учила её пониманию природы, любви к животным и растениям. Придя с работы, начинала с замёрзшим ребёнком игру «в бокс», учила танцевать вальс, народные пляски, играть в домино, в карты, читала письма с фронта. Ходили они вместе с дочерью в Оперный театр на «Черевички», в ТЮЗ на «Золушку». Дома Ольга Юлиановна часто декламировала стихи. Особенно из М. Ю. Лермонтова:

Коллектив магазина № 45 для руководящих работников городских партийных органов. Продавец О. Ю. Идзковская стоит третья справа. г. Горький, 1934 год

Зовёт он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию — только себе!

Вечерами Ольга Юлиановна читала дочери свои любимые произведения: «Барышня-крестьянка» А. С. Пушкина, «Хижина дяди Тома» Б. Стоу, «Дэвид Копперфильд» Ч. Диккенса.

В 1942 году, после ухода мужа на фронт, Ольга Юлиановна работает в Военном трибунале МВД машинисткой, затем секретарём трибунала. Это была серьёзная организация, с ними занимались русским языком, работали они с 11.00 до 23.00 с большим трёхчасовым перерывом на обед с 16.00 до 19.00. Платили 805 рублей, давали обмундирование и офицерский паёк, из которого водку и табак продавали на Средном базаре, импортное сало «лярд» съедали сами. Часто ездила с судьями в командировки по тюрьмам. Судили, в основном, тех, кто опаздывал на работу. Судьи систематически брали взятки, и Ольга Юлиановна очень этому удивлялась. Отмечала также, что в тюрьмах довольно хорошо кормили заключённых. Часто вспоминала случай, когда ночью она возвращалась со службы, и в Кулибинском парке на неё напали три преступника. Стоило ей сбросить плащ-палатку и показать малиновые погоны, как они сразу расступились, так велик был в народе страх перед ведомством «товарища Берии». Печатала она протоколы допросов всяких предателей, полицаев, преступников. С окончанием войны эту должность было запрещено занимать гражданскому лицу, и её уволили.

Фотография с соседями по дому.
На верхней ступеньке сидит Ольга Юлиановна с только что родившейся дочерью Наталией на руках, за её спиной примостилась старшая дочь — Ирочка.
Справа от Ольги Юлиановны, в белой рубашке, Пелагея Павловна, мать мужа.
Ниже Ирочки Полина Леопольдовна с внучкой Ниной на руках.
г. Горький, 18 июня 1935 года

Ирина и Наталия Кривойкины. г. Горький, 1938 год

Ольга Юлиановна в войну была очень деятельная, кроме службы держала в сарайчике возле дома двух коз —Серку и Майку. Они давали молоко, что очень помогало выживанию. Сено покупала на Сенном рынке и в мешке тащила его домой, а восьмилетняя дочь Наталия гоняла коз пастись в стадо. От квартиры ходили 4 километра на Печёрские выселки к строящемуся дому, и там на участке сажали овощи. С сентября 1944 года и до октября 1945 года с ними жила сестра Ивана Фёдоровича Санька вместе с десятилетней дочерью Розой, так как в селе Болдино жизнь стала совершенно голодной. Чтобы не растащили, кирпич и другие строительные материалы со стройки дома продали, а полы и доски перевезли на квартиру и стопили в печах. Хотела она совсем дом продать и купить дочери пианино, но Иван Фёдорович на такой обмен не согласился.

В тоскливое военное время Ольга Юлиановна жила дочерью и фронтовыми письмами. Писала сестре Тане:

«Дорогая Таня... Такие мы с тобой бедные, одинокие, если б не наши дочурки, я просто не представляю ну для чего жить... Ничего, видно, не поделаешь. Вот кончится война и заживём тогда красивой, счастливой жизнью... Мой Ваня на Волховстрое в Ленинграде на огневой линии. Как поняла из писем, он на машинах доставляет снаряды к орудиям и днём, и ночью, и всяко. Немец их бомбит и в пути, и на стоянках, и всяко. Снаряды рвутся так близко, как-то раз, писал Ваня, 20 метров не было, разорвался снаряд, так близко от него. На фронте уже выдернули Ване 3 или 4 зуба, старый он, да беззубый, аттестован на интендантскую службу, почему дали такую работу? Так скучаю я без своего Вани, так его жалею — да толку-то в этом нет никакого. Худая я стала, по-русски выражаясь как... На службе все смеются. Гарантируют, что муж, как придёт, любить такую не станет. На кровати подумает, что это пружина от матраца, а это, оказывается, жена. Советуют мне завести временно мужа, и поправиться, тогда и Ваня любить будет. Смех смехом. Но отчего я так худею? Думаю, потому, что недостаточно сплю. Так как и кушать-то есть что, только времени не хватает...»

С 1945 по 1946 год работала на заводе шампанских вин, грузила ящики с вином в вагоны. Там работали все её соседки по дому, и все очень гордились такой работой, так как деньги выдавались сразу в конце рабочего дня. После демобилизации

Ольга Юлиановна Идзковская. Фотопроба для агитстраницы журнала «Работница» в преддверии выборов в Верховный Совет СССР. На неё надели сарафан и косынку, в руки дали конверт—заменитель бюллетеня для голосования, но фото не напечатали, сказали, что мало похожа на работницу. г. Горький, 1937 год

Иван Фёдорович Кривойкин с женой Ольгой Юлиановной и дочерью Наталией.
г. Горький, 1940 год

в 1946 году Ивана Фёдоровича из армии они берутся за достройку дома. Только взяли для этого ссуду в банке, как правительство провело денежную реформу. И они вынуждены были возвращать ссуду уже новыми деньгами, а обмен был неравноценным, и они на этом деле просто разорились. Вынуждены были продать всё, что могли, и что Иван Фёдорович привёз с фронта: шали, скатерти, платки. Продали даже верхнюю одежду Ольги Юлиановны. В новый дом въехали в 1949 году.

На выселках для Ольги Юлиановны работы не было, для работы же где-либо в городе требовалась приличная одежда, а её продали, и она решила сама научиться зарабатывать деньги. На участке в мизерных количествах выращивали морковь, помидоры, лук, картошку, смородину и продавали на Сенном рынке.

Носили для продажи даже картофельные очистки по 1 рублю за ведро, и это в такую-то даль, полкилометра.

Они с Иваном Фёдоровичем быстро пришли к выводу, что в их условиях выгоднее всего выращивать цветы, так как участок мал для выращивания достаточного для продажи количества овощей, транспорт для подвоза отсутствовал, и по стоимости 2 ведра овощей равнялись одной охапке цветов, примерно 5–6 букетов. Но вёдра с овощами весили 20 килограмм, и их необходимо было тащить, кроме того, на рынке для их продажи требовалось взять весы, а для продажи цветов ничего этого не требовалось.

Утром Ольга Юлиановна срезала цветы, шла полкилометра от дома до остановки и ехала автобусом 8 остановок до Мытного рынка. Там она имела постоянное место и пользовалась авторитетом среди цветочниц. Торговала часов до 2-х дня. Продавала 6–8 букетов примерно по рублю за каждый. Какого-то физического надрыва при работе в саду не было, как не было и погони за заработком. Всё выходило как-то естественно и даже доставляло радость.

Выращивали георгины, флоксы, пионы, тюльпаны, гладиолусы. Сажали по 500 штук гвоздик. Теплиц не держали. На участке росло несколько яблонь, слива, вишня, размещались два парника под огурцы, рядок малины, и несколько грядок цветов. Земли, конечно же, не хватало на всё. Во время работы, в хорошем настроении, напевала песни: «Нас утро встречает прохладой...», «Пой, ласточка, пой...», рассказывала внуку стихи, которые он запомнил на всю жизнь:

...В день-деньской устало Солнце,
И сказал ему Господь:
«Ляг, засни, и за тобою
Всё задремлет, всё заснёт».
И взмолилось Солнце брату:
«Брат мой, Месяц золотой,
Ты зажги фонарь — и ночью
Обойди ты край земной»...
(Я. П. Полонский. Солнце и Месяц)

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;
Вот свернулись санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб...
(И. З. Суриков. Детство)

Можно сказать, что Ольга Юлиановна не особенно любила готовить. Это связано с тем, что в Горьком всё готовилось на двух керосинках, в доме только в последние годы их жизни появилась летняя водопроводная вода и газовая плита. Горячей воды не было. Готовили обычно макароны с топлёным маслом, тюрю, чай. Летом — тёртая морковь, иногда варили мясо, угощала внука очищенным яблочком. Бывало, в русской печи готовила пироги. Любила она пить кефир, ряженку, есть печёнку, купленную в кулинарии, тушёную капусту со свининой. Хорошо варила варенье и делала наливки из ягод в 20 литровых бутылях.

Книга «Камо грядеши» Г. Сенкевича произвела на Ольгу Юлиановну сильное впечатление. Но религией не интересовалась, была атеисткой.

Иногда беспричинно ревновала мужа и старалась по этой причине одеть его похуже, чтобы никому он не понравился. Свекровь, бывало, говорила ей: «Оля, не води Ваню в драных кальсонах».

В Ольге Юлиановне начисто отсутствовала способность ругаться и гневаться, она не могла начать какое-то продолжительное скандальное препирательство, всё, что она себе позволяла — это сердиться. Но уж если она поссорилась с сестрой Тасей, то на всю жизнь. Ольга Юлиановна её знать не хотела, и когда та уехала в 1961 году из Горького в Мелитополь, то так с ней 17 лет и не переписывалась, до смерти Таси в 1978 году. Имела твёрдый характер. Никогда громко не смеялась, максимум — это улыбка. Имела большое чувство собственного достоинства, своё видение мира. И, если человек её не понимал, в споры никогда не вступала, ничего не доказывала, просто отворачивалась и уходила. Не терпела всяких сальных высказываний, анекдотов. Несколько суховата, своё недовольство держала в себе. Ходила прямо, с прямой спиной, с соседями общалась мало, некоторые даже считали её высокомерной. Волевая и целеустремлённая, в семье была лидером. Научилась сама зарабатывать деньги, выращивая и продавая цветы. Муж её беззаветно любил и почти во всём ей уступал.

Всё в жизни у неё должно было быть чинно, размеренно и аккуратно. Всегда точно выражала свои мысли, всё только о деле. «Слезая с автобуса на площади Минина, я поскользнулась и упала, разорвался чулок, и поцарапала коленку. Чулок жалко больше, чем коленку».

Была чужда суетливости, торопливости, кокетства. Одевалась просто, всегда в строгом платье с белым кружевным воротничком. На ногах плоские и лёгкие туфли, «чувяки» — так она их называла. Постоянно следила, чтобы все одевались теплее, чтобы валенки были с калошами, чтобы на голове была тёплая шапка, и чтобы обязательно был повязан шарф — «кашне», как она его называла.

Жили бедновато. Самые ценные вещи — это швейная машинка и патефон. Телевизора не было, зато они вместе с Иваном Фёдоровичем часто ходили в кино. «Люсенька» — называл он её. Их семейная жизнь текла тихо и спокойно, жили очень дружно. В 1959–1961 годах дорабатывала стаж до пенсии сторожем в отделе охраны Приокского РОВД. С 1961 года получала пенсию — 37 рублей.

Вышедшая в 1956 году замуж дочь Наталия, после окончания в 1958 году Горьковского университета, переехала жить в Ульяновск, по месту работы мужа. По несколько раз в год в Ульяновск приезжали погостить и оказать помощь либо Иван Фёдорович, либо Ольга Юлиановна. Поэтому между Горьким и Ульяновском велась интенсивная переписка.

25 октября 1958 года. Горький.

В палату № 98 Сормовского роддома. Дорогая Наточка! Напиши как здоровье, как чувствует себя родившийся сын? Когда выпишут. Ваня ещё не приехал, видно,

погода не лётная, добирается пароходом или железной дорогой. Натулечка, если молоко прибывает, то его можно отдавать, с удовольствием возьмут и спасибо скажут. Если кровать от окна некуда отодвинуть, попроси ещё одно одеяло, может, дадут. По радио сказали, что завтра будет +5, а потом похолодание. Ждём тебя домой. Очень хочется увидеть малыша. Посылаю винограда, пока 2 яблока, и сгущённое молоко, ненужное отдай техничкам. <...>

22 июля 1961 года. Горький.

Дорогие Наточка и Ваня! Сегодня 22 понедельник, я в 5 часов ушла на базар, все ещё спали. Володя весёлый, кушает хорошо, но больше просит макароны, а я даю ему суп мясной со свежими овощами. Старается есть без хлеба. Мясо очень любит и колбасу тоже, и ест достаточно. Вишни не хочет, оказывается, не умеет выплёвывать косточки, дедушка ему мнёт вишни и даёт сок. Я чистила вишни, и без косточек он ест. Вечерами с дедушкой вдвоём гуляют. Володя нам рассказывает, какой у него папа, мускулы у него каменные, не как у деда. Зовёт папу «Седая борода». Дед говорит, надо написать папе, пусть пришлёт телеграмму, когда Володю отправить обратно. Володя говорит: «Да, отправить! Там ремонт, как станешь, так и провалишься вверх головой!»

Секретарь военного трибунала Ольга Юлиановна Идзковская. г. Горький, 1945 год

За Вами он не скучает, столько переносил зелёного горошку Женьке Чиннову, но тот такой неразвитый, играть с ним плохо. «Детский мир» ещё на учёте и Володе игрушки никакой не купили. В туфлях ему ходить плохо, скривились, бегает в сандалиях. Днём в 2 часа Володя говорит: хочу спать! и спит спокойно, насморка нет, а вечером вдруг начнёт сопеть, и просит — пусти капли, пускаю. Говорит: — если будет война, то папа обязательно будет моряком, он так хорошо плавает. Володя окутается рыжей лисой, ходит и объявляет: — я самый главный командир! Несколько ночей спал на диване, один раз свалился и уснул тут же на полу, пока я не подошла и не положила обратно. Спит на Вашей кровати, но просится спать к дедушке, вместе класть не хочется, но ставлю иногда рядом с нашей кроватью для него кушетку.

Володя один ушёл на Донецкую улицу, его остановила тётя и спрашивает: «Ты куда идёшь?» Володя: «Разве Вы не знаете? — Гулять!» Такой он умница. За столом сидит неважно, много вертится и сам себя останавливает. Конфет у него достаточно, и шоколадных батончиков и Каракумов в цветных бумажках и всяких вафель, ест их с молочком. Днём Володя спит крепко, через 2-а часа вместе с дедом его будим, но разбудить невозможно. <...>

15 ноября 1961 года. Горький.

Дорогая Натулечка! Ты заметила, когда у Володи ушко заболело? Вы его плохо лечите. Папа у Вас уже неделю живёт, а Вы только ещё пошли к врачу. Да что врач? Надо самой очень серьёзно растить ребёнка, как его лечить спрашивать у воспи-

тательниц, у старших матерей. Это покашливание хуже кашля. Как заметили, что прозяб, согревай ему ножки. Заставляй Ваню делать ему горячие ванночки. Спрашивай Володеньку, где он озяб, когда простудился? будете знать, как предупредить.

Наплевать на работу, если сын нездоров, бери больничный и сама за ним гляди. Меня так беспокоят его ушки. Он, наверно, зябнет, пока трамвая ждёте. Неужели его бедняжку опять пенициллином колоть? Он так болезненно эти уколы переносит. Так жалею Володеньку. Пишу тебе, и тебя боюсь расстроить. Но раз уж так получилось, что он в детсаду простудился, не води его временно. Тебе что врач сказал — не допускать заболевания ушей!

Наточка, ещё ты прости своих мужчин, ведь на праздниках все пьют и гуляют, а женщины только сберечь их стараются. Надо перед тем, как идти в гости заставить их съесть кусок сливочного масла, по возможности, больше или плитку шоколада — тогда не так быстро бывает опьянение и заставить хорошенько покушать в гостях, об этом сами они должны знать. Ещё кормить сытнее, самое лучшее супом, тогда они не так охотно выпивают. Передай папе, что я его прошу не выпивать в будние дни, это на Володеньку нехорошо действует. Ещё, Натулечка, когда муж выпивши, никогда его не ругай, только накорми и скорее укладывай спать и не перечь ему: а трезвого ругай сколько хочешь. Если он сердится, ты молчи, когда он молчит — ты сердись и высказывайся, тогда мирнее бывает. Ты спрашиваешь, почему я не приехала, ведь сама писала, что Володя о дедушке соскучился. Если дедушка тебя не слушается, провожай его скорее домой: сама не задумываясь бери больничный и за сыном гляди в оба. Целую мама.

28 ноября 1961 года. Горький.

Дорогой Ваня! Сейчас получила твоё письмо. Обязательно сходи к городскому ушнику, может, не надо этих сеансов УВЧ. Жалею Володеньку, и оставлять его жалко, ведь он весь в тебе, вся его душа тобой полна, а родители и не стараются сделать обратное. Рады, что свалили ребёнка, а на переживания его внимания не обращают, а как он опять скучать будет без своего дедушки, не беспокоятся.

Ваня, когда ты уезжал, я тебе говорила, чтобы ты взял на себя только заботу о Володе, а остальное пусть всё делают сами, и это будет для них помощь. А ты всё хозяйство взвалил на свои плечи, для чего это? Надо же им когда-то начать самим жить. Но калоши Володе купи сам!!! Удивляюсь, что это не сделано до сих пор. Уезжая от нас, младший Ваня мне лично обещал, что сам позаботится об обуви для Володи, и у него будут и ботики и калоши, а калоши не купил, а теперь, может, нет нужного размера, и за отца кто-то это должен сделать? Халатничает.

Так хочется, чтобы ты дома был, Ваня. Своих забот много, надо о ремонте подумать, а то и не сделаешь ничего, и врозь жить неохота, и тебе лечиться надо, себя совсем забыл, и устал у них, наверно. Сколько раз по лестнице сбегаешь, да ещё хозяйство. Думаю, Ваня, проживи у них, пока кончатся Володины процедуры, а то у Наточки ангина, да с Володей ходить, ещё его заразит. <...>

3 августа 1962 года. Горький.

<...> Как Вы доплыли? Так беспокоюсь за Наточку; простить себе не могу, что не уговорила тебя одеться потеплее. В эту ночь, когда Вы приехали в Ульяновск, было так холодно, а ты Наточка без чулок, в одной кофточке. Володеньку, я надеюсь, Вы одели в зимнее пальто. Пиши, доченька, скорее, как твоё здоровье, вовремя ли пришёл пароход? Оформил ли Ваня Володю в детсад. У нас дома так пусто, такая тишина, так непривычно. Вспоминает ли Володенька деда с бабой. Тебе теперь трудновато будет, но зато жизнь будет полнее, интереснее и с Володей веселее. В порядке ли пришла мебель? Удалось ли всё расставить?

Здесь все спрашивают, где Володенька? Хвалят его: Молодец, что поехал с мамочкой и папой. Все ребята ходят в детсад, пусть и Володя ходит. Ваня, не ходи быстро с Володей, чтобы сердечко не испортилось, он ещё маленький. Если Володя будет надоедать расспросами, не отбрыкивайся, объясняй ему, как равному, с удовольствием, старайся ему угодить, он тебя будет очень любить. Мне так понравилось, когда он на пароходе назвал Ваню «папочкой». Столько смысла для него в этом слове: и любовь, и дружба, и просьба о защите. Ваня, помогай Наточке, береги её и Володю, заботься о всех мелочах, ты ведь самый сильный и старший. Велосипед дед отправил вчера, Ваня, проверь исправный ли он, Володе хорошо будет кататься, у Вас дороги ровные. Володя, из садика домой не просись!

Два дня ходила на базар, цветы берут плохо, сегодня отдыхаю. <...>

23 ноября 1962 года. Горький.

<...> Ваня, хотя тебя может уже не будет в Ульяновске, вчера отправила Наточке ценную бандероль, но забыла положить ёлочный дождь. Отправила ватина, чтобы Наточка подшила Володеньке пальто и отправила белые тапочки (не удержалась и купила, пригодятся, хотя размер 26 ему велик), а может на Новый год будет выступать снежиночкой, так погодятся, стоят они 2 рубля. От квартирантов получила 10 рублей. Они женаты уже год, а без конца целуются в своей комнате. Платить будут 22 рубя в месяц и за свет пополам, жить будут 4 месяца, до 1 апреля. Комната им очень нравится, такая светлая: боятся, чтоб зимой не было холодно. Из квартирного бюро больше никто не приходил, правда сказать, я очень рада, а то слишком много народа будет, могут всех не прописать.

Ванечка, собирайся домой, ты что-то давно не пишешь, а я думаю, не случилось ли чего из-за денег, а то скользко, грязно, а, может, после ванны простудился, разгорячился и вышел в холод. Потом гости (по выражению нашей Тани) портятся на 3-й день, а ты давно уже гостишь. Успеваешь ли прочитать доклад Никиты Сергеевича Хрущёва? Передавали его целых 2 дня. Замечательный доклад, такой всеобъемлющий, весь мне прослушать не пришлось. А ты по приёмнику слушал? Здорово строителей пробрал за излишние затраты. Сам доклад читать очень уж долго, тебя буду ждать, расскажешь понятнее, да?

Уже 2 дня без твоих весточек, Ваня. Ты, верно, очень занят и устал, а, может, тоже нездоров, как Наточка? <...>

26 февраля 1963 года. Горький.

Дорогие Наточка, Ваня и Володенька! Спасибо Володе за красивую открытку, что прислал бабушке и дедушке. Как Вы живёте, здоровы ли? Как себя чувствует Володя в детсаду? Слушается ли воспитательницу? Гуляет ли вечером с папой? Купил ли папа сыночку лыжи? У нас 23 февраля был ужасный снегопад и ветер. Три раза чистила снег, так как ждала Анну Ивановну, она делала папе уколы пенициллина. Температура у папы утром 36, а к вечеру 37. Папа ослаб и стал нервный. После 5 уколов стал чувствовать себя лучше, курить стал меньше, сон неважный. Дала ему врач направление на рентген грудной клетки. Но пока такие холода и ветер, я его никуда не пускаю, даже в парикмахерскую, у папы теперь причёска модная, т.е. длинные волосы. Мы так рады, что папа поправляется. Сил у него мало, но папа уже принялся за дела, то дров наколет, то бирки режет из консервных банок, старается что-нибудь делать по дому и читать. Я вчера из библиотеки принесла Есенина, Блока, «Гений» Драйзера. Читаем. А сегодня утром, пока я стряпала, папа читал Есенина громко. Так нам нравятся его стихи.

Высыпается ли моя дочурка любимая? Все эти гости так из колеи выбивают и взрослых и детей. А кто Вас приглашает в гости? Складчину делали? Или расхо-

ды были только Ваши? Получили ли посылку? Целы ли очки? Удаётся ли тебе, Натулечка, что-нибудь пошить? Вспомнил ли Володя посланные сказки? Наверно, Вам рассказывал, как ссорились молочко и овсяная кашка?

Объявление об обмене квартиры дала, стоит 35 копеек на неделю, вывешивают напротив Мытного рынка в витрине под замок. Так бы хотелось, чтобы нашлись желающие сменятся, и жить бы нам вместе всем в одном городе. <...>

31 октября 1964 года. Горький.

<...> Каждый день мы ждём рабочих, чтоб закончили обшивку дома, обещали на этой неделе, но до сих пор их нет, как нет. Вот почти 3 недели, как мы не были в бане, одна работа, правда, на свежем воздухе и вдвоём, но всё равно — я сегодня в субботу в 10 утра ушла в баню; с утра легче мыться, народу немного и я не устала, а чистой быть так приятно. Пришла домой, папу направила в баню, он вчера чистил печные трубы, измазал брюки, рубаху и сам как негр. Купила папе четвёрку водки. Не осуждай меня, Наточка, даже Пётр I говорил: «После бани бельё продай, а выпей!» Вспоминаю свою свекровь, последняя всегда мне говорила: «Не умеешь ты владеть моим сыном!» Признаюсь, не умею! Мужчин жалеть не надо, только раз поблажку дашь, а они уже и воспользуются на всю жизнь, все они страшные эгоисты, как ты думаешь?

Наточка, прочитала ты моё последнее письмо и подумала, что мама совсем уже старая стала, пишет про Павку Корчагина. Время такое, Наточка, одни только темпы, перевыполнения, один туда, другой сюда, всё для отчизны, а для себя на последнем месте. Как это на здоровье отражается, никто не думает. Многие этим недовольны. Жизнь трудная, но скоро Ваня твой с Кубы приедет, ведь Вам раньше, чем он начнёт работать, отпуск дадут?

Мы начали вчера пробивать стены изнутри, очень брёвна попортил жучок, в некоторых местах, где гнёзда, одна только пыль. Спрыскиваем дезинсекталем, в аптеке купила, пробиваем, оклеиваем газетами, и будем оклеивать обоями.

Наточка, напиши правду, тебе спокойней провести праздник без родителей? Сходишь куда-нибудь с Володей погулять и спокойно отдохнёшь, правда? А тут уже и ждать Ваню недолго. 7 числа нам принесут пенсию, значит, праздник будет с деньгами, весёлый.

Мы вот дом ремонтируем, для кого стараемся? Конечно, для Вас. Может, отдохнуть приедете, может, переедете, может внучка будет, поживёт у нас. <...>

5 ноября 1964 года. Горький.

<...> Вчера вечером папа закончил штукатурить угол в столовой, возился целых 3 дня и одолел. Он так обрадовался, до чего эта противная работа надоела ему. Пошёл, купил четвёрку, а мне лимонных конфет по 1 руб. 90 коп. 200 грамм, поужинали и пошли спать в 10 часов вечера, а то за эти дни не высыпались. Сегодня утром день солнечный, со свежими силами решили гору работы свернуть: вставить вторые окна, вымыть полы и начать оклейку. Истопили мусором голландку, папа принёс глины, я начала глиной обтирать печи, а то где трещина, где кирпич отбит, и вдруг в дверь стук! Открыли, оказывается, у пенсионеров сегодня в 2 часа торжественное собрание, а докладчик заболел, вот и пришли папе сказать. Побежал папа ещё к одному пенсионеру с просьбой: «Сделай доклад!» Тот отвечает: «С удовольствием бы сделал, да зубы неготовые, а шамкать, так никто ничего не услышит, ухожу в 2 часа за зубами». Ну и пришлось папе с утра до часу дня готовиться к докладу, а сейчас пошёл делать. Я наказала: «Говори весело, чтобы никто не догадался, что ты недоволен». Я побелила печи, перемыла все комнатные цветы, не знаю, как от них избавиться, покормила Ваську и Крона и решила Вам черкнуть.

Что пишет Ваня? В Москву на октябрьские праздники приехал Кубинский министр, может, и Ваня с ним прилетел к Вам на побывку, на пару дней? <...>

6 февраля 1965 года. Горький.

<...> Дорогой Ваня, очень рада, что ты купил себе в Ульяновске валенки, хоть не будешь беспокоиться, что ты зябнешь. Ваня, потрудись, пожалуйста, ещё, и купи Наточке хорошие чёрные валенки размера 26, лучше бы вместе с ней. В тех, которые у неё есть всё равно, что босиком, будет от тебя ей подарок. Обязательно купи! Почему так же не купил зеркало? Не тяни, а то так и затянется. <...>

9 февраля 1965 года. Горький.

Дорогие Наточка, Володя и Папа! Сегодня отправила папе маленькую бандероль, думаю пригодиться. Здоров ли папа? Сегодня во сне слышала твой голос, Ваня, почему-то беспокоюсь. Получила два журнала «Работница». Твою пенсию мне дома не дали, сказали, что сумма слишком велика, надо идти на почту. Крон как бешеный бегает по огороду, так ему нравится на свободе. Прогноз на 3 дня, ночью минус 30 градусов. Привела Крона домой, думала ему холодно, а он просится обратно, дома ему жарко, холода он вроде и не чувствует. У нас все водяные колонки замёрзли. Утром побежала на Донецкую улицу, воды нет, на Свияжской нет, но на Кудьме была. Дома всё в порядке, я здорова. Во второй половине февраля жду папу домой. Если папа нездоров, купи ему шнапсу и отправляй домой. <...>

14 февраля 1965 года. Горький.

<...> Ваня, ты напрасно выражаешь обиду, что я тебе в Ульяновск не пишу. Я пишу всем, тебе, пожалуй, больше всех, только адрес надписываю: «Тарасовой». Интересно, какие же ты, Ваня, трудности усмотрел в моих письмах? Что-то я не припомню, чтобы я посылала поздравительные открытки, с чем же я поздравляла и кого? Напомни!

Что же написать ещё? Ведь почти ежедневно обо всём писала. Получила журнал «Здоровье», начала читать, всё про болезни написано, побоялась найти какую-нибудь хворь у себя, или у кого-либо из нас, и отложила до лучших времён на этажерку. Варю супы разные: щи, с рисом, с грибами — всегда со сметаной. Кашу ни разу не варила. Чай пью с сухарями и сгущённым молоком. Твой приказ выполняю и хату не холожу.

Сегодня послала письмо Ване на Кубу, написала, что тревожусь о нём. Написала про Володину калошу, про свою поездку в Ульяновск, попросила его оправдать мои надежды и в свободное время писать материал для научной работы.

А как страшно по радио передавали, что американские самолёты бомбили сахарные плантации, были пожары.

Ваня, приучай Володеньку приготавливать с вечера себе одежду на завтра — валенки, рукавицы, носочки и т.п. Почему до сих пор не купил зеркало? Без него Наточка так портит себе глаза. В магазинах у нас только утка и цыплята, мяса давно нет. Хочу тебя, Ваня, предостеречь на следующий раз, не покупай ты жирного. Наточке жиреть не надо, Володе нужен белок — постное мясо, и тебе тоже жирного не надо. 3 кило жирного кролика по 3 рубля это 9 рублей, Наточка не сердилась? Ведь за 9 рублей она может не сидеть, согнувшись над шитьём, а отдать его в ателье. Лучше в магазинах брать печёнку. Сейчас холодно, у нас минус 18, никуда не хожу, будет потеплее, стану собирать Вам посылку.

Закончилась ли у Вас колбаса? Ваня, из колбасы можно суп сварить с картошкой и заправить его поджаренным луком. Много времени трачу на самообслуживание, главным образом, на топку печей, долго разгораются, стала добавлять берёзовых дров, те посуше. Давай Володе тёртой моркови. Наточка, деньги в таких суммах

не одалживай, лучше скажи, что отдала папе на ремонт дома. Постарайся, Ваня, устроить Наточке швейную машинку, нельзя же так мучится, да и неизвестного механика стоит ли приглашать, надо знающего. Забыла написать, что 50 рублей я положила на книжку, а за прошлый год нам начислили процентов на 13 рублей. Посылай Наточку гулять хоть немножко.

Какие удобства у Вас — ванна, захотел и намылся, не идти за 3 километра в «Ковалиху», автобуса не жди.

Ваня, у Володи за ушком краснота, спроси в аптеке, чем можно помазать. В крайнем случае, купи пасты Лассара.

Я ничего не читаю, жалко времени на чтение, а надо бы почитать просто хоть для развития. Вот так и живу, с книжки сняла 20 рублей. Купила себе клюквы 200 грамм, квашеной капусты на 11 копеек, лечо за 50 копеек и изюму 300 грамм по 19 копеек 100 грамм — вкусный очень. <...>

17 февраля 1965 года. Горький.

<...> Как твоё здоровье, Ваня? Ты, наверно, устал, в общем, собирайся домой, а я 1 марта поеду тебе на замену. Нечего Наточке просить папу строить гараж, у Вани у самого язык есть. Гаражи бывают разные, что же у Вас будет 2 гаража, в Горьком и Ульяновске? Так я рада, когда слышу, что Ваня домой с Кубы собирается. Одно дело накопить деньги к маю, а приедет ли к маю — это большой вопрос? Летом все будут ходить парами, а ты, Наточка, одна — это плохо.

Ваня, в сад и не думай съездить, там столько снега, хочешь замёрзнуть и простудиться? Спасибо! Из возраста ты уже вышел, не молодой какой. Наточка, папу в сад не пускай! Ещё грипп получит. <...>

13 октября 1965 года. Горький.

<...> Наточка, машина-то какая у Вас теперь, ведь это чудо-сказка! Ты знаешь, я шла из города, гляжу, напротив нашего дома, на зелёной лужайке стоит чудесная, нарядная, светлая «Волга», около неё лежит коврик из прихожей в красно-зелёную клетку, солнышко блестит, шофёр, Ваня и папа у машины. Картина! Какой же молодец у тебя Ваня! Такую прекрасную машину сумел купить. Чудо! Ваша «Волга» похожа на «прекрасную американку» из кино. Я так была рада, и так хотелось на ней прокатится. Вечером Ваня доставил нам это удовольствие. Ваня, как приехал, дал мне 80 рублей денег и сказа: купи мама, всё, что найдёшь нужным! — и дал твою записочку. Мне это было приятно, правда, я не умею так расчётливо тратить деньги, как Вы, но Ваня против моих покупок не возражал, и все расходы принял. Ваня такой молодец, помогал мне на стол накрывать и подавать и постель стелить, и сам стирал себе носки и воды приносил. Ты, Наточка, люби его крепче!

Как хорошо, что у Вани будет больше свободного времени, быстрее научится водить машину, станете кататься, а там и ты, Наточка, научишься машину водить.

В это воскресенье Вы, наверно, будите кататься на машине, Володю садите рядом с шофёром. Когда спереди открыто окно, то на сидящих сзади очень дует и папу в машине продуло, он озяб и снова простудился. Утром встанет, в кухне выпьет стакан молока, выкурит папироску и скажет: — вот я уже и устал... и ложится. Вот уже два дня температура в норме, но на улицу ещё не выходит. С Ваниным отъездом у нас наступила настоящая зима.

Ходит ли Володя в садик? Как ему, бедняжке, трудно после Горьковской свободы сидеть одному дома. Как ему хочется на машине покататься, всё посмотреть, увидеть и узнать. Как, наверно, рад, будет у папы первый помощник.

Отдайте в ремонт свою швейную машинку, без неё тоже нельзя. Не забудьте купить зеркало. В выходной день я одна с раннего утра копала георгины, земля

твёрдая, как каменная, последнюю грядку копала, уже начинался снег. Только всё закончила, внесла домой и поднялась снежная метель, такая, как в лютую зиму. Ветер, снег, град, холодина! Ты, наверно, шла в это время за Володей?

Утром — ужас — все вишни склонены до земли и все замёрзли. Клён согнулся и замёрз, я подумала, не поломался ли? К водопроводной колонке подойти нельзя, согнутые деревья не пускают. Снегу набрала в высокие боты, с астр и флоксов снег стряхнула. Днём температура минус 5 градусов, только через день деревья отмёрзли и выпрямились. <...>

28 октября 1965 года. Горький.

<...> Воду в огороде закрыли, но успела основную стирку закончить. Как здравствует Володя? Вчера по радио передавали, как мама, играя, провела урок с сыном. Нужно заниматься с первой пятёркой чисел, отнимать и прибавлять по единице. Мама стучит, а сын с закрытыми глазами считает, сколько ударов — это для устного счёта в памяти. Потом, что называется словами. Какие бывают слова: ласковые, нежные, сердитые. Например: Серёженька, пожалуйста, ябеда и т.п. Катаетесь ли на машине? Её не повредили, когда тащили трактором? Тётя Таня советует Вам перебраться в Горький и увеличить численность семейства. Подумайте об этом. Обязательно родите второго ребёнка, после жалеть будете. Есть народная поговорка: «Самая несчастная мать, у которой один ребёнок».

Как думаете провести Октябрьские праздники? Если будут у Вас гости, то не мучьте себя готовкой. Закажите всё в ресторане. Дешевле обойдётся и разнообразнее. Всегда ждём Ваших весточек. Так хотелось, чтоб Вы жили поближе, а то пойти куда, дом, дела не пускают, мы бы помогли. <...>

5 ноября 1965 года. Горький.

<...> Наточка, как идут твои занятия по подготовке в техникум? Что это за техникум, как называется? Тебе так нужны знания, да и диплом бы не помешал. Одной подготовиться в твоих условиях чрезвычайно трудно и, мне думается, что ты не осилишь. Что ты всё время сидишь и в книгу глядишь? Так всё зрение потеряешь, да и переутомление получишь.

Написала, что Ваня с Володей катались на лыжах. А ты где была? Почему не пошла с ними? Неважно, хорошо ли ты катаешься, важно, что на свежем воздухе побудешь, ногами подвигаешь, и всей семьёй погуляете. Может, тебя забыли пригласить? Так ты напомни: товарищи мужчины, а меня Вы с собой возьмёте? Папа, зови маму! Володя, приглашай маму! Это ошибка в воспитании сына, что они катаются без тебя. Его надо научить правильно жить, он во всём пример берёт с родителей, ты ведь не домохозяйка, а жена и мать.

Наточка и Ваня, поставьте себе целью сделать свою семью такой, чтобы все с Вас пример брали, чтобы все на Вас любовались. В основном, счастье семьи зависит от мужчины. Наточка, постарайся сделать очень счастливым одного мальчика — Ваню. А Ваня, сделай счастливой одну девочку — Наточку. Зато, какой счастливый у Вас будет Володя, да и Вы сами. Наточка, в тебе столько нежности и ласки, а применять её негде. Володю целый день не видишь. К Ване не всегда приласкаешься, а тебе требуется излить свою душевную теплоту на кого-то. Заведите Вы малютку, подарите нам внучку, жизнь для Вас станет интереснее. «Без воды умрёт трава, без мечты душа мертва, без детей ты мёртв при жизни — мудрость жизни такова». До трёх лет поможем воспитывать, хотите, к себе возьмём. А Володе как плохо одному на целом свете. Вот будет ему лет 12–14, он убежит с ребятами, разве Вы его найдёте, а тут у Вас будет помощник, и ссорится из-за Володи не придётся. И ты окрепнешь. Знайте: «Из единственного всегда либо пёс, либо собака». А тут жизнь

научит Володю заботиться о других и не быть эгоистом. У каждого человека есть гражданский долг — оставить вместо себя замену, хоть по одному человеку, можно больше, а оставить одного за двоих это слишком, слишком мало. Так что, трудитесь!

Как обстоит вопрос с покупкой зеркала и репродуктора? Жалею, что не послала трельяж. Ваня, купи Наточке большое зеркало, да напиши нам письмо, да поподробнее о Вашей жизни! Твои соображения относительно учёбы Наточки. Она нам напишет несколько строчек наспех, разве это дело? Наладил ли ты работу в цехе? Неужели есть опять несчастные случаи? Хорошо ли помогают замы? Когда будешь сдавать экзамены на водителя? <...>

20 января 1966 года. Горький.

<...> Шесть с половиной суток провела у кровати т. Мани, была и за врача и за санитара. Врачи ходили: 2 терапевта и невропатолог, необходимые лекарства доставили, так что медицинской помощью она была обеспечена. В первые дни врач спрашивал её, чем Вы болели? Она: «Болею первый раз так сильно». Врач: «Поправитесь!» Тётя Маня так обрадовалась, заулыбалась, всем было приятно. А позднее спрашивал врач: «Ну, как, Мария Феофиловна, Вам полегче, правда?» Она: «Плохо лечите, мне не легче!» У неё получилось кровоизлияние в мозг, парализовалась правая рука, а потом и язык.

19 января, по-старому в Крещение, проводили т. Маню в последний путь. Всё наследство после неё постарались разделить жильцам дома. Много барахла взяла Катя. Для Татки — швейную машинку, а тебе — большое круглое зеркало. Оно хорошее, пока находится у нас, но как его переправить?

Поминки делали у т. Мани внизу, весь стол для женщин вела я, а для мужчин, наверху, вёл Валя Семилет.

Ужасно много там пили, все кроме папы, он потом их наругал: «Куда Вы пришли? На гуляние или на поминки?» Ну, маленько отрезвились и разошлись. Похоронили её в ограде племянницы Гали. Это всем по душе. Твоё письмо, Наточка, и письма многих других, тёте Мане прочитать не удалось. <...>

24 января 1966 года. Горький.

<...> Вот и исполнилось Вашей маме 60 лет. Возраст преклонный, седьмой десяток пошёл, а старится не хочется. Мой день рождения прошёл великолепно, настроение было чудесное. Утром папа поздравил меня и подарил на платье кашемиру коричневого по 5 руб. метр, как берут на школьные платья, уже его раскроила, мечтаю скоро сшить. Мне очень нужно такое тёмное недорогое платье. Потом пошли в город, на Маяковской купили 5 кг. натуральной олифы для покраски полов. Потом — чудо! посылка от Вас. Папа побежал на Кирпичный завод, в наше почтовое отделение и принёс её. Посылка замечательная, туфельки домашние мне подошли, в них щеголяю и в присланных чулках, рада. А вот пододеяльник и простыню пришлём Вам обратно, не обижайтесь, у нас белья много. Так уже я о Вас соскучилась, хочу приехать, папа говорит: «На кого ты меня оставишь?» А вместе ехать, дом оставлять не хочется.

А вечером пришли к нам т. Маруся и д. Федя Кривойкины, выпили изрядно, отношения были родственные. Я угощала их Вашими конфетами и конфитюром. В час ночи пошли провожать их домой. Я одета была в синее платье с бусами, Федьке так понравилось. Я говорю: «Это мне моя дочурка — Наточка сшила». Федя старался доказать, что их Валя умеет шить, но Маруся остановила его хвастовство.

5 февраля тёте Мане будет 20 дней, уговорились отметить его у нас. 7-го пенсия, а потом кто-нибудь из нас приедет к Вам погостить. Так мне хочется на Вас посмотреть, всех увидеть своими глазами, беспокоит твоё здоровье, Наточка, ча-

сто болеешь, видно, мало гуляешь. Из окна у нас такой красивый вид, точно лес, деревья стоят в инее, какие-то птички летают нарядные, воробьи, синички, сороки, снегу много. <...>

15 марта 1966 года. Горький.

Дорогая Наточка! Посылаю клеёнку, надеюсь пригодится, к 8 марта тебе подарочек — штанишки. Понравился ли бидончик?

К папе вчера ходила 2 раза утром и вечером. Выходной день был, врачей нет, сидит он без свежего воздуха, делать нечего, книг нет, кормят невкусно. Курить нельзя, выпить нельзя. Папа недоволен. Может, с сегодняшнего рабочего дня будет какой-либо смысл. Натулечка, много ли денег набрали на подарочек, что купили? Как я довольна, что уже кончился твой техминимум, как прошли экзамены? С какой оценкой? Теперь уже не надо готовиться к лекциям.

Напрасно ты думаешь, Наточка, что я плохо дышу, очень жаль, что тебе не нравятся мои лёгкие, впрочем, нравиться нечему. Горчичники я себе никогда не ставила. Недавно мы ходили в баню, целый час дышала паром, обратно идти было тепло, днём солнышко. А тебе следует на своё здоровье обратить серьёзное внимание, чтобы не было трахеита. Гуляй больше, такие прекрасные весенние деньки, ты же любишь раннюю весну. Не утруждай себя готовкой ужина. У Вани аппетит завидный, что ни купишь, всё съест. Один раз — колбаса, второй — зелёный горошек, третий — грибы. Ты пойми, что твоё здоровье для Вани дороже приготовленных тобой кушаний. Приложи все старания к ликвидации трахеита.

Как приятно, что Володя привыкает к музыке, и его хвалят. Посылаю тебе статью о настроении. Надо самим его создавать. Ване скажи, чтобы слушался, а то Володя с него пример берёт. <...>

16 марта 1966 года. Горький.

<...> Сейчас папа звонил из больницы, я сегодня к нему ещё не ходила, чувствует себя хорошо. Осталось 2 процедуры: съесть 100 грамм сахару и сдать кровь на анализ и ещё просветить аорту. А там, может, ещё что придумают.

Наточка, ты не довольствуйся такими скромными подарками. Духи — это не подарок, а только добавок к подарку, а с Вани подарок должен быть не дешевле, как за 100 рублей. Такой богатый муж, и так скупится, или не успевает? Я вчера по радио слушала «Доходное место» Островского. Вот где жён одаривали, да! Не мирись, Наточка, скажи Ване: «Подари мне хороший подарок, я тебя поцелую крепко!»

Ты просишь написать, чего нет у папы, что ему подарить? Папе нужен пиджак или тужурка, размер 50. Брюки только сшили новые. Туфли есть, ботинки ещё есть. Да, Натулечка, здоровье это самое важное в жизни. Кто не мечтает быть здоровым? Очень помогает ежедневная физзарядка и весёлое настроение.

Вчера вечером пришла Дуся Замятина, которая живёт в нашем переулке. Получила повестку о выселении из комнаты Сергея. Просит сходить в больницу к папе с ним поговорить, вот сейчас собираемся с ней идти.<...>

28 сентября 1966 года. Горький.

<...> Как Вы живёте? Дома ли Ваня, как он себя чувствует, стонет ли по ночам? Дома холодно? Мы ежедневно топим одну печь на ночь. Папа любит, чтобы ночью тепло было. Сейчас чистим уборную под яблони и малину, в основном, конечно, папа, и потом пойдём в баню. Тётя Саня прислала письмо, зовёт папу в Болдино, чтобы помог ей огородить новую усадьбу. Папа со своими делами не справляется, ведь не молодой. Удивляюсь! У меня болел зуб, вернее, около коронки, так не хотелось удалять, потому что нужен новый протез. Пила по полтаблетки анальгина. Целый месяц мучилась. Теперь успокоился. <...>

10 октября 1966 года. Горький.

<...> Мы живём хорошо, папа перекопал весь огород, выкорчевал 2 куста смородины и 1 вишню, он такой мастер корчевать вагой. Рассадили примулы, хризантемы. Купила 2 веника полы мести, а вот покрасить ничего не успели. Сегодня я стирала, пока воду не выключили, хочется побольше перестирать. Папа ушёл на бюро, много у него работы: партийная, огородная, домашняя; помощников у него нигде нет, только дома — я. Ко мне внимателен. Куда бы ни пошёл, что-нибудь да принесёт из гостинца, то конфет купит, то дыни и т.п. За продуктами, как полагается мужику, сам ходит, а моё дело — стряпать. Сегодня варила борщ со сметаной и голубцы. Возни много, но ведь на несколько дней сразу. Вчера папа ходил в библиотеку на Сенной, где выступал с воспоминаниями, как комсомолец 20-х годов.

15 октября 1966 года. Горький.

<...> Так огорчились, что Ваня сломал ногу, очень так не вовремя! Эх, Ваня! Как это ты так неловко ступил. Наточка, ругай его, когда поправится, не жалей! Как уж так неосторожно. Наточка, георгины и гладиолусы в саду не вырывай, неужели тебе одной идти в такую даль. Мы весной пришлём Вам и георгин и гладиолусов. Если надо копать сад, то пусть Ваня наймёт кого-либо. Ваня, мы теперь ждём от тебя письмо, не ленись, напиши. В домашних делах выручай жену. Освободи её от писания нам! Сытого ли провожаешь сына в школу? Ваня, постарайся с Володей подружиться, быть поближе. Приказной тон маленько поубавь! Напиши, необходим ли наш приезд, а то мы сейчас очень заняты, уборка в огороде, георгины не рыты, а папу ведь надо воодушевлять на работу, вдвоём-то мы друг на друга благотворно действуем и кое-как с делами справляемся. Наточка, моя детка родная, не переживай и не огорчайся, Ваня быстро поправится, и всё пойдёт по-нормальному. Напиши, как это случилось, что он сломал ногу и где? <...>

21 февраля 1967 года. Горький.

<...> Только что папа ушёл в своё домоуправление делать доклад о дне Красной Армии к 9 утра, а я, улучив свободное времечко, спешу черкнуть несколько слов.

Ходили в кино, смотрели широкоформатный американский фильм «Спартак», понравился. Жалею, что не успела посмотреть «Королеву шантеклера». Так я свыклась с Вами за эти полтора месяца, что каждую минуту думаю только о Вас, всё папе рассказываю и пересказываю. Я уже начала в себя приходить, принялась за домашние дела, за бесконечную стирку и уборку. Хочу папу к Вам проводить — он постарается швейную машинку починить и пианино привезти, и они у Вас будут. <...>

15 апреля 1967 года. Горький.

Дорогие Наточка, Ваня и Володенька! Сейчас получили твоё письмо, Наточка. Сейчас к нам дозвониться трудно, так как всё время до темна стараемся поработать в огороде, но дела двигаются весьма плохо.

Вечно что-то мешает: то холода, а, в основном, отсутствие папы, вечно он занят партийными делами. Если бы устроился в учреждение, то занят был бы 5 дней, а здесь бесконечно в любое время куда-то мчится, беспокоится, а домой придёт — уже устал. Отвечаю тебе на письмо сразу, пользуясь тем, что папы нет дома, ушёл в 12 часов на собрание актива. Уже 7 часов вечера, он ещё не вернулся, беспокоит ещё и другое, конечно. Мы здоровы. На базар с цветами ещё не ходила. На Пасху красила яйца и делала пасху из сметаны с творогом. В понедельник купила теста 2 килограмма и испекла пироги с капустой и яйцами, с вареньем, с грибами сухими и рисом с луком жаренным, и ещё творожную ватрушку. Всё удалось, получилось вкусно. Папа с актива пришёл, зашёл ещё в домоуправление. Столько беспокойства — навести чистоту к 1 мая.

Актив был 2 часа, очень интересный, доклад делал секретарь обкома — самое главное, усилить идеологическую работу, особенно среди молодёжи.

Ты, Наточка, интересуешься насчёт выселок. Переписали все улицы, но сказали, что дрова на зиму запасайте. Будут строить громадный дом, самый высотный в Горьком. Для постройки кино на 1500 человек напротив Речного училища сносят сараи. Наточка, нехорошо, что Володя не рассказал, что не был на уроках музыки. Но я тебе давно говорила, что расспрашивай его ежедневно обо всём, что было в школе и дома, пока кушает, он тебе всё расскажет. Старайся создать ему настроение, чтоб у него было желание с тобой поделиться. Верь ему, и ни в каком случае не внушайте ему, что он врёт. Советую Вам обоим слушать по радио передачи «взрослым о детях».

Ванин вопрос должны разобрать на парткоме, только скажи Ване, чтоб на собрании не грубил, вёл себя обдуманно.

У нас в магазинах ничего нет. Не могу купить тебе на блузку, а скоро буду занята. Папа остался без пальто, хоть бы материал купить и отдать шить, но он хочет готовое пальто. На днях достала 2 килограмма гречневой крупы, за много лет первый раз. Сегодня перебирала в подполье свежую капусту, у нас ещё 14 вилков больших, продать что ли? Ты молодец, Наточка, что справляешься с домашними делами, но не бери на себя слишком много, лучше привлекай своего помощника — мужа, побольше ему давай поручений. Я стараюсь тебе подражать, и горжусь тобой, моя умница! <...>

24 сентября 1967 года. Горький.

<...> Ходили мы сегодня в город, резиновых полусапожек нет, не теряю надежды купить позднее. Кирзовых сапог для Володи тоже нет. Наверно, к празднику товары будут. Наточка, купили мы Володе школьный костюм размера 36. Не сердись! Ты просила не покупать такой. Смотрели другие, материал такой лёгкий, а этот потеплее, износит. Мальчишки в перемену на волю выбегают, в тёплом костюме не так холодом обдаст, может отдельно брюки носить, всё смена будет. Ездили в магазин одежды за детской больницей и там далеко купили папе пальто. Он хотел демисезонное пальто, но все они молодёжные и короткие, и вдруг попалось зимнее пальто с седым каракулевым воротником за 169 рублей, самое дорогое, что было. Папа одел, и снимать не захотел. Уговаривала, возьми с чёрным воротником. Не хочет, говорит такой светлый интереснее. Ну купили, на обмывание денег не хватило, так, зашёл только разливного вина выпил стаканчик.

Наточка, приветствую твою покупку «Повестей Белкина». Ты такая умница, что стараешься в семье привить любовь к литературе! Когда только успеваешь. Это по подписке? «Барышня-крестьянка» Володе будет очень интересна. У него такая богатая фантазия, он прямо заслушается...

Володин шалашик на яблоне ещё жив. В него иногда забирается кот Васька, выслеживая воробышка или прячась от дождя. Как Ванино здоровье? Нога в гипсе? Долго ли пролежит? Как это случилось? Правильно ли срастается перелом? Вот мы немного управимся с делами, и к ноябрю к Вам обязательно приедет дедуля. И хотя он решительно провожает меня, но приедет именно он. <...>

2 октября 1967 года. Горький.

<...> Мы заканчиваем вырывать гладиолусы, постирали крупное бельё, 2 дня стирали, ведь летом времени на домашние дела вовсе нет. Вчера закончила гладить, теперь стирать осталось мелкие вещи, да ещё в баню сходить. Вставили вторые окна, кроме кухни, так жалко лишаться света и воздуха. 28 ходила на базар и ещё в тёплую погоду продала цветы на 29 рублей, а так бы пропали. Папа только

удивляется моему умению. Самовлюблённо говорит, что это под его «мудрым руководством». Остаётся продать мятые яблоки с бочка́ми, но их на базаре такая тьма, прекрасные яблоки стоят 30 копеек килограмм. Продавать по 10 коп, так их носить такое количество тяжело. Пока засолили маленькую кадушечку зелёных помидор.

Как поправляется Ваня? Ты, Наточка, не расстраивайся, Ваня ещё такой молодой, всё подживёт. Какое счастье, что Ваня был один, а то могло всю семью изувечить. Володя точно чувствовал, всегда просил: «Папа, поедем заправляться!»

Наточка, будешь торопиться, ведь тебе надо и на работу и другие дела сделать, так с Володей сдерживайся, а то он будет нервный. Только голос поспокойнее!

Выйдет Ваня, поправиться, на машине бы поехать, а её нет. Так не хочется, чтобы Вы продали свою машину. Я бы этого парня...— тоже бы ему так ногу сломать, столько неприятностей всем наделал. А где он деньги возьмёт уплатить за машину? Кто мог доверить такому пьяному гружёную машину? Жуткое безответственное безобразие.

28 октября 1967 года. Горький.

<...> Сегодня вечером пришли из города, а нас ждёт Ванино письмо. Ох, какое же это письмо! Пишешь ты, Ваня, чудесно! Ты вполне мог бы быть писателем! Письмо такое душевное.

Сколько же тебе, Ваня, пришлось намучиться, какие испытать пытки, всё равно, что был на войне и получил тяжёлое ранение. А Наточка всё преуменьшила, сказала, что Ваня лежит в больнице в Засвияжье. Какой ты, Ваня, мужественный и терпеливый, если мог отпраздновать свой день рождения, лёжа на вытяжке с таким грузом, когда всё онемело, и старался развеселить персонал. Спасибо Наточке, что заботилась о Ване, поддерживала его. Вы оба — такие молодцы! Стоите друг друга! А Володя не напугался? А сколько в письме радости выздоровления. Желаем тебе здоровья, Ваня, поправляйся хорошенько всем нам на радость.

Теперь, Наточка и Ваня, убедительно Вас прошу в наступающие у Володи каникулы дать ему полный отдых, абсолютно не заставляя его заниматься, пусть будет у него в эту неделю полная свобода, пусть побольше гуляет на свежем воздухе. Не гонитесь Вы за отличными оценками Володи, может развиться честолюбие. А какая успеваемость в классе, Володя не зазнаётся перед товарищами своими отметками? <...>

15 ноября 1967 года. Горький.

<...> Так ждём от Вас телеграммы, что у Вани сняли гипс и скоро он научится ходить без палки. 7 числа мы ходили на немецкое кладбище, все могилки сровняли с землёй, скоро будет парк, который соединят с Кулибинским парком. Наши могилки уцелели потому, что очень близко расположены к забору. Папа хотел покрасить клён, чтобы запомнить место, этот клён вырос от зёрнышка, ему теперь 27 лет. 10 числа провожали в последний путь д. Федю Кривойкина, умер в больнице, не справилось сердце с нагрузкой. <...>

26 февраля 1968 года. Горький.

<...> Наточка, я так рада, что Ваня уже возвращается к жизни и ходит уже без палочки. Скоро ему придётся идти на работу, тебе труднее будет, так как дома никого не будет и Володя будет один, но ничего не поделаешь. Мы ходили в кино на «Анну Каренину». Обязательно сходите, хорошая постановка. Мне больше всего понравился Каренин — Гриценко. Такая прекрасная игра, что, кажется, лучше нельзя сыграть и придраться не к чему. Он правильно понял свою роль. Анна, по-моему, не совсем удалась, порой она представляется совсем глупой, потом курносая, щёки длинные. Мне почему-то не было её жалко, я скорее её осудила. По Толсто-

му она другая. В День Красной Армии у нас была гостья, цветочница Валя с Бора приезжала, ей 53 года. Она играла на гитаре, пела, разведённая. Сидела с 10 утра до 3 часов дня, выпили 3 бутылки портвейна и пол-литра «Столичной», я выпила только 2 рюмки по 50 грамм, остальное они вдвоём с папой. Ей мужа надо. Как жалко женщин таких, всё война виновата. У нас Валька Потехин опять без жены остался. Ушла она с 2 детьми, ей присудили 50% выплаты. Он стал худой, чёрный. А срам-то какой! Только начни разводиться, радости не будет. Есть старинная пословица: «Лучше 7 раз гореть, чем 1 раз вдоветь».

У нас ходят слухи, что есть план застройки г. Горького, по которому к 1970 году от наших выселок не должно остаться ни одного дома. Папа хлопочет, чтобы выделили докладчика и рассказывали людям об этом. Не знаю, разрешат ли нам сажать что-либо весной, или ещё на год оставят без сноса? По Кудминской улице, включая молитвенный дом, всем объявили, чтобы в этом году ничего не сажали. Народ, конечно, не послушал.

Наточка, наша тётя Таня говорит, что для того, чтобы у Володи окрепли кости, ему надо:

— ежедневно утром съедать кусок мяса в 100 грамм, это приличный кусочек, с мяса не полнеют, это белки, а ещё лучше ему глодать мясо с косточек, хрящики — это самое полезное. В Горьком я для Володи покупала кости прямо на базаре у рубщиков мяса;

— давать глицеринофосфат с рыбьим жиром;

— ежедневно гулять 2 часа;

— пусть на тройки окончит, но чтобы физически окреп и дышал вольным воздухом. А учительница пусть ругает, захочет сам заниматься, так будет, а ей положено требовать. <...>

13 апреля 1968 года. Горький.

<...> Дожили до Пасхи, сегодня 13 число... Как вчера прошёл у Вас воскресник? Вы работали в лаборатории или в заводе уборкой занимались? О том, как я доехала из Ульяновска, я Вам послала письмо на второй день после приезда. Папа не совсем здоров, болит нога, вчера ходил в амбулаторию к невропатологу, ишиаса не признали, выписали лекарств, которых в аптеке нет. Растирала ногу вечером настойкой белой сирени, греть не велели, может, ушибся, когда с печки упал.

На все выселки у нас работает одна водопроводная колонка, папа ходит за водой, выстаивает по 40 минут в очереди. Живём очень хорошо, дружно. На той неделе мечтаю начать продавать георгины, а вот тюльпаны пока не выходят, неужели вымерзли?

9 мая 1968 года. Горький.

<...> Сегодня «День Победы». Для нас, особенно для нашего папы, это очень, очень большой праздник, добились его такой дорогой ценой, годами разлук и тяжких испытаний. Спасибо, Наточка, за твой подарок, за внимание к нам! Сегодня я папу не удерживала в выпивке, пусть себе празднует; вообще-то он много выпивает, потому что сейчас весна, работы много, видно, требуется для энтузиазма.

Ваня, напиши нам, пожалуйста, письмо, напиши как дела в заводе? Получил ли Болотов по заслугам? Дай ему щелчок хороший, ведь при подобном руководстве легко в заводе вредительство развести. Ты уже знаешь, чем его бить, продумал, наверно? Напиши Ваня, как здоровье Наточки? Как ты её бережёшь? Помогаешь ли с базара носить тяжёлые ноши? Создаёшь ли ей праздничное настроение? Как ухаживаешь? Много ей бедной за тебя переживать пришлось, а с этой катастрофой сколько она настрадалась. Чем ты ей отплачиваешь? <...>

27 августа 1968 года. Горький.

Дорогой мой любимый Володенька! Прости, что бабушка тебе давно не писала. Я просила дедушку, и он тебе писал.

Володенька, у Вас в Сочи такая жара, как себя чувствуешь? Нравится ли в санатории? Носишь ли пилотку? Может ты её потерял? Обязательно носи пилотку, чтоб солнцем голову не напекло. Как часто Вы ходите в кино, столько ты видел разных фильмов, что в голове всё перепуталось. Вчера послала маме в Ульяновск посылку. Отправила варенья из чёрной рябины. Вкусное!

Поздравляю тебя с началом учебного года! Пора и за дела приниматься, отдохнул, наверно, хорошо? Володенька, очень я приветствую твоё желание быть отличником. Тебе надо много поработать, вспомнить правила, как писать. В письмах ты делаешь много ошибок; если ты о чём-нибудь спрашиваешь, то в конце предложения надо ставить знак вопроса. Например: Почему не пишете? Что случилось?

Скоро будем учиться. Ты пишешь «будим», есть глагол будить, чтоб проснуться, будем учиться в слове будем надо писать «е». Если глагол отвечает на вопрос «что делать», то в середине надо писать «ь» — мягкий знак перед окончанием «ся» — будем что делать? — учиться. Купаться, умываться, окончание «ся». Купать себя, умывать себя, учить себя. Пишешь — постораюсь. Надо писать постараюсь, т.к. есть слово «старание», ясно слышится буква «а». Семь, а не сем нянек. Напишите — повелительное наклонение или приказ, надо ставить восклицательный знак напишите!

У бабушки болела левая рука, указательный палец, ходила к врачу, велел делать компрессы. Теперь всё зажило. Мы оба здоровы. Дедушка в столовой покрасил пол, а коту Ваське не нравится, он пробежит по крашенному полу, остаются следы, дедушке работа, надо опять красить.

Цветов так много, просто кусты георгин ломятся от тяжести. У нас тоже жарко. Очень бы хотелось, чтоб сентябрь месяц был такой же тёплый, как конец августа.

Крепко тебя целуем. Твои бабушка и дедушка.

29 ноября 1968 года. Горький.

<...> Только Вы уехали домой, прилетел самолёт из Куйбышева и всех посадил, через час были уже в Горьком. Папа меня встретил, успели на последний экспресс и доехали до площади Минина. Слезая с автобуса, я поскользнулась и упала, разорвался чулок, и поцарапала коленку. Чулок жалко больше, чем коленку. Дома помазали йодом, завязали бинтом, теперь заживает. Дома такая чистота, полы чисто вымыты, на столе белая выглаженная скатерть, флакончик свежего цитраля, горячий ужин и чай, плюс твои, Натулька, два пряничка. Мы покушали, побеседовали и пошли спать.

Наточка, когда будешь разговаривать с Володей или заниматься с ним музыкой, старайся создать ему хорошее настроение, чтобы у него было желание тебе угодить и учиться. Это в корне неправильно — вечно он у Вас в виноватых ходит, хоть немного дайте ему возможность самому разобраться в плохих и хороших поступках. Верь ему, не внушайте ему, что он может говорить неправду. Верьте ему больше. С ним надо разговаривать о его делах детских, как со взрослым человеком. Ручаюсь, что успех в воспитании будет больший. Твой метод постоянного осуждения и приказывания в корне неверный и вызывает упрямство. Смени пластинку, и самим дышать будет легче.

Папа вечно на партийной работе и сейчас вот уже почти 4 часа его нет, ушёл по поручению секретаря райкома. Но дома все дела по хозяйству сделал сам, а я дошивала свои платья. Сегодня папа хотел написать письмо Ване. Папа говорит, что Ваня поторопился подать заявление об увольнении, надо суметь доказать, что Ва-

нины требования правильны, законны и нужны. Ваня, ты как отец, постарайся, чтобы сын спокойно окончил первую ступень, то есть 4-й класс, в этой школе. <...>

5 декабря 1968 года. Горький.

<...> Наточка, зачем же полоскать горло, если оно не болит? Ты знаешь, как я не люблю лечиться. Папа кашляет, так как много курит, вот ты и пиши ему: Брось, папа, курить! Перестань курить! Не кури! и т.д.

Папа за последнее время все выселки взял под свою опеку. Где только нет его щупальцев — везде, вот только население у нас очень неграмотное, неподвижное, кроме базаров ни к чему не привыкли и ничем не хотят интересоваться. Папа и в работу райсовета вмешался, стал заставлять их депутатов высказываться. Одна депутат рассказывает: «Я так испугалась этого Кривойкина, на собрании он говорит: „Ну, расскажите о своей работе“; а я ничего не знаю, и говорить-то не умею. „Ну ладно уж,— он сказал,— задавайте ей вопросы“; смягчил маленько ситуацию».

Сегодня ходили в баню, я, конечно, в твоих чулках, Наточка. Тепло. Спасибо! А платок ношу не снимая, он такой удобный, тонкий, под пальто его не чувствуешь, совсем не стесняет движений. Очень угодила.

Наточка и Ваня, купите Наточке очень хороший пуховый платок, мы свою долю с удовольствием внесём. Нельзя женщине жить без пухового платка, а то мне всегда будет не по себе. <...>

31 декабря 1968 года. Горький.

Дорогая моя дочка Натулечка! Посылаю к Вам папу, может ты будешь расстраиваться, что он много выпивает. Ты его не пробирай, а так с любовью: «Папа, ты ведь взрослый, на тебя моя молодёжь смотрит, не подавай плохой пример, дурные примеры заразительны, ведь Володенька на тебя глядит, тебе подражает, он хочет быть как дед. Не пей, для здоровья трезвому лучше, ты побереги себя для нас и т.д. и т.п.» Он у меня так приучен, чтобы не ругаться, и знаешь — когда сердишься, то выпьет пол-литра, а когда уговоришь, то и на 100 грамм и на 50 грамм соглашается, только не всегда терпения хватает.

Так хотелось тебе половник отправить. Столько мы ходили, а вчера в выходной день папа пошёл гулять и в «1000 мелочей» купил его. Я была очень довольна. Положила маленько сластей и ещё вложила книжку, «Айвам» Сёмушкина. Чудо, какая интересная! Я думаю её можно прочитать Володе, только при одном условии, чтобы прочесть сразу. А я начала читать вечером и прочитала как они жили вдвоём с собакой Лилитом во льдах, потом заснула, проснулась и больше спать не могла, так и мерещилось, как это Айвам во льдах, днём и ночью один, должен жить, не тужить, и пищу себе добывать и о жилище заботиться. Надо так прочитать, чтоб дойти до места как его спасли, тогда не будет такого потрясения от этого ужаса. Но о таком мужественном мальчике почитать следует. Ты сначала сама прочти, и реши, не рано ли Володе эту книжку читать. Так чудесно написана.

Мне всё кажется, что ты на меня сердита. Наточка, но это напрасно. Ваня интересовался, много ли папа выпивает, я ему рассказала, а Вы взяли и денег прислали. Деньги, конечно, это ерунда, но он решил, что я считаю за Вами долг. Когда рассказывала, то не подумала, что так может получиться. Деньги у меня есть, если б надо было, я бы тебе написала. А у нас с тобой был уговор, что «выпивка за мой счёт», разве ты забыла? Может, я Ване не понравилась, но я ещё была больная. Наточка, мы решили, что папа пробудет у Вас 2 недели, но если будет очень холодно, то его задержи, он легко простужается, а для стариков простуда самое страшное. Наточка, от количества выпивки зависит срок жизни, поэтому старайся его ограничивать, не пускай на самотёк, поглядывай за ним, он ведь и скрывать умеет.

Ольга Юлиановна и Иван Фёдорович Кривойкины
с дочерью Наталией и внуком Владимиром у своего дома.
г. Горький, 1968 год

Пускай папа с Володей сфотографируются на память, папа с наградами, Володенька как бы эстафету принимает. Может, у Вас папа немного забудет об этой общественной нагрузке. У меня много всякой работы, так что постараюсь не скучать. Перед отъездом папа закупил продуктов и для меня и для Крона, в холод могу никуда не ходить, только печи топить, не беспокойся обо мне, только пишите. Желаю Вам весёлой встречи и хорошего отдыха с папиной помощью. Крепко всех обнимаю и целую.

13 марта 1969 года. Горький.

Дорогой Володенька, сегодня вместе с этим письмом послала мамочке и папе письмо, что мы просим отпустить тебя после школы к нам в гости. У нас всегда свежий воздух, спокойно и тихо. Возьмёшь с собой книжки и будешь читать на раскладушке в огороде, или на скамеечке. Поздравление твоё с днём Красной армии дедушке передала, билет лотерейный — подарок тоже дедушке отдала. Скоро он напишет тебе письмецо, а пока очень занят, ежедневно какое-либо собрание. Сегодня ушёл в 8 утра, а теперь уже 12 часов 30 минут, а его ещё нет. Скоро у тебя каникулы, ты побольше гуляй и хорошенько кушай! Потом последняя четверть и длительный отдых. Приезжай к нам!

19 мая 1969 года. Горький.

Дорогие Наточка, Ваня и Володенька! Из головы не выходит Ваш переезд в Тольятти. И чем больше думаешь, то приходишь к такому мнению, что большей глупости, чем переезд туда, сделать нельзя. Здесь у Вас всё обжитое, квартира в центре, Ваню здесь ценят, директор идёт на встречу, т.к. подписал обмен на большую квартиру, и тревожить семью только из-за личных карьерных целей это нехорошо. Поживи, Ваня, здесь ещё недолго и по работе продвинешься, люди выдвинут на большую должность, а ты пока работай над собой. Мы так надумали, что и нам

лучше жить в Ульяновске, у нас каждый выходной будет пикник к Вам в сад. В общем, этот переезд в настоящее время не для пользы семьи. А что касается только тебя, Ваня, так это ещё бабушка надвое сказала, где лучше. Скоро к Вам приедет папа, и тогда все вместе решите этот вопрос, а пока до его приезда, пожалуйста, работай в Ульяновске и не переводись в Тольятти.

Наточка, не соглашайся на переезд. Крепко целую. Мама.

15 июня 1969 года. Горький.

Дорогие Натулечка и Ваня! Наконец-то мы получили от Вас из Пятигорска долгожданное письмо. Живём мы хорошо, дружно. С Володиными товарищами дело не совсем благополучно, так как дети в большинстве в школьном лагере. Уже совсем было решили устроить Володю в лагерь при школе № 30. Я поговорила с Костей — это основной Володин товарищ. Он мне рассказал, что они днём стараются не спать, хотя им положен 3-х часовой отдых. Потом Володя с Костей что-то не поладили, и в лагерь Володя не пошёл. Пожалуй, это и лучше. Когда Володе захочется, он бегает в школу к детям играть. Настроение у Володеньки весёлое, кушает с аппетитом. Стараемся разнообразить. Мясной суп ежедневно, больше щавелевый.

Володя увлечён всякими раскопками, вечно ему хочется где-то рыться, найти какой-нибудь клад, но этим интересуются все мальчишки. Сделал себе блиндаж между смородиной, потом его зарыл. Интересно: мы ходим по саду и ничего не замечаем, а он посмотрел на сучок, и увидал на ветке кольцепряда, потом ещё и ещё, по 7 колец на ветках. Дед дал ему садовые ножницы и Володя их нарезал такое количество, что пришлось топить печку и их сжечь. Он говорит, что я вспомнил, что это вредитель, мне когда-то показывал дедушка. С удовольствием читает, прочитал он «Комаров» Нагибина — про мальчика в детсаду. Купили ему сандалии за 3 руб. 83 коп. и 2 пары носков.

С папой дело похуже. Он упал с печки и ударился об железный умывальник. Ушиб хребёт и кишку. Как-то мальчишки задумали сделать шалаш, папа косой накосил им травы, а ему нельзя такие сильные движения, ночью поднялись страшные боли. Вызвали скорую помощь, врачом оказалась Маня, с нами жила на Ошаре. Она признала почечные колики, но так как было воскресенье, то кардиограмму сделать было некому. Папу увезли в 5-ую больницу, но утром же отпустили, сам идти не мог, вызвали такси. Анализ мочи хороший. А папе согнуться нельзя, ковш воды из ведра на полу зачерпнуть трудно, внутри больно. Вчера папа ходил к невропатологу, провожал его Володя. Папа с палочкой. Врач нашла у него аденоиды на прямой кишке и отростки на хребте. Хотят послать на Гоголевскую, на процедуры. Покакать не может, ставим клизму. Он её очень долго принимает, так как не впитывает, мешают аденоиды. Папа ходит такой красный, врач его спрашивает: «Где Вы так загорели?» А он: «Такой с натуги». То есть ему трудно.

Кто будет провожать Володю в Ульяновск пока неизвестно. Но он сказал, что поедет только с дедушкой. И одного папу оставить плохо, и ехать ему плохо, но он хочет проводить Володеньку. В огороде работы много, дома тоже хватает — управляться приходится одной. Папа ничего не может.

Крепко Вас целуем. Отдыхай, моя Натуленька! Так тебе нужен отдых.

29 июня 1969 года. Ульяновск.

Дорогие Наточка и Ваня! Прилетели мы с Володей в Ульяновск 29 июня. Папу оставили одного в весьма тяжёлом состоянии. Лекарств ему даёт врач лошадиные дозы. Самое тяжёлое то, что он совсем не спит. Купила в аптеке бромурол — снотворный, но оно на папу совсем не действует. Была у меня одна упаковка лекарства за 52 коп. из 5 составов, там есть люминал 0,01. Вот с этой таблетки он

час или побольше спит и опять у него начинаются боли, точно все змеи в него впились. Вчера был так слаб, что не было сил принять клизму. Ставила перед отъездом в 3 часа ночи, а в 4 часа утра мы с Володей вышли из дома. Обещал мне Петя (я ездила к ним на Автозавод, после дождя грязь, глина, везде стройка, я поскользнулась и упала, весь свой плащ испачкала в глине), что Нюра в эти выходные приедет из Болдина, отдохнёт и придёт к папе. Звонить буду завтра.

Неужели один ночевал ночью? Дышать ему тяжело. Спина болит. Нога болит. Ничего не ест, надворного нет, клизму не принимает, выливается обратно. На той неделе ходил на рентген грудной клетки, нашли большие изменения в лёгких, сделали фото, надо в понедельник идти снова, а у него сил нет даже говорить по телефону, чтобы вызвать такси. Кашлять стал с кровью. Не курит и не пьёт. Одну папиросу за весь день выкурит. Шпарила я его крапивой, но помощи нет, это ерунда, а не лечение. Страдает ужасно и как вытерпливает не кричать. И такого я его оставила. Сказал мне: «Приезжай скорее, а то хоронить меня будет некому». А я ничего не умею, и одной везде не успеешь.

Как приехали в Ульяновск, скорее побежала за билетом в обратный путь. Билеты только на 9 число. Я разревелась, просила, говорю, у меня муж тяжело болеет. Где-то нашли билет на 4-ое. Завтра пойду с Володей в амбулаторию, сдам все анализы и хочу уехать прямо в аэропорт с этим билетом на 4 июля. Володю оставлю или у Тимошиных или у Халипер. Тревожит, все ли хорошие буду анализы? Может ли случиться так, что его не пошлют в Сочи? К зубному тоже завтра пойдём. Нужна ли справка из санэпидемстанции, Ваня в письме ничего не написал про неё, также как и в прошлый год. В амбулатории скажут. Верно нужна.

Как я уехала от папы? И сама не знаю. Людей стыдно, что такого больного одного оставила! За что ему такое наказание одному остаться? Хоть и помощи от меня мало. Исхудал он ужасно и ослаб. Так боюсь думать про плохое, и как я одна со всеми делами справлюсь? Запустила его врач из Печёрской амбулатории: то делайте массаж, то грелки, то сдавайте анализы, потом ушла на месяц в отпуск, а папа остался без наблюдения, и покатилось всё по наклонной. Какой у Вас теперь в Пятигорске будет адрес? Хорошо ли отдыхаете? А у меня столько пионов зацветает...

Уже 9 час вечера, Володя бегает с детьми около дома. Сегодня купила мяса 500 грамм, масла вологодского, молока, коробок спичек, хлеба. Привезла с собой творожников и баранки. Целую Вас крепко, отдыхайте хорошенько. Мама и папа.

30 июля 1969 года. Горький.

<...> Твоё письмецо, Володенька, шло к нам из Сочи всего 2 дня. Пишет тебе бабушка, а дедушка шлёт тебе свой привет из больницы. В палате их лежит 3 человека, в Горьком жарко, плюс 25, поправляется дедушка медленно, старенький стал и похудел. Вчера разговаривала вечером с Ульяновском, папа приедет в Горький в командировку 4 августа, навестит дедушку.

Молодец, что взял фотокарточки, будут на память — это хорошо. Сколько глистов у тебя вышло? Сразу легче стало? Научился ли ты плавать?

Пойду собирать красную смородину, сварю дедушке кисель, он любит. <...>

8 сентября 1969 года. Горький.

Дорогие мои Натулечка, Ваня и Володенька! Вас, конечно, интересует, как идёт продажа дома? Должна опечалить Вас, что никто больше нашим домом не интересуется. Может потому, что перед 1 сентября я была очень занята, и дома почти отсутствовала. Завтра иду платить за коммунальные услуги и дам объявление под стекло. Раздражают эти покупатели, везде всё высматривают, а с деньгами расставаться не хотят, да их у них мало. Ещё держит то, что нельзя сразу оформить доку-

менты, надо ждать полгода до вступления в наследство. Это, пожалуй, самая главная причина. Если б дом был поменьше, то продать его было легче.

Наточка дорогая, ты за меня не беспокойся, не переживай! Мне очень горько, что папы нет, и временами так одиноко и печально, что я просто двигаться не могу и делать ничего не хочу. Еле-еле примусь за работу, а потом разойдусь. Не такие горя переживают вдовы, с детьми остаются, и я переживу, время лучшее лекарство. Переживу, привыкну, подождём немножко и к Вам приеду. Молодец Володенька, что умеет купаться. А теперь уже холодно на реку ходить...

Володя, старайся учиться внимательно, всё выучивай хорошенько и все мелочи выполняй, не жди, когда мамочка всё проверит и напомнит. Это твоё дело и сам его выполняй, не перекладывай на маму, а получишь двойку — ведь стыд! Ты уже большой, должен понимать, как важно ученье, и как плохо быть глупым. Будешь стараться, разовьётся память и учиться будет легче. Так что сам себя проверяй — всё ли сделал, не забыл ли что и тогда доложи маме, что у тебя в делах порядок. Понял ли Володя?

Наточка, ты тоже не нервничай из-за папы. Очень жаль, что так получилось, не хочется верить, но ничего не поделаешь. Мне иногда кажется, что я его жду, дождусь и забываюсь. Это неправильно, конечно. Посылаю ещё папины фото. Я думаю, что эта карточка будет самая подходящая.

Наточка, к сентябрю я обычным образом продавала цветы. Что-то не очень много брали, верно, у большинства есть цветы, ведь у всех почти сады. У нас гладиолус перед первым сентября и до сего времени стоил по 10 копеек хороший, ну уж самый распрекрасный 30 копеек. Сегодня 8 число, похолоднее, так просят за цветы гладиолусы 50 коп, а за белый крупный 30 коп.

Ограду сделали очень хорошо. Я припасла и кирпич, и цемент, но, думаю, что пока не надо ничего делать, просто посеять траву. Нюра и Петя тоже мне это советуют. Посылочку тебе, Наточка, постараюсь выслать. Никакой не имею памяти, вечно ищу то одно, то другое, прямо горе. Георгины ещё не выкапывала, часть мы с Нюрой в выходной день пометили номерами. Ну, вот и всё пока. Приложение: фото папы. Мама.

16 сентября 1969 года. Горький.

<...> Покупатели ко мне ходят, дают за всё с садом, дровами, с обстановкой 7500, оформление документов за мой счёт, а я хочу 8000 и оформление за их счёт. Но дело то вот в чём: я боюсь остаться без жилплощади, а Вы мне на мой вопрос «На каких условиях я буду жить?» не ответили. Дожидаться государственной квартиры — это, верно, годы. Мне кажется, что Ване удобнее получить квартиру на 2-х хозяев, то есть одну комнату для меня, и официально это оформить. Ведь не век я буду жить, комната будет Ваша. Квартирантка я удобная, так как буду охранять квартиру в Ваше отсутствие. Очень прошу Вас дать мне ответ. Жить без собственной площади я боюсь, и потому покупателям определённо ничего не говорю.

В 40 день были на кладбище. Передали папе привет от тебя, Натулечка, и от Вани и Володи. Ничего он не ответил. Могилку сделали поменьше, кругом раскидали землю, посеяли траву, посадили красивые астры. Могилка яркая, нарядная, и на солнышке. Как сон прошла жизнь с папой. Петя и Нюра обещали сделать и покрасить скамейку и столик. Венки ещё висят, Нюра не хочет их снимать. <...>

29 сентября 1969 года. Горький.

<...> Ваня обещал позвонить в субботу. Весь вечер сидела у телефона, начиная с 5 часов, а звонка не было. Почему? Забыл? Кроме того, ждала покупателя, но тот тоже не пришёл. Я бы на месте его жены также рассудила, не стоит тратить деньги,

когда неизвестно, может дом скоро снесут. Опять расклеила объявления о продаже, но никто не приходит. Что-то расстроилась. В выходной надо бы на базар сходить, а настроения нет. Отправилась на кладбище. Народищу там видимо-невидимо, очень много. Я даже замёрзла, пока автобуса ждала, 3 часа потратила, поплакала, но успокоилась, что он у меня не брошенный, а то давно не была. На Мытном рынке увидела покупателя, он давал 7,5 тысяч. Так он мне сказал, что они боятся покупать наш дом, так как кто-то из соседей сказал, что у нас холодно, так как верх гнилой. Кто сказал? Какие соседи? Верно, какой-то завистник, не хотят, чтобы продала дом дорого.

Задумываюсь, не продать ли полдома, а за полдома получу квартиру. Но жить с чужими людьми так не хочется; знаешь наперёд, что тебя обижать будут, так как старая и одинокая. Сегодня на Мытный рынок пришла Вера Петровна. Она всё делает сама, даже полы моет, хоть ей уже 84 года. Но чувствует себя слабо. Подарила ей букет цветов из георгин и астр.

Вырыла морковь и свёклу. Обещали в октябре осадков больше нормы, а сарай течёт, трубу заделали плохо, по ней тоже течёт. Жду Ваню, с ним решим, что делать. Я никаких овощей не покупала, в надежде уехать к Вам, но обстоятельства складываются не так, как хочешь. Придётся покупать картошки и луку. Надо окна утеплять и продухи замазывать. Крон тоже лишний, содержание его в месяц обходится минимально в 10 рублей. Присылайте покупателя из Ульяновска. В магазинах у нас мяса не бывает, на рынке 4 рубля, картошка мешками 15 копеек за килограмм, лук 50 копеек. Скоро георгины рыть, работы хватает. <...>

23 октября 1969 года. Горький.

<...> Вчера вечером в 7 часов стучат, было уже почти темно, только Крона покормила, пришли два покупателя дома, всё оглядели, кроме подполья. И сразу согласились дать мне 8 тысяч. Только подождать до понедельника их напарника, так как они дом покупают на двоих. Живут они в районе. А сегодня я узнала, что никого из района не прописывают, а то бы вся деревня была в городе. Выходит, что продать дом я имею право только тем, кто проживает в Горьком. Вот ещё одно затруднение. Сегодня отправлю тебе твоё синее пальто, сукно толстое, Володе для тужурочки будет хорошо. Купила серебрянки и если дождя не будет, то пойду на кладбище красить ограду. Я всё папу жду и никак не привыкну к мысли, что его уже больше никогда не будет. Так не верится! <...>

13 ноября 1969 года. Горький.

<...> Спасибо за открытки с поздравлениями, получила также 2 письма. Живу одна, покупатели ходят, но как дело дойдёт до оформления документов, так и остановка. Вчера была Нюра, при ней пришёл покупатель с женой, они из Сызрани. Сидели 3 часа, договорились за 7 тысяч. Хорошо, говорят, пойдём оформлять документы. Так нет, раньше февраля нельзя, так и ушли. Отдай деньги и будешь квартирантом,— не хотят. А до них я договорилась с одной гражданкой, зовут Настей, за 7 тысяч, и она платит 250 рублей за оформление документов, даёт аванс 3500 рублей. Я должна её прописать, и она будет жить в доме. Когда оформим документы, останется хозяйкой.

Она ходит ко мне 4 дня подряд и в течение дня по 2 раза; то с сыновьями, то с дочерями, то с сёстрами и братьями, они из Воротынского района.

Нюра вечером в 5 часов уехала домой, я её проводила до автобуса. Иду домой, пошёл дождь, и всю ночь шёл. Села Вам писать, вдруг подняла я голову, в столовой над диваном потолок протёк, течёт по стене. Батюшки! Что делать? Полезла на чердак, в крыше всюду мелкие дырки, капают. Устелила весь чердак полиэтиле-

новой плёнкой. И я вот что подумала: Пропишу я эту Настю, получу 3500 рублей, она станет жить, в подпол привезёт картошки. Веди с ней расчёты за свет и за газ. Вот будет Настя 3 месяца жить, выглядит все недостатки, все непорядки. Я приеду в феврале и скажу: — Давай остальные деньги и оформим документы! Она скажет: — Что ты, разве я дам ещё 3500 рублей, крыша течёт, потолок промок, по стене течёт, потолок провис. Нет, не могу столько дать, а уехать мне некуда, так как свой дом в деревне я продала...

И получится, что я за дом получу только половину денег, а она останется хозяйкой. И пойдёт канитель, возможно, суд. Только я так подумала, стучится Настя, пришла сообщить мне, что завтра утром придёт с юристом и двумя свидетелями и отдаст мне 3500 рублей. И я ей сказала: Настя, возьму я с тебя половину денег и оставлю тебе весь дом, а он мой, не твой, кто тебя знает, как ты его беречь будешь? Может, навредишь чего. Давай отложим покупку до февраля. Если бы ты мне отдала все деньги, тогда другое дело. Записали адреса и расстались с условием известить друг друга в случае изменений. Пусть будет пока остановка. Дело большое, не шутка. В сарае крыша течёт, дрова все промокли. Цитраля в аптеке нет, плохо. Подарила Володиному приятелю Косте лото, теперь к нему ходят дети, играют, сидят, не шумят, и его бабушка довольна. <...>

22 ноября 1969 года. Горький.

<...> Я, Володенька, здорова, живу хорошо: ем, пью, сплю и по дому работаю. Только одиноко мне очень, нет моего дорогого дедушки, не хватает его — такого весёлого, ласкового, умного, такого заботливого. И ни одного человека нет около меня. Заботиться мне не о ком. Только Крон живёт в конуре, в огороде. У нас идут дожди, сыро, мокро. В сарае крыша течёт, подставила ванну, корыто и 2 эмалированных таза. Володенька, почему ты ни словечка не написал про маму, про папу. Надо писать, хоть пару слов. Как тебе понравилось в Мелекессе? Бабушка Дуся обрадовалась твоему приезду?

Володенька, какая у тебя отметка по письму? Мало думаешь, когда пишешь! Много ошибок делаешь! Пишешь «Лампа скарела». Какой корень слова «гореть?» Попроси, папа тебе хорошо объяснит: перегорела (огонь).

А план подземного перехода перед автозаводом нарисовал прекрасно! Всё просто и ясно! Володя, пальму я отдала тёте Кате на сохранение, чтобы взять её в Ульяновск. В мороз её переносить нельзя, она замёрзнет. Мне она нравится, называется пальма «Хамеропс».

Володя, ты послушный или нет? Уроки сам делаешь или маму ждёшь? Много ли гуляешь? С кем и на которой парте сидишь? Ты хочешь приехать на зимние каникулы? С родителями можно, один не приезжай! Встречать я не могу. Вечером вижу плохо, хожу только днём. Да из Горького самолёт вылетает в 7 утра, выходить из дому надо в 3 часа ночи, чтобы успеть на экспресс до аэропорта, ведь не лето; холодно, темно. Забоимся мы с тобой идти. А побывать на могилке дедушки тебе бы надо: поглядеть, где он лежит. Тебя, Володенька, дедушка любил больше всех на свете. И больной ездил в Ульяновск для того, чтобы сфотографироваться с тобой на память с наградами. Чтоб ты брал пример с дедушки и так же как дедушка, хорошо учился и работал, и получал награды. Старайся, Володя, всё делать «быстро» и только «хорошо». По радио слушаешь, с какими достижениями люди хотят встретить 100-летие со дня рождения Ленина? Пятилетку выполнить за 4 года. Как ты это понимаешь? Я так думаю, если ты уроки дома делаешь за 3 часа, то научись их делать за 2 часа и, главное, чтобы не было ошибок. Это и будет твоя однолетка, а пятилетка это для взрослых. <...>

15 января 1970 года. Горький.

<...> Так давно нет от Вас весточки. Почему? Получили ли бандероль с кроличьей шкуркой? Что у Вас слышно про денежную реформу, поговаривают, что будет в апреле. Сегодня ходила смотреть на своё объявление, висит на стенде одно одинёшенькое, остальные на обмен квартир. Что-то люди воздерживаются и продавать и покупать. Как бы не получилось так, что ни денег, ни дома? В прошлую реформу мы брали ссуду 1 тысячу рублей, и после реформы выплачивали всю эту тысячу, то есть по прежним деньгам 10 тысяч. Оттого нам и было так трудно. Тысяча по разным деньгам разная тысяча. Плохо помню, как было в первую реформу. Вроде до 3 тысяч, у кого были деньги на сберкнижке оставляли без изменений, а у кого больше 3 тысяч, так писали 1:10. Например 4 тысячи писали: 3 тысячи плюс 100 рублей. <...>

4 марта 1970 года. Горький.

<...> Сегодня начала я к Вам перебираться, то есть погрузила один большой пятитонный контейнер № 957861 и отправила его в Ульяновск со станции Костариха, на имя Тарасова Ивана Николаевича. Квитанцию на груз отправляю Вам заказным письмом. Заказала контейнер с двумя рабочими, а приехал шофёр на машине, инвалид, толстый и неповоротливый, да один рабочий пьяный, работающий в трансагентстве всего 5 дней. Но все вещи установили. Разгружать начинайте с кухонного стола и потом сверху справа корзины с вареньем. При погрузке была Нюра, сначала грузили все вчетвером, но потом Нюре сделалось нехорошо, пришлось ей принимать лекарство. Теперь мне осталось сходить в Горгаз, переоформить газовую плиту на новую хозяйку, в Собес — сообщить новый мой адрес и перечислить туда пенсию, в Сберкассу — взять аккредитив и другие дела, а потом уж возьму билет и прилечу к Вам. Вещи все уместились. Остались гладиолусы, георгины, буфет, диван, письменный стол и маленький столик из коридора. <...>

В 1969 году умер Иван Фёдорович, Ольга Юлиановна стоически пережила смерть мужа. 27 февраля 1970 года продаёт дом жилой площадью 38 кв. метров (согласно справке бюро технической инвентаризации) и переезжает в Ульяновск. Вещи и мебель, даже некоторые цветы из сада, были перевезены контейнером. Два года жила с семьёй дочери, состоящей из 4 человек, в маленькой комнате 3-х комнатной квартиры на ул. Полбина. Она, потратившая столько времени и сил на воспитание старшего внука, от оказания помощи дочери по уходу за родившимся в 1970 году младшим внуком категорически отказалась. Считала, что это обязанности матери и отца, и они должны выполнять их самостоятельно, а не перекладывать на кого-либо другого.

Ольге Юлиановне хотелось независимости, и в 1971 году она пошла работать в Жилищно-коммунальный отдел (ЖКО) Ульяновского автозавода уборщицей, с зарплатой 45 рублей в месяц. В Доме Культуры автозавода мыла правый коридор на втором этаже, затем какое-то время убиралась в одном из трёх заводских общежитий, находящихся в микрорайоне «Пески». Это дало возможность зятю просить у заводского начальства предоставления ей отдельной жилплощади.

В 1972 году автозавод выделяет ей комнату жилой площадью 14 квадратных метров в ведомственной малосемейке по улице Лихачёва дом № 2. В пятиэтажном кирпичном доме коридорной системы, на 4-м этаже отдельная квартира, маленькая прихожая, она же кухонька с электрической плиткой на табуретке, раковина, туалет и комната. Ванны и горячей воды не было. У неё имелась старая обстановка, привезённая из Горького, дополнительно купила телевизор, шкаф, холодильник и зажила на новом месте. Привыкшая в Горьком покупать готовые продукты

в кулинарии (печёнку и т.п.), в Ульяновске такой услуги она не нашла, плохо было с продуктами. Питалась свежим кефиром, блинами, творожниками, кашей, яйцами. Готовить много не любила, да и на электроплитке много не наготовишь.

В те годы Ольга Юлиановна особенно следила за своей эрудицией, ей не хотелось отставать от жизни. Брала книги из библиотеки, переписывала к себе в тетрадь стихи Пастернака, Светлова, Долматовского, Гамзатова, Друниной, понравившиеся рассказы. Вела записи по искусству, выписывала литературный журнал. Много писала писем, корреспондентами были — сестра Таня, снохи Нюра и Саня, вдова её брата Николая Катя Идзковская. Ходила лечиться в заводской профилакторий. И был случай, когда она там приглянулась какому-то мужчине, тот пришёл к ней домой свататься, но стал хватать её за руки, Ольге Юлиановне это не понравилось, а, главное, не понравилось, что мужчина «не партийный».

Работала уборщицей в ЖКО до 1977 года. И даже в возрасте 76 лет, в 1982 году, опять устроилась уборщицей, но поработала только два месяца, не было сил трудиться. Надо отметить, что для своего времени Ольга Юлиановна имела достаточное образование — техникум, но государственной работе никогда не придавала большого значения. Не пыталась постоянно работать в одном учреждении, не горела на работе, не думала о продвижении, для неё не представлял особой ценности коллектив. Только получение денег и стажа для пенсии.

Да и работы она выбирала такие, чтобы всё делать, по возможности, одной. Бухгалтер наедине с цифрами, грузчик, сторож, уборщица. Видимо, все её жизненные интересы лежали в другой плоскости.

Ольга Юлиановна всю жизнь считалась рациональным человеком, на себя и мужа денег тратила мало. В послевоенное время семью кормила, в основном, хлебом и пшённой кашей, разогретой на маргарине, для дочери — иногда яичко. Потом, когда освоили огород, а также завели кур и свиней, питание улучшилось. Одевались тоже скромно. В 1952 году дочери, учащейся в 9 классе, на зиму купила «монарку» — чёрное плюшевое пальто, типа телогрейки, такие пальто в то время носили деревенские бабы, сверху повязываясь клетчатым платком. Дочь носить такую одежду категорически отказалась. Себе Ольга Юлиановна шила сама. Когда стали продавать цветы, она иногда позволяла себе покупать кое-какие мелочи «роскоши», например, недорогие духи или отрез на платье.

Сёстры Ивана Фёдоровича всю жизнь считали Ольгу Юлиановну жадной. Мол, Оля с Ваней живут зажиточно, а с ними деньгами не делятся. И, правда, эти сёстры — Анна и Александра, жили бедновато, потому что за всю жизнь так и не научились зарабатывать деньги самостоятельно, без помощи государства, и продолжительное время жили без мужей. А Иван Фёдорович был известным добряком, готов был отдать родственникам даже свою последнюю рубашку, и отдал бы, если бы жена не стояла на страже. Почему-то сёстры посчитали, что после смерти мужа и продажи дома вдова должна поделиться с ними деньгами, и были недовольны, когда этого не произошло.

Вообще, удовлетворить этих сестёр было невозможно. Деревенские, они считали, что если они бедны, то все остальные обязаны систематически им помогать. Ольга Юлиановна такой формы отношений не принимала.

Зато она не жалела сил и средств для семьи дочери. В Ульяновск беспрестанно отправлялись посылки, внук подолгу жил у них в Горьком, и за его развитием она следила. Именно они с Иваном Фёдоровичем купили первые в жизни внука кубики, деревянный конструктор, детский трёхколёсный велосипед, фильмоскоп, переводные картинки, подростковый велосипед «Школьник», причём выучили его,

второклассника, кататься на нём: бабушка запускала с горы, а дедушка ловил внизу. Ольга Юлиановна купила внуку лыжи, ласты, маску с трубкой для плавания, спиннинг для рыбалки. Прислала в Ульяновск ему для учёбы основной учебник по музыке — «Школу игры на фортепиано», покупала много книг, запомнились «Гулливер в стране лилипутов» Д. Свифта и «Без семьи» Г. Мало, любимую книгу, которую с удовольствием читают до сих пор правнуки Ольги Юлиановны.

Так как Ольга Юлиановна всю жизнь проработала или бухгалтером или торговала, то она могла в уме быстро складывать различные суммы денег. Идём, бывало, в «Детский мир» покупать ёлочные украшения, стоили они в конце 60-х годов примерно 7-8-9 копеек за штуку. Положит продавец быстро-быстро на прилавок целую гору игрушек и скажет: «С вас 2 рубля 43 копейки». Ольга Юлиановна: «Вы меня обдурили на 11 копеек». У той глаза на лоб. Пересчитали, действительно, на 11 копеек больше положенного. Иногда она видела, что продавец её обсчитывает, но почему-то не поднимала шума.

После продажи дома Ольга Юлиановна дала дочери 1,5 тысячи рублей на покупку спального и кухонного гарнитуров. Остальные 5,5 тысяч рублей положила на книжку и тратила только начисляемые на них 2% годовых. Сколько её ни уговаривали потратить деньги, съездить куда-нибудь отдохнуть, на все просьбы следовал отказ. За последние 15 лет жизни она так и не потратила ни копейки из денег, вырученных от продажи дома. Внукам гостинцы приносила — одна груша или одно яблоко, шоколадка. Никаких излишеств. Себе — кефир. Когда дочь начинала угощать её, она говорила: «Ну, давай, если у тебя лишнее». Поедет зять в Москву в командировку, она даст ему 10 рублей на штаны-панталоны, по возвращении требует сдачу полностью, и только получив деньги в руки, выдаёт ему 2 рубля, за труды.

Года за 3 до смерти деньги распределила, себе на книжке оставила 300 рублей, дочери положила на книжку 2 тысячи 600 рублей, а внукам по 1 тысяче каждому. Старший внук отдал деньги младшему, тот добавил свои и купил машину. А дочь Наталия свои деньги тратить не стала, объявила их как бы «святыми», и в результате «Павловской» реформы 1991 года они обесценились и пропали. (Вообще-то, глупо получилось, в начале 70-х годов на эти деньги — более 7 тысяч — вполне можно было купить 2-х комнатную кооперативную квартиру.)

Осенью 1977 года Ольгу Юлиановну постиг сильнейший инсульт, она выжила, но до конца жизни лишилась дара связной речи и способности нормально писать правой рукой. Вот как она сама написала о своём здоровье ещё в 1957 году.

Работу начала с 13 лет, а были мы беженцы. Было нас четверо, на работу ходили босиком и в подвязанных верёвкой туфлях. Голодали лет семь. Ходили на баржи за мороженой картошкой, месили её с овсяными отрубями. Это сказалось на желудке. Чай пили с сахарином, поэтому я теперь чай сладкий пить не могу, тошнит. Солёное есть тоже нельзя — тошнит, с молока слабит, с яиц отрыжка. Отекаю, руки чаще, ноги реже. Болят кости — ревматизм.

Печень болит, распухает, почки болят, на горшке песок, моча мутная, иногда моча не идёт. Желудок растянут и опущен, есть искривление позвоночника. Никак живот подтянуть нельзя и ходить трудно. Питаюсь хлеб, чай, сахар, масло. На двор хожу не ежедневно, через день, бывает через 2 дня, мучают газы. Сон плохой. Имею хронический фарингит и насморк, иногда отхаркиваюсь кровью. Бытовые условия относительно хорошие. Дома очень холодно, водопровода нет, носить воду левое плечо не даёт, рука не поднимается, да ещё геморрой. Памяти нет. Иногда находит как столбняк или бред, не понимаю, что говорю. Страдаю одышкой, ходить тяжело, при долгом стоянии шов от аппендицита наливается в палец. Весь 1956 год мучил

желудок, были ужасные рвоты, крючило, потеряла вкус и температура 38 градусов. Сделали операцию аппендицита, стало легче. Постоянно простужаюсь, то грипп, то фурункулёз, то сучье вымя — разрезали. Зубов нет, сверху 7 вразброд и то пломбированных и ломанных, да внизу также. Плохая свёртываемость крови, удалю зуб, кровь не останавливается, однажды сидела 8 часов. Имею зоб. Кашляю — эмфизема, на обоих глазах начало катаракты, помутнение хрусталиков, долго напряжённо смотреть голова болит. Между лопатками болит, пальцы трескаются, трещины долго болят. Гриппозное состояние бесконечное.

Сохранилась и запись Ольги Юлиановны о прожитой жизни.

Работать я начала с 13 лет, то есть с мая 1919 года. Мы были беженцы в 1914 году и вторично в 1916 году, эвакуированные из Лепеля, Витебской губернии. Отец умер 26 ноября 1919 года, хоронить его нам было не на что, помогли люди. У матери нас осталось четверо детей, я была старшей. Мама была сердечницей, с нею были бесконечные сердечные обмороки с хрипом, работала она в Канавино в Ярмарочном комитете машинисткой. В то время продукты можно было достать только в обмен на вещи. У нас ничего не было. Жили на Ошарской улице в подвале, у которого окна находились наравне с землёй, потом перебрались выше, так как весной нас заливало. Отапливались сучьями, которые мы — дети летом натаскивали из Марьиной рощи, нередко на дороге падали от изнеможения. Освещением служила лампадка на столе. Мы, дети, бегали на пристань, собирали мороженую картошку, дуранду, питались кое-как. На семью у нас была одна пара обуви, которую мы считали за счастье по очереди одеть и принести воды.

На службу я ходила босиком, в обеденные перерывы пряталась за дверью в коридорах, чтобы никто не видел, что я не завтракаю. Позднее меня научили вязать туфли из шпагата, в таких я и ходила. Местком премировал пальто. Училась в вечерней школе. Мы росли. В 1925 году я вышла замуж, и жить стало легче и, главное, веселее. Любовь свою мы пронесли через всю жизнь, прожив вместе 44 года.

В 1938 году умерла мама. В 1939 году умерла старшая 10,5-летняя дочь от менингита. Очень способная девочка, она выступала в клубе молодых талантов, с нею занимался артист драмтеатра Филиппов Сергей Александрович, пела по радио. Было большое горе, муж лежал в больнице.

Когда началась 2-ая война, муж ушёл на фронт. Я стала работать в военном трибунале МВД машинисткой, а затем секретарём. Имела оклад 805 руб., офицерский паёк и обмундирование. С 1 декабря 1945 года меня освободили, так как на этой должности разрешали работать только мужчинам. Я ушла в грузчики на железную дорогу. Грузили и разгружали дрова, бутылки и т.д. Работала в артели, зарабатывали хорошо, но меньше, чем прежде, только эта работа в стаж не вошла. 26 февраля 1946 года вернулся мой муж Кривойкин И. Ф., и я занималась домашним хозяйством, помогая дочери учиться. Она окончила в Горьком Университет.

Когда родился внук, он жил у нас до 3-х лет, мне пришлось работать ночью, чтобы доработать 20 лет до пенсии, а днём уход за ребёнком и домашние дела.

После смерти мужа у меня развился склероз. Я плохо вижу. На левом глазе катаракта, а правый частично атрофировался, видит только одну букву на верхней строке в таблице. Прошу это учесть и в моей просьбе не отказывать, и назначить пенсию за мужа, который был уверен, что партия мне поможет...

13 января 1970 года, г. Горький.

Это выдержка из письма Ольги Юлиановны в Горьковский обком КПСС. Она как бы пыталась продолжить дело мужа о назначении ему персональной пенсии республиканского значения, теперь уже «посмертно». «И не ради денег, а чтобы

память об Иване Фёдоровиче передалась внукам и не забылась». Неоднократно просила она Горьковский обком КПСС, чтобы ей отдали для ознакомления внуков и хранения партийное дело Ивана Фёдоровича, но оно считалось секретным, и его, конечно же, не прислали.

В Горьковский Обком КПСС

В декабре месяце 1975 года я письмом просила о присвоении моему мужу Кривойкину И. Ф. звания персонального пенсионера республиканского значения посмертно. В первых числах января 1976 года мною получен ответ из Отдела административных органов Обкома КПСС: — «что персональные пенсии посмертно не устанавливаются». Дорогие товарищи, пенсия Кривойкину И. Ф. уже не нужна, а я получаю пенсию по старости, которая больше той, которую я могла бы получать за мужа, так что вопрос о пенсии отпадает. Лёжа на смертной постели Кривойкин И. Ф. сказал: «Я не получил персональную пенсию, но тебе обязательно её дадут за меня». Я убедительно прошу Вас, дорогие товарищи исполнить последнюю просьбу коммуниста — активного деятеля Кривойкина И. Ф. и присвоить ему звание персонального пенсионера республиканского значения посмертно.

Старший внук Тарасов Владимир малышом неоднократно ходил на партийные собрания с дедушкой. В настоящее время он комсомолец, учится в 10 классе. Младшему внуку 5 лет. Он совсем не знал своего дедушку.

Заявление Вам пишу, чтобы внуки познакомились с делами и жизнью дедушки Кривойкина И. Ф., могли им гордиться и свою жизнь строили, подражая кипучей энергии деда, преданного делу партии и государства, и большим делам, в которых он всегда был руководителем, организатором и душой коллектива. Чтоб образ деда мог быть для внуков путеводной звездой. Надеюсь, что просьбу мою удовлетворите ради такой даты, как 25 съезд КПСС. Нет правил без исключения.

Кривойкина. 1976 год, г. Ульяновск.

Сохранилась ученическая тетрадь Ольги Юлиановны с заглавием: «Впечатления бабушки о поездке в Ульяновск с 2.01.1967 по 14.03.1967 и прежде».

Как же грамотно, с прямой речью, написан этот текст, предназначавшийся только для своих глаз. Хотя, на мой взгляд, в нём есть некоторая предвзятость.

Приходит Ваня домой поздно. Бабушка сидит на скамейке во дворе. Ваня идёт, улыбается (меня не видит), подошёл к 3-му подъезду, постоял, сменил выражение лица на уставшее, сердитое, и пошёл домой.

Наточка задаёт естественно вопрос: — почему ты так поздно?

Ваня: — Что за прокурорский тон?

Ответ настолько злой, что разговаривать больше не хочется.

Он не спросит: — как дома? Ждёт, чтобы его спросили. И начнёт говорить, говорить, говорить, хвастаться, присваивая себе чужие выступления, чужие слова, получается так, что всем руководит он и все только ждали, когда Ваня скажет решающее слово и остальные уж высказываются, сообразуясь с его мнением. Получается неправдоподобно и смешно. А конца Ваниной речи не видно, он боится чтоб ему задали вопрос, не перебили бы, не остановили бы его. И говорит так долго, что хочется уйти, уж не слушать, а это вроде неудобно.

Садится кушать, а у самого живот его полный от еды в заводе. Начинает говорить, что вредно переедать, что кушать надо немного... но всё вкусно, приходит аппетит во время еды и из-за стола встаёт такой насыщенный, что хоть «ригу делай». И говорит: — Меня обслужила бабушка и говорю ей спасибо. Как надо сказать? Разве дома говорят: — «меня обслужила бабушка». Не нашёл другого выражения! И почему только бабушке спасибо?

Если Наточка с ним разговаривает обычным голосом, то он слушает, но не реагирует никак. Если она начинает нервничать, он огрызается.

Зовёт: — пойдём, погуляем! Отвечает: — сейчас пойдём! Она быстро одевается, а он садится читать. Она ему напоминает, что готова. Он: — вот дочитаю до главы и заставляет ждать его час и больше, так что уже идти никуда не хочется.

Почему наш Володя растёт таким безвольным, упрямым и непослушным? Таким скупым. Володе дедушка прислал 2 коробки мармелада. Володя очень вежливо угостил всех по конфетке и остальное заклеил клеем и унёс в угол на окно, чтоб никто ничего не взял.

Сын ещё мал, почти нигде не бывает, учится в I классе. Для него самый главный, самый правильный человек — это отец. И ничего ему не надо говорить для воспитания, он воспитывается личным примером отца. Ведь мы часто и не подозреваем даже, как внимательно следят за нами дети и Володя.

В холодильник мать спрятала мандаринки и бережёт их и ежедневно даёт сыну, как витамины по 1 или 2 штуки. Отец — Ваня выбирает момент и думает, что его никто не видит: подходит к холодильнику, достаёт 4 мандаринки, кладёт их себе в карман и в полной уверенности, что его никто не видит, уходит на улицу или в коридор, где и съедает их тайком от своей семьи, в частности от жены. Если бабушка и видела, то ему ничего сказать не имеет права, т.к. мандаринки его собственные.

Подаёт Наточка 1 литровую банку компота, чтоб все скушали. Подходит Ваня, берёт банку и уходит из кухни в столовую, где с аппетитом начинает кушать этот компот. Из столовой мне кричит: — мама, ты ела компот? Отвечаю: — ела! Хоть он прекрасно знает, что взял полную банку и никто не мог есть, раз банка полная; а кушали ли компот жена или сын — об этом он их не спрашивает, да это его и не интересует. Или ещё достаёт из холодильника банку консервов — баклажаны, её откупоривает и всю целиком съедает, хотя банка была всего одна. И потом объявляет Наточке, что съел баклажаны, были они такие вкусные, с перцем.

Наточка спрашивает: — почему же ты один всю съел и мне не оставил, ты же прекрасно знаешь, что я так люблю баклажаны. Отвечать на это не находит нужным.

Я привезла из Горького много колбасы, кусочек сберегла для Володи. Ваня взял его. Я говорю: — это для Володи. Он съел и говорит: Володе можно купить ульяновской колбасы, он хорошо её кушает.

Откуда же Володя жадный? Он ведь всё видит.

Как трудно матери воспитать сына хорошим человеком при таком отце.

Или ещё. Висит пальто Наточки, в кармане у неё деньги. А общие деньги в буфете лежат. Ваня из её пальто берёт деньги молча, кладёт к себе в карман и никому ничего не говорит. Потом Наточка говорит: я потеряла деньги! А Ваня молчит.

Вот я ему раз и сказала: больше так не делай, а то и на меня подумать можно.

А ведь сын всё видит, даже не следя, просто видит. И сам будет также делать, т.к. пример отца. А с сыном никогда не разговаривает. Только на него кричит, приказывает: Молчи! Не перекайся! Прекратить!

На улице мороз –32 °С. Выходной. Володя дома. Не уследила, почему Ваня не захотел, чтобы Володя был дома и говорит сыну: Володя, ты сегодня не гулял, отправляйся гулять! Володя так резонно говорит: папа, подожди хоть кто-нибудь из детей выйдет, и я пойду гулять, а то такой холод, что я буду один делать. Ваня ему: сказано иди, значит одевайся и отправляйся!

И вот Володя один ходил, ходил, никто не выходит, замёрз, вижу из окна, позвала его домой, не идёт, обиделся. Потом не вытерпел, ушёл к товарищу, а домой пришёл с отмороженными щеками. Правильно ли?

Нет у этого отца никакого понимания своего ребёнка, он с ним не разговаривает, а когда я приехала Володя мне жалуется: бабушка, папа со мной за целый год ни разу не играл ни в какую игру.

Володя спрашивает: папа, а что делается в Китае? Ваня отвечает: мал ещё о таких делах разговаривать!

И Володя больше не разговаривает, молчит. Правильно ли это?

Мы с Наточкой сидим за столом шьём, Ваня сидит на софе, ничего не делает. Володя весело к нему подбегает, хочет с ним поиграть. Ваня схватил Володю грубейшим образом и изогнув посадил на диван. Володя заплакал. Ну, что это за обращение?

Как-то вечером при мне Наточка спрашивает Ваню: — ты рассчитался с плотником. Он всё лето нам гараж работал, а ты ему ничего не уплатил, мне стыдно с ним встречается, я не могу ему в глаза глядеть.

Ваня отвечает: — это не твоё дело!

Наточка: — почему не моё дело?

Ваня: — он просил, чтобы я помог ему получить квартиру.

Наточка: — так квартиру ты помоги ему получить, а за работу уплати!

Ваня: — я ему предлагал, он ничего не берёт.

Наточка: — и ты успокоился?

Ваня: — когда будет возможность, то помогу ему получить квартиру.

Наточка: — Да! Но ведь это так не хорошо.

Я говорю: Ваня, я уплатила этому плотнику 3 руб. за то, что он грузил дрова на машину, их сгрузил и в сарай уложил.

Ваня: — и он взял? Отвечаю: Да!

Ваня недовольно: — ну на бутылку он возьмёт.

Наточка: — ну вот, а спрашиваешь уважения!

Я уезжала домой 14 февраля в 6 ч. вечера. Уже темно, внизу в подъезде свет не горел. Ваня шёл впереди, нёс мой чемодан. Он прошёл и перед самым моим носом захлопнул дверь. Это было так неожиданно!.. Я была почти в дверях, как я отшатнулась. Я чуть не осталась без очков и без носа, чуть не прищемили нос. Очень разнервничалась. Говорю ему: ты что? Разве так делают? Чужим людям в м-не дверь придерживаешь, а ты? Он хохочет.

Как можно расценить этот хулиганский поступок взрослого человека с пожилым? А что можно ждать от сына? И удивляться, почему он такой? Ответ: он подражает отцу, с которого берёт пример.

Наточка просит: — Ваня, поучи Володю кататься на коньках. Вот Ваня подобул Володе коньки и они пошли на каток, Ваня показывал Володе как он катается на одной ноге, как назад, как согнувшись, всякие колена, потом взял Володю за руку и стал его кружить как Белоусов свою Людмилу. Весь лёд на катке испортил носами своих коньков. Называется учил. Тогда дети говорят: Володя, веди своего папу домой, он не умеет на коньках кататься.

Володе стыдно было за такого учителя, за своего отца.

А совсем чужие люди отнеслись к Володе чутко и учили его и показывали ему, как надо кататься.

Вот пошли мы смотреть гараж вчетвером. Ваня говорит Наточке: одевай валенки! Сам идёт ботинки у него на меху, пальто на меху, шапка меховая. Идёт и всю дорогу что то хвастается перед Наточкой, ни одного слова от дома она не сказала, а он без остановки всё бубнит и бубнит, а что, не слышно, я с Володей шла сзади, только слышно хвалится по тону.

Когда пришли в гараж, Наточка замершая стала совать в валенки тряпки. Оказалось, что в валенках у неё на пятках дыры. Почему Наточка одела худые валенки и без шерстяных носков голыми пятками шла по снегу? Думаю не хотела конфузить мужа, что он предложил ей одеть такие валенки. На следующий день Наточка заболела, поднялась t.

Спрашиваю Ваню: почему ты предложил ей одеть худые валенки? Ты ведь знал, что они без пяток, что там дыры? Молчит как пень.

Вот и думай, что хочешь! Нарочно!

Пойдут вместе вечером гулять. Идёт, на неё никакого внимания, с самодовольной мордой собой любуется, красуется. Прямо стыдно!

Возвращаемся домой поздно, прохладно. Он идёт в тужурке, а она рядом в лёгком платьице. Надо было брать с собой вяз. кофту, ни за что не оденет.

Или заставит её съесть мороженное и выпить коктейля со льдом по-кубински, зная, что ей этого нельзя и она, конечно, опять на другой день с больным горлом, т.к. у неё ангина: — тоже нарочно!

Пришёл с работы. Скорее мне давайте обедать, прямо умираю есть хочу. Дали, наелся. Я ухожу в гости к Борису — к семейному знакомому, и жену с собой не позвал. Почему?

Ну, такого гостя скоро не стали приглашать и семейное знакомство распалось.

Ваня взялся пылесосом чистить комнату. Володя просит несколько раз: папа, дай мне хоть маленько, мне тоже пылесосить хочется.

Ваня: — отстань! И Володя остался обиженным. Почему отец себя так ведёт? Ему, конечно, делать нечего, но и этой работы хватило ненадолго.

Спросила: — почему ты так не дружишь с сыном?

Ответил: я с ним дружил только когда у меня была нога сломана.

В завод назначили нового директора...

Все годы жизни в Ульяновске Ольга Юлиановна ездила вместе с семьёй дочери на отдых в сад или в лес. Вместе встречали все праздники. Часто она оставалась у них ночевать, иногда жила несколько недель. Осенью 1983 года зять Иван Николаевич дал машину, и она с дочерью и внуком Дмитрием поехала в Горький. Ольга Юлиановна уже тяжело двигалась, но они побывали на могиле Ивана Фёдоровича и заехали к родственникам. Была очень довольна, она как бы мысленно прощалась со всеми дорогими ей местами. Зимой она сама взялась перешивать пальто и здорово измучилась. Летом 1984 года ездить в сад ей стало уже не по силам. В сентябре пошла от нас к себе домой, но с полдороги вернулась, не было сил идти. Вызванный врач заявил, что она уже умирает. Но потом силы вернулись, и она 2 месяца прожила самостоятельно у себя дома. И только за 2 недели до смерти опять перебралась в квартиру на ул. Полбина. Зять к тому времени уехал в г. Нальчик, в санаторий, и прилетел только за день до её смерти. А старший внук Владимир улетел после отпуска на службу на остров Сахалин.

Ольга Юлиановна уже жила в мире каких-то одной ей известных образов, тихо ходила по стенке, ничего не ела, только пила сладкий чай. Но была в разуме. Все 15 дней до смерти она вставала и шла в туалет, под себя не ходила до последнего дня. За несколько дней до смерти приходил врач, она пыталась просить его, чтобы он что-либо сделал, чтобы она жила, даже деньги достала. Но изо рта слышалось только «Ва, Ва, Ва...». Последние дни задыхалась, сидела в подушках, не ложилась и не спала ночью. «Боюсь заснуть вечным сном»,— пыталась выговорить она. За два дня до смерти начались судороги, почти пропало зрение, потом судороги прекратились, но отказали ноги, одну руку парализовало раньше, и она иногда заклады-

Ольга Юлиановна Кривойкина.
г. Ульяновск, 3 июня 1973 года

Ольга Юлиановна Кривойкина.
г. Ульяновск, 1982 год

вала её в карман. Вечером уже не смогла подняться в туалет, заплакала, видимо, поняла, что это уже конец. Ей стало душно, она вся покрылась липким потом, поэтому стала срывать с себя одежду и осталась в одном только халате. За сутки её положили на диван, но она не хотела лежать, на одной сильной руке поднималась и два раза сползала на пол. Пришлось положить её на пол, на ковёр. Наступила агония, пошли судороги, задёргалась голова и мышцы лица, как будто она пыталась встать. И это продолжалось с 10 вечера до 4 часов дня 1 января. Пытались поить, но она отказывалась. Потемнела, тяжело и со стоном дышала. Быстро задёргались веки, и она перестала дышать.

Умерла 1 января 1985 года в возрасте 78 лет. Официальная причина смерти — универсальный атеросклероз, но вскрытия не делали.

Похоронена на 161 участке Ишеевского кладбища, могила № 448, в могилу положили горсть отпетой в церкви земли. Разыскать могилу можно так. Войдя в центральные ворота кладбища свернуть налево и дойти до первой асфальтовой дороги, ведущей в глубь кладбища. По ней пройти 7 участков, до угла 161 участка. Повернуть вправо на грунтовую дорогу, отсчитать 12 рядов могил, её могила 5-я вглубь.

БОЛОТОВЫ — ЖИЛИВОСТОВЫ — КРУГЛОВЫ

Предки Болотовых и Кругловых были крепостными крестьянами, проживавшими в сельской местности, расположенной на границе теперешних Орловской и Курской областей.

Село Липовчик, родина Болотовых и Глушковых, находилось в Щигровском уезде, в 41 версте от уездного города Щигры, на реке Кшени, по просёлочному тракту на г. Ливны. В середине XIX века в селе было 96 дворов и 820 жителей. Раньше в местности между реками Тиман и Кшень проходили татарские шляхи, которые не давали возможности осесть населению в этих местах «дикого поля» до самого конца XVII века. Эта территория заселялась для землепашества уже после того, как миновала угроза татарских набегов. Помещичьих владений в селе не было, оно было казённым. До Октябрьской революции 1917 года с. Липовчик — центр Липовчанской волости. В селе была православная церковь. Население занималось, в основном, крестьянским хозяйством, чему способствовали тучные чернозёмы. Кроме того, жители села занимались кузнечным ремеслом и производством войлочных изделий — войлока, валенок, подхомутников. В селе располагалась школа, церковно-приходская, в которой на 1902 год обучалось 20 человек.

Предки Жиливостовых, по всей видимости, были потомками Донских казаков и проживали в станице Трёхизбенка Луганской области. Станица Трёхизбенка была основана во второй половине XVII века и входила в состав Области Войска Донского. Её жители принимали активное участие в крестьянском восстании под предводительством Кондратия Булавина в 1707–1708 годах, который сам был родом из Трёхизбенки. После подавления восстания карательные отряды сожгли станицу дотла, и она возродилась только через 30 лет. Казацкие традиции в Трёхизбенке до XX века не дожили, возможно, потому, что это был территориально самый дальний край Области Войска Донского.

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ БОЛОТОВ

Родился в 1894 году в селе Липовчик Верхне-Ливенского уезда Курской губернии. Сведений о родителях узнать не удалось. В семье их было двое детей: Алексей и его сестра Татьяна. Семья была бедная, но работящая и уважаемая, жили в большом деревянном доме — пятистенке, дом этот в 30-е годы уже был разрушен. Образование — 4 зимы в церковно-приходской школе. В 1908 году, когда Алексею было 14 лет, отец умер. В 1919 году Алексей женится на Анне Петровне Глушковой. В гражданскую войну был забран в Красную Армию и воевал под Царицыным. В семье о нём долго не было никаких сведений, так как он одно время лежал в тифу, а затем был ранен. По возвращении из армии живёт с семьёй в Липовчике, у них рождаются дети. В середине 20-х годов Алексей один выезжает в г. Кадиевку (нынешний г. Стаханов) на заработки. Несколько раз приезжал оттуда и привозил семье деньги. А с началом коллективизации, в 1929 году, и Анна с детьми перебралась к мужу на Украину.

С 18 декабря 1930 года и до эвакуации коксохимического завода, 20 октября 1941 года, работал штукатуром отдела капитального строительства. Пытался уехать с семьёй в эвакуацию, но немцы отрезали пути отхода, и им пришлось вернуться в Кадиевку. Во время оккупации работал сторожем совхоза «Кокс» № 2.

С 7 сентября 1943 года (Красная Армия освободила город 3 сентября) и до 20 января 1951 года — десятник отдела капитального строительства коксохимического завода. Уволился по собственному желанию и перешёл работать на станцию скорой медицинской помощи завхозом. Там в хозяйстве у него сначала были лошади, потом их заменили автомобилями скорой помощи.

По характеру молчаливый, не курил, пил в меру, на работе относились к нему уважительно. Строгий, но справедливый, ростом был несколько ниже своей жены, но в семье главенствовал, она во всём перед ним отчитывалась. Не жадный. На детей и жену не кричал и не бил их, вообще никого никогда не оскорблял. Воспитанию детей и внуков особого внимания не уделял. Иногда брал внучек на праздничные демонстрации и катал их на лошадях «скорой помощи». Когда работал десятником, то для учёта прикрепляли к нему девушку-учётчицу, так как он сам был неграмотным. Дома все стены были увешаны почётными грамотами. Жили в доме — «мазанке» по адресу: ул. 1-ая Каменная, д. 24, под стенами машиностроительного завода. Давали Алексею Михайловичу квартиру — полдома, но он отказался, только ради того, чтобы была возможность держать скотину и кормить семью. Всё своё свободное время и силы отдавал любимому делу — выращиванию и продаже свиней. После базара приходил домой и говорил жене: «Нюрка, на деньги», себе оставлял заначку. Когда закалывали свиней, то обязательно варили холодец. Любил петь русские песни, особенно «Ланцов задумал убежать» и «Хасбулат». За всю жизнь ни разу не лежал в больнице, болел только гриппом и бронхитом.

Умер 11 марта 1964 года в возрасте 70 лет.

Решил для отопления привезти грузовик деревянных шпал, сам загружал их на работе и сам дома выгружал (это в таком-то возрасте). После разгрузки присел на диван отдохнуть, и его сердце разорвалось.

АННА ПЕТРОВНА ГЛУШКОВА (БОЛОТОВА)

Родилась в селе Липовчик Верхне-Ливенского уезда Курской губернии в 1901 году. Её отец слыл зажиточным, держал мельницу, в хозяйстве имелись лошадь, корова,

Алексей Михайлович Болотов (справа). г. Кадиевка, 1960 год

несколько коз. Дом был крыт железом, в нём имелась красивая посуда. Помещик одалживал посевной материал именно у них. Семья считалась работящей и дружной, всем заправлял «дед Глушков», слепой старик очень строгих правил, которому все беспрекословно подчинялись.

В семье их было две сестры и два брата. Старшая сестра, 1895 года рождения, стала монахиней. А один из братьев перед Великой Отечественной войной работал начальником механического цеха на одном из заводов города Кадиевка. В молодости Анна ткала холсты, вспоминала, что быстрее и ловчее всех вязала снопы. За ней давали приданное, и дед отдал свою внучку замуж за Алексея только потому, что считал Болотовых людьми достойными, хоть и не такими зажиточными.

Анна Петровна родила двенадцать детей, выжило пятеро: Мария 1924 года рождения, бухгалтер; Иван 1925 года рождения, столяр; Александра 1929 года рождения, работала в бане; Сергей 1939 года рождения, офицер, наш предок. Самый старший их сын, примерно 1919 года рождения, был призван в 1939 году на Тихоокеанский флот, и затем погиб в августе 1942 года под Сталинградом.

Родителей Анны в коллективизацию раскулачили и сослали в Сибирь, в г. Иркутск, но они смогли оттуда вернуться. Мать Анны дожила до 80 лет и умерла в конце 50-х годов на железнодорожной станции Набережная, рядом с Липовчиком, в пристанционном домике, где она последнее время жила у родственников. Саму же Анну во время коллективизации за какие-то провинности, может, за нежелание добровольно раскулачиваться, сажали в кутузку. После всех этих передряг, в 1929 году, Анна с детьми на родительской лошади перебралась к мужу в Кадиевку.

Воспитывала детей, занималась хозяйством. Сама держала корову, из молока которой делала сметану и продавала на шахте «Ильич». Абсолютно неграмотная, гордая, в молодости красивая, властная, работящая, в работе не щадившая ни себя, ни детей. Ей всё было по силам, хваткая, беспощадная. Считала, что Советская власть в юности разрушила весь её так хорошо сложившийся мир. Одевалась красиво

и даже изыскано, в юбки с бахромой и в богатые платки, хотела, чтобы все видели, что она богатая, особенно, когда шла в церковь. В доме порядка не поддерживала, просто внутрь старалась никого не пускать. Дом снаружи был выбелен, вокруг располагался большой сад. Готовить не любила, основная еда — блины со сметаной. Иногда уделяла внимание внучкам, учила их вязать. К шестидесяти годам это была довольно высокая и худая женщина, носившая тёмные юбки и кофты, хмурая, неразговорчивая, с тяжёлым характером. Всё несла на базар продавать. Видимо, деньги и служили предметом раздоров в семье, дети по несколько лет могли не ходить к родителям, родители не особенно этим тяготились, жили недружно. В старости Анна Петровна отличалась патологической жадностью к деньгам, жадностью совершенно бессмысленной, так как на себя денег она почти не тратила.

Истово верующая, после смерти мужа в 1964 году, стала совсем богомольной. Окружила себя иконами, лампадками, Евангелиями большого формата, которые она читала по слогам и знала наизусть. Ежедневно на заре долго молилась, стоя на коленях у иконы с лампадкой, перечисляя имена всех родственников в молитвах, всё постилась и постилась. Часто ездила с деньгами на богомолья по большим монастырям, и был случай, когда её там обворовали: украли деньги и паспорт. Паспорт затем нашли и прислали в Кадиевку. Почти всё, что она зарабатывала на базаре, тратила на церковь, даже жаловалась детям, что ей не хватает денег на молитвы. За несколько лет до смерти продала дом, и деньги от продажи всегда носила при себе. Ни к одному из троих детей «на постоянно» жить не пошла, всё ходила, поругавшись, от одного к другому. Так как деньги она носила в поясе на ноге, то зимой и летом ходила в хромовых сапогах, никогда их не снимая. И уговорить её помыться было большой проблемой, так как для этого надо было снимать сапог. В конце концов её деньги, 21 тысяча рублей, пропали. (Очень значительная сумма по тем временам, примерно равная по стоимости трём автомобилям «Жигули».)

С возрастом характер её испортился окончательно, она всех подозревала в воровстве у неё вещей и денег, и даже ходила с жалобами в милицию, но та быстро разобралась, что к чему, и перестала вмешиваться.

Можно отметить ещё тот факт, что после смерти самого младшего сына Сергея, в 1976 году, написала с помощью детей письмо Министру Обороны СССР, чтобы именно ей платили пенсию за сына, а не вдове с двумя детьми. Но военное начальство ей в этом отказало. За всю жизнь Анна практически ничем не болела, и если один раз ложилась в больницу с давлением, то больше для того, чтобы попугать мужа. Всем на удивление, у Анны Петровны, никогда не чистившей и не лечившей зубов, после смерти все зубы оказались здоровыми. Умерла от старости в Стаханове 21 января 1983 года в возрасте 81 года. Похоронена у церкви в Чутино.

Заметки о ходе поиска. К началу поиска родственные связи с Болотовыми, и всегда-то слабые, фактически прекратились. Но, по слухам из Стаханова, там ещё оставался живым Иван Болотов, тот самый родной брат Сергея, который проявил так много заботы о нём в середине 50-х годов. Почтового адреса его никто не знал. Пришлось узнавать его через адресный стол и отправлять Ивану Алексеевичу письмо с интересующими нас вопросами. Он ответил, но, в основном, о себе, о родителях же написал очень мало. Тогда за информацией об Алексее Михайловиче пришлось обратиться в отдел кадров Коксохимического завода. Там подняли книги учёта и его личную карточку, из которых мы узнали год и место его рождения, время работы на заводе, должности и место жительства на 1951 год — год увольнения с завода. Запросили Орловский государственный архив о наличии метрических книг села Липовчик за XIX век. Те переслали запрос в Курский архив, так как

Анна Петровна Глушкова (Болотова).
г. Кадиевка, 19 августа 1956 года

село передавалось из одной области в другую. По закону, при передаче села из одной области в другую, и метрические книги должны быть переданы в архив той области, где село находится в настоящее время. Но этого сделано не было. И такая путаница творится по всем областным архивам России. В конечном итоге Курский архив сообщил, что метрические книги Владимировской церкви села Липовчик Щигровского уезда за 1894 и 1901 годы отсутствуют. И, значит, установить документально, кто же были родители Алексея Михайловича и Анны Петровны, мы уже не сможем. Оставалась последняя надежда — получить информацию при личной встрече с Иваном Алексеевичем Болотовым.

По приезде в Стаханов в марте 1997 года застал его уже не встающим. На кровати он садился, подтягиваясь за полотенце, привязанное к противоположной спинке кровати, и, из-за последствий инсульта, с трудом говорил. Но был в полном разуме. К сожалению, о своих деде с бабкой, как со стороны отца, так и со стороны матери, он совершенно ничего не помнил, а о жизни в с. Липовчик помнил только то, что осталось в памяти из рассказов родителей. Но, тем не менее, многое удалось записать, особенно помогла жена Ивана Алексеевича, которая знала своих свёкров с конца 40-х годов и обладала хорошей памятью.

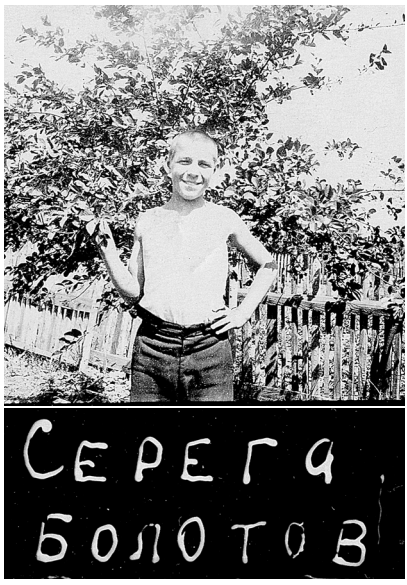
С одной стороны, это несомненная удача, что застал в живых Ивана Алексеевича. С другой стороны, не всё сумеешь расспросить за два часа. Был уже поздний вечер, больной устал, мне тоже надо было уходить устраиваться на ночлег, все понимали, что больше никогда не встретимся. Времени для анализа полученной информации и уточнения каких-либо деталей не было. Теперь уже переспрашивать некого.

Вообще, у Болотовых было много конфликтов из-за денег. Анна Петровна в 70-х годах дала 500 рублей сыну Сергею, мол, это на её похороны. А тот решил, что такие деньги он ещё успеет заработать, офицерам платили достаточно, а сейчас лучше на них поехать с семьёй отдыхать на Азовское море. Сразу после смерти Сергея, прямо на похоронах, Анна Петровна стала требовать эти деньги назад. Вдова объяснила, какое решение принял её сын, и что тех денег нет. Тогда Анна Петровна стала требовать отдать долг из тех 700 рублей, что собрали на похороны Сергея его коллеги офицеры. Их, естественно, никто не вернул.

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БОЛОТОВ

Родился 22 марта 1939 года в городе Кадиевке Луганской области у Алексея Михайловича и Анны Петровны Болотовых. Последний и поздний ребёнок в семье. Отцу уже было 44 года, матери — 38 лет. Ещё мальчишкой стал помогать родителям по хозяйству. Было много скотины, и он пас корову, убирал за свиньями. Помогал отцу колоть свиней и потом вместе с ним продавал мясо на базаре. Получал от отца за помощь немного денег. В классе у него одного были карманные

деньги. В школе хорошо учился и пользовался авторитетом у одноклассников. В старших классах Сергей довольно серьёзно увлекался фотографией. Сохранилось множество фотографий, снятых и отпечатанных им самим. С будущей женой Светланой Жиливостовой учился вместе с 7 класса. В 10 классе помогал ей решать задачки. Именно ему принадлежит инициатива более тесного знакомства. В 10 классе, на встрече выпускников прежних лет, он в первый раз пригласил Светлану танцевать, а затем, к её немалому удивлению, вызвался провожать до дому. Начали дружить, встречать и провожать друг друга, и так два с половиной года, до самой свадьбы. Мать Светланы, Мария Фёдоровна, сначала не очень охотно отпускала свою дочь на свидания с ним. Называла его «цыган», наверное, из-за тёмных волос. Но потом он ей понравился. И уже в бытность его зятем, всегда выделяла его как старшего и любимого зятя. В 1956 году Сергей заканчивает 10 классов средней школы. Сначала поехал с другом поступать в Ленинградское морское училище, но что-то там им не понравилось, да и в море надо было ходить надолго, поэтому пришлось им завалить экзамен по физике и вернуться домой, просто так назад их не отпускали.

Сергей Болотов.
г. Кадиевка, июнь 1953 года

С этих пор у него и зародилась мечта жить в Ленинграде, так поразил и привлёк его этот город. В течение следующего года Сергей работает лаборантом в своей бывшей школе. Затем в 1957 году пытается поступить в Харьковский политехнический институт, но проваливается на экзамене по русскому языку. После возвращения в Кадиевку домой жить не пошёл, а стал жить у брата Ивана, который и устроил его на работу на свой рудоремонтный завод фрезеровщиком, специально ходил просить об этом директора. Затем в 1959 году Сергей переходит на работу в слесарно-механический цех электромеханических мастерских треста «Кадиевуголь» рабочим.

В ноябре 1958 года женится на Светлане Жиливостовой. Живут молодые во флигеле у Жиливостовых. Родители Сергея противились женитьбе, мотивировали это тем, что ему, мол, надо учиться. В действительности, им не понравилось то, что Светлана чуть прихрамывала: как последствие перенесённого в детстве полиомиелита одна нога была немного короче другой. Сергей же не придавал этому никакого значения. Светлану сватал Иван Болотов, он же со своею женой был и на свадьбе. Родителей Сергея на свадьбе не было.

Надо сказать особо, что брат Иван вообще проявлял очень большую заботу о Сергее. Устроил его на работу. Давал ему носить свою одежду, на многих фотографиях той поры Сергей в костюмах старшего брата. Он ездил забирать Сергея из г. Харькова, когда тот не поступил в институт и решил по какой-то причине вообще не возвращаться домой. Ещё встречаясь со Светой до женитьбы, Сергей делал ей подарки, иногда и дорогие. Запомнился модный в то время маленький фибровый чемоданчик и духи «Красная Москва». С этими подарками связан и курьёзный случай. Светлана однажды перед свиданием с Сергеем купила себе фибровый

Дом Болотовых в г. Кадиевка, 1956 год

чемоданчик. И, придя на свидание, увидела, что Сергей несёт ей точно такой же чемоданчик в подарок. А духи «Красная Москва» Света спрятала в дальний угол флигеля, побоялась, что мать поругает её за приём такого дорогого подарка, и забыла о них. А когда вспомнила, они уже выдохлись. За несколько дней до свадьбы молодые поссорились. Сергей заявил, что пойдёт в армию, и постригся наголо. Поэтому на свадебных фотографиях он бритый. На свадьбе подарил Свете пудреницу с выгравированной надписью «Свете от Сергея. 1958 год», которая сохранилась и поныне.

Но мысль о получении высшего образования Сергея не покидала. Он продолжает усиленно готовиться к экзаменам. Летом 1959 года он чувствовал себя настолько подготовленным, что имел полную уверенность в том, что поступит в любой технический вуз. Но, так как осенью его должны были забрать на три года в армию, а он не хотел так надолго расставаться с женой, то на семейном совете решили, что он будет поступать в Одесское артиллерийские училище. Там в это время уже учился один из родственников, двоюродный брат Светланы.

Успешно сдав экзамены, Сергей становится курсантом. Через год, окончив техникум в г. Кадиевке, к нему приезжает жена. Она снимает комнату недалеко от училища и быстро находит работу в Управлении капитального строительства железнодорожной станции «Одесса-товарная». Сергей приходил в увольнение по выходным, а уходить иногда приходилось и через окно. (Чтобы выйти на улицу, надо было пройти множество узеньких коридорчиков многонаселённого одесского двора, окно же располагалось у самой земли). Рожать Светлана поехала домой и 8 декабря 1961 года родила дочь Елену. Летом 1962 года Сергей с «отличием» оканчивает училище и получает звание лейтенанта. Ему, как отличнику, предложили три места службы на выбор, и они на семейном совете выбирают Германию. Сначала служит в г. Потсдаме командиром огневого взвода, затем командиром батареи 122-миллиметровых гаубиц 744 гаубично-артиллерийского полка 64 гвардейской мотострелковой дивизии Группы советских войск в Германии. 10 ноября 1962 г.

Сергей Алексеевич Болотов с женой Светланой Дмитриевной Жиливостовой. г. Кадиевка, 28 августа 1959 года

к нему приезжает Светлана с одиннадцатимесячной Леной, они долго ждали вызова из Германии. Кто-то из начальников Сергея, по халатности, задержал отправку этого вызова на месяц. Провожала Светлану с дочерью до Бреста мать, Мария Фёдоровна. В Москве делали пересадку. Запомнился курьёзный случай. Светлана впервые увидела эскалатор метро и побоялась на него шагнуть, но мать забрала у Светланы дочь и, со словами «не бойся, я тут всё знаю», смело шагнула на него, хотя до этого тоже метро никогда не видела.

В Потсдаме, в двух километрах от полка, около парка Сан-Суси, им выделили восемнадцатиметровую комнату с балконом и камином, на подселении. В квартире ещё жила семья майора из четырёх человек. Титан с горячей водой топили брикетами угля. Сергей подготовил квартиру к приезду жены и дочки. Вместе с солдатами сделал ремонт, пол покрасили красной пожарной краской, так как половой краски в тот момент не оказалось. Купил дочери Лене детскую кроватку, вся остальная мебель и посуда были служебные. Холодильника и телевизора не было. Служба была такова, что, встретив жену с дочкой с поезда и отвезя домой, Сергей смог только сказать: «Вот, Светочка, располагайся!» и умчался в полк.

Обычно на службу Сергей ездил на велосипеде. Все продукты получали на складе, крупы даже оставались, и их отвозили в Кадиевку. В 1966 году Сергей Алексеевич получает звание старшего лейтенанта.

После рождения 17 мая 1968 года второй дочери Натальи, им дали две комнаты в трёхкомнатной квартире непосредственно в военном городке, так как к тому времени он получает повышение по службе, и ему как командиру батареи полагалось проживать при части. Начальство им довольно, и, вместо положенных пяти лет, они прослужили в Германии шесть с половиной лет, редкий по тем временам случай. Из Германии ездили в отпуск домой. Иногда из дома отправлялись отдыхать на юг. Сергей получал около 450 марок, очень мало. Но подарки всем родственникам привозили обязательно. Приезд Светланы и Сергея в отпуск на родину в Кадиев-

Курсант Сергей Алексеевич Болотов
на самоподготовке конспектирует классиков марксизма-ленинизма.
г. Одесса, 1961 год

ку был всегда большим и радостным событием дома и на всей Мопровской улице. В честь их приезда резали курицу или кролика. Обычно все родственники собирались за большим столом. Сергей помогал по хозяйству: чинил крышу, чистил туалет, с тёщей ходил на рынок за продуктами. Останавливались в отпуске они обычно у родителей Светланы. К своим родителям Сергей ходил в гости, Светлана неохотно туда ходила. Мать Сергея встречала их сдержанно, встреча обычно проходила на пороге дома, стол накрывали в летней кухне. Дом же был закрыт на замок, там никто не жил. Сергей обычно помогал матери запасти угля и наколоть дров на зиму. В Потсдаме часто ходили в Дом офицеров в кино или на концерт, вечерами ужинали в гаштете или гуляли в парке Сан-Суси, так как жили рядом. Ездил Сергей и на рыбалку с друзьями.

В Доме офицеров Светлана окончила курсы вязания, пела в хоре, имела грамоты. Поздней осенью 1968 года С. А. Болотова перевели в Карелию, на станцию Хийтола. Сначала несколько ночей спали в кабинете у командира части, на столе и кожаном диване, так как выделенная им половина дома из двух комнат совершенно не годилась для жилья, по стенам текла вода. А у них к тому времени уже имелась полугодовалая дочь Наташа. Тогда приняли решение, не дожидаясь при-

Курсанты военного училища в увольнении. Сергей Болотов второй справа.
г. Одесса, 1960 год

Капитан Сергей Алексеевич Болотов,
слушатель Военной артиллерийской академии имени М.И.Калинина.
25 мая 1970 года

хода контейнера с вещами, уехать на Украину в отпуск. И все эти полтора месяца солдаты отапливали и просушивали дом. Напротив дома за заборчиком был маленький огород. Весной посадили огурцы, капусту, картошку. Имелась пара кустов смородины, малина и клубника. Сергей готовится к поступлению в Военную артиллерийскую академию. В 1969 году успешно сдаёт экзамены, и семья перебирается в Ленинград, вещи перевезли на машине 29 августа 1969 года. В переезде участвовали мать Светланы Мария Фёдоровна и сестра Люба, гостившие у них в это время.

С 1 сентября Сергей начал обучение в академии, а дочь Лена пошла в первый класс школы № 114. Сначала за 45 рублей снимали две комнаты в доме на ул. Новоорловской в Шувалове. Затем Светлана поступила на работу техником-смотрителем в домоуправление, и дочери Наташе дали ясли, а семье две комнаты в красном доме на ул. Большой Озёрной. Рядом с домом находилось озеро, в котором Сергей иногда по утрам плавал. Весной 1972 года переехали в ведомственную академическую

двухкомнатную квартиру по адресу: проспект Науки, дом 14, корпус 6, квартира 6. И Светлана переходит на новую работу в районный отдел народного образования бухгалтером детских садов.

Сергей учится хорошо и в 1973 году оканчивает академию с «красным» дипломом и с золотой медалью. Он очень нравился академическому командованию и преподавателям, поэтому они устроили так, что его оставили в академии. Так как в те годы был приказ, что преподавателями в академию назначать только офицеров из войск, Сергея на месяц назначили заместителем командира полка в учебный полк академии, располагавшийся на полигоне в Луге, а уже с этой должности забрали преподавателем. Через год стали уговаривать писать диссертацию. Он начал сдавать кандидатский минимум, но с написанием диссертации не спешил, долго выбирал тему. Преподавал сначала на 12 кафедре, а затем перешёл на 11 кафедру, кафедру «стрельбы».

В 1969 году присвоили звание капитана, в 1973 году — майора. В члены КПСС он вступил ещё в Одесском училище, а во время учёбы в академии слушатели выбрали его секретарём партийной организации курса. Во время службы преподавателем он увлёкся изучением истории, ему очень нравилось читать взятые в библиотеке старинные фолианты по истории России и жизнеописанию царей. Сразу после его смерти библиотекари пришли домой забирать эти ценные книги. Из академии приходил обычно поздно, но по хозяйству помогал. Таскал тяжёлые сумки с продуктами из магазина. Занимался уроками с дочерью Леной. Увлёкся походами в лес за грибами. Узнал грибные места под Лугой и привозил много белых грибов, подберёзовиков, чёрных груздей. Вдвоём со Светланой полночи перебирали их, мыли, затем жарили и сушили. Также собирал клюкву и чернику.

Дома никогда из себя не выходил, за свою семью стоял горой. Детей не бил. Почти все выходные ездили всей семьёй в парки и музеи. Ходили в кино. Особенно во вновь построенный через дорогу от дома кинотеатр «Современник». Катал семью на лодке в ЦПКиО. Однажды, чтобы показать свою удаль, пустил лодку с женой и детьми по каналу под мост, а сам выпрыгнул из лодки, вплавь добрался до берега, пробежал по мосту и с другого берега приплыл к лодке.

Любил праздники. С удовольствием слушал выступления детей, фотографировал их и записывал на магнитофон. Фотоснимки печатал в ванной комнате по ночам, брал с собой печатать и детей. Шутил с детьми, Наташу, играя, сажал на шкаф. Научил её кататься на двухколёсном велосипеде, купил черепаху, иногда по утрам отводил её в садик. В карты его никто не мог переиграть, запоминал все карты в колоде, хорошо играл и в шахматы. Выпивал в меру, в воскресенье за обедом иногда позволял себе выпить рюмочку, от выпитого становился только веселее и добрее. Курил папиросы «Беломор», причём прямо в комнате. Говорил: «Наташа, дай-ка мне прибор». «Прибор» — это пачка папирос, спички и пепельница. Ел борщ, макая в него стручок горького красного перца. Деньги все отдавал жене. Сберкассой не пользовались, а все деньги хранились в верхнем ящике тумбочки.

В Германии приобрели спальный гарнитур, ковры, фарфоровую посуду, журнальный столик, трельяж. В Ленинграде — магнитолу «Романтика», чёрно-белый телевизор, холодильник «Ока», стиральную машинку «Сибирь», диван, кухонный гарнитур. В воскресенье обычно отдыхали, шли в кино или в парк, по пути Сергей всех фотографировал. Всегда шёл в хорошо начищенной обуви, и обувь чистил себе и всей семье всегда сам.

Умер 14 мая 1976 года в возрасте 37 лет. Похоронен на кладбище «Жертв 9 января» у станции метро «Обухово». От правой стороны центрального монумента

Преподаватели Артиллерийской академии (С. А. Болотов слева) после учений. Полигон Артиллерийской академии под г. Лугой, 1975 год

пройти вправо 3 квартала, свернуть влево, по левой стороне в 1-м ряду 5-я могила. За всю жизнь практически ни разу не болел, и за несколько дней до смерти прошёл медицинское обследование с кардиограммой — уже на руках была путёвка в санаторий. Правда, ещё в Одессе и даже в школе у него частенько болела голова, и поднималось давление. Пил папаверин. Был слегка полноват. В академии ему врачи запретили бегать кросс. Но он по утрам всё же бегал, хотел похудеть. Почти ежедневно бегал по утрам весь апрель и май на спортивной площадке у школы № 78, в которой учились дети, возле станции метро «Академическая», где тогда жили. Утром вместе с сослуживцами пробежал один круг, товарищи пошли играть в волейбол и звали его. Но Сергей сказал, что пробежит ещё кружок, побежал и вдруг упал. Вызвали «скорую», а какой-то мальчишка прибежал к ним домой и сказал: «Там Болотову из 6 квартиры стало плохо».

Светлана и дочь Наташа побежали на стадион, Лена ещё спала. Сергей полулежал на спине, стоявшие рядом врачи практически никаких действий не предпринимали, даже укола не сделали. Оторвался тромб и закупорил суженый от отложений холестерина проход аорты.

Хоронили из актового зала академии. На похороны приехали все близкие и дальние родственники. У гроба стоял почётный караул, на кладбище был дан ружейный салют. После похорон вдову принял начальник Академии и предложил или устроить переезд её с детьми на родину, в Стаханов, где он позаботился бы о получении ими квартиры в течение 6 месяцев. Либо им оставаться в Ленинграде, и тогда через полгода им дадут 2-х комнатную квартиру в первом сдающемся для военных доме. После совета с дочерью Леной решили остаться в Ленинграде.

Заметки о ходе поиска. Для ознакомления с послужным списком Сергея Алексеевича затребовали его личное дело из пенсионного отдела Петербургского город-

ского военкомата в Ульяновск. Так смогли уточнить на каких должностях и в каких частях он служил в Германии, когда присваивались воинские звания. В Санкт-Петербургской военной Артиллерийской академии (сейчас это Михайловский военный артиллерийский институт), в здании, что на Литейном проспекте, перед актовым залом, откуда его и хоронили, установлены мраморные доски с фамилиями выпускников — «золотых» медалистов. В нашем архиве находится фотография такой доски с фамилией Сергея Алексеевича Болотова.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ЖИЛИВОСТОВ и жена его УСТИНЬЯ ПОЛИКАРПОВНА

Родились около 1885 года, уроженцы или самой слободы Трёхизбенка, или местности вокруг неё, возможно хутора Колаус или деревни Кряковки. Поженились в 1904 году, и 23 февраля 1905 года у них рождается первенец — дочь Марфа. Всего выжило семь детей, три мальчика и четыре девочки. Сын Дмитрий, наш предок, родился в 1913 году. Последней родилась дочь Надежда, в 1919 году.

Сергей крестьянствовал, строил жильё, Устинья сажала коноплю и из неё делала холсты, шила рубахи, рукодельничала. Оба православные, богобоязливые, неграмотные, трудолюбивые, заботливые, непьющие.

На фото 1920-х годов Сергей Сергеевич с бородой и усами, волосы стрижены «под горшок» и зачёсаны на прямой пробор, Устинья Поликарповна в толстом платке, закрывающем почти всё лицо, узколицая и худенькая. Сергей отказался записываться в колхоз, и его с детьми сослали за это в Сибирь, в г. Новосибирск. Устинью из-за болезни оставили одну на родине. Дети смогли из ссылки вернуться, а сам Сергей Сергеевич сознательно остался там отбывать свой срок и сгинул. Устинья после возвращения детей немного поболела и умерла на хуторе Крепаки.

В церковных метрических книгах слободы Трёхизбенка на конец XIX века встречается более десятка людей, носящих фамилию «Жиливостов», почти все мужчины — запасные солдаты. Такое большое количество однофамильцев в одном месте говорит о вековой осёдлости Жиливостовых в этой местности. Все дети Сергея Сергеевича и Устиньи Поликарповны имели гренадерскую стать, были рослые и сильные. В дочерях это переходило даже в некоторую мужиковатость. От младшей сестры Дмитрия Сергеевича, Надежды, сохранился дневник, который многое рассказывает об их жизни.

1976 год. Написала с горя.

История моей жизни. Возьму ещё из семи лет. Жили в Калаусе возле кумы Маруски, сейчас живут Мутилины на нашем подворье. В 1928 году ушли на Крепаки, построили хату. Жили бедно, детей много — 8 человек. Ходили работать по людям, а в 1930 году стали соединять в артель, а отец был богобоящий, сказал «умру а в артель не пойду» и попал под раскулачивание. Узяли корову и пару быков, а самих выслали аж в Сибирь. А как забирали, какая страсть была.

Нам сказали — закройтесь по надёжней и не открывайте. Мы так и сделали. А они стучали, стучали, прожекторами светили в окна, а потом выдрали окно с хрустом, залезли, дверь открыли и зашло человек 8.

Гаварят вылазте, а мы с мамой под кровать схоронились, они нас достали. Меня одевают, уговаривают, а брата Митрия связали руки и повели. А мама голосить — как сейчас слышу голос, кричит — «да оставте же мне хоть маленькую». Меня просила. А они нивкакую. Погрузили и повезли на станцию «Беленькую». А утром погрузили в вагоны, вот вот повезут, а мы смотрим из вагона. А братушка Аверька привёз маму — хотела с нами ехать, а её не приняли по-болезни. Что было не могу

передать. Мы с вагона кричим, плачем, а мама на возу плачет, за нами кричит — «да куда вы голуби мои полетели, на кого вы меня оставили». А паравоз загудел тревожным гудком и помчал в чужую сторону, аж в Сибирь.

Привезли на место 60 вагонов, полно людей, выгрузили в барак, разместились кто где. Мужиков в тайгу забрали работать, отца и брата Мишку. А нам делать нечего и есть нечего, ходили по деревням — просили, то помогали что либо сделать. Я детей в соседях нянчила, а брат Митя убирался в бараке на чердаке с товарищем и нашёл деньги. Поделили и Митрий уехал домой и поступил на рудник работать. А потом мама собрала по добрым людям денег и нам прислала.

И мы уехали — Нюра, Вера и я, а отец в тайге остался работать, да там и свою буйную головушку положил. Отец и сам понял, что не правильно сделал, что не подчинился власти. Жалко было оставлять одного на чужой стороне, но ничего не сделаешь. Он нам сказал — «летите голуби, спасайтесь кто как может, да не бросайте друг друга, а мне всё равно надо отбывать». Да больше мы отца и не увидели, и ничего не знаем, что с ним, какая его была смерточка, может и некому было сырой землёй прикопать.

А всё надо было пережить, перенести на своём сердце. А приехали мы домой, в Сентяновке остановились, уже ночь на дворе. И пошли ночью в Крепаки. Блудили на огороде по капусте еле выбрались на дорогу. В скирде немного подремали, пришли утром. А через день Нюра пошла объявляться в Совет, а её опять назад погнали. Да, сколько горя пережили. А потом Митрий работал, каждую неделю нам с мамой продуктов привозил — трошки зажили. Мы ходили с мамой колоски собирать, а тут облава, забрали намолоченные нами два чувала пшеницы и маму в тюрьму посадили. Остались мы с Верой сами — жутко, страшно одним, звали подруг поночевать. А потом поехал братушка Аверька проведать маму, оттуда приехал, а я на печи лежала. Слышу, а он рассказывает тихо тихо — «маму надо как то оттуда забрать, она не выдержит там, там женщины молодые курят, матюгаются, а ей плохо». Я не выдержала, как сжалось моё сердце, я как зарыдала на всю печь. А братушка сказал — «не плачь, я завтра поеду и привезу». И привёз, а мама одну недельку пожила и умерла.

А как умерала — до селе в глазах. Днём ходила, вечером поужинали и легли. Я с мамой на полу, а Вера на лежанке. А мама и смотрит и смотрит на меня, а потом на Веру. Я ещё сказала — «Мама, а чего ты на меня так смотришь». А она говорит — «Да соскучилась» и прижала к себе. И я заснула. А ночью я всегда как встаю на двор или хоть в ведро — боялась. И всегда будила маму. А то проснулась — «Ма, я на двор хочу, ма», а она молчит. Я опять «Ма», а потом руку на живот положила, а она не дышит и ещё дыхания не слышно. Я тогда как закричала «Вера, Митрий — мама не дышит». Они бегом подскочили. Мы с Верой кричим, Митрий побег до дяди Яшки. Пришли они да говорят — «Да что вы вчера ничего не сказали». А мы — «Да она была весёлая вечером, да только здорово смотрела на нас». А тётя говорит, да это она перед смертью. Меня послали за роднёй в Кряковку, пришли все. Помню няню Федору ожидали, ожидали, уже скоро вечер — понесли, схоронили, а вернулись из кладбища, а няня Федора голосит в хате. Не захватила маму, не проводила в последний путь, так было жалко — немогу.

А потом разлетелись кто куда. Я жила у дяди Яшки с Верой. Потом дядю вычистили из артели, что ветряк у него, был тоже кулак. Дядя уехал на Красный Лиман. Я поступила работать в детский дом. Жила у Григорьевны. Жила в прислугах у агранома — детей глядела, корову доила — надоело. Как тут ходила на уборку, жила уже у няни Марфы. А потом вышла замуж в 1939 году. Посоветовали. Да один

сын у матери, чего там не жить. Ну и пожила, покахалась за одним сыном ихнем. В 1939 году в апреле отметили свадьбу маленькую и стали жить. Поехали за Трехизбенку работать, а Павло сдурил языком, то потденет кого, либо назавет не хорошо. Только и слышу — дурак, а ещё женат, а ума не добавилось.

Я слушала-слушала и надумала — на кой чёрт мне такой замуж. С дурака не выходит. Взяла и ушла. Перенесла своё барахлишко к няне, а сама пошла на рудник. Сперва работала на выборке, а потом поступила в шахту. Работа тяжеловатая, но стала привыкать и получала не плохо. Кое что стала покупать себе из одежды. Поработала с полгода, а в 1941 году 22 июня громкий голос Велетана — «Товарищи внимание, внимание на нашу Родину напала Германская война». Наши братья бьются и мы встанем все грудью за нашу родную землю. На второй день пошла проводить брата, а его уже забрали в военкомат по повестке. Пошла в город, боже мой, сколько было народу, провожали на фронт мужиков. Сколько крику, голосу было — ужас. А через несколько месяцев взорвали нашу шахту, чтобы немцу не досталось и опять надо работу искать. Пришла опять в Крепаки. Работала в детском доме и тут проклятый немец детдом разогнал. Начальство эвакуировалось, дети пошли кто куда и мы тоже.

Черти вернули Павла раненного домой. Узнал что я в Крепаках и стал ходить упрашивать, давай сходится жить. Мне няня Григорьевна не советовала, а я дура, да может он уже ума набрался между людей, и согласилась опять жить. Потом в 1943 году родилась Валя. Павло был дома по ранению. А потом опять пошёл служить, был разведчиком, приехал на лошаде домой, а я была за Трехизбенкой на уборке с маленькой Валей. В 1945 пришёл совсем домой. Стал завхозом. Работать где не поедит, приезжает выпивши. Прогнали его, поставили на паром в Крымское, а там стал ещё чаще выпивать. И пошла житуха скандальная. Стал фонтаны делать людям, стал пить водку как воду. Стану говорить, а он говорит, я сам не рад. Выпью стакан, а потом хоть с ведра лей. И стал алкоголиком. Хоть проси, хоть кричи, никакого внимания к семье. Где день, там и ночь, домой не спешил. Я сперва ходила за ним, а потом думаю, будь ты проклят, когда напьёшься. И не стала ходить.

Стали люди приводить или приведут или принесут, всего в грязи и мокрого. Часто думала — замуж ты мой замуж, какой же ты долгий. И бросить, уидти, да кто где мне ворота откроет, да ещё с детьми. Да так и прожила не в веселье и радости, а в горе да печали. Денег почти не давал, всё в долгу жила. А как получит, то половину пропьёт, а потом на меня — куда деньги делись.

Да не дай бог никому такого замужа, как я пережила. Мне Ивановна говорит, Донька, да не растраивайся и не ругайся с ним. Его никто уже не выучит, только сырая мать земля.

Пил не наживо и валялся где попало. Один раз зимой, не помню в каком году, в 10 часов вечера прибежала Васильева Мотька — Надя, да идите Павла своего возмите, у нас окно разбил, двери чуть не снял и упал прямо в воду. Я пошла, Серёгу позвала, еле притянули. На второй день заболел, три дня лежал, неделю не пил, а потом опять запил, по 20 или 18 дней в месяц то выпивши, то пьян.

Мне часто люди говорят, да Сергеевна, да какое в тебе сердце, как оно в тебе выдерживает. Каждый день идёт пьян, а что сделаешь, видно судьба такая. И так и мучалась век с дураком. Если родная его мать умирала, лежала на лавке, а он в эту ночь проломал крышу в Крицановке, лез до Ильинишны. Умный он сынок, позорник, дурака кусок, не стыда не совести у такого человека. Ни людей ни детей не пожалел.

Вот ему за это бог такую болезнь и послал неизлечимую. Он кинулся, да уже поздно. Как врачи не старались, а сдвига лечению нет. Павло не думал и в голову

не клал, чтобы так скоро, в таких годах быть в могиле. А когда попал в больницу и лечение не потдавалось, тогда он призадумался. Как приедем, а он плачет, как женщина, а как сделали операцию, то совсем духом упал. Говорит, а сам плачет, вот это мне уже всё. А я сказала, да ты сам себе не внушай, выздоровишь. А он говорит, эх Надя Надя, ты ничего не знаешь, и заплакал, жалко мне всех вас, да только уж поздно об этом говорить...

К этому рассказу можно добавить, что горе от пьянства в этой семье со смертью её главы-пьяницы не закончилось. В 1979 году их 20-ти летний сын, работавший шофёром на «УАЗе», пьяный врезался в дерево и погиб. Их дочь, уже в 80-х годах, работая водителем троллейбуса, задавила человека. Отбыв срок, она тоже стала помаленьку спиваться, а в её доме стали собираться выпивохи. Именно она дала мне в 1997 году дневник своей матери, который приведён выше. Сама Надежда умерла почти сразу после смерти сына.

Заметки о ходе поиска. К началу поиска семейству Жиливостовых про своих предков было известно только то, что все они жили в селе Трёхизбенка. Поэтому пришлось списываться с Луганским госархивом, который ответил, что метрические книги села Трёхизбенка конца XIX и начала XX века частично сохранились.

В марте 1997 года мне удалось просмотреть сохранившиеся в архиве книги, и, таким образом, мы узнали о существовании Сергея Сергеевича и Устиньи Поликарповны Жиливостовых, о количестве рождённых детей, о хуторе Крепаки и деревне Кряковке. Большего узнать не удалось, так как книги ранее 1890 года не сохранились.

Огромная удача в том, что мы добрались до дневника Надежды Жиливостовой. Так получилось, что Валентина Фёдоровна Круглова (Фирсова), младшая сестра жены Дмитрия Жиливостова, женщина культурная, образованная, и знавшая о наших поисках, живёт в посёлке Юбилейном, пригороде Луганска, рядом с дочерью Надежды Жиливостовой. Мы попросили Валентину Фёдоровну сходить к этой женщине и узнать, не осталось ли от Надежды каких-либо документов или писем. Оказалось, что сохранился дневник Надежды, но его нынешняя владелица отдаст эту тетрадь только тому человеку, который дневник опубликует.

Мы сразу почувствовали удачу и поняли, что надо ехать на Украину. Со слов Фирсовой знали, что это женщина трудной судьбы, работала водителем троллейбуса и задавила случайно человека, сидела в колонии, пьёт.

Но меня встретила гренадерского роста и крепкой стати женщина, миловидная, сообразительная. По ней только чуть-чуть было видно, что она пьёт. Как ни странно, в доме царила идеальная чистота и порядок. Находившиеся тут же пьянчужки были немедленно ею удалены вон и, как солдаты, беспрекословно подчинились приказу. Дневник был из чемодана вынут и мне вручён. Хотела она отдать и портрет Сергея Сергеевича и Устиньи Поликарповны, но я что-то застеснялся его брать, других аналогичных фотографий у неё не оставалось. Дневник мы в Ульяновске отксерокопировали, оригинал выслали Валентине Фёдоровне, а она уже отнесла его обратно владелице.

Из дневника мы и узнали о трагедии семьи Жиливостовых.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЖИЛИВОСТОВ

Родился в селе Трёхизбенка Славяносербского района Луганской губернии 10 июля 1913 года у Сергея Сергеевича и Устиньи Поликарповны Жиливостовых. Образование — 2 зимы в церковно-приходской школе. Работать начал с 16 лет. В 1930 году семья отца подверглась раскулачиванию, ночью пришли за ними, взло-

Дмитрий Сергеевич Жиливостов во время службы в Красной Армии. г. Новоград Волынский, 30 июля 1936 года

мали двери, Митрию связали руки и повели всех грузиться в вагоны — сослали в Сибирь, в г. Новосибирск. Там вместе с отцом и братом работал в тайге, а потом при уборке на чердаке барака нашёл с товарищем спрятанные кем-то деньги. Видимо, сумел на них подкупить охрану и приобрести билеты до дома.

По приезде на Украину в селе решил не объявляться, чтобы опять не выслали, а затеряться в городе. Шахтёрский городок Кадиевка располагался в 30 км от Трёхизбенки, и там он поступает на шахту забойщиком.

Сам Дмитрий Сергеевич рассказывал, что ещё почти 2 месяца у него из-под кожи выходили вши, как воспоминание о лагерной жизни. А когда из ссылки вернулись его сёстры и стали жить с матерью, то помогал им, каждую неделю привозил продукты, так как они голодали.

В апреле 1935 года призывается в Красную Армию и до декабря 1937 года проходит службу в Новограде-Волынском. Ещё во время работы на шахте он познакомился с Марией Фёдоровной Кругловой, работавшей буфетчицей, и во время

своего приезда из армии в отпуск 13 января 1936 года женится на ней. Демобилизовавшись, продолжает работать забойщиком на шахте «Ильич» и живёт вместе с женой в доме у её родителей на ул. Мопровской. После того, как Анисья Андреевна, мать Марии, выбила на шахте квартиру и ушла туда жить с мужем и детьми, семье Дмитрия и Марии достался родительский дом (половина одноэтажного дома на 2-х хозяев) с несколькими сотками земли. Этот дом был построен для шахтёров в 1929 году и состоял из комнаты, кухни и маленькой прихожей, в которой находился погреб, где хранились соления в бочках, овощи, домашнее вино в 20-и литровых бутылях. Все овощи покупались осенью на рынке, хотя для этого приходилось залезать в долги. При постройке дома между фундаментом и стенами не проложили гидроизоляцию, поэтому зимой стены были влажными, сколько ни топи печку. Летом стены просыхали, благодаря жаркому климату.

С началом войны, 25 августа 1941 года, призывается в Красную Армию и отправляется на фронт. Попадал в окружение, пробивался с частями на Восток, по выходе к своим его держали в фильтрационном лагере — проверяли, затем опять отправили на фронт. После освобождения Донбасса необходимо было восстанавливать шахты, поэтому его, как забойщика, демобилизовали и 3 сентября 1943 года направили работать на шахту. Но не домой, а в г. Краснодон, где он в течение года принимал участие в восстановлении той знаменитой шахты, в которую фашисты сбросили живыми ребят — «молодогвардейцев». Поднимал он и их останки на поверхность. Затем до пенсии продолжает работать на шахте «Ильич» — сначала забойщиком, а с 1959 года крепильщиком и путевым подземным рабочим.

Несчастные случаи под землёй, которые встречаются сплошь и рядом с шахтёрами, его миновали. С 1963 года на пенсии. Получает самую высокую по тем временам пенсию, так как забойщики относились к списку № 1 (раздел № 1 подраздел № 1) — 120 рублей, с заработка 290 рублей. Инвалид 3 группы по силикозу. На пенсии подрабатывал летом в колхозах, косил сено, строил коровники вместе с бригадой шабашников. Привозил домой мёд, пшеницу, кур. Зимой работал в кочегарке. В 1979–1980 годах работал стрелком военизированной охраны РОВД.

Всю жизнь вёл строительство на участке. К доставшемуся ему дому пристроил почти такой же по площади дом — 3 комнаты и 2 веранды, а также 3 флигеля по 3 комнаты с печами. Жена и дети месили босыми ногами саман, глину с соломой, основной строительный материал. Потом Дмитрий Сергеевич делал опалубку и закладывал туда эту смесь, после просушки получались стены будущего флигеля-мазанки. В эти флигеля пускали жить и квартирантов за 10-15 рублей в месяц; люди приезжали на шахту работать, а жилья не было. И дети, поженившись или выйдя замуж, первое время жили там, обеспеченные всем необходимым. На участке построили 4 сарая, курятник, клетки для кроликов. В разные годы в хозяйстве держали свинью с поросёнком, кур, кроликов и козу. Дмитрий Сергеевич сам сделал душ, туалет, лавки в саду, скамейки и табуретки в доме. Всё всегда было покрашено и побелено. Двор перед домом и дорожки в саду были забетонированы.

Дмитрий Сергеевич был невозмутимым, молчаливым, добродушным. Вывести его из себя было очень сложно, но мог прикрикнуть на жену, если уж она совсем его допекала. Курил папиросы с мундштуком, в меру выпивал. Гостеприимный, всех родственников привечал. Из еды предпочитал сало, борщ, солёные огурцы, кислое молоко. Ходил в наглаженных брюках и светлых рубашках. Неграмотный, но газеты просматривал. Воспитанием детей специально не занимался, но порядок поддерживал, мог за непослушание огреть ремнём. Детей любил и ничего для них не жалел. Делился продуктами даже со взрослыми детьми; если резали поросёнка,

Дмитрий Сергеевич Жиливостов с женой Марией Фёдоровной Кругловой, внуками Еленой и Валерием. г. Кадиевка, 1967 год

то делился мясом. К зятьям относился хорошо. Сам пользовался всеобщим уважением. За главенство в семье не боролся. Деньги отдавал жене, она вела всё хозяйство. Умер 10 декабря 1980 года в возрасте 67 лет. Похоронен на Центральном кладбище № 36 в Стаханове.

Заметки о ходе поиска. Для детей Дмитрия Сергеевича было полной неожиданностью, что их отец побывал в ссылке в Сибири. А он был вынужден молчать об этом. И о ссылке, и о том, что в войну попадал в окружение. Его, полуживого, товарищи не бросили, а под руки вынесли к своим. Так как он был высоким, то коленки волочились по земле и отбились, потом болели всю жизнь. Из-за того, что попадал в окружение, медали за войну ему отдали только в 70-х годах, вызвали в военкомат и вручили.

Довоенные документы на шахте «Ильич» в Стаханове не сохранились, поэтому основные сведения о работе Дмитрия Сергеевича взяты из его пенсионного дела.

ФЁДОР МАКСИМОВИЧ КРУГЛОВ

Родился в 1883 году в селе Ливерное, Ливенского района Орловской губернии. У родителей он был единственным ребёнком. В середине 10-х годов XX века женится на Ксении Андреевне Ламтюговой. Уезжает в 1908 году на заработки в Донбасс и устраивается в г. Кадиевке на шахту. После трёх лет работы получает жильё, обустраивается и перевозит семью из Орловской губернии. С 1913 года и до конца жизни работает забойщиком и крепильщиком на шахте «Ильич». Член профсоюза с 1917 года, член ВКП(б) предположительно с начала 30-х годов. Работа на шахте была тяжёлой, и в 30-е годы ему каждый год давали путёвку в санаторий на Чёрное море. Среднемесячный оклад перед войной — 800 рублей.

Фёдор носил усы, спокойный, грамотный, непьющий, любил играть на мандолине, вечерами читать. На работе сильно уставал. Уделял внимание воспитанию детей и внуков, ходил с ними в больницу, дома усаживал за стол рисовать, показывал им фокусы, давал конфеты, но если надо, то давал и ремня. В семье между супругами криков и ругани не было, всё решалось наедине. Семья имела полдома по ул. Мопровской, дом 9, и только перед войной перебралась в центр города на ул. Октябрьскую, 6.

С началом Великой Отечественной войны и приближением немцев к городу, Фёдор оставляется Кадиевским горкомом КП(б)У для работы в тылу врага. В 1941 году одним из первых вступает в партизанский отряд. Действует в группе Коршунова вместе с семнадцатилетним сыном Иваном, учеником школы № 17.

Принял участие в 16 боевых операциях. При его участии был сожжён немецкий продовольственный склад, уничтожена связь в нескольких населённых пунктах, взорван мотоцикл и грузовая машина, убито 4 немца. Принимал активное участие по вовлечению в отряд новых людей. Сын Иван лично участвовал в подрыве водокачки и убийстве немецкого унтер-офицера (Государственный архив Луганской области, ф.П-1790, оп.1, л. 10; д. 10, л. 3; д. 11 лл. 6,18; д. 21, л. 36; д. 33, л. 79; д. 34, л. 12; д. 68, лл. 3, 25, 26, 27, 29; д. 161, лл. 2,10; д. 164, л. 148).

В их городской квартире была организована партизанская явка, там они собирались перед уходом на задания, и там после освобождения было найдено в шкафу и за шкафом оружие, гранаты, патроны. Их партизанская группа из 34 человек ходила на операции в район Лисичанска, Попасной, Северо-Донецка. Всех выдал предатель. В 1942 году их выследили и ночью, по разным местам, сразу всех арестовали. В тюрьме содержали полгода, почти не кормили, водили на работу по восстановлению моста. Туда отправлялись жена и дети, чтобы посмотреть на него и на сына, поговорить, если это удастся. Один раз давали в тюрьме свидание с женой. Мог Фёдор сказать, кто их выдал, жена спрашивала его, но он по каким-то причинам не стал этого делать, только ответил: «Пусть живёт, гад».

Перед приходом Красной Армии всех заключённых расстреляли за городом и зарыли в противотанковом рву. Когда через несколько месяцев ров откопали, все сохранились, как живые, можно было опознавать. На теле Фёдора Максимовича не обнаружили никаких ран, поэтому официально стали считать, что его закопали живым, так писали и в книгах. Но врач, присутствовавший при вскрытии, обратил внимание на кисти рук Фёдора, сжатые в кулаки, и на то, что рядом с ним лежал его сын Иван с задранной на голову одеждой. Нашлись свидетели, которые видели, как Иван пытался перед расстрелом бежать, но его на бегу застрелили и затем за ноги, так что вся одежда задралась на голову, волокли к противотанковому рву. По-видимому, у Фёдора Максимовича, видевшего смерть собственного сына, ра-

зорвалось сердце, и его сбросили в ров уже неживого. Всех расстрелянных, после освобождения, как героев, перезахоронили в братскую могилу партизан и подпольщиков в центре города и возвели над ней обелиск. Имена Фёдора Максимовича и Ивана Кругловых выбиты на обелиске.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за № 1490 от 5 апреля 1946 года Фёдор Максимович Круглов награждён медалью «Партизану Отечественной войны» 1-ой степени, посмертно. Это был, несомненно, человек громадного личного мужества. Настолько был уверен в правоте своего дела, что привлёк в отряд своего 17-летнего сына, и оба они не свернули с выбранного пути до конца.

Заметки о ходе поиска. Метрические книги села Ливерное Орловской губернии не сохранились, как и вся довоенная документация шахты «Ильич». Не смогли мы найти на Фёдора никаких документов и в партийном архиве. Есть только упоминание, что он присутствовал на партийных собраниях шахты в начале 30-х годов.

Государственный архив Луганской области прислал нам копии наградных листов с описанием подвигов Кругловых, подписанные секретарём Ворошиловградского обкома КП(б)У А. Гаевым в 1945 году.

Не смогли мы разгадать загадку, где Фёдор работал с 1925 по 1933 год, в эти годы у него перерыв в стаже работы на шахте «Ильич». Наверное, в это время шахта была просто закрыта, а он трудился на соседней шахте. (?)

КСЕНИЯ АНДРЕЕВНА ЛАМТЮГОВА (КРУГЛОВА)

Родилась в деревне Ивановка Краснозоренского района Орловской губернии 18 февраля 1885 года. Родители Анисьи (так её всегда все называли) также оба родились в Ивановке, и у них был кирпичный дом. В семье было двое детей, Анисья и брат, который умер в 1942 году. Воспитывала их мать, отец погиб на войне. Мать называли «Михалиха», она умерла в первые годы революции, в 1917–1918 годах.

До отмены крепостного права Ламтюговы состояли дворовыми людьми какой-то барыни. В церковь ходили в село Оберец. После освобождения 1862 года им отвели землю на месте современной деревни Ивановки, крестьяне стали сразу, кто куда, разбегаться на заработки. Весной приедут, свои загончики вспашут, покосят, уберут, а затем опять на заработки. Анисья Андреевна вспоминала, что до замужества жили очень бедно, ходили без штанов, но весело, с песнями отправлялись работать на барина.

Поженились с Фёдором Максимовичем Кругловым в Ивановке, и у них родилось три мальчика и четыре девочки, в том числе и Мария, наш предок. После переезда в Кадиевку занималась домашним хозяйством. В 20-е годы держали скотину, но после того, как корова сильно боднула Анисью рогом в живот, стали выращивать только помидоры. С Ивановкой связь ослабла, так как её брат продал родительский дом и деньгами не поделился.

Без образования, не умела ни читать, ни писать, расписывалась крестом, но по натуре умный диктатор, очень властная, своенравная, до войны работала на общественных началах в народном контроле при горкоме ВКП(б). Зятья её боялись, как огня, любила она их повоспитывать и даже грозила, что пойдёт к одному из них на работу и заставит начальство его с работы, за какие-то провинности, выгнать. Так, она пошла на шахту «Ильич» и там подняла такой скандал, что для своего зятя Дмитрия Сергеевича выбила в конце 30-х годов городскую квартиру, что не смогли сделать ни её муж — член ВКП(б), ни сам зять. И ушла сама, вместе с семьёй, в эту квартиру жить, вместо зятя, мотивируя это тем, что она уже старая, а рынок ря-

дом. С началом войны ушла жить с этой квартиры, превращённой в партизанскую явку, к дочери Марии. Её прятали при облавах на крыше в тряпьё, так как объявилось много врагов советской власти, некоторые радовались приходу немцев, выходили целыми улицами их встречать хлебом-солью, и были угрозы в адрес Анисьи Андреевны как активистки. Соседи грозили: «Пришло ваше время, коммуняки». После войны опять участвовала в женском движении города: помогала семьям погибших на войне и в шахтах, пользовалась очень большим уважением в Кадиевке. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1945 года награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Указом Президиума Верховного Совета УССР от 18 октября1945 года награждена орденом «Материнской славы» 3-ей степени.

Непоседа, с виду маленькая и худенькая, ходила в юбках и кофтах, в молодости носила длинную и толстую, в руку, косу. После войны на праздники обязательно собирала всех детей с семьями за праздничным столом, сама ни грамма не пила. В Бога не верила. О своих детях постоянно заботилась. Внуки приходили к ней в гости. На кухне готовила, в основном, супы. Любила пить молоко, пекла маленькие булочки, которые неделю не черствели. После гибели мужа у Анисьи Андреевны оставалось ещё двое детей школьного возраста, которых надо было учить. Сама она уже не работала, пенсии не хватало. Тогда она попросила старших детей, у которых давно уже были свои семьи и дети, чтобы они сбрасывались на учёбу Фёдора и Валентины. Сама обходила всех детей и собирала эти взносы на учёбу. В конечном итоге оба получили высшее образование.

Умерла в Кадиевке 16 октября 1959 года в возрасте 74 лет от рака поджелудочной железы, вся пожелтела, думали, что желтуха, даже вшей глотала по народному обычаю, очень хотела жить и боролась за жизнь. За 3 месяца до смерти положили её в инфекционную больницу, она подозревала, что что-то не так, терпела, не кричала, высохла, целый месяц почти ничего не ела.

Заметки о ходе поиска. Значительная часть сведений об Анисье Андреевне, как и о представителях других наших фамилий, записана со слов проживающих на Украине родственников. Для этого мне пришлось выезжать туда для сбора информации, которую ещё можно было собрать о Болотовых, Кругловых, Жиливостовых. Остались записи о моей поездке на Украину, совмещённой с командировкой в г. Каменск-Шахтинский, со 2 по 8 марта 1997 года.

Воскресенье. Выехали из г. Ульяновска на «КАМАЗе» и ехали безостановочно 20 часов через г. Саратов, г. Волгоград до г. Каменск-Шахтинский.

Понедельник. Ночью подъехали к нашей воинской части, солдаты поставили мне койку в казарме. Утром в автопарке осмотрел свои автомобили «УАЗ» и в 12 часов освободился. Пошёл пешком по направлению к границе, попутка подвезла до пункта пропуска, украинские пограничники посадили в идущую в г. Луганск иномарку. В Луганске поменял часть российских денег на украинские гривны и отправился в посёлок Юбилейный к Фирсовым. Поздоровался, и сразу к Шуре, дочери Надежды Жиливостовой. Получил от неё дневник и адрес живущей в селе Трёхизбенка родственницы, очень многое знавшей об истории семьи Жиливостовых. Вернулся к Фирсовым спать.

Вторник. Поехал в Луганский госархив. Метрические книги села Трёхизбенка были уже подняты из хранилища, просил об этом по телефону из Ульяновска. Всё-таки кое-какая информация о Жиливостовых есть. Приехал в г. Стаханов и остановился у Натальи Поповой. Попросил у неё на следующий день проводника на кладбище и на ул. Мопровскую, а также машину до Трёхизбенки. Отправился

В центре сидит Ксения Андреевна Ламтюгова (Круглова),
справа сидит зять - Дмиртий Сергеевич Жиливостов,
слева стоит внучка Светлана Дмитриевна.
Во втором ряду стоят три дочери Ксении Андреевны:
Мария Фёдоровна (Жиливостова) с дочерью Людмилой на руках,
Анна Фёдоровна и Валентина Фёдоровна.
г. Кадиевка, лето 1947 года

к Ивану Болотову. Уже темно, в частном секторе домов не видно, еле нашёл. Переговорили, узнал много нового. Вернулся к Наталье на ночлег.

Среда. Провожатый на кладбище по какой-то причине не прибыл. Тогда пошёл в горсобес. Пенсионных дел Жиливостовых и Болотовых в архиве горсобеса не оказалось. Доставали их из архива, чтобы подготовить справки по моим же запросам, и назад не поставили. Сколько ни искали по кабинетам, не нашли.

Толик, муж Натальи, организовал машину в Трёхизбенку. Но там меня ждал полный провал самых больших надежд. Родственница Жиливостовых отнеслась к моим поискам с большим подозрением. Разговор не получился, не пустили даже во двор. Вернулся в г. Стаханов, отыскал Ларису Болотову, но ничего нового об их предках не узнал. Забрал вещи и поехал в г. Брянка к Баранниковым. Ничего нового о Жиливостовых от них не узнал.

Четверг. Поехал из Брянки в Стаханов в горвоенкомат. Не смог найти на Дмитрия Сергеевича никакой информации о его службе в войну: слишком поздно, все документы уже уничтожены.

Дошёл до Анны Кругловой, жены сына Фёдора Круглова. К информации, написанной ею ранее в письме, она ничего добавить не смогла. Выехал в Луганск с надеждой в областном партийном архиве уточнить время вступления Фёдора Круглова в партию или найти хоть одну его партийную анкету. Но в архивных документах того, что мне надо, не нашли, есть только упоминание, что Фёдор присутствовал на партийных собраниях шахты в начале 30-х годов. Вечером с Луганского автовокзала доехал на автобусе до Каменска-Шахтинского и отправился на железнодорожный вокзал за билетом до Сызрани.

Пятница. Ночью прошагал 3 километра от вокзала до своей воинской части, моя койка в казарме ещё стоит. Утром сел в поезд «Симферополь — Челябинск».

Суббота. В г. Сызрани пересел на автобус до Ульяновска, в 13.00 приехал домой.

МАРИЯ ФЁДОРОВНА КРУГЛОВА (ЖИЛИВОСТОВА)

Родилась в деревне Ивановка Краснозоренского района Орловской губернии 12 июня 1912 года у Фёдора Максимовича и Ксении Андреевны Кругловых. После переезда семьи в Кадиевку только две зимы ходила в школу, неграмотная. Рано начала работать. Сначала дома по хозяйству, затем в буфете при шахтёрской столовой. Дома спали по несколько детей на кровати, Мария всегда с краю, чтобы первой утром вставать к скотине. С ярмарок отец ей привозил в подарок разноцветные ленты, она носила толстую, в руку, и длинную, ниже пояса, косу. Маленькая, кругленькая, жизнерадостная, работающая в буфете,— такой она и понравилась будущему мужу. Сватался к ней и знаменитый шахтёр Стаханов — родоначальник движения советских ударников, но Мария его отвергла, как пьяницу. «Пьянюшка был, я за Митрия пошла».

Вышла замуж за Дмитрия Сергеевича Жиливостова в 1936 году. У них родилось 13 детей, выжило 6. Светлана — 1938 года рождения, наш предок, окончила Стахановский строительный техникум, живёт в г. Петербурге, у неё две дочери; Виктор — 1941 года рождения, с детства у него не всё в порядке было с головой, окончил 7 классов, живёт в г. Стаханове, у него один сын; Людмила — 1945 года рождения, окончила Одесский финансовый техникум, Луганский машиностроительный институт заочно, живёт в г. Москве, у неё сын и дочь; Валентина — 1950 года рождения, окончила Стахановский горный техникум, живёт в г. Брянке Луганской области, у неё две дочери; Леонид — 1953 года рождения, окончил 10 классов, у него одна дочь, зарезан преступниками у себя на квартире в 1995 году, похоронен в г. Стаханове; Любовь — 1955 года рождения, окончила 10 классов, живёт в Петербурге.

Мария Фёдоровна во время войны работала в столовой, выносила продукты и подкармливала детей. Во время фашистской оккупации прятала от немцев на чердаке своего дома мать-активистку. И, когда её местонахождение со страху выдал сосед, Мария Фёдоровна сумела ночью, под носом у немцев, переправить мать в деревню Орловку к родственникам.

После войны, когда дети подросли, немного подрабатывала. Одно время работала прачкой в продовольственном магазине. Брала домой стирать белые халаты продавщиц, кипятила их, отбеливала, крахмалила, наглаживала. Спецодежду мужа из шахты, робу, ходила стирать на ручей, протекавший недалеко от дома, на камнях била её вальком. Бывало, сохнувшее на верёвках белоснежное бельё покры-

Мария Фёдоровна Круглова (Жиливостова).
г. Стаханов, 1983 год

валось хлопьями чёрной жирной сажи с соседнего сажевого завода. Приходилось стирать всё сначала. До самой старости работала: мыла полы в аптеке, дежурила ночью в швейном ателье.

Мария Фёдоровна была строгой и требовательной к детям, любила порядок и чистоту в доме. По выходным ходила на рынок, продавала кое-что из ненужных вещей или что родственники попросят продать. Заработает немного денег, купит овощей, всё помощь семье. На рынок уходила рано, в 5 часов утра, когда дети ещё спали. К её приходу они должны были подмести двор, полить огород, в доме вытереть пыль (пыли было много, рядом находились шахта и коксохимический завод), помыть полы, вытрясти все половики и постелить их в таком же порядке. Половики были домотканые. Мария Фёдоровна резала старую ненужную одежду на полоски, сшивала их, сматывала в клубки и отдавала в село сёстрам мужа, которые вязали эти половики. Приходила Мария Фёдоровна с рынка в 2-а часа дня, приносила кучу продуктов в двух мешках, связанных и перекинутых через плечо. Умоется, переоденется в чистое ситцевое платье, возьмёт кусок хлеба с чаем или компотом и пока она ест, дети ей рассказывают что сделали и кто как себя вёл. Детям приносила с рынка по пирожку или фруктов. Ближе к её приходу старшая дочь Светлана говорила брату Вите, чтоб он влез на огромный тополь, растущий посреди двора, и высматривал не идёт ли мать. Как увидит её, давал знать вниз, и дети быстренько приводили всё в порядок и выбегали её встречать.

Никогда не сидела без работы, шила лоскутные одеяла, стирала и убирала. В огромном количестве варила борщи, заготавливала соления, варила варенья. Летом готовила еду в летней кухне — сначала в печи, стоящей прямо посреди двора, а затем, когда печь во дворе сломали, в одном из освободившихся флигелей. В доме было много больших железных кроватей с перинами и мягкими подушками. Постели были у неё белоснежные, накрахмаленные, хотя долгое время воду носили из колонки, находящейся далеко от дома. Затем провели холодную воду в дом. На окнах висели накрахмаленные занавески и тюль. Крашеные деревянные полы застилались длинными половиками ручной работы. Стены побелены, у кроватей на стенах висели ковры. В доме было довольно много книг — целый книжный шкаф. Выгоняла для внутреннего пользования самогон, но в меру, без злоупотребления. Иногда и продавала его, если находились покупатели, но с величайшей опаской. Сама же

спиртного не пила ни грамма. При доме был небольшой огород. Как ни экспериментировали с посадками, больших урожаев не было. В результате стали сажать только зелень да по паре кустов помидоров и перца. Также росли малина, вишни и яблони. Славились в их семье зимние яблоки, которые старались сберечь детям и внукам на зиму. Для этого каждое яблочко заворачивалось в бумагу, укладывалось в ящик, и эти ящики относились на хранение в сарай.

Одевалась Мария Фёдоровна просто, но аккуратно, ходила в ситцевых платьях и в мягких тапочках. Любила кусками отламывать и есть белый хлеб, с чаем или водой, к остальной еде относилась спокойно. Кожа на её руках от грубой работы была шершавая, как наждачная бумага. Не умеющая читать и писать, она очень хорошо и быстро считала деньги, например сдачу в магазине. Дмитрий Сергеевич всю зарплату отдавал жене, и она руководила всем домом. Очень темпераментная и говорливая. Могла поспорить с кем хочешь. Любила и поломаться, и покомандовать, применяла и крепкое словцо. Ждала иногда, чтобы её поупрашивали. Всех подгоняла, чтобы работали, а не «били баклуши», как она говорила. В Бога верила в душе, но обрядов не соблюдала. Детей и внуков крестила. Следила, чтобы дети учились, исправно делали уроки, бывала очень довольна, когда детей хвалили на родительских собраниях. Будучи неграмотной, всем своим детям дала возможность выучиться и следила за тем, чтобы все учились хорошо.

У них с мужем было много родственников. Было принято устраивать праздники по всякому поводу: кто-то из детей поступил учиться — праздник, кто-то закончил учиться — праздник, кто-то приехал из отпуска — праздник. Всех радушно встречали. Некоторые дальние родственники жили у них в течение нескольких лет. Так, Татьяна Ламтюгова приехала из деревни Ивановка Орловской области, так как там не было работы, и устроилась поваром в столовую. Потом она вышла замуж и ушла жить к мужу. После этого у них стал жить и учиться племянник Николай. Когда он женился и ушёл к жене, у них стал жить и учиться другой племянник Николай. Когда мужу сестры Марии Фёдоровны, после неудачной операции паховой грыжи, потребовалось много крови, она, не задумываясь ни на миг, единственная из всей родни, дважды прямым переливанием отдала ему свою кровь. И это спасло больному жизнь. А когда у её дочери Людмилы заболел психическим заболеванием муж, она, зная, что он вряд ли вернётся к нормальной человеческой жизни, сказала дочери, чтобы та никогда его не оставляла и с достоинством несла свой крест. Сама до глубокой старости ходила к нему в больницу, хотя у неё сильно болели ноги, а больница находилась далеко.

В 1970-е годы приезжала к дочери Светлане в Карелию и в Ленинград. И в Ленинграде не терялась, разминувшись в аэропорту со встречавшими, брала такси, давала таксисту 10 рублей, называла его «сынок» и доезжала до самой квартиры. Таксист звонил в дверь: «Принимайте, вот Ваша бабушка приехала». Ничего не боялась, оставалась всегда боевой. Уже в преклонном возрасте, зимой, забиралась с дочерью Светланой и сестрой Сергея Болотова Мусей на колоннаду Исаакиевского собора по скользким ступеням.

Бабушка Маша сумела создать такую атмосферу любви, заботы и комфорта, что и взрослые дети с семьями, и внуки, приходившие к ней по выходным дням, приезжавшие в отпуск, ощущали тепло и уют родного дома. Они знали, что их всегда ждут, им всегда рады.

После смерти мужа получала за него пенсию — 60 рублей. В старости болела расширением вен от ношения тяжестей и беременностей, трофическими язвами. Умерла от водянки ног 16 марта 1989 года в возрасте 77 лет и похоронена в Стаханове.

ИВАН НИКОЛАЕВИЧ ТАРАСОВ

Родился 7 октября 1931 года в селе Верхняя Якушка Новомалыклинского района Ульяновской области у Николая Александровича и Евдокии Васильевны Тарасовых. В начале 30-х годов семья переезжает на жительство в г. Мелекесс. Жили в своём деревянном доме на окраине города, на «Горке», держали скотину. В ста метрах от дома начинался настоящий сосновый лес, в 3-х километрах протекала полная рыбы река Черемшан. Раздолье для мальчишек. Отсюда, наверное, огромный запас здоровья и жизненных сил у детей того поколения. Иван с ребятами ходил на рыбалку, а однажды они узнали, что далеко в лесу живёт «лесной петух», и решили поймать его. Долго искали и, наконец, нашли его глубоко в дупле дерева. Домой вернулись в 12 часов ночи, разволновавшийся отец схватил сушившееся лыко и отлупил им Ивана.

В первых классах учёба у Ивана не ладилась, со строгой учительницей отношения не складывались. Он часто прогуливал уроки, прятался в овраге. Видя это, мать перевела его в 3-м классе в другую школу. Ходить теперь пришлось в центр города, к стадиону. Но Иван почувствовал интерес к учёбе, новая учительница приглашала его даже домой, давала книги из своей библиотеки. В результате он окончил этот же 3-й класс с похвальной грамотой.

Зимой 1941–1942 года стояли ужасные морозы, замершие птицы падали на лету. По дороге в школу Иван подбирал их, клал за пазуху и приносил в класс. Нередко оказывалось, что занятия отменены, и Иван вместе с птицами отогревался в пустом классе, птицы оживали и начинали летать. Бывали такие метели, и их дом так заметало снегом, что приходилось Ивану с лопатой выбираться через чердачное окно и откапывать дверь.

Запомнилось ему, как однажды летом в одной из заводей Черемшана они с ребятами бреднем ловили рыбную мелочь, а поймали огромного сома, длиной под 2 метра. Вытащить его было невозможно. Рядом подконвойные ловили рыбу для зоны, пришлось Ивану обратится к охране за помощью. Сома застрелили, выволокли из реки и разделили на всех. Ивану досталась средняя часть. В годы войны десятилетний Иван вместе со старшей сестрой Клавой вели хозяйство, так как

мать в 6 утра уходила на работу и возвращалась очень поздно. После 8 класса, в 1947 году, вместе с другом поехали в Горький, поступать в Речное училище. Сдали экзамены, но их в общежитии обворовали, это не понравилось, и они вернулись домой. Сразу же поехали в Самару поступать в находившееся там в эвакуации Ейское военное авиационное училище. Но Ивана не приняли из-за низкого роста. Необходим был рост не менее 151 сантиметра, а у него всего 149,5. В сентябре того же года он поступил в Ульяновский автомеханический техникум. Жили прямо в техникуме, в комнате на 30 коек. Ивана избрали секретарём комитета комсомола всего техникума. Из предметов особенно нравились физика и химия.

И. Тарасов, учащийся техникума. г. Ульяновск, 1951 год

Летом 1951 года, после окончания техникума, вместе с друзьями поехал поступать в Горьковский политехнический институт. А так как у него был диплом с отличием, то на металлургический факультет его приняли без экзаменов. В институте особенно нравились такие предметы, как минералогия, кристаллография, высшая математика, теоретическая механика, начертательная геометрия.

По воспоминаниям однокурсника Эмира Мурасова (впоследствии доцента Ульяновского политехнического института), стипендии студентов в институте были очень маленькие — 380 рублей, и только на 5-м курсе — 480 рублей. Поэтому они с Иваном Тарасовым начали со второго курса подрабатывать: разгружали вагоны с дровами и солью, баржи с арбузами. Работать ходили часто. Иван поднимал брёвна на плечи других, как более сильный. Некоторые дни работали по 14 часов бригадами по 50 человек. За 2 дня зарабатывали на разгрузке дров по 700 рублей. Появились деньги. Начали ходить в рестораны, на танцы, в театр, покупали даже костюмы. Иван общался в основном со старшими ребятами, так как был более развитый, чем его одногодки. К учёбе относился очень серьёзно, обладал хорошей памятью, был одним из лучших учеников. Много не занимался, всё делал быстро и решительно. Однажды выиграл по облигации 5 тыс. рублей, из них 2 тысячи отправил матери, а на остальные купил рубашек.

Иван серьёзно занимался гимнастикой, но на одной из тренировок, крутя на турнике «солнце», сорвался, ударился об стену и травмировал позвоночник. Пришлось переключиться на плавание, 2 года ходил в бассейн. На последнем курсе работал на полставки конструктором на макаронной фабрике. По окончании института Иван шёл по распределению вторым на курсе, комиссия решила направить его в г. Златоуст, на военный завод. Но бывший преподаватель Ульяновского автомеханического техникума В. В. Белокриницкий, перешедший работать на Ульяновский автозавод, договорился в Министерстве автомобильной промышленности СССР, и их, троих друзей — Тарасова, Мурасова и Наумчева (впоследствии декан в Ульяновском политехническом институте), направили на Ульяновский автозавод.

Диплом. Тарасов Иван Николаевич за время пребывания в Горьковском политехническом институте имени А. А. Жданова с 1951 по 1956 год сдал экзамены и зачёты по следующим дисциплинам:

Основы марксизма-ленинизма	отлично
Политэкономия	отлично
Высшая математика	отлично
Физика	отлично
Общая химия	хорошо
Аналитическая химия	отлично
Физическая химия	отлично
Начертательная геометрия	отлично
Машиностроительное черчение и рисование	отлично
Сопротивление материалов	отлично
Теоретическая механика	отлично
Теория механизмов и машин и детали машин (курс)	отлично
Грузоподъёмные и транспортные машины (курс)	отлично
Рентгенография	отлично
Кристаллография и минералогия	отлично
Металлография	отлично
Обработка металлов резанием и сварка	зачтено
Термическая обработка металлов	отлично
Электротехника	хорошо
Электрооборудование цехов	отлично
Гидравлика и теплоэнергетика металлургических заводов	хорошо
Металлургические печи (курс)	отлично
Теория металлургических процессов	отлично
Общая металлургия	отлично
Экономика металлургической промышленности	отлично
Организация производства	отлично
Техника безопасности	хорошо
Основы строительного дела	зачтено
Технология обработки металлов давлением	хорошо
Теория обработки металлов давлением	хорошо
Оборудование и проектирование кузнечных и штамповых цехов	отлично
Контроль и автоматизация технологических процессов	отлично
Коррозия и защита металлов	зачтено
Учебные мастерские	зачтено
Физическое воспитание и спорт	освобождён
Металлургические печи (проект)	отлично
Теория механизмов и машин и детали машин (проект)	отлично
Литейное производство	отлично
Оборудование кузнечных и штамповочных цехов (проект)	отлично
Грузоподъёмные и транспортные машины (проект)	отлично
Организация производства (проект)	отлично
Технология обработки металлов давлением (проект)	отлично

Тов. Тарасов Иван Николаевич выполнил практики по специальности с оценками:

Учебная практика	зачтено
Технологическая практика	отлично
Специальная практика	хорошо
Преддипломная практика	хорошо

И защитил дипломный проект на тему: «Проект цеха горячей штамповки шатунов и других деталей на 500.000 малолитражных автомобилей» с оценкой отлично.

16 июня 1956 года Иван Николаевич Тарасов женится на Наталии Ивановне Кривойкиной. Сохранился список продуктов, закупаемых на свадьбу.

Водка	16 бут.	21–20	339–20
Шампанское	3 бут.	30–20	90–60
Анапа 0,75	2 бут.	24–50	49–00
Красный портвейн 0,75	1 бут.	20–70	20–70
Пиво	5 бут.	3–65	18–25
Треска в масле	2 банки	7–50	15–00
Лещ	2 баночки	6–40	12–80
Щука	1 баночка	6–40	6–40
Килька	1 банка	4–40	4–40
Крабы	2 бан.	8–40	16–20
Колбаса	1 кг.	17–00	17–00
Шпроты		14–40	14–40
Селёдка атлант.	1,5 кг.	17–40	26–10
Селёдка копчёная		21–40	21–40
Сосиски	2,5 кг.	17–00	42–50
Колбаса шпиговая		24–50	24–50
Сыр костромской			21–90
Сыр голландский	0,27	32–00	8–64
Нарзан	2 бут.	2–20	4–40
Вода	4 бут.	2–45	9–80
Масло топлёное	1 кг.	29–00	29–00
Сметана	0,5	12–50	7–25
Майонез	4 банки	4–00	16–00
Лимоны	6 шт.	3–50	14–00
ИТОГО			829–44

С августа 1956 года работает на Ульяновском автомобильном заводе им. Ленина Министерства автомобильной промышленности СССР в кузнечном цехе.

Перемещение по службе

9 августа 1956 года	Кузнечный мастер
21 января 1957 года	Старший мастер южного пролёта
7 июля 1960 года	Заместитель начальника 25 цеха
7 июня 1961 года	Начальник 25 цеха (кузница)
4 марта 1966 года	Главный металлург завода
25 ноября 1978 года	Директор металлургического производства
11 ноября 1979 года	Зам. генерального директора — Технический директор
4 января 1993 года	Зам. начальника лаборатории микрофильмирования
29 декабря 1995 года	Уволен

Член КПСС с сентября 1959 года, партийный билет № 08627810. В 1973 году, в компанию по замене партийных билетов, ему выдали новый партийный билет за № 5383898. Член парткома автомобильного завода с 1963 по 1967 год.

С августа 1964 по август 1965 года находился за границей, в Республике Куба, в служебной командировке по линии Сонархоза СССР.

Награждён медалью «За доблестный труд» в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, орденом Трудового Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1976 года), медалью «За трудовую доблесть» в 1983 году. Первый раз представлялся к награждению орденом Трудового Красного Знамени ещё в ноябре 1966 года. В представлении сказано:

«Тов. ТАРАСОВ И.Н. на Ульяновский автомобильный завод прибыл в 1956 году как молодой специалист по направлению из института. Работая мастером, старшим мастером, заместителем Начальника кузнечного цеха, он проявил хорошие организаторские способности по выполнению плана и воспитанию подчинённых.

В 1961 году тов. ТАРАСОВ был выдвинут на должность начальника кузнечного цеха автозавода. Коллектив цеха под руководством т. ТАРАСОВА систематически выполняет производственную программу по выпуску горячих поковок и штамповок для механических и сборочных цехов завода, для автомобилей ГАЗ-69 и новых автомобилей УАЗ — 451-452. За последние 4 года производственную программу цех выполняет (1962-102,7%; 1963-107%; 1964-109%; 1965-104,3%).

По его инициативе проведена реконструкция кузнечного цеха, дополнительно построен северный пролёт на 6,7 тыс.кв.м. площади, улучшилась технология производства горячих поковок за счёт перевода нагрева заготовок в мазутных печах на высокочастотный нагрев, реконструкцией печей отжига на автоматический цикл толкания поддонов с заменой мазута на газ. Механизированы процессы уборки отходов и подача горячих заготовок от ковочных машин. Всё это позволило за последние 4 года увеличить в цехе выпуск поковок и штамповок с 19 до 20 тыс. тонн в год на тех же производственных площадях.

В цехе и на заводе пользуется деловым авторитетом.

В 1964-1965 г.г. будучи в служебной командировке на Кубе хорошо справился с порученным заданием по установке оборудования и подготовке кубинских кадров для кузнечного цеха. Тов. ТАРАСОВ И.Н. принимает активное участие в общественной работе цеха и завода, третий раз избирается членом парткома завода, избран членом Засвияжского РК КПСС.

За активное участие в реконструкции кузнечного цеха, внедрение прогрессивных методов горячей штамповки и ковки представляется к награждению орденом Трудового Красного знамени.

Директор Федюшин Секретарь парткома Блинков

Председатель профкома Николаев

СОГЛАСОВАНО: Секретарь Засвияжского РК КПСС Старостин»

Документы из личного дела Тарасова И. Н. на Ульяновском автозаводе.

СЛУЖЕБНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

на заместителя главного инженера — главного металлурга Ульяновского ордена Трудового Красного Знамени автомобильного завода имени В. И. Ленина ТАРАСОВА ИВАНА НИКОЛАЕВИЧА.

Тов. Тарасов Иван Николаевич, рождения 1931 года, русский, член КПСС с 1959 года, образование — высшее, в 1956 году окончил Горьковский политехнический институт по специальности инженер-металлург.

Тов. Тарасов И. Н. на Ульяновском автомобильном заводе работает с 1956 года в должностях: мастера, старшего мастера, зам.начальника кузнечного цеха, начальник кузнечного цеха, а с 1966 года — главный металлург завода. За период работы на автозаводе тов. Тарасов И. Н. зарекомендовал себя технически грамотным работником. В работе энергичен, инициативен, исполнителен и трудолюбив. К исполнению своих служебный обязанностей относится добросовестно.

Тов. Тарасов И. Н. в повседневной практической работе уделяет большое внимание воспитанию коллективов, подчинённых ему горячих цехов завода, оказывая руководителям цехов помощь в организаторской работе и мобилизации коллективов на своевременное выполнение производственных заданий и улучшение качества выпускаемой продукции. Среди коллектива завода пользуется деловым авторитетом. К себе и подчинённым требовательный. В обращении с подчинёнными вежлив и тактичен. Морально устойчив, в быту скромен. В общественной работе принимает активное участие, избран в состав партбюро ОГМет и является пропагандистом кружка конкретной экономики.

Тов. Тарасов И. Н. с августа 1964 по август 1965 года находился в загранкомандировке на Кубе в качестве специалиста по установке на заводе кузнечного оборудования. С заданиями по командировке справился, замечаний не имел.

Тов. Тарасов И. Н. рекомендуется для выезда в загранкомандировку в ФРГ в качестве специалиста по горяче-высадочным автоматам с двухкратным выездом, общим сроком пребывания там 4 месяца для обеспечения поставки в СССР оборудования и приёмки автоматов АМР-70.

Директор завода И. Маслов Секретарь парткома А. Марьев

Председатель завкома В. Талин

Характеристика утверждена на заседании парткома. Протокол № 32 от 9.10.1970.

Бюро Засвияжского РК КПСС рекомендует тов. ТАРАСОВА И.Н. для выезда в служебную командировку в ФРГ сроком на 4 месяца.

Секретарь Засвияжского РК КПСС Исаков

МИНИСТЕРСТВО АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

П Р И К А З

11 ноября 1979 года № 256-к

О т. Тарасове И. Н.

Назначить т. Тарасова Ивана Николаевича заместителем генерального директора — техническим директором Ульяновского автомобильного завода имени В. И. Ленина (производственное объединение «АвтоУАЗ»).

Министр В. Н. Поляков

МИНИСТЕРСТВО АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

П Р И К А З

6 октября 1981 года. № 267-к

О т. Тарасове И. Н.

Отмечая долголетнюю плодотворную работу в автомобильной промышленности и в связи с пятидесятилетием со дня рождения т. Тарасова Ивана Николаевича — заместителя генерального директора — технического директора Ульяновского автомобильного завода имени В. И. Ленина (производственное объединение «АвтоУАЗ»), приказываю: Объявить благодарность и премировать месячным должностным окладом.

Заместитель Министра Е. А. Башинджагян

МИНИСТЕРСТВО АВТОМОБИЛЬНОГО
И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ СССР
П Р И К А З – П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

30 сентября 1991 года № 526-к

О т. Тарасове И. Н.

Отмечая многолетнюю плодотворную работу в отрасли автомобильного и сельскохозяйственного машиностроения, большой вклад в развитие отечественного автомобилестроения наградить т. Тарасова Ивана Николаевича — технического директора Ульяновского автомобильного завода имени В. И. Ленина (производственное объединение «АвтоУАЗ») Почётной грамотой Министерства автомобильного и сельскохозяйственного машиностроения и ВС профсоюза работников автомобильного и сельскохозяйственного машиностроения и разрешить премировать его в размере месячного должностного оклада из фонда потребления объединения.

Министр Н. А. Пугин

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ОТКРЫТОГО ТИПА
«Ульяновский автомобильный завод»
П Р И К А З

29.12.95 № 109

О т. Тарасове И. Н.

Согласно личного заявления зам. начальника лаборатории 015 Тарасова Ивана Николаевича уволить с завода в связи с уходом на пенсию по возрасту с 03.01.96 г.

И.о. генерального директора А. П. Пинков

Сохранилась переписка между Иваном Николаевичем Тарасовым и Наталией Ивановной Кривойкиной (Тарасовой) с 1955 по 1977 год.

20 июня 1955 года. Горький.

Здравствуй, Наташа! Спасибо за переданный привет. Ната, это первое письмо к тебе и начать его очень и очень трудно. Трудность заключается в том, что я никогда не писал девушкам писем, а, следовательно, даже не знаю в каком нужно стиле его писать. Так что заранее извини за все передряги и ошибки. Это моя ахиллесова пята. Наташа, очень ждал от тебя хоть пару строчек, они меня бы очень выручили в данном случае. Теперь, когда ты от меня далеко, приходится вспоминать тебя тысячу раз, особенно дома у Вас, где всё напоминает о тебе.

Мне иногда кажется, что ты должна выйти из комнаты, и, что ты уехала, неправда или сон. Прошло немного времени после твоего отъезда в Старую Пустынь, а соскучился, истосковался по тебе — это не передать словами, так что, если встречу тебя, то расцелую на глазах у всех. Милая, хотя бы писала мне письма почаще, я как смогу, буду тебе всегда отвечать.

Наташа, обо мне ты всё знаешь, поэтому много писать нечего. По-прежнему подрабатываю в технологическом конструкторском бюро по конструированию оснастки и составлению технологий на Макаронной фабрике. Работа очень интересная. Но всё аварийно, срочно, немедленно, научного подхода к делам нет, всё на глазок. Мне это ужасно не нравится, хотя у них есть хорошие специалисты-технологи и искусные мастера по ковке любых деталей и валов. Вечером хожу гулять. В прошлый четверг Валерка с Любой утащили меня в Летний садик при Доме офицеров. Пошутили, посмеялись, вспомнили тебя. Вот приедешь, мы обязательно сходим. Согласна? Вчера проводили Колю Блинкова на практику в г. Выксу, туда, где я был прошлый год. Был у тебя несколько раз дома.

Ежемесячная зарплата Тарасова И.Н. с 1956 по 1995 год (сведения из партбилета)

1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
-	1595	1892	2093	1400	-	274	290	231	157
-	1400	2151	1536	1400	н	273	325	267	217
-	2488	2031	2880	1925	е	267	339	280	268
-	1809	3205	2662	3079	т	240	250	524	178
-	1825	1400	2055	1826	-	210	278	477	183
-	1400	1475	3008	2725	д	260	210	271	170
-	1855	1872	1148	1770	а	238	210	430	177
1572	2983	1830	1400	4084	н	194	428	382	154
1150	636	1500	1848	205	н	250	112	364	отп
1150	1400	2871	2011	2054	ы	210	221	177	193
910	1591	1401	1400	1711	х	305	345	157	250
1401	2752	1600	2715	2260	-	340	444	270	1099
1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975
273	291	76	541	457	313	437	370	671	330
315	355	355	300	550	645	405	353	537	497
137	290	674	483	486	501	805	520	422	250
454	542	433	604	421	517	492	686	701	500
отп	350	275	636	300	335	550	592	816	702
585	350	584	192	250	611	295	760	111	569
338	275	400	399	587	1004	531	91	322	467
405	612	251	375	330	397	85	229	476	324
364	201	350	250	432	566	685	359	300	352
250	72	360	549	742	441	460	440	555	420
416	60	600	400	285	640	685	345	331	434
651	417	250	369	318	502	411	250	331	535
1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985
496	519	340	457	335	205	420	360	380	574
448	531	572	586	335	440	450	380	380	478
270	340	530	568	477	543	561	705	561	1215
471	677	431	572	585	441	430	550	1074	380
476	560	364	300	497	514	572	500	677	653
492	390	433	420	547	518	455	514	501	615
400	350	468	325	335	523	335	453	524	471
250	542	333	710	335	450	455	536	459	380
250	534	455	300	465	445	475	547	651	380
352	319	326	70	465	380	502	412	701	380
385	400	340	335	335	458	387	718	588	624
511	320	720	335	623	458	670	1071	981	722

1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995
616	455	460	684	620	1128	8452	150667	512265	776160
554	687	814	1246	1039	1323	17675	167899	590198	1192320
380	879	806	720	1191	727	10695	79160	1508206	894240
807	735	551	1034	795	222	21474	135539	473299	894240
641	799	795	730	620	1089	27775	151083	512503	894240
648	656	740	916	780	1186	42075	193262	774872	817193
667	510	622	774	432	1106	21500	406678	942766	1971179
534	797	650	624	901	1685	77398	248504	688607	602199
1411	610	580	1109	490	915	41762	404936	575566	881043
1084	580	554	480	550	3175	49151	437903	596160	577653
512	1151	668	1565	742	5108	71915	484244	1242037	890273
603	856	400	2053	1128	8082	250808	568829	596160	937142

Работал в саду, очень хорошо отдохнул и был весьма доволен всем. Пиши всё, всё. Как проходит практика на Вашей биологической базе. Я даже позавидовал, хотя нехорошо это, Ольге Юлиановне, что она получила письмо, а я нет. Может быть, Ната, ты решила меня забыть, тогда сразу закроется всё: душа, сердце, мысли и тогда — будь что будет. На этом заканчиваю, пиши не откладывай.

Адрес: г. Горький, Студенческий дом им. Лядова, комната 88, Тарасову И. Н.

30 июня 1955 года. Москва.

Здравствуй Наташа! Большое спасибо за письма. Получил сразу два. Как они меня обрадовали. Хожу весёлый, развесёлый. Новостей очень много. В бюро автозавода практика закончилась. Сконструировал 3 штампа. Сейчас перешёл в цех. Руководитель заводской очень доволен, подписал все чертежи, пожал мою мужественную руку и ... проводил меня в цех. Как прекрасно получить такое письмо! Я весь ликовал целый день. И дела лучше как-то идут. Ты, Ната, самая замечательная девушка на всём свете, самая любимая, желанная, та, в которой я души не чаю. Сколько в душе счастья, любви! Разлука даёт возможность больше ценить тебя, Наточка. Я первые дни ходил, как в тумане, вроде не хватает кого-то. Потом только понял, руки друга нет рядом, его улыбки, ласкового взгляда. Вот, получив от тебя второе письмо, сразу, не открывая, узнал, угадал чутьём, сердцем, душой, что к тебе пришёл твой воздыхатель Юрий. Прямо-таки оборвалось внутри всё. Распечатал. Точно. Наточка, хорошо, что ты мне так это письмо написала — успокоила, вдохнула в меня уверенность! Беспокойство осталось, но это так нужно для меня, ибо, если его не было, то это было бы безразличие. Я тебе, любимая, верю. А почему боишься? Разве Юрий сделал тебе что-то плохое? Или за себя не ручаешься, боишься увлечься, думаешь, что вскроется давно зажившая рана? Поступай так, как подсказывает сердце, чувства. Встреться с ним, поговори, тем более для него ведь тоже, может быть, это горе, причём большое горе. И обижать его ты не должна хотя бы потому, что он этого не заслуживает, а во-вторых, он ведь человек, а ему всегда надо знать, как к нему относятся. Не правда ли?

Пусть это будет жестокая правда или для него, или для меня, но это будет лучше, чем потом, когда проживши годы, вскроется всё это. Моя любовь к тебе не поколеблется ни на минуту, даже в самом крайнем случае. Ты, Наточка, сама должна сделать выбор. Я это всегда говорил. Как ты относишься к обоим? В этом вся задача. И я был бы несправедлив к тебе, если бы стеснил твою свободу. Не думай,

Иван Николаевич Тарасов и Наталия Ивановна Кривойкина (Тарасова). г. Горький, 1956 год

Ната, что я не готов за тебя драться, нет, просто при равных условиях на первое место ставиться отношение женщины. Ходил вчера в Оружейную палату, вот где богатства страны. Особенно понравился цветок, поставленный в хрустальную вазу. Кажется, что налита вода, на самом деле просто свойства хрусталя отражать лучи. С каким бы удовольствием я подарил бы его тебе, Наточка!

19 августа 1955 года. г. Наро-Фоминск, военные сборы.

Извини, Наташа, что долго не писал тебе, просто никак не найду времени. Тебе станет всё ясно из нашего распорядка дня. Начну со дня моего отъезда. От Горького ехали 3 суток в пассажирских вагонах до Москвы. Дорога прошла хорошо, всю дорогу пели, плясали, а некоторые играли на деньги и проигрались в пух и прах. Привезли нас 5 августа в гвардейскую Таманскую дивизию, которая всегда участвует в парадах. Её путь начинался на Кубани, помнишь, Серафимович описывает Таманскую дивизию в «Железном потоке». Вот она и есть.

В настоящее время вся дивизия стоит лагерем в лесу. Ты бы очень удивилась, если увидела такое скопление палаток и такой образцовый порядок. Километра 3 в одну линию. Спать хочется до ужаса, но постепенно втягиваюсь. Как только нас обмундировали, так сразу попал в дневальные. Целые сутки на ногах и не спать — это очень тяжёлая штука. Но настроение всегда хорошее. Распорядок такой: подъём в 5.30, занятия, в 8.00 завтрак, опять занятия, в 14.00 обед, опять занятия. Ужин в 9 часов вечера. Отбой в 10.30. Так что даже личного времени дали всего один час. Удивительно, но я начинаю поправляться, мне даже не верится, что буду когда-нибудь полным. В полку имеется 4 телевизора, смотрел футбольный матч СССР — Англия. Сегодня к нам приехал Тимохин, это заместитель начальника военной кафедры нашего института и сделал своего рода интервью о жизни города, институте, кафедре. В свою очередь ребята высказали жалобы на непорядки и недостойное поведение некоторых офицеров. Дело в том, что здесь, хотя и гвардия, есть своего рода вывихи и заскоки, как у подчинённых, так и у начальства. Вот сегодня был концерт: командир соседнего батальона связи запретил нам умываться в своём умывальнике и поставил караул. Его просмеяли, а он за это посадил на га-

уптвахту двух солдат, подошедших с нами мыться. У меня оказался распрекрасный аппетит. Пища, конечно, грубая, солдатская. Приеду, обязательно попробую твои изумительные супы. Нет, даже не попробую, а плотно покушаю. Идёт?

Ната, очень соскучился по тебе. И всё-таки, так я ничего и не пойму: почему же у нас всегда это самое — «всё у нас с тобой по-прежнему». Друг друга не понимаем, стараемся заставить друг друга страдать, мучиться. У меня этого в мыслях нет. А что касается того, что я намерен дальше делать, можно ответить так: не зная твоего отношения ко мне, ничего не могу даже предполагать или планировать.

Сегодня был на полигоне, производили отстрел боевых упражнений из танка. Результаты хорошие. Вечером, часов в восемь, отправимся головной походной заставой по маршруту Наро-Фоминск — лагерь и обратно, так что вернёмся очень поздно. Очень рад за тебя, что занимаешься литературой. Эх, Ната, если бы ты прочитала «Сила сильных» Дж. Лондона, то думаю, каждый день у тебя был бы праздник. Рассказы очень жизненны. 21 августа будем принимать присягу, а в следующее воскресенье — практические занятия по материальной части.

Передавай привет родителям.

1 февраля 1956 года. Москва.

Спешу поделиться с тобой впечатлениями последних дней. Конечно, самым замечательным было посещение Центрального дома Советской армии и концерт Эдди Рознера. Концерт — полная противоположность Айвазяновского. Много нового в конферансе, игре самих артистов. А оркестр изумительный по слаженности. Эдди исполнил свой «Караван» и песенку «Стиляга», написанную специально для оркестра композитором Островским на слова Л. Ошанина. Теперь о практике. Дела на заводе идут неплохо. Материала набирается много, даже не успеваю записывать и чертить. Раз по десять на день спускаюсь в цех из бюро. Прихожу домой и сразу спать, так как рано вставать, в 7 часов. А как надоело ездить по 1,5 часа на трамваях и метро. Несмотря ни на что я доволен практикой. Ребята прислали письмо и просят достать материал и чертежи по автоматической линии клапана. Придётся на кальку снимать. Не сделать нельзя, ведь у них диплом. Потружусь на благо своих друзей и товарищей. Так ведь, Ната! Ребята прислали кучу писем. Я ведь, как пишут, счастливчик. Да и впрямь всю дорогу везёт во всём: встретил тебя, полюбил сразу,

И. Тарасов на учебных сборах в Таманской стрелковой дивизии. г. Наро-Фоминск, 1955 год

без колебаний. Знаешь, сейчас вспомнил самый первый вечер, когда увидел тебя на лестнице в университете, вот тогда сказал то, чего ни говорил тебе никогда, вернее, подумал — вот кого искал всю жизнь. Может быть, это тебе покажется наивным, но для меня это святое. Для меня этот вечер был началом самой прекрасной сказки, из течения которой я уже не в силах выплыть.

8 августа 1956 года. Ульяновск.

Спешу тебе описать всё происшедшее за то время, как расстались. Как я рад, Натулечка, что плыл до Ульяновска 1 классом. Всю дорогу благодарил папу. В каюту так никто и не подсел. Да я ничуть не скучал: накупил гору брошюр, вполне хватило на дорогу. Пароход опоздал на 1 час, но мне это на руку, так как являться к В. В. Белокриницкому так рано нельзя. В город доехал на свободной автомашине до почтамта, дал тебе телеграмму и сидел битых два часа. Потом зашёл к В. В. Белокриницкому. Для приличия он меня поругал, позавтракали и поехали сразу на автозавод. Эмир с Борисом работают сегодня первый день наладчиками, а как штатные единицы записаны конструктор — Эмир, технолог — Борис. Оклад им положили 950 рублей. Посмотрели прессовый цех, потом пошли к заместителю директора договариваться о жилплощади. Дал разрешение. Не знаю, где буду жить, но большая вероятность, что вместе с Эмиром.

Он живёт в одном из 10 коттеджей, в двадцати минутах ходьбы от завода, кругом сады, зелень. Относительно работы пока так, зачислили технологом, оклад пока неизвестен, наверно, будет такой же, как и у друзей. Натулечка, обязательно при-

шли фото, как бы ни получилось. Пришла ли путёвка в Чехословакию? Сшила ли себе халатик? Пиши теперь всё, до мельчайшей подробности. Пиши ответ по адресу: г. Ульяновск, п/о 8, 4-я жилая площадка д. 8 кв. 4.

21 августа 1956 года. Ульяновск.

Здравствуй Наточка! Живу на частной квартире, которую оплачивает завод. В комнате нас четверо: Эмир, двое сталинградцев и я. Дом расположен в двадцати минутах ходьбы от завода. Кругом зелено. У хозяйки очень хороший сад. Единственно, что плохо — грязь непролазная, так в ботинках ходить нельзя. Представляю, как будет осенью. Ну, да всё равно. Работаю мастером в кузнечном цехе с окладом 1150 руб. У В. В. Белокриницкого работать не стал, так как он хотел посадить меня конструктором, а ты, Наточка, знаешь, как это я не выношу. Он теперь начальник отдела автоматизации и механизации. Отдел сам по себе стоящий, но нет у него ни места, ни кадров. Даже цели его пока неизвестны. Вот почему ребята работают наладчиками в прессовом цехе. Конечно, с них никакого спроса нет, глядят, как работают другие. Мне это сразу не понравилось, и я полез в кузнечный цех. Думаю, так будет лучше. Работаем в три смены, причём третья наладочная. Первую неделю работал в первую смену. Уставал страшно, как приходил, так сразу ложился спать. С 20 августа работаю во вторую смену. Вот тут столкнулся со странностями, граничащими с безобразиями. Все рабочие уходят в 12 часов ночи, тогда как нужно работать до 1.30. Причём говорят, что это с незапамятных времён. В понедельник начальник цеха дал задание изготовить 500 спинок сиденья ГАЗ-69, сделали 420 до 12 часов, а затем рабочие «скромно» удалились, даже не спросив разрешения у мастера. В моей смене 22 человека. Оборудование южного пролёта — 5 лёгких молотов от 1000 до 2500 тонн, 2 горизонтально-ковочные машины, 5 обрезных прессов. С людьми веду себя скромно, даже до сих пор никто не знает, что я окончил институт. Сегодня сменный мастер (напарник) спрашивает меня: «Ты не знаешь, кто это пришёл к нам в цех с высшим образованием? Мне сказал начальник цеха». Я пожал плечами. Знает только Винокуров, являющийся моим непосредственным начальником.

26 августа 1956 года. Ульяновск.

Здравствуйте, папа и мама! Очень благодарен за поздравления и пожелания. Получилась очень контрастная вещь: ребята получили письмо и заставили меня плясать. Вскрываю письмо, читаю строку за строкой, лицо постепенно менялось. Угостили Вы меня крепко перед сменой. Мне всё-таки казалось, что Вы лучшего мнения обо мне. Говорила мне мама — она тебя будет попрекать этим. Ты, Ваня, из простой семьи, выбери простую — и живи. И всё-таки мне захотелось Нату, потому что я её люблю. Да, я грубоват, но всегда выражаю то, что думаю, и скрывать этого не собираюсь. Если ей не нравился мой образ мысли, то я не в силах что-либо изменить. Ну, хорошо, пусть я некультурен, без морали, но ведь Ната — культурная девушка, и ей бы не пристало говорить так со мной, как будто я ничтожество перед ней. Подчёркивать свою культуру — самая большая бескультурность. Я же постараюсь подтянуть себя до уровня передового советского культурного человека, и восстановить утраченное чувство тактичности. Кстати сказать, у меня его и не было, и Ната должна была бы мне его привить за эти 1,5 года.

Разводиться же я не думаю, да это было бы смешно, после первой ссоры.

Пару слов о себе. Живём вчетвером на частной квартире, оплачиваемой заводом. Постельные принадлежности из общежития. Хозяйка готовит картошку, супы и прочее. Для работы купил лыжный костюм за 150 руб. и сапоги солдатские. Подъёмные получил в размере 600 рублей.

Иван Тарасов с матерью Евдокией Васильевной и другом Эмиром Мурасовым.
г. Ульяновск, 1951 год

Студенты Горьковского политехнического института.
г. Горький, 1955 год

5 сентября 1956 года. Ульяновск.

Ната, был дома в Мелекессе, а чувствовал себя внутри очень невесело, получивши два письма, в которых я душу твою, твоих мыслей о дальнейшей жизни так и не нашёл. Только мечта о счастье, о полном счастье, которое отпущено человеку природой. У меня сейчас какая-то неопределённость, сомнение, хотя в себе очень твёрдо уверен. Пойми, милая, правильно.

Прихожу с завода в 5 часов, кушаю и принимаюсь за чтение, вернее изучение литературы. Часов в 10-11 ложусь спать. И так каждый день. Очень много пробелов в знаниях. Пока ни о каких перспективах не думаю — стараюсь изучить дело. Перспективы придут потом, вместе с квартирой. Борис живёт в гостинице. Вероятно, скоро дадут комнату. Его жена устроилась работать в школу, дали ей 12 часов в неделю. Маловато, да лучше, чем ничего. Педагогов здесь много, места почти все заняты, очереди огромные к директорам школ.

Выпивка с рабочими для меня дело нестоящее. Стараюсь этого не делать. Вот съездил домой в Мелекесс и выпил два стакана красного — болел всю неделю. Ещё, бывает, вечерами зачитываюсь рассказами О. Генри. Прочитал два тома. Да, если будешь в магазине, то посмотри книгу: «Печи для нагрева металла» под редакцией Доброхотова издания 1941 г. и справочник Проектанта машиностроительных заводов часть 1 — «Проектирование цехов горячей обработки» издания 1946 года.

Зарплату за август получил в размере 481 рублей.

Скоро получу аванс. Часть высылаю тебе, обмой мою первую получку вместе с папой и мамой, мне не придётся в силу того, что все здесь пьют до потери сознания, желаю остаться подальше от этого.

28 сентября 1956 года. Ульяновск.

Меня пригласили в автомеханический техникум читать лекции. Сейчас сижу и пишу их, а литературы так мало, что приходится собирать из разных книг по малому. Некоторые лекции есть целиком: остались после техникума (часть привёз из дома, часть прислал бандеролью Н. Блинков). По свободной ковке дело обстоит проще, а вот по нагревательным устройствам совсем плохо. Нужных книг нет, а лекции В. В. Белокриницкого недостаточны по объёму, так как он читал нам 2 часа в неделю, а мне придётся читать 6 часов в неделю.

Прихожу в 5 или полшестого, готовлю ужин, состоящий главным образом из того, что есть в магазинах: консервы, масло, хлеб и т.п. Вот уж времени уходит много, до 7 часов еле успеваю. В 11 ложусь спать в холодную постель. Ничего, как-нибудь пройдёт это время разлуки, и мы снова будем вместе.

На работе дело идёт хорошо, хотя план не выполнили. Но это не характеристика работы пролёта. Раньше пролёт изготавливал массовый заказ Миасского велозавода на шатуны, которые составляли 20% программы, 2 молота всегда были заняты. Теперь этот заказ мы не выполняем, нет металла. Кузнецы привыкли «ляпать» эту простую деталь так, что когда поставишь на более сложную работу, садятся в «галошу». Завёл новый порядок по уборке рабочих мест, снимаю с молота или пресса и заставляю убирать мусор или окалину. Трудно, но приучить можно. Участок резки — предмет моих первых забот, теперь выглядит совсем иначе: чист, всё в таре, которой так мало. Молот 2500 тонн остановил и не допускал до работы никого целую неделю. Начальник цеха попрыгал и отдал его в ремонт. Сегодня вместе с механиками возились целый день, но ничего не смогли сделать. Завтра посмотрим его с точки зрения управления золотником и соответствия его дросселю. Два часа переводил с английского пояснения фирмы по наладке и регулировке. Короче, в работы коллектива постепенно втягиваюсь. Отработаю срок свой в цехе мас-

тером, буду кое-кого просить потесниться. Так надоело всё здесь за этот короткий промежуток времени. Всё вроде не так, ничего не радует. Ведь сейчас надо прямо радоваться: работаю, буду читать лекции, молод, полон сил, энергии, но нет тебя — и всё видится серым. В. В. Белокриницкий советует тебе приехать. Зря разбрасываетесь, говорит, молодостью. Ты, конечно, милая, будешь против, но подумай хорошенечко об этом. Здесь ведь в институте есть естественный факультет. Мне вырваться отсюда сейчас никак нельзя: надо отрабатывать тот минимум времени, положенный молодому специалисту, после чего он может перевестись куда ему заблагорассудится.

6 октября 1956 года. Ульяновск.

Вчера так устал, что не смог написать письмо, хотя у меня был такой радостный день — первый день преподавания в техникуме. Пришли в группу вместе с заместителем директора т. Белым, поздоровались, он представил меня и ушёл. Сначала так растерялся, что не мог произнести ни слова. А потом с отчаянной решимостью прошёлся по классу, спросил о работе в колхозе и на целине и ... дело двинулось вперёд. Ребятами очень доволен, смышлёные. Моя ставка 11 рублей в час. Самому не вериться, что в январе буду принимать экзамены. Когда работаю в 1 смену, то меня отпускают на 2 часа в техникум, с разрешения главного инженера. Вот вопрос: как ты будешь целовать преподавателя, учителя. Мне как-то не по себе.

На работе дела идут хорошо. Народ хороший. Есть исключения, но для них у меня есть свой метод — метод «безделья» и лишения работы: ходит он без дела целую смену, слоняется, а это очень надоедает, да при том он ни копейки не зарабатывает. Приходит и говорит: мастер, давай работу. Работу не даю тем, кто нарушает или порядок или чистоту или ещё что.

Неужели у тебя будет такое шикарное зимнее пальто! Вот прекрасно, что достали такой замечательный материал. Ну и что же что дорого. Зато вещь не на один день. А мне этот материал как раз понравился: только вчера был в ателье и там драп-велюр такой же только цена 460 рублей за метр. Я хотел уже было писать тебе об этом, но получил письмо, в котором такая радость! А я думаю купить себе фуфаечку для осенней работы в цехе, ведь в пальто не пойдёшь туда. Правда? Здесь все ходят в таких. А ещё куплю себе зимнее бельё, нижнее. Остальное наживём потом, в будущем. Костюм тоже мне хочется, это давнишняя моя мечта, тёмно-коричневый. Но возможности пока ограничены. Потерпим.

Избрали меня в цехе в состав бюро ВЛКСМ. Очень долго спорили кому быть секретарём. Предложили мою кандидатуру, но я отвёл, мотивируя всё тем же — нет времени. Выбрали второго мастера, а меня заместителем секретаря. Был на комсомольском собрании Г. Холькин — второй секретарь комитета ВЛКСМ завода, бывший мой заместитель по работе в техникуме. Он хочет также идти в мастера, как выяснилось из разговора. Парень дельный.

10 октября 1956 года. Ульяновск.

Здравствуй Натулечка! Прямо расцеловать тебя хочется за такую хорошую телеграмму! Очень и очень, милая, доволен тобой. Мне очень тепло было на своём дне рождения: нет, нет, да и вспомню то выдержку из письма, то телеграмму прочитаю. Как хотелось быть вместе. Но, увы!

Вечер, дорогая, прошёл замечательно. Всего было 12 человек: Эмир, Борис с женой, Юлий, Юрий с девушкой, хозяйка с хозяином и остальные знакомые Юлия и Юрия. Собрались все часов в 7 вечера, стол приготовили очень хороший — закуски было много, самой разнообразной. Водки было 3 литра, но не думай, милая, что я усердствовал. Нет, только 2 рюмочки выпил белого и одну красного.

Мне ведь нужно было идти на работу к 2 часам ночи в третью смену, и я боялся, чтоб не попасть в неудобное положение. Ничего, когда пришёл на завод, в голове у меня хмеля уже не было. Зато ребята перепились все. Эмира пришлось транспортировать на себе с улицы, куда выходили прохлаждаться. Юлий свалился у радиолы, которую купил в это же воскресенье (приёмник «Балтика»). До всего этого, т.е. в процессе «пития», все были очень и очень весёлые. Много плясали и вообще веселились здорово.

Мне, Наточка, подарили Борис с Ритой динамический громкоговоритель, такой маленький, хорошенький, изящный, портативный, одним словом. На вечере все ребята с девчонками или с жёнами, а я только с мыслью о тебе. Читали твою телеграмму все. Уж очень понравилось всем это словосочетание — «мне тебе». Только Сергей Николаевич (хозяин) говорит, что лучше было бы, если стояло «нам».

На работе дела идут всё также, с понедельника заступаю в третью смену, такая дурацкая смена. Ведь ничего же не делаю, прихожу и до 6 часов сплю. Сначала, конечно, даю задание наладчикам, в 6 часов проверяю исполнение, разжигаю печи, опробую штампы, закладываю металл. Отношения с руководством цеха нормальные. Веду себя со всеми одинаково независимо и прямо. Одним словом, ничем себя не связываю. Остальные здесь разбиты на различные группы и перед руководством цеха ходят на задних лапах, что мне не нравится.

Наточка, ты обещалась писать мне чаще, а получается, наоборот. Может, нет времени, а может, не хочется. Ведь с 27 числа до 10 я получил всего одно письмо от тебя и от папы. Мне кажется, это маловато.

Передавай привет папе, маме и всем знакомым.

17 октября 1956 года. Ульяновск.

Получил от тебя письмо. Мне кажется, можно было легче немного написать. Зачем столько злости и едкости. Относительно денег прошу впредь меня не учитывать, и если я тебе прислал 300, 250 или 200, то мне это виднее, как, сколько и когда присылать. А на деле что? Очень сожалею о том, что был поставлен такой вопрос. Он гласит о том, какое малое место я у тебя занимаю. Долг матери отдам, это меня поразило. Если ты будешь менять отношение к мужу из-за того, что надо сшить пальто, и для этого требуется много денег, то жизнь твоя будет очень «хорошей», а муж будет ходить всегда в «радости».

20 октября 1956 года. Ульяновск.

Решил написать тебе письмо прямо в смене. Сижу ночью в цехе, сейчас работаю в третью, и описываю тебе своё житьё-бытьё. Очень много приходится думать относительно нашей дальнейшей жизни и своей работы. Утешительного мало. На меня тут свалилась ещё одна неприятность, заключающаяся в переводе на работу в райком ВЛКСМ. Не знаю, как пройдёт районная конференция. О недопустимости такого шага не приходится говорить — это угробит меня как специалиста. А нажимают очень здорово! Но я откажусь, даже если выберут. Перевод в Горький оформить очень трудно, и займёт это не меньше года.

Кроме того, меня очень беспокоит ещё одно обстоятельство, касаемо нашей жизни; когда я жил у тебя, помнишь, такой характерный случай, когда мы поссорились, а родители, видя это, сказали, что будут вынуждены просить нас искать себе квартиру и жить отдельно. Мне это очень запомнилось, так как я очень был обеспокоен тогда ещё этим вопросом — смогу ли я ужиться с твоими родителями под одной крышей. Родители, вот сейчас могу сказать точно, не всегда объективно подходят ко мне и очень мало уважали меня не только как твоего мужа, а и как человека. На октябрьские праздники обязательно приеду, посоветуемся.

Купил себе две пары нижнего белья, стоит одна пара 52 руб. Занял денег у Юрия — 100 руб. Вчера нам выдали зарплату — 460 руб. Купил также 2 пары носок, но не таких тонких, а шерстяных, стоят 9,25 руб. Стараюсь выкроить этот месяц на билет. Надо полагать, что полечу самолётом, всё не так много времени уйдёт и больше будем вместе. Утром прямо с завода пойду в техникум читать лекции. Так обычно делаю после третьей смены.

14 ноября 1956 года. Ульяновск.

Здравствуй Наточка! Вот я снова в Ульяновске, но с таким скрипом! Ехал полтора суток. Сидел 16 часов в Рузаевке. На работу, конечно, опоздал. Ещё не знаю, что мне будет. Договорился с мастером, который за меня отрабатывал, что пойду за него в пятницу в ночь. На душе у меня после пребывания в Горьком как-то спокойнее и увереннее стало. Дай бог, чтобы всё у нас наладилось. Я этого так хочу, так хочу. Вчера ходил к Борису за пальто, а он его из Мелекесса не привёз. Говорит, что мои не вынесли к поезду. Теперь мне ходить на завод не в чем. Надо было взять телогреечку в Горьком. Ну да ладно. Вероятно, в это воскресенье поеду к матери сам. Тут что-то не так. Предчувствую. И главное — нет писем: все неграмотные, кто будет писать, правда?

Прочитал твоё письмо, которое пришло в моё отсутствие. Мне почему-то сделалось смешно. Действительно, сколько уже раз ты мне говорила, писала, всё убеждалась, что не люблю, потом разубеждалась. Или это только видимость. Понять здесь что-либо трудно. Поменьше этого слова надо говорить, а больше думать. На меня ты конечно в обиде? Или нет? Пиши всё о жизни, учёбе, работе.

24 ноября 1956 года. Ульяновск.

Сегодня я отдыхаю. Хотя и нет письма от тебя, но мне очень хорошо. Действительно, я больше стал чувствовать тебя, миленькая, и меньше думать о плохом. Раньше всякая чушь лезла в голову. Вероятно, больше уверенности в тебе, в себе. Только беспокоюсь о твоей курсовой работе. Сходил в кино на «Человек родился». Какой замечательный фильм, с какой правдивостью, с какой простотой даны все события. Меня просто потрясло это кино. Эмир такого же мнения. Я даже теперь представляю, как ты будешь матерью. Тебе, наверное, не понравится эта строка, но мне так хочется такого пухленького! Очень. И я буду приходить к тебе туда, в ... и волноваться. Так все говорят. У нас работает технологом молодой парень, Алька Давыдов, он мне всё рассказывал, как он волновался, когда ходил к своей жене.

Боже, скорей бы вместе. Представляю, как мы будем жить в дальнейшем — хорошо и дружно. Сходили так же вчера в театр на «Нашу дочь». Коллективный выход, нельзя было не идти. Мне как комсомольскому вожаку пришлось взять билет, взял самый дешёвый, по 8 руб. Наконец то прислали из дома пальто. Так рад — непередаваемо. Отругали меня, что не приехал домой на праздники. Ближе к Новому году съезжу.

8 декабря 1956 года. Ульяновск.

Сегодня пришёл утром с 3 смены и залёг спать. Проспал до твоего письма. Когда приходят твои письма меня почему-то всегда все будят. Наверно считают, что мне медлить с прочтением никак нельзя.

Днём неожиданно приехала мама. Рад был до бесконечности. Она выглядит так хорошо, прямо молодо. Очень весёлая. Пришли вместе с женщиной из её учреждения, которая работает бухгалтером. Искали нас очень долго, почти 2 часа. И не мудрено. Действительно, когда я приехал и в первый раз искал комнату Эмира, я потратил не меньше времени. Приехали они из Мелекесса в командировку целой группой за спец. одеждой для школы. Мама говорит, очень соскучилась.

Я сходил в магазин купил сома, хозяйка пожарила, кое-какие припасы были дома. Ужин получился хороший. Мама очень довольна. Конечно, немного выпили. Она вспоминала, как была у тебя и выпивала. Я говорит, одна бы выпила тогда бутылку! До чего было хорошее настроение. А потом проплакала весь день. Сейчас вспоминает со смехом. И чего плакала. Удивляется! Часов в 11 вечера они уехали в гостиницу.

До свидания с тобой осталось 43 дня 20 часов 00 минут.

9 декабря 1956 года. Ульяновск.

Здравствуй Наточка! Милая, как я тебе благодарен за твою тёплую душу ко мне, одним словом, у меня не только сейчас радость, а просто умиление тобой! Какая ты умная! В слова не вольёшь всего того, что сейчас у меня к тебе. Скорее, скорее приезжай ко мне, как плохо, что не вместе. Сейчас пришёл с третьей смены, немного поспал и получил от тебя эту весточку, и всё прямо запело внутри, хочется плясать. Письмо то, которое ты послала раньше, пришло как ни странно только с этим. Шло чудо как долго. И где оно лежало? Наверно, оно шло без желания! Правда?

Ходили с Эмиром в гости к Борису, 5 декабря, он получил в гостинице новую комнату с диваном, шифоньером и столом. Он просил меня помочь деньгами на покупку кровати, стульев и прочего необходимого. Мол, потом поможем Вам, т.е. мне и тебе. А то очень тяжело одним (даром, что оба работают) приобрести всё. Как нам поступить, напиши мне.

Пришёл на третью смену, а там оказывается, меня назначили дежурным по цеху. Пришлось очень туго, так как сломались два конвейера, и коробку включения у печи кто-то из хулиганства сшиб с места. Причём сделали это ещё 4 декабря, и никто из дежуривших ранее об этом не написал в журнале. В техникуме всё благополучно, осталось прочитать 4 часа в пятницу и субботу. Потом группа уходит на практику на наш завод до 1 января. Затем я прочитаю ещё недели три, и — экзамен. Как раз приедешь к экзамену и можешь прийти на него, послушать, как будут отвечать. Придёшь, да?

Был у заместителя директора, он дал указание начальнику ЖКО завода изыскать на 15–20 дней для нас комнату. Завтра ещё раз пойду по этому вопросу. Но добьюсь. Продуктов думаю, найдём. Не забудь захватить сахара, сейчас здесь нет никакого, и масла сливочного, хотя бы с килограмм надо привезти. Вот и потребуются тебе деньги.

20 декабря 1956 года. Ульяновск.

За ноябрь получил зарплату в 229 рублей, не засчитали 3 дня по ошибке табельщицы, а это 120 рублей. Деньги вышлю тебе или сегодня или завтра, в зависимости от того, когда получу. Ты права, Наточка, что можно взять в кассе взаимопомощи. Ребята тут хотят с Эмиром устроить котёл, он бедный никак один не купит пальто, всё не хватает, хотя живёт бобылём. Нужную тебе миллиметровку всё никак не куплю, а с завода вытаскивать не решаюсь, хотя здесь что угодно протаскивают. Был во вторник у директора — отказался принять, думаю, что это В. В. Белокриницкого штучки, директор ведь сказал ему, что будет здесь — и баста, то есть никуда меня не отпустит. Ходил к заместителю директора по быту насчёт квартиры или комнаты, но до лета ничего давать не будут, выселяют из бараков и гостиницы. На днях придёт после болезни начальник цеха, буду просить подписать ещё заявление о переводе, два уже изорвали.

На работе у меня дела идут хорошо. Не нарадуюсь на своих кузнецов — молодцы какие. Они у меня теперь убирают за собой — чистят оборудование и план выполняют. Годовой план выполнили к 14 декабря. Вчера с утра читал лекции в Красном уголке студентам — 4 часа. Пропустил-то я много в связи с поездкой к тебе, теперь

нагоняю. Обидно, что не дают премии, может к Новому году дадут. Эта премия будет твоя, как залог нашей совместной жизни. Все премии твои, но с отчислением 10% в мою пользу. Согласна?

Начальник цеха ещё до своей болезни предлагал мне стать начальником пролёта. Хватит, говорит быть мастером. Надо браться за большее.

23 декабря 1956 года. Ульяновск.

Получаю от «любящей» жены не письма, а текущие счета. Неужели не нашлось более тёплых слов, кроме этой арифметики. Какая-то боль в душе и чувство незаслуженной обиды. Дошла даже до того, что обвинила меня в нечестности. Нельзя переходить границу, даже если ты жена.

Ведь уезжая, я говорил тебе об этом — с поездкой в Горький бюджет будет тощ. Приезжала мама, которой даже ты согласишься, надо было помочь. Ты всё забываешь и помнишь только себя и свою семью. Не забывай, что расходы на стороне больше, каждую мелочь покупаешь. Тебе не понять этого, так как ты не жила на стороне. Ты думаешь, что я живу лучше, чем когда учился. Хуже. Да такая работа! Здесь туберкулёз схватить в два счёта можно, если питаться плохо. Я жертвовать своим здоровьем не хочу в таком аду. А ты даже забыла спросить о моих условиях жизни. Далее более. Пишешь, «то взаймы дать, то ещё чего». По-моему, я ясно написал, что Борису дать взаймы, когда он будет вселяться, а мне, когда ты приедешь ко мне. Причём я ведь только просил совета, а ты мне пишешь в виде упрёка. У меня закрадывается мысль, что во мне необходимости у тебя очень мало. Я звоню ей, а «она ещё с занятий не пришла», хотя мама сказала по телефону, что ты знала, что я звонить буду. А я ушёл с дежурства, чтобы позвонить тебе! Разве это честно? Да к чему всё это писать, когда ты на второй же день разочаровалась во мне, а потом — «приди Юрий, я ни за что бы не вышла за тебя». Можно только удивляться твоей любви.

О деньгах. Я получаю на руки — 909 руб., комсомольские и профсоюзные взносы — 23 руб., плата за комнату — 30 руб. 20 октября получил 460 руб. аванс, 5 ноября 449 руб. под расчёт. Деньги, получаемые в автомеханическом техникуме: прочитал всего 48 часов, включая 8 часов на практике. За час получаю 10 рублей, как преподаватель, у которого нет стажа. Из них как поехал в Горький, то получил к начислению 240 рублей минус вычеты. Остальные не получил до сих пор. Наверно возникает мысль, почему так мало? Две недели — одну у тебя, одну после приезда проболел всю. Сверимся с твоими планами, около 1200 рублей. Это будущее, твой прогноз. А действительность: 856 + 200 твоих =1056 руб.

Будешь писать ответ, то пиши, пожалуйста, на конверте имя. Маленьких и то за это ругают! Если забыла, то меня зовут Иваном, а не «Тарасову».

25 декабря 1956 года. Ульяновск.

Пишу тебе в очень большой тревоге и отчаянье, только от директора завода. Как я ни стоял на своём, но директор опять — не трать, кума, силы — пригодятся, всё равно не отпустим. Говорю, что буду ходатайствовать перед министерством, а он — вот после твоего ухода сниму трубку и позвоню начальнику управления руководящих кадров министерства, тогда действительно будет всё. «О квартире разговор другой. Дам. Привози жену».

Наточка, приезжай совсем ко мне зимой после сдачи экзаменов, и будем жить в Ульяновске. Здесь есть институт, есть твой факультет. Я больше не в силах переносить разлуку. Такое одиночество, тоска, хоть в петлю лезь.

На работе у меня прибавилась ещё одна горизонтально-ковочная машина, будем делать шаровую опору, которую возят с Горького на самолётах.

30 декабря 1956 года. Ульяновск.

Почему от тебя нет писем вторую неделю? Квартиру мне не дали, всего было 16 квартир, а нуждающихся около тысячи, причём директор дал молодым специалистам 4 квартиры. Борису дали 12,4 метра, не комната, а аппендикс какой-то! Но он и этому рад. Стоял и обо мне вопрос, но решили дать первому из оставшихся восьми молодых специалистов в следующем доме, который будут сдавать к маю. Вчера стояли около новой ковочной машины главный металлург т. Павлов, наш начальник цеха и его заместитель. Так вот Павлов говорит начальнику цеха Буслаеву, что придётся меня забрать начальником тех.сектора, так как бывший подал заявление об уходе на другую работу по причине здоровья. Работа требует большой головы, как в смысле ума, так и в смысле большой подготовки и разносторонних знаний. Буслаев фыркнул только, «мне он самому нужен». Вообще, Ната, приятны такие разговоры. Но не думай, что они мне кружат голову.

6 января 1957 года. Ульяновск.

Всё-таки на Новый год собрались с Эмиром и укатили в Мелекесс. Приехали 31 утром Челябинским поездом. Дома собрались все друзья и родные. Мамуля постаралась с закуской. Эх, и пироги были! Самые любимые мои. Вечер прошёл очень хорошо. Мне, правда не пришлось танцевать и резвиться, так как я потянул ногу, но пел вместе со всеми. Вернулись в Ульяновск второго и прямо на работу. Наши ребята - сталинградцы, что не поехали, жаловались, что плохо провели время. Телеграмму тебе не послал, так как 31 декабря у нас поздравительные не принимали, а потом денег осталось совсем мало, только на обратный проезд и на 1 бутылку водки. У меня ведь зарплата 5 числа. Очень огорчён, что не сдала зачёт по биохимии, надеюсь, что ты пересдашь, и всё будет благополучно.

Бросил ли я курить? Нет, никак не хватает силы воли. Натулечка, я только вчера выслал тебе ещё 200 рублей на дорогу. Получилась неувязка. Ну купила бы себе что-нибудь на платье или положила на сберкнижку, ну в крайнем случае приберегла бы для дороги. Давай договоримся с тобой на будущее — если высылаю, то покупай себе или мне что-нибудь, а не высылай обратно. Хорошо. Я оставляю себе ровно столько, сколько необходимо человеку без жены и тоскующего по ней. Покупать — я ничего не покупаю.

С переводом дело обстоит так как писал. Об этом разговор закончен навсегда. Тут ничего нельзя сделать. Десять раз ходить и получать один ответ: не подпишу, мне нужны специалисты. Все шаги в этом направлении показали их бесполезность и несолидность. Перевод не дают даже людям, у которых положение совсем плохое. Валентин, что работает с Эмиром в отделе, ходит вот уже второй год с просьбой о переводе. У него отец после операции, мать больная. Вот недавно ему В. В. Белокриницкий подписал, ввиду безвыходности положения, да и то с припиской: специалист нужный, грамотный не возражаю. Перевод оформляют только через министерство с предоставлением справок, заявлений, подписанных руководством завода. Мне даже стыдно за себя, за свою затею. Ведь я знаю, что не отпустят, а всё равно настаиваю. Конечно, можно бросить всё и уехать на ГАЗ. Всё равно вернут, но тогда уже будет дело другое. Ребята пробовали, но и сейчас работают на заводе. Кроме всего прочего, работа на ГАЗе меня не устраивает ни с какой стороны, а в другое министерство перевода мне не видать как своих ушей. Мне очень хочется быть вместе, очень тяжело одному, но работа нравится, завод перспективный и город Ульяновск неплохой. В Горький не поеду, теперь это точно и навсегда, буду жить в Ульяновске. Я тебя очень зову сюда. Тебе это, конечно, не понравится, но что же делать — придётся считаться с обстановкой и моим желанием.

Не всегда же тебе жить с родителями. Ты замужем и должна держаться мужа. Вот закончишь учёбу и приедешь ко мне навсегда. Какие бы испытания ни выпали на мою долю, ты разделишь их, будешь поддержкой мне. Это относится в равной степени и к тебе. Мы с тобой должны начинать свою самостоятельную жизнь, в которой может быть и радость и печаль.

Наточка, не смотри на жизнь своих подруг. У каждого своя дорога к желаемому и, кто знает, кто раньше и каким путём придёт к счастью быстрее. Ты пишешь, что расстались мы в неуверенности — сможем ли мы жить вместе в дальнейшем. Тебе, как видно, очень хочется сразу узнать ответ на этот вопрос, чтобы не страдая, не тратя лишних усилий, решить в ту или другую сторону. Я вот уверен и хочу быть вместе. И ответь мне, пожалуйста, в чём же ты, собственно, усомнилась?

21 января 1957 года. Ульяновск.

Поздравь меня, Натулька, теперь я начальник Южного пролёта кузнечного цеха (старший мастер). Пролёт расширили. Включили в него наждачное отделение, дали дополнительно ещё одного мастера. Теперь я главный над 4 мастерами. Народу в пролёте увеличилось человек на 15. И оборудования прибавилось. Вообще в пролёте никто не ожидал, что дело примет такой оборот. Я знал, но молчал об этом, так как мы разговаривали с начальником цеха Буслаевым ещё за месяц до назначения. Не ожидал только, что Винокурова поставят начальником волочилки и травилки, это такая дыра. Пока порядки в пролёте старые — «винокуровские». Скоро буду в корне менять. Подготовил распоряжение, по которому всех наладчиков переведу в кузнецы за низкое качество продукции, процент брака доходит до 50.

Первые два дня, как начальник пролёта, занимался двумя деталями: 69-1802090 и 69-1802112. Они самые капризные. Сам все штампы размечал и проверял. Заставил работать всех наладчиков, слесарей, мастеров. Первую смену ухлопали полностью в простой, но зато вторая и третья наделали 3000 штук, чего у нас никогда не было, от силы 1500 за 3 смены. Чуешь, с чего начал! Весьма необычно, правда? Чумазый и грязный пришёл к директору в субботу относительно комнаты. Спросил, поздравил. Я ему всё это выложил. Он говорит, что займётся инструментальным цехом, который нам подаёт некачественные штампы. Наши технологи вносят коррективы в штампы, а инструментальщики по-прежнему готовят по старым чертежам. Насчёт жилья директор сказал — дам в гостинице или в общежитии отдельную комнату. Очень хорошо сделала, что пошла на этот концерт. Видишь, какое впечатление и наслаждение он тебе принёс. Я не сумел сходить, этот артист был у нас 24–25 в Ульяновске, но я не-то не слышал, не-то работал во вторую смену. Но ничего, зато ты была! И очень хорошо описываешь этого чтеца.

Натулечка, привези мне пожалуйста ботинки 9 размера, захвати сахару и 1 кг. масла сливочного.

Наточка, обещаю тебе, что не буду грубым, прости меня. Но ты запомни на всю жизнь следующее: «Я не дуб», и выражаюсь не «деревянными» словами!

5 мая 1957 года. Ульяновск.

Здравствуй Наточка! Долетел очень хорошо, даже немного вздремнул. Добрался до дома на такси, заказанное нашими ребятами, один из них летел вместе со мной. Пришёл, поставил чемодан и сразу к Эмиру — узнать относительно денег. Только дошёл до площади Горького (почта), встречаю его мертвецки пьяного, вместе с Юлькой, который ведёт его домой. Сразу о деньгах: говорит, послал 1000 рублей 30 апреля. Вот, Наточка, я тебе говорил, а ты надо мной смеялась. Олег Давыдов получил премию, а Эмир выслал. Они между собой связались и даже если бы не получили, всё равно выслали бы сотни три. Теперь лежит передо мной квитанция,

а доверенность выслать не могу, надо, чтобы она была заверена Горьковским нотариусом. Попроси папу сходить на почту, отругать их шарагу всю и попросить выслать деньги немедленно назад (но не за свою деньгу) — они обязаны это сделать.

Деньги на заводе будут давать, вероятно, завтра, сегодня дали на руки только документы. Мне причитается под расчёт 402 рубля. У меня сейчас прямо беда — вчера заплатил за три месяца за квартиру, потом надо платить за газ, профсоюзные и комсомольские взносы, и самое главное покупать полуботинки. Здесь пока нет, но обещали числа 10. Как приехал вечером мыл в нашей комнате, убирался. Стало очень хорошо. Жаль, что тебя нет здесь. На второй и третий день писал усиленным темпом статьи. Одна скоро должна выйти в печать. На работе у меня начало плохое, нет металла. План апреля сделан на 105%, еле-еле душа в теле. Если премии не будет, то и получать почти нечего будет в мае. Уже начинаю соскучиваться немного по тебе, но ещё чувствую тебя рядом.

20 июня 1957 года. Ульяновск.

Как хорошо плыть пароходом, просто прелесть! Отдохнул, почитал, поиграл в шахматы. Прошлый год хоть и ехал 1 классом, такой прелести не было, всю дорогу находился в угнетённом состоянии. Ехали вместе с парторгом завода, который и довёз меня до дома. Крюков как человек очень замечательный, отзывчивый, на заводе его ценят. Немного поговорили о заводских делах и о жизни. Приезжал он в Горький на конференцию строителей.

Первое, чем огорошил меня завод, так это браковкой, которую на меня выписали за окончательный брак, что составляет 900 рублей. Конечно, принимаю меры для того, чтобы отбрыкаться, но пока висит как замок на двери. Но не это суть дела. Они после моего отъезда на основной ГКМ-6 простояли 4 дня и залезли в страшные долги перед другими цехами. Причина одна: не знают норова машины, я-то привык к её капризам. Сейчас немного выправил положение. Сегодня опять неприятность: сломали пресс, а новую машину ГКМ-6 посадили на «жёсткость» и сломали у неё плиту крепления пуансонодержателя. Надо отдать справедливость, виноват в этом только я. Недосмотрел за нагревальщиком — слабый нагрев. Ведь сейчас идёт наладка этой шаровой опоры, очень требует большого опыта, как в наладке, так и в работе. Конечно, начальство понимает мало, от чего она сломалась, тут и избыток металла (недочёт технологов) и недогрев. Всё-таки за это время я натаскался на этом деле, знаю до тонкости, начальники же видят только конечный результат. Доказать что-либо им не так трудно. Кроме Винокурова. Он имеет большой опыт, и я от него очень много беру. Вообще, как человек, он изворотлив до ужаса. Порой мне кажется, что я бы не додумался до этого, а у него это выходит запросто. Он на всё смотрит так, с ухмылочкой. Спокойный, уверенный. Я перенял у него в этом отношении очень многое. Вот заместителей Буслаева отучил кричать на себя.

2 июля 1957 года. Ульяновск.

Здравствуй Наточка! Ты спрашиваешь, как с отпуском? Думаю, что всё будет в порядке, так как Винокурова «вытолкнули» — теперь есть надежда, что Буслаев отпустит с 25 июля.

Очень хочется погулять в летние месяцы, да тем более, если вместе. С путёвками вообще дело плохо — ни одной путёвки на побережье в завкоме нет.

На производстве дела плохие, программу мая цех завалил по себестоимости, а июня не выполнил вообще, так что ни цех, ни завод премии не получат месяцев пять, так как забраковали в Херсоне 500 тропических машин, они должны были идти в Индонезию к Сукарно. За что Начальника ОТК завода сняли, директор по-

лучил выговор и главк ему и заводу премию срезал под ноль. Может теперь выйдет что-либо, ведь Совнархоз. В понедельник пустил главную горизонтально-ковочную машину ГКМ-6. Приходил директор. Смотрел, делал замечания. Сказал, что литейную трещину и по технологии положено заваривать. Мотив — не выбрасывать же такую отливку.

Ходил к майору Госбезопасности. Разговор шёл об аварии 5-ти тысячного молота в соседнем пролёте. Спрашивал — нет ли умысла, вредительства. Но что можно сказать, если явная халатность работников службы механика. Мастера службы механика сняли с работы и перевели в слесари шестого разряда.

Разобрался с браком, правда не окончательно, вычтут из зарплаты около 86 рублей. Вся партия деталей была отправлена в механический цех для обработки, 964 штуки, из них забраковано 127 штук. На меня списали 36 штук (якобы по моей вине). Чёрт с ними. Я рад что отделался испугом, причём лёгким.

Я тебе ведь раньше говорил, что получаю на руки: аванс 560 рублей, под расчёт 530 рублей. Итого 1090 рублей.

А ты разве не знаешь, что будет в будущем? Радость, счастье, любовь и все остальные блага, на которые я способен. Думаю, что нам хватит с тобой тех денег, которые я получаю, и даже будут лишние, на которые я буду покупать тебе наряды.

2 октября 1957 года. Ульяновск.

Дела на заводе идут на поправку. Начал получать новую инструментальную оснастку. Директор вышел из отпуска на работу 27 сентября и сразу же пришёл в кузницу справляться о положении дел, но, увы, его подчинённые не сдвинули с места ничего. Опять был очередной разнос. Вызвал меня, спрашивал, чего ещё не хватает. Отвечаю одно и то же десятый раз: инструмента, крана и тары. Обещал быть каждый день в цехе, чтобы выправить положение, так как кузница диктует заводской план.

Был у меня Коля с женой в гостях. Угощал их вареньем. Очень хвалили. Наточка, ты знаешь, я постригся в монахи — наголо. Хожу сейчас, сверкая лысиной. Вот теперь можно постричься под польку. Не правда ли? В воскресенье мы работали, а вечером сходили в кино. Смотрели «Война Гаучо». Мне очень понравилось. Советую тебе посмотреть.

У нас несчастье на город. Сгорел сборочный цех номерного завода. Были жертвы. Ходят слухи — вредительство. Сейчас разбирается комиссия из Москвы. Тут дело связано с приборами на новые реактивные самолёты.

Горело очень сильно, со взрывами.

15 ноября 1957 года. Ульяновск.

12 числа из-за брака инструмента мои 3 горизонтально-ковочные машины простояли все 8 часов. Я позвонил директору об этом безобразии. Директор спросил, как я съездил к тебе в Горький и дал накачку инструментальщикам за брак. Дела у меня идут туго, сегодня только 37% плана. Погода очень морозная, градусов 15. Хожу в зимнем пальто и фуражке. Ту тёмно-синюю фуражку у меня утащили в Мелекессе на свадьбе с вешалки. Мама обещала разыскать её после, а мне из дома дали блин какой-то серый.

Был в мебельном, какие хорошие диваны, шифоньеры продают! Прелесть! Да видит око, но зуб неймёт. Ничего, всему своё время. В комнате у меня появилась новинка. Замок вставил. Сам закрывается, достаточно легонько дверью хлопнуть.

17 ноября 1957 года. Ульяновск.

Сегодня воскресенье, но никуда не ходил. Подготавливаюсь к следующей неделе: вымыл брюки, галстук привёл в божеский вид, пришил все пуговицы к рубаш-

кам. Одним словом — хозяйство. В субботу был крупный инцидент с начальником цеха по этой проклятой детали — шаровой опоре. Эту деталь все на заводе считают «хорошей», высший предел человеческого разума. Но она достаётся большой ценой. Считается также, что если я её программу выполняю, то завод также. Малейший промах, простой и меня волокут к директору, который даёт мне перцу, но с ним мы в хороших отношениях. На участок пришли ещё 2 машины чехословацких ГКМ-800 (4) и ГКМ-1200 (6). 800 и 1200 — это максимальное усилие, развиваемое машиной в тоннах. «4» и «6» — это максимальный диаметр высаживаемого прутка (1 дюйм это 25,4 мм). Установили пресс 1200 тонн — штамповочный. Набралось в итоге 11 единиц оборудования, причём штамповочного. Видела бы ты, какой порядок на участке, всё в таре. Начальник цеха теперь ставит меня в пример другим старшим мастерам. Дескать, Тарасов захотел и наладил, а у Вас одна леность. Дело, конечно, не в желании, а в том, что не было тары. Теперь она появилась, и я немедленно её всю забрал себе на участок. Так намного легче работать. Теперь контролёры используются как дешёвая рабочая сила. Они одновременно контролируют поковки и загружают их в ящики.

5 января 1958 года. Ульяновск.

31 декабря в 7 вечера закончили инвентаризацию, только пришёл домой, как за мной следом мои рабочие и наладчики — пришли прямо ко мне на дом. Пришлось раскошеливаться на 2 бутылки водки — всё, что осталось у меня, но я не жалею. Немного выпили, поговорили — они ушли, а я пошёл на вечер в клуб, где прослушал художественную часть, фильм, танца 2 станцевал и вернулся домой, расстроившись, что один и тебя нет со мной.

В декабре план я выполнил на 108%, но думаю, премии не будет, перерасход фонда заработной платы на 75 тысяч. Дело дрянь. Впрочем, ещё валовая продукция не подсчитана. Коля, по-видимому, что-то напутал, кода говорил Вам в Горьком, что у меня «диван в кармане». Это надо понимать так — числа 20 января или 5 февраля будет по-настоящему. Есть шанс и очень верный.

18 января 1958 года. Ульяновск.

У нас сейчас компания по техминимуму для рабочих. Им надо прочитать 24 часа. Не знаю когда им читать лекции. На прошлой неделе было открытое партийное собрание по решению пленума КПСС о профсоюзах и задачи завода по УАЗ-450. Мне пришла в голову снова мысль — вступить в партию, и я написал заявление. Теперь снова надо проходить инстанции, райком комсомола и т.д. Ничего, повторюсь ещё раз. Жалею, что неудачно вышло первый, тогда в институте, но сейчас я рабочий человек — намного легче будет.

В субботу, т.е. 18, у нас выходной день и я решил использовать его не по назначению — дежурил за следующую субботу, с тем, чтобы быть с тобой весь остаток той недели и встретить тебя. Если будет нелётная погода, то выезжай поездом, получится быстрее. Привези немного копчёной рыбы — леща или сельди. Помнишь, брали как-то на Маяковской. Ладно? Я купил 2 полотенца по 7-20 за метр материала, а старые износились до дыр.

2 февраля 1958 года. Ульяновск.

Здравствуйте папа и мама! Извините, что не пишем. Так нам некогда. И так хорошо вдвоём. Наточка остаётся у меня до 8 марта (шучу). Ей очень не хочется ехать домой, хотя она соскучилась по Вам. Ходили сегодня в кино на «Во власти золота». Кино хорошее, после него погуляли. Такой замечательный вечер — чудо, тепло, снежок. Были в гостях у нас Коля с Зиной. Наточка так замечательно их приняла. И вообще она так хорошо меня кормит — прямо на убой. И сама ест с аппетитом,

но поправиться не может. Думаю, что за эти дни станет толстенькая. Хххх хххххххх хххххххххххх хххххххххх — (цензура вымарала). А так она любит котлеты! Но сегодня отказалась, досыта наелась и смотрит на них как на обычную вещь. Сидим, пьём чай и готовимся ко сну.

Наточка просит купить платье, а у меня нет столько денег, оно не такое дешёвое, около 400 рублей. А ведь дорога обратная и прочие расходы. Посмотрю, сколько получу подрасчёт. Вот хорошо бы вошла премия за декабрь. Мама, Наточка тебе писала, что купила платье за 67 рублей, простое, болгарское. Цвет ей очень идёт. Я в восхищении от этого платья. Нам пришёл 1 номер журнала «Смена», Наточка купила томик Чехова. И вообще мы живём и радуемся. Немножечко ссоримся, но тут же исправляемся, стали учёнее. И Наточка прямо замечательный человек на свете — так хорошо обо мне заботится, кормит меня. Я сделал ей отличную скалку из бука и дощечку для разделки. Уже Наточка готовила хворост, и мы его съели не заметив, ели целыми вязанками. Так вкусно.

Хотим сходить во вторник на каток. Яичками мы очень довольны — гостей кормили, сами ели и Вас вспоминали и благодарили. Папе, наверное, не очень хочется снова начинать работу. Так папа или нет?

У Наточки такие замечательные и чудные кофточки, прямо на 7-ом небе от них. И юбочка хорошенькая с зелёной курточкой. Особенно нравится окантовка. Чувствуется — чудесно! Натулька! Не мешай — лучше напиши сама! Это она меня всё корректирует.

5 марта 1958 года. Ульяновск.

Сегодня день Выборов. Встал и не знаю куда податься? Есть думка сходить в кино на «Коммунист» и погулять по городу. В Ульяновске даже не чувствуется праздника. Наточка, конечно, мне не хочется переезжать в Горький, я уже привык к заводу. У нас своя комната, газ, будет хорошо. Тебя есть возможность устроить на завод. С другой стороны город Ульяновск небольшой, плохое обеспечение, некуда сходить, кроме как в гости или кино. Знаменитостей здесь нет, и если приезжают, то на день. Квартирный вопрос тебе кажется лёгким, на самом деле это труднейший вопрос. Когда я был в отпуске у тебя в Горьком, я спрашивал ребят с автозавода, «92» завода и завода фрезерных станков. Как у них? Веденский мается вот уже два года, и вынужден был уйти с «92». Кукушкин и сейчас никак не получит жилья. Куликов (автозавод) живёт в соц.городе и нет надежды на получение.

Как рад, что у нас будет ребёнок. Зародившийся малыш принесёт нам столько радости, заботы, хлопот. Вот увидишь, как это хорошо. Мне так хочется иметь сына! Но до родов не может быть и речи о переводе в Горький. Ты учишься, после родов надо оправится, поэтому у меня должна быть зарплата. Я думаю, всё устроится как нельзя лучше. На работе всё идёт нормально. В пятницу 1-ю смену стояли всем цехом — не было мазута, убирались, вывозили брак, грязь, мазут из-под печей. Вторая смена начала работать нормально. Получил деньги, начислили 620 рублей. Плюс 80 рублей за практику студентов техникума, что вёл в декабре. Завтра вышлю тебе 300, сегодня не успел потому, что почта работает до 7, а у нас было совещание у главного инженера по вопросу перспективного плана развития кузнечного цеха до 1965 года. Днём пробовали новую ГКМ-6 Чешскую. Очень хороша, только греются коренные подшипники, а это дело серьёзное. Пустили штамповочный пресс 1000 тонн. Пришли ещё 2 ГКМ — видишь, как расширяется кузница.

Выступали в красном уголке артисты Государственной ульяновской филармонии — концерт очень понравился. Пели неаполитанские песни, из «Русалки» арию мельника, русские народные песни, солдатские песни, Ива Монтана «Парижские

бульвары». Теперь у нас каждый обеденный перерыв демонстрируют технические или документальные фильмы, идут лекции на международные темы. Стали организовывать хор. Наточка! Вот у тебя времени стало больше, а письма по-прежнему от тебя получаю нерегулярно. Значит дело не во времени, а кое в чём другом. Так нельзя. Неужели для тебя я так мало значу — этим вопросом мучаюсь очень много времени и не решу. Напиши, что думаешь. С программой на заводе плохо, нет металла. Возят самолётом со Сталинграда и Ижевска, чтоб не сорвать соц.соревнование. Ведь за это голову свихнут начальнику отдела снабжения.

10 апреля 1958 года. Ульяновск.

Здравствуй Наточка! Мне уж так хотелось, так хотелось приёмник купить. И я купил нам радиолу ВЭФ Рига «Аккорд» за 1150 руб. Изумительный. Выбирал с одним знакомым радиоинженером. Пришлось обмыть немного, так как сама знаешь, раз купил такую вещь. Сегодня уже послушал часть «Фауста», Поля Робсона, Ив Монтана, Чайковского. Без антенны принимает хорошо. А галоши мне купила мама, когда приезжала. Я ей задолжал 50 руб., так это не страшно. Она приехала, а у меня денег кот наплакал, а ведь надо ещё платить за регистрацию приёмника.

Наточка, нам надо до твоего приезда купить мебель. Всё-таки в такой пустой комнате жить неприлично ни тебе, ни мне, а тем более вдвоём. Ты же любишь, чтобы тебя окружала соответствующая обстановка. Вот и надо купить. Деньги постепенно соберутся. И купим по вкусу в Горьком.

В субботу был цехком с повесткой «Присуждение Красного знамени». У меня сделали зацепку за фонд зарплаты. Я на дыбы. Решили отложить на завтра для действительной проверки. Но я всё проверил досконально, и получилось, что экономия, а не перерасход. Дерусь как лев за знамя. Всё-таки коллектив участка так достойно трудился тот месяц.

Наточка! Роди только не деву — не хочу. Малыш — вот мой идеал.

И он будет, несмотря на все Ваши расчёты. Сейчас год такой. Ты уж потрудись мальчика. С ним будет нам легче, он быстрее выходит в люди. Да и неинтересно иметь первого — и девочку.

16 мая 1958 года. Ульяновск.

Сегодня был сильный дождь, и я промочил ноги, ведь полуботинки все худые и разбиты до основания. А твои «Прощай молодость» ещё не пришли, надеюсь получить их на почте завтра. Купил абажур нежно-лимонного цвета за 115 рублей. План выполняю, за апрель будет премия в размере 300-400 руб. Всё уйдёт на погашение вычетов за прошлый месяц. Но всё равно хорошо. За этот месяц коллектив участка должен получить премию за освоение той детали, по которой я был в Горьком. Я сейчас консультирую 5 человек студентов техникума по диплому. В июне будет защита. С одной девушкой намучился, такая тупица, не приведи господь ещё раз брать консультировать девчонок. Вот ребята — орлы, да и только. Я член квалификационной комиссии техникума, В. В. Белокриницкий её председатель. Дорогая, напиши, куда тебе хочется идти работать, в школу, институт, на завод. Тебе надо скорее ехать ко мне и занимать видное место среди биологов совнархоза.

А вообще всё идёт как-то однобоко: завод-койка-завод. Ну, добавляется разнообразие — кино. Был вчера в кино на «Дом, в котором мы живём». Мне очень понравилась картина. Женщины кругом наплакались досыта. Очень трогательный фильм и, если не видела, то обязательно сходи.

6 июня 1958 года. Ульяновск.

Поздравляю с защитой! Наконец-то скоро увидимся и уже навсегда! Я так рад это услышать от тебя! Наточка, ты спрашиваешь, чего ем? Да всё одно и тоже —

вечером кефир, молоко, сыр, ведь ничего нет в магазинах. Завтра пойду на базар и куплю яиц с десяток. А в обед обычные первое и второе. Утром не ем.

Наточка! Я занял 2000 руб. и выслал 1900 руб. тебе на всё сразу. Купи шифоньер, стол и прочее и скорее выезжай. Думаю, что мы расплатимся к 1 августа (взял на месяц). Пусть папа и мама постараются тебе помочь купить всё и отправить тебя в Ульяновск. Деньги дал директор. Был у него на приёме и попросил. Он не отказал, как не отказывал ни в чём никогда.

28 сентября 1958 года. Ульяновск.

Очень рад, что хорошо доехала на пароходе и тебя встретили. Как малыш? Пинается ещё сильнее? Я программу выполнил на 102%, завод и цех завалили, всего 90%, о премии молчат. У меня в этом месяце не будет опять номенклатуры — полуоси (металл) пришли 27 сентября, но их не разрешили делать, ввиду того, что металл не отожжённый и весь трещит при резке. ОТК запретило запускать. А имелась полная возможность выполнить план. Этот год прямо не везёт! Сегодня собрались у начальника цеха по вопросу ремонта старой шестидюймовки. Её разобрали 4 дня назад. Пришёл начальник производства т. Корнев и решили — машину снова собрать, чтоб выполнить всем заводом программу ко дню открытия съезда и праздникам. Ей положен капитальный ремонт. И вот такое решение. Прямо головотяпство такое. Желание сделать подарок съезду хорошее начинание, но в теперешней обстановке оно граничит с ограниченностью ума наших руководителей. Надо не лечить, а добить совсем, чтоб не встала. Мне дали слово, и я предупредил, что машина встанет ровно через неделю после пуска, у неё износ бронзы и мотылькового подшипника составляет 3 мм. Но им всё равно, лишь бы крутилась. Не хочется портить отношений, а то бы написать об этом в газету «Правда».

На партийном собрании меня приняли кандидатом, вероятно, на этой неделе вынесут на партком. Потихонечку это дело двигается.

Как радуюсь, что чувствуешь себя хорошо, и малыш не беспокоит. Говоришь, девочка — нет, наверное, мальчик. Вот я подумал — а род наш что же окончится, если будет девочка, и мне почему-то стало грустно. Ну, видать будет.

20 октября 1958 года. Ульяновск.

Стал проситься 14-го у Буслаева в отпуск. Он вроде согласен. Стал готовить письмо на бесплатный проезд заводским самолётом до Горького. Сходил к Борису Яковлевичу Федченко — директору, и он мне подписал. Попутно опишу тебе разговор у него. «Когда приезжает она у тебя? — Весной? Давай скорее её сюда». Спрашиваю относительно твоего трудоустройства. Говорит, чтобы мы не беспокоились. «Буду считать своим личным делом».

В субботу как пришёл с работы в 6 часов, так строчил лекции до 11 вечера и очень устал. В воскресенье решил съездить за картошкой и пописать лекции. Надо срочно заканчивать их, так как 30 экзамены, а я не был ни в четверг, ни в пятницу, ни в субботу. Очень зажали дела, да и мастера в 1 смене нет. Придётся эти 6 часов читать в следующее воскресенье. Встал в 9 часов и отправился на базар. На Засвияжском базаре только вёдрами продают. Поехал на Центральный. Купил сразу 10 мешков: 5 соседям и 5 нам. По 30 руб. за мешок и по 2 руб. за подвоз до дома Блинкова. Решил ссыпать в клетушку у Коли. А потом перевезти. На этой неделе решу также с дровами. Отдал заодно наши долги Блинковым — 52 руб.

За тот месяц мне выдали в техникуме 474 руб. Заплатил за картошку 160 руб., Коле 52, купил тетрадь за 5 руб. и прочие расходы. Всего у меня осталось около 200 руб. Купил на базаре 21 кг. луку, и очень хорошего, средней крупности по 3 руб. 50 коп. В магазине есть по 2-50, но отхода много и его нельзя хранить в зиму.

У меня на участке дела наладились, отстаём всего на 3% от плана, плохо только с деталями, на которые нет металла. Они всегда в дефиците, из-за этого вся аварийщина идёт. Сейчас заставляют работать по графику, не дал сегодня, завтра два темпа. Очень напряжённая обстановка. Отпуск уже оформил, осталось получить деньги. Меня выдвинули кандидатом на премию по молодёжно-комсомольскому конкурсу рационализаторских предложений. Это сулит первую премию в 200 руб. Уполномоченный по БРИЗу сказал, что на заводе пока нет кандидата другого с таким экономическим эффектом по рацпредложениям и количеством поданных рацпредложений. Мною подано их пять за время проведения конкурса. Сегодня купил два яблока, по 8 руб. килограмм, так хочется поделиться с тобой.

24 октября 1958 года. Ульяновск.

Каждый вечер прихожу с работы и жду от тебя долгожданного первенца — и нет. Меня все замучили вопросами: Кто? Сын? Дочь? Сегодня мы с Мишей перевозили картошку и сделали закрома для неё, перетащили все 10 мешков и очень устали. Теперь дело за мясом. Купил 1 барана или телёнка и живи не тужи всю зиму. Завтра я получаю отпускные, аванс, и возьму в техникуме всё, и буду готовиться к тебе.

Ура! Телеграмма! Ведь только, только подумал! Любимая! Сын! Выздоравливай быстрее, к твоему выходу из роддома я приеду в Горький. И такой большой — 3,5 кг! Да, а как его назвала? Твоё решение будет для меня закон, но умоляю прислушаться ко мне — так хочу Георгий. Впрочем, не от имени зависит человек, а от дел, которые он творит, и которые его славят. Так ведь?

29 октября 1958 года. В палату № 98 Сормовского роддома.

Наточка! Как ты себя чувствуешь? Как малыш? Смогу я увидеть Вас хоть краешком глаза в окошечко. Приехал вчера поездом. Ни самолёты, ни пароходы не ходят. Очень неудачно попал на поезд в Рузаевке, просидел почти сутки в ожидании поезда Пенза–Горький. В последнее воскресенье в Ульяновске читал в техникуме 6 часов лекций. Во вторник принял экзамен у группы. Наставил 4 и 5. Постирал бельё всё — простыни, рубашки, вообще всё, всё. Привёз сюда репродуктор маленький, баночки из-под варенья, как ты просила. Привёз ещё муската — это самое лучшее вино в СССР, в 1955 году оно завоевало всемирную золотую медаль. Будем обмывать сына знаменитым вином. Деньги я выслал 25 октября 200 рублей телеграфом и приехал — папа говорит, даже не получили до сих пор. Ну и почта. На какое окно мне залезть, чтоб тебя с малышом посмотреть!

28 ноября 1958 года. Ульяновск.

Доехал поездом хорошо (в общих чертах). Сегодня был первый день на работе. Программу октября участок выполнил на 105%, завод также выполнил по всем показателям. Так что премия будет. В ноябре участок завалил программу, будет не больше 85%, цех же сделает 101%. Август месяц, вероятно, пропал, идёт спор выдавать или не выдавать премию. До 5 числа надо выкручиваться этими деньгами, так уж занимать не хочется. Ведь сколько у нас долгов! На участке в моё отсутствие случилось столько всяких неприятностей — браку наделали, программу завалили, инструмент весь угробили. Прямо работать сейчас нечем.

Я уж сейчас и не стараюсь, ноябрь за 2 дня не догонишь. В городе также идёт перестройка — нет ни одной теперь районной организации, райкомы, райсоветы аннулировали по тезисам Хрущёва по реорганизации управления. Я выписал на 1959 год «Правду» и «Коммунист».

8 декабря 1958 года. Ульяновск.

Здравствуй Наточка! Представь себе, мне начислили в ноябре, который я не работал, все премии техникумовские за практику и на руки я получил 1164 рубля.

Я считаю, что выкрутились прямо чудно из долгов. Ведь я должен в котёл 300 рублей за 5 ноября, 20 ноября, 5 декабря. За квартиру 102 руб. и 40 в профсоюз. Остаётся 738, думаю выслать тебе 500.

Писем от тебя нет уже 2 недели! Был сегодня у меня суматошный день, а пришёл домой — такая тоска, что хоть беги куда-нибудь. С утра занимался аварийными штампами, разбирал в других цехах брак, был на двух совещаниях, а в 4 часа вызвали в военкомат. Все офицеры запаса на учёбу на 40 часов в Орловское танковое училище. Я отвертелся по мотивам учёбы в университете марксизма.

Наточка! Я больше не могу жить один! Надо всё это разом кончать. Или «туды» или «сюды». И женат, и не женат. И сын есть, а всё один. Да и тебе, милая, ведь так плохо! Правда? В конце концов — где не жить, лишь бы душой вместе быть (сложилось как складно).

Выкупил 3 том А. Толстого, второго никак не смогли достать, завален книгами. Здесь давали сахар, я взял полкило. Есть подсолнечное масло. Сливочного нет. Вообще в магазинах ничего нет, ты это прекрасно знаешь, только пустые полки. Я прямо удивляюсь близорукости нашего обкома, вот что значит «Сытый голодного не разумеет».

29 января 1959 года. Ульяновск.

Здравствуйте папа и мама! Так давно не писал Вам, что отвык от писем. Несколько раз собирался написать в цехе, но теперь стало невозможно, так как в обед консультирую ребят из техникума по дипломному проекту. А дома так мало времени, что хватает еле-еле на сон. Одно питание с ума может свести, так как на его добывание уходит масса времени. «Выбросят» раз в месяц, тут уж не зевай. Сахар и сливочное масло есть почти всегда. Молоко также. Нет самого главного — мяса. Кое-как достаю — то фаршу, то котлет, то свинины, то колбасы. Пока терпимо. Володю теперь купаем в собственной ванночке и воды наливаем очень много. Уж так он хорошо купается, и ручками и ножками по воде бьёт. А ещё ему нравиться, когда его вытирают простынёю.

Папа, ты меня спрашивал относительно коммунистических бригад, есть ли они у нас. Есть, одна единственная на весь цех, да в начале этого месяца бригадир попал на 3 суток в тюрьму за пьяный дебош на станции Ульяновск - I. И так опозорил себя и цех — трудно представить. А работник исключительный!

Завод взял на себя обязательство к съезду выполнить УАЗ-450 — санитарка, фургон, грузовик на базе ГАЗ-69 и закончить кооперацию «МЗК». Это обязательство выполнили. Мы брали обязательство выполнить государственный план января ко дню открытия съезда. У меня в капитальном ремонте машина ГКМ-6 и мне это обязательство казалось невыполнимым, да и руководители это чувствовали и на меня особенно не нажимали. Но на партийном собрании, поговорив предварительно с рабочими, наладчиками, мастерами, технологами решили все участком взять и выполнить. Некоторые с сомнением смотрели на это дело — так мол, слова красивые. И вот 27 утром только два участка, в том числе и наш, выполнили обязательства, а остальные все провалили. Мы выполнили 100,01%. Наш цех за декабрь получил Красное знамя. В субботу решалась судьба завода относительно первенства в социалистическом соревновании 4 квартала. Областной совет профсоюзов склонён дать нашему заводу. Это даст 600.000 рублей премии на завод.

17 апреля 1959 года. Ульяновск.

Здравствуйте папа и мама! Пишу письмо рано утром, Володя встал в полшестого и меня поднял, а уж засыпать не стоит — только голова будет болеть. Дела у меня на производстве идут хорошо, опять завоевали Красное знамя за март ме-

сяц, выполнили программу на 127%, что составляет 1,5 млн. рублей. Будет солидная премия к маю. Цеху тоже, вероятно, дадут Красное знамя. Моё здоровье не очень, каждую ночь болит аппендикс. Днём-то разомнёшься — ничего. В мае лягу на операцию. Вчера мне предлагали путёвку на Кавказ со 100% льготами, стоит 180 рублей на 24 рабочих дня в г. Мчавадзе. Но ведь рад бы в рай, да на земле дел много. Огород и сад будут давать в это время. Да и посадить хочется. Дают 9 соток с тем расчётом, чтобы потом можно было построить дом. И место очень выгодное — у реки.

7 октября 1959 года. Ульяновск.

Здравствуйте, папа и мама, и сыночек Володенька! Не писал Вам долго, поэтому накопилось много всяких известий о нашей жизни. Во-первых, решил с цеха перейти в отдел в связи со здоровьем. В. В. Белокриницкий и главный металлург предлагают должность ведущего инженера, как у одного, так и у другого, с окладом 1250 рублей. Но как дошло давать мне перевод, так и пошла писать губерния. Начальник цеха наотрез отказался. Назвал меня ребёнком за то, что перед этим за неделю сообщил мне, что они советовались с директором Федченко обо мне и решили не продвигать меня, а назначить начальником цеха сразу без промежуточных должностей. А теперь, дескать, ты хочешь уйти в отдел. Зам. директора т. Лазарев на моей стороне. Но Буслаев был у исполняющего обязанности директора Балыкова, наплакался и тот сказал, что не подпишу до Федченко, который в отпуске. Сегодня приходил Лазарев к Буслаеву, и они поцапались и решили вынести это на партком завода. Вся подоплёка дела в том, что и директор, и Лазарев давно говорили Буслаеву, чтобы он убрал одного из заместителей и ставил меня, а Буслаеву выгодно держать меня на участке, так как он в этом случае более спокоен за программу. Ведь уходя на пенсию, Буслаев оставит один из главнейших участков без опытного руководителя, а цеху программу всё прибавляют.

В общем, нашла коса на камень. У нас в кузнице плохо с дисциплиной, прогулы. Аресты на 5–10 суток следуют один за другим. Кое-кого убрал, кое-кого перевёл на менее оплачиваемую работу. Короче, расправляюсь по-своему, когда поймёт, что совершил ошибку, то придёт сам.

Живём мы хорошо, не беспокойтесь что Наточка «худеет», это надо понимать в обратную сторону. Всеми вечерами штудирую её в техническом черчении и других науках, близких к её производству. Для самообразования подарил ей книгу «Технология металлов».

Наточка получила сегодня премию и зарплату, всего что-то около 1100 руб. на руки. Я также получил премию за август 450 руб. Отдали много долгов, купили на платье Наточке, да разных больших и малых покупок. Деньги вышлем Вам завтра, и посылку. Завтра также купим Володе пальто. Цигейковых шуб никак не могу достать, заказывал в Свердловск, Ярославль, Челябинск, Ленинград. Очень рад за Володю, что у него такие замечательные дедушка и бабушка.

11 ноября 1959 года. Ульяновск.

Здравствуйте папа, мама и дорогой Володенька! Извините, что редко пишем письма. И писать-то нечего. На октябрьские праздники никуда не ходили. Наточка утром на демонстрацию не пошла — устала вечером. Я ходил — нёс лозунг вместе с секретарём партийной организации. После демонстрации зашли все начальники пролётов и Буслаев с замами в кафе, где выпили по 200 грамм конька. Закуски не было — немного плохо, но было весело. С Натусей мы за праздники сходили погулять, выпили бутылку шампанского, съели банку персиков и плитку шоколада. Жарили в утятнице утку — такая хорошая вещь чугунная утятница с крышкой. Наточка денно и нощно шьёт себе пальто, а я занимаюсь хозяйством. В этот

Руководители кузнечного цеха автозавода на первомайской демонстрации. г. Ульяновск, 1963 год

раз всю морковь положил в сухой песок. Ели ещё 2 недели назад купленную репу, редьку и хрен. Первые два — изумительные. Наточке обещали административный, но я постараюсь достать ей лёгкую командировку в Горький поближе к 5 декабря. Мы вчера ходили в кино на «Хрущёв в Америке». Очень мне понравилось, а Натусе не особенно. Нам так приятно, что Вы любите Володеньку! И такой он славный сыночек! Ведь надо, он разорвал целую простынь на диване. Я очень хорошо это представляю, как он тянется пальчиком к дырочке. Вероятно, не любит бедность.

На заводе в этот месяц дела плохие, у меня отставание от плана на 17%, ввиду того, что одна ковочная машина встала на капитальный ремонт. Сегодня вызывали в партком на учёбу и по делам комиссии партийного контроля по автоматизации и новой техники. Дела тоже не блестяще. 8-го были в театре на заводском вечере, посвящённом 42 годовщине, билеты отдал мне т. Буслаев, который не пошёл. На вечере немного потанцевали, выпили 2 бутылки пива и 2 бутылки воды, съели шоколадку и пирожное. В конце смотрели спектакль «Братья Ершовы». Очень понравился. Приехали на заводском автобусе, правда, за свои деньги. Наточка позавчера болела гриппом и насморком. Я её лечил паром от картошки, стало легче.

21 декабря 1959 года. Ульяновск.

Здравствуйте папа, мама и сынишка Володенька!! Уж и соскучился по Володеньке! Миленький мальчик, у него нет ни папы, ни мамы, зато есть хорошие дедушка и бабушка. Мы Вас очень часто вспоминаем.

В это воскресение мы ходили на Волгу смотреть садовый участок, который продавала женщина, у которой муж сгорел в термичке, при обтирании веником раскалённой соляной ванны, она вся выбросилась на него, так как веник был сырой. Она сказала, что не в состоянии обрабатывать участок. Натусе участок понравился, так как на нём всё уже растёт с 1957 года. Растёт там 10 яблонь, 3 сливы, 15 кустов смородины, бугор виктории 10 кв. метров, 10 кустов крыжовника, 20 вишен, малины 20 кв. метров. Запросила она 1000 рублей за 2 года трудов в саду. Ей правление обещало эти деньги компенсировать. В воскресенье правление приняло решение отдать участок первому по очереди претенденту т. Краснову, но с условием,

что он деньги передаст при комиссии и погасит прошлый долг за имеющийся у него негодный участок (ползёт). У него денег не оказалось, а это мне было на руку, так как я это предусмотрел. Короче он остался с носом и ушёл кислый. Это дело мы обмыли вместе с садовой комиссией. Итого: 1000 руб. компенсация за труды, 110 за водопровод, 10 вступление, 3 садовая комиссия. Все сады огорожены забором. Охраняют 2 громадные собаки. Имеются сторожа. Рядом Волга внизу 100 метров. Мы очень довольны своим приобретением. Новый год будем праздновать очень скромно, так как все ресурсы истратили. Запасаюсь теперь садовым инструментом. Сегодня принёс с завода молоток, плоскогубцы, отвёртку, напильник, циркуль и прочее. На участке пока есть землянка, где можно всё сложить. Потом сделаем домушку. Я за эту неделю сделал много дел: распределитель электрический, утюг, починил будильник, теперь хочу заняться стиральной машинкой. Натуся сейчас занимается сарафаном. Она шьёт, а я пишу письмо. Я даже удивляюсь, какая она мастерица шить платья, всё у неё ладно получается.

25 января 1960 года. Ульяновск.

Здравствуйте папа и мама и Володюшка! Читаю Ваши письма и как раздумался — зачем живёшь, когда сынишки нет со мною рядом. Правильно ли мы делаем, что отдали Вам на воспитание нашего малыша. Может быть, жалея Наточку, мы делаем одну из серьёзнейших ошибок в жизни. Я хоть и радуюсь за сына, что он в хороших руках, но внутри меня гложет мысль — что мы не сами его воспитываем. Когда скажешь Наточке об этом, то тут же пожалеешь, что сказал. Вы ей не говорите об этом и не пишите. Наточка уехала в Казань согласовывать технические условия на детали. Я мыкаюсь один, не знаю, за что приняться.

В воскресенье ездил на лыжах за 10 км. на гору — накатался досыта, а вечером сходил на каток. Там провёл часик. Устал до невозможности, чуть не проспал на работу. Наточка у меня уже испугалась сада и то и дело попрекает меня этим садом. Очень прошу написать ей обратное, у меня нет сил ей доказывать. А может я не прав? Но думается, что кузнецу надо иметь сад в обязательном порядке для профилактики лёгких и вообще здоровья.

7 июля 1960 года. Ульяновск.

Здравствуйте папа, мама и сыночек Володенька! Пришёл вчера домой с работы во втором часу ночи, смотрю, на кухонном столе лежит конверт с фотокарточкой Володи! Разглядывал «Дюку» полчаса. Запечатлён он дивно хорошим мальчиком, серьёзным, спокойным, с умными глазами. Похож он полностью на Наточку. Но мне это приятно. Спасибо, папа и мама, что на первых двух годах Вы приняли такое большое участие в его становлении. Особенно благодарен папе. Папа, дорогой ты наш дед, скоро придёт тебе избавление, ещё осталось максимально 1,5 месяца до нашего отпуска. Живём дружно. Ждём холодильник и копим деньги на мебель. Хорошо бы с этим развязаться до отпуска. Сейчас у нас много времени отрывает сад. В саду помидоры будут, капуста ранняя есть 20 кочанов, поздняя замокла из-за сильных дождей, может отойдёт, на следующий год надо будет в этом месте грядку поднимать. Крыжовник будет. Смородины мало. Яблок десятков пять. Много виктории — Наточка, как принёс большой пакет, так напала на неё как барс.

На заводе дела неважные, программу июля ряд цехов не выполнил. Мы вытянули прямо чудом. За два последних дня сдавали по 216 тысяч за сутки. Это для нас рекорд, максимально было 190. Никто не думал, что мы выполним план. Даже Буслаев на что опытный и тот за три дня до конца месяца перед производственным отделом завода расписался в бессилии — «Товарищ Цирлин! Запишите, что кузница не выполнит план». Особенно тяжёлое положение по КХХ-3 (кукурузоуборочный

комбайн херсонский). Я уже 4-ый месяц не работаю на участке и по сути дела веду все цеховые дела один. Сначала Буслаев был в отпуске, потом заболел Смирнов, к тому же нет начальника ПДС, который сдаёт экзамены и в очередном отпуске. Крепко мне достался май и июнь, работал за двоих, за начальника ПДС и заместителя начальника цеха. Константин Иванович Буслаев всегда на оперативках, то у директора, то у начальника производства, то в завкоме, то в парткоме, то конференция. К тому же второй зам. заболел у нас «раком пищевода». Здесь операцию делать отказались, в Казани тоже. Сейчас уехал в Москву. Очень его жалею как человека и как грамотного специалиста. Последние дни на него было жалко смотреть, сделался как мальчишка, одни глаза и рёбра. А шея, так прямо стебелёк. Наверно придётся его замещать пока.

22 декабря 1960 года. Ульяновск.

Здравствуйте папа и мама! Всё у нас в порядке, живём дружно. Натуся у меня большой молодец, слышу о ней хорошие отзывы на работе. И дома на неё не нарадуюсь, но ей тяжело, и я стараюсь всемерно ей помогать. Володе взял 1 билет на большую ёлку с подарками. Он уже всё понимает и ждёт от Деда Мороза подарка. Всё время поёт песенку про ёлочку «Маленькой ёлочке холодно зимой». Вчера говорит, поедем к «диди» в Горький. Им в яслях очень довольны, а мы и тем более. С соседями, правда, нелады, но думаю, что скоро дадут квартиру, директор сказал, что в январе получишь обязательно. Если обманет, то будем принимать собственное решение, может и переедем в Горький к лету.

Вообще без родителей жить тяжело с маленьким ребёнком.

22 июля 1964 года. Москва.

Здравствуй Наточка! Сегодня тебе отправил плащ бандеролью и Володеньке игрушку «Метро» второй бандеролью. И посылкой тебе ботинки зимние за 60 рублей, Володеньке шлёмик и два пальто. Очень беспокоюсь за осеннее пальто, что-то великовато, надо было взять 30 размер. Зимних ушанок пока нет, валенок для Володи нет. Себе купил 2 рубашки по 9–60 и всякой другой ереси (2 пасты зубных, щётку зубную и футляр, мыльницу с мылом, бритву с лезвиями, два носовых платка, 2 майки по 3–50). Обидно что нет нигде трусов обычных-то. Имею ведь 1 трусину. Может, появятся.

27 июля 1964 года. Москва.

Вылетаю в 20.55 с Шереметьевского международного аэропорта до Гаваны. Сегодня сделал последнюю покупку, тетрациклин с нистатином — лекарство от семи болезней на всякий случай. Сегодня же переделал у портного (тут же у нас на этаже) двое брюк китайских по форме № 1, без манжет. Вдвоём с портным выстирали их в горячей воде, и они сели на 6 см., а потом их распустили. За эту операцию взял за двое брюк — 3 руб. 30 копеек. Стали стоить 7-65, но зато не балдахин и модные (отрезал по ширине 21 сантиметр). Ходил прощаться с начальником главка и начальником отдела т. Трубниковым М. Ф. Если что, то он просил тебя написать по адресу: Москва, площадь Ногина 2/5, СНХ РСФСР, Главное управление внешних сношений Трубникову М. Ф. Толковый дядька. Я его ввёл в курс дела по нашим партийным делам, и он сказал, что если будут на меня нажимать, то он даст им отбой. В общем, завёл двойную игру из-за нежелания и неподходимости себя для партийной работы. Что будет. Риск, конечно. Но, кажется, он моё нежелание перехода на партийную работу понял. И с другой стороны — ему больше хлопот: надо готовить ещё одного кандидата, опять затрачивать деньги, опять ждать. У него вчера в ЦК забраковали сразу 6 человек, и он сегодня был очень расстроенный. Работа на Кубе, по предварительным данным, будет в Санта-Кларе инженером-консультантом, а по суще-

«Кубинские кузнецы» (И. Тарасов сидит крайний слева).
г. Санта-Клара, май 1965 года

ству зам.начальником цеха при кубинском начальнике, который будет смотреть, как я буду выжимать программу и учиться.

Очень рад, что тебе понравились ботинки. Они на естественном меху, поэтому и дорогие. Купил в ГУМе, в салоне моделей.

30 июля 1964 года. Гавана.

Здравствуй дорогая Наточка! Наконец-то мы добрались до места, летели 19 часов 40 минут. Прибыли в Гавану утром 28 июля и нас поселили в отель «Националь», постройки начала 20 века. Получила ли телеграмму, которую я отправил за несколько минут до вылета из Шереметьевского аэропорта. Летели до Мурманска утром, а после него ночью. Океана не почувствовал, так как с высоты 10000 метров ничего не видно. Смена дня и ночи (разница во времени в 7 часов) на мне здорово отразилась, ночью я спать не мог, а днём ходил по Гаване как во сне. Сейчас уже вошёл в норму. В Гаване сделали прививку против оспы, и я не остерёгся и стал купаться под душем, а вечером в бассейне для плавания при отеле, в результате чего схватил насморк и температуру, которую очень быстро сбил тетрациклином с нистатином. Гавана город красивый, чистый, небоскрёбный, культурный. Влажность очень большая, тяжело дышать, температура воздуха 27–30 градусов, солнце стоит в зените и палит нещадно. Получил в ГКЭС аванс в 200 песо. Трачу на самое необходимое. Багаж перенести из машины в отель стоит 1 песо. Питаемся в русской кухне, ужин и обед стоят 2–10 песо. Курю теперь сигареты с фильтром. Будешь слать письма в два адреса: Москва-400, п/я 270 Тарасову И. Н.; Куба, Гавана, Посольство СССР, ГЭКС Тарасову И. Н.

По первому адресу письма доходят быстрее.

8 августа 1964 года. Санта-Клара.

Никак не дождусь от Вас письма и весточки. Всё вроде рано. В воскресенье едем опять на берег моря. Я приобрёл раковину морскую, очень похожа на кита. Думаю

её отделать под пепельницу. На заводе дела неважные. В министерстве индустрии говорят, что вы плохо осваиваете, что вам дали. Кто знает, может они и правы? Я стараюсь в чужую тарелку не лезть, так как кончится контракт, и все разъедутся.

Кормят как на убой, на ужин давали мясо морских креветок, очень вкусное. Но самочувствие плохое, из-за резкого изменения давления. Всё время у всех болит голова. Правда, ребята пьют «Bacardi» и пиво «сербес». Да и русского хоть в баню посади — всё равно привыкнет. Курить с завтрашнего дня брошу окончательно, не хватает воздуха.

Не забудьте прислать обычных марок штук 50 для почты через Гавану, здесь их с огнём не найдёшь. В Санта-Кларе есть много машин с нашей маркой и кубинцы очень довольны ими, но только один недостаток — облезлость по окраске. Изучение испанского идёт плохо, много непонятного и надо очень много заниматься.

Узнал, что машина «Волга» стоит 1910 песо. Начиная со 2-го месяца буду класть на текущий счёт на «Волгу». Расходую примерно 100 песо в месяц. Выдают только 324 песо, так как 20% от 405 песо кладут на сберкнижку в Гаване. Ребята старожилы откладывают по 200 песо, но больше не принимают. Хотят, чтобы не расходовали всё на покупки, а жили хорошо на местах, причём за этим здорово следят. Предупреждали в ЦК, Гаване, посольстве и здесь руководитель группы.

Вечером был карнавал. Выбирали королеву и её возили на карете в окружении ещё 4-х красавиц. Но их выбирают не только по красоте, но и полезности революционному режиму; красивая чтобы была, и чтобы мать детей, и чтобы на хорошем счету. Но мне королева не понравилась. Здесь есть красивые и некрасивые, но только все уж очень красятся резко и даже отталкивающе. Нам не разрешают никуда ходить, а с женщинами и дружить, так как наследие после Батисты очень тяжёлое (венерические болезни).

4 сентября 1964 года. Санта-Клара.

Дорогой папа! Работаем в г. Санта-Клара на механическом заводе 30 человек. Завод построен для ремонтных нужд всей Кубы и с помощью советских специалистов. Официальный пуск его был в мае, но недоделок навалом. Главное — нет кадров. На весь кузнечно-сварочный корпус имею сейчас 6 сварщиков и 8 кузнецов. И тех учеников, которых обучаем, выпустим в январе на самые низшие разряды. Завод пока в ведении министерства строительства, но с 1 октября перейдёт консолидату индустрии.

Производственной программы пока нет, нет и определённости в работе. Распорядок дня: в 7.00 завтрак, едем на завод, с 7.30 до 11.00 работаем, затем обед 1 час и 1,5 часа отдых. Начинаем в 1.30 и до 4.00 работаем, затем едим заниматься в школу испанского языка. Ужин в 7 вечера.

В Гаване жил всего 1,5 дня, изъездил её на машине всю вдоль и поперёк. Жил в отеле «Националь». Воздух в Гаване очень влажный, как в парной. В Санта-Кларе суше, дальше от моря. Вода горькая, солёная, но тёплая до 30, не чувствуешь телом. Питаемся в ресторане «Новая Кубана». Стоимость одного дня 2,4 песо. В магазинах почти всё есть, но по талонам. Жара стоит неимоверная, наши 30, это не те градусы.

Я руковожу кузнечно-монтажным цехом из трёх пролётов — заготовительного, кузнечного и монтажно-сварочного. Вот и пришлось заниматься сборкой и монтажом металлических конструкций. Изучаю больше сварочное производство, так как кузнечное всё-таки знаю. Часто обращаются кубинские сварщики (они варят хорошо), когда для них возникает что-либо новое. Сразу бегут: «компаньеро советика — вопрос?» Ночью сам занимаюсь, а днём их обучаю, а не знать нельзя — советский инженер должен знать всё.

На уборке сахарного тростника (И. Тарасов второй справа).
г. Санта-Клара, 1965 год

7 сентября 1964 года. Санта-Клара.

Здравствуй дорогая Наточка! Твои письма получаю на 12 день, иногда сразу пачками, это из-за местных военных и плохой доставки из Гаваны. Вчера ездили купаться на пляж «Кайбарьен» на Атлантику. Температура воды упала до 26 и чувствуется хорошая прохлада. Едем около часа, купаемся часа 3–4 и домой. Вечером ужинаем в ресторане, а туда берём всякой всячины, но лёгкое. На пляже наши ребята-рыбаки поймали ядовитую «мурену» величиной в 1 метр. Очень здорово свивается, чтобы освободится от крючка. Сбежалось много народа смотреть и наши и кубинцы, последние боятся её больше. Плавает она на глубине, и поймали её на 20 метровую леску. Людей кусает редко. Тут же её прикончили.

Сегодня попробовал пить кокосовый орех. Вкус такой же, как у берёзового сока, а мякоть как у лесного ореха. Говорят, очень помогает от болезней печени.

Улучшилось положение с жильём. Нас расселили по одному в изолированных комнатах и всех согнали на один этаж. Но всё равно собираемся все вместе или на крыше или в одной из комнат, когда есть свободное от трудов время. Ночью встаю иногда от «этого». Окачусь холодной водой из душа и снова спать. Пока помогает. Не знаю, что будет дальше. Как у тебя? Ты, наверное, отдыхаешь от меня? И в душе, наверное, не очень сожалеешь. Может, это и к лучшему.

Наточка, дорогая моя хозяюшка, не забыла ли заплатить за квартиру и свет? Что пишут родители? Меня очень беспокоит, Наточка, Володя своей ленью писать. Ты ему не спускай это. Начинай говорить накануне и пусть пишет хоть что-нибудь, и не надо, мне кажется, под диктовку. Гляди, может я не прав?

12 сентября 1964 года. Санта-Клара.

Здравствуйте, дорогие папа и мама! Вашему письму посчастливилось, оно шло из Горького всего 15 дней. Приехала группа советских специалистов из Гаваны (они работают в посольстве) и привезли его как подарок. Письма здесь всё — и жизнь, и работа, и ожидание, и настроение. Жара спала, днём 26, ночью 18. Море 24, уже чувствуется, что море, а то сидишь как в кипятке. Загар здесь к нам не пристаёт, или очень немного, хотя кубинцы загорелые. Негров много, есть метисы, креолы. Народ до того разномастный по цвету — все цвета радуги. До Вас 11900 км. Хорошо, что ремонт Ваш продвигается. Рад, что купили собаку «Крона». Наточка пишет, что Володя тоже этим очень доволен и заставляет по несколько раз читать о нём.

Учу испанский язык, разговариваю с рабочими, но плохо, правда, они понимают, что я от них требую. Лимоны и помидоры тут круглый год, скоро поспеют апельсины и ананасы. Поспело кофе, и 600 человек от нас и 1000 из Гаваны выехали на уборку его. Пил кокосовый орех, вкус берёзового сока, только не сладкого. Мяса здесь довольно, сахара тоже. Консервов наших мясных навалом. Хлеба чёрного нет, только булки. Рыба морская. Дела на заводе налаживаются. Сейчас здесь Рауль, скоро прибудет Фидель. Будет на заводе. Patria o muerte, venceremos! (Родина или смерть, мы победим!)

2 октября 1964 года. Санта-Клара.

Очень благодарен Винокуровым за викторию, весной её сажать хуже, да и тебе меньше хлопот с посадочным материалом.

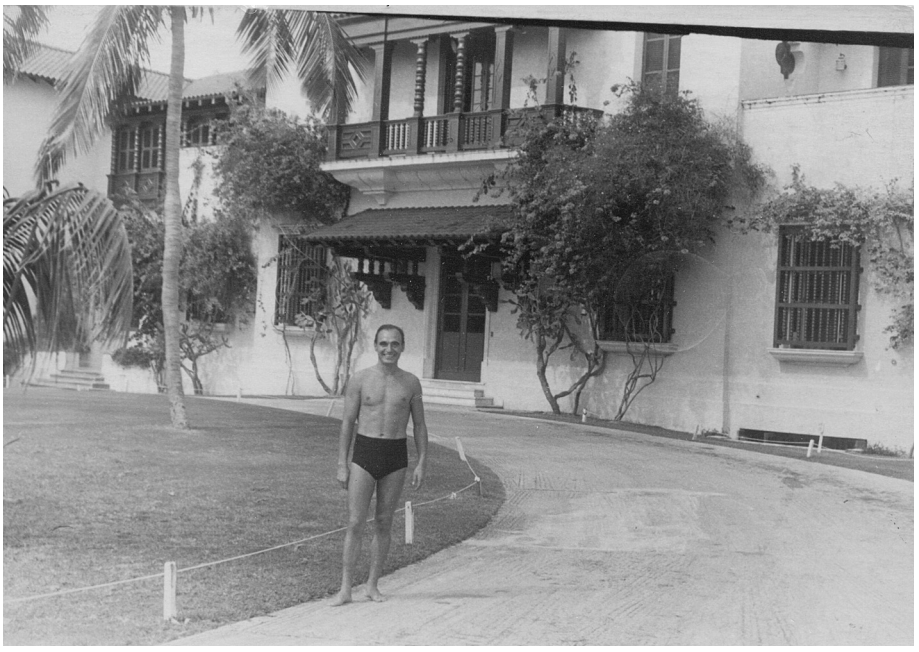
Обязательно, Наточка, наряжу тебя как куколку, как приеду, чтобы любоваться тобой всегда и во всех сезонах. Мехов здесь нет и выписать нечего. Ты пишешь о наших фруктах, а у меня текут слюнки, я так хочу яблочка или грушки. Мы раньше думали, что здесь рай земной, но фрукты тут однообразные и у нас гораздо лучше, за исключением ананасов. Остальные мне не нравятся все. Но какое тут небо! Опрокинутая чёрная чаша, а в ней яркие, крупные звёзды, все созвездия видны отчётливо. Млечный путь подобен санному пути. Удивительная картина. Жаль, что ты не посмотришь со мной это чудесное свойство тропика.

Последняя профсоюзная конференция решила не принимать деньги более 50% зарплаты назад в кассу. Говорят, расходуйте больше, одевайтесь лучше, пейте водку с кубинцами, дарите им подарки. Но чтобы не напивались! Вот и пойми. Это из-за того, что некоторые крохоборничают. Привели пример ни к селу, ни к городу. Вроде один товарищ, где-то в глуши, где не то что товаров, продуктов-то с огнём не достать, питался только бананами и привёз в ГКЭС кучу денег. Но ведь он не оттого не расходовал, что была возможность, её как раз и не было. Смешно, но это факт — он изыскатель. Его товарищи так возмущались на конференции, что наговорили много колкостей работникам посольства. Да, они в посольстве уже нахватались и теперь всякое выдумывают и зажимают. Одновременно говорили, что много пьянствуют, и 10 человек отправили домой. Один пьяный даже потерял ботинок в «Национале» и его по этому ботинку нашли и отправили в СССР.

4 октября 1964 года. Санта-Клара.

Ездили на пляж «Ранчо Луна» на 4 машинах всего 40 человек. Купались 4 часа. В дороге около 5 часов. Пляж чистый и песчаный. Играли в мяч и ловили рыбу. Ребята в масках доставали кораллы, но они очень хрупкие, не довезёшь до дома. Я загорел очень сильно, загар красный, а не чёрный как у нас. Кубинцев было мало, и они плавали, накачавшись пива и водки, предлагали и нам, но мы все отказались. Им холодно, так как температура моря 24–26 градусов. Моё здоровье сейчас вроде хорошее, только похудел на 4 либра (это что-то около 2 кг.), как приехал весил 149, а сейчас 145. Идёт акклиматизация, да и жара всё-таки.

Отношения с товарищами хорошие. Отношусь не как начальник, а как ровня со всеми — будь то токарь или мастер. Это очень чувствительное место у людей, и они платят уважением и сами понимают грань, которую сами же не переступают, когда касается вопросов окончательных. Но есть здесь группа (человека 3–4), которых ненавидят все. Доносят всё начальнику группы и сеют склоку. Я их приводил уже один раз в порядок. Считаю, что главное, чтобы от тебя людям не было плохо. Стараюсь, чтобы люди не ругались, а жили мирно, по-партийному решали вопросы. Склока вещь страшная, о ней предупреждали в ЦК. Терпимость к товарищам. Начальников на заводе часто меняют. У меня пока держится — кубинец,

У бывшей виллы Дюпона.
Куба, Варадеро, ноябрь 1964 года

негр. Толковый парень, очень заботливый и слушается. Только скажешь, всё выполняет. Ему нравится быть начальником, но управлять не может. Старается сам всё. Я ему говорю, что есть рабочие, которым он должен дать указание выполнить данную работу, что его руки никому не нужны, а нужна голова. Ходит теперь чистым, так как я его несколько раз угонял домой переодеваться. Немного входит во вкус дела. Только бы не поменяли. У них так — день работает, месяц работает — потом слышим «контра». Это, конечно, их внутреннее дело и влиять на это нельзя. Другое дело надо в верхах нахваливать таких людей почаще перед директором, главным инженером, тогда складывается хорошее мнение о руководителе, и они его защищают от всяческих бед. Пока мне это удаётся делать. При случае обязательно похвалю, заставляю задавать трудные вопросы главному инженеру, директору, а они не могут решить, так как знаний нет, идут ко мне, а я говорю, что мы обсуждали этот вопрос с товарищем Сантьяго, и он, мне кажется, принял хорошее решение, его надо поддержать. Вопрос решён, «думал» кубинский начальник, главный инженер доволен, что всё решилось по правилам.

Мне очень хочется, чтобы ты, Наточка, меньше уставала от хлопот по хозяйству. Старайся больше гулять. Очень хочу тебя «пожалеть». Ты мне написала неприятное и я никак, милая, не могу понять тебя — то пишешь, что живём хорошо, то пишешь, что я к тебе плохо относился. Я тебя очень люблю и уважаю, и стараюсь всегда тебе помочь, но резонанс всегда такой же — «ты мне не помогаешь». Наточка, дорогая, я всегда прощаю твои все слабости из-за того, что ты нужна мне как воздух и я люблю тебя. А ты же мне не прощаешь не одной моей слабости или ошибки и уже авансом пишешь о плохом. Ну не будем об этом более.

8 октября 1964 года. Санта-Клара.

Здравствуй дорогая Наточка! Почему тебя назначили в колхоз? Надо было в этих случаях звонить Н. Ф. Лазареву. Они не имеют права тебя послать.

Был такой случай — разбирали на парткоме. Ты этим пользуйся, и здесь ничего особенного нет. Вчера мне стукнуло 33 года. Совместили мой день рождения с отъездом на родину другого товарища, для того, чтобы было поменьше выпивок (моя рекомендация). Ведь ребятам только повод дать — они выпьют, добавят, и понеслась пьянка по-русски. Мне подарили пластинку кубинскую и письмо на испанском языке со всякими здравницами. На столе ничего особенного не было — торт и лимоны, вода и здешняя водка. Начали в 8 часов вечера и в 11 всё закончили. Ребята вообще-то часто пьют и у нас установлен лимит на водку, 2 бутылки в месяц. Пока я ни разу не воспользовался этим минимумом. На вечере были кубинские товарищи, пели русские песни, танцевали только те, у которых были жёны. Я установил кресло в зелень и вёл разговор с нашим кузнецом и парторгом. Выпили очень мало, даже похмелья не было.

15 октября 1964 года. Санта-Клара.

Здоровье хорошее, но всяких отступлений много, то голова неделю зарядит, то горло болит, то насморк. Но всё же в общем, если сложить воробья и кобылу, вроде ничего. Акклиматизация идёт долго, до 4 месяцев.

Женщины кубинские на меня не смотрят. Надо представить следующее — незнание языка, предупреждение советских руководителей, наличие очень красивых мужчин около красивых женщин. А на плохих и сам не хочешь смотреть. Здесь за связь с иностранцами кубинских женщин сажают в тюрьму.

В столовой питаемся 3 раза. Завтрак — кофе с молоком и булочка, а перед этим стакан холодного томата. Стоит 30 копеек. В обед — суп-лапша с курицей или мясом, второе мясное. Фрукты и сладкое. Первые блюда готовить не умеют. Стоимость 1-30. Ужин первое и второе 80 копеек. Первые дни подавали чуть не курицу целую. Потом мы им сказали, чтоб подавали меньше порции. Всего стоит день 2-40. Это очень мало, остальные деньги доплачивает секретарь провинции. Так что прежний советский руководитель большое благо сделал для нас, выхлопотав дотацию. Работающие рядом чехи из-за этой дотации очень возмущаются и иногда в столовой показывают на нас пальцем.

Доволен, что автозаводская кузница выполнила программу. Я знал, что сентябрь заложен ещё мной в плановом отделе хорошо по показателям. 4-й квартал их зарежет окончательно, так как в плановых цифрах Винокуров не разбирается. Ничего, пусть он потянет за эти 30 рублей, так как я тянул эти последние 3 года, а он за спиной был. Меня ему отсюда не вызвать.

Наточка, я выпиваю мало, но, когда выпиваю, я всегда о тебе помню и выпиваю за тебя и твоё здоровье.

20 октября 1964 года. Санта-Клара.

Здравствуй Наточка! Вот наконец попали на такой пляж, где много ракушек и беззубок. В воскресенье встали почти в 6 часов утра и ехали 4,5 часа, но зато я видел такие подводные картины — просто сказка. Обязательно купим маску кислородную и ласты для подводного плавания. Это настолько чудесно, что я прямо в восхищении. Случайно мне досталась эта маска, и я решил сходить в ней под воду, чтобы достать ракушек. Во-первых, красивые рыбы всякие от маленьких до больших (в рост человека). На одну почти нарвался, на злую. Говорят, что если ударит хвостом, то рана не заживает очень долго, всегда края сходятся, а внутри не заживает. У меня была пика в руках, которой я её напугал. Другая рыба как колобок, и рот как дуга, но величиной с ночной горшочек Володи. Увидел впервые, как живут лангусты, и как их ловят. Они величиной как наш самый большой краб, увеличенный вдвое. Под водой искал в основном ракушки, чтобы привезти домой.

Достал 10 маленьких и одну громадную, таких даже здесь нет ни у кого. И достал с глубины также полированную беззубку средних размеров, очень красивую. Пасть её похожа на пасть кита. Температура моря стала 22–23 градуса, температура воздуха днём 27, утром прохладно. Кубинцы уже одеваются, нам второй день как выдали одеяла. Вчера занимался чисткой этих кароколей — вывожу оттуда мясо и грязь, для чего зацепляем её крючком и вешаем на высоту, она вытягивается изнутри. Пахнет противно, зато красивые цвета. Вот бы иметь чёрное пианино и затем сверху положить караколь. Следующий раз привезу морских звёзд. Теперь есть рецепт их приготовления, чтобы они не пахли пóтом. На обратном пути почти всю дорогу дремал, так как под водой пробыл около 2,5 часов и очень устал. Если бы были ласты, то было бы легче, а так вся нагрузка легла на руки.

23 октября 1964 года. Санта-Клара.

Вчера Фидель Кастро выступал в Санта-Клара с речью в связи с 4-ой годовщиной организации молодёжи на Кубе (вроде комсомола). Сначала выступил генеральный секретарь Хосе Марти с краткой приветственной речью. Затем премьер-министр. Начало было объявлено в 9.30, а начали только в 10.10. Народу было около 80 тысяч. Вся площадь перед военным госпиталем, а она огромная, была запружена народом. Фиделя здесь уважают. Переводчика потеряли. Пробились к трибуне на расстояние 15 метров, настолько плотно стояли, что протиснуться стоило больших трудов и только «компаньеро советика» открывало лазейку. В общем, он говорит здорово, в военном мундире, немного рисуется, но это не проглядывает нарочито. Слушали все со вниманием. Я стоял около 2-х часов и затем ушёл обратно за товарищами из красного креста, так просто невозможно было выбраться. Они тащили женщину, которая потеряла сознание от жары, а я за ними. Говорят, он может говорить по 8 часов подряд без остановки. Объявил о небольшом прибавлении жалованья низкооплачиваемым. Сейчас они получают 80-90-100 песо рабочие и 110-120 мастера. Это очень мало по здешним условиям жизни. На завод не приехал, но упоминал его в своей речи как будущую кузницу национальных кадров. Закончил в 1-ом часу ночи.

На ноябрьские праздники обещали нам привезти по 1 банке шпрот и 1 бутылке «столичной» и 400 гр. копчёной колбасы. Наточка, милая моя, знала бы как я соскучился по обыкновенной селёдке, колбаске. Чёрного хлеба нет совсем. Белый, только булки пышные, они всегда чёрствые и я их перестал есть. Сравнялся в этом с тобой.

29 октября 1964 года. Санта-Клара.

Здравствуй Володенька! Сколько ты трудов своих кладёшь, чтобы папа мог посмотреть твои художества. Большой молодец. Действительно, корабль пиратский — сколько юмора и детской логики ты вкладываешь в эти рисунки. И так всё точно помнишь. Да, у дедушки есть такая лестница и именно там она стоит, как нарисовано. И кот, и волкодав на верёвочке, хотя и кверху ногами, но понятно. И в рисунке «конец войне» всё есть: знамя, самолёты, салют и ещё стреляют, но всё уже кончилось. Наточка, я всегда так смеюсь над его словами, и когда у меня настроение ухудшается, то беру его письмо и читаю — «как в новой орфографии и грамматике» — «оцарапил кошку» — звучит точно также смешно как «огурци» и т.д.

Володенька, «Тяни-Толкая» надо очень долго искать в горах и если будет у меня время, то обязательно пойду его разыскивать! А морских ежей тебе привезу.

8 ноября 1964 года. Санта-Клара.

Здравствуй дорогая Наточка! Я так рад, так рад, что Николай Блинков избран секретарём парткома завода, что запел даже. Да, Пеньковский (секретарь

Засвияжского райкома) не пересилил той подготовки моей, которую я вёл целых полгода, используя каждый подходящий разговор и момент. И очень доволен, что партком дал ему по носу. Тут сработало много факторов, но хохол просчитался здорово. Наточка, ты меня успокаиваешь, что не меня выбрали, а другого — да я не то хотел, а мне противно было бы работать против желания. Так что я радуюсь такому благополучному исходу дела.

Наточка, что Тимошины хорошие люди — это бесспорно, у них больше всех чувства к нашей семье и они менее корыстны. И потом они сами чувствуют наше хорошее отношение, что всегда ведёт к сближению.

Наточка, эти 3–4 дня подготовки к праздникам я не писал тебе, так как бегал по магазинам, выполнял поручение по закупке подарков рабочим и ИТР. Всего дали 70 песо, а в магазинах-то ничегошеньки нет. Вроде входишь, есть пестрота, начнёшь выбирать, а национального ничего нет — всё русское, чешское, китайское. Обошёл 50 магазинов города, еле выбрал 7 подарков: спиннинговую катушку, удилище для спиннинга, ручку китайскую, 3 книги, готовальню, 4 пластинки и украшение за 8 рублей для одной женщины. Ходил два дня, переводчик отказался ходить со мной. Кажется, все остались довольны подарками.

Относительно длительности командировки не расстраивайся, так как трудно сказать, что будет к маю. Тут сейчас дело престижа Союза, так как кубинцы считают, что завода такого не нужно было строить. Дескать, 2 года строили, полгода осваивали, а продукции нет. Но так можно думать или по недомыслию или это убеждённая контра. Это такой универсальный завод, на нём можно делать всё что угодно. Если бы у нас в Союзе был такой завод, его бы загрузили по уши. У меня на эти дела есть нюх. Они раскусят это позже, а пока дело идёт медленно. Нет людей, нет загрузки. Очень бравируют. Если чуть знает, то говорит полчаса на всех диапазонах голоса. Как в любом народе есть трудолюбивые, есть и ленивые. Склонность больше к последним, так как природа приучила к этому, всё плодоносит по 3–4 раза в год. Ребята в кузнице хорошие, есть много негров, они исполнительные, и я бы сказал проницательные, и быстро соображают, что к чему. Я привык и не делю их на белых и чёрных.

Да, билет от Москвы до Гаваны в оба конца стоит 880 рублей. На заводе дела идут по-прежнему туго. Много оборудования приходится заново перемонтировать, всё пущено на живую нитку. Строительное министерство в ноябре будет передавать завод консолидату (ведомство министерства индустрии). Министр индустрии Че-Гевара (4-ое лицо на Кубе после Фиделя, Дортикоса и Рауля) был в кузнице в одно из посещений Санта-Клары и отковал на молоте аляповатый нож. Его, как доказательство, хочет взять домой кузнец Николай Бакотин. Был здесь и Фидель Кастро. Останавливался в отеле «Венеция». Рабочие у входа его встретили, и он им пообещал приехать на завод в одну из поездок по стране. Рабочие получают здесь кто как, сколько имел до революции, столько и получает сейчас, так что секретарь директора получает в 2 раза больше, чем директор. Зарплата заморожена. Постепенно всё приводят в соответствие. В магазинах купить нечего, всё продаётся по тархетам — это своеобразные карточки, но нужды в «необходимом» у кубинцев нет, как по питанию, так и по промышленным товарам. Мои ресурсы такие. Здесь выплачивают 324 песо в месяц и 20% (64 песо) на сберкнижку в Москве. Там в Ульяновске тебе должны выплачивать 60% от моего среднего сдельного заработка за последние 3 месяца (276 × 0,6=165 руб.). Мой расход составляет примерно около 100 песо. Стараюсь без надобности не расходовать ни одного сентаво. Из списка, предложенного посольством, выбрал следующие товары для покупки:

Это я выбрал из всего, что нам будет нужно. Из расчёта того, что останется от крупной покупки.

Автомобиль «Волга» М 21-Л одноцветный	1956–56
Велосипед детский «Школьник»	13–06
Бритва механическая «Спутник»	7–22
Будильник «Восток»	3–83
Фотоаппарат «Киев-4»	59–12
Покрышка для «Волги» 26,06 × 4	104–24
Камера 3,21 × 4	12–84
Шерстяные ткани	
Платьевая 3 × 3,5 × 3,53	26–47
Костюмная фасонная неокрашен. 1 × 5,5 × 9,21	50–65
Платьевая ткань 1 × 5,5 × 9,32	51–26
Ткани из синтетического волокна	
Капрон фасонный 1,18 × 3	3–54
Ткань капроновая «Клетка» 1,27 × 3	3–81
Атлас капроновый 1,62 × 3	4–86
Швейные изделия	
Пальто мужское шерстяное «Деми» 27,5 × 2	55
Пальто женское «Деми» 29,78 × 2	60
Костюм мужской шерстяной двойка 27,12 × 2	54
Костюм женский полушерстяной 15,04 × 2	30
Пальто женское зимнее из каракуля	60–28
Пальто женское зимнее из песца	65–70
Каракулевый воротник	18–06
Детский шерстяной трикотаж	
Пуловер шерстяной	3–57
Жакет	3–56
Джемпер шерстяной	3–79
Свитер шерстяной	3–26
Мужской верхний трикотаж	
Пуловер шерстяной	7–04
Жакет	6–64
Жилет	5–42
Верхний шерстяной трикотаж	
Жакет шерстяной	9–34
Джемпер шерстяной	7–32
Свитер, шарф, шапка	8–32

Носки мужские повыш. эластичности 0,68 × 10	6–80
Чулки повыш. эластичности 1,50 × 10	15–00
Обувь кожаная мужская	
Полуботинки 8,06 × 3	24–18
Обувь кожаная женская	
Сапожки ботинками	12–06
Туфли на кожаной подошве 8,78 × 3	26–34
Туфли летние открытые 6,50 × 3	19–50
ИТОГО	2803 песо

9 ноября 1964 года. Санта-Клара — Гавана.

Наточка, очень хочется знать твоё мнение относительно приезда сюда. Сегодня узнал, что тебе, оказывается, надо для этого уволиться с завода. Это очень неприятно для тебя и меня. На работе появилась уверенность, что в декабре будем запускать оборудование уже на поковках. Улучшилось положение с жильём. Нас расселили по одному в изолированных комнатах и всех согнали на один этаж. Но всё равно собираемся вместе или на крыше, или в одной комнате, когда есть свободное от трудов время. Не забывай платить за квартиру и свет. Да, Наточка, пьянство — это страшное дело. Оно затягивает понемногу сначала. На Алика Парфёнова похоже. Но меня удивляет Халипер, ведь он еврей, а они не склонны к пьянству. Скорее всего, это клепает Рая, чтобы как-то оправдать Роберта. Мол, все пьют и мой тоже. Она и сама любит это дело.

Завтра покидаю Гавану, а так не хочется уезжать из неё. Это такой красивый город. Уехали бы раньше, но в местной кузнице прозанимались с молотом 750 кг. Он у них 1 час в сутки работает и страшно греется, рука не терпит. Вызывали они из Внешимпорта специалистов, но они ничего не нашли, так и мучаются около года с ним. Сейчас его разбирают, но мне уже и так всё ясно. Два дня наблюдал и слушал. Кольца компрессионного цилиндра не работают, они просто сварились с поршнем. Кажется эта причина. Питанье — кушай, что хочешь и сколько хочешь. Я брал всякие деликатесы — наподобие «Фрикасе кроли» кролик спец. поджарки, «Неладо Сон-ли» — мороженное со сметаной, сладкой пастой и внизу в рюмке 20 грамм ликёру, такое вкусное, что ужас нравится. Съел даже одну ракушку морскую. Проедал за 1 раз до 7 рублей в обед или ужин. Дело ведь хозяйское, за всё платят, почему же не попробовать. Правда?

Наточка, я тебе пишу иногда про людей неприятные слова, но, Наточка, родная, я стараюсь всегда быть, во-первых, беспристрастным, а во-вторых, ищу почву, на которой стали возможны эти поступки. И как правило — всегда она находится. Человек вкладывает во всё свои интересы и выгоды и думает, что его трудно понять, но это только кажется. Если копнуть поглубже, то всегда открывается неприятная картина. Вот из-за чего иногда умные люди так впадают в цинизм, если не обладают определёнными волевыми качествами, позволяющими удержаться на определённой грани. Человека, который переступил, называют циником. Человека, который не видит и не думает — простаком. А средний, говорят — себе на уме. Упаси боже, чтоб ты не подумала, Наточка, что я тебя поучаю, но, мне кажется, будет лучше, если ты внимательно будешь анализировать каждый поступок человека.

Ездили смотреть зоопарк. Я прямо оторопел от тех красот. Во-первых, обезьяний питомник. Человекоподобные обезьяны — вылитые люди и только. Всё схоже

С космонавтом В. М. Комаровым.
Куба, 1965 год

и даже ходят на ногах. Сердятся, смеются, друг за друга прячутся — стыдятся. Теперь я верю, что человек произошёл от обезьяны. Вторая не менее изумительная картина — крокодилы. Ох, и страшные. Им устроены все блага, как на природе. Они греются и купаются. Заинтересовали пеликаны, с большим, как у К. Н. Николаева носом. И чистят они его почти так же, как он на оперативках у директора — положит на стол и об скатерть трёт. Удивительно похож на пеликана наш профсоюзный босс. Внутрь зоопарка можно заезжать на машине, плату за это не берут совсем.

4 декабря 1964 года. Санта-Клара.

Нам назначили нового начальника цеха. Он молодой, лет 25, работал около года начальником цеха металлоконструкций в Гаване. Родом из Испании, молодой коммунист. Конечно, кубинские кадры надо учить, но они имеют 6 классов образования. Так что приходится работать с теми, что есть. Вчера было собрание по поводу Хрущёва, где выступали два товарища из Союза — секретарь парткома московского Университета (профессор) и зав. отделом подготовки кадров ЦК КПСС. Два туза, и тот и другой участники всех пленумов ЦК, начиная с 1956 года. Профессор обрисовал обстановку, которая сложилась к моменту снятия. Зав.отделом выступал неискренне и всё уходил от вопросов.

Впечатление от него туманное. Хотя даже в этом снятии есть движение вперёд, в смысле развития демократии. Снять в полном ореоле славы, за допущенные ошибки, это лишний раз подтверждает правильность ленинского принципа коллективного руководства и крепость ЦК партии.

7 декабря 1964 года. Санта-Клара.

Дорогой папа! Дали нового начальника цеха испанца Антонио. Вроде ничего парень. Сейчас готовим продукцию для сахарных заводов — цепь, которой надо аж 45 километров на первую необходимость. Осваиваем технологию. Я объехал

1200 км. территории Кубы. Был в Гаване целую неделю, а потом в составе делегации ездил в г. Сьенфуэгос встречаться с командой корабля «Ю. Гагарин». Кстати, его капитан много сделал во время кризиса и получил Звезду Героя за опасный рейс. Здоровенный детина, но хороший человек и рассказчик замечательный.

Новый год будем справлять все вместе на «Массео». Опять я председатель праздничной комиссии и готовлю стол. Продуктов заказал нашим в Гаване. Один подарок на всех стоимостью 192 песо 03 сентаво. В него входит: 4 бутылки столовой водки, 4 коньяка, 4 хорошего вина, икра, шпроты, конфеты, колбасы, консервы, и т.д. И ещё 18 бутылок прикуплю коньяка. Всего на каждого 6 руб. 50 копеек. Не представляешь, Наточка, мужскую компанию. Все будут пить до умопомрачения, я же думаю только есть деликатесы и пару рюмок выпить за Вас и наших родителей. Очень жалею печень и сердце.

20 декабря 1964 года. Санта-Клара.

Дорогая, любимая Наточка! Эта неделя была настолько суматошная и загруженная, что просто не сумел тебе написать ответа на письма. Всю эту неделю работали с 7 часов до 6 часов вечера и при нашем устоявшемся режиме оказалось это делом трудным, сразу почувствовали, что устаём здорово. Связано это с окончанием года и религиозным праздником рождества, которое здесь справляется по традиции, хотя и потеряло прежний смысл. Они зарабатывали один день, чтобы гулять 3 дня. Два из них положены правительством. Называются они — «Хорошие ночи». Я очень сильно устал за эти дни и сегодня первый раз не поехал на пляж, отчасти из-за того, что почувствовал тяжесть в области сердца, да и надо тебе, родная, написать письма, так как ты тоже ведь будешь скучать. Заодно сегодня перестирал всё и вымылся горячей водой, чтобы отдохнуло тело. Плитка мне очень пригодилась для всех дел, и стирки, и мытья. Неудобно, конечно, плескаться из раковины, но всё-таки лучше, чем мыться холодной водой.

Конечно, рад за тебя и Володю, что немного ходите на люди и справляете День рождения. Володеньке полезно быть с девочкой, он ведь несколько грубоват, а это сгладит немного. Наточка, праздник конституции мы здесь не праздновали, так как находимся у них и все праздники должны быть только их. Но вот рождество придётся тоже «праздновать» по неволе. Мы готовимся к Новому Году, приходится ходить на репетицию песни два раза в неделю. Разучиваем их марш и нашу песню «Дороги». Меня признали годным и вот трублю в хоре, пока не выгоняют. На праздники привезли сюда игрушки для детей от наших друзей и нас и дают по две игрушки на детские карточки (новогодний подарок). Смотреть на это больно, но что поделаешь — далеко очень, а с их континента даже Канада и то не торгует. Когда в столицу едешь, стоит вот уже два года на горизонте эсминец американский и дежурит. В такой стране надо бы жить да радоваться, а всё ещё бедно, правда революция была недавно, всего 4 года прошло. Приехал ли дедушка в гости и как Вы его встретили. Попроси его сходить в сад и посмотреть его, надо его не бросать, ведь это наш отдых физический на будущее.

Володенька, очень рад, что в садике у тебя дела идут хорошо и поведение твоё хорошее, но мама мне пишет, что немного не слушаешься. Это папу очень сердит, твоё поведение дома должно быть безукоризненным, ты должен стараться помогать маме и слушаться во всём, ведь ты за папу остался.

3 января 1965 года. Санта-Клара.

Здравствуй дорогая Наточка! Опишу тебе, как проходили Новогодние дни. 30 декабря был вечер, организованный заводом и партией, где награждали передовиков производства и произносили речи кубинские руководители. Затем был наш кон-

церт. Исполнили 3 песни хором и несколько соло. Кубинцам особенно понравился «Марш 26 июля» исполненный нами на их языке. 31 декабря работали до 3-х часов без обеда. После немного отдохнул и пошёл в наш дом на Массео готовить посуду, столы и закуску. Работали 5 человек до 11 часов вечера. Стол получился очень хороший, даже малюсенькую ёлочку сделали. Гуляли до 5 часов утра. После проспали до 12 и принялись за уборку.

Конечно, пить мне особенно не пришлось, но тост за мою милую и дорогую жёнушку я поднял. 2 января готовили стол для встречи кубинских заводских руководителей. Деньги отпустил профсоюз. Тоже хорошо приготовились. Прошло быстро из-за того, что кубинцы быстро спьянились, хотя эти 2 часа прошли в очень весёлом настроении у всех из-за того, что переводчик подвыпил, и мы обходились, кто чем может, чтобы показать наше расположение к ним. Кстати, новый директор (Начальник консолидата) выпил ёрш и сразу же свалился. Пишу письмо утром 3 января, и после письма пойду опять готовить проводы. Уезжает конструктор и снабженец из Волгограда. Это первые из группы, с кого она начинает быстро таять в геометрической прогрессии.

6 февраля 1965 года. Санта-Клара.

Дорогая мама! Очень рад, что ты побывала у нас, и тебе понравилось. Ты спрашиваешь, был ли под бомбёжкой? Нет, но положение очень напряжённое. То тут, то там балуются фугасками. Думаю, что со мной всё обойдётся благополучно.

Очень приятно, что ты меня видишь будущим научным сотрудником. Но нельзя считать это простым делом, сел и написал, тут всё сложнее. Во-первых, здесь всего лишь два часа перед сном свободного времени, остальное работа. Во-вторых, надо иметь под рукой много справочной литературы, а у меня 3 книги узкого профиля. В-третьих, приходится ещё стирать и гладить почти каждый день, да писать письма. Можно ли в этих условиях писать? Думаю, что вряд ли. Но я делаю одно возможное в моих условиях — изучаю всё, что попадётся под руку для общего развития, и всё это закрепляю на практике. Ведь только здесь можно найти лучших специалистов по всем отраслям техники — электроника, зубофрезерование, токарное, термическое, инструментальное, ремонтное дело. И если идти дальше, то надо бросать свою должность и переходить на преподавательскую работу, а она мне не особенно нравится.

17 февраля 1965 года. Санта-Клара.

Дорогой папа! Получил от тебя весточку из дома и очень благодарен тебе, дорогой папа, за заботу о Наточке и Володеньке. Очень сожалею, что в эти дни меня не было с Вами и мы коллективно не отметили такой замечательный день — день рождения мамы. Но ничего, мы скоро наверстаем упущенное. У меня всё благополучно как со здоровьем, так и на производстве.

Задача нашей группы здесь следующая:

1. Оказание технического содействия в формировании основных отделов, служб завода и цехов с предложениями по организации рабочих мест.
2. Участие в разработке схемы управления заводом и основных положений по организации отделов и цехов.
3. Оказание технического содействия в разработке основных положений по оформлению технической документации, учёта, отчётности и их внедрение.
4. Оказание технической помощи в формировании программы на 1965 год.
5. Техническая учёба с инженерами и основными профессиями рабочих.
6. Оказание технической помощи в отладке основных технологических процессов.
7. Пуск и наладка всего парка оборудования.

Дело идёт постепенно к концу, так как много сделали в тот момент, когда за директора был здесь начальник консолидата (практика понижения всех на 1–2 месяца рангом для того, чтобы не обюрокрачивались). Он человек очень умный и решительный и почти все наши предложения принял к исполнению. А наш теперешний директор мямля страшная и паникёр ужасный, но говорить умеет здорово.

Папа, твои книги все мной получены, и я понемногу стараюсь учить правила уличного движения, регулировку и устройство автомобиля «Волга». Жизнь иногда разнообразится поимкой шпионов и их допросами прямо по телевизору. Не успели 4-х допросить, вчера ещё 2-х поймали. Лезут со всех концов контрреволюционеры проклятые, но здесь их уже дожидаются. На этой неделе ездили все на уборку сахарного тростника на сахарный завод «Вашингтон». Завод очень старый, но выпускает 100 тонн сахара в сутки. Наши комбайны работают хорошо, но ломаются и мы им готовили уже запасные части (пружины, валы, шестерни).

24 февраля 1965 года. Санта-Клара.

Эти три дня занимался стиркой всех брюк и рубашек и затем своим самообразованием, читал газеты сразу за половину февраля. Я выписываю «Известия» и журнал «Партийная жизнь». Весь февраль читал лекции начальнику цеха по организации производства и думаю продолжить в марте. Но он так всё не успевает без плановика, что жалко его, но мне за него бумаги писать нельзя. Прессовщик сегодня работу закончил, дал ему отдых 2 дня и затем в Гавану. Написал характеристику, помог составить отчёт. Прощальный вечер будет, вероятно, в понедельник, так как старое руководство в Гаване получает деньги и продукты, а без продуктов какой же будет праздник и расставание.

Наточка, позвони, пожалуйста, в цех механику Юрию Васильевичу Абросимову — передай через него привет всем и попроси разрешения подарить его книгу кубинцам, они просят оставить, а я у него взял с возвратом. Свои я все отдал в кубинскую библиотеку. В ней сейчас насчитывается 500 томов специальной технической литературы. Они делают перевод и учатся пользоваться таблицами, схемами, рисунками. Из моих обучаемых главного инженера забрали на соседний завод директором. Я всегда говорил, что этот завод будет кузницей кадров, а мне отвечают, что они ещё плохо знают то-то и то-то. Научит дальше жизнь.

7 марта 1965 года. Санта-Клара.

Дорогая мама! В этом месяце буду заканчивать печь обжига, пришёл ящик с недостающими узлами (редуктор, мотор). С листогибочной машиной дела пока плохи, услал акт в Гавану, в апреле должны прислать монтажную группу. О моей «научной карьере». Ну, что мама, нам ломать копья, мне, доказывая что-то, а тебе, бичуя меня, что я боюсь трудов, и отстал от попутчиков. Во-первых, я не люблю преподавательскую работу, а получить кандидата или доктора и работать на заводе — какой это имеет смысл? Звания ради звания мне не нужно. Мне кажется, в этих делах лучше всё взвесить, свои силы, семейные дела и т.д. И не в трудностях тут дело, а в обстановке — хорошо, что семья при моей работе получила на 2–3 часа в сутки меня — а ты говоришь, мама, можно готовить тему, не уходя с этой работы. Быть школяром и самостоятельно готовить тему — две вещи разные. Давай договоримся, на эту тему пока я здесь, не дискутировать.

25 марта 1965 года. Санта-Клара.

Наточка, милая! Ты пишешь мне очень хорошие письма, такие, что душа моя прямо полная тобой, твоими мыслями и чувствами. И я стараюсь насколько это возможно в письмах, чтобы тебе было хорошо, хоть как-то облегчить тебе разлуку. И нисколько не огорчайся ничем, всё твоё я люблю по-прежнему сильно, и ника-

кие морщинки не уменьшат моего чувства к тебе. Придёт ли конец этой командировке, одному тяжко очень. Даже семейные все уехали или уезжают — говорят невмоготу. Нас всех, кому нужно оставаться по производственной необходимости, вызвали во вторник утром на треугольник и предложили написать заявление или подписать продление контракта, когда будем в Гаване. Я категорически отказался и выступил с ответной просьбой о сокращении срока контракта. Пока дало согласие 8 человек, причём один уже кается и очень переживает, что надо идти на попятную. Жадность исключительная у некоторых. Так соскучился по Родине, что красоты Кубы ни к чему, всё приелось, да к тому же жить с людьми, которые несимпатичны, очень трудно. А некоторые есть просто нахалы и пьяницы.

Я, Наточка, ещё не получил книгу по эксплуатации автомобиля «Волга», но достал старую, за 1962 год, и сейчас её штудирую. Хоть немного познакомится с устройством и принципом действия. Каждый вечер час или два отвожу на это. Всё-таки будет легче сдавать экзамены. Относительно Володиной школы. Тут всё будет зависеть от нашего желания куда? Конечно, надо в 51-ю школу, так как рядом, главное нет больших транспортных улиц, а он ведь будет ходить каждый день пешком, а нам надо провожать и встречать. И потом, все эти знакомства только вредят, главное, чтобы он сам привился к учёбе.

Наточка, очень огорчаюсь, что Володя плохо слушается и растёт таким разгильдяем. Но и винить его ещё рано, ведь он ещё совсем ребёнок, а мы хотим иметь чуть ли не волевого человека, который при малейшем нажатии кнопки выполнял задуманное. Конечно, очень трудный ребёнок, во всяком случае, не очень послушный. Пиши о его поведении чаще, чтобы быть в курсе его дерзаний и терзаний тебя. Сочувствую тебе и вспоминаю рассказ Марка Твена про рыжего мальчика. Кажется, растёт вторая копия. А жаль!

Милая Наточка, как будем обрабатывать сад? Так болит душа, ведь бросать его совсем не хочется. Заплати деньги и возьми книжку садовода. Она у кассира в ремонтно-механическом цехе. Надо бы вскопать землю и удобрить навозом, побелить стволы. Если тебе придётся, Наточка, перекапывать приствольные круги, то копай на штык и меньше, не задеть бы корни, но от центра ствола надо откопать землю, чтобы яблонька дышала.

2 апреля 1965 года. Санта-Клара.

Завтра кубинская сторона и наш руководитель Нестор едут в Гавану по вопросу продления контрактов до декабря 1965 года. Сегодня собирали старших, чтобы обменяться мнениями насчёт каждого специалиста. Потом будет решать посол и ГКЭС. Мой основной контракт до 28 июля 1965 года. Дополнительно продлевают только при условии личного согласия. Из кузнецов на дополнительный контракт желающих нет. Несколько человек остаются сверх года, но и то те, у кого здесь жёны. Другим не оформляют сюда жён, если до конца контракта осталось меньше 6 месяцев. Трубников прямо говорит, что не ждите своих голубушек, а сами возможно быстрее сдавайте объекты кубинцам. Вообще, та ещё «небесная механика». Если бы знать всё это заранее, когда только начинаешь путь, а то тыкаешься как слепой котёнок и по крупице набираешься опыта заграницы. Сначала сюда бился не на живот, а на смерть, теперь отсюда также, но в обратном порядке.

29 мая 1965 года. Санта-Клара.

Дорогой папа! На днях проводил кузнеца в Союз, и теперь сам встал на первую очередь на отъезд. Осталось около месяца и 20 дней. Папа, ты прав, что «Волгу» будем получать в Горьком, я уже послал документы в банк через кузнеца. Дело в том, что до простой «Волги» у меня не хватило 13 песо 17 сентаво, и я решил про-

вести финансовую операцию в банке, где со счёта кузнеца эти песо переведут мне. Апрельские и майские деньги придут только в конце июня, а с 1-го июля хотят ввести боны и может быть изменение по ценам. Чтобы была гарантия я и решился на это. В выходной ездили на пляж «Ранчо Луна». Вода изумительная, но солнце невыносимое. Море было очень хорошее, лазил с маской в глубину. Видел подводный мир с кораллами и муренами. Сейчас пошли дожди, и природа оживает вновь. Поспели плоды манго, вкусная вещь.

Неделю назад ездили на рубку сахарного тростника. Нарубили каждый по 100 арроб и работали 3 часа. Канья попалась старая, прошлогодний тростник вперемежку со свежим. Все руки обломали на нём. Сейчас последние дни борьбы за сахар. Будет больше 6 млн. тонн готового сахара. Вообще, они большие молодцы.

12 июня 1965 года. Гавана.

Осталось до встречи всего 6 недель. Так обрадовался на днях своим землякам. Начальник группы в Институте развития Кубы оказался из Мелекесса, а главный инженер Ульяновский. Часа два проговорили и вспоминали общих знакомых. Они хорошо знают Федченко, Иоффе и почти всё руководство завода. Меня они увидели и спросили у руководителя — он не из Ульяновска? Тот подтвердил. Они разыскали меня в цехе, ну и затем пошли воспоминания.

Через неделю буду начинать готовить материал для отчёта по командировке, очень много писать. Заканчиваю миссию последний в цехе и поэтому надо за группу отчитываться. Вероятно, отчёт будут переводить на испанский язык, и необходим технически грамотный слог. Сегодня должен быть карнавал — время уже 6 часов, а дождь льёт как из ведра. Наверное, сорвётся. Жаль, нет фотоаппарата, запечатлеть это «чудо». Наточка, почему ты ничего не пишешь о заводских и цеховых делах, мне ведь это очень интересно. Поговори с кем-нибудь об этом и черкни.

5 июля 1965 года. Санта-Клара.

Здравствуй дорогая Наточка! Дела на работе идут нормально. В этом месяце кузнечно-прессовый цех перекрыл проектные мощности, монтажно-сварочному на второе полугодие дали загрузку делать ёмкости для нефти до конца года. Так что всё приходит к естественному концу. Отчёт продвигается. Наш город объявлен центром празднования 26 июля — дня революции. Съедутся 37000 представителей. Всё в городе переделывается на расширение мест питания и ночлега. Будет правительство и руководство партии. Но мне не придётся здесь быть, буду в столице. Сегодня сообщили из Гаваны, что отлёт назначен на 31 июля, в Москве буду 1 августа.

22 января 1967 года. Ульяновск.

Здравствуй папа! Последние недели ждал завершения всех событий, чтобы полностью охватить заводские и городские новости. Во-первых, сняли директора и отправили на пенсию. Мотивировка — собственное желание, а подпольная работа по снятию велась с мая месяца, когда приезжал Начальник главка в Ульяновск. Здесь же наметилась кандидатура, но никто не знал вплоть до приезда министра на завод. А потом поползли слухи, что будет т. Маслов, секретарь райкома (сельского) партии, 1926 года, техник, кончил планово-экономический институт заочно и ВПШ при ЦК КПСС. Ни прежний директор, ни партком не знали об этом полгода. Начал эту работу Николай Блинков (руководитель заводского парткома). Всюду требовал, что надо нового директора, ездил на ГАЗ, в министерство, в ЦК, но везде получил отказ или ему давали понять, что ни его ума дело, поскольку номенклатура обкома. 10 января министр вызвал т. Федюшина и официально подтвердил это. Блинков ездил в обком к первому секретарю т. Скочилову, но ничего не добился (на предмет, почему Маслов, который ничего не понимает в автоделах

и почему не посоветовались с парткомом, почему не наметили заводского и т.д.) Ему Скочилов ответил, что за нового директора отвечаю я, и считаю, что он будет хорошим директором. Он пришёл, собрал партком и объявил ещё до 10 января, ну а дальше была комедия в лицах. Все знают, но скрывают, и как всегда старый узнаёт об этом самый последний. Пощёчина была для Блинкова большая. Он, когда узнал, говорит, что лучше уж бы старый остался. Новый заступил, а до этого подписал все перемещения. Появились ещё 4 зам. главного инженера и в том числе т. Федюшин, на днях было распределение обязанностей между всеми членами дирекции и мне записали в проекте, что я веду отдел главного металлурга, ЦЗЛ, и все горячие цеха. Я возразил, что надо уточнить что именно: но все стали говорить, что всё, в том числе и план. Тогда я поставил вопрос, что же будет делать зам. директора по производству т. Разматов. К истине не пришли пока, я настаиваю, что все технические вопросы в горячих цехах, отдел главного металлурга и ЦЗЛ это моё. А план — заместителя директора.

Затем приезжал к нам т. Демичев из ЦК и выступал перед областной партийной организацией, но я не попал на доклад, о чём очень жалею. Но всё узнал сразу же после конференции. Дела, как видно очень плохие с Китаем и вообще в мире. Не дать себя втянуть сейчас в конфликт, пожалуй, главная задача. После конференции состоялся партийно-хозяйственный актив по результатам деятельности года. Докладывал Блинков. Было много выступающих, и особенно трибуну захватили демагоги, но и у них были дельные мысли. Особенно критиковали меня как руководителя, как заместителя главного инженера. Дело в том, что критика эта была направлена в адрес главного инженера завода т. Болотова и он очень много вопросов не решил, а создаётся мнение, что это мои вопросы, поскольку я по горячим цехам. Парадокс прямо. Особенно досталось мне от секретаря обкома т. Сазанова за то, что в ковком чугуне, как он сказал, даже не вмещается шихта и это прямо преступление. Дело в том, что в 1964 году, когда я был ещё на Кубе, бывшего главного металлурга т. Павлова заставили подписать акт государственной комиссии на 8500 тонн без постоянного шихтарника и сделали времянку на 50 кв. метров, где собирается до 100 тонн металла, кокса и известняка и невозможно вести правильное взвешивание всех материалов без того, чтобы не остановить вагранки. Или взвешивание или работа. Он забыл, наверное, что сам подписывал такой акт и теперь эту вину сваливает на меня. Кроме того, недостаток ковкого чугуна на заводе очень большой, работаем без задела даже на сутки (вот уж вспоминаю кузницу 1961 года — аналогичная была картина, когда я стал начальником цеха, а сейчас буфер 22 дня впереди, так что мне не страшны шторм и буря). Причём потребность в чугуне опережает мощность цеха с каждым месяцем. В 1964 году дали 350 тонн, в 1965 году 3500 тонн, в 1966 году 6500 тонн, в этом план 10500 тонн. Причём, пошла кооперация на ЗИЛ, МЗМА, ЗМД г. Ульяновск и своя потребность большая, надо осваивать 21 наименование отливок, передаваемых с ГАЗа нам. Кроме этого, недостатки и низкий уровень проектирования цеха сводит на нет усилия коллектива цеха и отдела. В этой связи также критиковали, что плохо обеспечиваем чугуном, что простаивают станки. Вопросы дежурные, от них никуда не денешься. Я выступать не стал, с одной стороны выступил главный инженер и сказал обо всём, а с другой не стоит доказывать что-либо на конференции. Я эту критику приведу в действие себе на пользу. Уже после конференции забил сразу несколько вопросов, и их вынуждены будут решать.

Новый директор приступил, горит желанием узнать всё побыстрее сам, но, видно, знаний маловато. Оценить как-то сейчас его трудно, но уже колени задрожали,

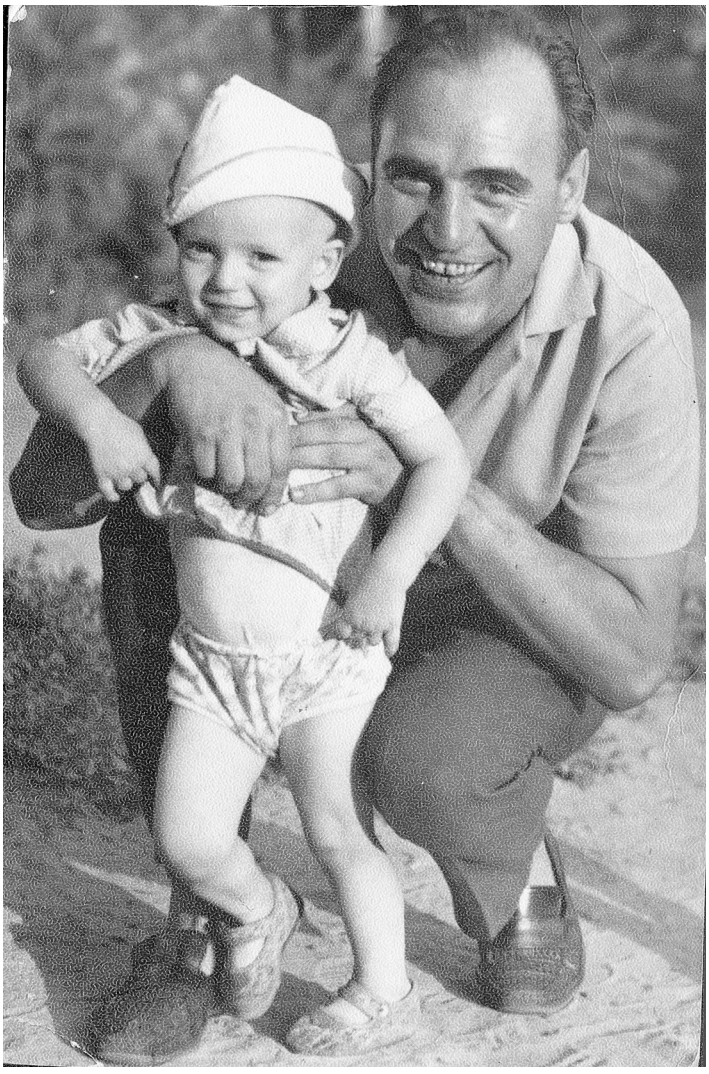
так как отставание 220 машин, а по сбыту 700 машин и только задаёт вопрос, что будем делать. Конечно, после выступления т. Сазанова (обком), который с трибуны заявил, что за сверхурочную работу, в выходные дни и другие нарушения ВЦСПС требует привлечь к уголовной ответственности т. Федюшина, как бывшего директора, но мы сдерживаем это. В общем, оказал медвежью услугу новому директору. Рабочие на конференции захлопали, а план-то выполнять надо ведь всё равно, а пути по сути дела отрезаны. Обстановка на заводе сложная. Два лагеря. С одной стороны начальники цехов, с другой начальники отделов и главные. К тому же ожидается переход на 5-ти дневную неделю, на новую систему планирования и экономического стимулирования. И всё с 1 июля, а подготовка пока слабая, если не сказать никакая. Дела домашние делать некогда, прихожу очень поздно. Ждём, не дождёмся двух выходных — это может дать возможность людям хоть с семьёй побыть вместе.

16 октября 1967 года. Ульяновск.

Здравствуйте папа и мама! Пишу относительно моей аварии, Вам, наверно, будет интересно узнать из первых рук. Время было между 7 и 8 часами вечера, на грани светлого и тёмного. У меня кончался бензин, и я ехал заправляться и заодно в сад за укропом. Машина заглохла, я свернул к правой бровке, попытался завести стартёром, не получилось. Поставил машину на тормоз, дополнительно включил 1 скорость и пошёл на улицу Ленина за бензином. Там живёт т. Белый, знакомый по техникуму, как раз подъехавший на своей «Волге» к своему дому. Только я отошёл от машины как почувствовал по ногам толчок, меня рвануло, но вгорячах я вскочил, крикнул «Что делаешь негодяй» и свалился, так как потерял устойчивость и почувствовал сильную боль в правой ноге. Сознание не терял. Крови потерял много, из-за чего всё время дрожал и мёрз. Увидел в толпе знакомого с завода, где сейчас работает Наточка, и попросил позвонить на завод и сообщить Наточке. Дал ему адрес. Ну и дальше скорая помощь, и больница на Володарском посёлке за Волгой, она была дежурной в тот день.

В целом, я ещё легко отделался, могло всего перемолоть. Меня ударило моей же машиной на излёте удара. Юзом моя и его грузовая машина прошли 9 метров, у него на тормозах, а у меня на тормозах и 1 скорости. Если бы я не поставил машину на 1 скорость, то тормозной путь был бы значительно большим, и последствия более плачевные. Шофёр приходил несколько раз и домой и в больницу и всё просил, чтобы я его не отдавал под суд. Сегодня прислали повестку к следователю. Ну, куда я в таком виде пойду, пусть идёт сам. В больнице пролежал до заключения в гипс 27 дней. Всё на спине, привязанный за пятку на новом приспособлении по вытяжке, которое приволокли с областной больницы. Пятку сверлили прямо дрелью насквозь, а когда вынимали спицу, то будто калёное железо прошло через ногу. За эти дни спина и руки онемели, на бок ведь повернуться нельзя. Влили 300 грамм крови, гору витаминов всяких, полсотни уколов всадили, до сих пор не рассосались. Мой день рождения, 7 октября, справляли прямо в палате. Пришли Наточка, Володя, с завода, с отдела и шофёр, который сшиб. Тяпнули 2 бутылки коньяку «Плиска», посидели около часа и разошлись. И то медперсонал удивлялся, что такой больной устроил свой день рождения с распитием спиртных напитков прямо в палате. Что делать? Хоть чем-то вспомнить. 10 октября наложили гипс, а 12 я уговорил лечащего врача выписать меня домой, так как воздух такой плохой, весь пропитан лекарствами. Да и Наточке бегать каждый раз несподручно, особенно теперь, когда Володя занимается музыкой.

Пока ещё только хожу по квартире, но уже вчера перемыл всю посуду на кухне и вымыл газовую плиту. Занимаюсь с Володей уроками и музыкой. Наточка прямо

С сыном Дмитрием.
г. Ульяновск, июль 1973 года

радуется, что мы втроём грызём музыку каждый день. Я и то научился чувствовать, где Володя фальшивит и тоже изучаю ноты, но уверенности, что буду играть, нет никакой, хотя бы изучить азы, чтобы помогать Володе. Он сегодня принёс опять две 4 и одну 5 по музыке. Не отстаёт и по школе. За басню приволок 5, за диктант тоже 5. Читает мне вслух каждый день по 2 главы детских рассказов, и вместе решаем в уме задачи на запоминание условий задачи и решения её в уме.

Гипс снимут через 2 месяца после наложения.

15 июля 1971 года. Хоста.

Здравствуй, дорогая Наточка! Так был рад от тебя получить письмо, но прочитал его только в электричке, когда ехал в Гудауты забирать Володю из лагеря. Днём — Мацеста, тут эти переговоры с главным врачом, которого прождал до 11.00. Прибежал с Мацесты, надо было переселяться, пообедать и в 14.26 выехать за Володей. В общем, бегал как метеор. Сначала я жил в психотерапии, в кабинете, затем дали

В Альпах с переводчиком.
Швейцария, 1972 год

одноместный номер, но вид на гору, вернее на стену, с решёткой на окне, так как этот этаж первый, хотя с моря второй. С главным врачом разговор не получился про поселение Володи, боится, что соседи начнут жаловаться. Второй вопрос решился быстро, и я переселился в 2-х местный номер, с видом на море и много воздуха. Я первую ночь как следует выспался, так как утром солнышко в окна не бьёт и прохладно с моря. Когда никуда не хожу, то читаю «Лже-Нерона». Что-то уж мне понравилась эта книга, может потому, что в последнее время ничего серьёзного не читал.

Приехал в Гудауты, Володя уже бегает, дожидается меня. Дал расписку, что взял своего сына. Приехали только в 22.15 и сразу на квартиру по ул. Красных партизан д. 8 кв. 23 (это рядом с санаторием). Просмотрел две квартиры, когда бежал в этот день на Мацесту. Одна не понравилась, так как народу человек 7 или 8, и в этой много, но комнаты как-то изолированы. Он спит в большой комнате на софе, а хозяева на балконе, дочка Юля (5 лет) на кровати рядом с балконом. Видела бы ты, как страшно доволен твой сын, что он может купаться.

Сегодня он завтракал сам — 99 копеек, обедал — 87, ужинал — 47, покупал себе слив — 60, и ел их, когда вечером его взяли в кино на «Жену для австралийца» в нашем летнем кинотеатре. Купался сегодня он много с 10 до 13.15., всё время с перерывами на обсыхание. Море очень ласковое, тёплое и Володя показывал образец выносливости на плавание. До буя около 100 метров и он свободно доплывает со мной туда и обратно. Вообще чувствует себя как рыба в воде. Днём после обеда спал и проспал до половины шестого, опоздал ко мне и пришёл прямо на пляж и ещё несколько раз купался. Так что он за один день отплавал всю гудаутскую 20-дневную норму. Сегодня после Мацесты мы купили фруктов сразу целый мешок. 1 кг. слив — 40 к., 1 кг. персиков — 80 к., 2 кг. яблок — 50 к., орехов 1 кг.— 70 к., полкило солёных огурцов и 1 кг. помидор.

Билеты буду заказывать на 3 августа дня через 2–3, за 15 дней. В санаторий детей не пропускают, подняли шум, куда, да почему, кто разрешал. Так что он до сих пор у меня не был. Ульяновских здесь никого нет, а может я просто не знаю. Слава богу, что нет, как уехал, даже на водку ни разу не потянуло, хотя кругом идёт продажа в разлив вовсю. Очень доволен, что Димок здоров и ушки у него не болят.

29 июля 1971 года. Хоста.

Вчера ездили на Пицунду морем. Володя сам пришёл часов в 6 утра, и мы отправились на причал. Ведь ему всё интересно — тем более первый раз едет на «Ракете» на подводных крыльях. Заезжали в Кудепсту, Адлер, Гагры. Вид с моря на все эти курорты совершенно иной — такой как на открытках. Шли морем 1 час 15 минут. Затем экскурсовод провела нас по посёлку, осмотрели бывший мужской монастырь с 1000 летней давности храмом и стали на 3 часа свободными. Сразу же позавтракали прекрасным мацони, съели ещё один тульский пряник и пошли на море и купались в этой прекрасной чистой морской воде. Володя прямо блаженствовал, особенно ему понравилось купаться в открытом зимнем бассейне, где можно нырять с вышки и с тумбы. Еле его загнал в море. Жалко, что не взяли в магазине для этого случая маску, но одолжили у одного немца, который был с детьми. Когда просил Володя, он говорит — не понимаю. Тогда я ему быстро втолковал, что нужно. Он замотал головой — берите, а когда покупались, я Володе говорю, скажи «Данке шён» (единственное, пожалуй, слово, которое я знаю). Он ему сказал. Немец так был удивлён этому и всё смотрел, кто ему подсказал. Володя даже мне не поверил, говорит, а, может, ты что-нибудь плохое говоришь. Осторожничает. По-моему, правильно.

Лучшего места, чем Пицунда на всём побережье нет. Там стоят эти высотные дома — пансионаты, но только для отдыха, лечения никакого. Народу мало, хотя умещаются 3000 человек, из них 2400 иностранцев. Стоит путёвка что-то 180 рублей. Впечатление остаётся даже от одного дня, а если провести целый месяц, то, вероятно, усилится ещё больше.

Сегодня с утра Володино ожирение смотрела прямо на море Антонина Васильевна. У неё есть предположение, что ожирение может быть от поджелудочной железы, но надо проверить. В субботу утром ему сделают снимок черепа в 2-х проекциях и анализ крови и мочи на сахар. Вообще у неё мнение точно такое, как у Тани. Точь-в-точь.

После обеда поехали на 3-х часовую экскурсию на гору Ахун. В горах воздух кристально чистый, вид на Сочи изумительный. Экскурсия по времени уплотнённая, и мы успели только заглянуть в ресторан выпить по стакану воды и вернуться домой. Завтра день отдыха, а 31 в 15.00 едем в цирк. Сегодня спасли с Володей одну девочку. Надувной матрац у неё перевернулся и уплыл, но я её быстро подхватил, а Володя поплыл за матрацем. Володя говорит, почему бы тебе не заявить и не получить медаль за спасение. Вечером хожу с Володей по Хосте и очень мягко его воспитываю относительно держания рук, ходьбы рядом, разговоров спокойно, руки в рот не брать, не утираться ими как утиркой, не убегать, когда взрослые разговаривают — и не мешать и не вклиниваться в разговор. Он теперь слушает и старается поправиться. Вот и все наши злоключения этих дней.

9 июня 1977 года. Москва.

Здравствуй дорогая Наточка! Долетел до Москвы хорошо, но с большим опозданием, устроиться в гостиницу не удалось, поэтому ночевал в Министерстве на диване, а утром устроился в общежитии ЗИЛа на автозаводе. Весь четверг бегали по различным инстанциям добывали загранпаспорта и визы, а сегодня об-

менивали деньги и покупали сувениры. Время 6 часов вечера, купил последнюю нужную вещь — мыльницу и сел писать письмо прямо в ГУМе. Убываем в воскресение 11 июля в Берлин, вместо нужного нам Лейпцига. Время командировки определено в 8 дней. Сдача паспорта и отчёт по командировке надо будет писать сразу по приезду. Тот, кто ездил по линии ГНТК СМ говорят, что на это уходит минимально 2 дня. Завтра надо будет закупить продукты на дорогу и на первый день пребывания. Вечером схожу в душ и отдохну перед дорогой. Сувениров купил на 40 рублей (на 4 человек). Покрасил ли Володя полы? Ваня.

Далее, руководствуясь крылатой фразой академика Е. В. Тарле, что он отдал бы мемуары всех наполеоновских маршалов за приходо-расходную книжку французской хозяйки, времён консульства и империи, с записями её трат и поступлений, приводятся различные хозяйственные сведения о быте семьи И. Н. Тарасова.

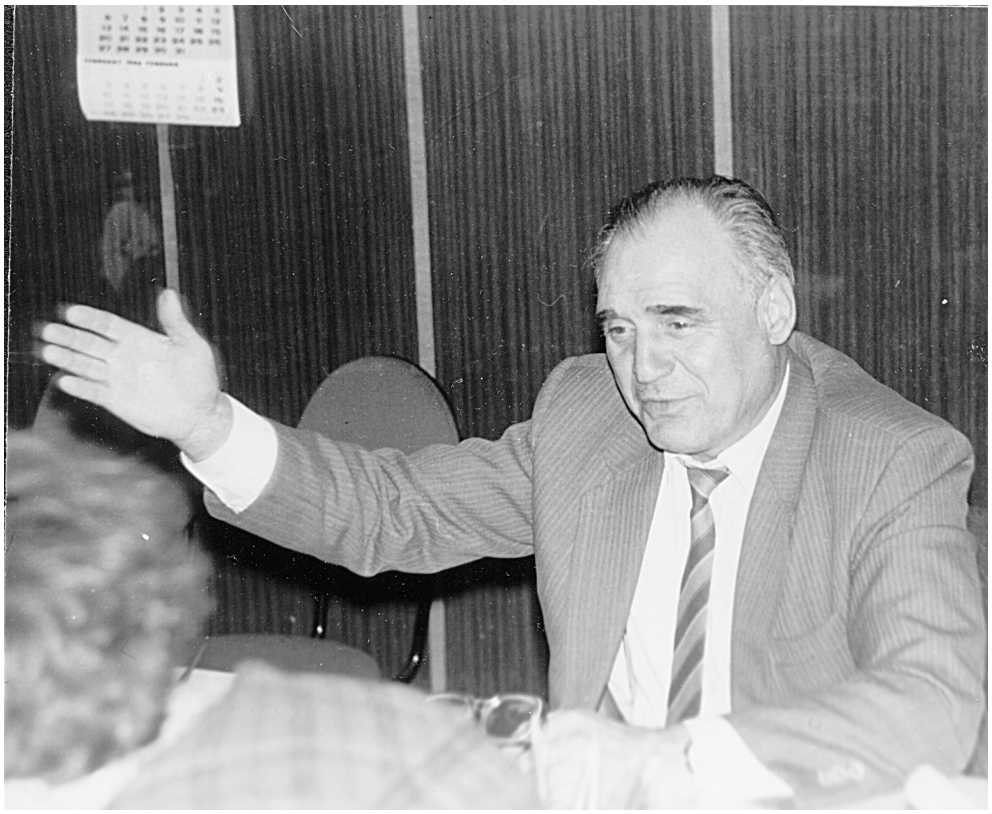
В 1956 году, сразу по поступлению на работу, Ульяновский автозавод предоставил Ивану Николаевичу койку в комнате, где проживало вместе с ним ещё 4 человека. Комнату арендовал завод в частном доме за железнодорожной станцией Сельдь, на 4-ой жилплощадке. В 1957 году в 2-х комнатной квартире по Московскому шоссе дом 21 дали одну 12 метровую комнату. В неё поставили кухонный стол, зеркальный одёжный шкаф, 4 стула и панцирную кровать с продавленной сеткой. Стол и шкаф пришлось покупать в Горьком и в багажном вагоне переправлять в Ульяновск. В 1960 году купили чёрно-белый телевизор «Темп-3».

В 1961 году на 3-м этаже вновь построенного пятиэтажного дома по адресу Московское шоссе 39–49 дали 2-х комнатную квартиру жилой площадью 28 квадратных метров, без балкона. В подвале находился деревянный сарай, там хранились дрова для топки титана, так как горячей воды не было. Раз в неделю топился титан, наполнялась ванна и в этой воде по очереди мылась вся семья, начиная с меня, как ребёнка. На кухне стояла газовая плита на 2 конфорки, кухонную посуду мыли в тазу с горячей водой, для этого кипятили 5-и литровый чайник. Иван Николаевич вместе с Натальей Ивановной в 1962 году съездили в Москву за мебелью. Сумели там найти магазин, в котором была нужная мебель, всю ночь простояли в очереди и утром купили немецкий мебельный гарнитур — жилую комнату. Он состоял из книжного шкафа, серванта с баром, диван-кровати, платяного шкафа, тумбы для белья, журнального столика, обеденного стола, 6 стульев и 2 кресел. Гарнитур стоил 1400 рублей. В 1963 году купили холодильник «ЗИЛ». В 1966 году купили пианино «Пенза» для моего обучения музыке.

Весной 1970 года, когда в Ульяновск переехала Ольга Юлиановна Кривойкина после смерти мужа, и жена Наталия Ивановна ждала второго ребёнка, директор автозавода И. Д. Маслов дал Ивану Николаевичу 3-х комнатную квартиру общей площадью 74 квадратных метра по адресу: улица Полбина 17–8.

Квартира была очень запущенной коммуналкой, поэтому пришлось делать капитальный ремонт. Вскрывались деревянные полы, доски очищались, затем сплачивались и прибивались, оставшиеся щели шпаклевались. Старая сухая штукатурка со стен убиралась, на деревянные межкомнатные перегородки набивалась дранка, и затем они штукатурились и белились. Стены на кухне, в ванной и в туалете на 1,5 метра от пола были обложены плиткой. Покрасили окна и двери, побелили потолки. Ремонт делали 3 месяца нанятые заводские строители. В 1971 году титан в квартире поменяли на газовую колонку, а в 1975 году колонку сняли, появилось централизованное горячее водоснабжение.

В 1972 году купили первый цветной телевизор, а также кухонный и спальный гарнитуры. В дальнейшем сменилось ещё 3 телевизора и 3 холодильника.

На совещании.
г. Ульяновск, 1983 год

В 1965 году Иван Николаевич купил на Горьковском автозаводе автомобиль ГАЗ-21 «Волга», а в 1966 году построил гараж для него. В 1992 году построил ещё 2 гаража для двух сыновей. В 1972 году, когда автозавод перешёл с производства ГАЗ-69 на производство УАЗ-469, для премирования передовиков производства министерство выделило 100 автомобилей ГАЗ-69, ведь тогда населению эти автомобили не продавались, ими комплектовалась только армия и председатели колхозов. На деньги, оставшиеся от продажи разбитой в аварии «Волги», Иван Николаевич купил ГАЗ-69. В 1984 году он ГАЗ-69 продал, и купил УАЗ-469. В 1991 году УАЗ-469 продал и купил УАЗ-31514. В 2006 году этот автомобиль вместе с прицепом продали за 70 тысяч за ненадобностью.

В 1992 году на Горьковском автозаводе купил ГАЗ-31029 «Волга», которую продал в 1998 году, в канун знаменитого «дефолта» рубля. Также он просил в 1990 году генерального директора Запорожского автозавода С. Кравчуна, чтобы он продал мне из директорского фонда, без очереди, автомобиль «Таврия». А в начале 90-х годов два раза просил генерального директора Волжского автозавода В. Каданникова, и тот продал из директорского фонда сначала один, а через 2 года второй автомобиль «Жигули». Первый купил сын Дмитрий, напополам с другом, а второй Иван Николаевич для сына Дмитрия.

Надо отметить, что Иван Николаевич, купив свой первый автомобиль, очень основательно изучил правила дорожного движения, и ездил грамотно. Но всё же в двух крупных авариях побывал. В 1967 году в его «Волгу» врезался пьяный на гру-

Показ нового автомобиля УАЗ ответственному работнику ЦК КПСС.
(Слева - генеральный директор ПО «АвтоУАЗ» Ю. Исаев). г. Ульяновск, 1988 год

Делегация Ульяновского автозавода в США, Тарасов И. Н. второй справа.
г. Детройт, 1989 год

зовике, и ему сломало ногу. А в 1976 году уже он, пьяный, на ГАЗике, на повороте, не справился с управлением и два раза перевернулся. Весь ободрался, но ничего не сломал. Автомобиль, после переворотов, встал на колёса, и Иван Николаевич смог доехать на нём до гаража. Повреждены были ветровая рама и тент с дугами. Их быстро заменили. После 1993 года сам за рулём не ездил.

В 1959 году на Волжском косогоре, совсем у реки, Иван Николаевич купил садовый участок площадью 3 сотки. Через 5 лет участок сполз в Волгу. В 1966 году дали участок в 4 сотки на Свияжском косогоре, напротив посёлка Сельдь. Им было организовано строительство сборно-щитового домика, завезён бак под воду и организована посадка плодовых деревьев и кустарников. В тёплое время года по субботам или воскресениям Иван Николаевич возил всю семью на своём автомобиле работать в сад или в лес за грибами.

В 1991 году Иван Николаевич решил построить дачу в 30 километрах от Ульяновска. На участке в 20 соток, огороженном железным забором из заводской ленты-высечки, поставили деревянный бревенчатый дом площадью 100 квадратных метров и баню. В дом провели электричество и воду. В бане установили традиционный котёл, отапливаемый дровами. На участке поставили 2 железных гаража, в которых хранится всё необходимое для хозяйства: мотоблок с навесными орудиями, бензопила, бетономешалка, электропила, электрорубанок, трубы, шланги, кабели. Построили каменный сарай с сенохранилищем, клетками для кроликов и гнёздами для кур. Установили 2 бака под воду общей ёмкостью 15 кубометров. Посадили плодовые деревья и кустарники. Работы по строительству шли 8 лет. Дом строили, в основном, заводские строители.

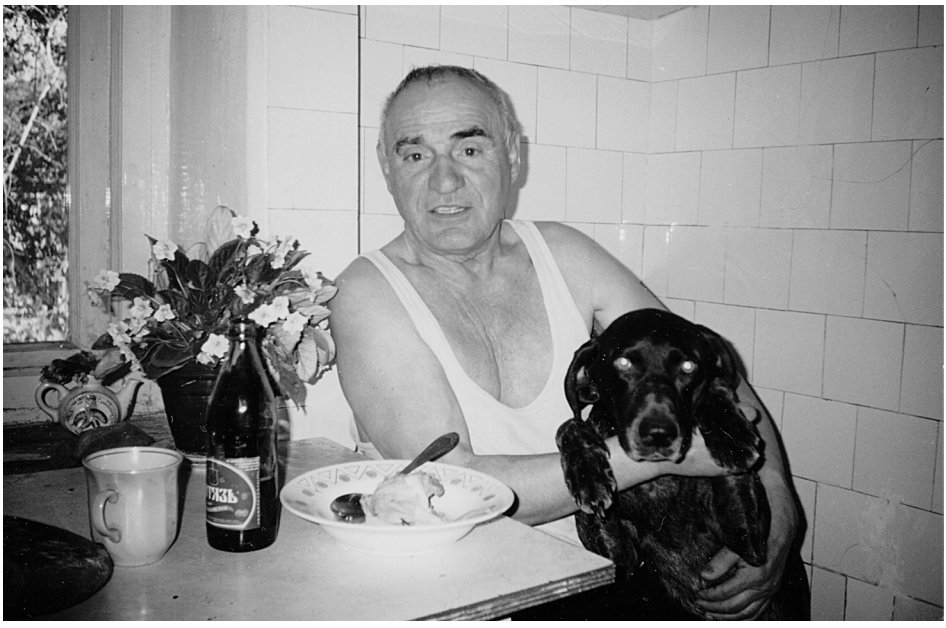
Иван Николаевич дал обоим своим сыновьям высшее образование. Помогал мне с продвижением по службе. В 2001 году продал акции, полученные при акционировании ОАО «УАЗ», и купил для нас, к тому времени 9-й год живших в заводской малосемейке, 2-х комнатную квартиру 75 серии.

Для советского человека поездка заграницу в служебную командировку давала возможность посмотреть другой мир и заработать денег.

В 1964 году Иван Николаевич на год ездил на Кубу в командировку. В 1972 году на месяц ездил в Швейцарию закупать горизонтально-ковочную машину «Хатебур» для кузницы. Эта машина работает на УАЗе безостановочно уже 40 лет, заменяя собой целый цех. В 1977 году ездил на полмесяца в Германскую Демократическую Республику для закупки литейного оборудования. В 1989 году в составе большой автозаводской делегации ездил в США, в Детройт, договариваться о строительстве в Ульяновске завода по производству автомобилей «Jeep». Этот проект не реализовался из-за развала Советского Союза.

После назначения в 1979 году техническим директором производственного объединения «Авто УАЗ» (автозавод, моторный завод и завод автозапчастей общей численностью 38000 человек) у Ивана Николаевича появилась персональная «Волга» с водителем. В советское время главный инженер или технический директор был фактически вторым человеком на заводе и отвечал за решение огромного количества проблем, от конструирования новой техники до ремонта оборудования, не отвечал только за снабжение и выполнение плана производства автомобилей. Он регулярно, 1–2 раза в месяц, ездил в командировки в Москву, в Министерство автомобильной промышленности.

Отдыхал ежегодно по профсоюзным путёвкам в Сочи, Пятигорске или Нальчике. Из Москвы в 1960–1980 годы привозил игрушки для детей, одежду, обувь, продукты. Привёз из Москвы радиолу, стиральную машинку, телевизор.

С любимой собакой Альмой. г. Ульяновск, 2003 год

Какого-то постоянного хобби у Ивана Николаевича не было. В советские времена читал газеты и журналы, которые выписывали на дом: «Правда», «Ульяновская правда», «За рубежом», «Знание — сила», «Наука и Жизнь», «Вокруг света», «Роман-газета». В последние годы, в основном, интересовался новостями по радио и телевизору. Когда с 1996 по 2002 год летом жил на даче, то поливал огород, иногда полол, топил баню, ходил за грибами в лесопосадку. Из заранее изготовленных на заводе деревянных элементов сделал 2 кровати, ремонтировал стулья и делал маленькие скамеечки, перетянул диван, насаживал лопаты, чинил холодильник. Весной 1993 года знакомый директор одного из Харьковских заводов привёз Ивану Николаевичу в подарок щенка легавой породы. Курцхаара назвали «Альма».

И хотя настоящей охотничьей собаки из Альмы не получилось, некому было ходить с ней на охоту, тем не менее, она стала отличным компаньоном Ивану Николаевичу и Наталье Ивановне. Собака давала много радости и заботы, принесла 2 помёта породистых щенков, которые были пристроены в хорошие руки. Альма умерла в 2005 году от рака печени.

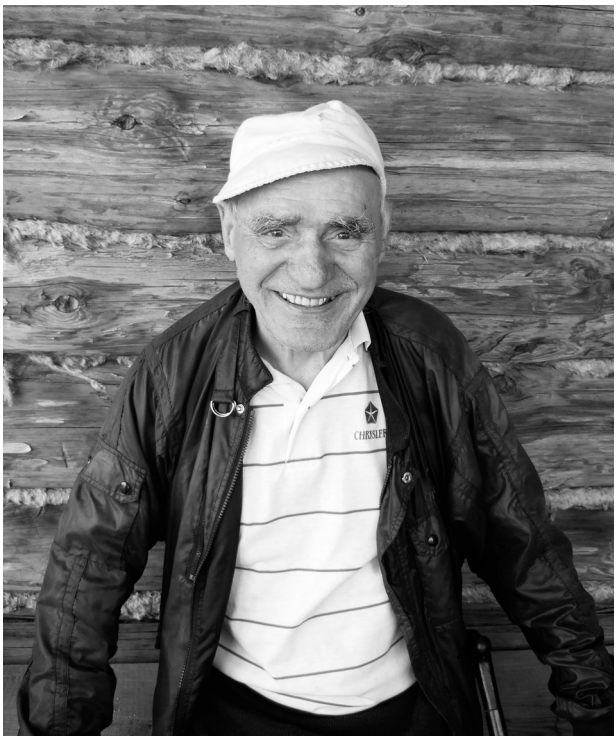
В 1960 году Иван Николаевич перенёс операцию по удалению аппендицита. В 1965 году на катке, играя в хоккей, сломал правую ногу. Второй раз сломал эту же ногу в 1967 году, в автомобильной аварии. В январе 1979 года у него в руках взорвалась паяльная лампа: после знаменитых новогодних 45-и градусных морозов жители отогревали на чердаке дома трубы отопления, его тоже позвали. Только он взял в руки паяльную лампу, как она, проработавшая, видимо, много часов, взорвалась. Образовалось облако горящего бензина, и Ивану Николаевичу сожгло кожу на лице и кистях рук. Скорая помощь отвезла в ожоговое отделение больницы. Рубцевания удалось избежать только благодаря тому, что директор автозавода достал для него дефицитное по тем временам облепиховое масло. В 50 лет диагностировали сахарный диабет 2 типа. В 1992 году перенёс правосторонний инсульт. В 2001 году сделали операцию на кисти руки — контрактура Дюпюитрена. Были почечные колики, камни в почках, стенокардия. В декабре 2005 года пожизненно дали 2 группу ин-

На праздновании Пасхи с женой Наталией Ивановной. г. Ульяновск, 2009 год

валидности. В 11 лет Иван начал курить, в зрелом возрасте курил сигареты с фильтром, в старости простую «Приму». Норма — 1 пачка в день. В 1973 году на месяц бросал курить, но стал толстеть, и решил вернуться к этой привычке.

Пьянство Ивана Николаевича — это особая, самая главная тема его жизни. Попробовав в возрасте 11 лет из рук матери красного вина (магарыч после продажи коровы в 1942 году), он так и пропьянствовал всю жизнь. И ни разу даже тень сомнения в правильности выбранного пути не закралась в его душу. При советской власти все пили, пьянство поощрялось, ведь государственный бюджет пополнялся за счёт «пьяных» денег. В 50–70 годы борьбу за получение более высоких должностей, в том числе и на Ульяновском автозаводе, невозможно представить без выпивки. Любой трезвенник в этой системе координат обязательно был бы отторгнут. Тем не менее, многие пытались ограничить себя в выпивке, лечились. Иван Николаевич никаких ограничений не признавал. К 1970 году он без водки не мог просуществовать ни дня. И никакие служебные или личные обстоятельства не могли повлиять на заведённый порядок. На собеседование в ЦК КПСС в 1979 году, по поводу своего назначения на должность технического директора, он летал совершенно пьяный. К Министру автомобильной промышленности СССР ходил на доклад, предварительно выпив стакан водки. Уже на дворе была «перестройка» и «борьба с пьянством», но на замечания, что начальство учует запах, он всегда отвечал: «А ты что думаешь, старый перегар лучше нового?» Пропив где-то весь вечер, он в совершенно невменяемом состоянии, в 11 часов ночи, на служебной машине приезжал домой. До 2 часов ночи он всё не мог угомониться, звенел на кухне посудой, издавал нечеловеческие звуки, стучал кулаком по столу и кричал «окей!». А в 8 утра приходила служебная машина, и он, «как стёклышко», ехал на работу. И так изо

Знаменитая улыбка Ивана Николаевича

Заводоуправление УАЗ, на достройку которого И.Н.Тарасов сумел добыть деньги

дня в день, из года в год. Правда, в своём пьянстве он придерживался некой системы: не пил вина и пива, а только водку, обязательно хорошо закусывал. И только уже на пенсии стал прикладываться ещё и к пиву. Случаев белой горячки за ним не наблюдалось. Склонна к выпивке была и вся деревенская родня Ивана Николаевича. Любили выпить бабка и мать. Психика была нестойкая: день без водки, и он становился страшно раздражительным — все мысли направлялись не на то, как протрезветь, а на поиск выпивки. Пьяный, дома, бывало, и хулиганил, бросался ложками и вилками, а однажды зашвырнул в жену 3-х литровую банку с подсолнечным маслом, вот было уборки.

Никакой физической работы он, конечно же, выполнять не мог. Одно мучение для семьи. Пьянство скрывали, чтобы подольше его подержали на работе, не оставили без денег. В генеральной дирекции завода Иван Николаевич друзей так и не завёл. Хотя многие из этих людей тоже крепко выпивали, но они старались поддерживать друг с другом не только формальные отношения. Вместе отдыхали, строили загородные дачи, решали какие-то финансовые дела. Иван Николаевич всегда держался особняком. Да и удаление его с должности технического директора связано с тем, что на общей пьянке дирекции он стал плеваться в генерального директора и обзывать его. Хорошо, что генеральный директор дал согласие на переход его на работу в заводскую лабораторию микрофильмирования, да ещё с сохранением прежнего оклада. Там он считался заместителем начальника лаборатории по режиму, сидел в отдельном кабинете, работы никакой не было, но он добросовестно ходил на работу все 3 года. Потом на заводе стали давать пенсионерам несколько окладов при увольнении, и он уволился. На работе, за глаза, Ивана Николаевича называли «Кувалда». Во-первых, он был из кузнечного цеха, а во-вторых, в подпитии он начинал изо всех сил, с размаху, колотить кулаком по столу.

После выхода на пенсию, когда ненужным стало маскироваться, он воссоединился со своей сутью и стал самим собой. Кроме водки, его мало что интересовало. Два раза на день ходил в рюмочную пить «сто грамм». В промежутках спал дома, бывало и «мокрый». Пьяные крики и ругань сопровождали всю его жизнь, в конце он полностью перешёл на «мат» и по-другому, если был выпивши, не изъяснялся. Если бы за его видом не следила жена, то он представлял бы собой опустившегося бомжа с полным распадом личности. Находили на него кратковременные просветления, до месяца. Но нестойкая психика не могла за них зацепиться, всё опять скатывалось к безудержному пьянству. Самое главное, что своим пьянством он мешал другим нормально работать. Надо было постоянно следить за ним, как за младенцем, чтобы он не учудил какую-нибудь глупость. Пьянство, в конечном итоге, побороло все его устремления, в том числе и к «лучшей жизни», которое он имел в молодости. Вот такими словами он обычно отвечал жене: — «Кашалот ты долбанный, не видишь, сука, состояние у меня какое, если ты ничего не понимаешь, то хер ли лезешь как таракан, отстань от меня».

К 2007 году Иван Николаевич совершенно высох, стал ходить с «клюшкой». В 2008 году его стукнули палкой пьяные хулиганы во дворе, рассекли верхнее веко, пришлось ехать в больницу зашивать. В декабре 2008 года лежал в больнице с язвой желудка. Вёл себя в больнице неадекватно, не давал делать уколы и системы, пришлось забирать его долечиваться домой. 12 августа 2012 года Ивана Николаевича положили в больницу с воспалением лёгких. После выписки из больницы он ещё какое-то время продолжал ходить пить пиво к ресторану «Космос». Сидел там на автобусной остановке часами, смотрел на проходящих мимо людей, общался со знакомыми заводчанами, которые подходили к нему поздороваться. На заво-

де Иван Николаевич пользовался всеобщим уважением. Не стало завода, приобрёл авторитет среди «выпивающих» микрорайона. Ими он считался уникумом, говорили: «Дядя Ваня, вот это — Человек! Он столько может выпить!!!» Они заботливо, под руки, приводили его домой и затаскивался на 4 этаж. Как-то, самостоятельно возвращаясь домой, отец споткнулся о торчащую из земли арматуру и сильно ударил колено. Поэтому с конца 2012 года на улицу выходить перестал, да и не стало у него уже сил спускаться с 4 этажа. Сидел дома на кровати. Сначала просматривал газеты и журналы, потом часами смотрел телевизор, но зрение стало ухудшаться, он уже плохо видел даже в очках, поэтому полностью переключился на прослушивание радио. Радиоприёмник стоял рядом с его кроватью и был постоянно включён. Спиртное пить бросил, ведь его никто не приносил. Душевное состояние стало очень кротким. Он опять принял человеческий облик, и к нему вернулся его природный ум. Старался быть весёлым, никогда ни на что не жаловался. До последних дней спрашивал жену: «Что мне делать?», и она направляла его.

Умер от старости ночью 11 ноября 2016 года в возрасте 85 лет и похоронен на Ишеевском кладбище (участок 367, могила 107). Отпевали в храме при кладбище. Поминки прошли в ресторане «Космос», который он при жизни так любил. На прощание пришли товарищи по работе на автозаводе, многие сами в больших возрастах; были венки от губернатора и правительства Ульяновской области.

Умирал в полном сознании. Сильных болей у него не было, но он говорил, что «всё тело болит». Нам казалось, что он будет жить вечно, мы так к этой мысли привыкли. А тут всё произошло как-то быстро. За сутки до смерти ослаб и погрузился в себя, рот запал, нос заострился. Саму кончину жена не заметила, хотя спала на соседней койке, проснулась, а он уже не дышит. Мы понимали, что он умирает, но до конца этого не осознавали. Ожидали болей, мучений, потери сознания, агонии — но ничего этого не было. Врач-уролог, приходивший домой и ставивший катетер в мочевой пузырь за неделю до смерти, вообще начал рассуждать о возможности проведения операции по удалению аденомы; ему и медсестре он умирающим не показался. В последний день, когда надевали на него спортивные штаны, он сам поднимал ноги и засовывал их в штанины и при этом неоднократно говорил «спасибо». Попросил ещё вынуть катетер, поставленный раньше, он ему мешал, я вынул. Три дня ничего ни ел, ни пил, лежал на постели как бы в полузабытьи, иногда звал, чтобы переложили его на другой бок или подняли повыше на подушку. Ни одного стона мы от него не услышали. Ничего не сказал он нам перед смертью, хотя мог бы.

Иван Николаевич был очень мощным человеком — глыба, танк. Из глухого посёлка, безотцовщина, рано осознал, что надо учиться, и что только так можно вырваться из нищеты. Сумел по тем временам получить блестящее образование. В чужом городе, живя в общежитии, учился на очном отделении и закончил и техникум, и институт с «отличием». Через пять лет после института он — уже начальник цеха! В Засвияжском райкоме КПСС, присмотревшись к авторитету и методам работы молодого начальника кузнечного цеха, стали настаивать на переходе его на партийную работу — секретарём парткома завода. От таких предложений невозможно было отказаться, а Ивану Николаевичу партийная работа не очень-то нравилась. Тогда директор Федюшин организовал для него годичную командировку на Кубу, чтобы за это время райком «остыл», и завод не потерял начальника цеха, тянувшего план. В 1965 году сумел купить машину «Волга», это была вторая личная машина во всём микрорайоне, люди собирались под окнами нашего дома посмотреть на это чудо. Всего через 10 лет после окончания института Иван Нико-

На праздновании 85-летия И. Н. Тарасова. г. Ульяновск, 7 октября 2016 года

лаевич уже заместитель главного инженера — Главный металлург завода. Обладал отличной памятью на номера телефонов, на имена и отчества людей, мог от руки, грамотно, начертить чертёж детали. Проницательный, по-житейски мудрый. Награждён орденом и медалями. Последнюю медаль, «За трудовую доблесть», получил в 1983 году за организацию разработки для военных плавающего автомобиля «Ягуар», не имеющего аналогов в мире до настоящего времени. Если бы он так не выпивал, то вполне мог бы рассматриваться на должность генерального директора в 1992 году, хотя по возрасту был уже старый, 61 год.

Много он здоровья потерял, решая в пьянках заводские дела. Выбивая в министерстве деньги на разработку новых автомобилей, строительство цехов, закупку оборудования. Сумел обойти запрет Министра автомобильной промышленности на постройку зданий, не связанных непосредственно с производством. Добыл деньги на достройку 12-этажного здания заводоуправления, которое до этого было «заморожено», и 15 лет стояло построенным только наполовину. Все инженерные подразделения завода смогли переехать работать из деревянных приспособленных времянок, ещё довоенной постройки, в современные условия. Кто оценил это? Только, наверное, само здание — теперешний символ УАЗа. Даже умудрился пробить в Госстандарте СССР присвоения заведомо некачественному автомобилю УАЗ Государственного знака качества, что давало 10% надбавку к продажной цене автомобиля. Вырученные дополнительные деньги как раз и пошли на улучшение качества. Можно ли было в то время решать эти дела в Москве без выпивки? Трудно сказать. При такой интенсивной жизни смог прожить до 85 лет.

Его дворовые собутыльники, даже те, кто был его моложе на 30 лет, все уже поумирали. На заводе давно умерли все его друзья и недруги из генеральной дирекции, а он всё жил и жил. Действительно — уникум.

НАТАЛИЯ ИВАНОВНА КРИВОЙКИНА (ТАРАСОВА)

Родилась 25 апреля 1935 года в г. Горьком у Ивана Фёдоровича и Ольги Юлиановны Кривойкиных.

Дневник Наталии, ученицы 7–9 классов средней женской школы № 13.

7 ноября 1950.

Мы с Вилей, кажется, окончательно поссорились. Вся моя любовь обращается в ненависть. Мне до страсти хочется его обидеть, оскорбить. Хочется как-нибудь его поддеть, что он всё шестиклассник. Но я знаю, что это делать нельзя, что он этого не заслуживает, так как был в оккупации. И удерживаю себя. Вальтер Скотт сказал: «На земле нет страсти более жестокой, чем любовь, превратившаяся в ненависть». Легкомысленный какой мальчишка, своего мнения не имеет. Кто-то когда-то сказал ему, что я хорошенькая, ну он и рад стараться, стал ухаживать. Дон-Жуанишко, какой-то! Летучая мышь какая-то.

Вчера был вечер во Дворце Пионеров. А позавчера ребята гуляли у Риммы и Леры. Пришли домой в 8 утра. Сергей был совершенно пьян, так как он до вечера ещё выпил 450 грамм и во Дворец не пошёл. Мне Сергей сразу опротивел, по-моему Гале он тоже больше не нравится Алик ей нравится всё больше и больше. А Алику вроде нравится Римма.

8 ноября.

У нас были гости: Идзковские, Китаевы, Семилеты и Лида. Ещё забыла: у Вили, пьяного, была такая чудная рожа, какая-то блаженная и самодовольная! Уроки сегодня выучила кое-как.

Были тётя Маруся и дядя Федя Кривойкины, учить было некогда.

9 ноября.

Сегодня началась 2-я четверть, я хочу её кончить без троек. У меня в 1-ю четверть были 3 тройки: по русскому, алгебре и химии. У нас в классе ни одной отличницы, 3 хорошистки и 4 неуспевающих. Я сегодня за уроком дралась с Наташей Соколовой и Таней Куликовой и получила замечание.

10 ноября.

Сегодня в классе произошло такое событие: 15 человек, в том числе и я, сбежали с трёх уроков и пол-урока просидели в уборной, а потом прибежали. Всем нам в дневники написали замечание.

Наташа Кривойкина.
г. Горький, 1938 год

11 ноября 1950.

Вчера случилось несчастье. Пошла я на бальные. В первую половину Виля не танцевал и меня пригласил Киняев. На вторую половину Виля пригласил Галю, так как один мальчик попросил у него разрешения потанцевать со мной. Домой мы шли: Я, Галя, Виля, Рома, Ефим, Олег, Сергей. Я и Ефим себя безобразно вели. Ефим подставлял мне подножки, а я не останавливала его.

12 ноября.

Моего поведения Виля мне не простил. Нашей дружбе конец. Он говорит, что когда у него враг, то есть Ефим, дружить нельзя. Он мне написал: «Знай, Наташа, я тебя любил, буду любить и люблю. Мы останемся в тех же отношениях, что и до дружбы». Что он меня любит, это враньё.

Люблю ли его, я не знаю, но кажется мне, что люблю.

17 ноября.

Начала я учиться хорошо. Но это продолжалось недолго. Только до пятницы. В пятницу бальных не было. Мы с Галей и Сергеем пошли гулять по Свердловке.

21 ноября.

Я решила вступить в комсомол. Взяла анкету, 3-ю по счёту, и стала учить устав. Ну, вступлю я в комсомол, зазнаваться буду, хулиганить и шалить не буду, буду всегда строгая и серьёзная, ни на кого глядеть не стану. Буду исполненная своего достоинства. Выражаться никак не буду, буду всех звать ни Галька и Нинка, а Галя

и Нина. И учиться буду стараться. Буду пример брать с Эли Овчинниковой. Задеру нос перед своей ненаглядной Галюшей. Пусть тоже вступает. Галя Курникова исполнена желания вступить в комсомол, но так как у ней 2 по алгебре, она не может.

В субботу, 18 ноября, был вечер. Нина говорит, что было очень заметно, что меня не было, и очень многие спрашивали «почему?» На вечере Юра Семёнов пригласил Нину, а Нина сказала: «Нет, Юра, не пойду, наверное опять девочки подговорили?» Вот молодец-то! Подняла себя.

25 ноября 1950.

Сегодня меня, верно, весь день будут спрашивать. Спросили по литературе. А я и в книгу не заглядывала! Испугалась — ужас! Ну ладно я в классе прошлый урок слушала. Ответила на 4. Хочу сегодня купить самописку. Вот буду воображать! Сошьют мне ковбойку, сделаю в ней дырку, вставлю ручку и буду выхваляться. Эх, в комсомол бы вступить скорее!

Сегодня была у нас контрольная по химии. Я почти ничего не сделала. Не знаю уж, что поставят... Ручку не купила. Купила две патефонных пластинки.

Сегодня был чудный вечер. На вечере случилось невиданное дело. Мне один студент в любви объяснился. Случилось это так: была лекция на тему: «Стройки коммунизма». После лекции должны были читать свои стихи молодые поэты. Один там так плохо читал стихотворение «Они идут к Днепру». Он студент 1 курса какого-то института. Когда он читал, его плохо слушали, а мне стало его жалко, и я стала внимательно слушать. После лекции и концерта начались танцы. Этот студент подошёл к нам. Я думала он хочет меня пригласить танцевать, а он начал про себя рассказывать, как он писать начал, да как влюблялся. Затем говорит мне: «Вы очень любите танцевать?» Я — «очень». «А Вы не можете отказаться от них на время?» Я — нет. Он: «Ну не можете вы заменить хождение по кругу простым хождением?» Ну, я говорю: «Пожалуйста». Пошли в коридор. Все смотрят. Я думала, он хочет написать стихотворение про Дворец, и рассказываю ему все. Потом он заявляет: «Я не могу здесь говорить, все смотрят, пойдёмте вниз». Ну, я Дура, взяла и согласилась. Он начал спрашивать, как зовут меня. Я сказала. Он и говорит: «какое совпадение: мать — Наташа; бабушка — Наташа, и вы — Наташа». Ну я всё не понимаю, куда он клонит. Потом спросил, какими талантами я обладаю. Я сказала, что никакими не обладаю. Спросил, не пишу ли я стихов. Таня, милая моя, всё время следит за мной, как бы я каких глупостей не натворила. Спустилась вниз и смотрит, что мы делаем. Незаметно, конечно.

Вдруг он мне заявляет: «Не можете ли вы вечер покинуть?» я говорю: «Конечно нет». Он мне: «Ну а если я попрошу?» Тут Танечка кричит мне строго: «Наташа, иди сюда!» я извинилась и побежала к ней. Он за нами. Мы спрятались в уборную. А он всё около уборной ходит. Мы думаем: будь, что будет, и вышли. Он отозвал меня на минуточку и говорит: «Эта девочка не хочет, чтоб мы разговаривали?» я говорю: «Да, не хочет. Она моя сестра». Ну, тут он мне начал говорить, что не хочет, чтобы эта встреча была последняя, просил меня позвонить ему, просил сказать мой адрес, спрашивал, где отец работает. Ну я, конечно, ему ничего не сказала. Говорю, что мне это совершенно не нужно. И спросила, зачем ему. А он говорит: «Я, читая своё стихотворение, вдохновлялся вашими глазами». Я говорю: «Вы с ума сошли! Я вас первый раз вижу, я дружу с мальчиком и т.п.» Он опять начал просить встретится. Я топнула ногой. Говорю: «нет, нет и нет!» И убежала к Танечке, по дороге наступив на ногу Вите.

Гога снова ухаживает за Аввой. Вили, Алика, Леры и Милы не было. Они ходили в театр. А когда 6 ноября справляли Октябрьские у Леры, была и Вера Ш. Она

рассказывала. Что Мила себя очень странно вела. Всё время первая приглашала Вилю. Потом под утро решили отдохнуть. Девочки легли на кровати, мальчики на полу. А Мила с Вилей не легли, а сели одни и стали разговаривать. Вера проснулась и видит, что Мила плачет. Потом Мила сказала, что у ней с Вилей был очень серьёзный разговор, что Виля рассказывал, как он дружит со мной. И ещё сказал. Что будет дружить и с Милой, и со мной. Вот какие дела-то! Значит, всё заранее было обусловлено и обдумано. Всех ведь перессорили эти вредные мальчишки.

29 ноября.

Сегодня 2 получила по истории. Вчера ходили к тёте Нюше, пробыли у неё до 8-и часов. Ну и, конечно, урок-то выучила, а старые даты не повторила. А учительница спросила старое. Меня после этого, наверное, никуда пускать не будут. Ну, что ж... Я, может быть, сама скоро никуда не буду ходить. Жизнь такая скучная, тоскливая... Помереть, что ли бы...

Щембелев через Адика передал письмо. Ну, началась сказка про белого бычка. Опять в любви объяснялся. Но он такой противный, что писать про него не хочется. Мы оклеили квартиру обоями. Адик вечером подглядывал в окно, что, мол, такое? Мама застала его на месте преступления.

22 декабря. Пятница.

Бальные. Первую часть Галя танцевала с Элей Овчинниковой. Таня с какой-то девочкой из класса, Виля с Альбиной, я с Ромой. В перерыве Мария Фёдоровна обратилась к нам с вопросом: «Девочки, вы не хотите мне помочь?» Мы: «С удовольствием». Она звала нас в 8-ю школу на бальные, помочь ей учить ребят. В среду в 9 часов. Очень поздно, правда, но Щембель может проводить.

М.Ф. сказала Гале, что надо носить платья подлиннее. И ещё сказала, что она стала полнеть. Галя очень расстроилась.

28 декабря.

Вчера мы, Я, Галя, Таня, Альбина и Люся были на бальных в 8 школе. Пришли мы, пять человек девочек, а мальчиков там 55 человек. Но мы вели себя как царицы, и мальчики очень стеснялись.

Когда Мария Фёдоровна нас посадила, мальчики против нас построились, и она попросила ребят приглашать нас, все ужасно застеснялись. М.Ф. позовёт одного — не идёт, спрячется; другого позовёт — тоже. Наконец она вызвала одного мальчика Гену. После урока я узнала, что она ему очень симпатизирует, что друг у него учится в Суворовском и очень зазнаётся, и что М.Ф. хочет Гену научить хорошо танцевать, чтобы «утереть нос» суворовцам. Гена очень хорош собой, учится в 10-м классе. Он пригласил меня. Я встала, взяла под руку его, мы пошли, и все стали хлопать. Щембелев, вероятно, хотел пригласить меня, но ему ничего не удалось. Я очень рада была. Танцуют ребята плохо. Но этот Гена очень способный. М.Ф. хочется, чтоб я ему понравилась. Только не вышло ничего. Денег в этот раз с нас не брали, так как мы — гости. Мария Фёдоровна нас так представляла: «Мальчики, к нам сегодня пришли девочки из 25 школы. Это мои лучшие ученицы. Девочки очень хорошие и скромные. Прошу любить и жаловать!» когда мы пошли домой, я слышала, как мальчики сказали: «Первый раз к нам пришли такие скромные девочки».

Домой мы шли со Щембелевым. Говорили про учёбу, жизнь, людей. Вообще о важных и серьёзных вещах. Прощаясь, я подала ему руку. Пришла домой уж мыла, мыла её.

Да, ещё Щембель просил меня дать дневники почитать, но я не согласилась.

Виля меня совершенно не интересует. Окончательно всё увлечение прошло 26 декабря 50 года. Остались лишь одни воспоминания.

Наташа Кривойкина крайняя слева.
г. Горький, 1938 год

29 декабря 1950 года.

Скоро-скоро начнутся зимние каникулы! Учиться ещё только один день! Мы с Галей составили план на каникулы. Да, вот как сходишься с подругой. Вот ведь Нина мне двоюродная сестра, но разве я отношусь к ней так, как к Гале. Мы никогда не говорим с Галей кому-нибудь «я»,— всегда «мы». У нас всё вместе всегда. Когда мы соберёмся, втроём: я, Галя и Нина, у нас часто происходит такой разговор. Нина: «Разве я с вами не дружу?» мы с Галей только смеёмся в ответ и говорим: «Нет, Ниночка, дружим мы вдвоём, а ты только товарищ нам». Нина никак не может ни с кем дружить. А вот я дружусь почти со всеми, со всеми в очень хороших отношениях. Но друг только один. Расписание мы составили так:

2 января — Вечер во Дворце.

3 января — На каток.

4 января — Вечер у нас в школе.

5 января — Бал-маскарад в 8-ой школе.

6 января — Лекторий.

9 января — Спектакль «Семья» в драмтеатре.

На «Семью» хочет идти Л. Щ. Верно покажет меня родителям. Противно как!

2 января 1951.

Была на вечере во Дворце. Внутри устроили всё как в сказке: с потолка спускаются гирлянды снежинок, везде висят картины, Деды Морозы разные. Ёлка убра-

на — чудо! Мы что-то стали иметь успех. Семёнов всё около крутится, Гога меня несколько раз приглашал танцевать. Один раз танцевала с Вилей. На концерте пела Леонова: «Чёрный веер», из «Фауста», «Расскажите Вы ей». Когда пела «О не забудь меня», Виля всё время смотрел на меня. Глаза наши встретятся, а он не отводит взгляд. Для чего это?

2 января.

Сегодня опять был вечер, мы опять много танцевали. Концерт тоже был хороший. Выступали: Леонова, Стуков, Муравина. Домой шли: Я, Марина, Зина Махнева, Гога, Витя, Боря Барзман и Семёнов. Все под руку. Я шла между Витей и Гогой. Проводили до самого дома. У Софы Фогель умерла мама от сахарной болезни. Очень жаль Софу.

8 января.

Был вечер во Дворце. Билеты распределяли по школам и поэтому пришло много шпаны. Пришёл Жорка. Он стал отвратителен. Поздоровался, а я не ответила. Он опять поздоровался: «Здравствуй, Наташа». Я: «Здравствуй». «Что, не узнала? — говорит,— скоро знакомых забываешь», «Очень мы с тобой были знакомы!» — говорю, и вышла. Очень обидно, что он был с Вилей. Тоже товарищ! Потом Виля рассказывал, что Ж. очень обиделся и сказал: «Я ей этого не прощу».

Танцевала я больше с Гогой, потом танцевала 2 раза с Арнольдом. Говорят, Арнольд влюблён в Авву Ромашову, но я не верю. Или он начинает разлюблять её. С Галей танцевала мало, даже Виля пришёл и спросил, не поругалась ли я с ней. Да Галя мне нравится меньше. Ведь она глупа, да к тому же она такая бесчувственная, такая сухая. Но она не болтушка и очень хорошо танцует, хорошо ведёт себя в обществе. Я её люблю. Но она однообразная.

Мне не хочется ходить во Дворец, надоели ухаживания нелюбимых людей. Домой шли под руку Я, Зина, Гога. Щембель хотел встать между мной и Зиной, но я не разрешила ему взять меня под ручку. Он шёл сзади и наступал на ноги.

14 января.

Жора прислал ко мне какую-то девчонку сказать, что если я не буду с ним дружить, то он будет везде про меня болтать такое, что мне и показаться никуда будет нельзя. «На стыд,— говорит,— на позор наведу!» Я, конечно, наплевала на все его сплетни. Если бы мне кто нравился, а то всё безразлично. Один человек мне нравиться, но совершенно напрасно: Он меня никогда не полюбит: «Потухший костёр никогда не воспламенится снова».

Сегодня воскресенье. Галю я не видела после 8-го, но и видеть её мне не хочется. Да, человек может опротиветь в одну минуту. Она очень легко отнеслась к тому, что я ей сказала, что Жорка за мной вяжется. Это не друг, когда так невнимательно относится.

Мне ужасно хочется, чтобы мы провели телефон. Телефоны есть у Гоги и Арнольда. Я никуда теперь ходить не буду из-за Ж.

Щембелев прислал письмо, спрашивает, почему не хожу с ним в школу. И ещё написал, что будет мне другом. Но мне никакой его дружбы не надо. Я ни с кем из ребят не хочу дружить.

25 января 1951.

Л. Л. Сабанина, наш классный руководитель, рассаживала болтушек. Но нас с Г.К. не рассадила. Весь класс этому удивился, и мы тоже. Но верно ещё рассадит.

27 января.

Суббота, но на вечер я не иду. Я теперь учусь гораздо лучше. Уроки стараюсь все выучивать.

Наташа Кривойкина (крайняя справа в нижнем ряду) 2 класс.
г. Горький, 9 мая 1945 года

28 января.

Сегодня мне купили на летнее платье синей в белый горошек вуали. Будут шить платье в клёш с оборками. Потом хочет мне мама сшить платье из розового пикейного халата. У меня есть ещё белое шёлковое, ещё купят материала на 2 платья, и я буду одета. Я очень люблю, когда я со вкусом и стильно одета, когда мне одежда к лицу. Когда я одета плохо, мне бывает стыдно встретиться со знакомыми.

29 января.

Спрашивали по английскому, получила «5». Меня уже спрашивали по физике, анатомии, геометрии, химии. По этим предметам я получила «4».

2 февраля.

Мне купили шёлковой шотландки и скомбинируют с красной шерстью.

9 февраля.

Сегодня суббота. У нас было только 3 урока. После уроков я пошла в кино на «Плотину». Это чешский фильм. Показано строительство плотины. После кино я шла мимо Дворца, встретила Римму, Веру Шершевскую и др. Заманили они меня на вечер кружковцев, и я прямо в валенках пошла.

11 февраля 1951.

Тоже был вечер и на вечере лекция: «Пушкин в музыке». Лекцию читал М. М. Валентинов. Потом был концерт. Пел Рыбаков арию мельника из «Русалки», Викторов «Старый муж, грозный муж» из «Цыган». На вечере был Гена Гусев. Мы сидели с Галей, а он стоял у стены и строил нам всякие «рожи». Мы смеялись. Я на вечере была в новом платье, оно мне очень идёт. Меня очень много приглашал Витя Барышников. Он мне нравится. Я ему немного тоже нравлюсь, но до любви ещё далеко. Во дворце танцуют новый фигурный вальс. Показал его массовик.

18 февраля.

Какая жадная Г. Курникова. Она мне никогда не даёт книг. А сегодня у нас был контрольный перевод по английскому, на одной странице обоим вариантам. Курникова начала по своему обыкновению ругаться и «гадиной проклятой» и «паразит-

кой» и ещё покрепче. Юля Васильева уж обернулась, стала ругать Курицу. Курица её боится. Но она хоть и дала, как будто бы мне английский, но всё-таки смотреть в него не давала. Мне сделалась так досадно, что я заплакала. Ко мне подошла учительница и дала учебник.

25 февраля.

Сегодня воскресенье, и день у меня ужасно занятый. С утра пошла я на лекторий. Должна была быть лекция о Рахманинове и Глазунове. И, кроме того, я надеялась встретить Римму или кого-нибудь из таких девчат, которые могли бы достать мне билет на сегодняшний вечер во Дворце. Прихожу я в Клуб УМГБ, а там Фира Курлянд. Прошло немного времени — Щембелев идёт. У него абонемента нет, но он всё-таки хочет попасть на лекцию. Стали они о книгах разговаривать, а я сделала вид, что жду кого-то, участия в разговоре не принимаю (той книги не читала). Щембелев видно подыскал себе симпатию: сначала со мной даже не разговаривал, но домой пошёл провожать. Всю дорогу разглагольствовал о всяких возвышенных вещах. А мы шли с Риммой и разговаривали о модах. На вечер я попала, билет достала Фира. На вечере выступал кружок, ставили пьесу «С тобой товарищи», и какой-то полковник делал доклад о дне Красной Армии. Были танцы. Я два раза танцевала с Арнольдом мазурку. Очень хорошо! Нам хлопали. На вечере были ещё Нина, Таня Беккер, Люся, Рома. Вили, Милы, Алика, Леры на вечере не было. Сегодня исполнилось ровно 3 месяца, как Виля с Милой дружат... Да, и скоро будет 4, как мы поссорились, но забыть его я не могу. Может быть, я буду с кем-то дружить, но любить так, как его, я долго, (а может быть и некогда) никого не буду.

26 февраля.

Нас с Г.К. выгнали из класса со стенографии. Мы так хулиганили, я в жизни так не хулиганила за уроками. Мы поставили нашу парту на парту, которая стоит впереди, и стали качаться. Курица прищемила ногу, да как завоет! Все стали так хохотать! Стенографичка говорит: «Встаньте!» Я встала, а Курица встать не может и орёт: «Наташка! Подними парту! Да поднимай скорее! Ногу больно!» и воет вовсю. Я со смеху покатываюсь, весь класс плачет от смеха, а стенографичка нам строго приказывает уйти из класса. Галька говорит: «Погодите, вот я книги соберу, а ты, Наташа, бери деньги, в столовую пойдём». Опять все хохочут. Мы ушли в коридор, но от смеха никак избавиться не можем, и в классе все хохочут. Сходили мы в столовую, купили по коврижке и вафлю. Вафлю стали в щёлку в дверь совать, будто кормим класс, опять хохот. Потом решили попроситься в класс, но нас так и не пустили. А после урока простили, и Г.А. обещала Лидии Львовне про нас не рассказывать.

28 февраля 1951.

Не была в школе. Простудилась, верно, грипп. Ходила к глазному врачу. Прописали очки, такие, что и на улице и дома носить надо. Вот, с малых лет и носи очки. Но я, конечно, их носить не буду, так как в одном глазу у меня 100% зрения.

1 марта.

Сегодня меня спрашивали по географии и по истории. По географии получила «4», по истории «5». Значит, исправила две «тройки». У меня теперь ни по одному предмету нет «троек», кроме алгебры. По алгебре у меня «3», «2». Сколько я не решаю, никак не исправлю. Алгебра мне не даётся.

2 марта.

Снег тает, валенки уже промокают. Мама отдала тёте Нюше шить мне жакетку на весну. Я думала, буду хоть на откос ходить гулять, но Г.К. говорит, что весной по откосу всё время гуляет Анна Александровна (наш директор школы) и следит,

кто гуляет. Если увидит кого с мальчиком, то подойдёт, извинится перед ним, и уводит девочку домой. Но ведь я не хожу с мальчиками.

Мне так хочется хорошо учиться! Так хочется! Вот бы исправить «2» по алгебре, прямо счастье было бы! Мне очень хочется иметь велосипед. Маме и папе тоже хочется купить мне его. Может, купят, если мне не сошьют летнее пальто.

3 марта.

Сегодня у нас было открытое комсомольское собрание.

10 марта 1951.

Сегодня суббота. Я достала билет на вечер. Но начало вечера в 7 часов, а 5-й урок у нас кончается только в 6.25. Последний урок у нас было сочинение, и мы задержались в школе дольше обыкновенного. Домой я пришла только в 7.10. Причесалась, оделась, а билет не найду (у меня его в школе взяла Наташа Соколова и забыла отдать). Пошла без билета. Я, конечно, опоздала. Прихожу — уже 8 часов, и не раздевают. Тамара Ерёмина, девочка какая-то и мальчик стоят, и их тоже не раздевают. Стали мы просить: «Разденьте, разденьте, пожалуйста, ну, неужели нельзя!» а гардеробщицы говорят: «София Михайловна не велела», и не раздевают. Но мы решили ждать до конца вечера и не уходить. Прождали мы полчаса, и тут кончилась лекция. Сделали перерыв между лекцией и концертом. Стою я, пригорюнившись, вдруг, гляжу, с лестницы Алик Брун спускается. «Наташа, ты что стоишь? У тебя билета нет?» «Да не раздевают, и билета нет». «Ну, я сейчас договорюсь. Со старой разговаривать нечего. Надо на молодую подействовать». Он договорился и позвал меня. Снял с меня пальто и стал сдавать. Я ему: «Алик, валенки!». Сдал он мою одежду, отдал мне номерок и говорит: «Беги скорее, а то задержат ещё». Я — «Спасибо», туфли быстренько одела и бежать. Вошла в зал. На мне красивое платье, сама я интересная — все обратили внимание на меня. Я давно не была во Дворце, все зовут на разрыв: «Ната! Натка! Наташа!» школьные девчонки меня обнимают. А я по своему обычаю никого не замечаю. На краковяк меня пригласил Виля. Потом зашла в «Летний» зал. Там только Гога и Витя сидят. Гога позвал: «Иди сюда Наташенька, тебе наверно скучно!» А я: «А у вас ещё скучнее». Гога рассказал, что у них в классе все теперь играют в откровенность, и предложил мне поиграть. Я отказалась. Тогда он пригласил меня на вальс, но я вдруг увидела у него на руке кольцо. «Нет, Гога, не пойду — говорю,— пока кольцо не снимешь». Мы с ним потанцевали вальс, и кольцо он отдал какому-то мальчишке. На «па-де-катр» меня пригласил Виля. Один раз мне показалось, он хотел пожать мне руку, но я гневно посмотрела на него, и он не стал. Виля спросил: правда, ведь, что у вас с Галей изменились отношения, и что это сразу видно. Я сказала: «Друг должен быть очень чуткий, а Галя... Я ей рассказала одну мою неприятность, а она — какое, дескать, мне дело... Ну, раз ей нет дела, то мне тем более». Виля говорит: «Я сразу заметил». «Ну, ты всегда всё замечаешь!» — Он: «А разве это плохо?» Я: «Нет, напротив, хорошо». Больше мы с ним не танцевали. Танцевала польку с Арнольдом.

21 марта.

У меня по алгебре может выйти «2». У меня там 3,2,3,2; но мама ходила к Александре Ивановне и так уговорились: я пока буду заниматься с Горской, а потом она меня спросит. Верно «3» выйдет. У меня такие отметки будут в 3 четверти: Русский — 4, География — 4, Литература — 5, История — 4, Английский — 5, Физика — 4, Химия — 3, Черчение — 5, Алгебра — 3/2, Стенография — 4, Геометрия — 4, Анатомия — 4.

Так, что в эту четверть я сильно сдвинула свою успеваемость. Папа дал мне 400 рублей на велосипед. В следующую получку даст ещё 400, и будет у меня вело-

сипед. В каникулы будет во Дворце весенний бал-маскарад. Костюма у меня нет, но билет может достать Фира.

24 марта.

Билета у меня нет. Фира болеет. Что делать?! А так хочется сходить! Моё сердце чувствует, что на нём должно произойти что-то очень-очень хорошее, радостное, волнующее. Ведь я всегда, почти всегда угадываю... А так скука!.. Скука!..

25 марта 1951.

Была у Гали Хорьковой. Она рассказала мне, как за ними, молоденькими балеринами, начинают ухаживать взрослые артисты. Это так противно! Люсе Недремской не даёт проходу Князев. Встретили «сердца четырёх». Сегодня исполнилось 4 месяца, как Виля с Милой дружат.

28 марта.

Пришла я без билета во Дворец. Было ещё рано. Из наших были Зина Махнева и Вера Магутина. Стали мы искать билет. У кого не спросишь, ни у кого нет. Даже Гога и тот без билета. У вешалки я встретила Киру Салову, и она дала мне билет. Марина тоже достала.

Виля танцевал с Милой только один раз. Всего один раз за весь вечер! Виля пригласил меня на вальс. Было много народу, толкались. Когда моя рука вырывалась из его руки, Виля брал, и сжимал её немного, так повторилось раза три. Потом я танцевала с Мариной. А когда заиграли мазурку, Марину пригласил Арнольд. Я думаю; ну кто же пригласит меня? Виля вышел на середину, посмотрел на Милу, потом на меня. Наши глаза встретились, Виля улыбнулся и подошёл ко мне. Мы пошли второй парой. Удивительно! Неужели он решил позлить Милу?

После вечера я пошла с Мариной. По дороге к ней привязались какие-то мальчишки. Марина, умная, меня по имени не называла, так как эти мальчишки шпана, вроде Жорки. Чтобы они не пошли за мной, я зашла минуты на две к Марине домой, и потом уж она меня проводила. Марина рассказала, что они переедут жить на Свердловку.

9 апреля.

Сегодня была на лектории «Советская песня». Замечательный был концерт! Пел Скороходов «Песню Бакинского нефтяника», «Приезжайте в Генацвале». Пел хор. Было очень интересно. Был Щембелев, мы с ним околесили весь город: Свердловская, Минина, Фигнер, Полевая. Он в меня влюблён. И удивляюсь, ведь я его не люблю, а он всё ходит за мной. Верно, глубокий человек. Ну, да и не глубокий пошёл бы, ведь я очень хорошенькая. Мне очень многие об этом говорят. Из лести, верно. Вечером ходила гулять. Зашла за Галей — её нет. Верно ушла к Люсе Исаевой. Тогда я зашла за Ниной, и мы пошли на Свердловскую. Встретили Таню, Иду. Идочка просто красавица! Альбинка была с Людой. Альбинка очень хорошо одета. Были девочки из класса: Галя Курникова, Наташа Соколова, Юля Васильева, Ира Гридина. Мы пошли с ними. И вдруг увидели! Ужас, какой! Сергей, пьяный вдрызг, размахивает папиросой, идти не может, его тащат тоже пьяные мальчишки. Нинка увидела их, пришла в неописуемое волнение и говорит: «Я должна обязательно подойти к Сергею, не могу я этого так оставить, он меня послушает». И, несмотря на мои уговоры, подошла к Сергею. Тот склонился в 3 погибели, стоять не может, в одной руке папироса, в другой мороженное. И к нему, к пьяному, подошла Нинка: «Серёжа, ты, кажется, куришь? Ты, кажется, выпивши?» Сергей что-то промычал. Она: «Ты где был?» Он сказал, что на именинах. Нинка: «Серёжа, пойдём со мной домой». Он: «Нет, спасибо, я сам дойду». Она: «Я, знаешь, должна тебе сказать, что ты поступаешь нехорошо, ведь ты всё-таки товарищ, ты из Дворца».

Ученица 9 класса Наташа Кривойкина с подругой Галиной Курниковой

Дома в своей комнате.
г. Горький, 1953 год

Ну и дура, такая дура! Подошла к пьяной шпане и уговаривает пьяного парня идти с ней домой. А то он один не может! Тьфу!

10 апреля.

Сегодня мне Адик принёс посылку. Лева Щембелев подарил мне книгу Сергеева «А. С. Пушкин». Всю обложку исписал различными посвящениями: «Будь доброй, приветливой, смелой. Всегда рассудительна будь». «Не в шумной беседе друзья познаются». «Я человека ценю за его ум, сердце, душу, но не за красоту» (Верно потому, что сам некрасивый).

Все ухаживания его совсем зря. Никогда он мне нравится не будет.

16 апреля 1951.

В субботу 14 числа был вечер во Дворце. В этот день у меня против обыкновенного было 2 билета лишних. На вечере я сначала танцевала с Наташей Соколовой, потом вальс с Альбиной, а затем стала танцевать с Хорьковой. Приглашал Семёнов на па-де-катр, затем Гога на вальс. Потом был литературно-музыкальный концерт. Выступал Скороходов и другие артисты из филармонии. Потом опять были танцы. Играли в очень интересную игру. Отгадывали героев произведений по вопросам и придумывали пословицы. Вилька, оказывается, с Милой поругался. Да, он очень будет развратным верно. Почему на него никто не подействует. Бросает одну дев-

чонку за другой. Нехороший он мальчик. Галя мне всё-таки не нравится. Какая-то тупая девочка! И хочется, чтобы у меня было к ней хорошее чувство, но раз у меня к ней всё заглохло, то уже не вернётся.

17 апреля.

Скоро мне купят велосипед. Только сейчас нет их. Вот уж я покатаюсь. Адика попрошу помочь мне. Ну, да с мальчишками с выселок мне кататься не хочется. Буду с девочками из класса. А на Полевой все ребята катаются из Дворца.

Я всё выбираю себе подругу, и выбрать не могу. Нет, не буду я всё-таки с Г. Хорьковой дружить, а с кем буду — не знаю. Хочется, чтобы девочка во всех отношениях была хорошая. А на кого не посмотрю: то учится плохо, то неуклюжая, то некрасивая, то танцевать не умеет, то не развитая, то неразговорчивая или глупая. Так что я сейчас гулять хожу с Ниной Идзковской, да больно боюсь, вдруг, думаю, выкинет какой-нибудь трюк, как с Сергеем.

Можно, конечно, было бы дружить со Щембелевым, но я за себя не ручаюсь, так как чувствую, что сразу изменю, хотя он человек глубокий.

27 апреля.

Ура! Меня приняли в комсомол! Теперь я тоже буду в передовых рядах молодёжи, не буду отставать от друзей. В комсомол приняли Галю Курникову, Юлю Горскую, Тарасову, Лебедеву.

28 апреля.

У меня было 3 билета на вечера. Лева прислал в 8-ю школу; Гога принёс пригласительные в 7-ю. Я, Юля Васильева, Галя Курникова, Наташа Соколова решили идти в 7-ю школу, так как мы там ни разу не были ещё. Пришли, а там вечер и не начинался, сидят ребята в саду и поют, и ни одной девчонки нет. Я вызвала Гогу, спрашиваю: «Будет у вас вечер?» «Будет, будет; иди, раздевайся!» тут Артур с ключом от раздевалки бегает. Я говорю: «Да к вам никто не придёт!» — Гога: «Ну, ведь ты пришла» «А я сейчас уйду!» Повернулась, и пошли мы с девчонками во Дворец. Как-то зимой у нас в школе вечера были. Я уговорилась танцевать с Наташей Соколовой, а танцую с Мариной. Наташа сильно переживала, но она не привыкла показывать свои чувства. Раньше я к Наташе только хорошо относилась, а теперь, а теперь гораздо больше, ... теперь я люблю её... Она знает это. Когда я танцевала с Мариной, Наташе было не с кем, и она уговорилась с одной девочкой, Тамарой, из 8 «Г». Теперь, когда я её попрошу танцевать со мной, она напоминает мне про Марину, и говорит, что у неё есть пара, а Тамара: «Где твоя Марина, иди к ней, она твоя пара!» (а Марина теперь ходит только в Суворовское) Но на этом вечере Наташа танцевала со мной. Ведь она меня тоже любит и ей веселее со мной, чем с Тамарой, да и танцую я лучше.

После концерта начались танцы. Я, как всегда, имела большой успех. Меня все время приглашали, но не могу же я оставить Наташу, а потом мне с ней нравится танцевать. Всё-таки я несколько танцев танцевала с Арнольдом.

7 мая 1951.

Мы выиграли по займу 200 рублей.

14 мая.

Я поссорилась с Галей Курниковой, и мы до сих пор не помирились и даже не разговариваем. Произошло это так, прозвенел звонок, должна была быть литература, перед приходом Лидии Петровны мы встали, а Галина начала грызть семечки и плевать мне на парту. Я несколько раз говорила ей: «Перестань!» — она не слушает. Тогда я взяла дневник, да как дам ей им по щеке. Она вскрикнула и, ужасно ругаясь, побежала за мной, я от неё. А в это время вошла Л. П. Она велела Галине сесть

на первую парту, а мне на своё место. После урока Курица взяла самую тяжёлую книгу «Географию» и ударила ей мне тоже по щеке. Я сдержалась, чтобы не дать ей сдачу, и теперь мы с ней не разговариваем.

16 мая.

Мы с Галиной помирились. Я первая предложила помириться. Я о ней теперь очень хорошего мнения. Она человек с твёрдым характером, правда питает слабость к Юле Васильевой. На будущий год мы с Галей уговорились опять сесть вместе.

Скоро, через четыре дня экзамены! Как-то я их сдам?.. Повторять я ничего не повторяю, одну литературу, которую прекрасно знаю по сравнению с другими, и менее всего боюсь. Курица все билеты по геометрии повторила, а я ни одного.

3 июня.

Вот уже подходят к концу экзамены. Остался один — по английскому. Я так сдаю. Русский — 3. Писала сочинение на тему «Фамусовская Москва». Я её назубок знаю. Содержание очень хорошее, прекрасно составлен план (слова Лидии Петровны), но ошибки; за них и снижена оценка.

Литература — 5. Достался билет 21. Образ Татьяны из «Е.О.» Реформы Ломоносова в русском языке и повесть о «Ерше Ершовиче». Сидела Татьяна Васильевна Янкавцева ассистентом. Задала мне вопрос: «Что советская женщина может взять у Татьяны?» Я ответила. Билет я рассказала прекрасно. Лидия Петровна сказала после экзамена: «Особенно надо отметить ответ Кривойкиной».

Алгебра — 4. Геометрия — 5. Физика — 4.

Вилька мне теперь окончательно разонравился. Я даже не уважаю его и считаю меньше себя. Хочется летом дружить с девочками из школы. О мальчиках я теперь давно уж не думаю. Пленил меня образ Борейко из «Порт — Артура» Степанова. Это человек! Гора, а не человек!

28 июня.

Уже давно лето. Английский я сдала на 5 и перешла в 9 класс. Теперь хожу во Дворец в «клуб старшеклассников». Сбылись мои предположения. Вилька стал за мной шиться. Он, верно, хотел мне дружбу предложить, но не тут-то было. У Наты есть характер. Вилька мне теперь так опротивел, что я его видеть не могу. 20 июня было открытие клуба. Весь вечер В. танцевал со мной, и мы с ним получили 1-й приз за исполнение бального танца. Мне дали «Басни Крылова» (78 басен), а что ему не помню.

Потом В. меня провожал, просил свидания. Уговорились, но я не пришла.

10 июля 1951.

Теперь всё это отошло в прошлое. Писать не успеваю, а всё меняется. Теперь я в Гогиной компании. 20 июня ко мне заезжали на велосипедах Гога и Витя по пути из Зелёного Города, и с тех пор пошло, что Гога стал за мной ухаживать. Ездил почти каждый день, каждый день гуляли. Всегда провожал до дому с ребятами. Всегда мы с Гогой ходили под руку. Купили велосипед мне, он пришёл, всё устроил, накатал, опустил седло, поднял руль. Познакомился с Мамой и Папой. Мама от него без ума. Ездили с ним в больницу к Арнольду (у него был аппендицит). Если дождь бывает, он снимает с себя куртку, отдаёт мне. Руки у меня замёрзнут, возьмёт в свои и согревает, только для осторожности говорит Петру: «Петька, будь ширмой, иди вперёд, а то мы с Наташей неприлично идём». Научил меня на велосипеде кататься. Намучался со мной по нашим дорогам, как поворот, так он меня вместе с велосипедом поднимает и поворачивает. Вот силушка! С ним я ничего не боюсь, хожу, как за каменной стеной. И привилась к нему сильно, даже очень. Гонялся за мной Семёнов, он отшил. Семёнов мне дружбу предлагал, я отказалась. На бальных мы

танцуем с Гогой. Однажды меня они пригласили вместе с Семёновым и разодрались, кому со мной танцевать. Я выбрала Гогу. Познакомилась с его матерью. Какая хорошая! Приветливая, симпатичная.

Она работает прокурором в областном суде. Была у них дома. Но... ведь Гоге девочка на неделю, не больше... да и так он со мной провёл уж много времени. С 20 июня по 10 июля. И всё было хорошо. А вчера с бальных Гога не пошёл меня провожать. Устал. Говорит. И домой надо сходить. Значит разлюбил. Жаль...

Шла я домой с Марком, всю дорогу пели, говорили о музыке. Марк обладает таким абсолютным слухом — диво! И Семёнов тоже. Как они поют хорошо! Марк сказал, что у меня есть слух, а голоса нет. Мы со Светой с Семёновым и Марком 2 июля ездили к Борису в дом отдыха в Зелёный город. Весь день катались на лодке и очень хорошо отдохнули. Потом сфотографировались. Со Светой мы очень сдружились. Она завтра уезжает в дом отдыха. Гога уходит в поход с 11 по 18. Скука будет. Хоть бы Гога меня любил. Мы с ним обменялись фотокарточками. Это, говорят, к разлуке. А он такой хороший, такой умный. Сильный!

10 июля.

Я пошла в 8 часов прощаться с уезжающими и встретила их (Бориса, Свету, Гогу) на откосе. Сели на лавочку. Я ем траву — Гога: «Не смей есть, аппендицит будет», и не даёт есть зелень. Я ему: «Ты что такой заботливый стал?» Он: «Берегу твоё здоровье. Вот скоро уеду, кто о тебе заботится будет? Кого бы назначить моим заместителем?» Борис ему: «Назначь меня!» Гога: «Да, поручи козлу стеречь капусту...». Потом мы вчетвером пошли гулять по большому кругу, то есть по маршруту — Сенная, Полевая, Свердловка, Откос. Гога дошёл до дому и пошёл есть, а мы пошли втроём. Борис и начал Светку доводить. Света ревнует его к Тамаре из дома отдыха, а Борис её ещё больше дразнит. Когда мы дошли до Ошары, они окончательно поссорились. Тут подоспел Гога и стал их мирить. Ничего у него не вышло и от Сенной мы с Гогой шли одни.

Прощались мы довольно холодно, пожали друг другу руки, постояли немного, держась за руки, и разошлись. Только бы не изменил! Я ему даже счастливого пути не пожелала, дура, бестолковая.

22 июля.

Всю неделю было очень скучно. Наконец 18 июля приехал Гога. Он мне не изменил. Опять ходим вместе. Как Гога приехал, на другой день должна была быть массовка на пароходе. Он меня уговорил ехать на неё, а сам не поехал, проспал, в походе несколько дней не спал, устал. Я не знала почему, даже обиделась. И 2 дня не ходила гулять. На 3-й день они с Петром Лопуновым ко мне прилетели — «Ты, что не показываешься? Я думал, обиделась». Позвали на вечер.

Вчера во Дворце был вечер. Партнёрши девочки у меня нет, и я танцевала с ребятами. Больше всего с Гогой, два раза краковяк с Борисом, 2 раза с Аркашей, 1 раз с Герой. Концерт был силами самих старшеклассников. Выступала Харькова, Марк Мац, Борис. Борис всё время меня развлекал, когда после вечера гуляли по откосу. Домой провожали Гога, Нина, Люся. Арнольд и Витя в доме отдыха. Им не нравится, в эту смену плохо кормят, и ребята и девчата не дружные, танцевать не умеют.

24 июля.

2 дня ходила я с Гогой и его мальчишками. Я их стесняюсь и молчу. Гоге, верно надоело. На бальных он один раз пригласил меня, а второй раз подговорил Петю, чтоб он пригласил меня первый, а сам пригласил Люсю Исаеву. Провожать он меня не пошёл. Я после бальных каталась на велосипеде с Семёновым. Но хотя с Гогой всё кончено, мне не больно и не грустно. Л. Исаева ему всё равно не нравится, а я ему

Наталия Кривойкина (спуск от Сенной площади на ул. Белинского). г. Горький, 1954 год

всё равно буду нравиться, хотя бы как девочка. И потом, ведь Гога ни с кем не может ходить долго. Всё равно у меня о нём осталось хорошее мнение.

12 августа 1951.

Опять много воды утекло, опять много переменилось. С Гогой мы остались в хороших отношениях, хорошими товарищами. Приглашал он меня на бальных, шли опять под руку домой, всё хорошо. И я к нему хорошо, и он ко мне. Но тут дело такое запутанное — страх! Мальчишки из 7-й школы тут какую-то интригу состроили. Вилька в меня влюблён, опять хочет дружить, и Марк всё время со мной ходил и расхваливал его. Я догадалась, что это Вилька его подговорил. Но этого мало. Борька Барзман всё время ходит со мной. Я удивляюсь-удивляюсь, думаю-думаю, но к точному выводу никак не приду. Марк мне рассказывал, что Гога ходил со мной только для того, чтобы позлить Вильку. Борис говорит, что Вилька теперь на себе волосы дерёт от злости. А я Борису говорила, что, когда ходила с Гогой, мне надо был подзадорить одного человека. Вот такие дела. Что Гога ходил со мной только из-за Вильки я не верю. Мне кажется, Борис и Гога не любят друг друга, и Борька хочет насолить Гоге.

А 9-го Щембелев мне в любви объяснился.

29 августа 1951.

Ох, как я давно не писала! Столько у меня новостей! Во-первых, я была в Москве. Со Дворцом ездили на пароходе на экскурсию. Брали только кружковцев и лучших активистов. Больших трудов стоило попасть на эту экскурсию. Мы с Мариной Гредасовой ходили, ходили к Софии Михайловне, всё просили нас взять. И Арнольд и Витя просились, но нас 4-х сначала не брали, так как не было билетов, но в конце концов билеты достали, и мы поехали. Нас было 37 человек и 3 руководителя. В Москве были в музее подарков Сталину, в Третьяковской галерее и на Ленинских горах. Самое большое впечатление на меня произвела Третьяков-

ская галерея. Множество прекрасных картин. В мавзолей мы не попали, так как были только 2 дня, а всего в пути 12 дней. На пароходе было очень весело, кормили нас хорошо, все дни мы бездельничали, играли в домино и карты.

17 ноября.

Ой! Как давно я не писала! Так много теперь изменилось. Совсем всё стало по-другому. Всё, что меня интересовало, ушло в прошлое. Я теперь дружу с девочками из класса — Наташей Соколовой, Галей Курниковой, Элей Подуздовой.

Сегодня воскресенье. Лежу я на печке днём, часа в 4. Вдруг слышу — стучат. Мама пошла открывать, её что-то долго не было. Потом слышу: «Проходите, ребята, она сейчас выйдет». Выхожу — Марк и Вилька! Я удивляюсь, подаю им руки. Вечер провели очень весело, играли, танцевали, всё время заводили патефон, показывали фокусы. Пригласили меня справлять с ними Новый год.

16 декабря 1951 года.

Я теперь на каток хожу. Кататься я не умею, и меня возит Наташа Соколова, Виноградов и Гога. Сегодня ходила на каток с соседом Адиком.

17 марта 1952 года.

Да! Давно, давно я не писала! Так давно... Сколько времени прошло, столько всего переменилось. Новый год я справляла со Светой, Авой, Арнольдом, Витей и Гогой. Я была с Витей, а Гога со Светой. Света влюбилась в него, а Г., кажется, не очень-то ей заинтересован, хотя он очень хороший и не даёт девочкам переживать. 1 января был у нас в школе неудачный вечер и мы ушли гулять. 2 января был вечер 10-х классов у нас в школе. За мной зашёл Адька, мне было всё безразлично, и я пошла к нам в школу. Был такой вечер, чудо! Никогда такого не было ещё. Мне было весело, к концу вечера меня пригласил на танго какой-то очень смуглый молодой человек. Тонкие, очень тонкие черты лица, лучистые глаза, 1 разряд по лыжам. Мы, танцуя, всё время разговаривали. Он, оказывается, студент 3 курса Инженерно-строительного института. И мне он очень понравился. Танцевали ещё 1 танец. А на следующий танец меня увёл Адька. Вечер кончился, и мы ушли с Адькой. Студент мне говорил, что он придёт к нам в школу на традиционный вечер.

Был традиционный вечер, я выступала в хоре. Студент был. Мы с ним весь вечер танцевали, он ни с кем не танцевал кроме меня. Он на строительном факультете, учится отлично, спортсмен-лыжник, хорошо рисует, культурный, умница. Пошёл провожать. Рассказал, что он занимается альпинизмом, в это лето ездил на Кавказ. Гуляли мы после вечера. Я его обманула, сказала, что живу в том доме, где Эля. А он не уходит: «Давай в театр сходим». Я не согласилась. Он мне сказал, что живёт в одном доме с К.С. Я на другой день спросила её про него. Оказалось, что это удивительный мальчик. С девочками он не гуляет, учится всё время отлично, он один сын в семье, но отец у него неродной. Через 2 дня он меня встретил после школы. Ходили мы с ним в кино, в консерваторию на концерт Нейгауза. Он меня часто после школы встречал. Потом как-то позвал в Оперный; а я заболела и после этого мы не виделись, вероятно, месяц. Начались у нас каникулы. И в первый день мы встретились. Получилось так, что будто я его встретила. Болтали, болтали. Он меня всё стыдит, что я физкультурой не занимаюсь... А зовут его Ю. Н. Он очень любит музыку, слух у него абсолютный. Любую симфонию споёт. Как он меня экзаменовал: «Какое содержание у...». В общем. Я перед ним дура дурой. Дал он мне билет к ним в Институт на вечер, я ходила, но танцев не было. Всё было хорошо-хорошо, но вот я его не вижу уже 18 дней, хотя он обещал меня встретить. Я его вижу каждое воскресенье, но он меня не замечает, не здоровается. Почему? Что это? Но что бы то ни было, в плохое я не верю. Всё будет хорошо! Обязательно!

15 апреля.

У нас был заключительный смотр. Мы пели две песни Дунаевского. В двух местах наврали, но, в общем, спели лучше всех. О нас писали в газете. Я ожидала от смотра большего. Особенно мне понравилось только несколько номеров: читал один мальчик отрывок из «Молодой гвардии», и пел один из 6-го класса. Так пел! Такой голос! 1-е сопрано. Будет второй Александрович. Люся Исаева читала отвратительно, просто истерично, Тамара Африкантова тоже плохо.

18 апреля.

Вчера иду я из школы, вдруг догоняет меня Юрий Пальгулин. Рассказал, что на смотре самодеятельности в ГИСИ давали по 3 билета на группу, и я поняла, почему Ю.Н. мне не дал билетов (он обещал). Пригласил меня в драмтеатр на «Ревизора», но я отказалась.

У нас соседка Анна Николаевна Широкова умирает. Мама за ней ухаживает. Очень жалко Анну Николаевну, она такая хорошая...

Я взяла работу по основам Дарвинизма. 17 апреля посадила астры и стала их выращивать при 8 часовом дне. Тётя Таня мне прислала 200 рублей, а я никак не соберусь ответить ей, поблагодарить её. Сейчас получила 4 по географии за контрольную. Спрашивали по литературе — 4, по английскому — опять 4.

22 апреля 1952.

Сегодня я видела Ю. Н. Иду я в школу, опаздываю и чует моё сердце, что я его встречу. Подхожу к остановке, ещё не вижу его, а уж чувствую, что он здесь. Смотрю, чьи-то сияющие глаза — Ю. Я покраснела жутко, смутилась, а он посмотрел так ехидно, поздоровались и даже не поговорили ни о чём. До чего же мне досадно, печально! В субботу 26 апреля у нас в школе вечер, идти мне на него не хочется, Ю. не придёт, вероятно, а больше видеть никого не хочу.

26 апреля.

Сегодня был у нас в школе вечер 9-х классов. Пел хор, играл Эдик Савельев. Вечер был очень весёлый, приглашали речников, они все хорошо танцуют. Правда я танцевала с каким-то только один раз. А пригласила на танго Лидию Львовну. Стала её водить, старалась жутко! Она была очень довольна, сказала, что я прекрасно вожу, начала меня обнимать, руки жать. Л.Л. танцует очень хорошо, 6 лет училась в балете. Танцевала с Авой, Катей Савиной, Катя меня спрашивает: «А почему Ю. нет?» я ей, откуда, мол, я знаю, я не приглашала. Она рассказала, что Ю. очень простой, но такой способный! Он кончил авиационный техникум, а потом уже поступил в институт. Так что он, наверно, с 28 или с 29 года. Потом у меня растянулась резинка, и я с Авой вышла в коридор её застёгивать. Гляжу — Ю... Ну, никакую резинку я застёгивать не пошла. А стали мы с Ю. в коридоре болтать. Рассказал, что пьеса прошла очень хорошо, заняли они первое место. Я его ругала, что он билетов мне не прислал, а он говорит: «Не видел тебя». Но это неправда, врёт всё. Ох и много врёт! Рассказал, что сегодня его товарищи пьянствуют окончание пьесы, а он не пошёл, так как завтра будет пробег и он бежит. Я рассказала про свои успехи. В общем, проболтали минут 20. Начала завуч ходить, следить за нами и, в конце концов, предложила нам идти в зал.

После этого я танцевала с Александрой Ивановой. Она хорошо танцует. Потом несколько танцев с Ю. Он меня ходил провожать. Говорили немножко о музыке. Рассказал, чем отличается симфония от сонаты. Говорил, что его на Кавказе за грузина принимали, что он не любит смуглых и всякую такую глупость. Опять ругал, что не занимаюсь спортом. Говорил, что мне надо заниматься бегом и у меня будут сильные ноги. Чудак! Говорил, что пошло бы заниматься гимнастикой и т.п.,

я ему рассказала про Аркадия Александровича. Хвалила — ужас! Говорила, что мне даже А.А. советует заниматься спортом. А Юрий: «А я тебе что говорил?! То же самое! Брось ты хор, я всех хористов презираю, занимайся спортом, будешь здорова». Обещал он прийти на другой день, на вечер 10-х классов.

27 апреля.

Сегодня на вечере 10-х классов мы осрамились. Пели новую песню о Сталине, да так плохо! На 4 голоса, все врали. А.А. было за нас очень стыдно, и он с нами не разговаривает. Ю. не пришёл. И я была очень рада, что его не было. Приглашали спецов. Ко мне какой-то привязался, но я станцевала несколько раз с ним и надоело мне. Без Ю. мне скучно. Когда вечер кончился, Ю. меня встретил. Шли мы домой с каким-то ещё студентом. Я стеснялась и сначала молчала, но потом немного стала разговаривать, но разговор не наладился до тех пор, пока студент тот не ушёл. Потом мы стояли у крыльца полчаса, так обо всём говорили. Я с ним как с девочкой могу о чём угодно говорить. Ю. позвал меня 3 мая идти на концерт Давыдовой.

29 апреля 1952.

Ю. встретил меня перед школой. Он взял билеты на концерт.

2 мая.

Была во Дворце на вечере. Билеты принёс Л. Щембелев. ходила с Элей. Больше не пойду с ней. Связала она меня по рукам и по ногам. И, потом, она ведёт себя, нельзя сказать, чтобы уж очень хорошо. И танцевать не умеет. Была наша Нинка. Дура, как всегда. Концерт был силами артистов ТЮЗА и филармонии. Домой меня пошёл провожать Арнольд, «под шумок», как он выразился. Арнольд рассказал, что у них полкласса в очках, а Барзман даже в пенсне.

3 мая 1952.

Сегодня ужасный дождь, грязища, холод. Давыдова заболела и концерт отменили. Я пришла из школы, у меня промокло пальто, но хотя концерта нет, мы уговорились с Юрием встретиться. У меня настроение хорошее, хотя пришлось идти в плаще и мятом пальто. Ходили на «Правда, хорошо, а счастье лучше». Мне не особенно понравилось. С театральными декорациями, без музыки... Но вечер мы провели чудесно. Я пришла домой в час. Много разговаривали, много он рассказывал, но о чём, я писать не буду, так как мне лень, а что было сказано я и так запомню. Юрий так в искусствах разбирается: и в музыке, и в живописи, ну всё всё знает. Он рассказал, что на Кавказе жутко развит национализм. Велел мне обрезать акацию. Юрий столько цитат знает, говорит, что Пушкин про нас написал «Вода и камень, лёд и пламень». Правда, мы с ним разные, но есть и сходство.

Письма к Юрию Никифорову, товарищу, поступившему курсантом в Ленинградское военно-строительное училище.

22 июля 1953 года. Горький.

Здравствуй Юра! Отвечаю тебе на этот раз молниеносно.

Так что же, значит, химфак политехнического тебе не нравится? Жаль, жаль, а я-то думала — наоборот. Ну, раз тебе не нравится (а ты человек положительный, серьёзный, с опытом, советы всегда даёшь дельные), так, верно, этот факультет действительно не так уж хорош. И я под впечатлением твоего письма приняла новое решение. Документы с химфака взяла и подала на биофак в Университет. Этот «фак» тебе нравится? Романтики тут несравненно больше: прекрасная практика на лоне природы, среди букашек, таракашек, жучков, червячков...— чудо! Не хуже вашего «курорта». Я выбрала специальность — микробиологию и биохимию. Окончив, можно работать врачом-микробиологом или на каком-нибудь пищевом предприятии. Мне это нравится. Но, говорят, что в большинстве случаев Университет

выпускает преподавателей, так что, быть может, придётся обучать каких-нибудь «умников». Поживём — увидим...

Дома не довольны, что я пошла на биофак — специальность недефицитная. А я мамочку утешаю, говорю, буду, мол, помидоры выращивать мичуринскими методами. Огород будет — самый показательный! Рассказываю знакомым, удивляются — почему биофак? «Призвание»,— говорю.

У нас на весь факультет 3 мальчика. Два попали в нашу группу. Мы рады, что хоть двое будут в походах тяжести носить. Я всех знакомых ребят к нам приглашаю, но, увы — агитатор из меня плохой получается.

Я, Юра, хочу тебе немного возразить по поводу твоей философии «где бы не учиться, ... лишь бы образование получить». Ты, вероятно, хочешь сказать, что, окончив ВУЗ, можно работать не по специальности. Это ведь можно отнести только к тем, кто кончит технический институт, так как они могут работать не только инженерами, но и в области физики, математики, будут уметь чертить. У нас же специальность уже и глубже. Знаешь биологию и химию и работай в этих рамках. Это меня чуточку огорчает. Ну, я расписалась, а надо сначала поступить. А вот попаду я или нет,— это большой вопрос. Заниматься я ещё не начала, а у нас конкурс: 3 человека на место, да ещё медалисты — беда! Я больше всего сочинения боюсь. Напишешь на 2, и ... прощай Университет! Экзамены мы сдаём с 1-го по 20 августа. Сочинение пишем 1-го. Ты меня обязательно в этот день вспомни и пожелай хорошо написать. Применяется ещё другой метод — можно ругать, это по твоему усмотрению. Будешь ругать, так я прощу!

У нас все такими взрослыми девицами становятся — совсем студентки. Посмотришь: у одной — фасоны; у другой — причёски, у третьей — всякие помады. Я и то задумываюсь — не предпринять ли мне что-нибудь в этом роде, авось в Университет скорее примут. Марину-то Гредасову не забыл? Она в Политехнический на химфак пошла, на самую безвредную специальность (на которую я раньше собиралась) — технологию электрохимических производств. Кончаю. Может быть успеешь — так отвечай, пожалуйста, всё равно бездельничаешь. До свидания. Наташа.

2 октября 1953 года. Горький.

Здравствуй Юра! Давно, давно о тебе ничего не слышно. И я надумала написать тебе сама в Ленинград, хотя даже не знаю, прежний ли у тебя адрес. Написать тебе мне очень хочется, только придётся сделать это так, словно я не знала, что у тебя был отпуск, не знала, что ты приезжал в Горький, как будто ты, Юра, по-прежнему, хороший, чуткий товарищ. Ты согласен?

Во-первых, поздравляю тебя с Октябрьскими праздниками и желаю как можно веселее провести эти дни: не думать ни о проектах, ни о зачётах.

Мне праздники придётся отметить довольно скромно. Справлять нигде не буду, пойду лишь на демонстрацию. В школе мы наслаждались, когда ходили самыми первыми в колонне, а в университете будем где-то в хвосте плестись. Ничего не поделаешь — первокурсники! Знаешь, Юра, кажется моё «научное поприще» начинает определяться. Распределили нас по кафедрам. Обычно это делается в конце второго курса, когда люди начнут понимать, к чему они имеют склонность, а в этом году министерство неожиданно приказало — с первого. На каждую кафедру (их у нас 6) брали по 9 человек, а на биохимию было подано 23 заявления! Мы все страшно переволновались, всем хочется, все добиваются! Зав. кафедрой беседовала с каждым персонально, почему да отчего желаешь заниматься именно биохимией, и тех, кто сумел её убедить, что он всю жизнь мечтал только об этой кафедре, брала к себе. Убедить её в этом я сумела (разумеется, большую роль играла успеваемость и ан-

Наталия Кривойкина с подругой на Волжском откосе.
г. Горький, 1954 год

кетные данные) и на кафедру попала. Прислали нам новые учебные планы и у биохимиков ввели высшую математику (!?) и много-много часов физики и химии. Мы даже не знаем, радоваться или горевать.

Юра, мы с Элей записались в конькобежную секцию. Заниматься очень нравится. Тренер — какой-то мастер спорта, дядечка симпатичный и довольно культурный (удивительно такие качества встретить у спортсмена; мне кажется, что все они ужасно грубые). Эле временно заниматься запретили, так как у неё при беге болит левый бок (селезёнка, кажется), и хожу пока я одна. Жду, когда мне запретят. Иногда с девчонками из группы хожу на концерты в филармонию (теперь они, к сожалению, не в консерватории), если приезжают какие-нибудь знаменитости. Гулять (бесцельно ходить) совсем разучилась, но уроками всё же не занимаюсь. Хоть бы ты прислал мне письмо и поругал, как следует — это на меня здорово действует.

Ездили мы убирать картошку в Вачский район. Работать очень понравилось. Я уже думала, что я совсем отпетая лентяйка, а оказалась, наоборот: в колхозе ударницей была. У нас в Горьком на Свердловке и на Пискуновой посадили липы. Летом, наверно, красиво будет. Приедешь — тебе обязательно понравится.

Вот пока и всё, Юра. Хочется мне задать тебе один вопрос, но пока не буду. Пиши, как живёшь. До свидания. Наташа.

15 сентября 1954 года. Горький.

Здравствуй Юра! Письмо твоё получила 8-го сентября, как раз в день своих именин. Оно было для меня очень приятным сюрпризом. Спасибо за поздравление. Только учиться нам пришлось недолго, всего неделю, и — снова каникулы — картошка. Я немного вывихнула ногу и не поехала. Сижу сейчас дома, варю варение, скучаю. Сначала мучила совесть, да потом узнала, что большинство наших, пересмотрев свои изъяны, запаслись справками, и, в результате, из 50 человек с курса поехало только 26. На работу бы устроиться, да на месяц — куда?

Летом была на практике в Старой Пустыни. Жили весело, несмотря на отсутствие ребят. Катались на лодках, рвали кувшинки, купались, загорали, по деревьям лазили, как белки, собирали земляннику. Донимали комары, но с пользой, «микродонорство». Сколько мы песен про них сочинили, приедешь — я тебе спою. У вас, наверное, тоже комаров достаточно, среди болот-то. Как идёт твоя работа? Готовишься ли к аспирантуре?

Я, Юра, в будущем тебя не представляю иначе, как профессором.

Практикой я осталась очень довольна. Впитали в себя знаний массу, узнали множество растений, животных. Вставали утром, в 4 часа и, вооружившись биноклями, отправлялись слушать птиц. И теперь для меня природа словно ожила: слышу птичьи голоса — знаю, какая птичка, какую песенку поёт, а раньше соловья с зябликом путала; вижу растение — знаю, как оно называется, даже по латыни. Научилась чучела делать. Домой привезла 3 крысы. А кошка, подумав, что настоящие, тотчас же растерзала их. Ходили мы каждый день километров по 15 (удивляюсь, почему нам не дали какого-нибудь значка за эти переходы), и я похудела на 7 кг. Так что знакомые охают и смеются — ты, мол, теперь не Наточка, а Ниточка.

Да, Юра, я чуть не уехала в МГУ учиться! Ходят слухи, что Университет объединят с Пединститутом, и часть студентов отправят учиться в столицу. Вот бы здорово было. Какие в Горьком новости? Галина Курникова поступила на вечерний строительный институт на газоснабжение. На Мининой строят новый кинотеатр с колоннами. Если бы ты был среди строителей, то кино, наверняка, открылось бы скорее, к великой нашей радости.

По трамвайному маршруту № 2 пустили два трамвая, с мягкими сиденьями — мы очень довольны. Жаль, Юра, что не дали тебе отпуска летом. Я бы тебя угостила чудными яблоками и сливами из своего сада. Ну, пока всё. Видишь, Юра, какое я тебе длинное письмо написала, не то что ты мне — открытку. Наташа.

В 1953 году Наталия Кривойкина поступает на биологический факультет Горьковского государственного университета.

Тарасова Наталия Ивановна за время пребывания в Горьковском государственном университете с 1953 по 1958 год сдала экзамены и зачёты по следующим дисциплинам:

История КПСС	хорошо
Политическая экономия	хорошо
Диалектический и исторический материализм	хорошо
Иностранный язык	хорошо
Физическое воспитание и спорт	хорошо
Физика	хорошо
Неорганическая химия	хорошо
Аналитическая химия	зачёт
Органическая химия	хорошо
Физическая и коллоидная химия	зачёт
Введение в биологию	зачёт
Анатомия человека	зачёт
Анатомия растений	хорошо
Морфология растений	зачёт
Система низших растений	хорошо
Система высших растений	удовлетворительно
Зоология беспозвоночных	хорошо
Зоология позвоночных	хорошо

Микробиология	хорошо
Почвоведение с основами земледелия	хорошо
Дарвинизм	отлично
Генетика с основами селекции	хорошо
Биохимия	хорошо
Физиология растений	хорошо
Физиология человека и животных	хорошо
Биология развития растений (цитология)	отлично
Растениеводство	хорошо
История биологии	зачёт
Педагогика	хорошо
Большой практикум	зачёт
Высшая нервная деятельность	зачёт
Курсовая работа 3-го курса	отлично
Курсовая работа 4-го курса	удовлетворительно
Дисциплины по специализации:	
· Избирательные главы биохимии	зачёт
· Методика преподавания биологии	зачёт
· Обмен веществ	хорошо
· Биофизика	хорошо
· Фотосинтез	хорошо
· Экология растений	зачёт
· Почвенное питание	зачёт
· Методика микро. анализа	зачёт
· Почвенная микробиология	отлично

Тарасова Наталья Ивановна выполнила учебно-производственную практику с оценкой хорошо, производственную практику с оценкой удовлетворительно и педагогическую практику с оценкой хорошо, государственные экзамены сдала по основам марксизма-ленинизма удовлетворительно, физиологии растений хорошо и защитила дипломную работу на тему «Влияние предпосевного облучения семян гречихи лучами Со на углеводный обмен растений» с оценкой хорошо.

В 1956 году вышла замуж за Тарасова Ивана Николаевича. После окончания Горьковского университета и рождения сына Владимира в 1958 году, Наталия Ивановна в 1959 году переезжает к мужу в г. Ульяновск и устраивается работать на Ульяновский автозавод. 1 февраля 1966 года, в связи с разделением автозавода, переведена на Ульяновский механический завод.

Перемещение по службе

5 августа 1959 года	И.о. технолога
17 июля 1960 года	Инженер — технолог отдела главного технолога
21 февраля 1992 года	Уволена

В 1970 году в семье Тарасовых рождается второй сын — Дмитрий.

Сохранилась переписка Тарасовой Наталии Ивановны с мужем (с 1956 по 1958 год) и родителями (с 1959 по 1969 год).

31 августа 1956 года. Горький.

Здравствуй Ваня! Приехала я домой и меня ждало два письма от тебя, которым я очень обрадовалась. Из Чехии не пришлось тебе написать, потому что письмо идёт долго, и марка стоит дорого. Домой я приехала 30, до этого 3 дня была в Москве. И прости, всё никак не могу тебе написать. Впечатлений масса! Встретили нас

как близких друзей. Народ приветливый, весёлый. Почти все говорят по-русски. Даже дети лет 10-и знают по-французски, по-английски и по-немецки. Русский учат в школе. Они всё удивлялись: почему мы учим русский, а вы чешский не учите.

Люди одеты хорошо. Не шикарно, но изящно. И не отличишь, идёт ли жена будущего профессора (вроде меня) или уборщица. Платья сшиты с большим вкусом. Довольно яркие, но я не видела зелёных, красных, белых — все голубоватые, сероватые, синеватые. Многие женщины ходят в брючках. У большинства хорошие фигуры, и сами крупные, но таких полных, как у нас, не встречается. Девушки выглядят значительно старше наших. Девушке 21 год, а мы даём 28. А нам там давали по 16 лет. Все красят губы и курят. Нас даже чехи так отличали: губы не накрашены — русская, накрашены — чешка. Кос никто не носит, даже 12-летние девочки уже делают причёску и завиваются. Принято, чтобы парень ходил с девушкой старше его. Ему — 19, ей — 21. Большая простота нравов, по улицам ходят в обнимку и беззастенчиво целуются. Очень удивило нас, что в Чехии мужчины все интересные, даже красивые. Брюки носят только узкие, а стиляги — они тоже есть — ходят в женских кофтах с чёрными бантиками. Над нашими мальчишками смеялись, что они брюками улицы метут, хотя там чистота невообразимая. Некоторые мужчины ходят даже в вельветовых трусиках. Смешно видеть солидного мужчину с портфелем и голыми коленками. Но там, как ни оденься, никто ничему не удивляется. Существует хороший обычай — когда девушка выходит замуж, ей президент даёт 1000 крон, а когда родится первый ребёнок — ещё 600.

Все верят в бога. На каждой улице католический костёл или церковь, много крестов с распятиями прямо на улице. Народ очень честный, воровства нет. Приходят, например, на танцы, все кладут сумочки на один стол и уходят, и берут, только уходя домой. В магазине с прилавка — бери, смотри, уноси. У нас один мальчишка, когда переезжали из Брно в Братиславу, оставил на вокзале коробку с пижамой, рубашками и брюками. Он очень расстроился, решил, что пропало. А в коробке было колье, которое он вёз своей девушке — о нём он очень жалел. Мы уже решили собрать ему денег на колье, как вдруг кто-то решил позвонить на вокзал. Оказалось, что коробка никуда не пропала и на другой день прибудет. Когда этот парень ходил в бюро находок, ему там внушили, что в Чехословакии ничего не пропадает, вплоть до мотков ниток, которые старушки оставляют на скамейках.

Нигде мы не видели очередей, ни нищих, ни пьяных, не слышали ругани и даже перебранки. Когда попали в магазин, то мы буквально обалдели. С помутневшими глазами и раскрытыми ртами мы метались, как сумасшедшие. Товаров очень много. Дали нам 300 крон. Пока в кармане у меня оставалась хоть одна крона, я не находила себе места — всё считала, пересчитывала. Я купила себе туфли замшевые на сплошном каблуке, как танкетки, коричневые. Гарнитур зелёненький под платье, пояс лакированный, вазу сахарницу и прекрасный винный сервиз из богемского стекла. На графине серебром тина, а золотом — рыбки. Купила тебе подарок, да ещё один в Москве. О нём даже дома не знают, я его прячу, потому что денег нет, и если я скажу, меня будут ругать. Приедешь — тогда получишь. От поездки я в восторге, так благодарна папе, очень хотелось ему подарить винный сервиз — как ты смотришь на это?

За поездку в Чехословакию я немного поправилась. Жили мы в отелях, по 4 человека в номере. Кормили хорошо. И главное, на завтрак, обед и ужин давали по кружке (0,75 л.) пива. А пиво там не такое как у нас, а 12 градусов. Мальчишки упивались до того, что боялись домой ехать — как они там будут без пива. Брали по несколько кружек. Девочки тоже. Я тебе всё твердила, что выпить люблю. Ока-

Наталия Кривойкина (сидит вторая справа) студентка 3 курса университета.
г. Горький, 1955 год

залось совсем не так. Пила больше лимонад, да чай с ромом. Жалела, что ты не мог насладиться пивком. Водка там тоже есть, но стоит дорого. На предметы питания цены такие же как у нас, но всего полно в магазинах. Мануфактура стоит так же, как у нас. Очень хорошие туфли — 300 крон, а обычные — 130, комбинации — 90, 60, 30. Мужская рубашка в крупную клетку — 60 крон. Многие там продавали часы — наши часы там стоят 700 крон, продавали за 200. Особенно предприимчивые сумели обменять деньги. Там очень красивые лакированные большие чемоданы стоят 40, изумительный сервиз — 300. Самая минимальная зарплата там — 700 крон. А русская учительница получает 3000. Я купила себе клипсы за 10 крон. Когда я выбирала тебе подарок, мне помогал один мальчишка. Он меня и спросил, чем ты увлекаешься. Я сказала — только мной. Он мне посоветовал ничего тебе не покупать, накупить себе украшений и это, говорит, будут ему лучший подарок.

Когда ехала в Чехословакию, то попала в компанию очень культурных людей. И очень сильно почувствовала, как я невежественна. Нам надо очень много читать. Ведь это стыд, что мы не знаем многих классиков литературы. Даже своих русских, не говоря уже о заграничных. От этих людей я услышала столько совершенно незнакомых мне имён писателей. Я раньше думала, что только литераторы могут столько знать. Нет, с нами ехали 2 мальчишки — один с химфака (сын профессора), а другой со строительного, очень небогатый. А такие оба эрудированные, начитанные люди. И ведь надо ещё знать историю своей страны, географию, хоть малое представление иметь об античной культуре, музыке, живописи. Надо высказывать свои собственные суждения, которые должны быть правильными. Мне очень бы хотелось многому научится: читать, слушать музыку, уметь себя держать в приличном обществе. Раньше Ю. Никифоров был у меня таким учителем, он был очень культурным человеком, и во много помог мне. Когда я с тобой познакомилась, мне показалось, что у тебя я тоже могу многому научиться, что ты тоже будешь руководить мной, моими занятиями. Как бы это было чудесно! Очень я удивляюсь, что ты не пошёл к В.В. работать. Ведь он столько за тебя хлопотал. Когда мы говорили, чтоб ты остался в Горьком, ты заявил, что не можешь обмануть В.В.? Ну впрочем, ничего, и в кузнице есть чему поучиться. Очень довольна, что зарплата у тебя не маленькая.

1 октября 1956 года. Горький.

Ура!!! Сегодня купили материал! Это такое счастье! Знал бы ты, сколько мы его искали. Ездили и на Автозавод, и в Сормово, и на посёлки на всякие. А сегодня вечером купили на Маяковке. Цвет тёмно синий. Но знаешь, я думаю: на много лет, ведь нельзя же 10 лет ходить в красном или в зелёном, правда? Цвет практичный, и если к нему купить воротник светлый, какую-нибудь белку или песца, то будет очень хорошо. Думали, думали почём покупать. Были венгерские облегчённые драпы по 300, но в них ни виду, ни качества. Каждая школьница такой носит. И купили, Ванечка не пугайся и не делай большие глаза ... Драпа-велюра по 564 рубля. Я знаю, это так дорого, но зато так хорошо! Купили 2,6 метра, заплатили 1466 рублей 40 копеек. 400 — мои, 600 взяли у Таси, остальные мамины.

Ты доволен или нет, Ваня?

10 октября 1956 года. Горький.

Сегодня писала отчёт и собственный отзыв по летней практике. Все пишут, что довольны. А я написала то, что думаю. Что тема летней практики не соответствовала курсовой работе по объёму и теме. Что летом я выполняла определение процента сухого вещества и окисляемости, в то время, как основная задача моей работы — определение сахаров. Надо же высказывать своё мнение. А то зав.кафе-

дрой привыкла, что никто против неё ни слова. Правильно ведь? В пятницу была в профкоме, составляли отчёт, 14-го будет конференция. Мне поручили художественное оформление. Поедем в ботанический сад и привезём цветов. Я уговорила Поликарпова не рекомендовать меня для нового профкома, и в тоже время жаль расставаться с ребятами. И всегда в курсе университетских дел. Сейчас нам читают много неинтересных и не особенно нужных предметов: растениеводство, педагогика, цитология, микробиология, политэкономия. И очень нам нравится философия.

Это единственный предмет, который никто из нас ни разу не пропустил. Так интересно. И очень нужный спецкурс: микробиология и биохимия.

Ваня, как твоя первая лекция в техникуме? Кто раньше читал этот курс? Тебе надо выбирать время для чтения художественной литературы, ты стал писать с ошибками, я уже несколько раз замечаю, что у тебя страдает падежная связь — преподавателю это никак не годится. Видишь, твоя супруга тоже становится педагогом. Только у тебя много учеников, а у меня — один. Как твои волосы — растут? Мне так хочется, чтобы у тебя была хорошая причёска. Сделай себе под Ива Монтана.

13 октября 1956 года. Горький.

В воскресенье был у нас дома Коля. Принёс мне «гостинца» от тебя. Посидели, поговорили. Получила от тебя письмо, узнала, как весело отпраздновал ты день рождения. Ты, Ваня, два месяца готовился к дню рождения, а мне ни слова!? Когда к нам звал гостей, тоже мне сказал после. Был ведь тогда разговор? Был. Совсем ты считаться не желаешь. Я тебе пишу, что у меня денег нет, что мне пальто собираем — ты не внемлешь. На день рождения пригласил знакомых и Юрия, только жену забыл пригласить. Ей на 50 рублей меньше прислал! А телеграммой всем хвастался! — Как мне хорошо, она меня так любит! Хоть бы с Колей прислал десятку на пирожные, а то пришлось Коле самому разорятся, исправлять твою ошибку. Мать тебе одолжила 90 рублей от нашего безденежья, из-за этого в Болдино не поехала. А ты смеёшься, пишешь — «родителям причитается должок в виде письма»... Забыл, что долг платежом красен?

Ваня, я тоже хочу чтоб мы были вместе. Но естественный факультет в Ульяновске меня совершенно не привлекает. Там дают крупицы знаний, такую элементарщину. И потом, всю жизнь учительствовать? А сейчас у нас курс промышленной микробиологии и мы ходим на экскурсии по предприятиям. На хлебозавод, пивоваренный, молочный, кондитерскую фабрику, завод шампанских вин, колбасную фабрику. Везде работают наши специалисты. Получают по 800 рублей. Работа интересная. И работают люди без образования на этих местах.

Мне так жалко терять такую специальность.

20 ноября 1956 года. Горький.

Да, Ваня, телогрейку давно купить надо было. Не знаю, за счёт ли моего платья или за счёт чего другого. Уж очень мы шиканули в Октябрьские праздники, правда? Нам совсем не надо было столько вина. И не должны мы были столько всего прочего покупать — это нам не по средствам. Правда, это была первая наша встреча, и нам простительно. А больше так постараемся не делать, быть скромнее. Для друзей не нужно такого угощения. Ценится совсем не это. Но мы ещё научимся.

У меня дела в университете после твоего отъезда стали налаживаться: сдала пропущенную работу по биохимии. Читаю Альфонса Доде «Набоб». На кройке тоже дела идут. Уже сшила детский лифчик, детскую рубашечку, научилась снимать мерки. Завтра будем шить мужскую рубашку. Вообще, твоя жена будет обязательно замечательной портнихой. У меня теперь страсть — научиться шить. Я так хочу красиво одеваться и одевать свою семью! Всё представляю себя в будущем:

мы идём с тобой и маленькой дочкой и такие все милые! Жена, в смысле я, одета так оригинально, девочка — чудо, а ты... ты вообще прелесть. И все на нас глядят и любуются. Если у тебя есть свободные деньги, ты присылай. У нас папа только 800 рублей получает, а мы ещё послесвадебные долги не отдали. Я теперь свыклась с мыслью, что у меня есть муж, но его нет со мной.

3 декабря 1956 года. Горький.

Здравствуй Ваня! На этой неделе опять буду сдавать английские тысячи, сессия у нас начнётся 3 января. Так хочется пошить в каникулы, не передать! Какая жалость, что нет у нас в Ульяновске ни комнаты, ни машинки.

Чувствую, что комнату тебе получить не удастся, надо тебе у директора побывать не один раз, да понастойчивее быть.

Мы на кройке сегодня проходили основу выкройки платья. В пятницу нам покажут фасоны для халатов. Будем шить. Так хочется себе смастерить чего-нибудь, но со временем туговато. Был бы ты здесь, помогал бы мне.

Ваня, немедленно пришли мне свои мерки, объём груди, окружность шеи, длину рукава и ширину плеча. Получу стипендию, куплю материала (ситцу, конечно, для начала) и буду шить тебе рубашку. Ваня, ты пишешь, что я тебя мало знаю и неправильно во многом представляю. Конечно, у нас ещё в друг друге много не открыто хорошего, это верно. Но всё же признайся, неустойчивость какая-то у тебя есть. Подумать только, встретились всего на недельку, и ты уже развода попросил! А говоришь — «пухленький», а потом опять развод просить будешь. Вот тут и задумаешься. Правда, ведь? Чувствую ли я в себе уверенность? Конечно, чувствую. Но всё равно вместе — вернее. Я бы никогда не оставила молоденькую жену на 2 года. Это варварство. Ты бы ходил меня провожать и встречать с занятий, я бы тебе шила рубашки, мы бы всё делали вместе.

12 декабря 1956 года. Горький.

Вавуленька, милый! Вовремя ли ты доехал? Занял ли денег у кого? Разорительница твоя материал всё же сменяла. Взяла красный. Ведь ты говорил, что мне идёт красный цвет. Сошью к Новому Году с короткими рукавами. Платьишко будет прелесть, а сама я как цветочек.

За эти дни мы стали друг другу ближе, роднее и ссоры потеряли свою значимость. На письмо, которое ты прочитал, не обращай внимания: во многом я была неправа и многого не понимала. Бывают ошибки, недоразумения, заскоки. Правда? Мне так бы хотелось, чтобы ты был в Горьком. Дают ли тебе комнату? Я уже придумала, что можно тебе привезти, чтобы было уютнее. Дома — изменения. Один квартирант ушёл, так как другой его унижал и обижал. А мы опять терпим убытки. Не везёт. За 100 рублей сдавать комнату не имеет смысла, канитель одна.

Ты пишешь, что был у Бориса, хорошо провёл время.— Очень рада за тебя. Дать ли им взаймы?! Конечно, дай, если есть возможность. У меня такой возможности нет. Родителям моим, в связи с уменьшением зарплаты очень трудно, да они ещё с долгами не рассчитались, и без меня-то едва сводят концы с концами. Так что денег мне, пожалуйста, пришли. Кстати, потрудись, пришли мне справку, сколько ты получаешь. Для представления в стипендиальную комиссию университета, я ведь твоя иждивенка.

19 декабря 1956 года. Горький.

Вчера получила твоё письмо, но ответить не смогла. Пришла из университета в 9 вечера, потом погас свет — испортилось электричество, и пишу тебе на лекции сегодня. Ваня, я очень огорчена, что денег ты мне не прислал. Знакомых всех удивило, что ты в первые месяцы, получая по 1100, прислал мне только 300 рублей.

А теперь получаешь 1400, а как получка — так отговорки. То взаймы дать, то ещё что. Что твою жену обязан дядя, что ли кормить? Я с утра и до вечера на занятиях, тоже бы не прочь, как ты, в столовой питаться, да не могу, куплю вместо этого 3 коржика по 42 копейки и всё. Ты мне высылай денег хотя бы половину, считая твою зарплату и мою стипендию вместе. У тебя 1200, у меня 200, половина 700 рублей. Высылай мне, пожалуйста, 400–500 рублей. А я буду покупать и тебе и мне. Вон у Нельки Лебедевой брат после окончания жил в Ташкенте, так присылал жене по 1000, хотя получал 1600.

Ты только пишешь, какая я хорошая, вводишь людей в заблуждение, а на самом деле одни слова, обещания, да извинения. «Извини, что я у тебя колечко взял, извини, что я у тебя развода просил, извини, что денег не прислал». Хватит. Отношения должны быть открытыми и честными, тогда и виниться будет не в чем.

Ваня, ты пишешь, что мало у нас духовной связи. Да. К сожалению, это так. И мы сами оба виноваты в этом. Мне кажется, с самого начала знакомства мы повели дело неправильно. Вот помнишь первые встречи — мы оба тогда волновались, переживали, радовались, откровенничали. И это было хорошо. А после мне помнится — ты наш гость, сидим за столом, больше общих разговоров с папой и с мамой. И не было уже ни волнений, ни острой радости. Всё ровно. И всё время, что мы оставались вдвоём, мы целовались. Целовались по 3 часа, молча. И не слышно было ни слов любви, ни смеха, ни шуток. И даже страсти никакой не было. И откровенность пропала. Хотя мы честно старались дружить друг с другом, но это было что-то не то. Мы не любили ведь тогда друг друга. Мне целоваться не хотелось, а целуюсь, ибо так делают влюблённые (а я ещё не знала, влюблена я или нет); тебя вообще не волнуют нежные чувства — ты должен мне говорить о любви, так как мы зашли слишком далеко, и я боюсь... А этого нет.

Мы, конечно, старались лучше подружиться. Помнишь тот случай прошлым летом, когда мы гуляли по Мининой, и ты смотрел на меня. И смотрел не потому, что тебе хотелось видеть моё лицо, выражение глаз, читать мои мысли. Вовсе нет. Тебе хотелось сделать мне приятное. А ведь это смешно! И я тогда рассердилась. Ведь мы не артисты. И нарочно не создашь нежности, а если создашь — не получишь от неё удовольствия.

Всё должно быть естественно. Жаль, что мы перешагнули самый юный период нашей дружбы, когда гадаешь: любит или нет. И нам не пришлось добиваться друг друга и с волнением наблюдать друг за другом. Просто ты говорил вначале, что тебе плохо, и я уступала. Отсюда пошла некоторая фальшь и неестественность. Поэтому ты только сейчас привыкаешь обо мне заботиться. А до этого только сердился, когда я говорила: мне холодно, я устала и т.п. Ты не привык вникать в движения моей души. И при виде слёз ты не волнуешься, а думаешь: «Что ж, пусть любит такого. Я парень простой, где мне с нею цацкаться». И утешаешь ты меня ровными деревянными словами, а не лаской. Ты вспомни, что на свадьбе мы были совершенно чужими людьми. И то, что будешь меня любить, ты уверял не меня, а Гальку Курникову. И ни один из нас не сказал: «Как я счастлив, ведь мы теперь всю жизнь будем вместе».

Ты, Ваня, говоришь, чтоб я не дурила, не капризничала, заставляешь меня сдерживаться, учитывая твой вспыльчивый характер. Но кто тебе сказал, что я дурю? И разве ты не понимаешь, что это отдаляет нас друг до друга, замыкает меня в себе. Не этим ли ты научил меня кокетничать, веселить тебя, а сокровенные мысли рассказывать совсем другим. И зачем мешать человеку высказывать свои мысли, ведь самое большое счастье — это свобода.

Надо, чтоб отношения были свободными, и тогда они будут естественными. Мне больше понравилось наше расставание. Лучше уж ругаться, да с душой, чем говорить «люблю тебя» спокойным деревянным голосом.

25 декабря 1956 года. Горький.

Я не сдала зачёт по биохимии, и не только я; из всей группы сдали только двое. Но мне нисколько не обидно, а наоборот смешно. Учить совсем не охота. Настроение весёлое и дикое. Только бы хулиганить. Что-то предчувствую интересное. Когда со мной должно что-нибудь случиться, на меня всегда что-то находит. Или Новый год скоро. И так хочется повеселиться, потанцевать, похохотать! Вот бы ты сделал сюрприз — взял и приехал!

Я так и знала, что комнаты ты не получишь, ведь столько нуждающихся гораздо острее! Ваня, тебе надо доказывать начальству не то, что без тебя завод не встанет, а то, что тебе необходимо жить в Горьком, и ты имеешь на это право. В Ульяновске ты одичаешь и испортишь темперамент.

Переводись к моим каникулам в Горький обязательно.

Ты, правда, будешь присылать мне премии? Мне особенно как-то приятно, что не зарплату, а премию. Я себя тоже воображаю чем-то вроде премии. Как хорошо, что ты мне вышлешь денег. А то уж я в трамвае плачу с жалостью и недоедаю-то. Сейчас хорошо, аппетит пропал. Ваня, бросил ли ты курить? Бросай без всяких разговоров. Сделай хоть раз, как задумал. А то ты будешь бесхарактерный. Знаешь, ведь я ещё не сменила паспорт на Тарасову. Никак не рискну. У меня всё же красивая и звучная фамилия — Кривойкина. А ты хочешь, чтоб я взяла твою?

Тебе, Ваня, всегда кажется, что у нас очень здоровая и дружная семья. И если я говорю что-либо обратное, то только потому, что жизни не знаю, и не видела хуже. А Иван Фёдорович у тебя — чудо человек и мухи не обидит, но на самом деле это не так. Неприятно, конечно, писать, но папа у нас всё время выпивает. Приходит домой, выпьет и начинает скандал. Да какой! Мы уже пустили квартирантов (при людях он паинька) чтоб его сдержать, но они ушли, и он опять разбушевался. Папа пошёл в своего деда — тот жену зимой на мороз из дома выгонял. Ну и у него это в крови. Когда у него был наган, он чуть не застрелил маму. А меня с 11 лет (как с фронта пришёл), во всю матом кроет, хотя я тогда была маленькая и ничего плохого не делала. И сейчас пьёт, губит своё здоровье. Мне и его-то жалко, и маму-то — за что терпит. Я только вступилась с ним говорить — мне попрёки: «на моей шее сидишь, мой хлеб ешь». Ну, представляешь, как пьяный человек начнёт говорить самое больное и колет. Насчёт тебя начинает. Я уже так изнервничалась, чуть к тебе не уехала. Да маму жалко — он без меня её будет больше обижать, я всегда боюсь даже ненадолго уезжать из дома.

Ты прислал мне 400 рублей, мне сейчас столько не надо. Мы сейчас живём лучше. Папа получил получку, немного мама подработала у папы в ликвидационном комитете. Ведь у меня сейчас экзамены, я дома, мне не надо на проезды и на завтраки. Я тебе 200 рублей пошлю обратно, ладно? Ты отправь их маме или сам немного поправься. Да и на дорогу мне 5-го не присылай, я получу стипендию, как раз за 10 дней до отъезда. Куплю билет. А ты немного поправишься. Чтоб не был такой худой, как я приеду. Только не выпивай!!!

7 января 1957 года. Горький.

Ваня, милый, кричи Ура! Твоя жена сдала на 5. Подруги мне говорят, ты потому не получаешь пятёрок, что держишься недостаточно солидно. Ну, я и взялась. Держалась так, словно не преподавательница меня, а я её экзаменовала. Ну, правда я всё знала. Сейчас шью себе халат. Вчера скроила. Шьём вместе с мамой. Часть

она смётывает, часть я. Сумеешь ли ты найти какой-нибудь класс к моему приезду. Временно комнат, по-моему, не дают. А класс, наверно, дадут — самый маленький. Ну и то ничего.

11 января 1957 года. Горький.

Ваня, я тебе в самой категоричной форме говорю — приезжай сюда. Перевестись при желании всё равно можно. У нас папу после ликвидации конторы усиленно зовут работать начальником базы — 1100 оклад. И он согласился, было, но ещё не оформился. И сходил поработал 2 дня. А это ведь ад! Погрузки, разгрузки, рабочих не хватает, шофёрам полтора месяца не плачено, сам ездил на все вокзалы. Оба дня грузил сам до ночи, пришёл в 12 ночи. Весь изнервничался, устал, голодный. Целый день на улице, холодно. Долго ли простудиться! Эта работа совсем не по нему. Что себя гробить раньше времени. Мы с мамой его сегодня целый вечер умоляли, чтоб от работы этой отказаться. А другую ведь найти трудно. Ему искать так не хочется. Так что пока будем жить только на пенсию 490 рублей.

Вчера была на концерте. Идти очень не хотелось. Эти дни что-то не высыпаюсь, да в субботу после биохимии мы устаём, она у нас до 6 часов. Ну, думаю, не пойду. А поразмыслила, и так меня затворничеством укоряют, и без мужа нельзя опускаться, и пошла. Кострица пел очень много. И всё его не отпускали. Но больше певца мне понравился чтец. Он так читал! Прямо потряс весь зал! Он читал Есенина, Симонова, Твардовского. Особенно Симоновское стихотворение «Сын» — это шедевр! В зале почти все плакали. Кажется, сам артист тоже плакал. На концерте были девочки из нашего школьного выпуска. Кто с молодым человеком, кто с мужем, а я была с твоим письмом. Мне было тоже хорошо, словно ты рядом. Ваня, постарайся обязательно получить комнату. Чтобы была с печкой. Я приеду — буду стряпать. Ведь надо за это время отдохнуть и тебе и мне. Ты уж добивайся, будь настойчивее. Если не будут давать, приври что-нибудь. Я уже хочу закупать продуктов кое-каких, чтобы тебя кормить, чтобы ты был толстый-толстый. А то, что на конверте кроме фамилии «Тарасов» надо обязательно писать имя, я не знала, если хочешь, я буду писать. Интересно, почему ты сам мне пишешь — «Кривойкиной».

29 марта 1957 года. Горький.

Вавуленька, милый! Не знаю, будешь ты меня ругать или хвалить. Но, милый, мне так хотелось, так хотелось! И я купила себе платье! Тебе понравится. Оно тёмно-синее, мне идёт и такое стильное... Узенькое-узенькое и в нём у меня такая фигурка! Откуда всё взялось. Даже тётя Таня сказала, что у меня такая правильная фигурка, что роды будут успешные. Оно стоит 400 рублей. У меня было 200, и 200 заняла. Очень уж мне хотелось к твоему приезду быть в новом платье. Ты доволен?

Как тебе понравилась посылка, я так рада, что тебе её послала, наверно больше, чем ты. Да, Ваня, а галоши-то ты себе купил? Ведь те рваные. Сегодня у папы справляли день рождения. Были Кривойкины, Таня, Катя. Я немножко спьянилась, а у меня это ощущение всегда связано с тобой, я ведь без тебя никогда не пью.

Ваня, а ты, правда, думал, что у нас не будет ребёнка? Отчего? И зачем мы его так рано родим? Родили бы позже, может он бы до коммунизма дожил, а так нет. И знаешь, над чем я всё время думаю, милый? Что тебе обязательно надо попасть в аспирантуру. Обязательно! У нас на днях была защита диссертации на кандидатскую степень. Если б ты знал, какую бедную диссертацию она дала! Почти никакой науки! А всё же ей дали защититься. И теперь всеобщее уважение. И зарплата 3200. И работу может искать и подавать на любой конкурс на место. Я послушала и с удовольствием бы стала пытаться идти по научному пути, но ведь у нас нет мест в научно-исследовательских учреждениях, да и женщине это гораздо труд-

нее. А ты бы мог стать и заведующим, и деканом. Получай 6 тысяч и поплёвывай в потолок. А интересно как! Надо бы тебе начать работать над этими рефератами и съездить в Москву, чтобы поговорить с людьми. Узнать, кто бы мог быть лучшим руководителем. С твоей трудоспособностью, да знаниями. Обязательно надо это сделать. Правда? Тем более, что в Ульяновске есть институт, а с учёными степенями, наверно, раз, два и обчёлся. Вот бы ректором быть! Ну, ладно, это всё мечты пока. Какой же ты молодец, что с планом закончил! Наверно, будет премия. Как хорошо! Бросил ли ты курить, Ваня!? Немедленно брось!

17 ноября 1957 года. Горький.

Сейчас, Ваня, мне деньги нужны до зарезу. Портной берёт за шитьё 400 рублей. Но тут ещё подкладка, вата, шёлк под воротник, и он гонит и гонит. Он сошьёт к концу месяца. Нужно бы рублей 500. Ждать ещё — так ведь холодно. Постарайся! Наверно ты выжал премию и сможешь мне столько-то прислать. Это самая главная вещь. На днях была в доме моделей. Какая это прелесть. Если приедешь, мы с тобой обязательно пойдём. Билет 3 рубля. Модели демонстрируют женщины и мужчины с хорошими фигурами. Такие интересные платья для дома, халаты, пижамы, костюмы, пальто. У меня разбежались глаза. Вот бы шить! Продают электрические швейные машинки за 900 рублей.

В университете нам сейчас читают такую общеобразовательную муть, которая нигде никогда не пригодится. Кажется, что я сейчас учусь только для диплома. А вот кройка — это, пожалуй, в жизни главное, очень нужное. Ведь если я сама себе буду шить, то сэкономлю массу денег. Сшить каждое платье — 100 рублей, плюс огромные затраты времени в беготне по портнихам.

Очень расстроилась, что ты простудился. Конечно, без пальто холодно, но главное, у тебя и шапки то нет. Поэтому и голову простудил. Надо голову греть грелкой задолго до выхода на улицу и пить пирамидон. Обязательно. Купил бы ты шапку. Хочешь, я пришлю тебе папину военную, на работу в ней ходить можно.

Вообще, мне так надоело учиться! Уже просто не знаю когда кончу? Оставил ты свою жёнушку, некому её вдохновлять, заставлять заниматься. Столько занятий, что домой раньше 6 вечера почти не попадаю. Себя считаю кем-то вроде солдатки.

Безобразие, конечно, что ты нисколько не ценишь нашу совместную жизнь и не стремишься к ней.

2 декабря 1957 года. Горький.

Начала делать курсовую, Варя на меня смотрит волком. Дала мне самую паршивую посуду, битую, так что горлышки у колб надо отпиливать и обжигать, а их у меня уйма — 90 штук. Но я не унываю, люблю тайную вражду с преподавателями. Моей натуре это иногда требуется, как глина для формирования организма детишек. Ты пишешь, Ваня, что мало отдыхаешь. Да, это судьба почти всех нас, молодых людей. Я после твоего отъезда вырвалась только один раз в кино, на «Аэлиту». Но кино на меня произвело меньшее впечатление, чем книга, так как сюжет упрощён. В субботу опять пойду на концерт Леонида Кострицы. Сейчас в Горьком столько гастролёров: Цфасман, Давид и Игорь Ольстрахи, Кострица. Жаль, что тебя нет, Ваня!

На кройке уже проходили бюстгальтер и трусы. Очень интересно. Но денег у меня нет (ничего, мы с тобой скоро будем богатыми!) и я себе не шила ни ночной рубашки, ни тебе ещё не шила рубашку.

Не думаешь ли ты переехать сюда. Мама говорит, что тогда летом бы перегородили дом напополам, чтоб было удобнее нам. Решись! Ведь работа и здесь есть. Сейчас пойду гулять или в кино. А то я совсем не гуляю.

5 декабря 1957 года. Горький.

Сегодня сделала маникюр, изумительно красивый, самый модный, с перламутром. Ручки стали такие хорошенькие, только тебя нет поцеловать их. Я тебя ждала в праздники, но ты пишешь, что работаете даже в воскресенье. Ну, неужели можно выполнить 150% плана?

К нам приезжал московский театр им. Маяковского. Там играют Самойлов, Свердлин, Козаков. Смотрела «Аристократы», впечатление огромное.

Тебе хочется купить приёмник, подожди немного, мне казалось, что сейчас всё же надо купить мебель. Пальто моё всем нравится, я в нём как куколка, говорят девочки. Приеду в нём в Ульяновск. Хорошо? Готовить будем вместе. Ты как раз получишь премию, и будем её проедать.

Я вышиваю дорожку на стол. Так хочется купить скатерть! Я во втором семестре буду получать стипендию и буду всё покупать. Столько всего нужно — ужас. Сегодня ходила в новом пальто в Главунивермаг, улыбнулась пару раз молодому продавцу, и он мне сказал, что завтра будут продавать ботинки «Прощай молодость». Куплю, наверно, так хочу, чтобы тебе было тепло. Ваня, а мне так хочется платье? Ведь я так давно ничего не шила. С 3-го курса таскаю своё голубое. А девочки наши себе нашили таких красивых шерстяных! Но я ничего, не завидую. Знаю, что муженёк меня при первой возможности нарядит.

19 февраля 1958 года. Горький.

Здравствуй Ваня! На самолёте я долетела хорошо, это, наверно, был единственный лётный день. Как приехала, пришлось бежать к Варваре Алексеевне, объяснять опоздание и говорить насчёт диплома. Она меня пробрала, что я не дала телеграмму. Сейчас с 9 до 10 вечера занимаюсь дипломной работой. Автобусную остановку у школы сняли, очень плохо.

Плохо ещё, что стипендии мне не дали, большая у тебя зарплата. В Горьком в продовольственных магазинах есть всё: перепела, тетерева, молочные поросята, копчёные языки в шпике и пр. Деньги, что ты мне дал на платье, конечно, ушли на питание. Отдала 110 рублей долга, и остались какие-то крохи. А ем за двоих, аппетит хороший. Теперь уж о покупках не думаю.

Я в Ульяновске подписалась на собрание сочинений Алексея Толстого в 10 томах. А здесь уже выкупила 2 тома Куприна. Очень этим довольна.

4 марта 1958 года. Горький.

Ура! Я закончила! Знал бы ты, сколько я работала последнее время. О! Приходила в университет к 10, назад домой — в 12 ночи. Даже не ела, некогда. Едва добегу домой и бросаюсь в кровать. Варя сказала, что работа у меня большая, новая, интересная и данных более чем достаточно на диплом. А аборт делать мне было бы не на что, на него — 50 рублей, а у меня сейчас ничего нет. И вредно. Нам теперь надо много денег на дитё, хотя его ещё нет. Надо одеяльце одно, другое, приданное, коляску, ванночку. А ты пишешь купить приёмник за 1500 рублей. По радио «серьёзную» музыку передают, а купим, давай, телевизор.

9 марта 1958 года. Горький.

Я как получила деньги, купила себе копчёную селёдку и сразу её съела. И пошла в кино на «Дело было в Пенькове». Очень понравилось. Ты смотрел? Завтра куплю тебе галоши. Сегодня папа калил яйца в печке, если ты получишь в посылке яйца, то не подумай, что они тухлые и потому чёрные, просто они калёные. Как жаль, что ты не приехал в Горький в командировку с Эмиром. Он приходил к нам с каким-то дяденькой. Принёс пол-литра. Этот дяденька всё рассказывал, что ты совершил подвиг. Залез в остановившийся молот.

Я из-за ребёнка очень расстраиваюсь. Так мне хотелось начать работать, заниматься общественной работой, стать человеком, чтоб у меня появились интересы коллектива! А теперь я что — ещё и на ногах-то не стою, и уже ребёнок. Правда, я знаю, что ты любишь детей, и тебе всё же хотелось ребёнка. Да? Ваня, пугает меня и материальная сторона с ребёнком с этим. Но живут же люди. Значит, и мы проживём. Я никуда не хожу, никого не вижу, только одна работа. Да ещё съестное покупаю. Я стараюсь себя не стеснять. Прошлый раз захотелось яблок — купила 2 раза по полкило. Захотелось мандарин — купила, жалею, что мало, всего 3 штуки. Но это, говорят, всё надо для развития дитя.

15 апреля 1958 года. Горький.

Здравствуй Ваня! Я так рада, что ты купил радиолу. Сегодня пойду в магазин глядеть, какая она из себя. На неё надо бы сверху салфеточку. Удивлена только, что ты меня не предупредил и не прислал ни капли денег. Какую ещё мебель ты хочешь покупать? Я заняла денег у Тани, мне надо их отдать приехавшей Люсе. А 6-го ты ничего не прислал. Мне отдать нечем, а Люске не на что питаться. Дома у нас нет ни копейки, только на трамвай мелочь. Вообще, мне твоя любовь к музыке обошлась не сладко. Я должна 200 руб. Ещё заняла 82 рубля. Кроме того, живот начинает прибывать. Мне надо другое бельё иметь, надо юбку особую шить, туфли нужны без каблуков. Всё это необходимо не когда-нибудь, а именно сейчас. Для ребёнка нужны витамины. Я и так 400 должна в кассу взаимопомощи.

У нас было распределение, мне дадут свободный диплом. А остальных в Приморский край, только никто не поедет, наверно. У меня нет 6 руб. свободных, чтобы у нотариуса снять копию со свидетельства о браке. А девочку иметь первую наоборот очень интересно. Она в куклы играет, и на неё шить можно. Помогать будет. А парень — шпана, только штаны рвать. Если будет парень, то первая покупка будет — ремень. Лупить буду!

Ваня, мне очень хочется сумочку. Ты, если хотел мне что-нибудь подарить на день рождения — вышли деньгами. Перестал ли ты курить и пить пиво? Смотри у меня! Береги себя!

5 мая 1958 года. Горький.

Получила от тебя сегодня перевод. Рада непередаваемо! Я уже давно мечтала купить себе пирожное, завтра куплю и съем за твоё здоровье.

У нас два цыплёнка сдохли. Папа пошёл в совхоз, взял с собой лягушат наших, показал там, и они говорят — это недоноски, мы с них сами шелуху яичную сдирали. Выдали ему других.

Я решила, что ты прав. Приеду в Ульяновск сразу после экзаменов, в июле. Ягоду можно и там покупать, подумаешь, десятка в день. Даром что ли я буду работать! Правда? А вдвоём тебе будет легче. Ходила по магазинам, но ботинок тебе не нашла. Выбрала тебе подарок на день рождения, дорогой-дорогой, в ювелирном магазине, импортный из Китая. Весь серебряный, резной — всякие деревья, шатры на серебре и с фарфором внутри, на фарфоре дракон. Такая симпатичная пепельница! Но всё же решила, что когда будет ребёнок, ты бросишь курить. Ведь тогда совершенно нельзя. Поэтому буду другой подарок тебе искать. Ваня, как ты с долгами разделываешься? Ну, ничего, скоро уж я приеду к тебе и буду тебя оберегать от долгов и от займов. Ищи мне работу, только попроще для начала.

5 июня 1958 года. Горький.

Идёт дождь, а мне так весело что-то! Ведь у меня есть всё: есть пальто, платья, туфли, образование, муж, который меня любит. Через месяц будет работа, а ещё через 5 месяцев у меня не будет живота и будет маленький ребёнок!

И впереди ещё такая длинная жизнь! И столько ещё будет счастья и горя, любви, разочарований, желаний и стремлений!

Мне хочется больше узнать и быть счастливой и независимой! И чтобы мы были молоды, кругом был бы мир, а вокруг все красивые и весёлые.

Читала твоё письмо и плакала. Как тебе тяжело сейчас, да ты ещё из-за пальто расстроился! У меня радость! И у тебя тоже. Он уже начал толкаться. Такие здоровые толчки. Наверно, это мальчик. А я так хочу девочку! Ваня, пальто покупали так. Твоих 500 рублей и 250 я взяла у Люськи. Потом мама сказала, что этот долг Люське она отдаст сама. И отдала. Это время она ходила на базар с редиской, салатом и луком и заработала. Папа не выпивает с твоего отъезда. Такой стал хороший, спокойный. Сегодня даже полы вымыл в кухне и коридорах. Я на еду денег почти не трачу. Но молоко покупаем почти каждый день. Сметану тоже, так как я ем салат. В нём есть витамин «Е», для правильного развития беременности. Конфет не покупаю, есть какао. Мяса не едим совершенно. Иногда покупают мне творог. Я так переживала, что забрала у тебя эти 500 рублей, просто места себе не находила. Пошла и сдала в комиссионку тот новый костюм, что ты мне подарил. Его уже продали, но денег не беру, чтобы не истратить. Не сердись за костюм. Я знаю, ты так любишь, когда я хорошо одета. Но стол нужнее.

1 июля 1958 года. Горький.

Вавуля, я сейчас поставила около себя зеркало, смотрю, какая я стала опять хорошенькая, жаль, тебя нет, ты бы не удержался поцеловать меня. И плащ бы мне купил. Хочешь, я тебе напишу свои расходы за этот месяц, чтобы ты знал, что я зря ничего не трачу. Вот смотри. Когда ты уехал, у меня разорвался капрон, он стоит 25 руб., и чтоб его не лишаться, я решила его починить — 6 руб. А так как он будет готов только 10.06, а другого у меня нет, пришлось купить новый — 13 руб. Потом расходов пошла уйма: бумага для печатанья — 20, переплёт диплома — 15, копия свидетельства о браке — 6, починка туфель — 6, фотокарточки преподавателей (они по 1 рублю, у нас все брали, хочешь, я пошлю тебе Варю и Соболева, гельминтолога с мировым именем, который уехал на Дальний Восток) — 12, общее фото — 30.

Как-то пришлось дожидаться Варю, и мы ходили на выставку кондитерских изделий в Эрмитаж. Но русский человек глазам не верит, пришлось попробовать. Купила пирожное, и оно оказалось такое противное, а с виду — чудо! Стоит 2,60 рублей. Была в Молочном кафе, некогда было сходить домой. Один раз: кофе, булка, салат — 7 руб., другой раз салат и хлеб — 5 руб., третий раз расстегай — 3 руб.

Зная, что нашему малышу нужны витамины, один раз купила 200 грамм изюма — 4 рубля. Потом томатный сок пила почти каждый день, в среднем поставлю 10 рублей. За месяц умудрилась 2 раза сходить в кино. Один раз с Колькой и его товарищем, на их деньги, а другой раз с Зиной. В кино съела мороженное, выпили бутылку воды и съели по коврижке. В результате — 7 рублей.

25 июля 1958 года. Горький.

Ваня, всю мебель мы купили, и папа отправил тебе её багажом. Встречай. Слушай, что сколько стоит: багет — 60, стол — 330, шифоньер с зеркалом — 1425, подвоз к вокзалу — 50, мешковина на упаковку — 45, переноска в вокзале и упаковка — 50. Итого 2023 рубля. Я всё выбираю, что из дома к тебе в Ульяновск забрать.

Сегодня попросила у папы кадки солить капусту. Но он не дал: говорит, бери гнётки, а кадки сами наживёте.

5 августа 1958 года. Ульяновск.

Дорогие мамочка и папа! Я доехала хорошо, Ваня встретил на машине. Всю субботу мы убирались. Повесили занавески, поставили шифоньер, стол, кровать,

С сыном Владимиром. г. Горький, 1959 год

вымыли окна, пол. Всё Ваня мыл, а я так по мелочи убиралась. Вся мебель дошла хорошо. В воскресенье с утра Ваня пошёл на базар, а я стала гладить себе платья. Он очень старается. Купил картошки сетку, моркови 5 пучков для меня, капусты, ягод, петрушки, луку, простокваши, сметаны, 3 огурца, мяса коровьего 200 грамм. Я сварила суп на 2 дня. Ваня такой чудак, так любит покупать всякие ненужные вещи, вчера купил чёрный поднос с росписью. Симпатичный, но зачем он нам. Сам был так счастлив этой покупкой, что я даже не стала его ругать, портить настроение. Долг 2000 мы отдали. Вчера Ваня получил за студентов 900 руб. и получку.

А в субботу вечером ходили в ресторан с Колькой и Борисом. Они пили пиво, а я крем-соду. И выпила почти целую бутылку, потом Ваня у меня её отобрал.

Ваня на прошлой неделе подал заявление об увольнении, которое мотивировал тем, что меня никак не устроит на работу. Сейчас директор в отпуске и его замещает другой. А тот директор сделал Ване столько хорошего: вот комнату дал, 1000 руб., обещал в заочную аспирантуру устроить, меня устроить, вообще возлагал на него большие надежды. Начальник цеха должен скоро уйти на пенсию, так Ваню хотели на его место, ну ему было бы очень неудобно подавать директору заявление об увольнении. А пока его нет — свободнее. Но всё равно начальник цеха три раза ходил к и/о директора и просил и меня устроить и его не отпускать. Директор, когда уезжал, тоже велел не отпускать.

Директор скоро приедет, а у меня будет почти 7 месяцев беременности, мне надо в декрет уходить. Но моё заявление на заводе лежит.

Да, мама, что же ты сказала по телефону: «Ваня, ты думаешь о будущем?» Он всё время думает, что это значит, то ли о ребёнке, то ли о Горьком. Так и понять не может. Но думал-думал, где денег взять на приданное, и подал рацпредложение. Вчера принёс квитанцию, дадут, наверное, 600 рублей. Это на приданое дитю.

25 сентября 1958 года. Горький.

Ваня! Ну, представь себе, я купила тебе пальто! 48 размер, рост 2. Примеряли на всех молодых людей, похожих на тебя фигурами — сидит хорошо. Сшито хорошо. Потом ходил папа мерить, и мы решились.

Доплыла я хорошо, по палубе гуляла всё время. Приехала в Горький в 7 утра, меня встретили. И целый день у меня зудели руки, как же, деньги есть, надо скорей их истратить. Когда я приехала, денег у меня осталось 757 рублей. На другой день мы с мамой пошли по магазинам. Мне было очень жаль тратить на мальца, но всё равно извели 150 руб. Купили белого материала на пелёнки, фланельки немного, винограду 300 грамм, конвертов 10 штук. А у меня была одна гениальная смелая мысль. Оформила я её ещё в Ульяновске, но молчала. У меня осталось 606 рублей, и я пристала к маме, возьми да возьми материал, у Вани есть теперь синий костюм, ему теперь не надо. Но она ни в какую не соглашалась. Затем говорит, ну ладно, если уж Вы так хотите, я отдам за него денег 440 рублей. Я в душе лелеяла мысль, что добавлю рублей 150 и куплю тебе бушлат. Помчалась смотреть бушлаты. Есть по 580, но никакого вида, рабочая одежда, даром 600 рублей тратить. Вдруг я смотрю, рядом на прилавке разложили пальто за 865 рублей. Стояли-стояли, смотрели-смотрели, отложили и поехали за папой. Приехали домой, у мамы было только 300 рублей, я взяла свои 600 и поехали назад. И зачем тебе бушлат, опять плохая одежда, а выйти в чём? Из старого пальто Тамара тебе бушлат сошьёт. Папа мял, гладил пальто, понравилось оно ему. Попросил показать за 1200. Ну, ничем не отличаются, только цвет хуже. Папа стал мерить, показалось ему, что рукава коротковаты. Принесли со склада ещё одно пальто. Это понравилось всем гораздо лучше. Ну, его и взяли. Осталось у меня денег 30 рублей. Ты мне вышли рублей 100, я здесь очень сожмусь. Хлеб, каша, сливочное масло у меня всё есть. И ты тоже поэкономь. Никакого пива. Мама говорит, что материал она, наверно, продаст, а то нет денег, а пальто купит готовое на будущий год.

1 декабря 1958 года. Горький.

Володенька у меня герой! Была с ним в консультации. И знаешь, сколько весит? Угадай? Почти 5 кг. Там все так и ахнули. Врачиха говорит — вот богатырь, так богатырь! За кормление он высосал 100 грамм. Это нормально. Вчера папа купил мне грецких орехов. Ела-ела, пила-пила. Молока стало больше, и сегодня Володя спокойный. А то первый день после твоего отъезда он всё кричал криком. Чтобы мальчик не зажирел, теперь его раскрываю и делаю с ним физкультуру.

Как ты, наверно, скучаешь о нём, милый! Но всё равно, дорогой папочка, ты должен писать сначала «целую тебя, а потом уж малыша», а не наоборот, т.к. я самая главная. Понял, мой милый?

10 декабря 1958 года. Горький.

Здравствуй Ваня! Как ты там один, без нас с Володей! Он сейчас лежит в кроватке и сосёт соску (представь, полюбил!). Ты прислал мне деньги и мой покой нарушился. Я помчалась и купила гранёных стаканов по 16 копеек, тебе белую китайскую рубашку и 2 пары носков, Володеньке одеяльце новое, а то старое он всё просикал. Теперь надо продукты покупать. Так хочу мяса, мяса, мяса!!!

Папа вчера ходил в институт, говорил с Живчиковым. Он говорит, что из института сокращают 75 человек. Я всё думаю, стоит ли переводиться сейчас. Может лучше тебе отработать 3 года, поступить в аспирантуру и потом? Ведь Горький от нас не убежит. Очень трудно тут. И с хозяйством тьма работы. И вода, и печи, и вёдра выносить. И всё не хозяева. И папа такой циничный, грубый. Я молчу, конечно, но всё равно, эта мелкая грубость портит настроение. Ну, к примеру, не скажет — «Мне каши много», а обязательно «Вот! Сколько ты мне каши набуздала!» Скажу, не подходи накуренный к ребёнку, опять никаких результатов. И так всё время. Считаться не хочет. И пусть будет у нас полдома. Но, как подумаю, что будет у моего ребёнка такая же речь (ведь если мы будем на работе, он, естественно, будет

с ним), глупое ухарское поведение, расшатанные нервы, так очень крепко задумаешься. Папа страшно мечтал о внуке, и, конечно, чтобы тот его любил, будет всячески баловать. Потом мы всё время на глазах. Может, я не совсем права, так бы хотелось с тобой поговорить. Может, успеем ещё сюда. А в Ульяновске мы всё же люди, а здесь так, мелкие сошки. Володенька стал большой, большой. Уже купила ему погремушку и он, представь, за ней глядит и даже иногда улыбается. Вчера давала ему сосать яблочко. Так ему нравится! Но боюсь, больше пока давать не буду. Очень будет хорошо, если дадут тебе премию. Пришли мне деньги.

Я куплю кое-что из продуктов. И потом, мне хотелось бы купить пуховый платочек себе и Володе кое-что из одежды.

26 декабря 1958 года. Горький.

Здравствуй Ваня! Какой ты у меня молодец! Как я жалею, что не могла видеть, как тебя поздравляли, как вручали Грамоту! Сейчас уже начала укладываться в Ульяновск. Когда ты накричал на меня по телефону, что я должна ехать, честно говоря, мне это очень понравилось. Если у меня есть свободная минутка, то я шью. Вообще так располнела от кормления Володьки, что не знаю, в чём буду справлять Новый год, ничего не лезет. Хочется вырваться в кино, но мой мальчик меня никуда не пускает. Когда уж он будет подрастать! Давно бы я приехала, но боюсь. Кроме этого, Володенька учится говорить. Ему хочется сказать «Гу». А плохо получается. И он стесняется... А останется один, упражняется. Такой милый! Мне так интересно, как пойдёт у нас жизнь втроём! У меня муж, сын! Боже! Какие мы взрослые.

29 марта 1959 года. Ульяновск.

Дорогие мамочка и папочка! Так давно не писала Вам. Не сердитесь. День так быстро пролетает. С коляской мы стали помногу гулять, а вечером стирала. Коляска удобная, сверху тент из материала. Стоит 300 рублей. Посылку получили. Володеньке пальтишко очень хорошее, чуть-чуть великовато. Спасибо. Но как ты, мама, наверно измучилась, ведь надо и работать ночами и шить. Ты больше не шей, побереги себя. Плохо, у меня сумки нет. Если ещё будите посылать посылку, вложите сумку. Но гостинцев никаких не посылайте, сейчас здесь всего много. Печенье очень вкусное, я их очень люблю. Пробовала сама печь, но забыла положить масла, и они получились как деревянные и сгорели. Соседка Тамара поругалась с мужем и сейчас не шьёт, но ты мне посматривай материал рублей по 100 на костюм. Если достанете Ване босоножки — то же хорошо. Володенькиным питанием чрезвычайно довольна. Ничего не разбилось. Открыла баклажаны с молоком, очень вкусно. Дала ему немного, и мама съела. Володя ползает, сидеть начинает. Всё время орёт «Э-Э-Э!» Как на лошадь. И всё с такой решительностью. Мы с ним ходили гулять вечером вчера. Нагулялся он и заснул, а мы гуляли до пол 11 сами, одни. Пели песни. Так хорошо с коляской. Я всё хочу похудеть, но Ваня заставляет есть и покупает всяких вкусных вещей.

Он получил за Красное Знамя (февраль) премию 900 рублей. И к маю получит опять премию, так как в этом месяце ему присудили Красное Знамя.

17 августа 1959 года. Ульяновск.

Дорогие мамочка, папа и Володенька! Пишу на работе, а то дома некогда. Кончаю в 5 часов, потом иду в магазин за продуктами, готовлю. В 19.30 приходит Ваня, потом до 10 вечера занимаемся с ним моей технической подготовкой. Я работаю уже 5-й день. Хожу на работу в полосатом платье, у нас в техсекторе все хорошо одеваются. Мне, конечно, очень трудно. Ничего я не знаю, но хочу всему научиться. Вчера работала на прессах, как прессовщица. Пресс-форма горячая, 160 градусов, берёшь её в рукавицах, разбиваешь молотком, чтоб раскрыть. Очень мне нравит-

ся, а то я пойду показывать, как работать, а сама не умею. Зарплату в 950 рублей мне не дали. Главный технолог сказал — молода ещё, пусть поработает, поучится, нет денег, фонды малы. Но я не тужу, Ваня тоже. Читаю книжки по пластмассам. Все здесь такие бойкие, смелые (работают по 3–8 лет), даже не знаю, когда я буду такой. Говорят, через полгода освоюсь.

Плохо, что я ничего не понимаю в чертежах, а по ним надо разрабатывать технологию. А я не знаю, как составлять технологию, так как не знаю даже названия инструментов: свёрла, надфили, 3-х кулачковый патрон на токарном станке. Освою со временем. Тамара говорит: «Ты бы шла в портнихи, у тебя призвание».

Я купила в воскресенье сумку чехословацкую за 50 рублей ходить на работу. Починила босоножки за 30 рублей. Как Володя без пинеток, нигде их нет. Времени послать посылку даже нет. Уже в 9 вечера так захотела спать, что клевала носом и не могла слушать Ванины объяснения про токарный станок. Здесь все кто техникум, кто институт закончили, а я как после 10-го класса.

Мама, ходила ли с помидорами на базар, здесь они по 6–7 рублей. Дорогие. У нас в саду яблоки на некоторых яблонях есть. Ходить поливать не ходим, далеко. Но мы всё равно очень довольны, что у нас есть куда поехать и где поработать. У нас там очень хорошо, воздух такой чистый и аппетит хороший.

В эту получку Ваня меня задарил подарками. Принёс бутылку портвейна, конфет и мне купил туфли цвета беж с пряжкой на микропоре без каблука, осенние, чешские. Стоят только 100 рублей. Подарил набор духов. Такая пятиугольная коробочка, в ней 5 флакончиков. «Красная Москва», «Огни Москвы», «Щит», «8-е марта», «Мак». Очень симпатичная коробочка. И подарил чудесную брошку золотую с разными камушками. Стоит 180 рублей.

Мы отпраздновали, получился праздник в честь меня. Мама, на работу я хожу в серой жакетке, на голове ношу газовую косынку, она мне очень нравится. Сегодня я завилась спереди в нашей парикмахерской. Мама, не сердись, что Володенька полностью не одет. Подожди, может я ему сошью штанишки и рубашонок. Если у Вас есть в продаже, напишите, вышлю денег.

23 ноября 1959 года. Ульяновск.

Я сегодня дежурю, с 8 до 4, и на дежурстве скроила себе сатиновый халат для работы и частично сметала. Только не знаю, когда с Тамарой шить будем. На праздники наверно поедем в Мелекесс. Хорошо бы не поехали, я бы дома лучше отдохнула. Приходили ли к Вам квартиранты? Будите ли пускать?

Володя первый раз боялся мыться в ванной, пришлось даже мне залезть с ним в ванную и держать его на коленях. Второй раз мылся с удовольствием и под душем не боялся. Вообще он вырос, дедушка приедет — удивится. Он всё спрашивает: «Где Фёдорыч?», «Где счётчик?» А из кровати выскакивает прямо через сетку на пол. Такой отчаянный. Володя с Игорем играют довольно хорошо. Это лучше, что у нас соседи. Володя приучается к обществу и понимает, что чужое нельзя брать. Папа теперь без Володи наверно ещё больше курит. Папа, не кури много и напиши как у тебя дела по борьбе с выпивкой.

У нас в Ульяновске даже водки нет, очень трудно найти. Вы теперь много работы в огороде проделываете, а мы, наоборот, ничего не можем сделать. Ваня приходит в седьмом часу, иногда и позже. Мы, конечно, устаём, но не чрезмерно уж. Вчера была наша очередь мыть полы. Ваня опять мыл в коридоре и кухне, а я — в нашей комнате и гладила и меняла постельное бельё. Варила картошку с грибками. Но Ваня ещё устраивал до полов телевизионную антенну, и так устал, что лишился аппетита. Я поела, а он голодный лёг.

Мы Володю в ясли водим вместе и вместе идём на работу. А он только всё время в яслях твердит: «Где мама? Мама на работе? Где папа? Папа на работе?» Не хочет показывать ротик, а когда утром приходим надо обязательно показать. Ну, уж от него отступились.

25 февраля 1960 года. Ульяновск.

Дорогие мои любимые мамочка, папа и Володенька! Как Вы живёте, здоровы ли? Я никак не отправлю Вам деньги, хотя получила получку 19 февраля. И посылку надо отправить — и всё никак.

Вчера к Ване приходили студенты, сидели, консультировались. Комната занята. А с сегодняшнего дня и до 8 марта у него начнутся военные занятия. Приходить будет поздно, но у меня будет время шить. Я купила на платье синего с белой пестринкой материал и отдала его вместе с зелёным материалом шить в ателье. Очень боюсь, чтобы не испортили. А дорого-то как. 106 — платье без рукавов, 113 — платье с рукавами зелёное, 51 — юбка. Да плюс за 2,5 метра нового материала заплатила 130 рублей. За шитво аванс отдала 130 рублей.

Папа, кушает ли Володя сам ложкой? Я смотрю, у кого дети такие, как Володя, все едят и пьют сами. Надо ли ему ботинки, и какой размер.

У нас сейчас с деньгами очень-очень туго. Потом, может быть, куплю. Я так, мама, жалею, что ты тогда не купила Ване босоножки! Столько о них говорили, мечтали — и не взяла. У него обуви не осталось. Чёрные уже дырявые, выходные и те уже плохие. Мне Катя привезла из Москвы лифчик без бретелек за 25 рублей, теперь можно шить летние открытые платья.

Мама, мы в воскресенье купили 6,5 кг. говядины по 14 рублей, большой кусок от задней ноги. Теперь только готовь. Так удобно покупать сразу побольше мяса. Мы храним его за окном. Папа, ездишь ли ты в автобусе бесплатно? Закончил ли с зубами? Хватает ли у Вас дров, всё же на Володю идёт много топлива. Я всё жду не дождусь, когда мама закончит дежурить по ночам. Какая жизнь хорошая у Вас настанет. Мама, как только достигнешь пенсионного стажа в 20 лет, тут же бросай работу. Не порть своё здоровье из-за 20 рублей.

5 марта 1960 года. Ульяновск.

Я очень рада, что Володя ест не детское питание, а настоящую кашу. Только пусть ест сам, не заставляйте его есть силком.

Папа, ты не тужи, что нет пальто, купите летом, а демисезонное у тебя есть. Володе, если сможете, купите ботиночки сами. У нас нет его размера. Да мы и не знаем этот размер. Ване надо бы босоножки за 120 рублей, если будут — берите. А на туфли у Вас денег не хватит. У нас пока нет ни денег, ни туфель.

Я сегодня пойду мерить платье. Что-то зелёное мне шить не хочется. Не знаю, забрать что ли из ателье обратно.

Мама, я купила себе ещё на платье ситцу китайского, точь-в-точь такого, как папа тебе дарил, когда я родила, и что мы с тобой неудачно сшили. Поперечные полосы красные, с седым узором, а само поле белое.

Я очень боюсь, что в отпуске мы не отдохнём, а, наоборот, до ужаса устанем с этим сорванцом и баловнем Володенькой.

16 марта 1960 года. Ульяновск.

Дорогие мамочка, папа и Володенька! Получили Ваше письмо с фотокарточками. Мы с Ваней так счастливы, что у нас такой хороший и большой сыночек! Как он вырос! Из глазок смотрит целый мир собственных мыслей. Такой серьёзный. И вылитый — я. Мы уже не дождёмся, когда его увидим, и он будет наш. Ведь он нас совсем не знает и не любит. Будет кричать: баба и диди хорошие, а Вы плохие.

Папа, нет, мы его, конечно, хотим взять, это на меня так, нашла минутная лень. Ребёнка обязательно надо самим воспитывать. Спасибо, что хоть этот год отсидели.

Ваню вчера перевели на 7 часовой рабочий день и дали оклад 1500 рублей. Мама, я тебя попрошу, напиши письмо т. Сане, чтоб она спросила у бабушки крещёная я или нет. Только побыстрее и обязательно. Здесь все спрашивают, а я не знаю. Напиши, как тебе сшить платье и поправилась ли ты, чтобы не переделывать. Пуговицы тебе дала напрокат, у меня к твоему платью есть ещё хорошие, синие. Я завтра кончу своё платье в клетку и начну шить халат. А то весной ходить будет не в чем. Папа, закончил ли ты с мостами, так хочется тебя видеть со вставленными зубами.

Ваня у меня позавчера целый вечер стряпал пельмени по «мелекесски», какие они с Федянькой когда-то делали. Прокрутил мяса, нарубил картошки и лука, заворачивал красиво. Проделал их весь вечер, а стали варить, какие-то невкусные. Я и высказала своё мнение. Он так расстроился — ужас. Чуть не поссорились. А наделал он их очень много, вчера пришлось варить как следует, да со сметаной — были вкусные.

У меня накопилось много стирки, а стирать неохота. Придёшь, сготовишь, хочется пошить и часов в 10 лечь спать. Думаем купить стиральную машину. Замок к двери Ваня ещё не сделал, поэтому деньги дома не держим, кладём на сберкнижку. Очень хочется купить мебель, а Ваня копит на холодильник.

Я же записалась в очередь на пианино, хотя стоять за ним надо лет 5. И Володя, может, играть не захочет. На холодильник наша очередь продвигается очень медленно, не раньше, чем через 2 года. Ваня хотел достать через кого-то, но, думаю, вряд ли получится. Летом очень плохо без холодильника. Прочитала недавно книгу «Секретарь обкома». Интересная.

21 апреля 1960 года. Ульяновск.

Дома так много работы было, всё перекипятила, перестирала, перегладила. Квартиру убирали, да ещё к маю хочу себе платье сшить из крепжасмина. Осталось подшить ворот и переделать рукава. Шью новым фасоном с выкройными бочка́ми. А Володе я купила замечательные штаны. Немецкие. Из такой байки, как из замши, с белым кантом, серые, с интересными карманами, даже для карандаша есть карман — пистончик. И всё в пуговицах и даже с вышивкой. На подкладке. В огороде мы ещё ничего не делали, только выдергали прошлогоднюю траву.

Как Ваше здоровье? Мама, у нас против чирьев, болячек на голове и прочих воспалений и раздражений применяют мочу. Намочи тряпочку и прикладывай. Очень боюсь, что у Володи много глистов. В мае Ване обещали ясли. Соседка Тамара скроила бордовое платье, и я его шью на её электрической машинке. Машинка немецкая, 1200 оборотов в минуту, очень хорошая.

За покупки очень благодарны, только с долгом просим подождать немного, так как нам обещали достать холодильник, тут день рождения мой и Первомай. Пока деньги нужны. 23 числа пошлю как обычно 20 рублей. Мне Ваня подарил очень красивый платок, на белом капроне красные цветы. Он приходит поздно, но мы не ссоримся. Я вот в лето совершенно раздетая, только пока костюм и одно платье. Даже ситцевого ни одного нет.

11 мая 1960 года. Ульяновск.

Любимые мамочка, папа и Володенька! Большое спасибо за подарки! Комбинация очень хорошая, чулочки такие тёплые — прелесть, платочек, бусы мне такие давно хотелось, брошечка такая весёленькая. Цветам тоже рады, вчера вечером ездили и всё кроме георгинов посадили. Особенно рада флоксам. Как вы о нас всё время заботитесь. Денег мы 5-го не послали, оба положили на книжки, а вышлем

20-го. Потерпите? Мне платье в ателье испортили, и я отказалась его брать. На эти деньги куплю другое, только бы не носить платье их пошива. В саду всего насадили, только помаленьку, ходим поливать.

9 мая мы отметили День Победы. Выпили за наших отцов, что воевали, и за матерей, что трудились в тылу. Я вспоминала, за что, папа, ты получил орден Красной Звезды, и не помню. И много, что ты рассказывал о своей фронтовой жизни — не помню, была молодая и глупая. Премию за февраль нам отказали, а там 460 рублей, жалко, конечно. Мы с 1 июля переходим на 7 часовой рабочий день. Меня переведут на технолога и дадут зарплату 950 рублей. Я очень довольна, так как ещё бывают премии. Ваня в Ваших ботинках ходил, немного ваты набивал в носы, так они ему хороши. А тельняшку твою, мама, носит не снимая.

В это воскресенье были в саду, копали, пекли картошку, жалко только, что нет избушки. Капуста у нас принялась. Как у Вас в огороде? Володя, наверно, мешает? Сегодня мы идём в театр, иду в бордовом платье.

В прошлое воскресенье познакомилась с Ваниным начальником цеха Буслаевым. Ужасно интересный, 52 года, в коричневой велюровой шляпе, габардиновый плащ, а сам такого типа как Хрущёв. Очень живой, энергичный. Культурный. Бывший горьковчанин. Всё про себя рассказывал, как рыбалку любит, и за 3 майских дня наловил 10 пудов воблы. Купил своего «Москвича». Он нам симпатизирует.

Ваня принёс 5 петухов и 5 кг курицы, буду варить. Я теперь сравниваю нашего папу с другими мужчинами, больше узнаю жизнь и понимаю, что он — хороший, и всегда хорошо относился к семье и к маме.

22 мая 1960 года. Ульяновск.

Сегодня я дежурю с 4-х до 12 ночи. Днём отправила Вам деньги. Ваню в субботу проводила в Куйбышев на воскресенье. Борис Наумычев был там в доме отдыха, ходил по магазинам и видел телевизоры. И Ваня загорелся купить. Я препятствовать не стала, пусть съездит на пароходе, посмотрит, хотя абсолютно уверена, что ничего не купит.

В Горьком Климов объявил приём в аспирантуру. Ване хочется поступить, всё же у него есть способности. Но там зарплата только 700 рублей. И я, если устроюсь, то рублей на 500. Так материально жить самые лучшие годы обидно. Тут при большой зарплате и то не могу экономно хозяйство вести.

И ещё мне нравится, что на заводе у нас такое покровительство со стороны директора, жаль его терять. Думаю, Ваня не решится. Володе я ещё нашью штанишек и рубашек и пришлю. Что Вы стряпаете? Мне хочется кислых блинов со сметаной. Но не делаю, Ваня не любит мучное. У нас на работе все такие жирные. Катя — 70 кг., Маша — 73 кг. Все стараются худеть, не есть мучного и сладкого, а аппетит у всех волчий. Мы все трое подобрались с волчьим аппетитом. Правда, я похудела и вешу 60 кг.

26 мая 1960 года. Ульяновск.

Вчера Ваня привёз нам телевизор. Поехал в Мелекесс и там, в магазине, увидел телевизор «Темп-3». Они продавались по списку. Он целый день упрашивал продавщицу, и к закрытию магазина она ему его отдала. Стоит 2600. У матери выторговал детский гобеленовый ковёр, нарисована Красная шапочка и Серый волк. Стоит 180 рублей. Ей прислал Володька из Германии, и сестре Клавдии тоже. Мать денег не взяла, а когда, говорит, будем ремонтировать дом, Вы мне поможете. Ваня купил тумбочку под телевизор, такую же, как под приёмник, за 226 рублей. Соседка Тамара бегала с сантиметром замеряла наш экран и свой. У нас 35 на 26 см., а у них 29 на 21. Наш больше, и внешнее оформление красивое, а у неё просто коричне-

вый ящик — «Старт-2», стоит 1700. В Мелекессе у Вани много знакомых и там же, возможно, купим стиральную машину.

У меня теперь забота, пошить Володе костюмчик из своего коричневого платья, для меня из него ничего не получится. И раскроила свою зелёную юбку, хочется сшить ему курточку. Да надо ещё купить материала на летние рубашечки и штанишки. Прямо не знаю, как успеть, у меня в запасе всего один отгул. Ваня эту неделю работал во вторую смену. А днём ходил и искал антенну для телевизора, их негде нет.

8 июня 1960 года. Ульяновск.

Дорогие мамочка, папа и Володенька! Давно не писала, всё некогда. Мы согласны послать 400 рублей. Нам трудновато, но обойдёмся. Володе я купила летний костюмчик венгерский за 80 рублей. Шёлк с шерстью, синий, стильная курточка и коротенькие штанишки. На курточке вышита собака и кармашки хорошенькие. Купила ему чёрные шёлковые трикотажные трусики и 2 пары носочков. Купила ещё шапочку меховую за 67 рублей и ситчику на пододеяльник. Завтра отошлю посылкой. Ваня всё время ходит, но ясли пока никак не выхлопочет. Вы, наверно, так устали с ребёнком. Побольше лупцуйте его, пусть слушается. Нельзя ли папе, как персональному пенсионеру, выхлопотать ясли. Я получила 300 рублей премии. Ваня о ней не знает, 200 пошлю Вам, маме на валенки. Только по пустякам не тратьте, а тратьте на дело. Володю больше не балуйте. Не к чему ему расти в барских условиях.

Что получили деньги, нам не пишите. А 100 рублей оставлю Ване на подарок. Деньги у нас есть, так что не беспокойтесь.

20 июня 1960 года. Ульяновск.

Получили от Вас такое страшное письмо, какое счастье, что папа затушил пожар и не допустил, чтоб он разгорелся. Сколько ты, папа, наверно пережил в эти минуты. Папа, очень я тебя жалею, что у тебя опять радикулит. Мне сказали средство, очень, говорят, радикальное. Взять пресноводную губку бодягу и размешать её с подсолнечным маслом, потом натирать спину. Попробуй. И постарайся сократиться с курением, не будешь так кашлять. Мы в воскресенье ходили в сад на целый день. Поливали, рыхлили. Ваня поливал, говорит, принёс 50 вёдер воды. Плохо без водопровода, но может скоро проведут. От нас в 200-х метрах течёт Волга, Ваня купался, а я нет. Вода грязная, не хотелось пачкаться.

Я сшила себе очень хорошенькое, голубое с белым в клеточку, платьице. Оно мне очень нравится. Стираю его и снова одеваю.

26 июня 1960 года. Ульяновск.

Мы с Ваней ездили в сад. У нас столько виктории — ешь, ешь, а она всё не кончается. Первый раз в жизни ем её досыта. Домой набрали большой пакет. Это ещё в субботу Ваня ездил и набрал стаканов 5. Сегодня работали в огороде с 12 до 4-х дня очень интенсивно. Потом пошли в магазин, купили мне белого пике на блузку по 51-60, полтора метра. Хотели Ване рубашек купить, но трикотажных нет. На работе у меня дела идут нормально. 7 часов работать значительно лучше, чем 8. Но шить всё равно времени нет. Так долго шью себе ситцевое платье. Кроме него, взялась немного переделать своё серенькое платье за 230 рублей, которое носила беременная. Надо обновлять летний гардероб. Мама, те ситцы, что я прислала, используй так. Из синего сшей себе платье, он посимпатичнее. А белый используй на пододеяльник. Мама, тебе хочется работать на лотке? Да? А мне Володю брать не очень хочется, так как к тем, кто бюллетенит (а с ребёнком неминуемо будешь), отношение нехорошее. А так я не одного дня за год не бюллетенила. Сегодня мы: Катя, Маша, старший мастер Корольков и я ездили на другой завод нашего сов-

нархоза — «Володарский», тоже на участок пластмасс. Туда собрались технологи по пластмассам с других заводов. Нам читали лекцию и водили по участку. Очень плохо, что я не специалист, чувствуешь себя как неграмотная.

У меня износились туфли, никак не соберусь в город купить новые. Мама, я очень сочувствую, что у Вас нет дополнительных доходов. Тяжело ли Вам жить, что стали мы денег посылать меньше, или незаметно? Мама, не купили ли тебе валенки. Обязательно купите. Постарайтесь накопить.

11 июля 1960 года. Ульяновск.

Дорогие мамочка, папа и Володенька! Мы вчера ходили в лес за земляникой: Катя, Маша и я, с мужьями. Собрались в 4 часа утра и шли за 12 километров. Но сборщики мы оказались не очень ярые. Собирали часов до 12. Потом устали, жарко. Стали просто отдыхать. Мы набрали 2/3 эмалированного ведра. Свой садовый участок мы запустили. Ваня работает во вторую смену, приходит поздно, утром спит. Я тоже не могла, так как к вечеру у нас были чуть не каждый день дожди. Капуста наша замокла и наверно погибнет. Хотя в прошлое воскресенье были в саду. Ваня ловил рыбу, и мы в саду же сварили чудесную уху. Ели её ложками, сделанными из выдолбленных огурцов и надетых на палочки.

Я себе перешила бежевую юбку. Она мне была широка, так как я похудела, по сравнению с прошлым годом. Мамочка, сегодня тебе купила в подарок хорошенькую вигоневую кофточку, тёмно-голубую. Тебе будет очень к лицу с чёрным сарафаном. Вырез большой. Можно одевать манишку или голубую блузку, бывшую мою. Папа, в субботу я слушала лекцию о вреде курения. Там рассказывали, что главная болезнь курильщиков — это радикулиты, протекающие очень остро, так как никотин действует на нервные клетки и отравляет их. Кроме того, курение вызывает неврастению. Человек становится раздражительным, теряет работоспособность. Я увидела, какой ты яркий пример заболеваний от курева. Нечего винить простуду, в этом виновато курение. Давно бы надо сократиться, видя, что плохо себя чувствуешь.

Мама и папа! Очень Вам сочувствуем, что Вы устали. Крепитесь. Потерпите до сентября, там мы приедем и Володеньку заберём. Будет Вам полегче. Папа, как Володя забавно кричит по телефону «Аллё!» Нам так понравилось. Мама, спасибо за ситец. Но в этом году шить не буду.

15 октября 1960 года. Ульяновск.

Дорогие мамочка и папа! Сегодня получили Вашу посылку, очень довольны, особенно кастрюлькой. Постного теперь надолго хватит. Володя целую неделю проходил в ясли. Последний день уже не плакал почти, когда мы уходили. А сначала просто ужас. Нас так ругали — такой ужасный ребёнок, никакой управы на него нет. Ставили в угол, теперь и в яслях воспитывают. Стал немного лучше, уже нет того — «не дам ножку, не дам ручку». Мы его будим в 7 утра, немного поест и идём в ясли, благо, что они находятся в нашем же доме. Там ставят градусники, и мы уходим. Он очень трудно привыкает. И спать не ложится и есть, не ест. И детей боялся, сейчас чуточку привык.

Сегодня я купила полку для посуды за 25 рублей, очень довольна, теперь у меня кастрюли не будут на полу стоять. Володю укладываем спать в 8 вечера. Положим в кроватку, выключаем свет, и он пикнуть боится. Минут через 20 засыпает. «Балда» всё ругается. За неё ставим в угол. Но вообще с ним очень интересно и хорошо. Представляю, как Вы без него скучаете. Но пока приезжать не надо. А то он дедушку увидит, и все плоды нашего воспитания пойдут насмарку. Скажешь: «Володя диди письмо прислал». А он — «Чтоб Володя морковку кушал», знает, о чём

Вы пишете. Ваня мне очень помогает, сейчас я пишу, а он полы моет. Я пока ничего не шила и не думаю об этом. Стараюсь, чтоб было всё для Володи.

1 ноября 1960 года. Ульяновск.

Молодец папа, что написал Микояну. Правильно. Теперь надо ждать ответ. Володя к яслям привык. Его хвалят. Дедушку и бабушку вспоминает редко. Но всё же вспоминает. Ваня на днях спросил его, «ты помнишь дедушку?» — «Помню». «А какой он?» Володя думал-думал, и так вопросительно, глядя на нас, говорит: «Красивый!» Мы так хохотали.

Вчера получила от Вас посылку — большое спасибо. Такая тяжёлая — едва её допёрла. Всё думала, что там такое большое. Может шубка? А там плюшевый Мишка. Володе он очень понравился. У него был Зайка тоже большой, целулойдовый. Унесли у Пети, так как Володя ни за что не хотел с ним расстаться, а теперь ещё Мишка. Спал сегодня с ним. Он сразу было попросил бумагу и карандаш писать письмо диди и бабе, но тут же переключился и стал рисовать собаку «Тузеля». За перчатки и чулки большое спасибо, а то здесь нет. Вчера хотела купить капрон — нет. Нет лекарств, пришлите кодеину и пенициллину. Яички дошли хорошо, ни одно не разбилось. Пока бюллетенила с Володей, Вам письмо написать не смогла, не было ручки и чернил. Надо купить. А то врач пришёл, а рецепт писать нечем, даже карандаша нет. Ваня вчера припёр антенну для телевизора и поставил на крышу, должна теперь принимать ещё одну станцию — Казань.

20 ноября 1960 года. Ульяновск.

Сегодня я опять дежурю и пишу письма. Мама, если у тебя будут отгулы, ведь ты дежурила по 16 часов, то приезжайте к нам с папой. Или папа один уж ближе к Новому году, чтоб мы могли на вечера походить. Мне вечерами очень скучно, Ваня приходит поздно. Снабжение очень плохое, в нашем магазине только один сорт шоколадных конфет и те почти гнилые. Вчера была профсоюзная конференция, на ней выступал Колька Блинков, он теперь секретарь комсомольской организации завода. Меня, говорит, спрашивают, почему у нас такое плохое снабжение, а я не знаю, что отвечать. Секретарь обкома стал отвечать, его, правда, освистали. Он сказал, что наша область сельскохозяйственная. И мы должны выполнять поставки. Кажется, 10 тыс. тонн мяса. Когда выполним план сдачи, так нам 50% от этого плана дают. Я всё жду, что Ваня с кем-нибудь из дирекции сильно поссорится, тогда уедем в Горький, а так пока — нет. С молоком туго, сегодня взяла 2 литра, больше в одни руки не дают.

13 декабря 1960 года. Ульяновск.

Дорогие мамочка и папа! Очень огорчились, что папа сломал ногу. И в тоже время хочется его поругать. В гололёд напиваться, идти так поздно, когда уж и люди-то не ходят. Прибавится тебе, мамочка, работы. Такая обида, что ты не приедешь. Мы так надеялись, что ты нас выручишь к Новому Году. И Володя постоянно спрашивает. Может у папы нога заживёт скорее, и ты всё же сможешь приехать к Новому году хоть на недельку. Папе водки не давай, хватит от неё неприятностей, и курево постарайся ограничить. Папочка, быстрее поправляйся, кури меньше, читай книжки.

Я бюллетеню уже третий раз, у Володи бронхит. Сшила себе сиреневое платье и даже ходила в нём на вечер кузнечного цеха. Но вечер сорвался, было много пьяных и драк, танцы закрыли. Ваня приходит с работы в 7 и позже, считаю, что напрасно губит здоровье и устаёт. Узнала о Ваших новых квартирантах. Конечно, с такими людьми очень тяжело жить. Лучше бы пустили попроще и работающих. А то бездельники дома трудовую обстановку портят и мешают. Но всё же 250 рублей не помеха, да и до весны осталось недолго. Володя иногда кусается

Наталия Тарасова в коллективе технологов Ульяновского автомобильного завода.
г. Ульяновск, 1964 год

и дерётся. Слово «балда» говорит меньше. Правда, вчера слышала от него «дуляк» и «гадина-говядина» — последнее и произнести-то толком не может, видно, сосед Игорь научил. В яслях всё спрашивает, где Дедушка Мороз, а про Ленина — «Ленин какает?» В яслях же его выучили стихотворению: «Я на вишенке сижу не могу накушаться, дядя Ленин говорит, надо маму слушаться». Первые две строчки он не знает, а вторые хорошо декламирует, так смешно. Засыпает только с плюшевым Мишкой и Зайкой. Очень воинственный. Вчера Ваня разговаривал с директором насчёт квартиры, пока только обещают.

21 октября 1961 года. Ульяновск.

Любимые мамочка, папа и Володенька! Послезавтра Володино рождение, хорошо, что ему подошло наше пальто. Мы купили ещё 16 кг. моркови и 200 кг. картошки по 8 копеек. Вчера Ваня целый день разбирал её, закладывал в хранилище. А сегодня у меня удачный день. Купила 4 кг. пшена и 4 кг. говядины, чудесной, по 90 коп. Не знаю, почему такую дешёвую продают, наверно, план выполняют. Мама, я всё время ем хорошо, сплю и ничего не делаю. Так это понравилось. Чувствую себя очень сильной, так бы и полезла с кем-нибудь в драку. Ваня приходит всё время рано, часов в 6 вечера. Это, конечно, тоже влияет. Всё же в санатории кормят 3 раза в день, а дома я ем 4 раза, и поэтому лучше наедаюсь. Мама, мой тебе дружеский совет. Только с условием, что испытаешь на себе и пришлёшь ответ, как действует. Ешь побольше. Ты ведь ешь очень мало, а ты постарайся побольше и почаще. Увидишь, как в тебя вольются силы. Я писала, что купила бидон мёду, половину уже съела. Купи себе мёду. Так хорошо, полезный он.

Я ещё никакой работы не делаю, но вчера решила штопать себе штаны. Второй день штопаю. С детским садиком пока полная неизвестность.

15 января 1962 года. Ульяновск.

Любимые мамочка, папа и Володенька! На Володины вопросы уже не знаем, как ответить. Ваня говорит: «Пиши, что он возник из семечка, которое оживилось в животике от маминых и папиных мыслей». Посылку ещё не собрала, купила Володе 2 игрушки. Мама, Володю, прошу, в культ не превращайте, старайтесь поменьше его внимания на него самого обращать, какой он хороший. Пусть одевается сам, и умывается. И хоть одно стихотворение знает до конца. Я не смогла от него добиться, знает много, но сам не может самостоятельно рассказать, а ему уже 4-й год.

Решили с Катей ходить на работе без халатов. Она в красивом платье цвета морской волны, ей все говорят комплименты. Мне же почему-то нет. Занятия в экономическом кружке на работе один раз в 2 недели. Занимаюсь мало, так как всё это, в основном, фразы, лозунги, а конкретного мало. Хотя взрослые дяди дрожат, а вдруг спросят. На следующее занятие мне дали задание подготовиться по теме — «Путь создания материально-технической базы коммунизма».

23 ноября 1962 года. Ульяновск.

Дорогая мамочка! Очень рады, что ты купила себе пальто, конечно, оно дешёвое, но всё же хорошо, что тёпленькое. Володя слышать стал получше, но всё равно потеря слуха есть. Я записалась в библиотеку, взяла себе читать «Юность Маркса» и Володе 3 детских книжки. «Маркс» читается очень трудно, еле-еле прочитала 200 страниц за 7 дней. Мама, хорошо, что пустила квартирантов, тебе повеселее. В последнее время Ваня приходит раньше и один раз ходили на 21 час в кино на «Дикую собаку динго». А сегодня я смотрела «Гусарскую балладу». Ушли с Катей на час раньше с работы. Папа чувствует себя хорошо. Водки покупаем. В субботу брали пол-литра в ресторане, так как нигде нет. Я Володе купила детскую пластинку с песенками Аркадия Островского. «Угадайка-угадайка», «Купила мама

Лёше отличные галоши», «В зоопарке», «Носы», «Кролик заболел». Сейчас у нас времени больше, и мы с ним занимаемся. А времени так мало. Вот сегодня пошла за Володей в садик, потом с ним на прогревание ушей, привела в седьмом часу, папа сказал, что в магазине у «Треста» печёнка есть, побежала туда, она уже кончилась. До 8-и ели. Потом время как пуля летит.

Завтра буду делать Володе пальто, а то он в старом ходит. Мама, папа вернётся в Горький после 1-го.

12 сентября 1963 года. Ульяновск.

Дорогие мамочка и папа! Мама, я в полном отчаянии, Володя очень плохо слышит, с ним даже неловко ходить по улице. Орёшь ему, орёшь, раз 5 одно слово, а он всё: «Что мама?» Просто душа разрывается. Исследовали кровь, повышенное РОЭ. И увеличены миндалины. На ножки жалуется, полагают ревматизм. Но ничего меня так не беспокоит, как то, что мальчишка глухой. Если сумеешь, приезжай, будешь ходить с ним по врачам. Так его жалко, что он ещё глупый и не стесняется по столько раз переспрашивать. Но иногда выйдешь из себя, закричишь, он говорит, испугавшись: «Что ты кричишь?»

29 октября 1964 года. Ульяновск.

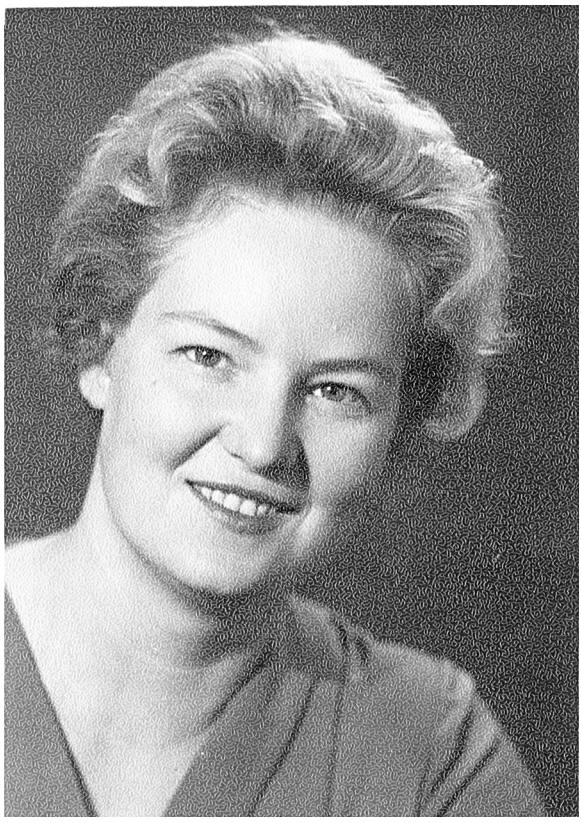
Огромное спасибо Вам за такую хорошую посылку и чудесные письма. Володя так любит Ваши письма слушать, читаю ему много раз, как рассказы. Какие яблоки вкусные! А конфет сколько! Володя написал отцу, что мы их ели-ели и до его возвращения с Кубы, наверно, ещё штук 10 останется. Это он не знает мамины аппетиты. За белые грибы спасибо, их надолго хватит. Орехи очень вкусные. Володе носки очень понравились, тёплые, толстые. Колбаса вкусная, едим с удовольствием. А в прошлый четверг ездила в город, купила 5 кг. муки, большой арбуз, язык, баранины. В пятницу убралась и купила Володе подарок на день рождения, катер с батарейкой, который тут же развалился, а батарейка перегорела. В субботу пригласила одного его товарища, Баличева, чтобы было поспокойнее. Они пускали в ванне катер, потом сварила пельмени. Затем я на верёвку навешала конфет, яблок, открыток, книгу и они всё это срезали с завязанными глазами. Были очень довольны. В 9 вечера пошли провожать Баличева домой и зашли в заводской клуб на партконференцию. Узнали, что отца нашего, вроде как, избрали секретарём парткома завода.

Очень я расстроилась, даже поплакала. Так хотелось пожить спокойно, только чтоб для семьи он жил, после такой любви, какую он описывает ко мне в письмах с Кубы, это было бы очень интересно. Думала ещё ребёнка завести, а теперь он дома бывать почти не будет.

Я согласна, пусть эти 2 года я вычеркну из жизни, но нет гарантии, что он ещё выше не попрёт. Но потом успокоилась, жалко, что машина наша накрылась, так как говорят, что он вернётся с командировки ещё до праздников. Переменами в правительстве все очень довольны. Слышали Вы про дела Хрущёва? Всё справедливо и правильно.

7 февраля 1965 года. Ульяновск.

Дорогая милая Мамочка! Очень огорчаемся, что от тебя нет писем. Дедушка у меня что-то расстраивается. В субботу брал бутылку красного, в воскресенье красного, во вторник четвёрку. Потом денег не было, не пил. Но сердился очень, что денег не снимаю с книжки. А у нас все продукты есть, денег не надо. В эту субботу купил четвёрку, обещал мне, что побережёт до вечера, но я оставила 5 рублей, он побежал и ещё четвёрку купил. А воскресенье нашла на него тоска, пришлось ещё покупать. Он очень ждал от тебя письма с похвалой за то, что купил валенки, а ты что-то не пишешь. Страшусь думать, что заболела.

Тарасова Наталия Ивановна.
г. Ульяновск, 1965 год

Володя себя ведёт страшно плохо. Меня ни в грош не ставит. Что я с ним буду делать после отъезда дедушки? Даже плачу иногда. Но скоро возьмусь за него. Все силы души буду в него вкладывать.

Посмотрим, что получится. Но уж, наверно, с ним не справиться.

5 мая 1965 года. Ульяновск.

Дорогие мамочка и папа! Стало опять тепло, и я радуюсь, что ремонт пойдёт у Вас активнее.

Сегодня у меня радость, выкупила пальто. Получилось хорошее, нарядное. Цвет тёмно-горчичный. Сшито хорошо. Я довольна. Теперь буду платья шить. Одеться надо к Ваниному приезду. Купила 10 кг. луку, картошки привёз Н. Блинков. Основная забота у нас еда. У нас продают зеркального карпа, я накупила 12 кг. Ваня с Кубы пишет часто.

Сегодня забыла отправить вам письмо. Наверно потому, что сделала много покупок: купила себе на выходной костюм шёлку «Чардаш», голубого с чёрным по 7 руб. 50 коп. Затем купила на платье для работы по 8 руб. тёплая такая шерсть. Потом купила шерстяной платок на голову за 5 руб., цвета морской волны. Шить отдам в ателье, самой некогда, с Володей надо заниматься.

24 сентября 1965 года. Ульяновск.

Я начала изучать книгу «Курс черчения». Вечерами читаю, прочла пока только 55 страниц из 500. Изучила нанесение размеров, шрифты, масштаб, может, года за 2-а, я её освою, затем буду проходить «Детали машин» и «Станки». Ваня всё за-

нят, вечерами набирает практические часы езды на автомобиле с преподавателем. Наездил уже 10 часов. Машину поставили в гараже на подставки.

5 февраля 1967 года. Ульяновск.

Очень рады, что папа доехал до Горького хорошо. А мы беспокоились. У нас сразу начались ужасные морозы, в понедельник Володя не учился. После отъезда папы мы сразу все включились в работу. В воскресенье Ваня варил суп и делал гуляш, я гладила, а Володя переписывал свою тетрадь по внеклассному чтению. Володя ещё кладёт дедушкино одеяло с собой в кровать как память. С Володей у нас неприятности. Врач нашёл плоскостопие. Причина — большой вес. Теперь занимаемся с ним гимнастикой.

На этой неделе будут готовы мои 3 платья. Получается очень хорошо. Потом отдам шить ещё 3.

12 марта 1967 года. Ульяновск.

Дорогие мамочка и папа! У Володи праздник в школе прошёл хорошо. Соревновались в строевой подготовке 3 класса. Наши были пограничники, а те 2 класса — моряки. Все шили пилотки и форму. Володе дали огромную деревянную винтовку (всем учительница Раиса Григорьевна взяла из Дворца культуры автозавода). Ваня 3 дня делал и красил пограничный столб. И дети все по очереди маршировали, поворачивались направо и налево, делали различные построения. А наш класс пел ещё песню, и танцевал вокруг столба пляску «Стой! Кто идёт», со шпионами. Наши заняли 1-е место. Судили дети из 9-го класса. И учителя переругались. Анна Алексеевна из параллельного класса, что живёт в нашем доме, обрушилась на Раису Григорьевну, что она, дескать, пыль в глаза пускает разными танцами и прочим. В это воскресенье Ваня по собственной инициативе сходил на базар, купил 40 яиц, мяса, потом пошёл и сдал бельё в стирку. Володя учится неплохо.

12 сентября 1967 года. Ульяновск.

Володя стал так старательно учится, мне очень нравится. Хотя отметки больше 4, чем 5, но мне с ним сейчас гораздо легче, очень хочется учиться, не ленится. Сегодня ходили на первое занятие музыкой. Эта Татьяна Сергеевна меня прямо очаровала. Занималась с ним очень хорошо, интересно. Я была на уроке. Руку ставит сразу как артисту. Сказала, что у Володи очень хорошие руки — сильные. И петь его заставляла разные звуки и песенки, и различать, сколько звуков она взяла. Володе всё понравилось, буду с ним заниматься. Катя устроила Наташку во Дворец автозавода в музыкальный кружок, там платить 10 рублей, а Верки Халипер ходил год туда сын, и когда она повела его к хорошей учительнице, то та сказала, что во Дворце учат очень плохо. И Верка больше не отдала Вовку учится, считает бросовые деньги. Татьяну Сергеевну же Зоя Тимошина ходила специально просить взять Володю. Она считается одной из лучших в городе. Она с меня спросила 15 рублей, но я сказала, что буду первый год платить 20 рублей. Конечно, я дура, наверное, но может к Володе повнимательнее отнесётся.

25 января 1968 года. Ульяновск.

Папа, после твоего отъезда Володя скучал, и сейчас всё ещё скучает. Ване гипс сняли, перелом сросся, теперь он ходит с палочкой в поликлинику на гимнастику. Левая нога стала в ляжке на 7 сантиметров тоньше из-за атрофии мышцы. Володя учится неплохо и не очень хорошо, на пианино играет мало. Скоро возьмусь за него. Пока он у меня отдыхает.

Рада, что Вы часто ходите в кино. Понравился ли «Фантомас?» А вчера мы приглашали в гости Тимошиных, жарила 2 курицы и делала торт. Купила себе свитер, который может одевать и Ваня и Володя.

Пошив нового серого платья двигается медленно. Вечерами читаю Володе «Динку» Осеевой. На этой неделе стирала, Ваня мне всё выгладил. Завтра пойдём к свекрови в больницу.

25 февраля 1968 года. Ульяновск.

Спасибо большое за посылку. Хорошо, что купили Володе валенки, он в школу ходит в ботинках, а гулять будет в валенках. Папа не пей! Нельзя себе позволять так злоупотреблять алкоголем. Ведь ты пьёшь почти каждый день! Надо строже к себе относиться. Ваню 1 марта выписывают на работу. Нога хорошо срослась.

Мне будет, конечно, труднее. Может в марте ты, мама, ненадолго приедешь? Как тебе позволяют обстоятельства. Я ничего не шью. К сарафану не найду отделки чёрного шёлка. Володя Вашими письмами очень доволен. Сам почерк не разбирает, читаем ему вслух.

15 апреля 1968 года. Ульяновск.

2 раза мы ходили в огород. Оба раза туда ездили на такси. Обрезали и замазали деревья, весь участок разборонили и посадили малину. В пятницу выписали из больницы свекровь, она у нас жила 3 дня. В понедельник её увёз в Мелекесс сын Володя. Леченье она закончила и чувствует себя хорошо. Я в субботу вымыла все окна, холодильник, все полы. А в пятницу стирала и в воскресенье всё выгладила. В общем, своей трудовой деятельностью очень довольна. Да, ещё в субботу ходила на базар и купила 8 ног и курицу ко дню рождения. Ваня помогает, ходил покупать себе и Володе ботинки, мыл посуду и варил суп из курицы.

Володя учится средне, есть тройки. На собрании учительница опять сказала, что самый ленивый. Я так измучилась заставлять его что-либо делать.

10 июня 1968 года. Ульяновск.

Дорогие мамочка и папа! Простите, что долго не писала, дни летят настолько быстро, что я не успеваю отмечать недели. Мысленно я каждый час с Вами разговариваю, стараюсь рассказать о нашей жизни. А писать не успеваю. То в огороде работа, то дома. С 7 числа Володя ходит в городской лагерь в клубе, 2 раза там кормят. Ходит к 9 и возвращается в 4. Там интересно. Ходят купаться, смотрят кино, ездят в парки. Был конкурс, Володя читал стихотворение и получил приз — свистульку. В общем, я спокойна. Ваня приходит часов в 8. Я 2 раза ходила одна в кино. Письмо я Вам написала, только потеряла, засунула куда-то и не найду. В субботу я взяла день за свой счёт, чтобы отдохнуть, но ничего не вышло. Встала рано, напекла пирогов, вдруг часов в 9 стук. «Открывайте! Ванин брат!» Оказывается, у него какой-то двоюродный есть. И вот этот брат с женой и ребёнком (4-й класс) гостили у нас субботу, воскресенье, и только в понедельник в 6 утра уехали. Они были проездом из Ленинграда, живут где-то около Уфы, не виделись с 48 года. Пришлось принимать, но была очень недовольна.

Мне дошивают габардиновое пальто. Другая закройщица, не Тамара. Я похудела и вешу 60 кг. Сохранить бы такой вес. Мама, как ты себя чувствуешь? Просто не знаю, как тебя убедить, что тебе надо себя беречь. Спи побольше, ешь поменьше мучного, побольше овощей и яблок. Зачем столько торговать, ведь уже всё у Вас есть, а лучше выпивку сократить, тогда денег будет хватать. Папа, я к тебе обращаюсь серьёзно. Следи, чтоб мама в 4 утра на базар не вставала. Одевайтесь теплее.

28 октября 1968 года. Ульяновск.

Дорогие мамочка и папочка! Давно я Вам не писала. Спасибо за посылку, всё дошло хорошо. Варенье чудесное. Хурма очень понравилась. Материалом и наволочкой мы были очень довольны. И очень рады мочалке, так как с Володей в тот день топили титан и мылись, а он истратил мочалку на воздушного змея.

День рождения Володи мы справили чудесно. Я Ваню с Москвы не ожидала. Накануне наделала пельменей. А 24-го бегу с работы, думаю, надо быстрее убраться, а тут уж Ваня везде прибрал. Детей пришло 5 человек. Подарили много подарков: перочинный ножик, игру «Волейбол», чашку с блюдцем, книгу подарила Раиса Григорьевна и ноты Татьяна Сергеевна.

Володя вырезал из обычных свечей себе 10 тоненьких и поставил на стол. Зажгли, очень красиво получилось. А пельменей я сразу 100 штук загрузила в кастрюлю, они у меня все слиплись и разъехались. Я в ужасе, чем кормить. Ну, штук по 12 разъехавшихся набрала детям. Чувствую, не наелись. Порезала Ваши чудесные пироги, правда предварительно я съела часть сама. Поели. Потом лимонад, торт. И фрукты: виноград, яблоки, грецкие орехи. Все остались довольны. Конфет не давала. Решила разыгрывать. Выйдя из-за стола, ребята стали играть в игру «Накорми зайца». Мне на работе выточили деревянную морковку и сделали круглое отверстие в фанере. Дома я покрасила в красный цвет эту морковку, а на фанере нарисовала зайца со ртом, который приходится на отверстие. Попадаешь, получаешь шоколадку за 20 копеек или конфеты. Всем понравилось.

16 ноября 1968 года. Ульяновск.

Мама и папа! Сколько Вы проявили заботы о нас! И носки-то Володе, и мочалка, и ручка, и скатерть, и клеёнка. Спасибо большое. А вот шубу я продала Зое. Пальто моё выглядит богаче и, кроме того, немного тесно в груди. Деньги отдадут после праздников, и я Вам их перешлю. Не расстраивайтесь, что не совсем угодили.

Если б Вы видели, какую Володя сделал газету!

На большом листе ватмана он написал заголовок — «Искра», нарисовал звезду и ещё что-то. Потом сверху прикрепил 4 больших фотокарточки: Ванину, папину, мамину и мою. Под каждой в красках сделал рисунок. Под Ваниной: из огромного ковша выливается расплавленный металл, вокруг стоят рабочие с инструментами и Ваня среди них и надпись: «Отойди, башку расшибёт!» Или что-то в этом роде. Под дедушкиной нарисовал, что идёт партийное собрание. Ведущий с трибуны о чём-то спрашивает, все подняли руки. Подпись — «Кто за то, чтоб Ивана Фёдоровича избрать секретарём? — Единогласно!» Под бабушкой нарисован прилавок, на нём банки с букетами и среди цветов стоит бабушка. Надпись: «Цветочки! Цветочки! Покупайте цветочки!» Подо мной рисунок как я ругаю работницу: «Ты что на работе читаешь, у нас ещё план не выполнен!». Такая интересная газета, сохраним её, увидите. На праздники ходили сначала на вечер автозавода в ДК, посмотрели торжественную часть, потом пошли на вечер нашего завода в 51 школу.

У Володи началась учёба. Такой он тупой и ленивый мальчик. По музыке тройки. И по предметам тройки, есть и двойки. Сижу с ним, занимается лучше, но времени уходит много. Вялый, может все такие?

2 февраля 1969 года. Ульяновск.

Как только папа уехал, у нас на другой же день начались страшные морозы. Дети не учились. Дома температура сначала была 17, потом 13, а потом 9 градусов. Ушли все жить в маленькую комнату и там ещё жгли плитку. И доводили температуру до 18. Володя ходил дома в пальто и шапке. Это похолодание дома получилось потому, что построили и подключили много новых домов, а систему не прочистили. Сегодня все вместе ходили кататься на лыжах. Отдохнули хорошо. Из гаража принесли яблок, они не замёрзли, и грибов. Едим!

15 апреля 1969 года. Ульяновск.

Простите, что так долго Вам не писала. Честное слово, за день мысленно разговариваю, советуюсь и делюсь с Вами много-много раз. Думаю всё время. Но в апреле

Сын Дмитрий Тарасов.
г. Ульяновск, 1974 год

на меня всегда сваливается столько дел, что я не имею свободной минуты: то к дню рождения готовься, то к вечерам, то к маю. Во-первых, большое спасибо за посылку. Комбинацию сразу одела и ношу, не снимая. Печенье, конфеты всё вкусное. Спасибо за георгины. Папа, как твоя нога, не получше? Может, парафин класть на ногу? Мы Володе достали путёвку в Сочи в санаторий с 5 июля на 45 дней. Он очень доволен. Себе путёвки с 10 июня в Пятигорск. Отправлять Володю опять придётся Вам.

Ване тут опять предлагают перебраться в Тольятти, он качался, но потом всё же решили не ехать, а менять квартирные условия. Ваню давно привлекает одна 3-х комнатная квартира в старом фонде. Она сейчас на двоих хозяев. Один согласен обменяться с нами, а другой должны дать однокомнатную квартиру. Ваня подал заявление, написал, что ожидается прибавление семейства, ему на цехкоме подписали, директор тоже подписал. На троих эту квартиру не дают, ребёнка у нас ещё не намечается, но всё же думаем. Мы хотим Вам предложить переехать к нам в эту квартиру. И нам будет полегче, и Вам повеселее. Конечно, взаимно потребуются известные ограничения. Нам — вежливость, папе воздержание от шнапса.

15 июля 1969 года. Ульяновск.

Дорогие мамочка и папа! Так давно Вам не писали, всё то звонки, то телеграмма, а на подробное письмо не хватает времени. Очень расстраиваемся с Ваней, что папа так тяжело болеет. Ведь этот спондилит, да ещё почки, дают такие сильные боли, там же самые нервы. Помнишь, папа, у меня болел тройничный нерв, как я мучилась, вот и у тебя, наверно, такие боли. Хорошо, что ты в больнице, под наблюдением. Как только станет лучше, мы пошлём Вас с мамой на курорт в Пятигорск. Договорились насчёт путёвок.

Пишет ли Володя? Он так обрадовался, что дедушку положили в больницу, видно переживал, что долго тянули с этим делом. Мы его встретили в аэропорту Минеральных вод и тут же присоединились к группе из 8 человек, что везла Вера Халипер. Полетели с ними в Адлер. В Адлере покормили детей в столовой и сели на автобус до Сочи. Устроили их в детский санаторий «Юность», а потом поехали на вокзал и устроились на квартиру. Все трое в одной комнате. Но комната хорошая, чистая, есть горячая вода.

Прожили 3 дня и перебрались в номер в гостинице. Утром загораем на пляже, а после обеда ходим к детям и кормим их фруктами. Ох, с каким они удовольствием ели, как они льнули к нам, всю душу взволновало.

Детей пускают купаться в море пока на 3 минуты, обещали довести до 20. Володя плавает неплохо. Проплывает метров 5–7 без передышки. Очень старается научиться. Ходили мы с Ваней и Верой Халипер 2 раза в ресторан. Один раз в «Кавказский аул», где были мы с Ваней в позапрошлый год, а второй раз в ресторан, где пели цыгане, правда, не настоящие. Море тёплое, 24 градуса.

Вернулись в Ульяновск, дома порядок. Мама и папа, спасибо Вам за все муки с Володей, он так рад, что поехал в Сочи. Мама, ты базарами себя не мучай, ухаживай за папой. Денег пришлём. Папочка поправляйся!

16 августа 1969 года. Ульяновск.

Мамочка, как у тебя прошёл 9-й день. Я купила шоколадных конфет и раздавала детям. А вечером решила испечь пироги с капустой. Рады, что есть покупатели на дом. Считаю, что за те деньги, что они дают, вполне можно отдавать. Эх! Как жаль, папа не дожил до переезда! Ему тоже хотелось в Ульяновск. Мама, одевайся теплее, ведь можно незаметно и простудиться. Пожалуйста, береги себя. На днях вышлю 30 рублей, 20 — долг и 10 так. Ты немедленно сходи насчёт пальто, если позже, то у них в ателье работы будет много. Мама, ты не унывай, всё у нас будет хорошо.

20 августа 1969 года. Ульяновск.

Дорогая любимая мамочка! Мне кажется, что ты очень утомляешь себя базарами, продай самый минимум цветов, чтоб хватило на жизнь и ремонт трубы. С домом не тяни, надо чтобы ты к октябрю была здесь, так как можно будет получить ту, 50-метровую квартиру. Ты не беспокойся, без жилья не останешься. Мне кажется, что у нас тебе будет хоть немного радостней. Прости меня за грубость, что я допускала, я больше не буду. Теперь о Володе.

Он прилетел из Сочи вечером. Встречал его Ваня. Довольный, с букетом и пакетом груш. Про дедушку он спросил сразу же, как увидел Ваню. Тот сказал, что потом расскажу, и так отводили его. Дома он опять спрашивал, но показывал в это время подарки — ракушки, которые он привёз домой. Опять не сказали, так как не хотелось омрачать его радостное настроение. Потом он поел, и только после того, как уселся в кресло (Ваня тоже сел в кресло, я гладила на стуле) спросил, «Ну как же дедушка?» Ваня сказал: «Дедушка тяжело болел-болел и умер». Володя закрыл лицо руками и заплакал, и я заплакала, и так мы с ним поплакали. Он стал расспрашивать все числа, все подробности, говорил: «Ведь я так любил дедушку!» На другой день в обед тоже всё расспрашивал, искал фотокарточки дедушки, вспоминал, как дедушка хотел приехать на 100-летие Ленина и как немного не дожил, тужил, что некуда будет ехать летом, расспрашивал про венки и про объявление в газете и все подробности до последнего дедушкиного вздоха. Я рассказывала. Но к вечеру был уже весёлый, играл с детьми. На другой день ему уже стало легче. Вспоминал и говорил, что не может представить, что не увидит больше дедушку и что это всё как сон. Как он разделил наше горе, мне стало сразу легче, я не стала плакать и вроде немного стала успокаиваться.

3 сентября 1969 года. Ульяновск.

Дорогая любимая мамочка! Наконец-то пишу тебе! Как ты там? Надеюсь, что не очень плохо. Бандероль я получила. Извини, что сразу не написала. Спасибо! Цепочка хорошая и книжечка хорошая, конфеты съели с Володей. В воскресенье Ваня работал и вечером уехал на рыбалку. А мы с Володей пошли в воскресенье с утра купаться на Волгу. На городском пляже для детей сделали большой бассейн, в нём глубина по шейку. Володя плавает хорошо, ныряет, кувыркается. Купались мы и загорали, домой пришли в полшестого. В понедельник Ваня привёз рыбы и раков. Вчера жарили и варили. Сегодня наверно с полчаса стояла в очереди и купила хорошей парной говядины, остальное всё есть: огурцы, помидоры, морковь, свёклу привезли с огорода. Володя пошёл учиться, но серьёзности мало. Приходится проверять каждую малость. Учится во вторую смену. С вечера вроде всё сделал, а в обед я прихожу, у него полно недоделок. То он не подготовил к труду нитки, иголку и материал, то не подобрал стихотворение. Теперь всё-всё стараюсь проверять с вечера.

Как поторговала цветами? У нас перед 1 сентября один крупный гладиолус стоил 1 руб. 50 коп. Мама, сдавай Ленина и Сталина в библиотеку. Таскать только тяжело, может, сами за ними придут. Мне уж их читать не интересно, а Володя пусть в библиотеку идёт. Питайся получше, ради Бога не подорви здоровье. Знала бы ты, как ты мне нужна, мамочка!

Воспоминания Н. И. Тарасовой о своей жизни.

«Я училась на 2 курсе. Это была зима, когда последний раз приезжал на зимние каникулы Никифоров. Он пришёл ко мне домой на выселки, увидел всю убогость нашей жизни и пригласил на вечер в политехнический институт. На этом вечере, когда мы танцевали, подлетел ко мне Митрохин, один из воздыхателей, стал хва-

«Лучший рационализатор завода».
Снимок для статьи о Тарасовой Н. И. в заводской газете.
г. Ульяновск, 1978 год

тать за руки. Никифоров сразу исчез, и после этого, опозоренная, я ушла домой в сопровождении Митрохина, которого всю дорогу ругала и плакала, так как он предал моё доверие. И хотя был ещё один вечер и ещё один танец с Никифоровым, который мы протанцевали молча, больше мы не переписывались. Я осталась одна, с Митрохиным даже не разговаривала.

И вот спустя какое-то время, уже весной, 3 марта 1955 года, на вечере в Университете, ко мне на танцах подошёл какой-то черноволосый молодой человек в ярко-бордовой трикотажной рубашке с прыщеватым лицом. Так как лицо и голова у него были очень крупные, я не сразу поняла, что он только немного выше меня. И хотя он был явно деревенский, говорил «яшшики», вместо «ящики», держался он очень амбициозно. Меня пригласил на несколько танцев и после пошёл провожать. Через несколько дней пригласил в кино. Я пошла, но в конце вечера, поняв, что он мне не подходит, сказала: «Давай встречаться больше не будем, ты моим идеалам не соответствуешь». Но не тут-то было. Он учинил такой скандалище, какой я ещё не видывала. Проживши жизнь в семье, где все друг к другу относились деликатно, я была поражена лавиной энергии, обрушившейся на меня: что, дескать, такое, почему это мне отказывают?! Этот клокочущий вулкан меня заинтересовал, и я решила остаться. Наши встречи продолжились.

На том первом университетском вечере Иван влюбился в меня с первого взгляда. Стоя с друзьями на площадке 2-го этажа, он увидел меня, поднимающуюся

по ступенькам лестницы, и сказал: «Вот эта девчонка будет моей женой!» Хотя он не умел читать мои мысли и угадывать желания, но у него было такое органичное высокое мнение о себе, что это невольно гипнотизировало.

И он старался достигнуть каких-то высот. Учился на «отлично», занимался комсомольскими делами. Но авторитет себе нередко зарабатывал, унижая других и насмешничая. Ему в этом помогали большие чёрные глаза, взгляд которых невозможно было выдержать. Я показала маме его первую фотографию, которую он мне подарил. Мама посмотрела и сказала: «Это какой-то Мефистофель». Правда, была в нём какая-то внутренняя сила, какая-то уверенность, что будущее за такими выходцами из беднейших слоёв, как он. И эта уверенность невольно возвышала его над другими. Кроме всего прочего он был скуповат, никогда не покупал мне ни конфет, ни каких-нибудь приятных вещей. Но с этим пришлось смириться, зато хорошо писал письма. И постоянно говорил, что он в дальнейшем обязательно будет жить в достатке.

Весной 1956 года Иван сделал мне предложение, и родители стали готовиться к свадьбе. Но невнимание и грубость его часто заставляла меня плакать, причём он никогда не утешал. В конце концов, я сказала, что не выйду за него. Встречаться мы прекратили. Тут же около меня сразу оказался Митрохин, покупавший для меня в гастрономе на Свердловке бутерброды с ветчиной за 12 копеек и пирожки с печёнкой по 4 копейки, провожавший в 9 часов вечера домой, после заседаний университетского профкома, чего Ваня никогда не делал. Митрохин покупал мне тетрадки, ручки, зная, что у меня всегда этого не хватает. Но Митрохин был такой же ребёнок, как и я. Он также не знал жизни.

А Ваня до этого кончил техникум, поработал немного конструктором, поработал грузчиком на Волге. Я и мои подруги были, в то время, причислены к «паршивым интеллигентам». Я в своём возрасте была просто глупа и неразвита политически. Видела, что мама вышла замуж за крестьянина, и живут счастливо. Может и мне так надо, может Иван знает истину жизни? Мне была нужна какая-то опора, руководитель, и я посчитала, что мне нужно вернуться к Ване. Правда, отец Митрохина работал заместителем председателя горьковского совнархоза, а мать бухгалтером в Кремле. Родители выделяли нам комнату в своей квартире, но какая-то романтика влекла меня к неизведанному. И я написала Ване записку, послала в общежитие, и мы встретились. 16 июня 1956 года мы зарегистрировались.

На нашей свадьбе Ваня не проявил ко мне никакого внимания. Когда надо было, после криков «горько», целовать невесту, он и не думал этого делать. Был занят тем, что щупал моих подруг до синяков. Из-за того, что он почти целую неделю пил, в физический брак мы вступили только 23 июня. До этого я бродила девицей.

Прожив немного, он уехал по назначению в Ульяновск, а я по путёвке профкома, на юг в г. Геленджик. Чувство ужасной досады, обиженного женского достоинства, ощущение того, что я — нелюбимая, так и не покидало меня. В дальнейшем, когда я поступила на работу, я запомнила слова его сослуживцев: «У него жена — красавица, а он с наслаждением любит себя».

Во время последних зимних каникул 1958 года я забеременела. К этому времени Ваня получил комнату 12 кв. метров, в которой стояли кухонный стол, зеркальный одёжный шкаф, 4 стула и панцирная кровать с продавленной сеткой. Я вспоминаю эту ужасную продавленную кровать, железнодорожные гудки по ночам и свои еле сдерживаемые слёзы. Лёжа на этой кровати, мы скатывались друг на друга и только мечтали, как бы утром один встал раньше другого, чтобы хоть 5 минут полежать свободно. Выключатель радио располагался на дверном косяке, и когда я проси-

ла ночью выключить радио, он никогда не соглашался — «Давай сама, вот ещё!» И я беременная перелазила через него из этой корытообразной кровати и шла к выключателю. Ему нравилось проявлять по отношению ко мне какие-то садистские привычки. То выставит меня в одной ночной рубашке на лестничную площадку, то заставит мыться в ванне с кипятком. До родов я весила 58 килограмм, после 64. Устраиваться на работу ходили по Ульяновску вдвоём, в РОНО, по заводам.

Но нигде не брали. Тогда Ваня решил меня устроить на автозавод. Я в ужасе: без образования, без понятия о технике. «Ничего, научишься». Выбрали цех пластмасс, в отделе главного технолога, как наиболее близкий к биохимии.

Но коллектив был очень трудный, все молодые, яркие, властные. Начальник техсектора была Катя Борякина, умная, красивая, 36 лет, очень властная. Её боялись буквально все. Постоянно всех ссорила, наушничала начальству, заигрывала с главным технологом. Ваня пришёл вместе со мной к этой Кате и обратился с такими словами: «Здравствуйте! Это моя жена. Она будет здесь работать». Катя сразу возненавидела меня. Учить не хотела, специально закрывала спиной поле своей деятельности, когда работала на участке с прессами. Как настоящая королева, терпеть не могла рядом с собой никого моложе и красивее, всячески пыталась выжить.

Став начальником цеха, Ваня стал всё чаще прикладываться к бутылке. Стал ходить в гости к своему заместителю Винокурову, у которого жена была буфетчицей в ресторане, и они хорошо угощали. К себе часто приглашал многих. Да и без этого полно было всевозможных праздников. Кроме того, после наших поездок в сад или лес он оставлял меня у подъезда с тяжеленными корзинами, а сам быстрей уезжал в гараж, как бы ставить машину, а в действительности его тянуло выпить. Если вначале своей трудовой деятельности он упорно боролся с пьянками и прогулами рабочих, то теперь стал сам охотно ездить с сотрудниками на пикники, на рыбалку, к матери в Мелекесс. Всё это сопровождалось повальной пьянкой. В 1968 году Ваня как-то разоткровенничался и сказал, что он стал алкоголиком, и что желание выпить стало для него непреодолимым. Пришлось поторопиться с рождением второго ребёнка.

Из-за того, что он при переезде на новую квартиру категорически отказался перенести два чемодана, мешавших проходу в мамину комнату: «Ещё чего, не буду», мне пришлось беременной самой тащить эти тяжеленные чемоданы. В результате начались преждевременные схватки, и на месяц раньше положенного срока родился сын весом всего 2 килограмма 750 грамм.

Привезли в сад деревянные отходы для топки, их надо было таскать охапками вниз, всё равно тяжело. Мы с детьми таскаем, Ваня сидит, смотрит. Идём на базар, он обязательно возьмёт себе сумку полегче, мол, он значительно слабее меня.

Со временем его тяга к спиртному усилилась. Он стал раздражительным до крайности. На малейшее замечание обрушивался страшным матом, причём орал так, что было слышно на 3 этажа вниз. Всю жизнь я мечтала поговорить с ним о нашей жизни, но он мог вести только монолог, выпив, рассказывать про свои успехи. А ты сиди и слушай, гляди на него и не смей опустить глаза и вставить слово.

Детей с ним воспитывать было очень трудно. Скажешь, позови ребёнка с улицы или сходи с ним погулять, в ответ — «нет», это был для него неимоверный труд. Легче было скалу сдвинуть».

В 1988 году Н. И. Тарасова написала письмо известной писательнице — Анастасии Ивановне Цветаевой, сестре выдающейся русской поэтессы Марины Цветаевой. Анастасия Ивановна, по старости, ей шёл 94 год, само письмо куда-то задевала, остался один только конверт с адресом. И тогда она 29 мая 1988 года пи-

шет Ульяновскому цветаеведу, профессору Ульяновского педагогического института Лилит Николаевне Козловой письмо:

«Не знаете ли в Ульяновске Н. И. Тарасову? Её адрес 432034 ул. Полбина, 17, кв. 8. У меня её адрес на конверте, но письма не вижу, не знаю, о чём она писала. И если бы её спросили об этом — я была бы рада. Но если трудно — не надо, может быть, я найду её письмо».

Через это потерянное письмо завязалась многолетняя дружба между Л. Козловой и Н. Тарасовой. Спустя какое-то время было написано новое письмо:

11 октября 1988 года. Ульяновск.

Дорогая Анастасия Ивановна!

Когда-то я написала Вам письмо. Оно было вызвано тем, что незадолго до этого, потеряв маму, я почувствовала себя в пустоте. Оборвались связи с прошлым, которое было ещё до меня. Родных в Ульяновске нет. И в это время мне попалась Ваша книга «Воспоминания». В том, как Вы любите свой Дом и свой Род, с какой любовью описываете не только людей, но и вещи, с ними связанные, углядела я огромную любовь к Памяти. Вы так описали все эти годы, словно ласкали само Время.

Мне это было нежно и близко. Так хотелось узнать о Вас о всех побольше! И я написала. С трепетом ждала известия. Сердце моё было так настроено на Вашу волну, что в Сочи, в отпуске, я увидела во сне, что от Вас пришло известие. И оказалось, правда, как позвонил сын — от Вас звонила Лилит Николаевна Козлова.

Дорогая Анастасия Ивановна! Спасибо Вам за знакомство с Лилит Николаевной! Это такой подарок! Я сначала решила — она Ваша родственница, поскольку она проникнута всем Цветаевским, наделена чем-то Вашим. На меня хлынули и доброта, и доверие, едва Лилит Николаевна услышала, что я с волнением произношу Ваше имя. И я оказалась в кругу таких же, любящих творчество Ваше и Марины Цветаевой. Главное для Лилит Николаевны проникновение, изучение, открытие мира Марины Цветаевой. И этим она заражает нас. Нас — это людей, которые бывают у Лилит Николаевны на литературных вечерах. Нас человек 15–20. Преподаватели Вузов, библиотекари, работники телевидения и заводов, врач, студенты. Молодые и далеко не молодые. Одну пожилую женщину как-то привели под руки. На следующий раз она сама приехала с палочкой на трамвае.

Мы разговариваем, делимся впечатлениями, смотрим цветаевские портреты на стенах. Лилит Николаевна читает нам свои эссе о Марине, о ней и Волошине, о Марине и Серёже, о Вашем сестринском «вдвоём». Рассказывает о своих поездках по цветаевским местам, показывает фотографии, слайды. И мы видим тропинку, о которой она сбегала к Оке, видим тяжёлые двери дома Ростовых, что она открывала, видим рябину на её могиле в Елабуге и многое, многое ещё. Но самое главное — это чтение (Лилит Николаевна так зовёт наш кружок или наше общество — «Цветаевские чтения»). Мы слушали в её чудесном исполнении «Мои службы», «Вольный проезд», «Комедиант», «Поэму Горы» и множество стихов, о которых мы раньше не слышали. Лилит Николаевна великолепно читает! Своим негромким проникновенным голосом с предельной точностью рисует все интонации Марины — то горделивой и блещущей остроумием, то кроткой и поникшей. Если бы её записать на пластинку!

А накануне Вашего дня рождения, дорогая Анастасия Ивановна, мы читали три Ваших прелестных рассказа, полных юмора. И после радостно пошли давать Вам поздравительную телеграмму.

Ну, вот и всё. Спасибо, Анастасия Ивановна, за всё. Желаю Вам всего наилучшего, здоровья, счастья, творческих удач. С уважением, Наталия Ивановна Тарасова.

Наталия Ивановна более 30 лет была активным участником ульяновских литературных салонов, сама стала писать и печататься в сборниках Ульяновской областной организации Российского союза профессиональных литераторов, литературных альманахах «Стихи по кругу», «Гончаровская беседка», «Городской журнал». Ниже приводится часть изданных её произведений.

Наталья Ивановна Тарасова
Участник «Литературной гостиной...»

Сказка

Когда душа в смятенье, и бывает тяжело
Я направляюсь в гости, в дом,
Что среди друзей «Литературною гостиною» зовётся,
И где сближаются сердца людей различных званий.
Там светлая волшебница царит,
Что зажигает в думах огоньки,
И путь к себе метущихся освещает.

Возле её крыла цветут таланты,
Сама, подвластными ей чудесами, не устаёт делиться.
То нам поведует как шествует душа,
Сквозь мглу веков в обличьях разных.
То «Век Серебряный» приблизит,
Где в предчувствии грозы взметнулась мощь духовная России,
И где «ростком серебряным» рванулся ввысь талант Марины.

То лютню позовёт послушать,
На которой ей играет рыцарь вдохновенный,
И видим, как мерцают под луной
Колец его алмазы и богатый бархат рукавов зелёных.
Или в тиши «гостиной» вдруг взовьются «херувимской» звуки,
Которую выводит юный ангел,
Чьи крылышки прозрачны и легки настолько,
Что мы воздушности его дивимся.

На огонёк «гостиной» заглядывают гости из дальних стран заморских
И из Москвы философ навещает,
Тот, кто один лишь знает, где окошко в небо.
И каждого встречают здесь тепло,
Привет и ласковое понимание.

1996 г.

Наталья Ивановна Тарасова

Воспоминания

Светлой памяти поэтессы
Елены Токарчук

В жизни мне повезло. В 1988 году я, прочитав «Воспоминания» Анастасии Ивановны Цветаевой, написала ей письмо и через неё чудесным образом познакомилась с удивительной женщиной — другом Анастасии Ивановны — Лилит Николаевной Козловой. С тех пор я посещаю её лекции.

Лилит Николаевна — профессор, цветаевед, поэт, очаровательная женщина, создатель в Ульяновске филиала Российского союза профессиональных литераторов и неутомимый путешественник. Из своих поездок она привозила не только рассказы о встречах с интересными людьми, но и аудио и видио-репортажи.

Так в те давние годы мы, её слушатели, заочно побывали вместе с ней на чаепитиях у Анастасии Ивановны Цветаевой, которой было тогда уже за девяносто лет. Мы словно воочию увидели её гостей, интеллигентных старушек, которых она при прощании крестила и целовала. Посещала Лилит и вернувшуюся после семидесяти лет эмиграции в Россию поэтессу «Серебряного века» Ирину Владимировну Одоевцеву. Ирина Владимировна — ученица Гумилёва, писавшая о себе: «Я маленькая поэтесса с огромным бантом», картавящим голосом рассказывала о жизни Марины Цветаевой в Париже.

Так же заочно мы познакомились и подружились с поэтессой Зинаидой Миркиной и её мужем философом и правозащитником Г. С. Померанцем. Устраивала нам Лилит и другие встречи.

И вот однажды, детом 1996 года, на занятии «литературной гостиной» Лилит включила магнитофон, и зазвучал взволнованный юный голос. Голос, читающий стихи, звенел и взлетал ввысь, будто жаворонок, славящий радость жизни. В стихах было что-то новое, щемящее душу своей открытостью, распахнутостью, и в то же время героически горячее. Это была поэтесса Елена Токарчук, приехавшая из Уральска. Ей только что исполнилось девятнадцать лет.

Лилит сразу же решила навестить поэтессу. И очень скоро объявила, что семья поэтессы приглашает нас всех, всю «Литературную гостиную», человек двадцать, к себе. Тогда мы и предположить не могли, что эта девочка в инвалидной коляске разбудит в каждом из нас столько чувств сопереживания, нежности и восхищения и станет нашей долгой любовью.

Встречи у Леночки, как все называли поэтессу Елену Токарчук, были по субботам. Народу собиралось много. И все мы встречали искренний, радушный привет и от бабушки — Зои Яковлевны, и от мамы Любови Константиновны, и от брата Андрюши.

В этом доме бывать просто тянуло. В доме была атмосфера духовной чистоты и опрятности. Не было богато, но было как-то красиво и уютно. На стенах висели Леночкины картины. В порядке за стеклом стояли книги, кассеты, посуда. Ничего

Презентация журнала «Живое слово» в библиотеке № 4. г. Ульяновск, 2001 год
Сидят - Е. Токарчук, Л. Козлова.
Стоят - Н. Абадовская, Е. Ньюкало, Н. Тарасова, Н. Новицкая.

лишнего. Только несколько предметов для украшения. Всё было аккуратно, рационально. У каждого своё рабочее место. Все учились. Леночка заочно в московском Литературном институте имени Горького, Любовь Константиновна в аспирантуре, Андрей учился в школе, позднее с красным дипломом окончил институт. Семья жила в постоянном труде, в творчестве и во взаимной любви.

Животные — кот Амур и собачка Юна — был ухоженные и ласковые. Я входила в этот дом с благоговением. Гости усаживались вокруг большого стола, покрытого красивой скатертью для чаепития, и наступала минута тишины, сосредоточенности словно в предвкушении какого-то открытия, какого-то чуда.

Сидевшая перед нами девочка с прекрасным нежным лицом и отливающими медью волосами сама была чудом. Она напоминала Крылатую Богиню победы Нику Самофракийскую. Та же вдохновенность, непосредственная жизнерадостность и горделивая величественность были в её облике. Когда я встречалась с ней взглядом, словно солнце заливало меня теплом и светом. Доброта, готовность помочь и поддержать были её неизменные качества.

Лена очень серьёзно готовилась к нашим встречам. Она старалась подобрать материал такой, который бы не оставил равнодушными наши души. Иногда тему нашей встречи открывала Лилит Николаевна. После — чай и стихи «по кругу». Леночка, очень много писавшая в то время, обычно прочитывала два-три своих стихотворения и, несмотря на наши просьбы читать ещё, отказывалась, говоря: «Пусть другие выступят». Мама Лены, Любовь Константиновна, всегда находилась рядом с Леночкой, как Ангел-хранитель. Зоя Яковлевна сидела за столом со всеми вместе.

Лилит сразу подружилась с Леночкой. Во взглядах их выявилось много общего. Обе были в какой-то степени эзотериками. Несмотря на разницу в возрасте были «на ты», общались душами. Часто за столом сидели взявшись за руки. Лилит сразу признала в ней выдающуюся личность. В Уральске Лена уже была признанным поэтом. Вышли две её книги «У заплаканных зеркал» и «В молитве лунных волн».

В них наряду с пронзительными стихами о первой любви, размышления о несовершенстве людей, мира, планеты. И она уже чувствует своё предназначение, хотя ей всего шестнадцать лет.

Даже если волей и трудом
Я достигну цели наяву
И сумею зло закрыть добром,
Значит, я уже не зря живу.

И можно только восхищаться жизнелюбием поэтессы, знающей, что она уже никогда не побежит по траве и не будет танцевать.

Жизнью наслаждаюсь всласть я
Всем живущим и тебе
Я хочу того же счастья
И способности к борьбе.

В те далёкие уже теперь времена стихи у Леночкиных друзей лились рекой. Замечательно писали: Татьяна Толоконникова, Татьяна Мельник, Виктор Малахов, Константин Грингут, Наталья Новицкая. Стали писать прозу: Татьяна Трунова, Нинель Добрянская, Инна Самуиловна Янкелевич, Людмила Серзина. Да всех и не перечесть. Вышло несколько наших сборников.

Очарование нашим вечерам у Леночки придавала музыка. Встречи получили название — «Литературно-музыкальный салон у Лены». Все были рады, когда приходил со своей гитарой профессиональный артист Ульяновского симфонического оркестра поэт и бард Олег Юрьевич Киселёв. При пении его мы замирали. Сколько наслаждения подарил он нам своим филигранным творчеством. А молодой, красивый, талантливый Борис Блохин! С каким чувством он пел свои песни, песни на стихи Т. Толоконниковой, Т. Мельник, Е. Кувшинниковой.

А как звучал серебряный голос Елены Нюкало! А как любили пение Виктора Малахова! Пение чередовалось стихами. Каждый стремился представить своё творчество.

К Новому году устраивался маскарад. Все готовили костюмы и должны были их обыграть. Леночке нравилось, когда каждый мог прожить ещё новую для себя роль. Она была режиссёром этого маленького театра. И кого только тут не было! И всякие феи, и живая вода, и зимушка, цыганка, фиалка, улыбка, радость, нежность, шахматная королева, Гарри Потер, клоун, Леся Украинка, Элвис Пресли и многое-многое другое.

Выпускалась газета с сочинёнными Леночкой стихотворными пожеланиями. Но самое интересное была «Ромашка» — интеллектуальная викторина, вопросы к которой Леночка писала на листочках-лепестках.

Эрудиция поэтессы Елены Токарчук восхищала. Круг её чтения был огромен. Не только научная литература по специальности, не только стихи и проза, читаемая обычным культурным человеком, её интересовала философия и этика, новая и древняя история, фольклор, эпос разных стран, японская культура и культура шумеров, обычаи древних славян, ведичество, сказки разных народов, книги о великих посвящённых — Заротустре, Будде и очень многое другое.

Естественно, вопросы викторины составлялись на основе этих знаний. И приходилось размышлять, давать парадоксальные ответы и аллегории, а чаще рассуждали

Литературная суббота в салоне «У Лены». г. Ульяновск, 2003 год
Сидят - Н. Тарасова, Н. Лотоцкая, Е. Токарчук.
Стоят - Т. Трунова, Л. Серзина, Н. Никищенкова,
Л. Токарчук, Л. Козлова, Т. Толоконникова.

всем коллективом в поисках истины. Свою книгу о поэтессе Елене Токарчук Т. В. Гинжул назвала «Посланница». Это очень верно. Трудный жизненный путь, уникальное творчество наводят на мысль, что Елена пришла на Землю не случайно, а как «Посланница» по Воле Божьей.

И она сполна выполнила свою миссию, посвятив свою короткую жизнь доброму, прекрасному и вечному.

А то, что из талантливой девочки выросла поэтесса и художница со своим светлым лицом, мы обязаны её маме, Любови Константиновне, которая первая разглядела одарённость ребёнка. Любовь Константиновна была умным, любящим другом помощником, вдохновительницей и чутким советчиком. Он сумела передать своей золотоволосой дочке свою духовную красоту и лиризм, любовь ко всему живому.

А свою силу воли, возможность подняться над болезнью, ощущение близости космического пространства и жизни в далёкие века — это Лена выработала в себе сама. Так же, как радость творчества и счастье бытия.

И что бы Елена ни делала, слагала ли стихи, писала ли картины, готовила ли статьи и рецензии к книгам «братьев по перу», встречалась ли с друзьями, выступала ли с творческими вечерами перед коллективами — всё было наполнено такой энергией и очарованием её личности, что в ответ ей раскрывались сердца. Люди её любили. И любили друг друга те, кто любил её. Так создалось поле любви.

Как хорошо, что многие моменты жизни Леночке и наши встречи Любовь Константиновна запечатлела на плёнку.

Леночка очень много работала. Она так много успела сделать за свою короткую жизнь!

Она окончила Литературный институт имени Горького, защитив диплом по поэтическому творчеству. В 2000 году вышла её большая книга «Мистерия Солнца!», оформленная её картинами и множеством рисунков. В предисловии, написанном Григорием Медведовским, сказано, что Леночкину поэзию наполняет особая чистота и пронзительность. В книге есть стихи, полные любви и благодарности маме, брату, бабушке и отцу. Книга очень красивая и множество людей её получило в подарок.

В этом же году Елена участвовала в конкурсе и стала первым лауреатом Международной премии «Филантроп» в номинации «Поэтическое творчество», заняв первое место. Любовь Константиновна сумела запечатлеть на плёнке торжественные минуты выступления Леночки в Москве, где она в концертном платье со сцены читает стихи и момент вручения ей премии.

В 2004 году выходит её книга «Крылья моей души», где Лена сама раскрывает, в чём она черпает силы: «Главными тенденциями своей души я считаю любовь к жизни, любовь к человеку, любовь к Богу».

Сливаться с извечной природой,
Входить в неземные миры,
Отмечены высшей свободой
К далёким и близким щедры.

В 2006 году выходят её книги «Трава рождения» и «Иероглиф жизни» с её иллюстрациями. Эти книги вмещают огромный мир Лены, мир размышлений поэта о себе, о мудрости древних, о тайнах природы и о возможности мыслью творить по желанию новые, счастливые миры. У неё было космическое мышление.

«Согревать ледяную планету, добывая огонь с благодатных негаснущих звёзд».

Здоровье Леночки ухудшалось. Она слегла осенью 2004 года. Широкие встречи прекратились, и мы стали приходить к ней поодиночке. Леночка улыбалась, смеялась, читала стихи. Иногда пела. Любила украинские народные песни.

Один раз мы с ней разговорились о любви. Леночка была прелестна, умна. В неё глубоко влюблялись, писали стихи. Некоторые она мне прочитала. Когда она жила в Уральске, у неё была короткая счастливая любовь. Молодой человек, к сожалению, погиб.

Я едина на свете с творцом
В лоне золота, в солнечном лоне
Я пою и пою — без конца —
О непрожитом чувстве, о Лёне.

Однажды она мне рассказала, что чувствует себя искупительницей рода, и страдания её не напрасны.

Сжигала я бессчётные грехи,
Они не согласуются со мной.
И еле различимые стихи
Являлись в оболочке неземной.

Весной 2007 года Лена почувствовала себя ещё хуже. Приходя, мы целовали её похудевшее личико, пожимали тонкие пальчики. К ней шли все, кто её любил. Желая порадовать, ей устраивали целые концерты.

Выступали Олег Киселёв со своей женой Татьяной, братья Борис и Вячеслав Блохины, Татьяна Мельник и Сергей Кочетков, Виктор Малахов.

Приходил Евгений Белянин. Этот талантливый бард написал на её стихи девятнадцать песен! Он угадал в Лене сильную и страстную женскую натуру, в стихах заявляющую о своём праве на любовь и счастье.

Маскарад на встрече Нового Года в литературном салоне «У Лены».
Сидят - Т. Савонина, Е. Токарчук, Н. Лотоцкая, Л. Козлова, Н. Тарасова.
Стоят - Е. Белянин, О. Панова, Т. Толоконникова, Л. Токарчук.
г. Ульяновск, 2004 год

«Подари мне лебедей в синем озере любви» чудесно пел он её песню. А когда он исполнял её песню «Звёзды», у меня мурашки бежали по спине.

И со всем живым ища согласья,
Я легко зажглась огнём любви.
Звёзды, понимаете, зажглась я!
Может так же вспыхнули и вы.

Леночка спешила. Отложив подготовку своей книги, она согласилась стать председателем Ульяновского конкурса поэтов-инвалидов. Вышла книга, в которую Лена включила стихи сорока таких авторов, причём некоторые стихи они с Зульфией Халиловой перевели с татарского. Книга вышла с предисловием Лены. Она волнует, взывает к милосердию.

Успела Лена подготовить к печати свою книгу «Святорусье», на тему, которой она очень много занималась, о древних верованиях славян, их быте. Послушать книгу приходили школьники целыми классами, студенты колледжа УПК № 44 и другие. Успела она прочитать её и нам. Готовила она к печати ещё несколько книг. Работы было очень много.

Когда-то она писала:
Претерпевший всю боль, спасётся.
Но не присно спасать Мессии.
Не имеешь характер Солнца,
Значит лучше не жить в России.

Л. Козлова, Е. Белянин, Т. Толоконникова, Н. Тарасова
на Дне рождения Е. Токарчук.
г. Ульяновск, 2007 год

«Характер солнца» она имела. Казалось, Леночка долго-долго будет с нами. Но девятого июня 2007 года Ульяновск облетела страшное известие. Леночки не стало.

Ушла из жизни поэтесса с удивительно возвышенной душой, с чистым и искренним голосом, стремившаяся своим творчеством сделать мир прекраснее и справедливее. До самозабвения любившая эту жизнь, она ушла, прожив тридцать лет, одиннадцать месяцев и четыре дня, украсив своим именем русскую литературу, озарив своим светом трудное время Родины и её будущее.

Эта весть быстро долетела до Москвы и других городов. Шли звонки, телеграммы. Люди скорбели. Плакали даже мужчины.

Она ушла. Но осталась память сердца, где она будет жить до конца наших дней. Наследие её очень велико, её маме и брату Андрюшеньке, как она его ласково называла, предстоит большая работа, и они её выполнят.

Когда мы, 11 июня провожали Леночку в последний путь, стоял тёплый безоблачный день. Сияло солнце. После панихиды Лена Нюкало, очень чуткий музыкант тихонько мне сказала: «Я чувствую какую-то необыкновенную радость. Наверное, это Ангелы поют на небесах, они её так долго ждали».

Да, наверное, теперь она с ними. А с нами она была одиннадцать лет, озарив их светом. Спасибо тебе, дорогая Леночка!

2007–2009 гг.

Наталья Ивановна Тарасова
член Клуба поэтов

Поэт стал дорогой любви

Имя Татьяны Толоконниковой, руководителя городского Клуба поэтов, известно читателям по публикациям в прессе, по пяти сборникам Ульяновских литераторов и по собственным книгам стихов «С открытым сердцем», «Время любить» и др.

Тонкий лиризм и одухотворённость её поэзии высветлят печаль грустного читателя, облагородят радость жизнелюбивого, а занимающегося самопознанием позовут к вечным истинам своего соответствия Божественным задачам.

Татьяна имеет корни, связанные с литературной средой. Её отец, известный в начале века поэт, писавший под псевдонимом Борис Сталь, всего лишь на два года моложе Сергея Есенина, был с ним хорошо знаком, выступал на одних подмостках, а с Маяковским даже имел общего антрепренёра. Потомственный петербургский дворянин, человек высокой культуры, отец привил дочери любовь к русской литературе, к идеалам гуманности и доброты. Татьяна ещё девочкой-школьницей написала в ответ на стихи Блока полные любви и сочувствия строки:

«О, бедное сердце,— смеющийся мальчик»,—
Вы так написали тогда,
Мой Светлый, из Снежного Града, не плачьте,
Я Вас не предам никогда.

А все, кто любили Вас, все не сумели
Вам руки дыханьем согреть.
И Вы не сумели уйти от метели,
Но нам завещали успеть.

Преподаватель мировой художественной культуры в Ульяновской СШ № 66, она одаривает своих учеников верой в Добро и Красоту, будит их души, заражает своим стремлением к творчеству. На их глазах она расписывает фойе школы маслом, чтобы ребят встречали родные берёзы и клёны. Она устраивает выставки своих картин, скульптур и кукол, у каждой из которых своё лицо, свой образ. Она учит их общаться, приглашая на встречи выдающихся людей нашего города — поэтов, музыкантов. И я не сомневаюсь: ученики будут гордиться тем, что были первыми слушателями её стихов и прозы.

Стихи Татьяны — исповедь души, то по-детски непосредственной и беззащитной, то полной мудрой нравственной силы. В стихах она признаётся, что принимает жизнь такой, какая она есть, со всей её болью и радостью.

Со всём, что б со мной ни случилось,
Стою на ветру, замирая.
Да сбудется Воля Благая,
Да сбудется всё, что не сбылось.

В стихах поэтессы много отзывчивости, нежности, ласковости к окружающему миру, и сама она ждёт от него ответа, живёт в ожидании чуда, сказочного и прекрасного. В рождественский Сочельник она пишет: «Надеждой светя, я ёлку в душе нарядила».

Я двери открыла, друзей позвала,
Велела уняться метели.

И первою гостьей Звезда Рождества
Стояла у детской постели.

Автора восхищает неукоснительный порядок Вселенной, управляемый неведомой Волей.

«Поёт путь света и звучат необозримые пространства»,
Всему суждённое верша с непостижимым постоянством.
Весне сменять черёд зимы, и быть удаче за потерей...

Толоконникова — тонкий, проникновенный лирик, она воспевает любовь от смутного её предчувствия, скорее похожего на неясное воспоминание, до понимания любви как служения, преображающей силы, как счастья. Любовь — это готовность к подвигу:

Только я отведу от тебя лихолетья и тризны,
Только я на ветру наше счастье удерживать буду,
Даже если не веришь и вновь отказался от чуда,
Я до Горней Любви донесу наши разные жизни.

Жизнь и любовь не могут быть только праздником. Приходят утраты, разлуки, расставания. Как же сдержанно, целомудренно и светло говорит о своей печали поэтесса:

Роскошь сентябрьских клёнов,
Рубины рябиновых ягод,
Как взгляд, безнадёжно влюблённый,
Сладостью на сердце лягут.
Ты мне безумно нужен,
А встретимся, и не рада,
Словно предчувствую стужу
Щедрости листопада.

Ритм стиха таков, словно падают капли слёз. Но слёз нет. Нет злости и отчаяния. Татьяна учит нас мудрости смирения. Она тихо ищет поддержку у тех, кто без слов поможет «отпустить печаль с курлыканьем журавлиным».

Автор считает, что все наши земные встречи — драгоценный подарок судьбы. Они обогащают нашу жизнь переживаниями, помогают познать себя и других, озаряют радостью.

За каждый взгляд, за каждое «люблю»,
За всё, что жизнь в душе моей взрастила,
Премудрого Отца благодарю
За всё, за всё, что не было и было.

Поэтесса верит, что духовное единение творческих людей, устремлённых к свету и добру, представляет могучую силу, воздействующую на умы. Она, рождённая под знаком Водолея, надеется, что наступающая эра Водолея принесёт народам мир, гармонию и процветание.

Стихи Татьяны Толоконниковой напевны и мелодичны, содержание их так тепло и проникновенно, что к ним в своём творчестве обращаются многие ульяновские музыканты. Прекрасные романсы и песни написали Елена Нюкало, Людмила Эпик, Ирина Мартынова, Ринат Шарипов. Удивительно чистый и сердечный цикл песен на её стихи создал и исполнил ульяновский бард Борис Блохин.

Поэтесса нередко выступает со своими творческими вечерами-концертами. Когда она выходит на сцену, зрители никогда не остаются равнодушными. Голос её прямо-таки завораживает музыкальностью. В этом году у Татьяны Борисовны был юбилей. Пожелаем этой замечательной поэтессе и чудесному человеку здоровья, счастья и новых творческих успехов. Мы любим её и ждём её новых стихов.

2012 г.

Наталья Ивановна Тарасова
Участник «Литературной гостиной...»

Подарок судьбы

Одухотвориться мало, надо послать
Духовный поток правильно –
С точки зрения Мироздания
послать как Солнышко – всем.
Л.Козлова (Брызги)

По длинному коридору пединститута лёгкой походкой идёт женщина. Изящная голова её высоко поднята. Это преподаватель, профессор — Лилит Козлова. Но профессорской маститости, важности в ней нет совсем. При встречах моментальная готовность к радости, к сорадованию. А её смех, заливистый и беспечный, звучит почти по-детски.

Когда я лет двадцать назад приходила в институт и искала Козлову, её коллеги говорили: «О! Козлова — это наша звезда». Да, она была звездой института, но сейчас небеса этой звезды гораздо выше и шире. Да и сделано для этого не мало. В тридцать лет докторская диссертация. Хотя, когда её делать? Помощи никакой, одна, на руках четыре дочки.

Я обязательно пойму,
Зачем дана Судьбы отсрочка,
Четыре маленькие дочки,
И ничего, и никому...
И тихий Бог в моём дому...

Надо было пройти трудное предвоенное и военное детство, безденежье, личные и семейные драмы, гонения на генетику, то чем она занималась как биолог и физиолог, и всё выдержать, выстоять, не сникнуть. Вырасти духовно и стать собой.

Узнать себя. Увидеть Новый Свет,
Обогатиться, прогореть в горниле,
И, может статься, получить ответ,
Зачем на эту землю приходили...

Ни обиды на жизнь, ни претензий к кому-то у Лилит нет.

Ни обгорелых пней,
Ни сломанных деревьев...
Судьба нам даровала Тишину,
Пространство Нежности
И неизбывность Веры
В высокую приливную волну.

На мой взгляд, выковать силу воли, внутреннюю устойчивость, всегда стремление к скорости — помог спорт. С юных лет лыжница, слаломистка, турист-водник на плотах, скоростной автолюбитель. Её девиз: «Смелость поступка, решительность... Смелость жить. Вперёд, вперёд и вперёд, отступления нет, победа или смерть... И умирала и возрождалась — из пепла Фениксом». Так она писала в днев-

Представление новых книг участников «Литературной гостинной».
Сидят - Т. Шатунова, Н. Тарасова, Л. Козлова, Л. Токарчук.
Стоят- Л. Серзина, Н. Горобей.
г. Ульяновск, 2014 год

нике «Брызги». Но провидение посылает помощь. И опору она нашла в творчестве Марины Цветаевой. Эта гениальная поэтесса оказалась созвучна Лилит, и она полюбила её всем сердцем.

Началось изучение её жизненного пути и развития её души от рождения до гибели. В результате дружба с сестрой Анастасией Ивановной, встреча со свидетелями, поездки в Елабугу, в Коктебель, в Борисоглебский переулок, участие в конференциях. И одна за другой выходят её пять книг о духовном росте Марины и одна об Анастасии Ивановне. В это время выходит её большой автобиографический роман «Грозовое серебро» о своём духовном преображении, о просветлении. О «собирании себя».

Лилит находит гармонию в себе. Находит Бога в своей душе. Старается передать это людям. Она лектор, она читает свои произведения в библиотеках, в музеях, в школах, на заводах. Те сокровища, что она собрала, она старается отдать людям.

Однажды я была свидетелем, как к ней домой пришла девушка с вопросом: «Как жить?». Наверно она отвечала ей то, что я позже встречала в её книгах. «...Жить нужно во всех мелочах настоящего, смягчая столкновения, на сколько это возможно... Быть сильной, устойчивой в страданиях, в работе души — этот смысл открывается только в беде... Лучше сделать, чем не сделать, за исключением того, что имеет внутренний запрет». Так о своём опыте она пишет: «Путь к себе, в свою глубину, к своему высшему Я — путь к Богу».

Л. Козлова и Н. Тарасова.
г. Ульяновск, 2016 год

«Ах, кто бы знал, какой ценой
Сегодня радость надо мной
И ликование в груди.
Господень Промысел, гряди».

Желание иметь единомышленников, постоянный состав слушателей приводит к тому, что в 1993 году Лилит Николаевна организует в Ульяновске «Литературную Гостиную», куда пришли люди разного возраста, образования и специальностей. Они были заняты духовным поиском. Многие из тех, кто пришёл тогда, и теперь с ней. Уча их, Лилит училась сама, в том числе и от них. Она не ставила себя ментором. Всё решалось вместе. Вместе погружались в духовную жизнь «Серебряного века», вместе знакомились с творчеством и дружили с З. А. Миркиной и Г. С. Померанцем, которые оказали и оказывают влияние на всех «литераторов». Огромное значение имело объединение с «Литературно-музыкальным салоном Елены Токарчук». Появилась музыка. Зазвучали песни. Встречи расцвечивались новыми красками, давали ощущение «радости и ликования».

Лилит не устаёт прислушиваться к жизни, радоваться и удивляться. Она говорит, что Радость — это жизнь в Боге. Названия её книг говорят за себя «Сокровенный час», «Успеть», «Я просто есть», «Капли». Она ищет эту радость не только в Горнем, но и в повседневной жизни. Она стремится к гармонии, к слиянию с природой. Она хочет принять в душу всю Вселенную. И хочет получить ответ от Вселенной, почувствовать поток благодати, ощутить лёгкость, радость, ласку.

Я нашла две капельки росы
В маленьком засохшем лепестке.
И поплыли странные часы
На пустынном дремлющем песке.
Как, немея, хочется сказать
Жарким сердцем, стихнувшей собой...
И, смеясь, запела Благодать,
Обнимая облачной рукой...

Раньше она входила в закаты, снимая на слайды эти минуты красоты и нежности прощания природы с Солнцем. Сейчас она испытывает восторг входя в радугу, создаваемую струёй воды, поливая из шланга или разговаривая с цветами, входя в заросли мальв. Не напоминает ли нам это что-то знакомое.

Попробую процитировать: «Стояла засуха. Зной, душный, как в оранжерее, вызывал томительную жажду. Вдруг раскалённая, обжигавшая ноги дорога заскользила вниз, и я увидел в десятке метров перед собой излучину долгожданной речки. Что за жемчужина мироздания, что за прелестное Божье дитя смеялось мне навстречу. Швырнув на траву тяжёлый рюкзак и сбрасывая на ходу немудрящую одежду я вошёл в воду по грудь. И когда горячее тело погрузилось в прохладную влагу, а зыбь теней и солнечного света задрожала на моих плечах и лице, я почувствовал, что какое-то невидимое существо, не зная из чего, сотканное, охватывает мою душу с такой безграничной радостью, с такой смеющейся весёлостью, как будто она давно меня любила и давно ждала. Она была как бы тончайшей душой этой реки — вся состоящая из прохлады и света, беззаботного смеха и нежности, радости и любви».

Конечно, это Даниил Андреев, духовный поэт и мыслитель.

В новой книге Лилит Николаевны, вышедшей уже 2010 году «Прислушайся к себе» есть стихи, которые рисуют такие замирания, затихания, когда как говорил поэт «Природа, наклоняясь к моим плечам, откроет свои детские секреты».

Притихни и прислушайся к себе
Ты слышишь — капля радости упала!
И облачко зарёю засияло.
Листок сорвался золотым пятном,
И ласточка в просторе осмелела
И сердце, переполнилось, запело
И залило любовью всё кругом.

Такая тихая встреча с природой, как с живым, мыслящим существом даёт ощущение счастья и покоя.

Но удивляет то, что Лилит в природе находит не только элегическое чувство, но и игру и настоящий юмор.

Слитки золота повисли
Осень празднует ушу
Я играю с вами листья,
Я ногами вас шуршу

И тут же поэт преображается в этот самый осенний клён,

Смотрите, в солнечной порфире
Я полыхаю как костёр.
Роняю листья в ярком пире,
И на траве-цветной ковёр!
Мои ладошки-оригами-
Ну, хочешь, собери домой!
А ты шуршишь по ним ногами...
Мне так щекотно, Боже мой!

Такой же радостно и ласково-шутливый разговор дождика с прохожим, где дождик уговаривает прохожего благосклонно принимать все изменения погоды. А тайфун «Лилит», который бушует на Курилах, автор, как тёзку, нежно увещевает:

Лилит, мой свет, зачем беда такая?
Ведь он, наверно, что-то разрушает
На островах, заброшенных и милых!
Лилит — и вдруг бушует на Курилах!
Крушит дома и вызывает слёзы?!
А там уже метели и морозы!
И сколько там сейчас квартир остылых!
Ах, ну зачем ты столько натворила?
Конечно, я давно уже летаю
Не бушевать!... И где же? На Курилах?!

Много мыслей и стихов Лилит посвящает любви. Она пишет: «Самое ценное, что можно получить от другого в подарок — это собственное чувство любви к нему. Удивительное ощущение в таком состоянии- любишь всё и всех». Поэтесса воспевает счастье созвучия с другой душой.

Чьи-то ласковые руки
Принесли пригоршню песен,
И божественные звуки
Отворили радость дня!
Без твоей души созвучной
Зримый мир настолько тесен!
И выплёскиваю искры
Страсти, жизни и огня!

Или ещё одно очень знаковое стихотворение о любви. Любовь делает любящего молодым, смелым и счастливым.

Я богата своей любовью,
Богоданной Любовью к тебе!
И зима, подойдя к изголовью,
Заневестится в светлой судьбе.
Как сияет безбрежное небо!
И ярило волшебной рекой
Сквозь высокий душевный покой
Заливает и были и небыль.

Лилит Николаевна живёт интересной, насыщенной, интенсивной жизнью. Песня сердца, которая звучит у неё в груди, выплёскивается на бумагу прекрасными стихами. Законы любви, которые она открыла, дают ей возможность осветлять души своих учеников и последователей и всегда идти вперёд.

И хочется Вселенную обнять
И раствориться в заповедном взоре.
Душой вместить всё небо и всё море,
Чтоб радость неимущему отдать.

2014 г.

Наталья Ивановна Тарасова
Участник «Литературной гостиной...»

«Вместе с Вами творить интересней...»

Вместе с Вами творить интересней.
Я вхожу в Вас, как будто в музей.
То стихом, то рассказом, то песней
Проливаетесь в души друзей!
20 ноября 2002 г.

Токарчук Е. В. «Я иду к тебе с улыбкой»:
Книга стихов-посвящений
Ульяновск, 2009

Инна Самуиловна Янкелевич... К описанию этого образа я подступаю с огромным желанием, т.к. этот человек мне интересен, но и с огромным трепетом, т.к. глубина и содержание Инны Самуиловны для меня — неохватны.

«Наша замечательная Инна Самуиловна» — называет её руководительница нашей Литературной гостиной Лилит Николаевна Козлова, профессор педуниверситета, писательница, поэт и неутомимая исследовательница жизни и творчества Марины Цветаевой.

Говорить об Инне Самуиловне и не говорить о Литературной гостиной нельзя, т.к. с ней я познакомилась только благодаря встречам у Лилит Николаевны Козловой. Это было ещё до создания Литературной гостиной.

В конце 80-х годов Лилит Николаевна начинала свои исследования о Марине Цветаевой и печатала их в журналах. Группа людей, в том числе Инна Самуиловна и я приходили на её «Четверги», были слушателями её первых произведений о Марине — «Росток серебряный», «Римский семинарист» и др. Мы мало общались между собой, но были захвачены деятельностью Лилит Николаевны. С ней вместе мы жили её дружбой с Анастасией Ивановной Цветаевой, вместе с ней преклонялись перед духовными стихами Зинаиды Александровны Миркиной, посещали лекции Рериховского общества, бывали на концертах Александра Васина и других вокальных групп, знакомились и «ходили в гости» к Ирине Одоевцевой, только что вернувшейся из двадцатилетней эмиграции.

И так шла наша жизнь. Я не помню отдельных лиц, т.к. слушатели себя не проявляли, слушали и молчали, но вот Инна Самуиловна запомнилась.

А в 1993 году Лилит Николаевна объявляет в газете о создании Литературной гостиной. И пришли люди яркие, содержательные, жаждущие духовной, возвышенной жизни, которые верили, что в ней они найдут мудрого учителя.

Она начала с того, что каждый рассказал о себе, открыл всем своё сердце и причины, почему он оказался здесь. Когда все познакомились и подружились, Лилит Николаевна начала читать лекции о поэтах Серебряного века — о Гиппиус и Мережковском, о Всеволоде Иванове, Максимилиане Волошине, о Бальмонте, Брюсове, Блоке, Мандельштаме, Маяковском. Она раскрывала не только сокровища их творчества, но и страдания, борения, падения и восхождения этих великих творцов на пути к Истине, к Богу. Все слушали с замиранием сердца. И весной 1996 года мы почувствовали себя другими людьми, внутренне раскованными и свободными. Над нами витал дух Миркиной с её уникальной способностью чувствовать Бога рядом с собой и жить ради Него.

После знакомства с «Живой этикой» Рериха, каждый из нас ощущал себя частицей Космоса, ответственной за всю Вселенную. Мы уже понимали, что всё в мире держится любовью. Гармония Вселенной основана на законах Любви, Веры, справедливости. Малейшее зло, даже злая мысль — нарушает равновесие мира, ведёт его к краху. Мы уже не молчали, а старались выражать свои мысли. После занятий часто не разлучались, а гуляли по Венцу, весной благоухающему от цветущей сирени, любовались просторами Волги, красотой нашего города. Было чувство общности, чувство влюблённости друг в друга и в нашу руководительницу Лилит Николаевну. Верили, что мы друг у друга есть. Наша дружба рождала в душе восторг.

Всем нам казалось, что своим добром, счастьем, своей радостью мы разливаем в мире благодать и делаем светлое, полезное дело. Что за люди тогда нас окружали?! Даже если они сейчас не рядом, всё равно с нами остались их душевное тепло и силы.

Разве мы не помним стихов чудесной, романтически настроенной Наташи Горобей с её девически чистым циклом: «Мой единственный, ласковый, солнышко»?! Разве не благодарны Виктору Малахову, который всех стремился посвящать в свои философские изыскания и порадовать стихами?!

А Олег Юрьевич Киселёв?! Какое наслаждение было видеть его артистистизм и слушать его пение и гитару! А Наталья Сергеевна Новицкая, начавшая кроме стихов писать ещё и картины, которые выставлялись в музеях!

А всеми любимая Раиса Григорьевна, учительница литературы Бирючёвки, читавшая прекрасные сочинения своих учеников?! А добрейший Саша Ульянов, поэт и строитель, старавшийся всех чем-то одарить, неизменно носивший тяжёлую сумку Инны Самуиловны и угощавший только что собранными лесными ягодами каким-то особенным деревенским хлебом и святой родниковой водой, привезённой им из его паломнических поездок. И ещё Саша покупал интересные книги, прочитывал их, приносил на занятия и раздаривал.

Мы радовались красоте наших прелестных женщин: Тани Труновой, Наташи Гущиной, Любы Токарчук, Людмилы Серзиной... Татьяна Трунова начала писать Зинаиде Александровне Миркиной и даже послала ей посылку, я и Наташа Горобей напечатали свою переписку в «Ульяновской правде», а Людмила Серзина помещала свои публикации о Литературной гостиной и её членах в заводских газетах.

И в это время, летом 1996 года я познакомилась, вернее сказать, впервые заговорила с Инной Самуиловной. Мы обе случайно пришли в Логопедический центр, в котором тогда занимались, на час раньше начала занятий, сели у входа на ступеньки и разговорились.

Инна Самуиловна перед этим потеряла обоих своих обожаемых родителей. Но она уже перешла ту границу острого горя, когда боль невыносима, она уже смирилась, немного успокоилась и как бы начала ощущать их помощь и поддержку. Мне, перенёсшей раньше такую же утрату, это было близко. Мы стали беседовать.

Сидят - И. Янкелевич, Н. Тарасов, Н. Никищенкова, Л. Токарчук, Л. Козлова.
Стоят - Л. Ануфриева, Т. Карпова, Т. Шатунова, Л. Серзина.
г. Ульяновск, 2016 год

Мне понравилась её неторопливость, живой, доброжелательный взгляд из-под толстых линз очков, её спокойное достоинство. Было понятно, что это человек высокой культуры и хорошего воспитания. Но было ещё что-то, что приподнимало её над обыденностью. В ней была какая-то значительность. Возможно, это генетическая память важности своего рода, не осознаваемая ею самой?

Кто были её предки? О них знаем из её рассказов. Отец и мать занимались научной психологией в педуниверситете. Отец был доцентом, человеком большой эрудиции, имел свои труды, переписывался с секретарём переводчика с индийского на русский язык эпоса «Бхагавадгита». Дед по отцу был врачом, универсальным специалистом, самоотверженным и демократичном, по словам Инны Самуиловны «типа доктора Чехова».

Среди родных отца были выдающиеся люди. Об одном из них, известном адвокате, написана книга и названа улица в Израиле.

Отец имел музыкальные способности и в родне были музыканты. В памяти Инны Самуиловны один из них — профессор Московской консерватории, учившийся вместе с Рихтером, был хорошо знаком с Софроницким и Шостаковичем.

Когда Инна Самуиловна начинает говорить о матери, лицо её преображается. По её воспоминаниям это была замечательная женщина. Умница, деятельная, талантливая, с развитым чувством интуиции, прекрасная рассказчица, понимающая и любящая людей. И люди платили ей тем же.

По молодости, получив педагогическое образование, она работала в колонии малолетних преступников. Своим обаянием и добротой она сумела так растопить сердца своих воспитанников, бывших беспризорников, что они не только переставали воровать, но и возвращали украденное.

Мать высоко ценила и любила литературу, художественное слово, понимала его колоссальную силу. Одна и со своими питомцами она бывала на встречах с писателями: Маршаком, Пантелеевым, была на встрече с Бианки.

Инне Самуиловне повезло. Она родилась в семье, где была не только любовь, но и духовная близость. По рассказам Инны Самуиловны в семье не было никакого накопительства. Ценились знания, достижения мировой культуры, книги и добрые дела. Подруги Инны Самуиловны очень любили её мать. К 100-летию Марии Михайловны одна из подруг Инны Самуиловны сочинила про неё поэму, выразив восхищение её личностью.

Внимание Марии Михайловны к людям было глубоким и тёплым. Инна Самуиловна рассказывала, что однажды в Полтаве родители посетили дом-музей Владимира Галактионовича Короленко. Трепетный интерес к памяти этого выдающегося писателя-гуманиста не укрылся от экскурсовода, которым тогда была дочь Владимира Галактионовича. Тронутая, она подвела их познакомиться к вдове В. Г. Короленко. И когда, какое-то время спустя, жена писателя умерла, дочь разыскала их адрес и пришла к ним, как к родным, чтобы разделить горе, и принесла им букет цветов.

И так было всегда. Родители много общались с известным учёным и мыслителем Александром Александровичем Любищевым. Бывая вместе с родителями в гостях у Любищевых, Инна Самуиловна восхищалась необыкновенной и интенсивной трудоспособностью учёного, поражалась интенсивностью его духовной жизни, широтой его мышления и человеческим, гражданским бесстрашием.

В годы сталинских репрессий, когда люди боялись доносов, учёный помогал материально оставшейся без средств семье одного из репрессированных. Сейчас, когда Любищевские чтения проходят ежегодно, верная его светлой памяти Инна Самуиловна, всегда на них присутствует, всегда старается рассказать о нём, его бла-

Н. Тарасова и Т. Трунова.
г. Ульяновск, 2013 год

городстве. Те, кто знал и любил её родителей, стали ей друзьями после их смерти. Среди них — путешественник, издатель, литераторы, врачи, учителя. В Дни памяти она их собирает, чтобы поговорить об ушедших, помянуть их добрым словом.

Но с особой нежностью Инна Самуиловна вспоминает свою бабушку Римму Павловну Крылову и именно её считает родоначальницей богатого духовными традициями рода. Воспоминания о бабушке, прекрасной русской женщине, Инна Самуиловна опубликовала во втором номере литературного альманаха «Карамзинский сад» за 2000 год под фамилией Топлянинова. Это фамилия её прабабушки, дворянки из некогда богатой семьи. Ещё до революции семья обеднела, и рано оставшаяся круглой сиротой её бабушка воспитывалась в приюте. Она освоила на самом высочайшем уровне все женские умения — шитьё, вышивку, вязание, кулинарию. Позднее она научилась тачать модельную обувь. В тяжёлые годы начала 20-х прошлого века, когда семья жила в ужасающей бедности, именно Римма Павловна своим рукоделием, которое делала на заказ, вытащила семью из нищеты.

Своим трудом, терпением и любовью она смогла создать тёплый и ласковый дом для своих семерых детей и одного приёмного. Почти из ничего она устраивала для малышей и их друзей маленькие праздники, приучая их радоваться малому. Укладывая спать, пела песенку:

Завтра, как проснёшься,
И откроешь глазки,
Снова встретишь солнце.
И любовь, и ласки.

Дети видели, как она помогает больным и бедным. Она учила детей находить радость в общности со всеми людьми, в труде и честности, в приобретении знаний.

Учила уважать чужой труд, любить и уважать других людей. Эти уроки душевного благородства остались с ними на всю жизнь. Когда за вечерним столом собиралась семья и кто-то один что-то читал или рассказывал, то остальные внимательно слушали, занимаясь своим рукоделием. Очень часто все вместе пели. Дед и отец Инны Самуиловны имели прекрасные голоса и абсолютный слух, пели романсы и арии из опер, часто на домашних вечерах звучала игра на скрипке. Их тёплый дом притягивал всех знакомых и соседей.

Узнала я, что Инна Самуиловна очень любит стихи. Их она знает множество. Это Пушкин, Жуковский, Некрасов, Лермонтов, Надсон и все русские поэты.

На любую мысль у неё приходит на память стихотворение. Они у неё близко — в сердце. Любит она и современных поэтов. Любит поэзию Лилит Козловой, поэзию Зинаиды Миркиной, поэта-фронтовика Константина Симонова, ульяновской поэтессы Светланы Матлиной и других ульяновских поэтов. Когда она читает стихи, голос звучит молодо и музыкально. Голос её инструмент. Много лет она проработала логопедом в системе здравоохранения и на этом поприще сделала много полезного. Недавно, неделю назад, мы возвращались с Людмилой Серзиной с домашнего Литературного четверга Лилит Николаевны и были свидетелями такого случая — на трамвайной остановке, в темноте к нам подошёл молодой человек совсем неинтеллигентного вида, да ещё и подвыпивший, и стал горячо благодарить Инну Самуиловну, говоря, что когда-то он ходил к ней на занятия. Оттого, что было плохо видно, она не вспомнила его сразу, а может быть потому, что у неё таких было много. Мы с Людмилой Серзиной уже ехали в трамвае, а молодой человек всё стоял с Инной Самуиловной на остановке, держал её за руку и благодарил.

Ещё одна её страсть — любовь к живописи. Где бы она ни бывала за свою жизнь, она всегда посещает художественные музеи и выставки. Будучи у родственников в Москве, она сумела попасть на выставку Дрезденской галереи.

Способность её рассказать о картине так, чтобы её могли представить зримо даже невидящие люди, позволяет ей с успехом читать небольшие лекции в Обществе слепых. Там она рассказывала о выставке Рембрандта, об импрессионистах — Моне и Ренуаре, о рисунках Нади Рушевой.

Почему в Обществе слепых? К сожалению Инна Самуиловна — член общества слепых. В военные годы в эвакуации в городе Вольске она жила в доме без света и отопления. Ослабленная голодом одиннадцатилетняя девочка готовила уроки при коптилке, отчего зрение стало катастрофически быстро падать. Но она сумела не сдаться, не впасть в уныние. Видно, помогла доставшаяся ей по наследству от бабушки Риммы Павловны — стойкость и любимая молитва, так же доставшаяся ей от бабушки: «Милосердия двери отверзи нам, Благословенная, Пресвятая Богородица. Надеющиеся на тя да не погибнем, но да избавимся Тобою от бед. Ибо Ты еси, спасение рода христианского».

Когда организовался Литературно-музыкальный салон «У Лены», Инна Самуиловна стала бывать там, впитывая, как и все мы, атмосферу добра и света этого дома, восхищаясь лучезарными талантами Леночки и способностью Любови Константиновны встречать всех с любовью и лаской.

Инна Самуиловна всегда старалась поделиться с Леночкой, которую очень любила, своими знаниями открывала её свой мир, рассказывала о встречах с интересными людьми, делилась впечатлениями о прочитанных книгах. Леночка тоже была рада, когда приходила Инна Самуиловна, ей нравились её всегда продуман-

ные выступления нравились они не только Леночке, но и всем нам. Начитанность, умение чётко и интересно высказывать свои мысли, доброжелательность и скромность делали Инну Самуиловну желанным гостем как в Литературной гостиной, так и в литературно-музыкальном салоне «У Лены».

Инна Самуиловна обладает литературным дарованием. У неё написаны воспоминания об отце, бабушке, тёте и более далёких предках, а её умение с мельчайшими подробностями воссоздать историческую обстановку, точный образ — её характерная особенность. Если бы ей удалось издать эти воспоминания — получилась бы хорошая, интересная книга, которая учила бы добросердечию и сопереживанию.

Когда был 70-летний юбилей Лилит Николаевны, мне выпала честь написать о ней статью в «Ульяновскую правду», именно Инна Самуиловна была моим первым критиком, подсказывала, что и где надо убрать, а на чём заострить внимание, за что я ей очень благодарна.

Для Инны Самуиловны естественно вести просветительскую работу. Когда она узнаёт о какой-нибудь выставке, о встрече с интересным писателем или художником, интересном концерте — она старается оповестить об этом как можно большее количество людей.

По приглашению Инны Самуиловны я была на встрече с внуком писателя-эмигранта Зайцева, который рассказывал много интересного о жизни русской общины во Франции: о том, как они собираются вместе по церковным праздникам, как сберегают веру православную и родной язык. Рассказывал об организации вечеров знакомств для молодёжи, чтобы было обычаем жениться на своих соотечественниках.

Я была вместе с Инной Самуиловной в обществе книголюбов, где одна паломница делилась своими впечатлениями о поездке в Иерусалим, показывала на карте и фотографиях крёстный путь Иисуса.

Вместе с нею были на выставках и встречах с художником Львом Нецветаевым и художником-фронтовиком Иваном Франго.

Инна Самуиловна всегда интересовалась не только моей жизнью, она часто спрашивала меня и о моих детях и внучках. Она, например, узнав о выставке кукол, говорила, что она будет интересна моим внучкам или, говоря о популярном симфоническом концерте, подчёркивала, что он наверняка будет интересен для маленьких девочек...

Она часто звонит мне. С ней мы нередко читаем стихи. Иногда с большим удовольствием поём песни.

А хочется мне закончить своё повествование любимыми стихами Инны Самуиловны — строчками стихов В. А. Жуковского:

О милых спутниках, которые наш век
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской — их нет!
Но с благодарностию — были!

2018 г.

Наталья Ивановна Тарасова
Участник «Литературной гостиной...»

Поздравление юбиляру

Самое ценное, что можно получить от
другого в подарок — это собственное
чувство любви к нему.
Кого здесь благодарить?! Наверное, Бога...
Лилит Козлова.

А я влилась в потоки ветра,
В лученье Солнца, в плеск воды.
С волненьем Северной Деметры
Я поглощаю километры
И воспаряю до звезды.
Лилит Козлова.

Дорогая Лилит Николаевна!

Поздравляю Вас с Вашим славным юбилеем! Желаю долгих, долгих лет счастливой жизни и, конечно, здоровья. Желаю безграничного окрылённого полёта Вашей душе! Желаю, чтобы Ваше сердце переполнялось Солнцем и чтобы Вы встречали такое же сияние в ответ!

Спасибо Вам, что Вы — есть и всегда будете в моей жизни!

Я люблю Вас, Лилит Николаевна! Люблю Вашу всё преодолевающую Душу, которую Вы открываете нам и ведёте к Добру, Свету, Любви! Я счастлива, что когда-то давно, 40 лет назад Вы нашли в письмах Анастасии Цветаевой меня и позвали на Ваши «Четверги»:

В тёплые руки твои
Свою погружаю ладонь.
Это — счастье!
В твой недописанный стих
Свои направляю стихи,—
Будем вместе.

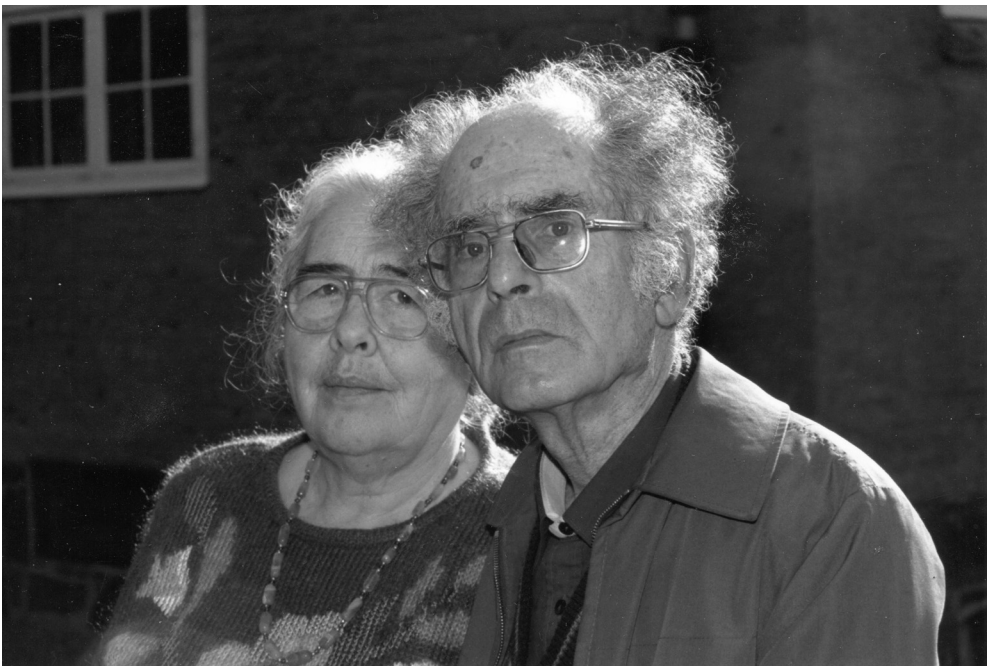
Благодарю Вас, Лилит Николаевна, за неравнодушие, за то, что Вы в каждом встреченном на пути видите Бога, считаете, что все друг для друга — учителя. Спасибо, что от Вас было усвоено: открываться жизни, смело идти вперёд, преодолевая препятствия и неудачи, беречь священный огонь любви, дорастая до любви к Богу...

Желаю Вам, Лилит Николаевна, всегда быть такой, как сейчас — сохранять вкус к жизни, быть полной разных желаний и радоваться их выполнению, благодарить Бога за «ученичество» и дарить людям свою светлую и добрую энергию, свою любовь...

Живите, Лилит Николаевна, так же красиво, вдохновенно и чисто! Пусть всегда звучат Ваши слова:

...Какая радость надо мной,
И ликование в груди,
Господень промысел, гряди!

2018 г.

Зинаида Александровна Миркина и Григорий Соломонович Померанц

Переписка Н. И. Тарасовой с З. А. Миркиной и Г. С. Померанцем

Зинаида Александровна Миркина (1926–2018) — русский поэт, переводчик, литературовед, эссеист. Жена философа Григория Померанца.

С середины 1950-х начала переводить; наиболее заметные работы — переводы суфийской лирики (впервые напечатаны в 1975 году в томе «Арабская поэзия средних веков» серии «Библиотека всемирной литературы»), Тагора, Рильке (в частности, перевела все сонеты к Орфею).

Интенсивно печататься стала лишь с начала 1990-х годов. Вышли сборники стихов «Потеря потери» (1991, переиздано в расширенном виде, включая переводы суфийской поэзии, в 2001), «Зерно покоя» (1994), «Мои затишья» (1999), книги «Огонь и пепел» (работа о Цветаевой, 1993), «Истина и её двойники» (работы о Достоевском и Пушкине, 1993), «Три огня» (сказки, 1993), «Озеро Сариклен» (роман плюс сборник стихов «Дослушанный звук», 1995), «Великие религии мира» (совместная работа с мужем — Григорием Померанцем, 1995, переиздано в 2001), «Невидимый собор» (работы о Рильке и Цветаевой плюс все переводы Рильке, 1999), «У костра гномов» (сказки, 2000).

Среди переводов Зинаиды Миркиной — «Сонеты к Орфею» Райнера Марии Рильке. Совместно с супругом, философом-гуманистом Григорием Померанцем, издала работу «Великие религии мира».

Григорий Соломонович Померанц (1918–2013) — российский философ, культуролог, писатель, эссеист. Участник Великой Отечественной войны. Участник диссидентского движения. Муж З. А. Миркиной.

Зинаида Александровна Миркина

25 декабря 1992 года. Ульяновск.

Дорогая Зинаида Александровна! Поздравляю Вас с Новым Годом и с Рождеством Христовым! Вечером 6 января, в сочельник, у нашей группы будет занятие, и Лилит Николаевна расскажет о Вас и Вашем творчестве. Лилит Николаевна специально выбрала тему — «З. А. Миркина», чтоб сделать нам, слушателям, Рождественский подарок, дать прикоснуться к Вашей «бездонности сердца и бескрайности духа». И мы услышим Ваши мудрые мысли о Марине Цветаевой, о Достоевском и Пушкине, услышим стихи о связи души с Богом в безбрежном, вечном мире; о Вашей нежной любви ко всему сущему — видимому, невидимому, давно ушедшему (о Маме).

И хотя поэзия всегда неточный перевод того «бездонного молчания», мы будем очень любить Вас, станем чище и с благоговением и благодарностью воспримем потоки Света, что прольются на нас. И, наверно, нам будет так радостно, что сможем сказать вслед за Вами — «Я сегодня счастлива, мой Боже, я сегодня просто Твоя птица». И с такой просветлённой душой встретим Рождество. Желаю и Вам, Зинаида Александровна, светлого, счастливого Рождества Христова!

С уважением Наталия Ивановна Тарасова.

10 мая 1993 года. Ульяновск.

Здравствуйте, дорогая Зинаида Александровна! Встретить такую книгу, как Ваша «Истина и её двойники» — огромная удача для человека. Она заставляет искать, метаться между светлым и тёмным, учиться страдать и преображаться, как Достоевский и Пушкин, во имя высокой простоты. Сейчас, после радиопередачи Ваше имя известно уже очень многим. Я познакомилась с Вашими стихами благодаря Лилит Николаевне Козловой, автору 4-х книг о творчестве Марины Цветаевой, читающей о ней в своём кружке, ведущей семинар по духовности, а сейчас рассказывающей нам, тем, кто посещает этот кружок, о «Серебряном веке». Это было два года назад. Стихи Ваши удивительные, как молитва, как путь к восхождению. Но про-

за прямо потрясла меня. В ней пишутся ответы на те вопросы, которые у нас в головах, которые ставит жизнь и религия. Для меня Ваша книга — кладезь мудрости. Мне 58 лет, всю жизнь проработала в цехе технологом по пластмассам. Сейчас в семье постоянно бывают ситуации, решить которые трудно. Или «Не мир, но меч» или «Взявши меч — мечом погибнут». Вы чудесно написали: «Правильные вопросы ответа не имеют». Но я всё же в большинстве случаев выбираю второе. И после радуюсь, что не поступила иначе.

Ещё на один для меня трудный вопрос получила ответ у Вас. У моей семьи есть дача. За домиком совершенно открытое, зелёное поле, никаких строений, никаких людей. Ровный горизонт и открытое небо. На участке ведь надо постоянно работать. А я очень люблю сидеть одна за домиком, слушать тишину, тонуть в голубизне неба и впитывать этот струящийся на меня свет. Время останавливается. Дыхание замирает. Это что-то невыразимое.

Я всегда думала, почему я люблю это, разве я лодырь? И вдруг у Вас читаю — это созерцание! Так прекрасно сказано: «Самое пассивное состояние души. Земля, принимающая семя. Никакого движения. Совершается таинство. Происходит зачатие от духа».

И вот ещё один момент, на который не знаю, получила ответ или нет. Если у Вас есть время — расскажу. Я много лет дружила с деревом, росшим около нашего балкона и доходившим только до 4-го этажа, когда 23 года назад мы поселились в этом 4-х этажном доме. Мы жили на 4-м этаже. Это дерево «видело» меня каждый день, и когда я с ещё живой мамой сажала цветы, и как я сушу пелёнки младшего сына, и как уже сушу его взрослые джинсы и т.д. Дерево растёт. Балкон выходит на Запад. И когда солнце светит сквозь каскад листьев выросшего дерева — это так красиво. Но над нами электропровода, и я говорю веткам: «Ложитесь на крышу, а то вас спилят!» они послушались.

Наш балкон на 4-м этаже стал зелёной беседкой. Я, выходя, улыбалась солнцу, дереву, теплу, протягивала к нему руки. И вот лет 7 или 8 назад мне стало казаться, что дерево встречает мои выходы, листочки его (это тополь) как-то особенно трепещут, словно дерево улыбается или заигрывает со мной, как ребёнок. Я стала разговаривать с ним, как с маленьким: «Ну, как ты, малышка?» или ещё что-нибудь ласковое. Оно, казалось, трепетало, как малыш или щенок при встрече. Так как у меня нет родных в этом городе, я, выходя, нередко жаловалась ему на неприятности в семье (у кого их нет?) и оно как бы утешало меня. Мне так казалось. Каждый год наши отношения немного отличались.

Был год, когда дерево ко мне так привязалось, что словно тянуло меня к себе. Задерживаясь с работы, я словно чувствовала его беспокойство. А если не выходила несколько дней, то даже бывало сердитым и грозным. В другие года — поспокойней. Иногда оно отвечала на вопросы, через это дерево ко мне пришла мысль о законе перевоплощения, о котором узнала позже из Агни Йоги. Когда я стала старше, стала уставать, я заметила, что лишь выхожу, улыбаясь на балкон, подставленные ладошки покалывает. Дерево жалеет меня, даёт энергию.

Но вот мои домашние стали говорить, что при ветре дерево, которое, правда, стучало ветками по крыше, выбьет кирпичи, разобьёт стёкла и пр. И что дерево надо спилить категорически. Я два года сопротивлялась этому, скандалила, но на 3-й год сдалась. Я пришла к нему, просила прощения, что не смогла защитить, просила перевести душу в другие стволы.

В общем, при моём присутствии два огромных ствола спилили. Третий оставили. Открылся с балкона свет и воздух, но дерево торчало своими обрубками,

и я, боясь и стыдясь, перестала выходить на балкон. Прошло два лета. Обрубки заросли такой красивой листвой, молодой, весёлой. Но я уже не улыбаюсь с балкона и не протягиваю руки. Ведь мне кажется, это я соблазнила его, и оно так изогнулось мне навстречу. И я уже не рассчитываю на дружбу. Хотя я его не забываю. И мне его не хватает. Но вот сегодня, дорогая Зинаида Александровна, начав писать письмо, я стала снова читать Вашу книгу, и столкнулась со словами: «Живое, сущее — не значит обязательно новое. Оно — вечное. И оно каждый раз заново рождается». Не служат ли эти Ваши слова мне надеждой? Прощением, возможностью возникновения нового тепла со стороны дерева? Или на этот вопрос нет ответа? Всего Вам самого доброго. С уважением, Ваша Наталья Ивановна.

3 ноября 1993 года. Москва.

Дорогая Наталья Ивановна! Спасибо Вам за Ваш отклик, за Ваше чудесное письмо. Может быть, особенно порадовали меня Ваши строки об остановившимся времени — о созерцании. В созерцании происходит главный духовный труд, то, что я ощущаю как сотрудничество с Богом. А вот когда я говорю (вслед за духовным учителем Востока), что правильные вопросы ответа не имеют, я разумею не безответность, а ответ в другом пространстве — внутри. Правильные вопросы, это те вопросы, которые уводят нас с поверхности вовнутрь, раскрывают внутреннею глубину и дают нам возможность расти.

То, что Вы написали о Дереве, мне очень понятно и само по себе прекрасно. Я сама чувствую деревья живыми и бесконечно много от них получаю. И есть у меня свои особые излюбленные деревья. Есть и у меня сосна перед балконом на даче. И я понимаю, что Вы пережили настоящее горе. Но я знаю, что есть некоторые безвыходные положения, в которых как бы ты не поступил, выйдет плохо. И выход из них не явный, непонятный обычному взгляду. Ваша душа должна оставаться ЖИВОЙ, то есть такой же любящей, такой же открытой действию Дерева, также готовой сотрудничать с ним. И тогда Дерево родится заново. Вы сами будете той землёй, в которую оно пустит корни. Об этом трудно говорить. И я не могу сейчас сказать яснее. Люди не слышат Деревья. Обычно это так. И Бога люди не слышат. Они Его или отрицают или выдумывают. А цель нашей жизни научиться ВИДЕТЬ и СЛЫШАТЬ. Не выдумывать, не воображать, а действительно слышать то, что есть. Мне хочется закончить это письмо одним довольно старым стихотворением, не вошедшем, однако, в книгу:

Деревья просят тишины.
Им без неё нельзя на свете.
Но нам их просьбы не слышны
И нечем нам на них ответить.
Деревья просят высоты.
Им наша низость не по силам.
И шепчут день и ночь листы
То, что душа давно забыла.
А небо и не шепчет нам,
А говорит одним лишь взглядом.
Высоким, чистым небесам
От нас глубин прозрачных надо.
Земля уже едва жива
И молит нас с такой тоскою
Дать ей хоть каплю Божества!
...Но только что это такое?...

Всего Вам самого доброго. Ещё раз благодарю за отклик, на который обычно люди мало расщедриваются. Большой привет Лилит Николаевне, которую я совсем потеряла. Передайте ей, да и Вам хочу сказать, что вышла, наконец, моя книга о Цветаевой «Огонь и пепел». А ещё вышли в Алма-Ате мои сказки, которые, может быть, пошлю Вам. Они пока ещё не поступили в продажу. Мне привезли только несколько десятков экземпляров для подарков. Ещё раз добра и света Вам. Ваша З. Миркина.

P.S. В 1994 году выйдет тот журнал «Русское богатство», посвящённый работам моего мужа — Г. С. Померанца. Туда войдёт большая подборка моих стихов. На журнал можно подписаться. Всего за год 94 выйдет 4 номера:

1.Войнович. 2.Померанц.
3.Трифонов. 4.Набоков.

Можно подписаться на всё вместе. Тогда подписка стоит 2200 р. Можно на отдельные номера по 600 р. Деньги посылайте по адресу издателя: Злобин Анатолий Павлович, Москва, 129010, Астраханский переулок д. 5 кв. 86. Конечно, с указанием своего адреса.

25 ноября 1993 года. Ульяновск.

Дорогая Зинаида Александровна! Несказанно благодарна Вам за письмо. Я как прочитала, так минут 10 сидела в потрясении и только потом вернулась в реальность. Вы как будто увидели меня воочию, с моей нередкой тоской и угасанием души и сказали самые нужные слова о духовном труде и о Дереве. Ваше письмо наполнено такой серьёзной, высокой энергией, и я постараюсь, чтобы то, что Вы мне дали, не ушло напрасно. Хочется всё начать снова. Ваши стихи «Деревья просят тишины» — прекрасны. И так верны. Как Вы чувствуете всё живое! Я думаю, что Ваша сосна перед балконом не только даёт Вам что-то, но и сама наполняется величавой гордостью, слушая Ваши мысли.

Дорогая Зинаида Александровна, как хорошо, что вышла Ваша книга о Цветаевой. Очень хочется узнать, как Вы трактуете её такую неоднозначную сущность. Я Вам очень верю. И как благодарить Вас! ещё и сказки будут! Как я люблю сказки, всё необычное в обычном. Очень надеюсь, может через Лилит Николаевну удастся всё это прочесть.

Поистине неисповедимы пути Господни! Вы — жена Григория Соломоновича Померанца! Как судьба сводит таких необыкновенных людей. Теперь понимаю, что многое из того, что мы читаем, выстрадано Вами. Я обязательно, немедленно подпишусь на «Русское богатство». Очень рада, что об этом написали. Ещё раз, дорогая Зинаида Александровна, благодарю за письмо, за чудесное стихотворение.

Желаю Вам счастья, добра, света, прилива творческих сил и здоровья.

Храни Вас Бог!

9 июня 1996 года. Ульяновск.

Здравствуйте, дорогая Зинаида Александровна! На одном дыхании прочла Вашу книгу «Озеро Сариклен». Впечатление потрясающее. Это выбор — пусть страдание и одиночество, но — духовная чистота, поиск истины, верность себе. Вся книга, это крик: «Люди, будьте добрее, не отгораживайтесь от боли других, будьте высоки душой! На свете столько страждущих, которые смотрят на Вас с надеждой, чтоб их поняли, протянули руки! Вспомните, что Бог — это Любовь, пусть Вам не будет стыдно заглянуть в духовные очи Земли — Озеро Сариклен. Выдержите эту проверку!» Зинаида Александровна, я понимаю, что книга очень личная, переживала

за Ваших истинных героинь и героев. И счастлива была, что в конце добро, душевное благородство и чистота находят друг друга.

Милая Зинаида Александровна, я как раз встречаюсь с юношей, образованным, умным, с не сложившейся жизнью и, к сожалению, душевнобольным. У него глаза такие, как у Вашего героя на обложке, они просят: «Не лги, дай ответ, где правда...» И смотреть в них очень трудно. Я в своих духовных поисках два года отдала Православию, со всеми его канонами. И чувствую, что-то стала в себе терять.

Поняла, как мне необходима Лилит Николаевна, какой она светоч и опора для меня. Когда я пришла после такого большого перерыва на занятия, был очень красивый праздник — день рождение Лилит Николаевны и в тоже время «презентация» Вашей книги. Лилит Николаевна рассказывала о Вас. У всех были такие светлые лица, полные нежности. И мне хотелось всем сказать — «Возлюбленные мои братья и сёстры!» Впоследствии были тоже очень интересные занятия. Читались Ваши стихи, статья Григория Соломоновича в Литературной газете, Джебран Халил Джебран, Чижевский. И о чём бы не шла речь, Вы всегда присутствуете незримо, как «Свет тихий».

Милая Зинаида Александровна, Вы для нас близкий человек. Мы растём на Ваших книгах. Желаем Вам и Григорию Соломоновичу здоровья, счастья, душевного благополучия. Радуемся, что Вы даёте нам драгоценные моменты прикосновения к открытиям Вашей души.

Ваша Наталья Ивановна.

27 июля 1997 года. Ульяновск.

Дорогая и любимая Зинаида Александровна! Не могу не написать, чтобы поблагодарить Вас за то, что доставили столько радости, дав нам возможность увидеть Вас в фильме Лилит Николаевны. Милая Зинаида Александровна, я очарована и потрясена! Я не ожидала увидеть Вас такой молодой и прекрасной. Раньше я слышала записанные на плёнки стихи. Ваш голос взволновал так, как когда-то давно, впервые услышанная виолончель Ростроповича. Это был глубокий мудрый, профессорский голос. А тут такая простота! Дача с окнами в зелень леса, лёгкий сарафан, открытое лицо, светящееся доверием и лаской. И голос такой проникновенный и тёплый!

Зинаида Александровна, как же Вы были прекрасны, когда читали стихи! Я слушала и любовалась Вашим прекрасным лицом, чудесными волосами... Вы были с Леной, как встретившиеся сёстры, обе такие одухотворённые. И я очень понимаю слёзы Лены. Может, это единственный день за всю жизнь, когда так остро чувствуешь вечность и быстрое ускользание этих счастливых минут.

Милая Зинаида Александровна, я сейчас мало чем занимаюсь, кроме физической работы, но я всё время вижу небо. И наслаждаюсь, следя за постоянно меняющимся и великолепным его видом. Может, это Вы себя растворили так в природе, может почему-то ещё, но на ум приходят Ваши стихи, вспоминается Ваша «старая девочка»... И я мысленно могу с Вами говорить, могу с Вашими стихами прикоснуться к тишине, и побеждать себя с Вашими мыслями. Для меня какая-то опора, и я счастлива, что увидела, сколько в Вас юности, сколько живости в движениях, в изменчивости лица, в радостных искренних глазах.

Желаю, дорогая Зинаида Александровна счастья в Вашем «Царстве духа», желаю Вам и Григорию Соломоновичу здоровья, радости творчества, успехов. Благодарю за возможность прикосновения к Вашему творчеству, спасибо за Ваш подвиг.

Ваша Наталья Ивановна.

20 августа 1997 года. Москва.

Дорогая Наталья Ивановна! Спасибо Вам за очень добрые слова, за Вашу горячую душу. Но увидеть меня юной..? Не могу себе представить. Я выгляжу старше своих лет, а мне ведь уже 71... Я знаю, чувствую, как старит меня моя почти непосильная болезнь. Так что воспринимаю Ваш отклик, как Ваш же портрет. Но всё равно спасибо за такой отклик. Конечно же, он очень греет. Всё, что я пишу, воспринимается очень по-разному. Это только в Вашем удивительном Ульяновске такое единодушие. Не буду кривить душой — есть и не только Ульяновск, но как много равнодушия и полного неприятия. Особенно много недоброжелателей у моего «Озера». Оно очень мало кем воспринято. Но... ещё раз говорю — тем ценнее Ваше и всех вас тепло. Я очень ценю его. Бесконечно ценю ваш общий подарок — видео и ваш трёхкассетный фильм, который буду ещё не раз смотреть. Леночку Кувшинникову сразу узнала по фильму. Вот и Ваше лицо теперь знаю и оно мне очень дорого. Пишу я Вам из той самой лоджии, которую засняла наша неутомимая в своей светлой энергии Лилит Николаевна. Напишу Вам наугад два-три стихотворения из последних.

Моя задача — выход на кресте
Я так живу и мне нельзя иначе.
О, Боже мой, ответь мне — где же те,
Кто мне помогут разрешить задачу?!
Опять в лесу живая тишина
С полоской ускользающего дыма
Задача до сих пор не решена.
И всё-таки — задача разрешима

* * *

Просветлённый — тот, кто просквожен,
Переполнен уходящим светом.
Всё погасло в мире, только он
Стал самосветящейся планетой.
Внутрь него вместился весь простор,
С настоящим, будущим и прошлым.
Он — носитель Бога, Христофор,
Под своею непомерной ношей.

* * *

Не создан, не кончен,— ещё не готовый,—
Наш мир создаётся всё снова и снова.
Нам нет завершения, не знает конца,
Не знает покоя работа Творца.
И миру живому наступит конец
Не прежде, чем бросит работу Творец.
— А день наш последний? А огненный суд?
— Не прежде, чем кончится творческий труд.

Ещё раз спасибо Вам. Обнимаю Вас нежно. Дай Вам Бог света, покоя, сил.
Ваша З. А.

12 октября 1997 года. Ульяновск.

Здравствуйте, дорогая и любимая Зинаида Александровна!

Так неловко себя чувствую, что сразу не поблагодарила Вас за Ваше такое тёплое письмо и дивные стихи. Получилось, что до поздней осени жила в деревне, а хотелось ответить после того, как я поведаю о Вашем письме в «Литературной гостиной». Ведь весть от Вас для нас событие. И стихи Ваши слушали с замирани-

ем. Лилит Николаевна прочла их и на следующем занятии. Их просила для своих учеников Раиса Григорьевна и другие.

Милая Зинаида Александровна, Вы пишите, что «Озеро Сариклен» принимается не всеми. Наверно так и должно быть. Не каждый готов в романе из жизни интеллигенции встретить серьёзный философский труд о поисках внутренней духовной истины. Мне кажется, эта книга написана для самых близких Вам людей (и о них), которым Вы стараетесь рассказать о Самом Главном, помочь им устремить взгляд на «ту самую дорогу, с которой никому нельзя свернуть. Незримый тракт от зёрнышка до Бога».

Вот перед нами Белла Вайс, перешагнувшая через свой талант, вступившая на путь жертвы, ради больной девочки, ради тех, кому нужна помощь, будь то одинокий брошенный старик, потерявший веру в жизнь человек, или бездомная собака.

Вот Ольга. Глубокая и чистая жизнь. И на её долю выпадают беды и несчастья, которыми она почти сломлена. Спасение приходит в пустынном безлюдном месте, среди вековых лип и вязов на берегу Озера Сариклен. Душа её приходит в гармонию с этой вековой тишиной. Она начинает понимать, что ей для себя ничего не нужно, что внутри Жизни столько жизни, что ею можно делиться с другими. Она начинает чувствовать трепетную жизнь невидимого, духовного мира, которая разлита в пространстве как Любовь. Ольга не чужая. Она связана со всеми. Она — частичка этого Мира, проявленного, как мерцающее и притягивающее Озеро Сариклен, как эта вековая Тишина.

Наступает преображение. Душа Ольги сливается в необъятной Божественной любви со всей вселенной. «Час прозренья зрения и слуха». Ей открывается так много и даётся такая духовная мощь, что она до конца будет освещать путь другим; под взглядом её будет меркнуть зло, поникшие будут расправлять крылья.

Когда-то один человек возвратил мне «Озеро» со словами — «Очень жестокая книга». Я решила, что он не читал, и не стала спрашивать почему? Но спустя год я начинаю думать, что возможно он всё же прав. Кто читает, невольно притягивается Озером Сариклен, заглядывает в эти глаза Бога, чтобы узнать, состоялась твоя душа или нет. И приходит покаяние.

В книге много боли, мимо которой нельзя пройти, а это тоже кладёт на плечи тяжесть. Боль матери, видящей, что дочь, чтобы жить в этом мире, заглушила свою душу. Боль Беллы, жертва которой безысходна. И, наконец, крёстные, невыносимые муки Алданова. Их невозможно вынести, но зато тому человеку, который не раз умирал и возвращался к жизни, в творческом прозрении могли придти гениальные мысли о том, что в этом мире все и живые и мёртвые нуждаются в поддержке. И только во всеобщей любви мы можем прийти к Воскресению.

Меня поразили стихи, что мёртвые нуждаются ещё в большей любви, чем живые. Мне хочется написать эти необыкновенные строки:

И вовсе им ничто не чуждо
Земное. Вовсе нет стены.
Но мёртвым нужно, мёртвым нужно
Гораздо больше Тишины.
Вот той, что накопили горы
И лес, тысячелетний лес...
Гораздо более — простора,
Гораздо более — небес,
Полей и моря, чем собрала
Душа на смерть свою в запас.
Всё, что даём мы — им так мало!

Им нужно больше, больше нас!
О, так неизмеримо много
Живого духа нужно им!
Наверно столько, сколько Богу,
Чтоб сделать мёртвого — живым!

Можно иначе прочитать «Озеро Сариклен». Надо любить Автора, помня, как Лев Толстой написал — «Наташа Ростова — это я», можно по бесценным крупицам, разбросанным в книге узнать о её Жизни. Например. В одном месте ученица Ольги объявляет, что Ольга умеет летать и просит показать. И я вспоминаю картину в «Сказах», где по небу летит Фея с кошёлками подарков, с незабываемой Вашей улыбкой.

Вот раскрыв «Озеро Сариклен» и ещё не читая, я вижу знакомое лицо женщины. В глубине бездонных глаз которой читаются бури, крушения, потери близких, боль. Она напряжённо всматривается вдаль, стараясь угадать, что грядёт, стараясь защитить и спасти. И только она могла так написать.

Как тяжко быть вечно в ответе
За всех.— Ни одно существо
Не вчуже. Ведь все мои дети,
А старше меня — никого.

Дорогая Зинаида Александровна, книга сложная, неисчерпаемая. Но кому она сейчас не по плечу, придут к ней в дальнейшем. Я же присоединяюсь к тем, кто видит в ней свет, единение и радость познания. Немереное богатство в стихах. Спасибо за всё, Зинаида Александровна, за огромный труд души. Храни Вас Бог! Желаю здоровья, сил и творческих успехов Вам и Григорию Соломоновичу.

Ваша Наталия Ивановна.

25 ноября 1997 года. Москва.

Дорогая моя Наталья Ивановна! Не могу сказать, как меня согрело Ваше письмо. Вы поняли, почувствовали мой «Сариклен» очень точно и тонко. Когда я его писала, я думала, что люди так вот его и воспримут, но оказалось всё совсем иначе. И Ваше восприятие — это редкость, которой я очень дорожу. Очень и очень. Люди или не воспринимают вовсе, или воспринимают до такой степени не то и не так... Ваше письмо пришло в трудную минуту и было мне необычайно нужно. Спасибо за всё — и за проникновение в героев и за любовь к автору. Спасибо за Вашу удивительно чуткую душу, чуткую и не устающую. Да, я всё время сейчас чувствую в людях усталость от высоты и желание снизиться что ли... Не знаю. Как это назвать. Чаще всего это желание прибиться к какому-то берегу. Под какой-то кров, где бы душу избавили от труда, где бы всё делали за неё. Нам ведь завещан труд узнавания. Бог никогда не сделает этого за нас. В каждой душе этот труд начинается заново и всем нам предлагается идти за Христом, но не по проложенной дороге, а по водам... Да это так. И вот от этого-то люди и убегают.

Мои действительно родные души определяются не конфессией, не принадлежностью к какой-то определённой церкви, а этой готовностью души узнавать Бога, который всегда неведом для разума.

Вот написала и почувствовала, как это трудно сказать. То, что Вы почувствовали взгляд Бога в «Озере Сариклен», меня переполняет благодарностью, трепетом. Я чувствую в Вас удивительно родную душу. Не помню, посылала ли я Вам такое стихотворение.

Тишину измеряют сердцем.
Тишиной измеряют сердце.

Все, кто стихли — единоверцы.
Все мы чувствуем одного.
Нам открылись такие дали...
Мы с тобою сейчас узнали,
Не придумали, а узнали
Стихшим сердцем своим — Его.

Спасибо за мои же стихи, которые Вы как-то удивительно и к месту выписали. Сейчас у меня серия неудач. В частности лопнула моя книга «Невидимый собор», в которой должны были быть мои работы о Рильке (она-то и называется «Невидимый собор»), все мои переводы Рильке (а это много — все «Сонеты к Орфею» и ещё) и переиздание моей книги о Цветаевой «Огонь и пепел». Обанкротилась издательница. Вообще издание моих книг приостановилось. Гора новых стихов не издана. Но — всему своё время. Будем ждать. Ещё у меня к Вам просьба. Я забыла, какие стихи посылала. Если Вам не трудно, напишите мне первые строки полученных стихов и тогда я пришлю Вам ещё. Обнимаю Вас с чувством общего родства, с нежностью. Ваша З. А.

9 декабря 1997 года. Ульяновск.

Дорогая и любимая Зинаида Александровна! Огромное Вам спасибо за ту нежность и теплоту, которой Вы меня одарили! Пишу и улыбаюсь... Мне так приятно, что моё понимание «Озера Сариклен» доставило Вам радость. А меня Ваша похвала словно подняла на какую-то неведомую мне высоту.

Милая Зинаида Александровна, как же обидно, что с изданием Ваших книг такая трудность. Что может быть горче для писателя, когда он не может вовремя отдать свои творения людям!

О Марине Цветаевой опять не видно на прилавках книг. И к Рильке сейчас большой интерес, но ведь почти никто ничего не читал. Название «Невидимый Собор» завораживает и предполагает, что заложены там очень-очень важные идеи, какая-то соборность духа, необходимая нам, какая-то связь времён. И только Вы, с Вашим тончайшим проникновением в духовную суть, лучше других можете об этом писать.

Дай Бог, чтобы быстрее Ваши стихи и книги получили дорогу к читателю, и чтоб Ваше здоровье выдержало эти трудные испытания. Милая Зинаида Александровна, спасибо Вам за разговор о конфессиях. Я не смогла удержаться в группе одной из них. Почувствовала, что словно между мной и Всевышним встала властная структура, требующая сузить мой мир, какого-то подчинения, что создавало фальшь, а не любовь. Пришлось отойти, потеряв людей, которых считала друзьями. Но независимость — тоже бесценна. И даёт возможность искать ту, свою «Тишину» (не могу не сказать Вашими словами), при которой «имеющий уши, да слышит».

У меня вызывает удивление и восхищение как в стихах Ваших вся земная красота пронизана небесной. Спасибо Вам большое за все присланные мне стихи! А в последних стихах охват мыслью такой духовной высоты, словно Вы вышли за пределы возможного. Испытываешь трепет — чем же Это делается?

Милая Зинаида Александровна! Писать Вам «берегите себя», как-то не так звучит. Чувствуется, что работаете, не думая о себе. Остаётся просить Бога, чтоб Он поберёг Вас, Ваш дар и помог разрешить задачи. Храни Вас Бог! Ваша Наталья Ивановна.

26 декабря 1997 года. Ульяновск.

Дорогая и любимая Зинаида Александровна! Поздравляю Вас с Новым Годом, с Рождеством Христовым и желаю здоровья, счастья, исполнения всех Ваших планов, добра, света и много радости!

Желаю счастья и процветания Вашей волшебной ёлке (которую описать даже Лилит Николаевна не находит слов) и доброго, прекрасного пути Вашей Сказке.

Милая Зинаида Александровна, очень тронута и ужасно рада Вашей открытке и стихам. Спасибо за Ваши добрые и нежные слова...

Лилит Николаевна отдала мне её вчера, на вечере поэтов 25 декабря, куда нас пригласила Лена Кувшинникова. Зал был полон. За нашим столиком, в центре которого восседала Лилит Николаевна, тесным кругом сдвинули стулья человек 12: Костя, Наталья Сергеевна, Татьяна Борисовна, Саша Ульянов, Таня Трунова с сыном, Виктор Малахов, я и ещё несколько. Думаю, что Л.Н. было приятно, что мы все вместе, все рады друг другу и среди нас есть поэты. Лилит Николаевна рассказала о Вас, передала приветы, передала Вашу почти единственную (как она сказала) книгу о Рильке и Лена была счастлива. Мне Л. Н. отдала Ваше поздравление. Мы все по кругу его читали, это было подарком для нас, и Вы как бы были с нами.

Зал был очень красиво убран. Кругом картины Рериха, на столах горели свечи, гости принесли подарки и интересные поделки — кружева, салфетки, куклы. Многие пришли с гитарами. Было даже тесно. Лена была такая очаровательная. Неторопливая, красивая, приветливая. О такой писали — молвит слово, а с губ её упадёт роза или жемчуг. Многие пели свои стихи под гитару. А папа Лены (он музработник с великолепным голосом) спел песни на Ваши стихи «Колыбельную», «Утоли моя печали», потом стихи и музыка Лены — «При тусклом свете фонаря» и «В светлом Храме тёмные подвалы» — навеянные поездкой по монастырям. Все аплодировали. Потом пили чай. Потом снова читали стихи. Татьяна Борисовна — рождественские стихи, Наталья Сергеевна — молитву (просьбу к Господу не оставлять страждущих), Лилит Николаевна о любви; Саша Ульянов — о любви. А Костя — что-то грустное, о своём литературном герое, что он — прохожий. Но всех ужасно насмешил Малахов своими в одну фразу ироническими поговорками типа: «Вам повезло — я песен не пишу». (Это после того, что было спето столько песен!)

Милая Зинаида Александровна, предыдущее письмо Ваше, которое меня подняло даже в своих глазах — я получила. И на него ответила с восторгом, как я рада Вашему отзыву о моем понимании «Озера Сариклен» (видно письмо затерялось на почте). Милая Зинаида Александровна, а герои «Озера Сариклен» меня не отпускают. Я часто продумываю их дальнейшую судьбу. Вот Белка — она себя, наверно, сожжёт. Антон — это такая широкая русская натура, что у него очень большой диапазон дальнейшей судьбы. В нём и готовность к подвигу, и возможность бросить всё и уйти или бродить, или в монастырь или ещё что-нибудь. Трудно предугадать будущее Кати, но это уже другая книга, и не эту Вы цель преследовали.

Я вот сейчас сижу дома. Зима. И я скучаю по своим деревьям в саду. Я надеюсь, что они меня тоже помнят. И ещё. Я смею надеяться, что тоже видела «лицо» дерева, видела, как оно улыбается, живёт и трепещет. Но я только из Вашей книги узнала, что это было именно так.

Милая Зинаида Александровна, желаю Вам всего доброго в Новом Году. Очень хочу, чтоб мы быстрее увидели Ваши новые книги, и чтоб Вы и Григорий Соломонович были здоровы. Храни Вас Бог!

Ваша Наталья Ивановна.

10 марта 1998 года. Ульяновск.

Дорогая и любимая Зинаида Александровна! Раиса Григорьевна показала мне Ваше письмо. Милая Зинаида Александровна, как тяжело читать о Вашей болезни, о том, каким трудом Вам удаётся преодолеть её. Читая «Озеро Сариклен» я, конеч-

но, поняла, что эти крёстные муки Аданова — Ваши. На грани запредела. Что же делать? Не зря ведь Бог видит, кого ему отметить своей десницей. И этот Фаворский свет, явившийся Вам в юности.

Когда я думаю о Вашем пути, словно главу из Библии читаю. И Бог Вам дал спутника, помощника и друга. Мужа, достойного Вас. Знал, что одной не вынести. Я почти понимаю, как он (Г.С.) спасает Вас, становясь в этот момент и Вами, и возносясь к Всевышнему. Дай ему Господи сил! У него не просто путь, а Великий путь!

А когда видишь на большой видеоплёнке 96 года, как Вы останавливаете на разбеге свою речь, слушая его какие-то суждения, и как он нежно зовёт «Зиночка», я испытываю чувство покоя, света какого-то. Вы знаете, Милая Зинаида Александровна, я хотела Вам написать письмо об этом фильме, но посмотрела его один раз и отдала Наталье Сергеевне, а та заболела, и всё никак не посмотрит и не вернёт, и я более подробно не могу вникнуть. Поэтому просто скажу, что он несёт ощущение огромности Вашего мира. Те стихи, которые мы давно любим и знаем, так хорошо слушать в Вашем исполнении. Изумительные по откровенности Ваши ответы слушателям! А какие стихи Рильке! Шедевры. В них нет той прозрачности, что в Ваших, а чувствуется такая могучая, мужская энергия. Может, сказалось, что Григорий Соломонович переводил. А может это ещё грань Вашего таланта.

Милая Зинаида Александровна, я никак не могу удержаться, чтоб не сказать, весь фильм в целом, вся его аура, цвет его, Ваши лица, всплески рук, повороты головы — вызывают чувство эстетического наслаждения, красоты, чистоты, высокой интеллигентности и простоты.

Милая Зинаида Александровна, я ещё читаю «Озеро» и нахожу в нём совсем новые для меня грани. Сколько в нём музыки и всяких звуков — от падающего листа до 5-й симфонии Чайковского. Вся книга звучит как музыка. Может быть, музыка Любви? Знаете, Зинаида Александровна, последние годы проскользнули у меня без музыки. А осенью 97 я почувствовала, что не могу, так хочется найти какую-то созвучность. Вроде хочется самой издать какую-то мелодию, выразить в звуке что-то возвышенное. А где сейчас будешь петь? Я пошла в воскресную школу для взрослых. Там час мы поём, сидя за партами с очень хорошим регентом. Поём старинные песнопения московских, киевских, греческих композиторов. Так чудно звучит «Честнейшую Херувим», 1-й псалом «Блажен муж», ирмосы канонов, акафисты, даже Панихиду поём. И я очень рада, что пригласила Раису Григорьевну. Она чудесный человек. Так хорошо бывает, душа возносится, поёшь «Аллилуи-и-и-а, Аллилуи-и-и-а, А-а-а-ллилуиа» и симпатичнейший человек рядом. Собираемся в классе человек 40. Потом — чтение, ответы на вопросы или проповедь. А в «гостиной» — родной дом.

4 апреля у Лилит Николаевны — 70-летие. Мы готовим ей газету. Лена Токарчук рисует, а мы будем писать пожелания. В «Ульяновскую правду» пойдёт моя статья, и в журнал «Мономах». Столько она сделала, чтобы разбудить наше общество, поднять, расшевелить, заставить думать. Она познакомила нас с Вами. Спасибо ей!

Милая Зинаида Александровна, будьте здоровы, не болейте!

Желаю душевного покоя, внимания. Здоровья Г. С. Нежно Вас обнимаю.

Хранит Вас Бог! Всегда Ваша Наталия Ивановна.

2 апреля 1998 года. Москва.

Моя родная Наталья Ивановна! Очень долго не отвечала на Ваше письмо, которое глубоко согрело (прогрело даже) меня. Очень напряжённая жизнь заставила отложить ответ. А ведь когда ответ откладывается, он всегда несколько «не такой»,

теряет непосредственность живого разговора. Одно письмо ваше я храню внутри, в душе. Иногда и нет слов, чтобы отвечать, а только поворот всей души. К сожалению, на расстоянии этого не сделаешь без слов.

Спасибо Вам и за полноту и глубину сочувствия и за проникновение в суть Григория Соломоновича. Это правда, мой ангел. Вряд ли я вынесла бы без него всё то, что выношу. Он человек абсолютно бессуетный, настоящий и умеющий себя ставить радостно и спокойно на второе место — по отношению к тому, что (или кого) он любит более всего на свете. Для него невозможен спор сыновей Заведеевых. Он сразу знает, что тот, кто считает себя первым, будет последним и наоборот. Для Г. С. это всё очень органично и просто. Сейчас у нас произошло почти чудо, которого мы уже совсем не ожидали: к 80-летию Г.С. он получил ряд поразительных подарков. 1-е — нашлись издатели (его давние и теперь разбогатевшие читатели) и вот издают полное собрание его сочинений. Кроме того, было одно выступление по телевидению, которое вызвало какой-то совершенно не предполагаемый массовый отклик. На его лекцию в скромный Музей меценатов пришло несколько сот (до тысячи, говорят) человек. И вот ему дали на следующую лекцию самый престижный и вместительный зал в Москве (Политехнический музей). Теперь он будет читать там лекции раз в месяц.

Есть и ещё удивительные сюрпризы. Но обо всех сейчас говорить не буду.

Однако, для нас по-прежнему самое главное это тишайшие и глубочайшие часы в лесу, у моря или у икон (особенно Рублёвских) в Третьяковской галерее. Совместное слушанье музыки, стихов. Но, конечно, если эти часы разделяет другая душа, то это уже огромная радость и что-то очень нужное для всех. Это, наверное, так, как у Вас, когда Вы поёте в хоре, это совместное обращение к Богу, когда Он оказывается с нами.

Я не совсем понимаю, о каком именно фильме Вы говорите в своём письме, но очень рада тому, как Вы об этом говорите. Спасибо Вам. В письме всё время ощущение разделённой души — а это главное чудо. И ещё меня поразило то, что Вы пишите о музыке в «Сариклене». Эта вещь вся построена на какой-то музыкальной теме, переплетении тем. У меня был соблазн назвать это произведение не роман, не повесть, а «концерты для нескольких голосов и тишины».

Рада, что Вам понравились переводы Рильке. Правда, то, что подстрочники делал Г.С. не имело никакого значения. Хотя он гораздо лучше меня знает язык, я часть объясняла ему смысл очень тёмный у Рильке и требующий для понимания глубокой родственной интуиции. Надеюсь, что вскоре эти переводы выйдут тоже полностью

5.04. Пришлось прерваться. У нас сейчас гости из-за границы и друг из Харькова. Почти не остаётся тихого времени. Поэтому письмо прерву просто. Кончу одним или двумя стихами. Нежно обнимаю Вас и бесконечно благодарю за отклик, за разделение главного. Огромный привет Раисе Григорьевне, если Вы её видите. Ваша З. А.

Какая музыка лилась!
Какой поток на сердце хлынул...
Ведь музыка есть наша связь
Прошедшая через глубины.
Вот та невидимая нить
Тончайших вездесущих кружев,
Что может всех соединить
И тайну Бога обнаружить.

* * *

Мне бы только затаиться
Где-нибудь в лесу у пня,
Чтоб никто — ни зверь, ни птица
Не заметили б меня.
Чтоб небесные пустоты
Отразившись в глубине,
Чтобы Бог свою работу
Совершать бы мог при мне.

* * *

Нет более мочи — из бездны зиянье.
Как тянет мрак ночи!...
— Но Бог перетянет.
Как вал океана, тяжёлое горе.
Всё сердце, как рана.
— Но Бог переборет.
Волною покоя
Обдаст нас на тризне.
— Да что Он такое?
— Свет мира, соль жизни.

* * *

Грядёт воскрешение мёртвых,
Такая стоит благодать.
Всё наше прошедшее стёрто
И заново можно писать
Как сосны немотствует разум
И знание в сердце растёт,
Что жизнь это tabula rasa,
Огромная, как небосвод.
И вверх поднимаю глаза я,
И мне открывает весна,
Что Пишущий не исчезает,
Исчезнут одни письмена.

28 октября 1998 года. Ульяновск.

Здравствуйте, дорогая Зинаида Александровна! Наверно я уж потеряла бесценное право писать Вам, так как не ответила на Ваше сердечное письмо и не поблагодарила за чудные стихи — «Какая музыка лилась», «Мне бы только затаиться», «Нет более мочи». Они мне очень понравились, словно сотворились из моей души. Я думала о Вас и радовалась Вашим удачам (Издания, лекции Г.С., признание) и очень надеялась всё лето, что так будет в дальнейшем. Но написать не смогла, был тяжёлый период погружения в бездны земные, или как говорит Лилит Николаевна — «Ад на земле». И вот, когда достигла внутренней тишины, пишу Вам. Ведь для меня писать Вам, милая Зинаида Александровна — словно идти на Причастие. Хочу от всей души поблагодарить Григория Соломоновича за его книгу. Я читала её несколько дней не в силах оторваться до 2-х часов ночи. Но, конечно, такие книги читаются год или даже полтора. Что за чудо, даже не подберу слов! Это и «Война и мир» нашего времени и путешествие по кругам Ада, как у Данте, и высочайшее «Воспитание чувств». Я просто не представляю, какого огромного труда потребовало это описание жизни нашей Родины на протяжении стольких лет, без прикрас, честнейшее описание судеб, событий, воззрений и поступков, пропустив которые через своё сердце, «гадкий утёнок» превращается в «Лебедя». Примерно на середине книги чувствуешь, что получила огромный заряд энергии, чувствуешь радость, эй-

форию. Как простой мальчик, почти сирота, да ещё еврей, гонимый и униженный, сумел почувствовать в себе и не уронить Искру Божию, развить свой ум, волю, свой дух. Как превратил годы повального стукачества, войны, тюрьмы и лагерей в путь познания, в путь открытия законов жизни. И как после множества испытаний познал Истину. Так и хочется написать о ней, как сказано в Книге. «Только внутренние победы бесконечно плодотворны: над страхом, над желанием первенствовать, богатеть, мстить и побеждать. Ибо внешняя победа до основания изничтожающая то, что нам кажется совершённым злом, тут же становится новым злом. И хороши только те скромные победы, которые восстанавливают естественное равновесие и не дают чему-то одному разрастись за счёт остального».

Как я завидую тем, кто побывал на лекциях Григория Соломоновича, и в тоже время рада, что у меня есть книга, которую можно ещё и ещё раз раскрывать, чтобы прочесть о «скорой» и «медленной» помощи. Той, что помогает душе сбыться, об умении сохранить смысл жизни, радость и совесть среди непосильных условий, опираясь на красоту природы, музыку, творения великих мастеров. Весь строй книги как бы опирается на Закон Божий. И читаешь, что совершенно чистой жизни нет. А есть вопрос выстраданного выбора и покаяния. И ещё много чудесных мыслей. Как научиться быть счастливым и делать счастливым других. И если Христос мог служить ученикам, то нам необходимо ставить себя на второй план, после того, кого любишь.

Мне было очень приятно узнать, милая Зинаида Александровна, что Вы жили на станции Отдых, где я бывала много раз на заводе и видела те же сосны, что и Вы. И я очень обрадовалась, встретив на страницах Вашу Маму живой.

Все строчки книги Г.С. о Вас наполнены трепетом и нежностью. «Вам не тридцать четыре, а восемь и одновременно 80». «Перед браком она попросила не разлучать её с Богом». «Незаметно я стал смотреть на деревья Зиниными глазами». «Эта воля к радости сквозь боль, к моей радости в ней, к её радости во мне». И как красиво сказано, что «Любовь — это медленное погружение в душу другого».

Милая Зинаида Александровна, спасибо Вам обоим за Вашу жизнь, за Вашу судьбу, за мудрость, которой делитесь. Дай Бог Вам здоровья, добра и тепла и удачного выхода из кризиса. Храни Вас Бог! Ваша Наталия Ивановна.

29 октября 1998 года. Ульяновск.

Милая Зинаида Александровна! Я вчера отправила Вам письмо, а сегодня вскочила с чувством, что я его не окончила. Мне хотелось сказать Вам, что о самом главном, о любви, я, благоговея, могла написать только словами Григория Соломоновича. Что другим не надо об этом говорить. Или можно только говорить молча. Ещё хотелось сказать, как я согласна с тем, что пишет Григорий Соломонович о старости: «Мне душу греет, что на пути уже преодолены многие „пороги“, но не за счёт других. Как остро в этом возрасте чувствуешь безотчётную радость оттого, что видишь небо, солнце, деревья, помнишь строки любимых стихов, помнишь „любимые лица“. Это просто радость оттого, что Бог дал мне жизнь, что я — среди людей». И ещё, милая Зинаида Александровна, мою душу тоже потрясает заход Солнца. Словно уходит медленно что-то самое родное и любимое, и говоришь напоследок ему «Спасибо!» «Люблю». А оно и после ухода посылает прощальные лучи...

Милая Зинаида Александровна, от нас уехала Раиса Григорьевна в город Чебоксары, где у неё сын — врач. У нас нет её адреса. От неё слышали, что в Чебоксарах есть оазисы очень напряжённой духовной жизни. И Чебоксарам повезло, среди них будет светлый человек. А нам остаётся только жалеть и радоваться, что она была

с нами. Напоследок, Зинаида Александровна, не могу ли я написать Вам своё стихотворение, которое может и не стихотворение, а листок из дневника.

Случайная встреча у ворот Храма.
Какое чудо погрузиться так в глаза друг друга,
Безмолвно в будущем и прошлом всё простив,
И лишь стараясь удержать мгновенья
Звук «несказуемого» уловив.
И чувство защищённости плывёт во мне,
Как будто вкруг меня полукольцом простёр ты руки,
И кажется, что счастье ждёт в веках
И не страшны земные все разлуки.

Храни Вас Бог! Ваша Наталия Ивановна.

10 декабря 1998 года. Москва.

Моя родная Наталья Ивановна. Вот и я сильно задержала свой ответ Вам. Но не будем ставить это в вину друг другу. Жизнь на её первом, плотном уровне — вещь тяжёлая, даже страшная. Но я хорошо знаю, что она не отвлечёт нас от Глубины (не закроет нам её), а только заставляет на время уйти этот глубинный голос, сделает его неслышным на поверхности. Мне тоже бывает очень непросто сесть за письмо, хотя я всей душой с Вами и твёрдо верю, что наши души разминуться не могут.

Я очень благодарна Вам за Ваши два письма. И не мучайтесь тем, что письма долго не пишутся. Предоставьте им полную свободу писаться тогда, когда они не могут не написаться. Меня и Григория Соломоновича тоже, поразила точность того, что Вы пишите об «Утёнке». Вы очень глубоко почувствовали книгу и очень много взяли из неё. Я бесконечно этому рада, потому что книгу эту люблю до боли.

Я взяла Ваши письма очень глубоко в душу, очень рада им, но, может быть, ещё не пришла настоящая минута для ответа. Я просто почувствовала, что не могу больше молчать, и захотелось обнять Вас. Спасибо за всё, в том числе за Ваше стихотворение, высвечивающее Вашу нежную, глубокую душу. Спасибо за эту душу.

Об отъезде Раисы Григорьевны в Чебоксары я знаю. Она написала мне недавно из Чебоксар. Письма она пишет потрясающе. Я её глубоко люблю. Пишет невероятно редко, иногда проходит несколько долгих месяцев, но я хорошо понимаю, как ей трудно и совсем не хочу её торопить. Пусть пишутся письма редко, по настоящему вдохновенно. Мне всё-таки невероятно жаль, что уехала она из Бирючева. Там были у неё такие дети!

О себе сейчас писать трудно, но живём и пишем оба. Передо мной на столе икона Владимирской Божьей Матери (репродукция, конечно) и я часто подолгу гляжу в эти бездонные глаза, полные вынесенной боли...

Перевожу сейчас «Дуинские элегии» Рильке. Это очень трудная работа. Книги наши новые под вопросом, из-за кризиса. Но есть надежда. Были праздничные дни — мы ездили на 4 дня в Петербург. Григорий Соломонович на конференцию о Достоевском, а меня пригласил музей Ахматовой — они устроили мой вечер. Он прошёл удивительно. Было очень большое тепло, даже до огромного энтузиазма. В Москве трудно. Очень. Но есть музыка в доме, есть деревья за окном, есть Ваши чудесные письма. Я не сумела высказать всю благодарность за них. Обнимаю Вас нежно. Ваша З. А.

10 декабря 1998 года. Москва.

Дорогая Наталия Ивановна! Ваш отклик на мою книгу — один из самых глубоких и также посылает энергию, как Вам передали мои записки. Есть такое сочи-

нение у Баха, спор Фебуса с Паном. Там сперва состязается Фебус и Пан, а потом слушатели — сторонники того и другого, и едва ли не лучшая ария в этом сочинении — ария слушателя Фебуса: Febus, deine melodies... Феб, твоя мелодия... Кое-что Вы несколько завысили; впрочем, Вы, вероятно, сами не понимали буквально сравнений с эпическими гигантами («Война и мир», Дантов «Ад»).

Мой ряд другой. Мы недавно открыли друг друга с Тамарой Владиславовною Петкевич, автором книги «Жизнь — сапожок непарный» (об опыте юности и в особенности — семи лет в лагерях, с 1943 по 1950).

Я назвал эту книгу «Зачарованная душа проходит сквозь ад». Есть ещё несколько книг, с которыми мои записки в перекличке: воспоминания Петра Григорьевича Григоренко («В подполье можно встретить только крыс»), «Голые и худые» Андрея Синявского, отчасти автобиографические страницы Солженицына, разбросанные в «Архипелаге».

Так получилось, что образ человека, прошедшего сквозь советское время, вырастая в своих испытаниях (это я могу сказать и о себе, не прибедняясь), дали только воспоминания. Порыв к этому самому есть и у Солженицына, и у Гроссмана, но у того же Солженицына воспоминания ярче и убедительнее художественного вымысла. Видимо, задача эта для художника особенно трудна. Проще написать, как это фактически было, чем уловить общий закон.

Был об этом спор между Шаламовым и Демидовым (тоже колымчанином). Шаламов утверждал, что на колымском материале катарсис невозможен, а Демидов доказывал обратное (и доказал, в лучших своих рассказах). Но вот что замечательно: по крайней мере два опубликованных в «Новом мире» построены на «нетипичных», романтических сцеплениях обстоятельств. А в наше время трудно быть романтиком (я это и по себе знаю). Как это у Роллана — «не найти и не сдаваться». Не стать Лебедем (это Вы великодушно преувеличили), но и не терять веру, это же возможно — и к этому идти. Думаю, что эта задача каждого. В том числе и Ваша. Желаю Вам удачи на этом пути.

Г. Померанц.

Декабрь 1998 года. Москва.

Дорогая, милая моя Наталья Ивановна!

Поздравляю Вас с Новым годом и со светлыми рождественскими праздниками!

Дай Вам Бог сил, радости, красоты. Ваше письмо до сих пор греет меня (надеюсь, что Вы получили ответ на него). Такая чуткость души — большая редкость и большая, очень большая моя радость. Хочу послать Вам одно почти рождественское стихотворение.

Снег белый. Зачарованность
В нетронутой глуши.
Точнейшая срифмованность
Деревьев и души.
Отговорили бедствия,
Настал блаженный час
Немного соответствия
С тем, кто замыслил нас.
Отпали все сомнения,
Ни страха, ни тревог-
Вот так стихотворение
Своё сличает Бог.

Светлого Вам праздника! Со всей моей благодарностью. З. Миркина.

25 декабря 1998 года. Ульяновск.

Милая и любимая Зинаида Александровна! Ваше письмо, открытку с Храмом и сердечными пожеланиями воспринимаю как радостный подарок к Рождеству Христову, а письмо Григория Соломоновича — как маленькое чудо. Я тронута, взволнована и благодарна, тем более что знаю, как Вы заняты сейчас оба. Я радуюсь за людей, которым удалось увидеть Вас и услышать Ваши, Зинаида Александровна, стихи в музее Ахматовой и услышать лекции Григория Соломоновича о Достоевском. Счастливцы, это, конечно, впечатление для них на всю жизнь!

Дорогой Григорий Соломонович, в ответ на Ваше письмо скажу, что я немного читала и Солженицына, и Шаламова Колымские рассказы, возможно, что я в пылу первого восторга от книги «завысила ряд», но, читая Вашего «Утёнка», поражаешься такому отсутствию озлобленности, отсутствию погружения в черноту, цинизм, что, конечно, есть у других. Вы, словно многострадальный Иов, принимали лагерную жизнь с каким-то светом в душе, с большим внутренним богатством. Может, это ещё и оттого, что дальнейшая Ваша жизнь прожита выше, чем достойно.

Лилит Николаевна приехала из своей инспекторской поездки окрылённая, привезла много новых книг. Привезла Ваши книги, которые тут же все с радостью расхватали. «Записки» сейчас самая любимая и читаемая книга. Малахов, Люда Сергина, да и другие, все хотят писать и благодарить Григория Соломоновича. А Вам, Зинаида Александровна, я отправляю стихотворение Саши Ульянова, он строитель, рабочий, но редкостный эрудит, любитель живописи, музыки и добрейший человек. На плёнке, что Вам послали, он приглашал Вас в гости в Ульяновск, а стихи свои сказать не успел, плёнка кончилась.

А Ваши, милая Зинаида Александровна чудные стихи, изумительные по содержанию — «Какая музыка лилась, какой поток на сердце хлынул» я напишу на открытке и подарю нашей музыкальной руководительнице к Новому Году. Вообще о Вас, Зинаида Александровна, много знают в воскресной школе. Когда был вечер памяти о.Александра Меня, кроме священника, очень культурного, молодого (лет 35), окончившего академию о.Александра, рассказавшего о Мене и показавшего его книги, выступила и Лена Кувшинникова. Она тоже рассказала о Мене и немного о Вас и почитала ваши стихи. Вы ведь были знакомы с о. Александром Менем?

Дорогая Зинаида Александровна, поздравляю Вас и Григория Соломоновича с Новым Годом, с Рождеством Христовым! Желаю Вам здоровья, сил, светлого настроения, милости Божьей, успехов в Вашей работе. Храни Вас Бог!

Всегда Ваша Наталия Ивановна.

19 января 1999 года. Москва.

Дорогая Наталья Ивановна! Только что получила два ваших письма. Они чудесные. Спасибо Вам за Ваше замечательное, чуткое сердце. Это не письмо, а записочка, на письмо я сейчас не способна. Не обессудьте. Посылаю Вам мою новую книжку. На днях жду вторую — «Невидимый собор». Думаю, что её переправлю уже с Лилит Николаевной.

Ваши письма мне очень дороги и Григорию Соломоновичу тоже. Настоящий читатель это сотрудник и соавтор писателя.

Обнимаю Вас. Простите за краткость. Ваша З. А.

9 марта 1999 года. Москва.

Дорогая моя Наталия Ивановна! Отвечаю с таким невероятным опозданием, что надо просить и просить прощения. Но я не могла иначе. Поверьте. Вчера толь-

ко ответила Раисе Григорьевне (с таким же перерывом) и вот сегодня — Вам. Хотя письма Раисы Григорьевны для меня событие и Ваши письма бесконечно дороги и удивляют своей тонкостью и своим неизбывным теплом. Получая их, получаю огромную поддержку.

Молчала так долго по нескольким причинам. Во-первых, была ёлочная компания, отнимающая у меня все силы. К сожалению съёмки ёлки абсолютно не передают её, хоть Лилит Николаевна этого не признаёт. Но о ёлках и о том, что я называю ёлочными богослужениями, как-нибудь в другой раз. (Я написала об этом Раисе Григорьевне и как-то не могу сейчас повторять). Второе, что сковало, отобрало мои силы — болезни близких. Тут целый обвал, целая катастрофа. Но я об этом сейчас писать не могу. Заново, каждый день, час (всю жизнь) учусь молитве «Да будет воля твоя, а не моя». И ещё есть одна беспомощная молитва: «Дай мне делать всё, что я могу и не делать того, что не могу». К сожалению, всё время приходится делать то, чего не могу...

А сейчас — яркое удивительное мартовское солнце с не мартовским морозом. Около 15. И надо только досмотреть до конца, вновь и вновь, не двигаясь, входить в тайну, которая, как море капель, поглощает нашу боль и саму смерть. Думаю, чувствую, что воскрешение это перерастание смерти душой. Дух, выросший в свой полный рост, перерастает смерть. Он больше смерти. Очень тронута Сашиным стихотворением. Передайте ему сердечный привет и сердечное спасибо. А я хочу начать это маленькое письмо одним коротким стихотворением, которое, может быть и удивит Вас:

Мой путь окончен. Страшный путь.
Крутая горная дорога.
До донышка открыта грудь,
Готова для приюта Бога.
О, тяжесть полнобытия!
Отныне — мир на мне. Отныне
Бог обретает дом. А я?
А я сейчас — как труп в пустыне.

Не знаю, придётся Вам это стихотворение или нет, но так написалось. Обнимаю Вас нежно. С огромным чувством родства. Ваша З. А.

5 апреля 1999 года. Ульяновск.

Милая моя, дорогая и любимая Зинаида Александровна! Спасибо, что в такое трудное для Вас время Вы смогли написать мне. Правда, кроме радости, что принесло письмо, оно ещё разволновало и потрясло всю душу. Так страшно за Вас, за Ваше здоровье, за Вашу жизнь! Какая боль слышать в Ваших стихах: «Мой путь окончен. Страшный путь». А нам так хорошо с Вами, в созданном Вами прекрасном мире любви, молитвенного восхищения всем творением Божиим! Ведь мы на всё окружающее нас смотрим Вашими глазами, видя во всех проявлениях жизни Божественный смысл, объединяющий мир, свет и тепло.

Я прекрасно понимаю, что вся Ваша жизнь — подвиг на пределе сил. И жалею, что только мысленно могу слать свою душевную помощь, пожелание «разрешить задачу», благодарность за всё сделанное Вами. Ваша нежность оживёт в наших сердцах и в пространстве, что нас окружает.

Конечно, нам легче, потому что Вы впитываете и пропускаете через себя и нашу боль. «До донышка открыта грудь». Это стихотворение, как мне кажется, сродни Пушкинскому «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». В нём всё есть. И груз «полнобытия». Дар людям — «Отныне мир на мне». Выполненный человеческий

долг перед Богом — «Отныне Бог определяет долг». И предание себя воле и милости Божией в последней строчке. Стихотворение незабываемое!

Милая Зинаида Александровна, в фильме Лилит Николаевны Вы так чудесно рассказываете, как создаётся в душе Вашей Ёлка, как возникают в воображении Вашем эти трепетные волшебные миры. Но я совершенно согласна с Вами, что к съёмкам Ёлки должен бы быть несколько иной подход. Это надо как-то больше продумать, чтобы отразить Ваш замысел. Мне кажется, что Ёлку надо было показывать всю целиком ещё при свете, что лицо Ваше и Выражение Ваших глаз должно быть не раз в продолжение сказки. К сожалению и голос звучит отдалённо и неясно иногда. Но всё равно плёнка очень интересная. Прекрасны эти светящиеся, переливающиеся миры на тёмном фоне. Такая радость была услышать Ваш рассказ о «Трёх ангелах» Рублёва, и как Вы сумели по энергии, исходящей от иконы обнаружить не подлинник. И сразу вспоминаешь всё, что писал Григорий Соломонович о «Трёх ангелах». И я радовалась, видя его мудрое, вдохновенное, такое живое и не усталое лицо.

Милая Зинаида Александровна, я очень благодарна Вам за тёплые слова о Сашином стихотворении. Что за некоторыми недостатками формы Вы увидели его добрую, возвышенную душу. Его очень порадует то, что Вы написали. Этот человек, живущий в очень трудных обстоятельствах, но не могущей в себе побороть непреодолимую тягу к знаниям — к живописи, к музыке, поэзии, философии.

До свидания, милая Зинаида Александровна. Желаю здоровья Вам и Григорию Соломоновичу. Храни Вас Бог. Ваша Наталия Ивановна.

4 июня 1999 года. Москва.

Дорогая моя Наталия Ивановна! Перечитала Ваши письма, и сердце сжалось: как я могла так долго не отвечать?! Знаю, Вы верите, что это не от невнимания. Ваши письма мне очень дороги. Я откладываю их в папку с самыми дорогими письмами. Там же, где письма Раисы Григорьевны, которые для меня всегда — событие.

Особенно дорого мне, как Вы прочли стихотворение «Мой путь окончен». Вас испугали первые строчки... Родная моя. Что делать... Истинна многослойна. Радость и страдание сливаются, втекают во что-то третье. В некую глубину, которая больше и радости и страдания. Достижение этой глубины и есть цель жизни. То стихотворение написано где-то в начале марта. После него написано стихов, наверное, на целую книгу. Но мне хочется переписать Вам сейчас одно их них, как бы комментирующее свою мысль. Стихотворение это мне вообще как-то особенно дорого:

Один на один. Опрокинут. Разбит.
И, кажется, Богу не нужен.
А лес всё шумит и шумит и шумит,
А мысли всё кружат и кружат...
О, Бога незримого видимый сын,
Всё правда — что было, то было...
Скажи мне — легко ли — один на один
С несметною адскою силой?
Я в след за тобою на муку иду
И — кто там о славе пророчит?..
Скажи мне — легко ль в Гефсиманском саду
Глухой нескончаемой ночью?
Легко ли, вот так, умываясь в крови,
Без силы, без ангелов Божьих?...
А лес всё шумит и шумит о Любви...
А сердце... И сердце — про тоже.

С тех пор, как я не писала Вам, так много произошло. Прежде всего, болезнь и смерть молодой 35-летней женщины, для нас — девочки, выросшей у нас на глазах. Остался 10-летний сын. Об этом не расскажешь. Мы после этого долго отсутствовали в Москве. Ездили в Норвегию. Это было давнее приглашение, уже было всё оплачено не нами, разумеется, а я чувствовала, что ехать не могу. Григорий Соломонович насилу вытащил меня. А поездка оказалась благодатной. Мы были в Осло, где проходили лекции Григория Соломоновича в университете и в других местах. Была одна совместная с нами беседа в Вальдорфской деревне, где живут Дауны. Но это оказалось поразительно глубоко и интересно. Встреча была с устроителями деревни, преподавателями — людьми очень глубокими, и к нашему удивлению, очень глубоко знающими Россию и интересующимися ею. Это требует особого рассказа, на который я сейчас в письме не способна. Но всё-таки самым замечательным в Норвегии была природа. В самом Осло приморский лес такой, что его одного достаточно для счастья. Но, кроме того, наш замечательный норвежский друг Лайф Ховельсон заказал для нас номер в отеле в горах около озера Голо. Мы провели там 8 дней, и это было — как в ладони у Господа. За 19 дней в Норвегии я написала больше пятидесяти стихотворений.

Последние 4 дня в Осло были очень напряжённые, в смысле встреч. Физически мне было нелегко. Но я бесконечно благодарна Богу и норвежским друзьям за эту поездку. Переводится на норвежский язык книга статей Григория Соломоновича, куда войдёт и моё послесловие к «Великим религиям».

Вернулись. Москва встретила сурово. Но вот мы уже на даче. Здесь немало своих трудностей. Но передо мной — сосна. Замечательный свет. Моя лоджия. Я очень рада, что Лена Кувшинникова провела вечер памяти Бориса Чичибабина. Я напишу Лене об этом. Вслед за письмом к Вам напишу ей. Только не сразу. Леночка сама написала мне об этом. А вчера Григорий Соломонович привёз мне из Москвы на дачу книжечку Лены «Одна надежда» с моим предисловием. Очень рада выходу этой книжечки. Но должна ещё углубиться в неё, прежде чем отвечать Леночке.

Передавайте привет вашему Саше. Я Вас нежно обнимаю. Очень благодарю за Ваше тепло, которое очень глубоко чувствую. Самый сердечный привет от Григория Соломоновича. Дай Бог Вам света, сил. Ваша З. А.

15 августа 1999 года. Ульяновск.

Здравствуйте дорогая Зинаида Александровна!

Получила от Вас письмо с важными новостями о Вашей жизни. С радостью узнала, что Вы путешествовали в Норвегию, где Вас тепло и дружески встречали. Поздравьте от меня Григория Соломоновича с успехом! Представляю, как было интересно на его лекциях и ваших совместных беседах. Как хорошо, что ваше творчество с Григорием Соломоновичем переводится! Нужны людям мудрецы, к коим, несомненно, принадлежит Григорий Соломонович!

«Утёнок» — чудная книга, своеобразная «Благая весть». Я учусь у Григория Соломоновича быть счастливой. А так хочется почитать его ещё что-нибудь! Открыть для себя его новые, смелые мысли. Мне обещали «Великие религии мира» и я предвкушаю радость от новых открытий.

Милая Зинаида Александровна, рада за Вас, что Вы наслаждались Норвежской природой и написали там много стихов. Стихотворение «Один на один» — просто чудо. О преодолении, о любви. «А лес всё шумит и шумит о любви. А сердце? И сердце про то же». Вспоминаю, как незабываемо трепетно описал Григорий Соломонович моменты Вашего расставания с Солнцем на закате.

Лилит Николаевна сейчас переживает огромный творческий подъём. Идут, идут стихи о любви. У неё идёт тема Кая и Герды, разумеется, взрослых. Костя на занятии читал свои новые философские стихи, а Малахов — юмористические, Нелли Васильевна очень хорошо пишет о своём военном голодном, холодном детстве и встречах с людской добротой. А я ездила с воскресной школой в паломническую поездку по святым местам.

Побывали в Дивееве, в монастыре Серафима Саровского. Послушали службы. Народу полно. Едут и с Украины и с Дальнего Востока, отовсюду. Надеются. Мы стояли в громадной очереди ко гробу Серафима Саровского. Ходили толпой вместе с монахами, одетыми в чёрные длинные одеяния, крёстным ходом, с пением молитв, по «канавке» — по дорожке длиной километра полтора вокруг монастыря, где по преданию проходила защитница и покровительница монастыря Божия Матерь. Купались в источнике Серафима Саровского. В этом маленьком озерце среди леса вода + 4 градуса, но не простудились, а лишь исполнились благодати. Со мной в автобусе ездила мама Лены Кувшинниковой с Лениной дочкой, они были уже второй раз, а первый были в октябре, тоже купались, и даже насморка не было. Купались мы в длинных новых рубашках. Были ещё в Мужском Санаксарском монастыре, очень старинном. Слушали прекрасный мужской хор, причастились. Кормили очень вкусно, постной пищей. И спали на чердаке, на полу, все вповалку. Посылаю две, сделанные мною фотографии, где, как мне кажется, отражён покой и свет.

До свидания, милая Зинаида Александровна. Желаю здоровья Вам и Григорию Соломоновичу. Храни Вас Бог. Ваша Наталия Ивановна.

26 сентября 1999 года. Ульяновск.

Милая и любимая Зинаида Александровна! Я растрогана до слёз, получив Вашу новую книгу. Вы, милая Зинаида Александровна, сами ходили на почту, отсылали книгу! Вы написали мне такие сердечные, нежные, важные для меня строки и в письме и на книге! А книга — изумительная! Как мне благодарить Вас! Я просто в восторге!

Открываю книгу — Ваш портрет. Это ещё один подарок! Смотришь на него, и в душу проникает какое-то тепло, свет, чувство прорыва к добру, к любви, к гармонии с миром. Каким чутким должен быть фотограф, чтобы не внести какой-нибудь диссонанс в эту внутреннюю сосредоточенность, чтобы так суметь отразить Вашу полуулыбку, чуть-чуть улыбку — как привет всему сущему.

Вы не обидитесь, милая Зинаида Александровна, расскажу, что среди ночи проснулась, и Ваш этот портрет мне сразу как в сердце ударил — «Девушка, освещённая солнцем» Серова! Объяснить, конечно, хоть какую-то общность невозможно, но для меня ощущение юности, чистоты и любви сливается с окружающей зеленью — что есть в обоих. Читаю первое стихотворение:

«Мои великие затишья, сиденье у незримых ног...
И, наконец, есть Ты один...»

Всё. После него наступает замирание. Честное слово, такое, как после исполнения, блистательного исполнения великого музыкального произведения в зале, прежде чем он взорвётся, царит долгая тишина. Я просто не могла сразу ещё читать, так долго эти стихи звучали во мне.

Позвонила Инне Самуиловне, прочитала. Она тут же потребовала, чтобы ещё прочитала — успеть записать, передать своим друзьям. Почему это такое чувство, что не хочется листать, листать книгу, а хочется с каждым стихотворением остать-

Презентация книги стихов Т. Толоконниковой. г.Ульяновск, 2014 год
Сидят - Л. Токарчук, Л. Козлова, Т. Толоконникова, Н. Тарасова.
Стоят - Л. Серзина, Л. Кочурова, Т. Шатунова, И. Ротова, Л. Ануфриева, Т. Латоцкая, В. Малахов.

ся наедине долго-долго. Что-то такое интимное, необыкновенное происходит. Какое-то слияние. Я прочитала пока 5 стихов. И живу с ними.

Милая Зинаида Александровна, спасибо Вам за чудесные стихи! Как хорошо, что их в книге много, и можно читать долго-долго! А ещё я с огромной благодарностью читаю «Великие религии мира». Словно путешествую во времени и пространстве с человечеством в поисках истины, в поисках Бога. «И каждый век отыскивает вновь, живую вечность — вечная любовь». Здесь я встретила икону Владимирской Божьей Матери, видно ту, о которой вы, Зинаида Александровна, писали — с невыразимо глубоким, мудрым и печальным взглядом. В одном месте, по-моему, Григорий Соломонович пишет, что человек, знакомый со многими религиями, подобен человеку, знающему много языков. Его понимание мира шире. Ведь «Истина одна, но мудрецы называют её разными именами». Ещё у Вас в книге прекрасно сказано, что человек не должен останавливаться. «Только отдающийся потоку жизни становится причастным бессмертию». Ещё раз, Зинаида Александровна, примите нежную, сердечную благодарность за прекрасные Ваши «Затишья», подарок для меня бесценный.

До свидания, милая Зинаида Александровна. Желаю здоровья Вам и Григорию Соломоновичу. Храни Вас Бог. Ваша Наталия Ивановна.

12 февраля 2011 года. Ульяновск.

Дорогая Зинаида Александровна!

Поздравляем Вас и Григория Соломоновича с высокой наградой!

Желаю здоровья, счастья, спокойствия в мире, радости от встреч с добрыми и умными людьми, сил и вдохновения нести Вселенной Свет, свою Любовь и Творчество!

Милая Зинаида Александровна, извините, пожалуйста, что пишу Вам, но, когда прослушала Ваши с Григорием Соломоновичем «Беседы», просто не могла не выразить своего восторга и благодарности. Ваши беседы — это «Весть Оттуда». Очевидно, это поручено Богом. И дано это потому, что «сотрудничая» с Богом, Вы смогли превратить Ваши отчаянно трудные жизни в путь познания, воспитания чувств, в миссию светлого творчества. Вы достигли преображения страдания в радости, а тьму — в свет.

Удивительно трогательно было слышать, как прикованную к постели Зинаиду Александровну мучила совесть и когда она «протёрла душу до дыр, в неё хлынул Свет».

Поражаешься так же смелости Григория Соломоновича, как он, ещё мальчик, написал письмо Сталину, что «врагов у нас не так много», пытаясь защитить людей от жестокости тирана.

То, чем Вы делились с нами с экрана, это «длительная помощь» людям («Гадкий утёнок»). То, что поможет человеку почувствовать в глубине своей частицу Бога, понять, что мы не только живём сейчас, а несём в себе вечную жизнь Духа, который должен соединится с Космическим Океаном.

Как хотелось не пропустить ни одного слова передачи и не проглядеть ни одного выражения мысли на дорогих мне лицах. Как я радовалась, что Григорий Соломонович неутомимо энергичен, а Вы, Зинаида Александровна, прекрасны в своей гармоничной чистоте и простоте. Хотя я понимаю, какого напряжения сил это стоит. Помню:

Как тяжко быть вечно в ответе
За всех- ни одно существо
Не вчуже. Ведь все мои дети,
А старше меня никого.

Какое счастье, что Вы, Зинаида Александровна и Григорий Соломонович живёте на Земле в наше время! Дай Вам Бог здоровья, жизни и творческих сил на долгие годы.

Я благодарю судьбу, что когда-то в начале 90-х годов, Лилит Николаевна Козлова, послушав в Москве лекцию Григория Соломоновича и Ваши стихи, сказала себе: «Это то, что нам необходимо» и решительно подошла к Вам знакомится. И в нашей «Гостиной» стали постоянно появляться Ваши дары. Это были ответы на вопросы наших тогда ещё только пробуждающихся душ. Ваши стихи, звучащие словно псалмы, волшебная Ёлка, «Истина и её двойники», «Озеро Сариклер», «Невидимый Собор». Ваш Рильке, «Гадкий утёнок» и статьи Григория Соломоновича, «Великие религии мира» — всё это открывало огромность мира мысли, и было чудом. Рассказы Лилит Николаевны о встречах с Вами, общее чтение ваших книг, писем, узнавание Вашей нежности, мудрости и щедрости объединяло нашу «Гостиную» чувством любви и признательности. Мы любили друг друга, вас, Лилит Николаевну, Леночку и всё вокруг. Нам казалось, что мы делаем какое-то нужное планетарное дело. Это было похоже на Братство.

Сейчас Лилит Николаевна так же собирает «четверги». А Леночкина мама устраивает интересные вечера. Пришли новые, молодые, талантливые поэты. Выходят книги, поэтические сборники. Но Ваше творчество очень волнует и новых членов. Ваши имена обожаемы и ими.

Одна молодая поэтесса написала и издала целый цикл стихов, посвящённый Вам, Зинаида Александровна. Это Алиса Половова. Вы живёте в наших душах и будите жить в следующих.

Будьте здоровы! Храни Вас Бог! Ваша Наталия Ивановна.

2011 год. Москва.

Дорогая Наталья Ивановна!

Я очень благодарна Вам за письмо. Вернее за оба письма, потому что я получила оба. Дело в том, что наш старый дом сломали и на почте знают новый адрес и пересылают нам письма. Как бы там ни было, я очень тронута Вашими письмами. Вы пишите слишком высокие слова, хотя я хорошо знаю, что это от всей души. Но мы очень естественные люди, живём очень просто, хотя нам есть чем поделится, и вдруг оказалось, что это многим нужно. А всего-то отбросить всё лишнее и жить всем сердцем. Открытым сердцем.

Мы уже очень старые и слабые. Кроме возраста (93 и 85!) у нас обоих соперированная, но далеко не излеченная онкология. Но вот 2,5 года назад сломали наш старый дом (хрущёвская пятиэтажка без лифта) и переселили... в место, о котором можно было бы только мечтать. Нам дали прекрасную квартиру с кухней в 11 метров (вместо старых пяти), с лоджией, с прихожей — холлом, и, самое главное, с окнами, выходящими в лес. Лес начинается почти от нашего подъезда. Это неправдоподобно. И это продлевает нам жизнь. Если добавлю ещё, что друзья наши (и читатели) сделали до нашего въезда нам в подарок ремонт в этой квартире такой, что всё здесь удивительно красиво и удобно, то, что ещё добавить?... Это есть наш противовес всему другому. Весы качаются, но мы живём, пишем, проводим семинары, которые становятся очень многочисленными (особенно после телевидения — зал не вмещает желающих). Это то, может очень коротко сказать. Не могу сказать Вам сейчас ничего больше, просто не могла не поблагодарить за Ваше огромное сердечное тепло.

От Григ. Сол-ча самый сердечный привет. Ваша З. А.

1 января 2013 года. Ульяновск.

Здравствуйте, дорогая Зинаида Александровна!

Глубокая благодарность вам за письмо, которое я получила 2 сентября. Ах, как счастлива была бы Алиса, наверное, даже бы плакала от тех сердечных слов, с какой нежностью Вы поняли её душу и как горячо желали здоровья.

Но успеть ваше письмо не могло. 8 августа я разговаривала с ней по телефону, 9 августа написала письмо, отправить смогла только 12-го, а 14 августа Алисы не стало. Потеря эта для нас всех невосполнима и тяжела. Страдая от болей, слабая, похудевшая (онкология), она успела выпустить книгу своих стихов, очень красиво оформленную, с цветными фотографиями. И совсем незадолго до своего ухода успела пригласить к себе домой всех друзей и устроить презентацию книги. Каждый получил экземпляр с трогательной надписью ему лично. Мы все храним о ней благодарную память. А теперь помнить её будете и Вы.

До свидания. С самыми тёплыми пожеланиями, любящая Вас Н. Тарасова.

18 февраля 2013 года. Ульяновск.

Дорогая Зинаида Александровна!

Примите моё живое соболезнование Вашему горю! Милая Зинаида Александровна, Григорий Соломонович так старался как можно дольше не оставлять Вас, его Зинаиду, которую он так любил. Это был великий человек во всём. Пройдя все испытания, всю борьбу, остался и блистательным и благородным и в гражданской своей судьбе и в личной.

Когда Вы были вместе, у всех наверно (и у меня в частности) было ощущение какого-то спокойствия, эти два прекрасных человека своими светлыми мыслями спасают мир. Теперь эта трудная миссия на Вас. Но такой большой человек, как Григорий Соломонович может наверно сказать тоже: «Весь я не умру, душа в заветной лире...» Его деятельная душа найдёт Там, конечно, своё Дело, и, наверно, будет оказывать Вам помощь.

Милая Зинаида Александровна, а вот завтра по «Культуре» будет передача о Вас и Григории Соломоновиче «Больше чем любовь» — иными словами просто нельзя назвать Вашу совместную жизнь.

Вспомнилось с какой нежностью он писал о Вас в «Гадком утёнке», как идейно объединило Вас творчество, как одинаково Вы воспринимали природу, встретившихся людей, произведения искусства и пр. А с каким молодым ликованием писали Вы о Вас обоих. Мне приятно привести здесь Ваши стихи:

И вот пьяны весенним духом...
Хоть знаю я, что я старуха,
А ты — старик. Жизнь пролетела.
Да только нам какое дело?
Какое дело листьям этим
До всех тревог и мук на свете,
До всех болезней, слёз и бед,
До будущих и прошлых лет?
Какое дело нашим душам
До этой несусветной чуши,
Когда до края, через край,
Нас переполнил этот май?
А ведь душа, она, быть может,
С весною каждой всё моложе...
Как через дали,— через годы.
Разбег и — в вечность, словно в воду!

Презентация книг Н. Никищенковой. г. Ульяновск, 2016 год
Сидят - Н. Никищенкова, Л. Токарчук, Н. Тарасова, Т. Трунова.
Стоят - В. Малахов, Е. Белянин, Л. Серзина.

Надеюсь, Зинаида Александровна, Вы не одна. Есть помощники. Крепитесь, держитесь, живите долго! Храни Вас Господь!

А Григорию Соломоновичу дай, Господи, Царствие Небесное и Вечную память.

С большим сочувствием и пониманием Ваша Наталия Ивановна.

Все ульяновцы, все знающие, читающие Вас, скорбят вместе с Вами.

Июль 2013 года. Москва.

Наталья Ивановна, дорогая! Я только диктую это письмо, потому что у меня сломана правая рука. Я очень тронута Вашим письмом, Вашим рассказом о Леночке Токарчук, её стихотворением, которое Вы прислали. Тронута Вашим вниманием. Поэтому напишу сама, когда буду владеть рукой. А сейчас просто хочу выразить Вам свою благодарность и попросить прощение за не ответ на первое письмо — я очень трудно жила. Всего вам самого доброго! Ваша Зинаида Александровна.

P. S. Привет Танечке Потоцкой, Виктору и всем, кто меня помнит.

9 августа 2013 года. Ульяновск.

Милая Зинаида Александровна, как я хотела, чтоб Вы получили письмо от одной нашей поэтессы Алисы Пололовой, которая очень проникновенно воспринимает и Ваше творчество, и весь Ваш образ. Она умница. Она училась в Москве в Энергетическом институте. И училась, и работала с упоением. (Всё, что сейчас пишу — это слова Алисы). А параллельно осваивала все виды искусства, развивалась эстетически и культурно. Затем перешла к следующему этапу духовного развития — через познание религий. Но канонического православия не признаёт. Однако Христос для неё — Святое имя и Благая весть. Привнесённое Христом — главное событие человечества за последние тысячелетия. Сейчас ей 67 лет. К Лилит Николаевне пришла в 2008 году, на её 80-летие со своими стихами. И с тех пор стала постоянным членом всех наших встреч.

Однажды подруга пригласила её на концерт, в программе которого был вокальный цикл Шостаковича на стихи Рильке. И она заболела его стихами. Это был 1980 год. Она полгода искала по антикварным магазинам книгу Рильке. Когда, наконец, нашла, была очень счастлива. Но проза не становилась ей близкой, а вот в стихи она просто влюбилась. Когда же она познакомилась с Вашими чудесными переводами Рильке, она поняла всю глубину и красоту его творчества. Благодаря Вам, Зинаида Александровна, Рильке стал любимым поэтом Алисы. Пришла любовь и к Вашему светлому и пронзительному творчеству. Ей хотелось сразу написать Вам благодарное письмо. Уже написала черновик, но благоговение перед Вашей личностью и по собственной скромности не решилась послать его. Сейчас она не просто болеет, а доживает последние...

Уже не поднимается. Со смирением приготовилась к дальнейшему. Я вызвалась передать её стихи Вам, так же как благодарность и добрые пожелания. С удовольствием переписываю её стихи...

24 августа 2013 года. Москва.

Дорогая Наталья Ивановна!

Я получила Ваше письмо с большим опозданием, так как я живу на даче, и время от времени мне привозят почту из города. Я очень благодарна Вам за ваше тепло, чувствую Вас родной душой.

И меня глубоко, очень глубоко тронуло всё, что Вы написали об Алисе (не знаю отчества) и особенно её стихи. Я бы очень хотела, чтобы ответ мой дошёл скорее,

но надежд на нашу почту так мало!.. Не знаю вашего телефона. Постараюсь позвонить Леночке Кувшинниковой, а она перезвонит Вам. Хорошо бы это удалось раньше письма.

Мне очень горько, что Алиса так больна. Всей душой хотела бы помочь ей, но... и сама я едва держусь.

Да, меня глубоко тронули её стихи, но ещё глубже — сама её Душа, которая светится сквозь стихи.

Знаете, сейчас много пишут о Григории Соломоновиче, но больше всего меня радует не оценка его творчества, а то, что люди сквозь его творчество чувствуют его Душу и говорят, что она больше всего им написанного. Нежная подлинная Душа, это неугасаемая свечка Богу. И такой свечкой я почувствовала душу Алисы. Передайте ей, пожалуйста, большое - большое спасибо за стихи. За неё саму. Всем, всем сердцем хочу, чтобы было как можно легче ей, чтобы свет вытеснил всю муку. Глубоко сострадаю ей и шлю всё своё тепло. Я составила две книжки из стихов двух последних лет. Одна целиком посвящена памяти Григория Соломоновича. Она называется «Дом моей души». Другая — «По Божьему следу».

Хочу выписать Вам одно или два стихотворения из первой книжки (а Вы, конечно, передадите их Алисе)

О этот Свет проникновенный —
Накал закатного огня,
Как будто сквозь прибор Вселенной
Взгляд, проникающий в меня.
Прокол сквозь непроглядность смерти,
Сквозь бесконечность немоты,
Проколотое насквозь сердце,
В котором засветился ты.
Ну да, для всех есть книги, память,
Земля сомкнулась, плач затих.
А для меня — на сердце камень.
А в сердце ты — живей живых.
И это всё не сон, не сказка,
А над бесстрастною судьбой
Огнём проколотое насквозь,
Всё сердце светится тобой.

А ещё из бесчисленных стихотворений, написанных во след ему, мне хочется выбрать одно, хотя оно очень длинное. Эпиграф к нему из самого Г. С.

«Если есть бесконечность (материальная, дурная), то меня нет. Если я есть, то такой бесконечности нет».

Ты глядел в глаза жестокой яви.
Ты не отводил от бездны глаз
Что же ты сумел противоставить
Мраку, окружающему нас?
Этой полной слепоте и глуши,
Этой бездуховности в ответ
Ты свою противоставил душу,
Из её глубин сверкнувший свет.
Яркий прочерк внутреннего света
Вспыхнул, тьму ночную разбудя —
Выход есть. Безвыходности нету.
Жизнь без смерти есть внутри тебя.
Может прах вернуться снова к праху,
Но бесспорно огненная весть:

Больше нет в тебе ни капли страха.
Чтоб с тобой ни сделали, ТЫ ЕСТЬ.
Я люблю тебя с такою силой,
Что способна разорваться грудь.
Ты ушёл. Дыханья не хватило.
Значит надо за тобою — в путь.
Но не в те загробные пределы.
Есть дорога дольше и трудней:
Не во след за погребённым телом —
За душой, любимою твоей.
Мне дано великое заданье:
Различить беззвучный зов Творца,
Леса говорящее молчанье
Всей душой дослушав до конца.
Мне сказали капли дождевые
Вспышкою в скрестившемся огне:
Мёртвых нет, но только мы, живые
Живы лишь отчасти, не вполне.
Это слово бессловесной хвои —
Весть из просиявшей высоты:
Если я воистину живою
Быть сумею, значит, жив и ты.

Прощаюсь, дорогая Наталья Ивановна, больше не в силах писать. Обнимайте за меня Алису. Ваша З. А.

1 октября 2013 года. Ульяновск.

Здравствуйте, дорогая Зинаида Александровна!

Глубокая благодарность вам за письмо, которое я получила 2 сентября. Ах, как счастлива была бы Алиса, наверное, даже бы плакала от тех сердечных слов, с какой нежностью Вы поняли её душу и как горячо желали здоровья. Но успеть ваше письмо не могло. 8 августа я разговаривала с ней по телефону, 9 августа написала письмо, отправить смогла только 12-го, а 14 августа Алисы не стало. Потеря эта для нас всех невосполнима и тяжела. Страдая от болей, слабая, похудевшая (онкология), она успела выпустить книгу своих стихов, очень красиво оформленную, с цветными фотографиями. И совсем незадолго до своего ухода успела пригласить к себе домой всех друзей и устроить презентацию книги. Каждый получил экземпляр с трогательной надписью ему лично. Мы все храним о ней благодарную память. А теперь помнить её будете и Вы.

До свидания. С самыми тёплыми пожеланиями, любящая Вас Н. Тарасова.

7 ноября 2013 года. Ульяновск.

Здравствуйте дорогая Зинаида Александровна!

Давно Вам не писала и ничего о Вас не слышу. Спрашивала у Лены Кувшинниковой, но её, оказывается, долго не было в городе и она тоже известий не имеет.

Как Ваше здоровье? Теперь, Зинаида Александровна, самое главное — пережить мрачный период до Нового Года. Когда новый Год наступит, всё! Чувствуется весна. Природа, а может, и вся Солнечная система набирает силы, и мы, наверно вместе с ней. Можно, Зинаида Александровна, напишу о нашей жизни?

Вот, в прошедшую субботу, 2 ноября был творческий вечер Лены Кувшинниковой. Она рассказывала о себе, читала свои стихи, и 2 музыканта (Один Борис Блохин) очень проникновенно пели под гитару песни, созданные ими на Ленины

стихи. Было очень хорошо, люди выступали. Большой библиотечный зал был полон. Были Ленины подруги. Приехал из Москвы Костя Грингут. Все его обнимали, радовались за него. Он работает в Москве, пишет толи книгу, толи работу по психологической практике. Чудесно выступала мама Леночки Токарчук. Рассказывала, как поддерживала Леночку Елена Викторовна. Как старалась сделать ей приятное. Однажды к Леночке привезла своего отца и сестру. Они прекрасно поют, и вечер был незабываемый. Костя вышел на сцену и сначала замешкался, тогда Любовь Константиновна прочла его стихи, посвящённые Леночке:

Душа поёт, а сердце плачет,
Я очень маленький, наверно.
Какая трудная задача –
Вместить ещё одну Вселенную.

Я говорила о Валентине Васильевне — Лениной маме, удивительной, одухотворённой, добрейшей женщине с которой мы какое-то время вместе ходили в воскресную школу и ездили с группой в Санаксарский монастырь и в Дивееево.

Потом Лена говорила, какое огромное благотворное влияние оказала на неё дружба с Вами и Григорием Соломоновичем. Как близки Вы и Григорий Соломонович её сердцу. И решено было следующий вечер в библиотеке посвятить Вам. Я очень рада. А ещё до вечера я договорилась, что передам Лене наши с Вами письма, посвящённые Алисе Александровне Пололовой. Она в своём журнале напечатает выдержки из писем и Ваши стихи Григорию Соломоновичу, и она напечатает прекрасную фотографию, где Вы рядом с прекрасным портретом Георгия Соломоновича. Оба Ваши эти портреты — изумительны. Я так рада, что они есть в фильме. Журнал выйдет в январе. И все узнают, как можно так любить:

«Я люблю тебя с такой силой, Что способна разорваться грудь».

Как силой своей животворящей любви вдохнуть жизнь в любимого, когда любимый уже живёт в вечности. Я очень рада, что это всё сделает Лена, любящая Вас. Храни Вас Господь! Желаю здоровья, силы, радости! Любящая Вас Нат. Ив.

5 апреля 2016 года. Москва.

Наталия Ивановна, дорогая!

Спасибо за Ваше письмо. Оно очень согрело меня. Знаете, хотя я получаю сейчас, на старости лет, очень много вестей, говорящих о нужности моих страничек, каждая настоящая весть уникальна и очень дорога мне. В этом Вашем письме я както особенно почувствовала нашу перекличку с Вами и очень благодарна за неё.

Я живу трудно сейчас. Даже очень трудно. То, что делается в мире, война на территории бывшего Союза — всё это проходит через моё сердце и разрывает его. Хотя нет, не разрывает, а наполняет великой болью.

Я не могла не ответить Вам, хотя писать много никак не могу. Хочу послать Вам одно или два последних стихотворения. Пишу я много, очень много. Душа открыта и продолжается почти неостановимый разговор с Богом. И с Гришей моим.

Как ты мне нужен! Как хочу быть рядом!
Мне всё равно вот здесь или на звезде.
Но я живу сейчас под Божьим взглядом
И от него не спрячешься нигде.
Да, я живу одна под взглядом этим
И соль слезы бессчётный пригубя,
На взгляд безмолвный я должна ответить
Всей жизнью за себя и за тебя.
И как тоски и горечи ни много,

Л. Козлова и Н. Тарасова на праздновании 90-летия З. А. Миркиной. г. Ульяновск, февраль 2016 года

Но ни минуты безысходной нет.
Я отвечаю и тебе и Богу.
Вся жизнь моя — безмолвный мой ответ.

* * *

Заря была такою долгой,
Такой глубокую была,
Что мир, разбитый на осколки
Она в единство собрала.
Заря была такой великой,
Что стало ясно, наконец,
Что есть единственный владыка,
У всех разрозненных сердец.
Но, Боже, сколько силы надо,
Чтобы Тебя вовнутрь принять! –
Не устрашится бездны ада
И тяжкую земную кладь
Переложить себе на плечи –
Ни звука о чужой вине.
Отгородится больше нечем-
Раз всё во мне, то всё на мне.
Все части, все куски, все звенья
Срастались, свой хорал творя.
Была разгадкой воскресенья
Конца не знавшая заря.

Ну вот, больше писать сейчас не могу. Обнимаю Вас всей душей. Ваша З. А.

20 сентября 2016 года. Ульяновск.

Здравствуйте, дорогая Зинаида Александровна! Читаю книгу- какая высота! Какой океан чувств! Какая благодарность Создателю этих деревьев, этого неба Этой Красоты, и этой души, что так богато одарена, что даёт счастье держать любовь, ощущать близость любимого, слышать, что говорят «тишайшие» создания — деревья, птицы, дорога. Слышать то, что звучит внутри!

Зинаида Александровна, нет слов, чтобы высказать восхищение и преклонение перед этим «лёгким дыханием»- вашими стихами. А чудесная сказка — притча о стойкости в любви и о самоотверженности. Конечно, она о Григории Соломоновиче, о его светлой жизни. И о святых людях, которые жертвуют жизнью, идя трудным путём борьбы за «Красоту», а это может быть и мир на планете, или сохранение сокровищ древности, или сохранение справедливости, или чести людей, или даже сохранение верности в любви, верности в Вере.

Это и «рождественская» сказка о младенце Христе, о дороге к Нему. А сказка и есть «Красота» Создателя.

Взять в руки книгу и не застыть перед Вашей фотографией — невозможно. Это классика. Что-то близкое по силе к Рембрандту или к самым лучшим фотографиям Ю. Роста.

Ваш портрет — совершённая открытость старости, которая говорит о благородной жертвенности и достоинстве долгой жизни. Лицо, на мой взгляд, выражает какое-то сочувствие и укор к тем, кто идёт позже. А губы чуть тронутые улыбкой прощальной нежности и любви к тем, кто дальше поведёт жизнь.

Спасибо большое Зинаида Александровна за колоссальный подарок. Книга вся— Красота, изящество, Любовь. Я — преклоняюсь! В вашей книге Природа встаёт как живая и близкая. И Вы, любя, сливаетесь с ней. Благодарю от всей души!

Милая Зинаида Александровна! Желаю здоровья, Божьей помощи для осуществления Ваших планов. И, конечно, хороших помощников.

С благодарностью и любовью Ваша Наталия Ивановна.

Храни Вас Бог!

25 января 2017 года. Москва.

Дорогая, дорогая Наталия Ивановна!

Я получила Ваше письмо. Оно для меня драгоценно. Чувство, что я могла помочь Вам в великом горе Вашем... не могу даже сказать, как это взволновало и поддержало меня саму. И я сейчас в критическом состоянии. На днях были две «скорые». Хотели забрать в больницу. Взяли подписку, что отказываюсь. Очень сильный гипертонический криз с подозрением на инфаркт.

Но не хочу, не могу уезжать из дома. Хотя я очень стара, но чувствую, что много ещё не сделала. Однако, на всё Воля Божья.

Дай Бог Вам сил на поворот в ту сторону, где тонет наше личное горе. «Но чтобы нам с тобой соединится, я должна за Ним, за Ним, за Ним»...

То, что Вам так помогла моя книга, говорит о том, что Вы можете так поворачиваться, так открывать душу, так брать... Это то, что нужно Богу от нас. Он даёт нам всего Себя. Мы только плохо умеем брать. А когда берём, это помощь самому Дающему. Всё взаимосвязано. И самое главное это открывать сердце.

Спасибо Вам за Ваше открытое сердце. Мне многое хотелось бы сказать Вам, но сейчас могу только молча обнять.

Напишу Вам самое последнее своё стихотворение. Это не Бог есть что, но почему-то его мне хочется Вам написать.

А снег идёт. А Дерево растёт.
О, кто с души свинец тяжёлый снимет?
Мне надо не куда-то, не вперёд,
А только вместе с ними, вместе с ними...
Не улетать с поруганной земли
Не жаждать чудодейственных известий...
О, если все бы вместе с ними шли...
С Деревьями и с тихим снегом вместе...

Обнимаю Вас. Дай Бог Вам Сил. Ваша З. А.

Июль 2017 года. Москва.

Дорогая Наталья Ивановна! Родная душа!

Я поздно получила Ваше письмо, потому, что живу на даче, и мне привозят почту из города, когда едут ко мне. Письмо Ваше очень дорого мне! В нём столько души и так мне чествуется насколько Вам нужна моя душа, что меня это глубоко трогает. Нет, пронзает... Ведь самое главное — это слышать. Если что-то есть во мне самое важное — это умение слышать и «конечно» любить. Слышать важнее, чем говорить... Много важнее... Настоящее слово это ответ на то, что ты умел расслышать.

Только напрасно Вы говорите о вине передо мной. Никакой вины у Вас нет. Забудьте про это. Я всем сердцем понимаю, как Вам трудно сейчас. Да ещё и глаза у Вас оказывается, отказывают...

Я сама сейчас живу нелегко (мягко говоря). За месяц, проведённый на даче, были три неотложки (а я очень редко их вызываю). Тем не менее, за это время я написала две большие статьи и больше сорока стихотворений.

Статьи, особенно одну из них, я постараюсь переслать на чей-нибудь интернет. Это статья о том, что такое свобода. Меня бесконечно мучает тот разброд, тот хаос в сознании бывших советских людей, который приводит к кровопролитию. Не могу сказать, как я страдаю оттого, что льётся кровь в Донбассе и от всего ожесточения и ненависти, которая разделяет людей.

Сейчас с большим трудом собираю новую книгу стихов. Писать стихи — как дышать. А вот собирать книгу — почти непосильный труд. Я написала Вам коротко (мне трудно писать) но — всей душой. Хочу кончить письмо каким-нибудь небольшим стихотворением:

Не месяц,— век медовый наш прошёл
И не прошёл. Исчез и не исчез
Нам было так с тобою хорошо,
Как только птицам посреди небес.
Лишь только тот, кто жил душою всей
Узнает смысл и тайну бытия.
Твоя Душа была внутри моей
Внутри твоей вмещалась вся моя.
Был целым миром полон каждый час
Был чуток слух и глаз всегда остёр,
Лишь потому, что никогда не гас
Наш сокровенный внутренний костёр.

Обнимаю Вас, дорогая Наталья Ивановна. Простите за краткость — очень мало сил.

19 августа 2017 года. Ульяновск.

Здравствуйте, дорогая Зинаида Александровна! Простите меня, если Вы ждали моего письма долго! Простите, пожалуйста! Я получила Ваше чудесное письмо 30-го

июля. То есть взяла из почтового ящика, когда спускалась с лестницы, направляясь на дачу, в дальнюю деревню с сыном на машине. Читая, была глубоко взволнована и тёплыми Вашими словами и очень расстроена состоянием Вашего здоровья.

Понимаю, что здоровье ещё и связано с тем, как тяжело Вы переживаете все эти ужасные события на Украине. И что для Вас важно передать одну из двух Ваших статей нам в Ульяновск, для нас. В деревне почты нет, написать я не могла, но 30 июля, когда приехали, я сразу позвонила и всё рассказала Лене Кувшинниковой.

Мы все знали, как Вы близки с Леной. И она обещала с Вами связаться. Я не сомневалась, что она поддержит Вас и сердечными словами и готовностью заняться статьёй. Очень надеюсь, что у Лены всё получилось. Вы меня понимаете. Надеюсь, что сейчас, когда кончилась жара и скачки погоды и появилась надежда, что статью о свободе прочитаем мы, ульяновцы, Вы почувствуете поддержку Ваших мыслей, и Вам будет легче.

Пожалуйста, Зинаида Александровна, держитесь! Мы Вас и Григория Соломоновича давно, уже много лет любим и почитаем, и всегда будем любить. А 5 августа я переслала Лене Ваши последние письма.

Вот только что вышел последний номер журнала «Гончаровская беседка» под редакцией Лилит Николаевны, издатель Качалин А. В. В конце журнала всегда есть рубрика «Светлой памяти». В этом номере помещено множество откликов, статей, воспоминаний об ушедшем от нас прекрасном человеке, поэте, барде, композиторе Евгении Григорьевиче Белянине.

Он умер после концерта, творческого вечера памяти Леночки Токарчук, на котором он выступал. Пришёл домой и умер. Ему было 63 года.

И среди публикаций благодарности этому человеку одна поэтесса — Елизавета Мусатова — поместила свою статью с названием «Зинаида Миркина и вдохновение». Она написала три стихотворения, каждое из которых с двух сторон украсила выдержками из Ваших стихов, выделив их курсивом. Получилось красиво и проникновенно:

«Вот то, что дальше, глубже смерти-
В потоках вечной белизны...»
Зинаида Миркина

Стоят задумчиво деревья, все в графике земной и т.д...

Что это-Смерть, или тихость Божества?
Лишь только ритм... один лишь ритм и цвет...
Зинаида Миркина

По непомерности пустот,
На волнах темноты и света,
В такой свободе Дух плывёт
С той стороны на эту
Зинаида Миркина

Так что держитесь, Зинаида Александровна. Я для того Вам это написала, чтобы Вы поверили, что Вы — любимы. И даже в горе — Вы с нами. Все думаем о Вас, желаем здоровья и добра. Для меня Вы — частица счастья, отпущенного мне судьбой.

Зинаида Александровна, а стихи о любви, которые Вы в письме написали, они лучшие из тех, что были написаны о любви на земле за всё время. И какая точность мысли. И никто не усомнится, что это написано именно о Вас с Григорием Соломоновичем.

Зинаида Александровна, рада, что Вы на даче. Наверно ваша сосна вам помогает.

Божей Вам помощи в составлении новой книги стихов. Здоровья, сил.

Любящая Вас Нат. Ив.

На празновании 80-летия мужа.
г. Ульяновск, 2011 год

12 ноября 2017 года. Ульяновск.

Дорогая Зинаида Александровна!

Вот Вы и снова совершаете чудо, несущее нам радость, присылаете Ваши книги в подарок! Огромнейшая Вам, Зинаида Александровна, благодарность!

Книга необыкновенная, читаешь и понимаешь колоссальную работу, Зинаида Александровна, Вашей души в помощь Богу в выполнении Его Воли. Наверно Вы — одна из тех благородных бессмертных душ, которые держат и хранят наш мир. Сколько прекрасных и мудрых слов Вы сказали Всевышнему, сколько послушаний ему, замираний, вглядываний в дивный мир природы и благодарности Творцу.

Как чудесно написал в предисловии Ваш друг Роман Перельштейн, что стихи Ваши — это крылатое духовное послание. А иллюстрации, выполненные таким тончайшим, легчайшим пером, каким вы пишите свои письма. Они наглядно показывают, что обозревает Ваша душа, прокладывая путь над просторами Вселенной. Просматриваются все пространства мира, окутанные туманом. И разгул стихий, подхватывающий камни, и укутанное снегом редколесье и скалы, вершинами подпирающие небо и свет солнца, разгоняющий туман и дающий жизнь и лесам и го-

рам. Из поля зрения не ускальзывает прильнувшая к дереву восточная женщина, возносящая молитву, и в безлюдии показавшийся маленький Олень, несущий своего Оленёныша. Прорвавшиеся сквозь туман оливковые ветви, как символ мира, показывают, что путь идёт в страну Небывалию, где никому никогда не тесно и царит Вечная Любовь. Но достичь её можно только вобрав в себя, в свою душу весь этот мир земной, с его болью и низостью.

«Вместилась бесконечность в сердце и в точке скроет простор вселенной».

Я понимаю, что Вы писали, как об этом же говорил Григорий Соломонович. Я понимаю, что дальше должна идти работа души, выполняющая Волю Божию, а не свою. И надо явить всю преданность Богу:

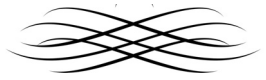
В ком разгорится Божье пламя,
Тот вновь и вновь миры создаст.

Тут конечно скрыта и тайна и Истина. И хорошо, что люди будут читать, понимать Ваше послание и будут стараться выполнять Ваш наказ.

Я, Зинаида Александровна, прочла все стихи и сказку за день и ночь не отрываясь. Потом пришла ко мне Люда Серзина, помощница Любови Константиновны по систематизированию творчества Леночки, она уже в слух прочитала Небывалию, понимая её задачу нам. Желаю здоровья, силы, радости! Любящая Вас Нат. Ив.

Декабрь 2017 года. Москва.

Дорогая Наталия Ивановна! С Новым годом Вас, с наступающим светлым Рождеством! Я очень ценю Ваши письма, они греют и поддерживают меня. Простите за то, что не отвечала. Я была очень сильно больна. Знайте — мой не ответ — не настоящий не ответ. Я всем сердцем отвечаю Вам, но физически мне иногда это очень трудно. Чувствую Вас дорогой, близкой душой. Всего Вам самого светлого. Ваша З. А.

З. А. Миркина прислала в подарок Н. И. Тарасовой 9 своих книг:

«Потеря потери», 1991 г. «Озеро Сариклен», 1995 г. «Мои затишья», 1999 г.

С дарственной надписью: «*Дорогой моей Наталье Ивановне с любовью и благодарностью за очень чуткое чтение моих книг. Дай Вам Бог всегда ощущать «Своего Бога», прикасаться к нему сердцем. Он только и ждёт, чтобы мы чувствовали Его изнутри, ведь царствие Божие внутри нас... Со всем моим теплом. З. А. Миркина. 5.08.99 Москва*.»

«Невидимый собор», 1999 г. «У костра гномов», 2000 г. «По Божьему следу», 2014 г.

«Тайная скрижаль», 2014 г.

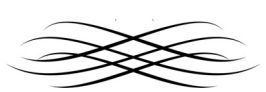
С дарственной надписью: «*Дорогой Наталье Ивановне от З. Миркиной и Григория Соломоновича. 13.02.2014.*»

«Хождение по водам», 2016 г.

С дарственной надписью: «*Дорогой Наталье Ивановне, родной душе, с благодарностью за Вашу чуткость. З. Миркина. 15.08.2016 г.*»

«Безветрие Души», 2017 г.

С дарственной надписью: «*Дорогой Наталье Ивановне от всего сердца. З. Миркина 1.12.2017.*»

Ульяновский поэт и издатель, главный редактор «Городского журнала» Надежда Никищенкова посвятила Н. И. Тарасовой свои стихи.

В общении Вы просто — гений!!!

В общении она ведь — гений,
открывший нам к прощенью дверь!!!

Наталье Ивановне Тарасовой,
бывшему технологу механического завода,
в День рождения 24 апреля 2017 года.

Надеемся, что потеплеет, и вновь подснежник расцветёт,
И ветерок с теплом повеет, трава зелёная взойдёт
на праздник искренней Наташи, что по-толстовски так мила,
что остаётся всех нас краше, сжигая старость всю дотла.*

Наш ум величием волнуя, талантом зажигая кровь
и нежным словом нас целуя, в сердцах хранит к себе любовь.
И эти милые кудряшки её божественных волос
у светлой ангельской Наташки, снимают с наших душ мороз.

Мы таем рядом с нею чуткой, такой приветливой, родной.
В её глазах, как в незабудках, находим мы небес покой!
Белок тех глаз, как перламутр, с волшебной негой голубой.
И них вечное сияет утро, даря поэтам всем покой.

И связь с великой Зинаидой** нас сохраняет от грехов.
С Натальей, как с большой элитой, все ощущают связь веков,
ушедших быстро поколений, не восполняемых потерь.
В общении она ведь — гений, открывший нам к прощенью дверь!!!

* на праздник искренней Наташи, что по-толстовски так мила, что остаётся всех нас краше, сжигая старость всю дотла.— В Наталье Ивановне есть всё: и дворянский аристократизм, и женственность, и задушевное, редкое обаяние простой любящей российской женщины, и невероятное терпение и стойкость перед несчастьями и неудачами, и литературный талант, и невероятная искренность в словах и поступках. Она — Наташа Ростова, если бы той было за восемьдесят, ведь Наталья Ивановна, несмотря на возраст, остаётся молодой и душой, и телом!!!

** с великой Зинаидой — Зинаидой Миркиной.

В 1992 году, когда исполнилось 56 лет, Наталия Ивановна вышла на пенсию и стала заниматься только домашним хозяйством.

В возрасте трёх лет болела корью и краснухой, в 8 лет острым пиелонефритом, в 9 лет скарлатиной, в 40 лет начался шейный и плечевой радикулит, в 60 лет пошли камни и песок из почек. В областной больнице в 2004 году перенесла операцию по удалению катаракты с заменой хрусталика в правом глазу, он держался непрочно, в дальнейшем в этом глазу развилась глаукома и к 2017 году глаз полностью ослеп. Болела хроническим бронхитом, а также артритом и артрозом коленных суставов, как следствие большого, за 80 килограммов, собственного веса и ношения из магазина тяжёлых сумок с едой. За всю жизнь лежала в больнице всего несколько раз, обычно лечилась дома таблетками. Последние несколько лет пользовалась «клюшкой» при ходьбе. Из почек отходил красный песок, болело сердце, повышалось давление, но до 85 лет сохраняла ясность мышления.

В 2007 году мать попросила меня разыскать любовь её юности Юрия Никифорова, которого она не видела с 1954 года. Знала она только то, что он перевёлся учиться из Горького в Ленинградское военно-строительное училище. Нашёл я Никифорова в Новосибирске, живущем в Академгородке, даже говорил с ним по телефону. Он рано уволился с военной службы и стал преподавателем в институте, на кафедре строительства. В скорости Юрий умер, но мать успела поговорить с ним по телефону. Ниже приводится письмо Наталии Ивановны сыну Юрия, Александру.

Дорогой Александр Юрьевич! Бесконечно огорчена, что нет на земле больше изумительного, светлого, умного, талантливого человека — вашего отца и друга моей юности. Тяжело даже представить себе, что он перенёс такие страдания. Жизнерадостный, весёлый человек, и такая боль. Очень жалко, что ему пришлось всё это пережить и так рано уйти. Я глубоко тронута и взволнована, что Юрий Иванович меня помнил и даже рассказал сыну.

Мы познакомились с ним осенью, когда я училась на 1 курсе, а он на третьем. На улице. Вечером возвращались с сокурсницей и к нам пристали двое молодых, остроумных «стиляг». Один Юрий, а другого звали «Труп».(?) Так началась наша нежнейшая дружба. Встречи давали столько радости! Старались не расставаться. Виделись и перед институтом и после. Переживали друг за друга и в экзамены и когда он ездил на соревнования. Столько мы бродили по городу, стараясь выбрать глухие улочки, где нас никто не знал и не мог видеть блеска глаз, восторженных улыбок, словно танцующих движений. У него были сильные ноги спортсмена и пружинистая походка. Одарённый человек, он в то время кроме спорта играл на трубе, фотографировал, изумительно читал, рассказывал юмористические рассказы. Кажется, он выступал со сцены в институте, и я имела счастье и слышать и видеть его достаточно большой репертуар. Тут играло всё: и голос (который слышу сейчас), лицо, пластика. С ним было необычайно интересно. Он брал свой репертуар и с пластинок (был такой комик Рудин) и читал раннего Чехова.

Эта книга — первый том Чехова, достаточно потрёпанная, издания ещё 30-го года, с подписью видимо деда осталась у меня, потом в Горьком у мамы. Если хотите, мы пришлём её Вам.

У нас были заветные мелодии песенок («день погас и в голубой дали») которыми мы обменивались, когда бывали среди людей и сказать что-то друг другу было нельзя. Сколько фильмов мы пересмотрели рука в руке. Дарили друг другу подарки. На его день рождения в сент. или октябре я подарила ему белый шёлковый шарф, тогда модный, он мне фарфоровую фигурку лицеиста Пушкина за круглым столом. Она жива до сих пор, только перо откололось. Родители уезжали на юг, вернувшись

прислали чашечку с виноградным варением, которого я потом не ела всю жизнь. Он всегда хотел сделать что-нибудь приятное — помочь, угостить. Когда моя мама лежала в больнице, он сам сварил ей клюквенный кисель (я не умела), и мы вместе понесли. У себя по дому Юра выполнял с лёгкостью множество работ, ходил в магазин, покупал керосин(?!), картошку и пр. Он хотел меня познакомить с родителями и они хотели, но я как-то не решалась. Он очень поддерживал меня. Говорил: «Ты такая хорошая, подать себя не умеешь».

Не буду писать от чего расстались. Случаи такие в сказках, царевич сжигает преждевременно лягушачью кожу. И тут так. Я, познакомившись уже с будущим мужем, попросилась у него обратно, но у него уже была Татьяна. С девочкой Танечкой Соколовой я училась один год в 3-м или 4-м классе. Потом я училась на биофаке, она на химфаке, дружила она с Ирой Рябуниной из нашей группы. Сочувствую ей в её горе. Наверно он был очень хорошим мужем (ведь он говорил: «каким я хорошим мужем буду, ведь я воспитан тобой»). Но конечно не мной, а прекрасными родителями. Я, когда приезжала в Горький, звонила матери его (кажется Антонине Тихоновне) и в один из разов она сказала: «А у нас Сашенька». Так я узнала ваше имя и так нашли вас. Прошлый год, в Горьком, я навещала его дом, смотрела на окна. Рада, что Люся там живёт. Зимой он мне приснился. Я смотрю откуда-то сверху через окно, а он ходит ночью по Откосу, в холод, в пальто. Не видим друг друга. Наверно прощался. Я лежу, порвала связки, не могу взять дневник посмотреть, какое это было число. Буду молиться за упокой его души.

Храни вас Господь. 30 мая 2008 года. Ваша Наталия Ивановна.

Вот какие записи оставила Наталия Ивановна о своей молодости и старости.

Между прочим, за несколько дней до нашей встречи с будущим мужем, что произошла на университетской лестнице, мне приснился странный сон. Я поднимаюсь по лестнице, за мной, ниже на несколько ступенек, идёт мужчина, я беру ватку, пропитанную женской кровью и бросаю в этого мужчину. Ватка попадает в грудь мужчины и оставляет на ней красный след. 26 июня 1956 года мы с Иваном поженились, несмотря на наши ссоры, несходство характеров и взглядов, на взаимоотношения. Свадьба была 23 июня. А после он уехал в Ульяновск и 2 года мы виделись 2 раза в год. Летом в каникулы и зимой в зимние каникулы.

После окончания Университета, защиты диплома, я приехала в Ульяновск в нашу 12 метровую комнату в соседстве с Тамарой Барминой, закройщицей, которая учила меня шить. Перед родами два месяца я жила в Горьком, где 24 октября 58 года родился наш сын Владимир. Родился на 3.600. длина 52 см. Сын был настоящий богатырь. Красивый, черноглазый и глаза его, верхние веки, были очень похожи на глаза моей мамы. Из роддома меня встречал Ваня. Он вёз меня на машине из Сормова, где я рожала. Рожала тяжело, почему-то акушерки не брали меня на родовой стол, они были чем-то заняты и велели терпеть. И схватки, начавшиеся вечером, измучив меня, в 3.30 следующего дня стали уже прекращаться. Я очень ослабла. Стали делать стимулирующие уколы, давить на живот и мальчик, до этого бившийся в тазу, родился с вытянутой, перекошенной на один бок головой. Ваня сначала расстроился, ему показалось, что Володя на него не похож, но дня через 2 он успокоился и с удовольствием смотрел на ребёнка. Подгузники были из рваных старых пододеяльников. Было тёплое ватное стёганное одеяльце. Детская кроватка была. А купали в железной ванночке в кухне, т.к. в доме всегда было холодно, а в кухне можно было нагреть.

Когда Володе исполнилось 3 месяца мы с ним на самолёте поехали в Ульяновск. Была зима, очень сильный ветер. И все дни в Ульяновске были такими. Коляски

не было. Выходила гулять с Володей я, завернув его в одеяло, и держала на руках. Уже за 1-й месяц он прибавил 1 кг 700 гр. И к 3-м месяцам был очень тяжёлый, я еле таскала его. А надо было носить в детскую консультацию. Тяжело. Когда прожили в Ульяновске почти месяц, в один прекрасный день я намыла полы в нашей комнате, открыла форточку, сама вышла в кухню. Пролежав так может минут 30, ребёнок простудился. У него поднялась температура, он кричал. Началось воспаление среднего уха. Вызвали врача. Через несколько дней барабанная перепонка лопнула, измученный 3-х месячный ребёнок потерял сознание. Гной из уха все лился на пелёнку. Обморок перешёл в сон. Врач сказал, что сына не возьмут в армию. В течение первых 5–7 лет он часто оглыхал, болезнь повторялась, правда, не в такой степени. К весне Ваня купил лёгкую коляску. Я часто ездила с маленьким Володей встречать Ваню к проходной. Володя был очень красивый, румяный, глаза блестели. Люди им любовались. Летом у Вани был аппендицит. И после он довольно долго не работал. И очень много сидел с Володей и даже варил ему манную кашу. Кормили, в основном, манной кашей,— так советовали врачи. И даже не на цельном, а на разведённом молоке. Приехала дня на 2–3 свекровь. Была недовольна, что молоко разводится, требовала, чтоб варили на цельном.

К концу лета, к августу, мы поехали в Горький с Ваней и Володей. Прожив дней 20 в Горьком, мы оставили 9-месячного Володю и уехали с Ваней. Он стал меня устраивать на работу в цех пластмасс и хлопотать, чтобы дали для сына ясли. Год Володя прожил у дедушки с Бабушкой. И когда мы приехали следующим летом, он спрашивал меня: «Ты кто, — мама? Не Люся?» Мы увезли его осенью в Ульяновск и устроили в ясли, которые были в нашем доме. Это было страдание для него. Ходить он не хотел, нервничал. Вскоре приехал дедушка, потом бабушка и в конце концов его увезли снова в Горький. С питанием было очень плохо. Сливочного масла не было. Молока не было. И даже песок доставали с трудом. После работы я стояла в очереди довольно долго за какой-нибудь рыбой-ледяной или хеком (хек была новинка, и все были от него в восторге), потом бежала в ясли, потом готовила, стирала. Работу заканчивала без 15 минут 5 часов.

Солнечное утро 38-го или 39 года. Мне 3 или 4 года. Я проснулась потому, что по моему лицу и по стенам прыгают солнечные зайчики, а в открытые форточки врывается громкая музыка из репродуктора, установленного на площади Свободы. «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля...» Я забираюсь на стул и высовываюсь в окошко. Сегодня 1 мая, мама, папа, сестра Ирочка, ученица 4 класса, все ушли на демонстрацию, а меня не взяли. А я бы с таким удовольствием маршировала под музыку, несущуюся с площади. Я подхожу к маленькому зеркалу и всматриваюсь в своё отражение. Я выставляю вперёд нижнюю челюсть и крепко сжимаю зубы. Я хочу быть похожей на отважных пограничников, которые стерегут от врагов нашу землю. Поэтому я хочу быть сильной и закаляться, как сталь. Я прошу маму отпустить меня на улицу в трусиках, как ходят многие дети, мама ни в какую. Тогда я рассердившись на маму выбегаю из комнаты вообще нагишом, бегу через коридор на заднее крыльцо, там на лестнице всегда много народу. Но моё появление вызывает у всех сидящих на ступеньках хохот и я с рёвом убегаю назад. Мою попытку сделаться сильной и закалённой не поняли.

Наша улица Ошара очень важная в городе улица. Она вся вымощена булыжником и по ней постоянно строем проходят красноармейцы с песней. Я иногда хожу гулять с папой по нашей улице Ошаре. Папа очень весёлый, он недавно купил патефон и часто заводит его и поёт: «Не вспоминайте меня цыгане...» Или вме-

сте с Утёсовым — «На дальнем востоке акула...» Папа повесил над диваном карту и мы все знаем, что большая жёлтая страна — Китай, а маленькая синяя — Япония, это она, акула, решила напасть на кита, на Китай. Зато мы СССР огромные, красного цвета и у нас есть папанинцы и челюскинцы. А мама не поёт под пластинки, а поёт сама грустные песни — «Не брани меня родная, что я так его люблю». Она научила нас с сестрой Ирочкой петь «Мы матрешки, мы кругляшки», сделала костюм матрешек и мы выступали на каком-то папином вечере. Всем понравилось.

Мама часто гладит папе рубашки и носки и поёт песню «Тень высокого старого дуба голосистая птичка любила...» Мама любит цветы, когда зацветает наша белая лилия, все соседи приходят и по очереди нюхают её бесподобный аромат. Ещё есть лилия цветущая розовыми колокольчиками. Все приходят у мамы просить отростки. Мама всегда рассказывает интересно о цветах,— вот этот цветочек, похожий на собачку — «львиный зев», вот этот красивый цветок — «анютины глазки». Цветы растут около памятника героев 1905 года. Мы приходим с мамой, она сидит, а я лазаю по всем выступам этого памятника. Но больше всего я обожаю ползать по огромным камням, валунам, на нашей улице Ошаре. Я прижимаюсь к ним всем телом. Камни тёплые, гладкие и как будто живые. И я чувствую, как я люблю их обнимать. А если подняться в гору и перейти через дорогу, там возвышается за забором пожарная вышка, с которой видно весь наш город. Все ребята с нашего двора бегают туда и смотрят. Я мечтаю попасть туда, но пока никто не берёт.

Ирочка учится в 4-м классе. У неё интересные учебники с картинками. А под одной написано, как мне удалось прочесть, Блюхер, и вместо портрета чёрный квадрат, чтоб его никто не видел — это враг народа. У Ирочки есть всякие краски. Я часто прошу порисовать красками и кисточками. Но она дает их очень неохотно, и, в основном, синюю краску.

Сегодня у нас гости. Мне положили на табуретку большой лист белой бумаги и дали большой красный карандаш. Я с упоением рисую. И Красную Шапочку, как она идёт по лесу к бабушке. И как в лесу бегают волки, прыгают зайчики и белочки, поют птички. И вдруг ко мне подходит нарядная тётя. «Что ты рисуешь, Наточка?» — говорит она насмешливым голосом. Я озадаченно смотрю на лист бумаги. Там, к моему удивлению, нет ни тёмного леса, ни Красной Шапочки, ни серого волка. Одни только коротенькие толстые красные чёрточки. Мысль моя лихорадочно работает. И вдруг решение найдено. «Это губы — они будут целоваться», говорю я смело. А ехидная тётя посрамлённо уходит.

Больная мама, к которой я бегала почти каждый день, и если она приходила, то я её провожала. Маленький ещё сын Дмитрий занимал почти всё свободное от работы время. Я читала, конечно. Собирала, в основном, книги по живописи, по искусству, по истории искусства. На работе я была политинформатором и часто кроме политических еженедельных лекций устраивала лекции по искусству. Приносила альбомы репродукций. Так, особенно удалась лекция о Кустодиеве, по которому у меня было очень много материала. О Берггольц, о Цветаевой и т.п. После смерти мамы я стала задумываться о цели человеческой жизни, о добре и зле, об огромности мироздания. Я искала учителя, человека, больше меня разбиравшегося в философских вопросах. Интересовал меня также вопрос куда же исчезла вся старинная интеллигенция. Это был 86 год. Я считала, что не могли ещё все вымереть, все эти дамы в шляпках, с хорошими манерами, какими были тётки моей матери. Почему я их нигде не могу встретить? Я написала письмо Анастасии Цветаевой, сестре поэтессы, когда прочитала её воспоминания. Так, через неё я познакомилась

с Лилит Николаевной Козловой. С тех пор я была участником почти всех мероприятий, проводимых Л.Н. и её лекций о творчестве Марины Цветаевой, о её духовной жизни, о поэтах Серебряного века, о поисках настоящей могилы Марины Цветаевой. С Лилит Николаевной мы начали посещать Рериховское общество. И я 3 года прожила в этом обществе под руководством Евгения Александровича Аникина изучая Живую Этику, космические законы, связь всего живого на земле, силу мысли.

Вместе со своими подругами я ещё окончила «Школу экстрасенсов» Михалёвой. До этого курсы ручного вязания, и связала себе несколько кофт, свитер Диме. Окончила курсы фриволите, связала несколько воротников. Прошла курсы машинной вышивки, но моя машинка не позволяла мне вышивать. Окончила также курсы ручной вышивки по шерсти. Но больше всего мне понравились 2-х годичные курсы кройки и шитья. Для моего творческого духа они дали больше всего, и дали пользу для практической жизни. Всё это было, когда я ушла на пенсию.

Интерес к «культурной» жизни у Натальи Ивановны не пропадал и в глубокой старости. Хождение по выставкам и библиотекам, собраниям литераторов, вернисажам, концертам и спектаклям. Ей была интересна такая жизнь, и она уделяла ей много времени. За порядком в доме не особенно следила. В её понимании порядок состоял из простых действий — подмести, иногда помыть пол. А то, что надо провести ревизию старых ненужных вещей и книг, которые всё заполонили, этого она не понимала. Книги лежали навалом по всем доступным поверхностям, все шкафы были забиты книгами. Старалась ничего не выкидывать, дома можно было найти таблетки 40-летней давности, древние корицу или ванилин, старинную кофемолку и кухонные ножи 19 века, доставшиеся в наследство от тёти Мани (ножи тонкие и гибкие, с закруглёнными концами, Иван Николаевич говорил, что «из ванадиевой стали»). Порядок на кухне у неё был своеобразным: в микроволновке почему-то хранился хлеб, в выдвижных ящиках кухонного гарнитура хранился домашний инструмент для ремонта, манную крупу на кухне можно было найти сразу в трёх местах, причём мать отлично знала какой пакет свежее. Но всё не потраченное на организацию порядка и уборку время отдавала организации вкусного питания. Сама любила поесть и готовила хорошо: жарила рыбу, пекла пироги, делала торты, в картофельное пюре сливочного масла не жалела. В еде предпочитала всё жирное, мучное и сладкое, а также настоящие деревенские продукты: яйца, молоко, творог, сливки, мёд. Могла съесть за один присест бидончик мёда.

Римский лозунг «Хлеба и зрелищ» Наталья Ивановна довела до совершенства. Когда сама она уже не могла ходить в магазин и покупать что ей хочется, едой стал её обеспечивать брат Дмитрий, его записали опекуном. Но мать голыми руками не возьмёшь, простой едой её питаться не заставишь, вечно ей еды мало, и она не того качества, хотя два холодильника забиты едой полностью. Мне она скажет, что Димка не носит рыбу, тогда я несу рыбу. Димке скажет, что у Володьки жёсткая капуста и невкусная картошка, выращенная в Елизаветино. Тот покупает капусту. То принесённая мной рыба ей, конечно, понравилась, но вот молоков горбуши что-то давно нет. Скажешь матери, мол, ешь хлеба поменьше, чтобы не толстеть. Она отвечает, а я хлеба вообще не ем, я ем пряники. Купит Димка один пакет пряников, оказывается, что этого мало, надо четыре.

То ей хочется похудеть, и она начинает пугать, что будет покупать «Гербалайф», на котором когда-то похудела на 7 килограммов, когда ходила в секцию по правильному питанию. Что надо перестать лопать сладкое она соглашалась, но тут же приводила аргумент, что без сладкого она не может.

Деревня Елизаветино, июль 2021 года

Зрелища по телевизору не выключались, каналы «Спас» и «Культура» вещали с утра и до ночи. Причём ей было всё интересно, музыка так музыка, передают про Веронику Полонскую, очень хорошо, это надо обязательно знать, напитываться знаниями. Скажешь ей: «Мама, уже не ты в телевизор по уровню знаний, а телевизор в тебя давно должен смотреть!» То ей чистого воздуха не хватает в городе, мол, надо вывозить её в Елизаветино. Летом приглашаем ехать на дачу, а ей именно в этот момент приспичит чинить зубы, которые можно было вылечить зимой.

Несколько лет прикидывала, что будет с квартирой после её смерти. То считала, что квартиру надо разделить между наследниками напополам. Потом решила, что её надо полностью завещать брату Дмитрию. Затем решила подарить Дмитрию. Ну, вроде всё решили, дари, я не возражал, оформляйте дарственную. Нет, она опять изменила мнение, теперь подарить она не может, а может только завещать. А оформили ли хоть какие-то документы на эту квартиру, одному Богу известно. Какое-то деление шкуры неубитого медведя. Но мать вроде как при деле, и вся в заботах о благе семьи.

Бойцовскими качествами не отличалась, сама ни за какие блага сражаться не будет, а зачем? До глубокой старости сама себя обслуживала.

Каждое лето, выезжая на дачу, мы забирали мать с собой. Ей нравилось ходить по участку, часами смотреть на кур, ставили для этого ей табуретку. Нравилось есть с нами, еда у неё вызывала радость, каждую порцию она встречала возгласом восторга: «Творог!», «Сыр!», «Селёдка!», «Чеснок!». Дома в Ульяновске, в одиночестве, она начала скучать. Из-за ковида и карантина стало меньше общения, её подруги по кружку «литераторов» стали реже её навещать. Мы с братом эти её общения восполнить не могли. Отец умер, матери, прозаботившейся о нем всю жизнь, стало не за кем ухаживать. Свободное время заполняла, читая книги и смотря телевизор. Взялась читать одним глазом «Капитанскую дочку» Пушкина. Тогда брат принёс ей ноутбук, в дополнение к её нетбуку, а я скачал аудиокниги и радиопостановки, чтобы она их слушала и не напрягала глаза, которые у неё периодически воспалялись. Она пыталась слушать. Последний год жизни перестала что-то готовить из еды для себя и перешла на булки и пряники.

Летом 2021 года сделала прививку от коронавируса, до этого год отказывалась. Так как мы с братом разошлись во мнении на необходимость прививки, он выступал категорически против, а я категорически за, то вопрос повис в воздухе. А затем мать выкинула финт: сама села на такси, поехала в поликлинику вакцинироваться.

Мать могла сделать такое, что и не подумаешь на неё никак. В 1989 году, при посещении Засвияжского отделения внутренних дел ей показалось, что перед перегородкой, за которой сидел дежурный офицер, на полу лежит «бабушкин» половик, который без её ведома когда-то выкинули в мусорку. Наталья Ивановна посчитала, что этот половик надо вернуть. Так, она подговорила подругу, и та отвлекала дежурного офицера пустыми разговорами, а в это время Наталья Ивановна ползком (дама в возрасте 54 лет) проползла через две входные двери, проползла коридор, схватила ковёр и выползла тем же путём назад на улицу. Перегородка была застеклена у дежурного выше груди, поэтому он ничего не заметил.

Летом 2021 года Наталия Ивановна ещё могла передвигаться самостоятельно по даче в Елизаветино, с двумя палками в руках. Но в январе 2022 года уже перестала вставать с дивана, не могла дойти даже до туалета, ставили ведро рядом с диваном, на него она пыталась ходить. Сначала могла сама спуститься с дивана на ведро, а затем подняться на руках снова на диван. Потом уже не могла, стали её поднимать за руки и садить, чтобы покормить и напоить. Из-за большого веса, почти 90 кг, не могла поднять своё тело на руках, чтобы встать, мышц не стало, а жир остался (к смерти, видно, тоже надо готовиться — худеть). Пришла врачиха, глянула, выписала мочегонное и убежала. В обезболивании отказала, мол, у вас нет рака, не положено. С 20 февраля мать от еды отказалась, стали только сидя поить. Через два дня поили уже лёжа, с ложки, а потом и через трубочку.

21 февраля. Мою её тряпкой. «Не мой меня, дай мне ещё немножко пожить.» Спросил, напилась ли чая? «Да, буду ждать твоих груш». (Вспомнила сладкие Елизаветинские груши). Спросил, будешь по мобильнику разговаривать с внучкой Олей? «Не буду. Потом. Скажи, что сейчас она умирает».

22 февраля. Пою её с серебряной ложки, доставшейся по наследству от тёти Мани, говорю ей об этом, спрашивает: «Она жива?» (т. Маня умерла в 1966 году.)

23 февраля. Утром проснулась, открыла глаза: «Значит, я ещё не умираю?»

24 февраля. Поднимал пить, выпила бокал, чашку уже удержать рукой не может. Теперь я понял буквально значение выражения «цепляться за жизнь», ноги у неё уже отказали, а руки работоспособны и хаотично ищут за что бы им уцепиться, хватаются за спинку дивана и тянут тело за собой. Поим через трубку. Лежит, ей муторно, дрожит, многократно крестится рукой, повторяя: «Господи, смилуйся!»

Последнее фото Наталии Ивановны Тарасовой.
Заехали проведать дачу в Елизаветино, 23 октября 2021 года

25 февраля. Спрашиваю, как ты там? «Прекрасно, сплю в облаках».

27 февраля. Мучаешься? «Мучаюсь...».

Кому какая смерть достаётся. Кому быстрая: инфаркт, инсульт. Кто мучается от рака. Матери досталась смерть от старости. Тихо и мужественно умирала, иногда постанывала, терпела нарастающую интоксикацию, последние 5 дней пролежала в коме. Умерла в 11 часов дня 5 марта 2022 года, в дежурство брата Дмитрия. Отпета и похоронена в могилу мужа на Ишеевском кладбище. На вынос и на поминки пришли её товарищи по литературному обществу, сказали много тёплых слов. Отметили, что по характеру Наталья Ивановна была «тишайшей», боялась обидеть кого-либо из «литераторов» даже словом. И что являлась летописцем их организации, про творчество каждого из членов написала что-то доброе, хорошее.

Мать, умирая, ничего не сказала нам в напутствие, не выразила никакой своей воли, а могла бы. Точно так же, как и умирающий отец. Теперь сижу и думаю, почему? Посчитала, что и так всё будет сделано, как надо? Она начала говорить: «Мы с тобой прожили всю жизнь в дружбе и тёплых чувствах...» Я не поддержал этот разговор. Не захотел подтверждать ей того, что она умирает, понял, что не смогу говорить от слёз и ушёл в другую комнату. А сейчас пишу эти строки, вспоминаю и плачу, жалею, что не успел сказать, что она лучшая в мире мать.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к первому изданию 5
Тарасовы 6
Кривойкины 20
Иван Фёдорович Кривойкин 26
Идзковские 136
Фрейбурги 171
Ольга Юлиановна Идзковская (Кривойкина). 204
Болотовы - Жиливостовы - Кругловы 264
Иван Николаевич Тарасов 291
Наталия Ивановна Кривойкина (Тарасова) 357

Научно-популярное издание

Тарасов Владимир Иванович

ИСТОРИЯ ОДНОГО СЕМЕЙСТВА ЗА ПОСЛЕДНИЕ 200 ЛЕТ

ОПЫТ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ РАЗЫСКАНИЙ

Подписано в печать 24.01.2023. Формат 70x108 1/16. Усл. печ. л. 57,40. Тираж 50 экз. Заказ 1030.
Издатель «Владимир Тарасов». E-meil: vovo.60@mail.ru
Отпечатано в ООО «Типография УАЗ». 432008, г. Ульяновск, Московское шоссе, 86.

ISBN 978-5-600-03345-0

